

ВСЕ МОНАРХИ РОССИИ

ВСЕ МОНАРХИ РОССИИ

ВСЕ МОНАРХИ РОССИИ

ВСЕ МОНАРХИ РОССИИ

600 кратких жизнеописаний

Москва
«Вече»
2003

Вниманию оптовых покупателей!

Книги различных жанров
можно приобрести по адресу:
129348, Москва, ул. Красной сосны, 24.
Акционерное общество «Вече»,
телефоны: 188-16-50, 182-40-74, 188-88-02.

АЛЕКСАНДР I Павлович Романов

Государь император и самодержец Всероссийский в 1801—1825 гг. Сын императора Павла Первого и императрицы Марии Федоровны. Род. 12 дек. 1777 г. Вступил на престол 12 марта 1801 г. Короновался 15 сент. 1801 г. Ж.: с 28 сент. 1793 г. дочь Карла-Людовика, наследного принца баденского, принцесса Луиза-Мария-Августа, императрица Елизавета Алексеевна (род. 13 янв. 1779 г. † 4 мая 1826 г.) † 19 ноября 1825 г.

Многими чертами своего характера Александр был обязан бабушке. Екатерина повторила Елизавету; она, по существу, отобрала сына у матери, определила ему жить в Царском Селе, подле себя, вдалеке от родителей, которые обретались в своих дворцах (в Павловске и Гатчине) и редко появлялись при “большом дворе”.

Известно, что Екатерина была плохой матерью, но она оказалась чуткой и заботливой бабушкой; она боготворила внука, и именно по ее настоянию он был назван Александром в честь св. Александра Невского. Впрочем, ребенок, как это видно из всех отзывов о нем, был мальчиком ласковым и нежным, так что возиться с ним для престарелой императрицы было огромным удовольствием. Еще осенью 1779 года, когда Александру не было и трех лет, Екатерина писала Гримму: “О! Он будет любезен, в этом я не обманусь. Как он весел и послушен, и уже с этих пор старается нравиться”. Екатерина усердно занималась воспитанием внука, сама составила для него “Азбуку”, в которой не только даны были конкретные указания его воспитателям, но и заложены принципы самого воспитания. При этом императрица руководствовалась идеями Руссо о естественности и простоте. В Наставлении “о

сохранении здоровья” царственных питомцев (Александра и его брата Константина) Екатерина предписывала, чтобы их платье было как можно проще и легче, чтобы пища была простая, и, “буде кушать захотят между обедом и ужином, давать им кусок хлеба”. Императрица желала, чтобы юные князья и летом, и зимой оставались как можно чаще на свежем воздухе, на солнце и на ветру, а зимой по возможности реже возле огня, и чтобы зимой в их комнатах было не более 13 или 14 градусов по Реомюрову термометру (16—18 °С). Весьма полезным считала она, чтобы дети учились плавать. Приказано было им спать “не мягко”, а на тюфяках под легкими одеялами, ложиться и вставать рано.

Столь же подробно даны были наставления по нравственному воспитанию внуков. Учителя должны были “стараться при всех случаях вселять в детях человеколюбие и даже сострадание ко всякой твари... Главное достоинство воспитания детей, — писала Екатерина, — состоять должно в любви к ближнему, в общем благоволении к роду человеческому, в доброжелательстве ко всем людям, в ласковом и снисходительном обращении со всеми, в добронравии, чистосердечности, в удалении гневной горячности, боязливости и пустого подозрения...” Обман и неправда и в игре не должны быть терпимы, как бесчестное и постыдное дело. Приказано было: “Если кто из воспитанников солжет, то в первый раз выказать удивление тому,

Александр I
Павлович
(Благославенный)

как поступку странному, неожиданному и неприличному, если же опять солжет, то сделать виновному выговор и обходиться с ним холодно и с презрением, а буде, паче чаяния, не уймется, то наказать, как за упрямство и непослушание".

Когда великий князь и следовавший за ним Константин стали подрастать, бабушка подобрала штат воспитателей. Главным наставником, воспитателем политической мысли великих князей был избран полковник Лагарп, швейцарский республиканец, восторженный, хотя и осторожный поклонник отвлеченных идей французской просветительной философии. Учить великого князя русскому языку и истории, а также нравственной философии был приглашен Михаил Никитич Муравьев, весьма образованный человек и неплохой писатель. Лагарп, по его собственному признанию, принялся за свою задачу очень серьезно как педагог, сознающий свои обязанности по отношению к великому народу, которому готовил властителя: он начал читать и в духе своих республиканских убеждений объяснять великим князьям латинских и греческих классиков Демосфена, Плутарха и Тацита, английских и французских философов и историков Локка, Гиб-

бона, Мабли, Руссо. Во всем, что он говорил и читал своим питомцам, шла речь о могуществе разума, о благе человечества, о договорном происхождении государства, о природном равенстве людей, о справедливости, но более и настойчивее всего о природной свободе человека, о нелепости и вреде деспотизма, о гнусности рабства. Все это говорилось и читалось будущему русскому самодержцу в возрасте от 10 до 14 лет. Одному Богу известно, как хотели примирить эти возвышенные взгляды с тогдашней русской действительностью, и думали ли об этом вообще. Сам Александр чрезвычайно высоко ценил Лагарпа. Позже он признавался Чарторижскому, что "именно Лагарпу он был обязан всем тем, что было в нем хорошего, всем, что знал, и всем тем принципам правды и справедливости, которые он счастлив носить в своем сердце и которые были внушены ему Лагарпом".

Александр рос умным и понятливым ребенком, но не слишком усидчивым и трудолюбивым. Его воспитатель Протасов писал в 1791 году: "Замечается в Александре Павловиче много остроумия и способностей, но совершенная лень и нерадивость узнавать о вещах... Действует в нем одно желание веселиться и быть в покое праздности. Дурное положение для человека его состояния".

Продолжая далее свой отзыв, Протасов писал: "От некоторого времени замечаются в Александре Павловиче сильные физические желания как в разговорах, так и по сонным грезам, которые умножаются по мере частых бесед с хорошими женщинами". Опытная в чувственных делах Екатерина, вероятно, и сама замечала "сильные физические желания" юноши. К тому же ей хотелось, чтобы Александр как можно скорее попал в положение взрослого человека: ей хотелось, чтобы все привыкли смотреть на ее любимца как на будущего императора. Надо было поскорее женить юношу. Екатерина навела справки

Великий князь Александр Павлович

у своих послов, и ее выбор остановился на баденских принцессах. Их было в Бадене несколько и, по уверению их знавших, одна другой лучше. В октябре 1792 года две принцессы, Луиза и Фредерика, прибыли в Петербург. Фредерика была совсем ребенок, а старшей, Луизе, исполнилось четырнадцать лет. Она-то и сделалась невестой Александра.

Молодые люди сначала дичились друг друга — особенно смущался Александр, который дня два вовсе не разговаривал с предназначенной для него девицей. Но в конце концов миловидность принцессы покорила сердце юноши. Протасов из разговоров с воспитанником вскоре заключил, что “он прямые чувства нежности начинает иметь к принцессе”. По этому поводу Протасов счел нужным распространиться о любви как о чувстве Божественном и духовном. Екатерина, смотревшая на любовь совсем иначе, не постыдилась поручить одной из дам подготовить Александра к брачному ложу, научив его тайнам “тех восторгов, кои рождаются от сладострастия”. Трудно сказать, сколь успешны были эти уроки и насколько буквально выполнялось указание императрицы. Но достоверно известно, что характер великого князя после женитьбы не претерпел больших перемен. “В течение октября и ноября (1793 г.) поведение Александра Павловича, — писал Протасов, — не соответствовало моему ожиданию. Он прилепился к детским мелочам, а паче военным, и, следуя прежнему, подражал брату, шалил непрестанно с прислужниками в своем кабинете весьма непристойно. Всем таковым непристойностям, сходственным его летам, но не состоянию, была свидетельница супруга”. Протасов беспокоился, что поведение Александра могло повредить ему во мнении его жены, но та еще до свадьбы избавилась от романтических представлений о своем женихе. В январе 1793 года она писала своей матери: “Вы спрашиваете, нравится ли

Император в юности

мне по-настоящему великий князь. Да, он мне нравится. Когда-то он мне нравился до безумия... но когда люди узнают друг друга лучше, замечают ничтожные мелочи, о которых можно говорить сообразно вкусам, и есть у него кое-что из этих мелочей, которые мне не по вкусу и которые ослабили мое чрезмерное чувство любви. Эти мелочи не в его характере, я уверена, что с этой стороны он безупречен, но в его манерах, в чем-то внешнем...”

В начале 1795 года Лагарп был уволен, и Александр совсем перестал учиться и работать. Современники уверяют, что он забросил книги и единственной обязанностью его были занятия на военном плацу в Гатчине, которым он предавался по воле отца.

***

Вообще, касаясь отношений Александра с Павлом, надо сказать, что они всегда были непростыми — слишком велико было несходство натур и характеров. Деспотически несдержанный отец подавлял сына, за внешней почтительностью которого скрывались страх и растущая с годами ненависть. Интриги Екатерины еще более запутали их. Уже в 1787 году императрице явилась мысль передать после себя престол внуку, минуя нелюбимого

сына. В 1793—1794 годах советники Екатерины всерьез рассматривали возможность отстранения Павла от престола. Таким образом, и отец, и сын были осведомлены о планах Екатерины и противопоставлены друг другу. Известно, что Александр написал отцу письмо, в котором заранее безоговорочно отказался от короны в его пользу. Но подозрительный Павел не удовлетворился этим. Он заставил сына в присутствии Аракчеева принести клятву верности себе, как будущему императору. Александр выполнил его желание и назвал Павла “императорским высочеством”. Несомненно, эта сцена была тягостна для обоих и не добавила взаимной любви.

Обстоятельства рано приучили Александра к скрытности и притворству. В течение многих лет он должен был жить между двух дворов, совершенно не похожих друг на друга. Каждую пятницу великий князь отправлялся в Гатчину, чтобы присутствовать на субботнем параде, а вечером возвращался в Петербург и являлся в залу Зимнего дворца. Однако и там и здесь он ощущал себя чужим. Весной 1796 года, незадолго до смерти Екатерины, Александр писал своему приятелю Кочубею: “Мое положение меня вовсе не удовлетворяет. Оно слишком блистательно для моего характера, которому нравятся исключительно тишина и спокойствие. Придворная жизнь не для меня создана. Я всякий раз страдаю, когда должен являться на придворную сцену, и кровь портится во мне при виде низостей, совершаемых на каждом шагу для получения внешних отличий, не стоящих в моих глазах медного гроша. Я чувствую себя несчастным в обществе таких людей, которых не желал бы иметь у себя лакеями, а между тем они занимают здесь высшие места...”

В это же время судьба свела Александра с польским аристократом князем Чарторижским, попавшим в Петербург в качестве заложника. Однажды Александр

пригласил Адама Чарторижского к себе в Таврический дворец. Они вышли в сад, и Александр гулял со своим гостем часа три, изумляя поляка своей откровенностью и свободомыслием. “Великий князь сказал мне, — вспоминал позже Чарторижский в своих мемуарах, — что он нисколько не разделяет воззрений и правил кабинета двора; что он далеко не одобряет политики и образа действия своей бабки; что он порицает ее принципы; что все его желания были на стороне Польши и имели предметом успех ее славной борьбы; что он оплакивал ее падение... Он сознался мне, что ненавидит деспотизм повсюду, во всех его проявлениях, что он любит свободу, на которую имеют одинаковое право все люди; что он с живым участием следил за французской революцией; что, не одобряя этих ужасных заблуждений, он все же желает успеха республике и радуется ему... Он утверждал, между прочим, что наследственность престола была несправедливым и бессмысленным установлением, что передача верховной власти должна зависеть не от случайностей рождения, а от голосования народа, который сумеет выбрать наиболее способного правителя”.

С этой встречи между двумя молодыми людьми завязалась многолетняя дружба. Вскоре Чарторижский открыл, что не только политические взгляды, но и само мироощущение Александра мало соответствовали его положению наследника престола. “Великий князь, — вспоминал Чарторижский, — любил смотреть на сельские работы, на грубую красоту крестьянок; полевые труды, простая спокойная жизнь в уединении: таковы были мечты его юности”.

***

В ноябре 1796 года Екатерина умерла, Павел сделался императором и положил конец рассеянной жизни своих сыновей. В 1797 году Александр был Петербургским военным губернатором, ше-

фом гвардейского Семеновского полка, командующим столичной дивизии, председателем комиссии по поставкам продовольствия и выполнял еще ряд других обязанностей. С 1798 года он, кроме того, председательствовал в военном парламенте, а начиная со следующего года заседал в Сенате и Государственном Совете. Но, кажется, более всего досаждала ему обязанность участвовать в постоянных парадах.

Наблюдая с разных сторон придворную и государственную жизнь, Александр положительно не одобрял ее. "Вам известны, — писал он Лагарпу, — различные злоупотребления, царившие при покойной императрице; они увеличивались по мере того, как ее здоровье и силы, нравственные и физические, стали слабеть... Мой отец, по вступлении на престол, захотел преобразовать все решительно. Его первые шаги были блестящими, но последующие события не соответствовали им. Все сразу перевернулось вверх дном, и потому беспорядок, господствовавший в делах и без того в слишком сильной степени, лишь увеличился еще. Военные почти все свое время теряют исключительно в парадах. Во всем прочем решительно нет никакого строго определенного плана. Сегодня приказывают то, что через месяц будет уже отменено. Доводов никаких не допускается, разве уж тогда, когда все зло совершилось. Наконец, чтоб сказать одним словом — благосостояние государства не играет никакой роли в управлении делами: существует только неограниченная власть, которая все творит шиворот-навыворот... Мне думалось, что если когда-либо придет и мой черед царствовать, то, вместо добровольного изгнания себя, я сделаю несравненно лучше, посвятив себя задаче даровать стране свободу и тем не допустить ее сделаться в будущем игрушкой в руках каких-нибудь безумцев. Это заставило меня передумать о многом, и мне кажется, что это было бы

лучшим образцом революции, так как она была бы произведена законной властью, которая перестала бы существовать, как только конституция была бы закончена и нация избрала бы своих представителей".

Это любопытное письмо показывает, что Александр не только тяготился своим положением, но и мысленно как бы ставил себя на место отца. Между тем их отношения портились день ото дня. Павел делался все более груб с женой и старшими сыновьями. Тщетно Александр, стараясь обезоружить недоверие и гнев отца, выказывал к нему все более предупредительности и уважения, вел с женой уединенную жизнь, окружал себя исключительно людьми преданными государю, не принимал никого, разговаривал только в присутствии императора, Павел не унимался. Без всякой причины и даже вопреки здравому смыслу, он подозревал всех вообще и своих близких больше других. Вечно настороже, он следил за каждым движением своего наследника, пробовал заставить его врасплох, часто неожиданно входя в его комнату. Говорят, будто однажды он нашел у него на столе трагедию "Брут" Вольтера, раскрытую на странице, где находился стих: "Рим свободен, довольно, возблагодарим богов". Вернувшись молча к себе, Павел будто бы поручил Кутайсову отнести сыну "Историю Петра Великого", раскрытую на странице, где находился рассказ о смерти царевича Алексея. Александр достаточно хорошо знал отца, чтобы оценить эту мрачную шутку.

Тем временем популярность Александра росла по мере того, как усиливалась ненависть к Павлу. Рассказывали, что, когда сын бросался на колени, заступаясь за жертвы государева гнева, Павел отвергал его просьбы, толкая ногой в лицо. Говорили, что наследник выставил в окно одной из своих комнат зрительную трубу, чтобы знать, когда повезут через Царицын Луг несчастных, отсылаемых в Сибирь с плач-парада. При появлении зловещей

тройки доверенный слуга великого князя будто бы скакал к городской заставе и передавал пособие сосланному. Очевидно, что эти слухи не имели под собой ни малейшего основания. Тем не менее заговорщики, подготавливавшие свержение Павла, очень рассчитывали на всеобщую симпатию, которую внушал к себе наследник.

***

Подготовка переворота была начата в 1800 году вице-канцлером Паниным, который не замедлил открыться молодому великому князю. "Император Александр рассказывал мне, — передает Чарторижский, — что граф Панин первый заговорил с ним об этом". Палену, который был в это время на вторых ролях, удалось устроить свидание между Паниным и Александром в бане. Панин, изобразив в красноречивых выражениях критическое положение империи, старался не оскорбить сыновнего чувства наследника. В качестве примера он привел Англию и Данию, имевших уже печальный опыт удаления от власти душевнобольных государей. Точно так же без насильственных мер мог быть устраним и Павел. От великого князя ждали только согласие занять престол.

Александр отказался. Однако он не обнаружил ни малейшего негодования, сохранил доверенную ему тайну и в дальнейшем продолжал сношения с заговорщиками. Когда во главе заговора встал сам Пален, которому наследник доверял больше, чем Панину, Александр определенно высказал свое согласие. Но очевидно, что ему меньше всего хотелось быть замешанным в это дело. Всю техническую часть переворота: вербовку сторонников, выбор места и времени взял на себя Пален. Александр знал обо всех подробностях заговора, но как бы не участвовал в нем. Однако, когда Пален сообщил о решении провести наступление на Михайловский замок в ночь с 9 на 10 марта, Александр возразил, что 9 марта было бы

рискованно действовать, ибо в дворцовом карауле находятся преданные государю преобразенцы, но зато с 11 на 12 марта там будет по очереди караул от 3-го батальона семеновцев, за преданность которых ему, Александру, он ручается... Пален не сразу согласился отложить назначенное предприятие и говорил, что весь заговор может быть раскрыт за два дня. Но Александр стоял на своем, и переворот был отложен.

Между тем ожидание нелегко далось ему. К 11 марта Александр совершенно лишился сил. Напряжение сменилось в нем тупым бесчувствием. В десять часов вечера он позвал камерфрау Гесслер в спальню жены и велел ей дожидаться прихода графа Палена. Пален пришел, когда все уже было кончено, в половине второго ночи. Гесслер вошла в спальню и увидела, что Александр спит крепким сном, а великая княгиня, сидя около него, заливается слезами. Обеим женщинам стоило большого труда разбудить спавшего. Наконец, встав и одевшись, Александр вышел в прихожую, и Пален, обращаясь к нему, назвал его "ваше величество". Другие заговорщики требовали, чтобы Александр немедленно показался войскам. Но Александр хотел знать, что с отцом. Когда он услышал о смерти Павла, с ним сделалось дурно, и его пришлось отнести в его комнату. Через некоторое время врач Роджерсон нашел его там. Александр и Елизавета сидели обнявшись в углу и при этом так горько плакали, что не заметили, как он вошел.

Потрясение оказалось слишком сильным. Мечтая о преобразованиях, которые он проведет в России, Александр, очевидно, сознательно обходил вопрос о том, какова будет судьба Павла. Эту проблему должны были решить за него, но так, чтобы все оставалось прилично и благопристойно. И вот случилось так, что пьяная толпа с его ведома пробралась тайком в опочивальню его отца и после жестокой

борьбы, пустив в ход кулаки и сапоги со шпорами, задушила его шарфом. Грубость происшедшего была чудовищной. Но и этого мало — преступники явились к нему и требуют, чтобы он немедленно, переступив через кровь, шел занимать опустевший трон. Все, что было благородного в Александре, возмутилось против этого кощунства. К немалому ужасу заговорщиков, Александр вдруг объявил о том, что не может быть императором. “Ведь все скажут, — стонал он, — что убийца — это я”. Палену пришлось употребить всю свою энергию, чтобы привести молодого государя в себя. “Перестаньте ребячиться, — сказал он наконец, — и идите царствовать”.

Делать было нечего — Александр согласился выйти к караулу Преображенского полка, однако он не знал, что сказать солдатам, которые выглядели очень враждебно. Заговорщики пытались кричать: “Да здравствует император Александр Павлович!” Но ответом было глухое молчание. Пален, быстро подталкивая Александра, подошел к семеновцам. С ними новый император почувствовал себя лучше, ведь это был его собственный полк. Сдавшемуся на мольбы и уверения Палена, шептавшего ему: “Вы губите себя и нас”, Александр пролепетал несколько слов, которые ему подсказали. Он объявил, что Павел умер от апоплексического удара и что сам он будет править, подражая Екатерине. На этот раз раздалось восторженное “Ура!”, и Пален вздохнул свободно. Александр отправился в Зимний дворец. Здесь с ним случился новый обморок, и он снова заговорил о передаче власти тому, “кто захочет ее принять”, но уже не так настойчиво. Множество людей суенилось вокруг него. Необходимо было составлять манифест о восшествии на престол, думать об отмене последних распоряжений Павла, приводить к присяге народ. С этих забот началось царствование Александра, длившееся двадцать пять лет. События этой ночи, по свидетельству самых близ-

Великий князь Александр Павлович

ких к императору людей, произвели на него неизгладимое впечатление. “Он был положительно уничтожен смертью отца и обстоятельствами ее сопровождавшими, — вспоминала позже императрица Елизавета. — Его чувствительная душа осталась растерзанной всем этим навеки!” Но тогда же он понял очевидную неизбежность всего происшедшего и заставил себя смириться с ней, хотя и не искал для себя оправданий. “Все неприятности и огорчения, какие мне встретятся в жизни, — сказал однажды Александр, — я буду теперь носить как крест”.

***

Первым шагом Александра была отмена наиболее одиозных запретов его отца. Затем дело надолго стало, поскольку более серьезные реформы надо было обдумать и обсудить основательно. Впрочем, подавляющая масса дворянства вполне удовлетворена была уже сделанным и не помышляла о большем. Вступление Александра на престол возбудило в русском обществе самый шумный восторг. Карамзин говорит, что слух о воцарении нового

императора был принят всем дворянством как весть искупления. Люди на улицах и в домах плакали от радости; при встрече знакомые и незнакомые поздравляли друг друга и обнимались, точно в день Светлого Воскресения. Но скоро и сам 24-летний император сделался предметом восторженного внимания и обожания. Самая наружность и простота Александра производили обаятельное действие. Государь не любил пышности и роскоши. Обычно он держал себя как простой гвардейский офицер и пренебрегал державным церемониалом. Его, например, можно было видеть гуляющим по столице пешком безо всякой свиты и приветливо отвечающим на поклоны встречающих.

Некоторую настороженность и опаску вызывали у многих лишь либеральные причуды нового императора. Хотя Александр и не торопился с преобразованиями, взглядов своих он не скрывал. Так, по случаю коронации были объявлены разные награды, но, вопреки обычаю, совсем не раздавались крестьяне. Многие сановники остались недовольны этим. Одному из таких недовольных Александр сухо заметил: "Большая часть крестьян в России рабы: считаю лишним распространяться об унижении человечества и о несчастьи подобного состояния. Я дал обет не увеличивать числа их и потому взял за правило не раздавать крестьян в собственность".

***

Но это были лишь благие намерения. Как реально взяться за дело, Александр не знал. Едва ли можно было ждать помощи от прежних государственных деятелей екатерининского времени, поэтому с первых дней нового царствования императора окружили молодые друзья, которых он призвал помогать ему в преобразовательных работах. То были люди, воспитанные в самых передовых идеях XVIII века и хорошо знакомые с государственными порядками Запада: граф Кочубей, Новоси-

цев, граф Строганов и князь Адам Чарторижский. Уже в мае 1801 года Строганов предложил молодому царю образовать негласный комитет и в нем обсуждать планы государственного преобразования. Александр охотно согласился, и друзья шутя называли свой тайный комитет Комитетом общественного спасения.

Эти тайные собрания поначалу происходили два или три раза в неделю. После кофе и общей беседы император удалялся, и в то время как все приглашенные разъезжались, четыре человека пробирались, как заговорщики, по коридору в одну из внутренних комнат, где их ждал Александр. Здесь вершились судьбы России, но пока еще отвлеченно и не совсем согласованно. Чарторижский вспоминал позже об этих вечерних встречах: "Каждый нес туда свои мысли, свои работы, свои сообщения о текущем ходе правительственных дел и о замеченных злоупотреблениях власти. Император вполне откровенно раскрывал перед нами свои мысли и свои истинные чувства. И хотя эти собрания долгое время представляли собой простое препровождение времени в беседах, не имеющих практических результатов, все же надо сказать правду, что не было ни одного внутреннего улучшения, ни одной полезной реформы, намеченной или проведенной в России в царствование Александра, которые не зародились на этих именно тайных совещаниях".

Благодаря дневнику Строганова есть возможность проследить за деятельностью комитета. Молодые реформаторы сразу затронули в своих беседах самые разнообразные государственные вопросы. Положено было предварительно изучить настоящее положение империи, потом преобразовать отдельные части администрации и эти отдельные реформы завершить "уложением, установленным на основании истинного народного духа".

Начали с центрального управления. В ходе своих реформ Екатерина оставила

незавершенным здание центрального управления; создав стройный и сложный порядок местной администрации и суда, она не дала правильных центральных учреждений с точно распределенными ведомствами, с ясным обозначением их функций и границ их полномочий. Александр продолжил работу бабки. Собиравшийся прежде по личному усмотрению императрицы Государственный совет был заменен 30 марта 1801 года постоянным учреждением, получившим название "Непременного совета", для рассмотрения и обсуждения государственных дел и постановлений. Он был организован на скорую руку, состоял из 12 высших сановников без разделения на департаменты. Затем подверглись преобразованию петровские коллегии. Манифестом 8 сентября 1802 года их реорганизовали в восемь министерств с комитетом министров для обсуждения дел, требующих общих соображений. Это было совершенно новое явление в системе русских центральных учреждений.

Одновременно с административными реформами были затронуты и общественные отношения. Здесь также сразу обозначилось направление, в каком предполагалось действовать; направление это состояло в уравнивании всех сословий перед законом. В связи с этим робко затронули щекотливый вопрос о крепостном праве. Рядом мер с начала царствования было заявлено намерение правительства постепенно подготовить умы к упразднению этого института. Так, в правительственных периодических изданиях запрещено было печатать сообщения о продаже крестьян без земли. С 1801 года прекратилась раздача населенных имений в частную собственность. 12 декабря 1801 года обнародован еще более важный указ, позволявший лицам всех свободных состояний приобретать в собственность недвижимое имущество без крестьян. Этот закон разрушил вековую

землевладельческую монополию дворянства, которое одно до того пользовалось правом приобретать землю в личную собственность. 20 февраля 1803 года издан был указ о свободных хлебопашцах. Отныне помещики могли вступать в соглашение со своими крестьянами, освобождая их непременно с землей целыми селениями или отдельными семьями. Эти освобожденные крестьяне не записывались в другие состояния, образовывали особый класс "свободных хлебопашцев".

***

Вскоре бурные внешнеполитические события отвлекли Александра от внутренних реформ. В первые годы после своего восшествия на престол император старался поддерживать ровные отношения со всеми европейскими державами. Но вот в марте 1804 года отряд французской жандармерии вторгся на территорию Бадена, арестовал герцога Энгийенского и увез его во Францию. Вскоре герцог был расстрелян по приговору военного суда. Это роковое преступление вооружило против Наполеона всю монархическую Европу. Особенно был возмущен Александр. Он потребовал, чтобы французы ушли из северной Германии и Неаполя. Наполеон отказался, и в августе 1804 года дипломатические отношения между двумя государствами были прерваны. Александр отправил в Лондон Новосильцева для соглашения о новой коалиции и с этого времени с головой ушел в хитросплетения внешней политики. Здесь он имел гораздо более простора для приложения своих любимых либеральных идей, чем в крепостнической России. Новая коалиция, по мысли Александра, должна была не просто сломить могущество Наполеона, но и заложить в Европе основы нового порядка. В начале 1805 года английский парламент вотировал 5 миллионов фунтов на военное пособие континентальным державам, в марте был подписан англо-русский со-

юзный договор. А в конце мая Наполеон объявил о присоединении к Франции Генуи, тогда же Лукка сделалась владением сестры императора. Это подвигло на решительные действия Австрию. В июле она присоединилась к англо-русскому союзу. Прусский король пока еще продолжал колебаться и не торопился начинать войну с Наполеоном. Александр решил отправиться в Берлин и лично уговорить Фридриха-Вильгельма примкнуть к коалиции.

Но в то время как союзники вели переговоры, Наполеон уже действовал. Время работало не на него, и он это прекрасно понимал. К октябрю австрийцы вместо 250 тысяч солдат успели подготовить только 80, а вместо 180-тысячной русской армии к месту боевых действий успел подойти только 50-тысячный корпус Кутузова. Между тем Наполеон поднял и менее чем за три недели перебросил из Булонского лагеря на Дунай свою 186-тысячную армию. Прежде всего он напал на австрийскую армию Мака и в трех сражениях полностью уничтожил ее. Остатки корпуса Мака отступили к Ульму и 20 октября сдались.

Под впечатлением этих событий произошло свидание Александра с прусским королем в Берлине. Антифранцузские настроения во всех слоях германского общества были тогда очень сильны. Александра повсюду встречали как главу коалиции с величайшим воодушевлением. Его спокойная уверенность в своих силах всем внушала оптимизм. Казалось, что нашелся наконец человек, который остановит Наполеона. Даже робкий Фридрих-Вильгельм воспрянул духом и решился наконец ужесточить свою политику по отношению к Франции. Своим личным обаянием Александр сделал то, чего не мог достичь через своих дипломатов. Правда, Пруссия не присоединилась к коалиции, а лишь приняла на себя вооруженное посредничество. Но и этим достигалось многое. Наполеону грозил союз всей Европы.

В последний день свидания Александра с Фридрихом-Вильгельмом в Потсдаме, после затянувшегося ужина, Алек-

сандр предложил спуститься в склеп, где покоились останки Фридриха Великого. Король и королева Луиза охотно согласились. Свиты с ними не было. Александр коснулся губами гробовой крышки своего гатчинского кумира. В присутствии королевы Луизы император и король поклялись над гробницей в вечной дружбе. Под впечатлением этой романтической сцены Александр направился прямо на театр военных действий в Австрию.

После встречи с Францем оба императора поехали в Ольмюц, куда с тяжелыми арьергардными боями отошла армия Кутузова. 16 ноября Александр впервые участвовал в настоящем сражении. Это была успешная для союзников стычка у Вишау. Император скакал вместе с наступающими колоннами, прислушиваясь к свисту пуль. Потом он задержал коня и, когда пальба стихла, мрачно и безмолвно ездил по полю, рассматривая мертвых в лорнет и тяжело вздыхая. В этот день он ничего не ел.

Оба императора стояли за то, чтобы немедленно дать Наполеону генеральное сражение. Кутузова, который предлагал продолжать отступление, не стали слушать. Гораздо охотнее Александр внимал своим молодым советникам. Это были дни "молодых", и партия "стариков" оказалась решительно устраненной.

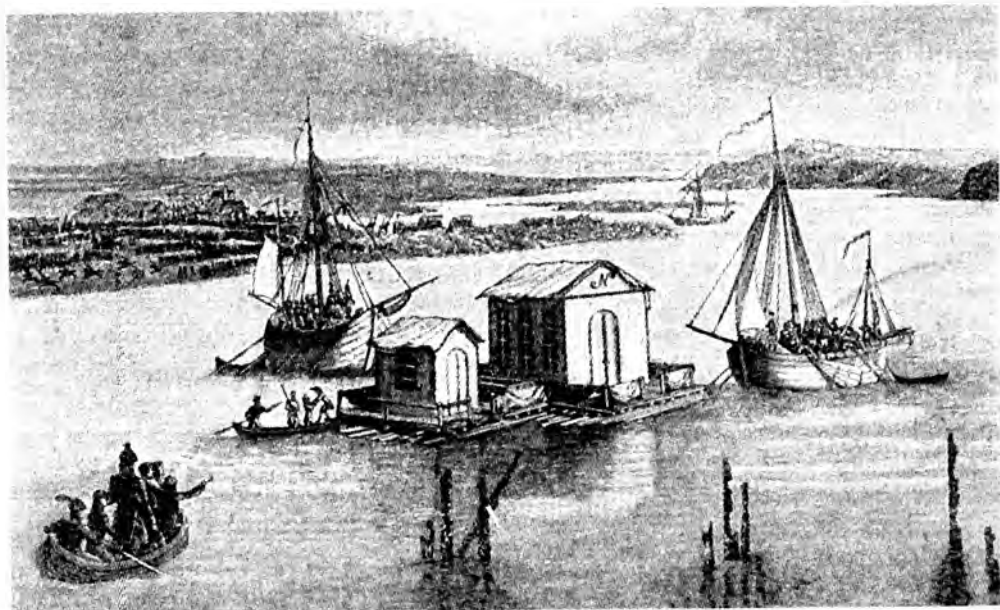
На рассвете 20 ноября началось Аустерлицкое сражение. Обезжая войска вместе с Кутузовым, Александр спросил у него: "Ну что, как вы полагаете, дело пойдет хорошо?" — "Кто может сомневаться в победе под предводительством Вашего Величества!" — отвечал Кутузов. Александр нахмурился и возразил: "Нет, вы командуете здесь, а я только зритель". Кутузов покорно склонил голову. Он несколько не скрывал, что не верит в успех баталии. Действительно, бой под Аустерлицем продолжался недолго. Часа через полтора после первых встреч с неприятелем союзные войска поколебались. Покинутые русскими Праценские высоты оказались в руках французов, и это было началом конца.

По смущенным и растерянным лицам своей свиты Александр догадался, что сражение проиграно. Следуя за четвертой колонной, он попал под неприятельский огонь. В нескольких шагах от него была ранена картечью лошадь лейб-медика Вилье. Свист холодного ноябрьского ветра смешивался со свистом пуль. Мимо императора бежали батальоны, повернув спины к неприятелю. Императорская свита рассеялась. За Александром следовали только Вилье и берейтор Ене. Александр остановился и тотчас же был весь осыпан землей. Это упало рядом неприятельское ядро. Беспорядочная толпа беглецов увлекла государя, и он очутился, на опустевшем поле, покрытом трупами. Темнело, и лошадь несколько раз наступала на мертвецов. Неожиданно ров перерезал дорогу, и Александр никак не решался перескочить его. Наконец Ене ударил лошадь Александра, и они очутились по ту сторону рва. Александр слез с лошади, сел на землю и закрыл лицо руками. Это была одна из самых тягостных минут в его жизни.

Позже Александр говорил: "Я был молод и неопытен. Кутузов говорил мне, что нам надо было действовать иначе, но ему следовало быть в своих мнениях настойчивее". Только теперь он понял и оценил Наполеона. В следующие же после Аустерлица дни он был покинут своими союзниками. Император Франц напрямую заявил, что продолжать борьбу совершенно невозможно. "Делайте, что хотите, — отвечал Александр, — но не вмешивайте меня ни под каким видом". Политический конфликт приобрел для него отныне личную окраску. 14 декабря был заключен Прессбургский мир. Перед его подписанием Наполеон потребовал, чтобы русские войска ушли из Австрии. Третья коалиция развалилась. Англия и Швеция отзывали свои войска. Александр почувствовал себя оставленным всеми в единоборстве с Наполеоном. И это еще углубило горечь поражения.

***

С Францией не было ни мира ни войны, но Александр был уверен, что новое

Свидание императора с Наполеоном на Немане

столкновение с Наполеоном только вопрос времени. Дело было за союзниками. После разгрома Австрии шло сближение с Пруссией, положение которой, несмотря на союз с Наполеоном, было очень не простым. Фридрих-Вильгельм стоял перед нелегким выбором: должно ли его стране оставаться великой европейской державой, или ей надлежит превратиться в вассала Франции. Александр всеми силами старался возбуждать в своем царственном собрате воинственное настроение и безусловно обещал помощь России в том случае, если Пруссия вступит в войну с Наполеоном.

В октябре 1806 года король наконец решился открыть военные действия. При этом он очень рассчитывал на поддержку Александра. Но стремительность Наполеона вновь смешала все карты. 8 октября французы начали наступление, 10-го прусская армия потерпела поражение при Сальфельде, а 14-го была окончательно разгромлена при Йене и Ауэрштедте. 27 октября Наполеон с триумфом вступил в Берлин и предложил Фридриху-Вильгельму мир. Король отказался — русская армия уже вошла в Пруссию, и исход войны оставался под вопросом. 14 декабря русский корпус под командованием Бенигсена имел удачный бой с французами под Пултуском, а 26—27 января 1807 года произошла страшная кровопролитная битва под Прейсиш-Эйлау. Исход ее остался нерешенным, но уже и то, что она не была проиграна, произвело громадное впечатление.

26 апреля Александр встретился с Фридрихом-Вильгельмом в Бартенштейне и уговорил его не подписывать с Наполеоном мир. Бенигсен сумел убедить императора, что под Прейсиш-Эйлау Наполеону было нанесено тяжелое поражение. Теперь оставалось только добить его. В начале лета 1807 года Александр прибыл к войскам, 5 июня русская армия перешла в наступление, а 14-го она была раз-

бита под Фрисландом. Потеряв больше 25 тысяч человек и оставив в руках неприятеля всю свою артиллерию, Бенигсен отступил за Неман.

Александр узнал о Фрисландском разгроме утром 15 июня, когда прибыл в Тильзит. Бенигсен испрашивал разрешения на заключение перемирия. Александр дал его, и 19 июня перемирие было заключено. Еще до этого пришлось переехать в Шавли, поскольку Тильзит заняли французы и здесь остановился Наполеон. Хотя русская армия сохранила боеспособность, ряд причин заставил Александра решиться на прекращение войны. Прежде всего старания Наполеона вызвать разрыв между Россией и Турцией увенчались наконец успехом. В декабре 1806 года русские войска вступили в Молдавию и Валахию. Война с самого начала оказалась нелегкой и опасной, потому что немедленно обострила отношения с Австрией и с Англией, затруднив русской дипломатии возможность искать где-либо поддержки в дальнейшей борьбе с Наполеоном. Между тем Наполеон стоял почти на границе России. При отсутствии союзников реальной становилась перспектива перенесения войны в глубь страны, а значит, и перспектива полного уничтожения Пруссии и восстановления Польши под эгидой французского императора. Но была и другая, не менее серьезная причина для прекращения войны. Не хватало денег для ее ведения. До сих пор военные издержки в значительной степени покрывались английскими субсидиями. Теперь этот источник иссяк. В начале 1806 года Александр обращался к Англии с просьбой о займе и получил сильно оскорбивший его отказ.

После ратификации перемирия 25 июня состоялась встреча двух императоров. Чтобы Александру не переправляться на французский, завоеванный берег Немана, а Наполеону — на русский, на самой середине реки был утвержден плот с двумя великолепными павильона-

ми. На французском берегу была выстроена вся наполеоновская гвардия, на русском — небольшая свита Александра. Как только оба императора одновременно высадились на плоту, Наполеон обнял Александра, и они ушли в павильон, где немедленно началась продолжавшаяся почти два часа беседа. Ни тот ни другой не оставили потомкам систематического изложения этого разговора, но несколько фраз сделались известными, а общий смысл беседы в конечном счете отразился в подписанном спустя несколько дней мирном трактате. "Из-за чего мы воюем?" — спросил Наполеон. "Я ненавижу англичан настолько же, насколько вы их ненавидите, и буду вашим помощником во всем, что вы будете делать против них", — сказал Александр. "В таком случае все может устроиться и мир заключен", — ответил Наполеон.

26 июня Александр по приглашению Наполеона приехал в Тильзит, и свидания между императорами с этих пор происходили каждый день. Сначала Наполеон никого из своих министров не допускал к переговорам. "Я буду вашим секретарем, а вы моим секретарем", — сказал он Александру. Почти с первых слов Наполеона обнаружилось поистине отчаянное положение Пруссии. Наполеон просто предлагал ее поделить: все к востоку от Вислы пусть берет себе Александр, а к западу — Наполеон.

Александр считал для себя вопросом чести спасти своего друга Фридриха-Вильгельма. Ради этого ему пришлось пожертвовать очень многим: он не только вступил в союз с Наполеоном, но и присоединился к явно гибельной для русской торговли континентальной блокаде, допустил образование герцогства Варшавского, очевидной базы для французской армии в случае разрыва союза, принял французское посредничество между Россией и Турцией. В конце концов в договоре было записано, что Наполеон оставляет Фрид-

риху-Вильгельму "Старую Пруссию", Померанию, Бранденбург и Силезию "из уважения к его величеству императору все-российскому". Все остальные земли у Пруссии были отобраны. 8 июля договор был окончательно подписан, после чего до позднего вечера в Тильзите шли празднества и смотры. Оба императора в течение всего дня были неразлучны и всячески демонстрировали свою дружбу. 9 июля Александр и Наполеон произвели вместе смотр французской и русской гвардии и затем, расцеловавшись перед войсками и массой собравшихся у Немана зрителей, расстались.

***

Несмотря на все попытки сохранить лицо, Александр пошел на большие личные унижения при подписании Тильзитского мира. Он заключал мир под страшным гнетом неудач, разочарования, в оскорбительном сознании своего бессилия перед врагом, равенства которого с собой (не то что превосходства) он не мог

Императрица Елизавета Алексеевна

признать даже внешне без тягостной внутренней борьбы. Путь, на который поставило императора примирение с Наполеоном, стал тем тяжелее для него, что в придворных и вообще дворянских кругах смотрели на Тильзит как на личный почин Александра. Центром оппозиции сделался салон его матери Марии Федоровны, в котором собирались самые громкие крикуны и фронтеры. С этого времени берет начало трагическое одиночество Александра, которое затем усиливалось с каждым годом. Он постепенно расходится со своими "молодыми друзьями", основательно подозревая их в сочувствии враждебным ему толкам и сплетням.

Он удаляется и от жены. Елизавета Алексеевна, которой тогда еще не исполнилось тридцати лет, была в самом расцвете. Саксонский посланник писал, что она очаровательна, черты ее лица необычайно тонки и правильны, у нее греческий профиль, большие голубые глаза и дивные золотистые волосы. Все ее существо дышит изяществом и великолепием, а походка воздушна. Несомненно, заключал он, что это одна из самых красивых женщин в мире. Граф Федор Головкин также восхищался тактом, рассудительностью, знанием человеческого сердца, изяществом, чувством меры и умением выразить свою мысль, свойственными императрице. Известно, что и Александр во все годы своей жизни был очень привлекателен для женщин. Он умел быть с ними интересным и нежным, хотя, по-видимому, никогда не был страстным. Трудно сказать, какие чувства разделили супругов, но они почти не скрывали взаимной холодности. После того как в мае 1799 года Елизавета родила дочь Марию, между ними, кажется, прекратилась и супружеская близость. После мартовского переворота Александр и Елизавета дали друг другу полную свободу. Александр приводил к жене любителей позднего ужина (в том числе и Чарторижского, о котором допод-

линно известно, что он был влюблен в императрицу), усаживал их за стол, а сам уходил к себе. С 1804 года общепризнанной фавориткой императора сделалась Мария Антоновна Нарышкина. Всем известен также и любовник императрицы ротмистр кавалергардского полка Алексей Охотников. Осенью 1807 года Елизавета родила от него дочь. За месяц до рождения этого младенца Охотников при выходе из театра был смертельно ранен кинжалом. Считали, что убийца подослан был Константином Павловичем. По поводу второй дочери (которая, как и первая, умерла вскоре после родов) императрица Мария Федоровна говорила одному близкому ей человеку: "Я никогда не могла понять отношение моего сына к этому ребенку, отсутствие в нем нежности к нему и к его матери. Только после смерти девочки поверил он мне эту тайну, что его жена, признавшись ему в своей беременности, хотела уйти, уехать и т.д. Мой сын поступил с ней с величайшим великодушием".

***

Присоединение к континентальной блокаде было очень невыгодно для России. Большая часть русских товаров была такого свойства, что они могли найти сбыт только в Англии либо по милости англичан. Напротив того, Франция была связана с Россией только побочными выгодами. Разрыв с Англией повлек за собой резкое снижение вывоза и ввоза, вздорожание перевозных товаров и вообще предметов потребления и быстрое падение цены ассигнационного рубля. Уже в 1808 году за бумажный рубль давали 50 копеек серебром. Соответственно большая часть чиновников и военных, живших на жалование, не могли не роптать на правительство.

Впрочем, все это было легко предсказуемо, и, подписывая Тильзитский мир, Александр предвидел и затруднения русской торговли, и недовольство дворянства. И все-таки он шел на это, так как неудачи

европейской войны хотел компенсировать за счет территориальных приобретений на востоке. Поэтому первые годы после Тильзита были для Александра временем увлечения восточной политикой. Но и здесь его ждало разочарование: Наполеон продолжал поддерживать султана и соглашался отступить от него лишь при единственном условии — Россия должна была дать согласие на раздел Пруссии. Но это было совершенно неприемлемо для Александра как по государственным, так и по личным соображениям. Когда нетерпение и недовольство русского императора стало слишком велико, Наполеон, чтобы отвлечь его от востока, внушил мысль о шведской войне. Она началась в 1808 году и завершилась присоединением к России Финляндии.

Но эта уступка была слишком незначительна, чтобы Александр мог реабилитировать союз с Францией в глазах русского общества. Поэтому, когда в сентябре 1808 года в Эрфурте была назначена новая встреча императоров, Александр отправился на нее с твердым намерением требовать согласия на присоединения дунайских княжеств к России.

Эрфуртская встреча Наполеона и Александра разительно отличалась от Тильзитской. Если тильзитские переговоры протекали под личиной взаимных дружеских восторгов, то эрфуртские были бурны, дело доходило до крупных пререканий, чуть ли не до разрыва. Александр твердо и решительно высказал русские требования: восстановление Пруссии, недопущение восстановления Польши, отказ Франции от вмешательства в дела дунайских провинций. Иначе Александр не хотел поддерживать Наполеона в его действиях против Австрии. Встретив это неожиданное упорство, Наполеон то и дело терял терпение. "Ваш император упрям, как мул, — сказал он однажды Коленкуру, — он глух ко всему, чего он не хочет слышать". В другой раз с Наполеоном случился припадок неудержимой ярости. Он швырнул на пол свою треуголку и долго топтал ее

ногами, задыхаясь от злобы. Говорят, что Александр смотрел, улыбаясь, на эту сцену и, помолчав, сказал спокойно: "Вы слишком страстны, а я настойчив; гневом со мной ничего не поделаешь. Будем беседовать и рассуждать, или я удаюсь". Наполеону пришлось удерживать своего хладнокровного собеседника, который поднялся, чтобы его покинуть.

В конце концов Наполеон отказался от посредничества между Россией и Турцией, признал Дунай границей России, а Молдавию, Валахию и Финляндию присоединенными к ней, дал потребованные Александром обещания относительно Пруссии и Польши. Взамен Александр обязался поддерживать Францию против Австрии и скрепил наступательный союз против Англии. Таким образом оба императора достигли намеченных целей, но при этом пошли на такие уступки, которых не могли и не хотели извинить друг другу.

***

Эрфуртский визит знаменателен еще и тем, что после него Александр вновь воз-

М. М. Сперанский

вратился к мысли о проведении либеральных реформ в России. К этому побудило его сближение со Сперанским. В 1806 году первые сотрудники императора удалились от него один за другим. Однажды в связи с болезнью Кочубея Сперанский был послан с докладом к императору. Александр, уже знавший расторопного статс-секретаря Кочубея, был изумлен искусством, с каким тот составил и прочитал доклад. С тех пор они сблизились. Отправляясь на свидание с Наполеоном в Эрфурт, император взял с собой Сперанского для докладов по гражданским делам. В Эрфурте Сперанский, отлично владевший французским языком, сблизился с представителями французской администрации, присмотрелся к ним и многому от них научился. Раз на балу, говорят, император спросил Сперанского, как ему нравятся чужие края в сравнении с отечеством. "Мне кажется, — ответил Сперанский, — здесь установления, а у нас люди лучше". — "Воротившись домой, — заметил император, — мы с тобой много об этом говорить будем". По возвращении в Россию Сперанский назначен был товарищем министра юстиции и вместе с императором начал работать над общим планом государственных реформ. Как позже вспоминал сам Сперанский, они вдвоем проводили целые вечера в чтении разных сочинений, касавшихся улучшения государственного устройства, и в обсуждении их. Итогом этих упражнений стал план всеобщего государственного образования. По словам Сперанского, "весь разум его плана состоял в том, чтобы посредством законов учредить власть правительства на началах постоянных и тем сообщить действию этой власти более достоинства и истинной силы". План предусматривал, во-первых, уравнивание всех русских сословий перед законом (крестьяне должны были получить свободу без земли) и, во-вторых, новое устройство местного и центрального управления на земских и выборных началах со строгим разделением властей

законодательной, исполнительной и судебной. План составлялся с необычайной быстротой: он начат был в конце 1808 года и в октябре 1809 года уже лежал готовый на столе императора. Гораздо более трудностей встретил Сперанский при осуществлении своего замысла. Впрочем, в полном объеме задуманные преобразования и не могли быть тогда осуществлены. Все, что успел сделать Сперанский, касалось главным образом центрального управления. 1 января 1810 года был открыт преобразованный Государственный совет. Этот совет должен был отныне сделаться главным совещательным органом при государе. Здесь надлежало обсуждать все подробности государственного устройства, насколько они требуют новых законов. Вслед за Государственным советом преобразованы были по плану Сперанского министерства, учрежденные манифестом 8 сентября 1802 года. За прошедшие годы открылся двойной их недостаток: отсутствие точного определения ответственности министров и неправильное распределение дел между министерствами. В 1811 году было опубликовано "Общее учреждение министерств", определившее состав и делопроизводство министерств и подробности министерского управления. Оба акта были настолько хорошо продуманы, что порядок, ими установленный, продолжал действовать более ста лет, вплоть до революции. Следующей по очереди должна была идти реформа Сената, но по разным причинам, как внутренним, так и внешним, дело преобразований опять затормозилось. Тем временем между Александром и Сперанским наступило охлаждение. В марте 1812 года последний получил отставку и был сослан в Нижний Новгород. Вслед за тем внешние события вновь надолго отвлекли внимание Александра от внутренних дел.

***

Отношения с Францией после эрфуртского свидания императоров постепенно

ухудшались. В 1809 году Наполеон нанес четвертое за последние тринадцать лет тяжелое поражение Австрии. Западная Галиция была отторгнута от нее и присоединена к герцогству Варшавскому. На повестку дня вновь встал вопрос о восстановлении Польши. Александр с большой твердостью протестовал против этого, предлагал подписать конвенцию об отказе обеих империй от восстановления Польши. Наполеон не откликнулся на это предложение, и Александр почувствовал угрозу. В начале 1811 года резко выдвинулся вопрос о защите русских интересов против французской торговой политики. Александр, вопреки требованиям Наполеона, разрешил нейтральным судам заходить в русские порты и выгружать английские товары. Он пошел еще дальше, подписав в декабре 1810 года новый русский тариф, установивший почти запретительные пошлины на предметы роскоши, то есть на главную часть французского ввоза, решительно нарушив таким образом Тильзитский договор. Ознакомившись с этим тарифом в январе 1811 года, Наполеон стал всерьез думать о неизбежной войне с Россией. Союзником Франции в этой новой грандиозной войне должна была стать вся поработанная им Европа.

Уже в 1811 году Наполеон начал постепенно стягивать к границам России огромную армию. О подготовке к войне хорошо знали в Петербурге. Русские войска собирались у Немана и готовились к отпору. 9 апреля 1812 года Александр выехал к армии. 14-го он прибыл в Вильно. Время до конца месяца прошло в смотрах и в соображении предстоящих действий. В конце апреля в ставку прибыл с письмом от Наполеона граф Нарбонн. Приняв его, Александр сказал, указывая на лежавшую перед ним карту России: "Я не ослепляюсь мечтами; я знаю, в какой мере император Наполеон обладает способностями великого полководца, но на моей стороне пространство и время. Во всей этой враждебной для вас стране нет места, которое оставил бы я без сопротивления прежде, нежели соглашусь за-

ключить постыдный мир. Я не начну войны, но не положу оружия, пока хоть один неприятель будет оставаться в России".

Однако такими угрозами уже нельзя было остановить войну. Утром 12 июня наполеоновская армия начала переправляться через Неман в районе Ковно. Извещение о переправе пришло в Вильно в ночь с 12 на 13 июня.

Александр в это время находился на балу. Министр юстиции Балашов тихонько доложил ему о начале войны. Александр повелел Балашову сохранять эту весть в тайне, оставался на балу еще около часа, а потом провел в трудах большую часть ночи. В это время был подписан приказ к армии. В нем говорилось, что война будет продолжаться до тех пор, пока "хоть один неприятельский воин будет оставаться в нашей земле".

***

Война, к которой так долго готовились и которую так очевидно ждали, началась с крупных провалов и неудач. План обороны разрабатывал прусский генерал Фуль, которого император ставил очень высоко и почитал за гениального стратега. Под Дрисой был устроен укрепленный лагерь, где предполагалось сосредоточить до 120 тысяч человек для защиты дорог, идущих на Москву и Петербург. Вторая армия, расположенная на большом расстоянии от первой, должна была, по мысли Фуля, напасть на Наполеона в тот момент, когда он приступит к осаде Дрисского лагеря. Наполеон, имевший огромный перевес в силах, шутя разрушил этот наивный план. 16 июня французы заняли Вильну. В тот же день Александр отдал приказ второй армии идти на соединение с первой, а если это невозможно, то продвигаться к Минску и Борисову.

Первая армия тем временем отходила к Дрисе и 27 июня вступила в Дрисский лагерь. Александр принялась объезжать укрепления во всех направлениях. После Аустерлица он старался не высказывать своего мнения по военным вопросам,

больше молчал, вслушивался в речи генералов и всматривался в их лица. Общий вывод был неутешительный: все в один голос говорили, что Дрисский лагерь бессмысленная выдумка и что нужно уходить из этой ловушки, не теряя времени. Все выступали против плана Фуля, но ничего толкового не предлагали взамен. В конце концов император принял настоятельные доводы Барклая-де-Толли, который советовал отступить, ибо генеральная битва у границ могла закончиться только поражением.

4 июля первая армия вышла из Дрисского лагеря по направлению к Витебску. В Полоцке Шишков, Балашов и Аракчеев подали Александру записку, в которой указали на неудобство его дальнейшего пребывания в войсках. Александр, впрочем, и сам уже понял это. Не приняв командования, он связывал своим присутствием Барклая, вынужденного постоянно оглядываться на мнение двора. 6 июля был получен мирный трактат с Англией, а 7 июля государь выехал в Москву. Прощаясь, он будто бы сказал Барклаю: "Доверяю вам свою армию. Не забывайте, что другой у меня нет".

Сделав однодневную остановку в Смоленске, Александр 11 июля приехал в Москву, где его с нетерпением ждали. Вся столица была охвачена невиданным патристическим порывом. Многие жители отправились на Поклонную гору в надежде испросить позволения выпрячь лошадей из царской коляски и нести ее на себе. Тысячи людей разного звания отправились пешком по Смоленской дороге, сокращая время удалыми русскими песнями. Александр, уклоняясь от торжественной встречи, пожелал въехать в столицу ночью. Однако, несмотря на то, вся дорога с последней станции до заставы была полна народа, так что от взятых многими фонарей было светло как днем.

12 июля, едва лишь стала заниматься заря, народ повалил на Красную площадь;

все уже знали о приезде государя. С восходом солнца, ярко сиявшего в этот торжественный день, Кремль наполнился народом. Александр вышел из дворца в девять часов, и в то же мгновение раздался звон колоколов и громогласное "Ура!". Александр остановился на Красном крыльце, растроганный зрелищем, напоминавшим времена Минина и Пожарского. Через несколько минут он пошел к Успенскому собору. Народ провожал его криками: "Отец наш! Ангел наш! Да сохранит тебя Господь Бог!"

15 июля назначено было собраться дворянам и купечеству в залах Слободского дворца. Войдя в залу дворянского собрания, Александр, встреченный с восторгом, объяснил в кратких словах положение государства и напомнил, что уже не раз оно было обязано своим спасением дворянам. Он закончил словами: "Настало время для России показать свету ее могущество! Я твердо решил истощить все средства моей обширной империи прежде, нежели покоримся высокомерному неприятелю. В полной уверенности зываю к вам: вы, подобно вашим предкам, не позволите восторжествовать врагам, этого ожидают от вас Отечество и государь!" В ответ раздались крики: "Готовы умереть за тебя, государь! Не покоримся врагу! Все, что имеем, отдаем тебе!" Многие плакали. Александр, сам чрезвычайно растроганный, сказал: "Иного я не ожидал от вас. Вы оправдываете мое о вас мнение". Потом, перейдя в залу, где собралось купечество, Александр объявил депутатам, что для отражения неприятеля требуются значительные денежные средства. По отбытию императора в продолжение двух часов купечество подписало на полтора миллиона рублей.

В ночь с 18-го на 19-е император выехал из Москвы и прибыл в Петербург 22 июля. Первой заботой Александра по возвращении было назначить нового главнокомандующего. Выбор его он доверил

особому комитету, члены которого собрались на заседание 5 августа. С общего согласия рекомендована была кандидатура Кутузова. 8 августа император, после некоторого колебания, утвердил это решение. "Я не мог поступить иначе, — объяснил он сестре Екатерине Павловне, — как выбрать из трех генералов одинаково мало способных быть главнокомандующими (то есть Барклая-де-Толли, Багратиона и Кутузова. — *К.Р.*) того, на которого указывал общий голос". Своему генерал-адъютанту Комаровскому император сказал еще откровеннее: "Публика желала его назначения, я его назначил. Что же касается меня, то я умываю руки". Известно, что Александр не любил Кутузова со времен Аустерлицкого сражения. Впрочем, это не мешало государю отдавать должное его заслугам. Так, по заключении Бухарестского мира, завершившего успешную войну с Турцией, фельдмаршал был пожалован в графы, а 29 июля — в светлейшие князья.

***

От начала войны до назначения Кутузова Александр принимал самое ближайшее участие в распоряжении военными действиями. Вынужденный назначить Кутузова, он вполне сознательно удалился на второй план, уступив другому дело спасения Отечества. С этой минуты война шла независимо от его воли. Он мучился и страдал, видя неудачи русского оружия, но не позволял себе вмешиваться в ход событий. Мало кто знал, чего стоили Александру эти пять месяцев вынужденного бездействия.

7 сентября он получил через Ярославль краткое донесение графа Ростопчина о том, что Кутузов решил оставить Москву. Пишут, что Александр удалился к себе в кабинет, и всю ночь камердинер слышал его шаги. Утром он вышел из кабинета, и все заметили в волосах у императора много седых прядей. Императрица-мать и брат Константин упрекали Александра, что он не спешит заключить мир

М. И. Кутузов

с Бонапартом. Патриоты, напротив, ставили ему в вину унизительные поражения. Повсюду Александра встречали недоумевающие злые люди и смущенные взгляды. Сестра Екатерина Павловна писала ему из Ярославля: "Занятие Москвы французами переполнило меру отчаяния в умах, недовольство распространено в высшей степени, и вас самого отнюдь не щадят в порицаниях... Вас обвиняют громко в неспасении нашей империи, в разорении общем и частном — словом, в утрате чести страны и вашей собственной".

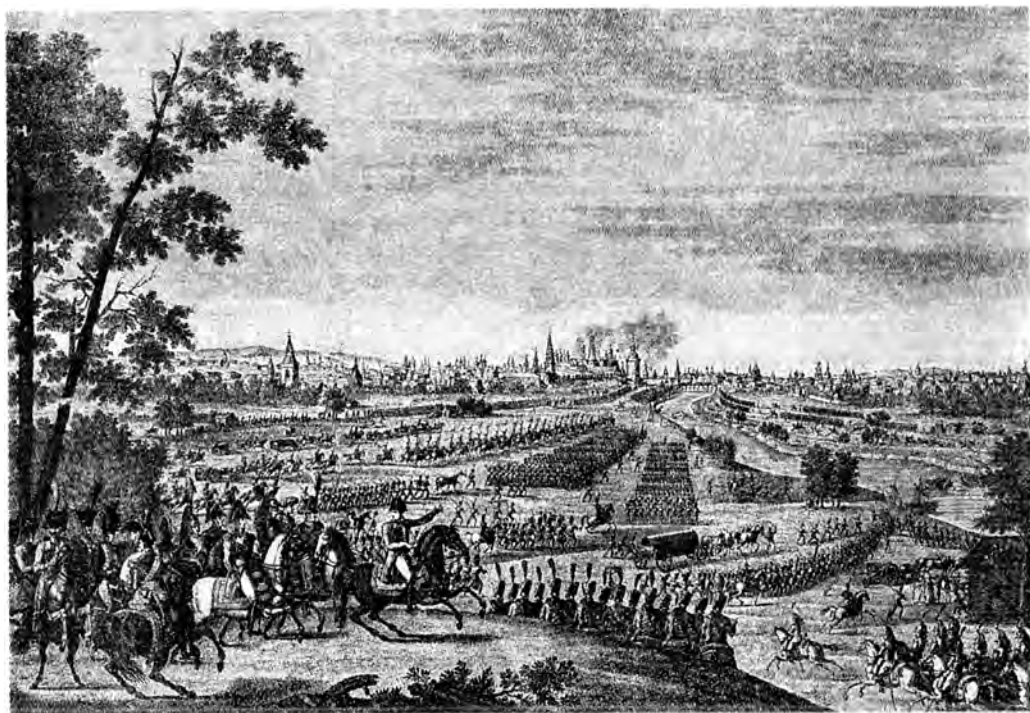
В армии боялись, что Александр уступит Наполеону окончательно и заключит мир по его воле. Но Александр не собирался мириться. Полковнику Мишо, который привез официальное известие о взятии Москвы французами, он сказал: "Истощив все средства, которые в моей власти, я отращу себе бороду и лучше соглашусь питаться картофелем с последним из моих крестьян, нежели подпишу позор моего Отечества и дорогих моих подданных, жертвы коих умею ценить". А на другой день он писал шведскому наследно-

му принцу Бернадоту: "После этой раны все прочие ничтожны. Ныне, более, нежели когда-либо, я и народ, во главе которого я имею честь находиться, решились стоять твердо и скорее погresti себя под развалинами империи, нежели примириться с Аттилою новейших времен".

Пять недель пребывания Бонапарта в Москве были для Александра самым страшным испытанием после 11 марта 1801 года. 15 сентября, в день коронации, уличная толпа встретила императора мрачным молчанием. "Никогда в жизни не забуду этих минут, — писала графиня Эдлинг, — когда мы поднимались по ступеням в собор, следуя среди толпы, не раздалось ни одного приветствия. Можно было слышать наши шаги, и я нисколько не сомневалась, что достаточно было малейшей искры, чтобы все кругом воспламенилось. Я взглянула на госуда-

ря, поняла, что происходит в его душе, и мне показалось, что колени мои подгибаются". Александр старался как можно меньше видеть людей, запирался у себя в кабинете, забывал подписывать важные бумаги. Он казался теперь сутулее, чем всегда, и свойственная ему обворожительная улыбка все реже появлялась на его лице.

Из Москвы приходили ужасные вести. Столица горела, и целые кварталы были уже в дымящихся развалинах. Французы занимались бесстыдными грабежами, и оставшиеся жители подвергались насилиям и оскорблениям. В эти скорбные дни Александр глубоко и совсем по-новому уверовал в Бога. Князь Голицын, старый друг и член "негласного комитета", слывший раньше забавником и ловеласом, а теперь сделавшийся вдруг мистиком и очень религиозным

Вступление французской армии в Москву

человеком, внушил Александру мысль искать утешения в чтении Библии. Однажды во время душевного разговора с императором Голицын признался, что не боится Наполеона, ибо полагается на промысел Божий.

Со своей стороны Шишков привлек внимание Александра к книгам пророков. "Я просил государя, — вспоминал он позже, — прочесть отдельные выписки. Он согласился, и я прочитал их с жаром и со слезами. Он также прослезился, и мы довольно с ним поплакали". Впоследствии Александр говорил: "Я пожирал Библию, находя, что ее слова вливают новый, никогда не испытанный мир в мое сердце и удовлетворяют жажду моей души. Господь по своей благодати даровал мне своим духом разуметь то, что я читал. Этому-то внутреннему познанию и озарению обязан я всеми духовными благами, приоб-

ретенными мною при чтении Божественного слова".

Каждая строчка рождала в воображении императора волнующие видения. В древнейших пророчествах Александр видел современные события. В Великом Гордеце, в Царе Царей он представлял Наполеона. А в образе героя, которому суждено сокрушить его и остановить его победное шествие, он воображал себя. Эта мысль о великом предназначении, уготовленном ему, зародилась в душе Александра в минуту наибольшего унижения его и как государя, и как человека. Но он уверовал в нее.

И вот стали приходить известия совсем иного рода. Что-то переломилось в ходе событий. Звезда Наполеона, достигнув своего зенита, стала быстро клониться к закату. Но только получив весть о вытуплении французов из Москвы, Александр

Переправа французской армии через Березину

понял, что опасность миновала. Кутузов приглашал императора руководить военными действиями. Однако Александр отказался и сказал посланному к нему из армии полковнику Мишо, что не хочет пожинать лавры им незаслуженные.

Вместе с тем поведение Кутузова все больше выводило его из себя. Он не понимал, почему этот старый хитрец медлит уничтожить Наполеона одним ударом, почему он позволяет ему постоянно ускользать, уводя остаток своей армии из России, почему он не собирается чинить ему препятствий, а только хочет выгнать за пределы страны. Наконец пришло донесение о последней битве на Березине. Французы потерпели сокрушительное поражение, но сам Наполеон сумел выскользнуть из ловушки. Отечественная война закончилась. Александр почувствовал, что пришло время выйти из затворничества, для того чтобы сыграть в мировой истории уготовленную ему роль. 7 декабря он выехал из Петербурга и отправился в армию.

***

По пути из Полоцка Александр написал Кутузову, что будет на другой день в Вильне и что не желает никаких торжественных встреч. "С нетерпением ожидаю я свидания с вами, дабы изъяснить вам, лично, сколь новые заслуги, оказанные вами Отечеству и, можно прибавить, Европе целой, усилили во мне уважение, которое всегда к вам имел. Пребываю навсегда вам доброжелательным. Александр".

Между тем император ехал в Вильно с твердым намерением отстранить фельдмаршала от командования. Для Кутузова война с Наполеоном кончилась в тот момент, когда Ней со своими немногими спутниками перешел по неманскому мосту на прусский берег. Для Александра эта война только начиналась. В новой европейской войне, которая началась в 1813 году, роль его была столь же велика, как роль Кутузова в Отечественной. Несмотря на страшное поражение в России,

Наполеон казался еще грозной силой. И если бы русский император не высказал непреклонного желания окончательно сокрушить своего врага, европейские монархи еще долго не решились бы на это.

В конце января Александр вместе с главной квартирой перебрался в Полоцк, а 12 февраля — в Калиш. Здесь 16-го был подписан союзный договор. В новую, шестую, коалицию вступили Россия и Пруссия. Англия обязалась субсидировать союзников, Швеция, которой Александр обещал Норвегию, выставляла вспомогательный корпус. Одна Австрия продолжала колебаться и сохраняла нейтралитет.

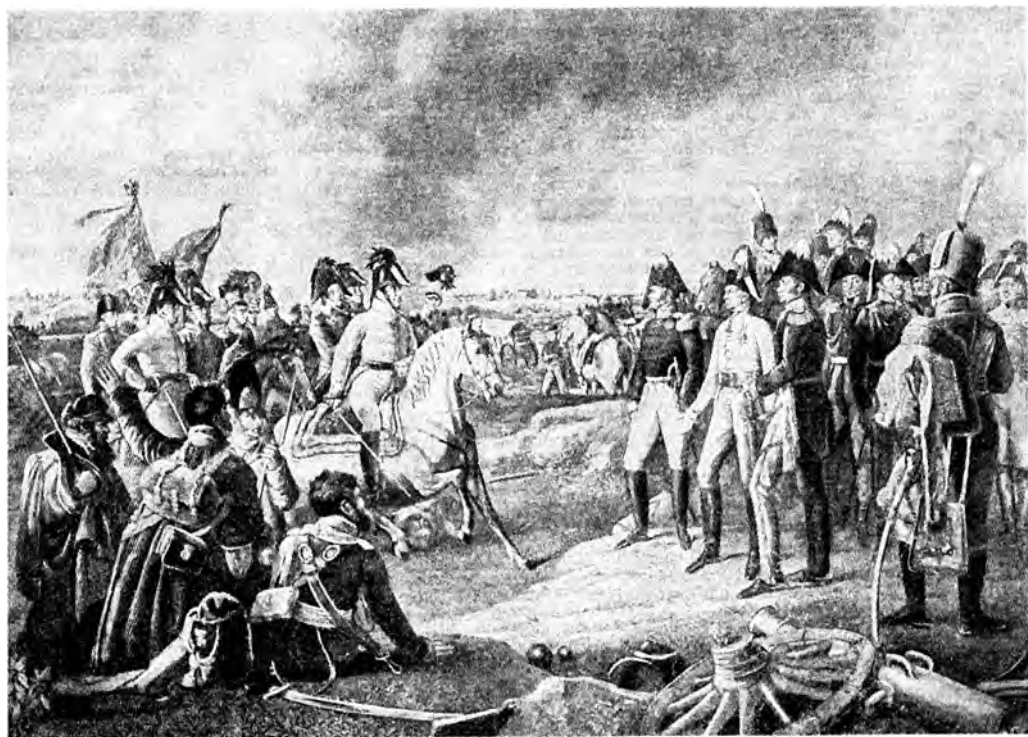
Первая решительная битва состоялась 20 апреля у Лютцена. К вечеру союзники дрогнули и отступили, потеряв до 20 тысяч человек, но чем более недостижимой казалась победа, тем больше твердости выказывал Александр. Коленкур, прибывший с предложением начать мирные переговоры, не был даже допущен на главную квартиру. Месяц спустя под Бауценом состоялась вторая битва, также выигранная Наполеоном. Третьего поражения коалиция уже бы не перенесла, и Александр согласился на мирные переговоры при посредстве австрийского двора.

Хотя перерыв в военных действиях необходим был обеим сторонам, Александр и Фридрих-Вильгельм сумели извлечь из него гораздо больше пользы, чем Наполеон, который признавал позже, что окончание войны после Бауценской победы стала его роковой ошибкой. Прежде всего Александр постарался вовлечь в коалицию Австрию. Ради этого он согласился на новый раздел Польши между Австрией, Пруссией и Россией, хотя прежде обещал восстановить ее независимость. Австрия действительно вступила в коалицию и 29 июля объявила Наполеону войну. Ее 150-тысячная армия присоединилась к союзникам, которые постоянно с этого времени стали иметь над французами численный перевес. Командовать объединенными силами четырех держав

Александр предложил австрийскому фельдмаршалу князю Шварценбергу.

В начале октября обе армии сосредоточились под Лейпцигом, где произошло самое крупное и кровопролитное сражение в истории наполеоновских войн. 4 октября Александр находился в Вахберге, в нескольких милях от деревни Гросс, по которой Наполеон наметил один из главных своих ударов. Около трех часов пополудни сам император повел в атаку массу кавалерии. Русские полки, уступая несомненно сильнейшему неприятелю, обратились назад. Но Александр кипел всего в восьмистах шагах от той высоты, где находились союзные монархи и Шварценберг. В эту минуту всеобщей растерянности Александр сохранил полное самообладание, он распорядился вести в бой резервы и указал начальнику русской артиллерии Сухожанету позицию, с которой он должен был открыть огонь по наступающему противнику. Оба

распоряжения оказались своевременными — большая кавалерийская атака захлебнулась, союзники удержались у Гросс и вырвали у Наполеона победу, которую он уже торжествовал. 5 октября, видя, что к врагам его подходят все новые резервы, в то время как сам он ввел в бой всю свою армию, Наполеон попробовал завязать мирные переговоры. Он согласился на уступку герцогства Варшавского, ганзейских городов, Италии и Испании. Император Франц сильно склонялся к принятию этих условий, но Александр и Фридрих-Вильгельм настояли на продолжении сражения. Наполеон даже не получил ответа на свои предложения. 6 октября атаквали союзники (чьи силы в это время уже в два раза превосходили численность французов), а Наполеон защищался. К вечеру, потеряв более 60 тысяч солдат, он начал отступление, а 7-го союзники ворвались в Лейпциг.

Сражение под Лейпцигом

После этой победы император Александр, доказавший уже неоднократно свою твердость, стал фактически главой коалиции, а его главная квартира сделалась центром всей европейской политики. Короли и герцоги толпились в его приемной, волнуясь за свои короны и владения. Слово русского императора приобрело в это время очень большой вес.

В следующие месяцы Германия была очищена от неприятеля. В ночь с 8 на 9 декабря союзная армия переправилась через Рейн и вторглась в пределы Франции. 20 января Александр наблюдал за сражением у Ла-Ротьера, а затем под градом пуль переправился через Вуару. 27 января он отправился в Труа, где депутация французских аристократов подавала ему петицию с просьбой восстановить во Франции власть Бурбонов. Александр отвечал на это: "Прежде, чем помышлять о Бурбонах, нужно победить Наполеона". Еще раньше, находясь в Лангре, он сказал: "Мы пришли сюда не за тем, чтобы дать королю Франции". В это время ещё никто не предполагал, что Бурбоны вернутся к власти, и сам Александр менее всего был расположен к этому. Вплоть до начала марта Наполеону удавалось, появляясь в разных местах, наносить союзникам ощутимые удары. Но силы были слишком неравны — французы сражались уже на пределе своих возможностей, в то время как союзники все более наращивали мощь.

18 марта союзная армия уже стояла в виду Парижа. Прежде чем приступить к штурму, Александр послал к маршалу Мармону, командовавшему парижским гарнизоном, полковника Орлова и предложил не разворачивать боев в Париже, дабы сохранить этот замечательный город для Франции и всего мира. После долгих споров, которые продолжались целый день, маршалы Мармон и Мортье согласились уйти из столицы со всем гарнизоном и сдать город союзникам без боя. Как значилось в восьмом пункте договора, "Па-

риж поручается великодушию Высоких Союзных держав".

С актом капитуляции Орлов поспешил к Александру и застал его уже в постели. Император внимательно выслушал его доклад, спрятал акт под подушку и сказал просто: "Поцелуемся. Поздравляю вас: ваше имя соединено с великим событием". Цель, которую он поставил перед собой в страшном сентябре 1812 года, была достигнута — Париж лежал у его ног.

Рано утром 19 марта Александр очень ласково принял парижских депутатов, постарался успокоить их насчет судьбы города, вверенного его великодушию, и в очередной раз повторил, что ведет войну против Наполеона, а не против Франции. Вслед за тем приехал посланный Наполеоном Коленкур и предложил заключить мир на тех условиях, которые он прежде отвергал. Но Александр отвечал, что уже слишком поздно, что ни он, ни его союзники больше не будут вести переговоры с Наполеоном и что единственным способом завершить войну может стать только отречение его от престола.

В тот же день Александр, сопровождаемый Фридрихом-Вильгельмом и Шварценбергом, торжественно въехал в Париж. Это был час его триумфа. Среди громких ликований и оваций он обратился к ехавшему рядом Ермолову и сказал: "Ну что, Алексей Петрович, теперь скажут в Петербурге. Ведь, право, было время, когда у нас, величая Наполеона, меня считали простачком". — "Не знаю, государь, — отвечал Ермолов. — Могу сказать только, что слова, которые я удостоился услышать от Вашего Величества, никогда еще не были сказаны монархом своему подданному".

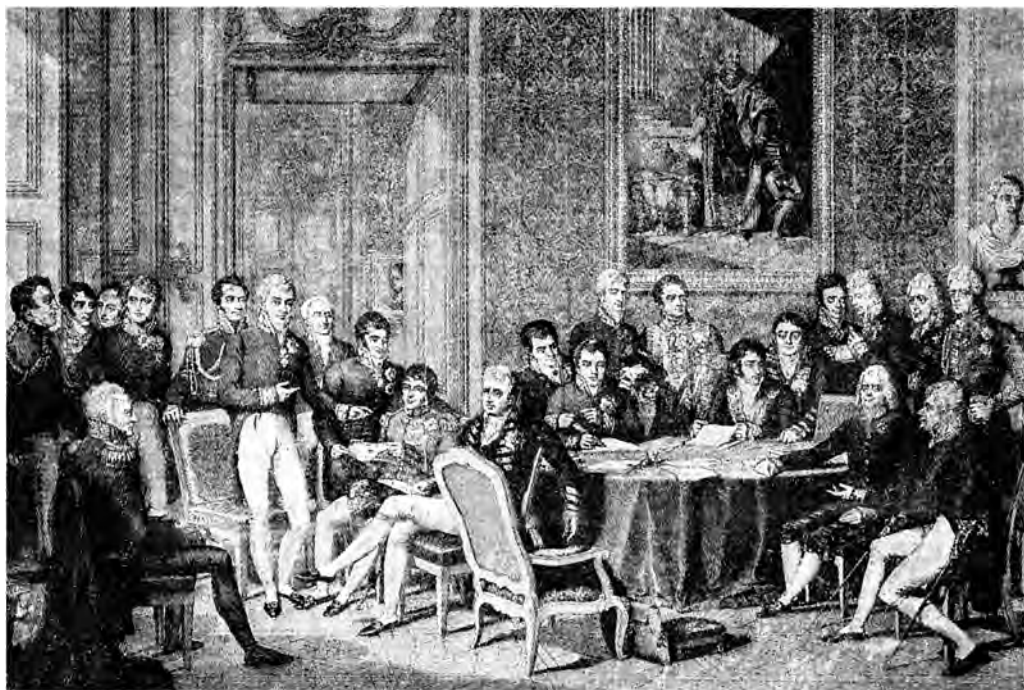
На восторженные крики парижан в свою честь Александр отвечал: "Да здравствует мир!" Он остановился в доме Талейрана, где сейчас же началось совещание о послевоенном устройстве Франции. Александр объявил, что союзники готовы для достижения мира признать во главе Франции кого угодно. Талейран отвечал,

то только Бурбоны могут послужить основанием мира. Фридрих-Вильгельм и Шварценберг горячо поддержали это мнение. Александр отвечал, что не может противиться возвращению древней европейской династии, если сами французы этого хотят.

20 марта Талейран созвал Сенат, который избрал временное правительство. На следующий день Сенат объявил о низложении Наполеона. Александр в знак своей доброй воли пообещал безвозмездно вернуть всех французских пленных. Он принял Коленкура, приехавшего от Наполеона с прежними предложениями. "Я не питаю никакой ненависти к Наполеону, — сказал Александр. — Он несчастен, и это довольно, чтобы я позабыл зло, сделанное им России. Но Франция и Европа имеют нужду в мире и не могут пользоваться им при Наполеоне. Пусть он требует, что пожелает собственно для себя". Коленкур спросил, на что же может теперь

рассчитывать его император. Александр отвечал, что готов предложить ему в собственности остров Эльбу. 24 марта корпус маршала Мармона почти в полном составе перешел на сторону Временного правительства и прибыл в Версаль. Это сразу усилило позиции Бурбонов, а с другой стороны, решило судьбу Наполеона. 25 марта он подписал свое отречение, а 30 марта — после неудачной попытки самоубийства — и трактат о перемирии.

17 апреля Александр отправился в Компьень встречать вернувшегося из эмиграции Людовика XVIII. В первом же разговоре он настоятельно рекомендовал королю для упрочения своего положения принять конституцию, составленную Сенатом. 21 апреля Людовик въехал в Париж, а 18 мая был заключен мир, согласно которому Франция вернулась к границам 1792 года. Что касается послевоенного устройства Европы, то оно должно было решиться на конгрессе в Вене. Со-

Венский конгресс

юзные монархи отплыли в Англию. Они прибыли туда 26 мая и были встречены с блистательным триумфом. 15 июня, осмотрев лондонские достопримечательности и распрощавшись ненадолго с союзниками, император отправился через Голландию и Германию в Россию. Он вернулся в Петербург 12 июля, пробыв в отсутствии полтора года.

***

Пребывание Александра в России на этот раз было недолгим. Уже 2 сентября 1814 года он отправился на конгресс в Вену. Александру был отведен один из самых роскошных дворцов императора Франца — Ховбург. На полгода Вена обратилась в центр Европы. Кроме двух императоров сюда съехалась дюжина королей и королев и больше сотни владетельных особ. Заседания конгресса проходили среди бесконечных балов, театральных представлений и развлечений. На раутах, праздниках и прогулках завязывались бесчисленные романы и любовные связи. На этом блистательном небосклоне российский император являл собой звезду первой величины. Кроме славы победителя Наполеона и нового Агамемнона, он покорял всех обворожительными манерами, кротостью, царственной простотой и чисто мужским обаянием. Он участвовал во всех развлечениях, танцевал больше других монархов и едва ли не лучше их всех, число его любовных романов перевалило за десяток. Прежде всего Александр пленил сердце очаровательной красавицы графини Юлии Зичи. Затем его любовницей стала «русская Андромеда» княгиня Багратион, которую он отбил у князя Меттерниха. Прекрасная герцогиня Саган, как говорят, сама преследовала ухаживаниями русского императора и даже однажды забралась к нему в карету, но он не захотел воспользоваться обстоятельствами. Зато он между прочим влюбил в себя великосветскую красавицу графиню Эстергази, а вслед за ней венгерскую графиню Сегеньи и княгиню Ауэсперг. Было много

и других связей. О них становилось известно венской полиции, в чью обязанность входило постоянно наблюдать за безопасностью Александра.

Между тем с первого дня конгресса прежние союзники начали жестокую борьбу за преобразование в послевоенной Европе. Прежде всего толковали о решении Александра восстановить Польшу. Этот план все осуждали. Только Фридрих-Вильгельм готов был отказаться от своих польских областей при условии, что получит вознаграждение в Германии, причем имел в виду Саксонию. Это вполне могло устроиться: саксонский король вследствие преданности своей Наполеону находился в плену у союзников и считался у германских патриотов изменником народному делу, потерявшим поэтому право на корону. Не дожидаясь общего одобрения, оба монарха приступили к осуществлению своих желаний: Александр отдал приказ русским войскам очистить Саксонию, куда немедленно вступила прусская армия.

Одновременно великий князь Константин занял герцогство Варшавское и обратился к полякам с призывом встать на защиту их национальных интересов. В конце концов решили, что Польша отходит к России под именем Царства Польского и император волен ввести здесь конституцию по своему желанию. Но саксонский вопрос возбудил страшное ожесточение. Страсти настолько накалились, что представители второстепенных германских держав стали толковать о войне, которая должна окончиться падением Пруссии. Фридрих-Вильгельм не переставал требовать всей Саксонии и в свою очередь грозил войной. Талейран умело воспользовался обстоятельствами, и по его инициативе 3 января 1815 года был заключен секретный оборонительный союз между Австрией, Англией и Францией, направленный против России и Пруссии. К союзу немедленно присоединились Бавария, Ганновер и Нидерланды.

Но война не началась. Лорд Касльри первый начал искать компромисс и со-

ветоваться с Александром уже на третий день после заключения договора. Он завел речь о том, что саксонскому королю должно оставить хотя бы часть Саксонии с Дрезденом, а за это наделить Пруссию чем-нибудь из Польши. Александр отвечал, что польское дело кончено, но он согласен на компромисс, если Фридрих-Вильгельм не возражает. Александр сам взялся уговорить прусского посланника Гарденберга, обещал ему вместо Лейпцига Торн, и дело закончилось взаимными уступками.

Посреди этих споров в марте 1815 года пришло вдруг известие о том, что Наполеон высадился во Франции и стремительно движется на Париж. Члены конгресса прежде всего начали упрекать императора Александра, зачем он настоял на отсылке Наполеона на остров Эльбу, в такое близкое соседство с Италией и Францией; но потом, по инстинкту самосохранения, должны были подчиниться влиянию русского императора. Опасность, снова исходившая от Наполеона, восстанавливала значение императора Александра, его первенство среди союзных государей.

25 марта подписан был договор между Россией, Пруссией, Австрией и Англией, в котором союзники обязывались соединить все свои силы для поддержания Парижского договора 30 мая 1814 года и решений Венского конгресса. Россия, Австрия и Пруссия обязались выставить немедленно по 150 тысяч войска, Англия — выплатить 5 миллионов фунтов субсидий.

Людвиг XVIII бежал из Парижа, забыв впопыхах на своем столе тайный договор, заключенный Талейраном против России. Наполеон первым делом переслал его Александру. Но напрасно старался он возбудить в нем мелочные обиды. Александр слишком хорошо знал своих союзников, чтобы чему-нибудь удивляться. Он пригласил к себе Меттерниха, показал ему документ и бросил его в камин. Больше о нем не вспоминали.

События разворачивались так быстро, что ни сам Александр, ни русская армия

не успели принять в них участия. В июне французы были окончательно разбиты в битве при Ватерлоо англичанами и пруссаками. А 7 июля герцог Веллингтон и князь Блюхер вступили в Париж. На этот раз победители были настроены гораздо менее снисходительно. Громко говорили о том, что пора покончить с Францией, этим рассадником революций и войн, что надо свести ее к границам, какие она имела до Людовика XIV, а еще лучше расчленить ее на несколько отдельных независимых королевств. Когда 10 июля в Париж приехал Александр, Людовик XVIII бросился к нему с мольбой о защите. Он надеялся на мягкость русского государя и не ошибся. 26 июля граф Каподистрия представил союзным министрам меморандум, в котором от имени Александра заявлялось, что, поскольку целью войны было поставлено поддержание парижского договора 1814 года, нельзя теперь требовать его изменения. Несмотря на сильные возражения немецких дипломатов и генералов, заключенный в августе мир стоил Франции лишь ничтожных земельных потерь.

Дело умиротворения было завершено, но оставалась тревога за будущее. Александру казалось, что после страшного урока, пережитого Европой за последнюю четверть века, должна наступить новая эпоха международных отношений — эпоха мира и согласия в полном соответствии с идеалами христианства. По мысли Александра, сами монархи должны были подать пример христианской любви к ближнему. Поэтому будущая единая Европа представлялась ему в виде "Священного союза" государей.

Этот союз был давней и любимой мечтой Александра. Еще в 1805 году он предлагал Англии после усмирения Наполеона принять трактат, "который лег бы в основание взаимных отношений европейских государств". Трактат должен был определять "ясные и точные начала народ-

ного права" и стать первым шагом к осуществлению идеи вечного мира.

Теперь, прежде чем предложить трактат императору Францу и королю Фридриху-Вильгельму, Александр прочел его баронессе Крюденер, известной филантропке и пророчице, которая имела в то время на него огромное влияние. "Я оставляю Францию, — сказал ей Александр, — но до моего отъезда я хочу публичным актом воздать Богу Отцу, Сыну и Святому Духу хвалу, которой мы обязаны Ему за оказанное покровительство, и призвать народы встать в повиновение Евангелию. Я желаю, чтобы император австрийский и король прусский соединились со мной в этом акте Богопочитания, чтобы люди видели, что мы, как восточные маги, признаем верховную власть Бога Спасителя".

14 сентября союзные государи поставили свои подписи под актом "Священного союза". В нем говорилось о том, что союзные монархи решились весь порядок взаимных своих отношений "подчинить высоким истинам, внушаемым вечным законом Бога Спасителя", и в политических отношениях "руководствоваться не иными какими-нибудь правилами, как заповедями сея Святыя веры, заповедями любви, правды и мира". Государи взаимно обязались пребывать в вечном мире и всегда "подавать друг другу пособие, подкрепление и помощь, а подданными своими управлять, как отцы семейств" в том же духе братства.

"Священный союз" служил как бы блестящим завершением той великой миссии, которую взял на себя Александр: сокрушить Наполеона и, после двадцати лет кровопролитных войн, даровать Европе надежду на вечный мир. Это был не столько политический, сколько мистический акт, долженствующий подчинить право и политику велениям морали и религии.

***

В конце 1815 года, после четырехлетнего перерыва, Александр вернулся к вnut-

ренным преобразованиям в России. Он приехал в Петербург, сохранив все свои идеалы, но обретя новые взгляды на многие вещи. Александр сделался осторожным, даже мнительным, в его политике большое значение получили охранительные тенденции, которые многие современники поспешили окрестить реакционными. Любопытно, однако, что истинные реакционеры по-прежнему относились к Александру с недоверием — в их среде он слыл опасным либералом. И это было закономерно, ибо никто из тогдашних монархов так много не говорил о конституции, как Александр. Но с другой стороны, Александр слишком ясно видел, как любимые им просветительские идеи обращались в устах демагогов-революционеров в страшную разрушительную силу, способную ниспровергнуть современное общество. И с годами в Александре окрепло убеждение, что сами по себе идеи равенства и законности, свободы и конституции есть вещи опасные, если ради них забыты идеалы христианства и если сами эти идеи попадают в среду общества темного и незрелого. Современная ему история давала, к сожалению, много оснований для таких опасений.

Тем не менее в первые пять лет по окончании войны реформы продолжались даже в больших масштабах, чем это было в начале царствования и во времена Сперанского. Преобразования коснулись прежде всего северо-западных окраин России: Эстляндии, Лифляндии, Курляндии и Польши, которые, по мнению императора, уже готовы были к принятию новых учреждений.

Герцогство Варшавское переименовано было в Царство Польское, и к нему присоединили Литву. В 1815 году Александр утвердил польскую конституцию. Тогда же сделана была первая попытка отмены крепостного права. В 1816 году император утвердил Положение об освобождении эстляндских крестьян. В 1817 году были освобождены крестьяне в Курляндии.

Александр попытался подтолкнуть к той же инициативе помещиков Малороссии, и в 1818 году на собрании дворян Полтавской и Черниговской губерний генерал-губернатор Малороссии князь Репнин предложил помещикам подумать об освобождении крестьян и принести "жертву ради пользы общей". Однако кроме негодования и возмущения Репнин ничего не получил в ответ. В Прибалтике преобразования шли успешнее. В 1819 году получили свободу крестьяне Лифляндии. По случаю этой реформы Александр сказал: "Радуюсь, что лифляндское дворянство оправдало мои ожидания. Ваш пример достоин подражания. Вы действовали в духе времени и поняли, что либеральные начала одни могут служить основой счастью народов".

В 1818 году собрался первый польский сейм. Выступая на нем 15 марта, Александр между прочим сказал: "Образование, существовавшее в вашем крае, дозволило мне ввести немедленно то, что я вам даровал, руководствуясь правилами законносвободных учреждений, бывших непрестанно предметом моих помышлений и которых спасительное влияние надеюсь я, с помощью Божьей, распространить и на все страны, Провидением попечению моему вверенные. Таким образом, вы мне подали средство явить моему Отечеству то, что я уже с давних лет ему приготавливаю и чем оно воспользуется, когда начала столь важного дела достигнут надлежащей зрелости". Чуть позднее, как бы развивая мысли, высказанные весной в Варшаве, император сказал прусскому генералу Мезону: "Наконец, все народы должны освободиться от самовластия. Вы видите, что я делаю в Польше. То же я хочу сделать и в других моих владениях". Эти слова немедленно стали достоянием русской публики и возбудили в ней напряженное ожидание перемен.

Сразу после своей знаменитой речи на польском сейме Александр поручил группе своих советников во главе с бывшим

членом "негласного комитета", одним из своих "молодых друзей" Новосильцевым разработать проект конституции для России. Вскоре появился ее набросок — "Краткое изложение основ", а позднее — проект и самой конституции под названием "Государственная уставная грамота Российской империи".

Этот первый в истории России конституционный проект предусматривал введение в стране двухпалатного парламента, местных представительных органов — "сеймов", разделение законодательной и исполнительной власти между императором и выборными органами. Конституция декларировала свободу слова, печати, свободу вероисповеданий, равенство всех граждан империи перед законом, неприкосновенность личности. Параллельно шла разработка Положения об освобождении крестьян. Таким образом, все, казалось бы, шло к тому, чтобы в 1820 году в России начались глубокие преобразования. К этому готовы были и правительство, и общество. Но этого не случилось.

1820 год стал во многих отношениях переломным для Александра. Первая половина его была ознаменована революцией в Испании, начавшейся с восстания воинских частей в Кадисе. В марте революция перекинулась в Мадрид. Король Фердинанд VII принужден был согласиться на введение конституции. Приверженцам этой перемены в Испании очень важно было знать мнение о ней могущественнейшего из государей Европы. Они надеялись получить одобрение русского императора, известного своим либерализмом. Но Александр велел отвечать, что он с глубоким прискорбием узнал о происшедшем и что будущее Испании представляется ему отныне в мрачном виде. Император писал, что он не раз высказывал желание, чтобы власть короля утвердилась в Старом и Новом Свете с помощью прочных учреждений. Исходя от трона, конституционные учреждения получают характер охранительный; исходя же из среды мя-

тежа, они порождают хаос: опыт всех времен это доказывает. Испанскому правительству надлежит судить, могут ли учреждения, данные насильственным, революционным путем, осуществить благодеяния, которых Испания и Америка ожидают от мудрости короля и от патриотизма его советников.

Александр высказывал обеспокоенность не напрасно: пример Испании оказался заразителен. В июле революционный пожар переметнулся на юг Аппенинского полуострова, в Королевство Обеих Сицилий. События развивались здесь точно так же: революция началась с восстания воинских частей в Нолах и Авеллине, вскоре недовольные явились в столице, и король Фердинанд IV вынужден был ввести конституцию.

Неаполитанская революция встревожила европейские кабинеты гораздо сильнее, чем испанская. Император Франц пригласил русского императора и короля прусского на свидание для совещания о мерах против революции.

По пути в Троппау Александр заехал в Варшаву, где проходил второй польский сейм. Здесь он был не на шутку огорчен и

раздражен поведением депутатов. Вместо того, чтобы мирно решать текущие дела, польские патриоты стали требовать от императора новых свобод, в том числе отмены цензуры и реформы судов. Они не скрывали и того, что конечной их целью была независимость Польши и восстановление Речи Посполитой в ее прежних границах. Александру пришлось отвечать на нападки, он покинул сейм мрачный и разочарованный. В самом деле — польская конституция была одним из любимейших его детищ и плодом длительных размышлений. Тяжело было видеть неблагодарность поляков и их явное желание подражать примеру испанцев и неаполитанцев.

20 октября Александр приехал в Троппау. Вскоре граф Каподистрия подал от имени императора меморандум с российским планом умиротворения Неаполя. В нем говорилось, что, прежде чем прибегнуть к силе, надобно предложить неаполитанскому правительству отречься от принципа восстания и снова покориться королю. Только в случае отказа австрийская армия в значении армии европейской могла двинуться к Неаполю на подавление революции.

Меттерних был в отчаянии. Напрасно внушал он Александру, что пламя революции следует гасить как можно быстрее. Александр, вслед за представителями Англии и Франции, считал, что вмешиваться во внутренние дела государств можно лишь в случае самой крайней необходимости. Но тут неожиданно пришло известие о бунте в Семеновском полку. Быть может, в чреде потрясений этого года оно было самым роковым. Хотя следствие показало, что виной недовольства была грубость полкового командира Шварца, Александр отнесся к делу очень серьезно. Он писал графу Аракчееву: «Скажу тебе, что никто на свете меня не убедит, что это происшествие было вымышлено солдатами или происходило единственно, как показывают, от жестокого обращения с оными полковника Шварца... По моему убеж-

Граф А. А. Аракчеев

дению, тут кроются другие причины... Внушение, кажется, было не военное, ибо военный умел бы их заставить взяться за ружье, чего никто из них не сделал, даже тесака не взял. Офицеры же все старались пресечь неповиновение, но безуспешно. По всему выписанному заключаю, что было тут внушение чужое, но не военное. Вопрос возникает: какое же? Это трудно решить. Признаюсь, что я его приписываю тайным обществам, которые, по доказаниям, которые мы имеем, в сообщениях между собой, и коим весьма неприятно наше соединение и работа в Троппау. Цель возмущения, кажется, была испугать..."

Видимо, как раз в эти дни все происходящее в Европе и в России предстало перед Александром в других тонах. Генерал Васильчиков писал, что присутствие государя необходимо в России. Александр отвечал: "Если я в такую важную минуту брошу все это дело, дабы скакать в Россию, замешательство самое пагубное может произойти во всех этих делах, а успех их окончательно поколеблется. К тому же все эти радикалы и карбонарии, рассеянные по Европе, именно хотят заставить меня бросить начатое здесь дело. Мы имеем в наших руках об этом не один документ; они взбешены, видя дело, которым мы здесь занимаемся. Нужно ли им дать это торжество?"

Тогда же он признался Меттерниху: "С 1814 года я ошибался относительно общественного настроения. Теперь считаю ложным то, что считал ранее за правду, я сделал много зла, но теперь постараюсь это исправить". То, что во взглядах Александра произошли перемены, видно из всех его дальнейших действий. Да и могло ли быть по-другому? Коль скоро призрак солдатской революции замаячил уже и над Россией, нельзя было более терять время. Александр сдался на уговоры Меттерниха. 19 ноября был подписан протокол конференции, в котором между прочим говорилось, что союзные государи

обязываются друг перед другом не признавать перемен государственного строя, происходящих незаконным путем, и считают для себя возможным употреблять против таких попыток принудительные меры.

Судьба сыграла с Александром злую шутку. "Священный союз", задуманный с самыми благородными и величественными целями, как прообраз будущей Европы, обратился на деле в обычный политический сговор монархов против революции. И ради сохранения этого союза Александру пришлось сперва до некоторой степени поступиться своими либеральными принципами, а потом и вовсе принести их в жертву.

Поначалу он как будто даже сам не понимал, насколько бесповоротно его пере рождение. Когда французский представитель граф Ла-Ферроннэ, не подписавший протокола, выразил опасение, что справедливое негодование на революции испанскую и неаполитанскую может охладить императора к конституционным учреждениям, которых он был до сих пор ревностным покровителем, Александр отвечал ему: "Чем я был, тем остаюсь теперь и останусь навсегда. Я люблю конституционные учреждения и думаю, что всякий порядочный человек должен их любить; но можно ли вводить их без различия у всех народов? Не все народы в равной степени готовы к их принятию; ясное дело, что свобода и права, которыми может пользоваться такая просвещенная нация, как ваша, нейдут к отсталым и невежественным народам обоих полуостровов". В этих словах, внешне вполне либеральных, слышится приговор всем конституционным начинаниям Александра в России.

В январе 1821 года конгресс переехал в Лайбах. В феврале вопрос о походе австрийцев на Неаполь был окончательно решен. Государи продолжали жить в Лайбахе, ожидая известий о результатах экспедиции. Казалось, что выход наконец найден. Но вдруг в марте, как гром среди яс-

ного неба, распространилась весть о революции в Пьемонте. По форме это была та же солдатская революция, что в Испании и Неаполе. 10 марта александрийский гарнизон провозгласил конституцию, овладел крепостью и учредил временную хунту; на другой день восстание вспыхнуло в самом Турине. Король Виктор-Эммануил отрекся от престола. Провозглашенный регентом королевства принц Кориньянский принужден был ввести конституцию.

Известие о событиях в Александрии и Турине произвели в Лайбахе такое же громовое впечатление, какое в 1815 году было произведено в Вене известием о высадке Наполеона на берега Франции: государи смотрели друг на друга в немом ужасе. Поступали известия о сильных волнениях в Ломбардии. Боялись, что подобные же явления обнаружатся в других частях полуострова, что народные массы, поддержанные войсками Неаполя и Сардинии, подавят ненавистную итальянцам австрийскую армию; опасались, что движение отзовется во Франции, в Германии, в Польше.

Но как в 1815 году в Вене, так и теперь в Лайбахе император Александр положил конец этому всеобщему ужасу; он сказал императору Францу: "Мои войска в распоряжении Вашего Величества, если вы считаете их содействие полезным для себя". Австрийский император принял это предложение с благодарностью, и стотысячная русская армия получила приказ вступить в Галицию.

Хотя помощь ее не потребовалась и приказ вскоре был отменен, примечательна эта твердость Александра. Как прежде он чувствовал себя призванным спасти Европу от тирании Наполеона, так и теперь он почел своим долгом встать на пути европейской революции. На проверку этот враг оказался гораздо менее страшным. 24 марта австрийцы вступили в Неаполь при криках народа: "Да здравствует король!" 10 апреля сардинские войска, верные королю, при поддержке австрийского корпуса вошли в Турин. Италия была успокоена.

Но уже разгоралось пламя греческого восстания на Балканском полуострове. Известие о нем было неприятной неожиданностью для союзных государей и подвергло серьезному испытанию само существование "Священного союза". Осложняло проблему и то обстоятельство, что движение шло из России и что во главе его стоял генерал русской службы князь Ипсиланти. Он был уверен, что Россия немедленно подаст помощь восставшим грекам. Однако 4 апреля русский посланник в Константинополе объявил, что Россия не поддерживает Ипсиланти. Между тем восстание угнетенных и жестокости турецких фанатиков вызвали сильное возбуждение в русском обществе: все симпатии были на стороне православных греков. Ждали реакции Александра (он уже приехал в Петербург) — она осталась прежней. Россия протестовала против изуверств фанатиков, но не спешила с военной поддержкой восставших.

В этот критический момент Александр выдержал искуc, он не поддался давлению, которое оказывалось на него со всех сторон. Вопреки всем доводам, вопреки явным интересам России, он не начал войны и сохранил верность новым принципам европейской политики. Позже он сказал Шатобриану: "Не может быть более политики английской, французской, русской, австрийской; существует только одна политика — общая, которая должна быть принята народами и государями для общего счастья. Я первый должен показать верность принципам, на которых я основал союз. Представилось испытание — восстание Греции; религиозная война против Турции была в моих интересах, в интересах моего народа, требовалась общественным мнением моей страны. Но в волнениях Пелопоннеса мне показались признаки революционные, и я удержался. Чего только не делали, чтоб разорвать союз? Старались внушить мне предубеждения, уязвить мое самолюбие, — меня открыто оскорбляли. Очень

дурно меня знали, если думали, что мои принципы проистекали из тщеславия, могли уступить желанию мщения... Провидение дало в мое распоряжение 800 000 солдат не для удовлетворения моего честолюбия, но чтоб я покровительствовал религии, нравственности и правосудию; чтоб дал господство этим началам порядка, на которых зиждется общество человеческое".

***

Приехав из Лайбаха, Александр больше не возвратился к проектам конституции и освобождения крестьян. Ему, однако, было нелегко расстаться со своими мечтами. Давил груз невыполненных дел и несбывшихся надежд. "Когда я подумаю, — признавался Александр незадолго до смерти, — как мало еще сделано внутри государства, то эта мысль ложится мне на сердце как десятипудовая гиря; от этого устаю".

После Лайбахского конгресса генерал-адъютант Васильчиков предоставил ему докладную записку о зреющем в столице заговоре с перечислением участников тайных обществ. Речь шла о будущих декабристах. Император в глубокой задумчивости прочитал поданные бумаги и сказал, что не будет давать делу никакого хода. "Дорогой Васильчиков, — вздохнул он, — вы были у меня на службе с самого начала моего царствования. Вы знаете, что я разделял и поощрял эти иллюзии и заблуждения... Не мне подобает их карать..." И он бросил список в камин.

Положение, в котором оказался Александр после 1820 года, нельзя назвать иначе, как трагическим. Он не смог провести реформ, о которых мечтал всю жизнь, он понимал, что неизбежный ход событий ведет его в лагерь реакции, и чувствовал все более и более отвращения к власти. В конце концов Александр перестал заниматься внутренними делами, перепоручив их графу Аракчееву. С 1823 года он являлся единственным докладчиком при государе по всем вопросам, даже по ведению Святейшего синода.

Александр I

Чиновники сразу почувствовали ослабление внимания государя. Это было время повсеместных злоупотреблений и распушенности. Никогда раньше не было такого лихоимства и казнокрадства, как в последние годы правления Александра. Император знал о них, но ничего не делал: им овладели апатия и равнодушие.

Во внешних делах Александр считал своим долгом довести до конца дело борьбы с революцией. В 1822 году он уехал на конгресс "Священного союза" в Варну, где принято было решение о подавлении испанского восстания. Но после того как революция была уничтожена, по тогдашнему выражению, в последнем своем убежище, Александр охладел и к внешней политике.

Чувства частного человека брали в нем верх с каждым годом. Он то и дело возвращался к мысли об отречении. Еще в 1817 году Александр сказал своему флигель-адъютанту Михайловскому-Данилевскому: "Когда кто-нибудь имеет честь находиться во главе такого народа, как наш, он должен в минуту опасности первый идти ей навстречу. Но он должен оставаться на сво-

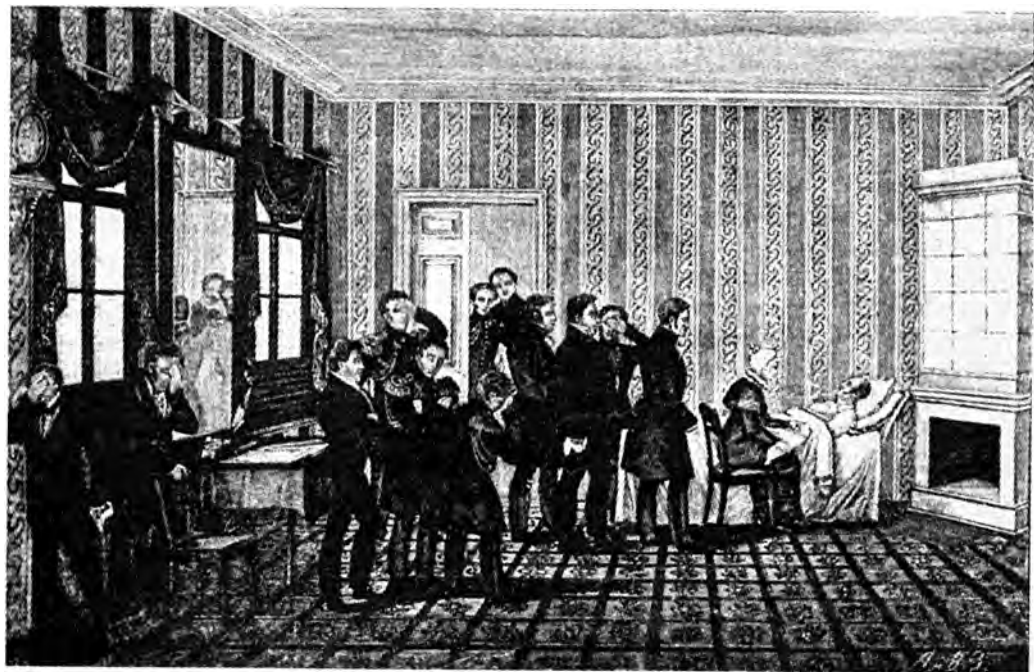
ем посту только до тех пор, пока его физические силы ему это позволяют. По прошествии этого срока он должен удалиться". В 1819 году император завел тот же разговор со своим младшим братом Николаем, а в 1824 году признался Васильчикову: "Я не был бы недоволен сбросить с себя бремя короны, странно тяготящей меня".

Вместе с тем Александр становился все более религиозным, много времени проводил в общении с монахами, из которых юрьевский архимандрит Фотий приобрел над ним очень большое влияние. Он заметно охладил к рассудочному мистицизму. Зато его захватила бесхитростная проповедь смирения и простоты, присущая православию. Александр подолгу молился, строго соблюдал посты и религиозные праздники, постоянно имел при себе конверт с молитвами.

Летом 1824 года от чахотки умерла любимая дочь Александра Соня Нарышкина. После этого он стал мрачен, как ни-

когда ранее, и более обычного замкнулся в себе. Новый, 1825 год он встретил, по свидетельству всех современников, в состоянии горя и покаяния. Весной в Петербург приехал король Нидерландов Вильгельм VI. Александр признался ему, что хочет оставить престол и уйти в частную жизнь. Гость отговаривал императора, но тот остался тверд в своих намерениях. Он поехал в Варшаву, летом вернулся в Петербург и стал готовиться к новому путешествию в Таганрог. Императрица Елизавета Алексеевна была тяжело больна. Ее положение стало таким опасным, что надо было немедленно ехать на юг Франции или в Италию. Но Елизавета отказалась лечиться в Европе. Александр долго совещался с женой и затем объявил, что повезет ее в Таганрог.

13 сентября Александр приехал в Таганрог. Здесь он занял небольшой одноэтажный домик, который вовсе не был похож на дворец. Обстановка была очень скромная.

Кончина Александра I

Александр сам расчистил дорожки в саду, развесил в комнатах лампы, вбивал гвозди и перетаскивал диваны. Через десять дней приехала императрица. Они поселились вдвоем, как молодые супруги, сократив до минимума прислугу. Александр сам ухаживал за больной женой, и вскоре ей заметно полегчало. В середине октября император поехал в Новочеркасск. 20 октября поехал в Крым, осмотрел Гурзуф, Алупку, Ботанический сад и Ореанду. Чрезвычайно довольный этими местами, Александр сказал князю Волконскому: "Я скоро переселюсь в Крым и буду жить частным человеком. Я отслужил 25 лет; и солдату в этот срок дают отставку".

27 октября ночью император приехал в Севастополь, затем поехал в Бахчисарай. 30 октября, после осмотра Чуфут-Кале, он впервые почувствовал недомогание. В Крыму в это время свирепствовала лихорадка, и признаки ее вскоре открылись у больного. Он вернулся в Таганрог 5 ноября уже совершенно разбитый болезнью: лицо пожелтело, его постоянно бросало то в жар, то в холод. 10 ноября с ним случился глубокий обморок, после которого он слег в постель. Некоторое время было неясно, какое течение примет болезнь. 18 ноября утром последовало улучшение, но вечером состояние Александра резко ухудшилось, и на следующее утро он скончался. Как показало вскрытие, смерть наступила вследствие воспаления мозга.

Погребен в Петербурге, в Петропавловском соборе.

АЛЕКСАНДР II Николаевич Романов

Государь император и самодержец Всероссийский в 1855—1881 гг. Сын императора Николая I и императрицы Александры Федоровны. Род. 17 апр. 1818 г. Вступил на престол 18 февр. 1855 г. Короновался 26 авг. 1856 г. Ж.: 1) с 16 апр. 1841 г. дочь Людовика Второго, великого герцога Гессен-Дармштадтского, вел. герцогиня Максимилиана-Вельгельмина-Августа-София-Мария, императрица Мария Александровна (род. 27 июля 1824 г. † 22 мая 1880 г.); 2) с 6 июля

Император Александр II

1880 г. княжна Екатерина Михайловна Долгорукова, светлейшая княгиня Юрьевская (род. 1847 г. † 1922 г.). † 1 марта 1881 г.

Известно, что рождение Александра привлекло к себе особое внимание всего русского общества. Отец его, великий князь Николай Павлович, третий сын императора Павла I, занимал в то время более чем скромное положение и даже не помышлял о престоле. Однако поскольку оба старшие брата не имели наследников мужского пола, то в лице его сына род Романовых как бы получил долгожданное продолжение.

Родители будущего императора были люди очень разные, но Александр гораздо более унаследовал характер своей матери. Он рос мальчиком мягким, чувствительным, даже сентиментальным. Чувства и переживания всегда играли в его жизни большую роль. Твердость и непреклонная властность, присущие Николаю Павловичу, никогда не были отличительными чертами его сына. В детстве Александр от-

личался живостью, быстротой и сообразительностью. Воспитатели отмечали в нем сердечность, чувствительность, веселый нрав, любезность, общительность, хорошие манеры и красивую внешность. Но вместе с тем признавали, что цесаревичу недостает настойчивости в достижении цели, что он легко пасует перед трудностями, не имеет характера и воли.

В шесть лет воспитание Александра было поручено человеку сугубо военному — капитану Мердеру. Это был боевой офицер, награжденный за храбрость, проявленную под Аустерлицем, участник всех битв кампании 1806—1807 годов. Современники единодушно отзывались о нем, как о человеке высоконравственном, добром, обладавшем ясным и любознательным умом и твердой волей. Вообще, выбор оказался удачным. Сделавшись императором, Николай тотчас озаботился общим образованием наследника и избрал ему в наставники Жуковского. Поэт отнесся к назначению с величайшей ответственностью. В течение полугода он составил специальный “План учения”, рассчитанный на 12 лет и одобренный Николаем I. Этот педагогический трактат представлял собой подробную программу нравственного воспитания и обучения.

Набор предметов, предложенный Жуковским, включал в себя русский язык, историю, географию, статистику, этнографию, логику, философию, математику, естествознание, физику, минералогию, геологию, закон Божий, языки: французский, немецкий, английский и польский. Большое внимание уделялось рисованию, музыке, гимнастике, фехтованию, плаванию и вообще спорту, танцам, ручной работе и декламации. Два раза в год наследнику устраивались экзамены, часто в присутствии самого государя, который оставался в целом доволен успехами сына и усердием учителей. Но император считал, что военные науки должны стать основой воспитания сына, и с этим приходилось

считаться. Уже в 11 лет Александр командовал ротой, в 14 — в первый раз за офицера руководил взводом во время учений 1-го кадетского корпуса. С 1833 года ему стали читать курс фортификации и артиллерии. Через год преподавание военных предметов было еще усилено в ущерб другим дисциплинам.

Вместе с тем цесаревича стали привлекать к государственным делам. С 1834 года он должен был присутствовать на заседаниях Сената, в 1835 году был введен в состав Синода, а в 1836 году произведен в генерал-майоры и причислен к свите Николая. Эти годы явились и “окончательным периодом учения”, когда высшие государственные сановники читали будущему императору курсы практического характера. Сперанский в течение полутора лет вел “беседы о законах”, известный русский финансист Канкрин сделал “краткое обозрение русских финансов”, советник Министерства иностранных дел барон Брунов знакомил наследника с основными принципами внешней политики России, начиная с царствования Екатерины II, наконец, военный историк и теоретик генерал Жomini преподавал на французском языке военную политику России. Весной 1837 года вместе со своими соучениками Паткулем и Виельгорским Александр сдал выпускные экзамены, заняв среди своих способных сверстников твердое первое место.

***

Сразу вслед за этим 2 мая Александр отправился в первое большое путешествие по родной стране, которую ему предстояло если и не узнать, то хотя бы увидеть, чтобы представлять, чем и кем суждено ему управлять, когда наступит его время. Поездка продолжалась до конца года. За это время Александр посетил множество городов, был на юге, доезжал до Урала и самой Сибири. Следующие три месяца цесаревич усиленно занимался военным делом, финансами и дипломатией, готовясь к заграничному путешествию.

В то же время он пережил очень сильное любовное увлечение. Предметом его страсти стала фрейлина Ольга Калиновская. По свидетельству графини Ферзен, она вовсе не отличалась красотой, но обладала вкрадчивостью и нежностью. Александр уже готов был отказаться от трона, чтобы жениться на ней. Узнав об этом, Николай посчитал за лучшее поспешить с заграничной поездкой сына, тем более что одна из целей ее состояла как раз в поисках невесты для наследника. В конце апреля Александр вновь отправился в дальний путь. В продолжение года он посетил Скандинавию, Австрию, объехал все итальянские и германские государства.

13 марта 1839 года наследник остановился на ночлег в маленьком, окруженном садами и парками Дармштадте, где по его маршруту остановка не была предусмотрена. Специально для цесаревича был снят отель "Траубе", так как Александр категорически отказался ночевать в замке герцога Гессенского (он был сильно утомлен визитами к многочисленным германским князьям и мечтал быстрее добраться до Голландии). Однако вечером он отправился на оперу, и здесь в зале театра его встретила вся герцогская семья. Дочь герцога Мария, которой было тогда всего 15 лет, сильно поразила Александра своей красотой и грацией. После представления он принял приглашение к ужину, много разговаривал, смеялся и, вместо того чтобы спешить с отъездом, согласился завтракать у наследного принца. За эти часы Мария совершенно очаровала цесаревича, и, отправляясь спать, он сказал сопровождавшим его адъютантам Каверину и Орлову: "Вот о ком я мечтал всю жизнь. Я женюсь только на ней". Он тут же написал отцу и матери, прося у них позволения сделать предложение юной принцессе Гессенской. Николай согласился.

Май месяц Александр провел в Лондоне, где был радушно принят английс-

Императрица Мария Александровна

кой аристократией, побывал в парламенте, на скачках, в Оксфорде, Тауэре, в доках на Темзе, в Английском банке и Вестминстерском аббатстве. Но самые яркие воспоминания были связаны у него с 19-летней королевой Викторией. 23 июня он вернулся в Петербург и здесь опять увлекся Ольгой Калиновской: он был очень влюбчив, и родителям приходилось с этим считаться. Император поспешил выдать Калиновскую за мужа ее покойной сестры богатого польского магната графа Иринья Огинского. Только тогда, 4 марта 1840 года, Александр поехал за своей невестой в Дармштадт. Он возвратился в Россию вместе с ней и своими родителями, встретившими их в Польше в начале сентября. 5 декабря Мария была крещена по православному обряду и стала великой княжной Марией Александровной. Венчание состоялось 16 апреля 1841 года. Все, кто писал о жене Александра, отдавали должное ее красоте и прекрасным душевным качествам. Тютче-

ва, познакомившаяся с ней спустя 12 лет, вспоминала: "Несмотря на высокий рост и стройность, она была такая худенькая и хрупкая, что не производила на первый взгляд впечатления красавицы; но она была необычайно изящна тем совершенно особым изяществом, какое можно найти на старых немецких картинах, в мадоннах Альбрехта Дюрера, соединяющих некоторую строгость и сухость форм со своеобразной грацией в движениях и позе, благодаря чему во всем их существе чувствуется неуловимая прелесть и как бы проблеск души сквозь оболочку тела. Ни в ком никогда не наблюдала я в большей мере, чем в цесаревне, это одухотворенное и целомудренное изящество идеальной отвлеченности. Черты ее не были правильны. Прекрасны были ее чудные волосы, ее нежный цвет лица, ее большие голубые, немного навязат глаза, смотревшие кротко и проникновенно... Это прежде всего была душа чрезвычайно искренняя и глубоко религиозная... Ум цесаревны был подобен ее душе: тонкий, изящный, проницательный, очень иронический..."

***

По возвращении из путешествия Александр включился в государственную деятельность. С 1839 года он присутствует на заседаниях Государственного совета, а с 1840-го — еще и на заседаниях Комитета министров. В 1841—1842 годах он уже был членом этих высших государственных учреждений. Наконец, в 1842 году по случаю двухмесячного отъезда Николая I из столицы на Александра было возложено решение всех государственных дел. В последующие годы это стало правилом. В 1846 году Николай сделал сына председателем Секретного комитета по крестьянскому вопросу. Одновременно наследник исполнял военные должности. В 1844 году он получил полного генерала, в 1849 году сделался главным начальником военно-учебных заведений и принял командова-

ние над Гвардейским корпусом, а в 1852 году был произведен в главнокомандующие Гвардейским и Гренадерским корпусами. В 1850 году для ознакомления с военными действиями Александр поехал на Кавказ. В целом, как всегда, это была парадная поездка по гарнизонам. Только в Дагестане цесаревич стал свидетелем боевой схватки с чеченцами, он не утерпел и покосился за цепь под огнем неприятеля.

Все эти годы до восшествия своего на престол Александр всегда старался точно и верно выполнять распоряжения императора. Никаких самостоятельных поступков он не совершал, никаких политических идей не высказывал. Он, по-видимому, разделял все консервативные взгляды своего отца и, работая, например, в Крестьянском комитете, не обнаружил никаких либеральных намерений. Даже внешне он старался походить на отца. Тютчева, которая близко узнала Александра в 1853 году, писала: "Черты лица его были правильны, но вялы и недостаточно четки, глаза большие, голубые, но взгляд мало одухотворенный; словом, его лицо было маловыразительно и в нем было даже что-то неприятное в тех случаях, когда он при публике считал себя обязанным принимать торжественный и величественный вид. Это выражение он перенял от отца, у которого оно было природное, но на его лице оно производило впечатление неудачной маски. Наоборот, когда великий князь находился в семье или в кругу близких лиц и когда он позволял себе быть самим собой, все его лицо освещалось добротой, приветливой и нежной улыбкой, которая делала его на самом деле симпатичным. В ту пору, когда он был еще наследником, это последнее выражение было у него преобладающим; позднее, как император, он считал себя обязанным почти всегда принимать суровый и внушительный вид, который в нем был только плохой копией. Это не давало ему того обаяния, каким в свое время обладал император Николай, и ли-

шало его того, которое было дано ему природой и которым он так легко мог бы привлекать к себе сердца".

Император Николай при жизни полностью заслонял и подавлял своей личностью сына. Тот всегда оставался лишь послушным исполнителем воли своего родителя, но вот 18 февраля 1855 года Николай скоропостижно умер. На другой день Александр взошел на престол. Он принял власть в тяжелейший момент, когда для всех очевидно было, что Россия обречена на поражение в Крымской войне. Изумление, обида, боль, гнев и раздражение царили в обществе. Первые годы царствования стали для Александра суровой школой политического воспитания. Именно тогда он в полной мере ощутил все накопившееся в обществе недовольство и испытал всю горечь жестокой и несправедливой критики.

Не сразу, а только после долгих колебаний и ошибок набрел он на ту дорогу, по которой должна была пойти Россия. Поначалу вообще не видно в Александре никакого намерения проводить реформы. На другой день после принятия власти, 19 февраля 1855 года, он заявил в Государственном совете, что признает себя продолжателем "желаний и видов" "незабвенного нашего родителя", а 23 февраля на приеме дипломатического корпуса определенно обещал придерживаться политических принципов отца и дяди. Он и слышать не хотел о заключении мира, справедливо считая предложенные условия унижительными и неприемлемыми для России. Но твердости его не могло хватить надолго — уж слишком неблагоприятны были обстоятельства для того, чтобы править по-старому. В августе пал Севастополь — это был страшный удар. Говорят, что Александр плакал, получив роковую весть. Он сам отправился на юг, наблюдал за возведением бастионов вокруг Николаева, осмотрел укрепления вокруг Очакова и Одессы, посетил главную квартиру ар-

Император Александр II с дочерью Марией

мии в Бахчисарае. Но все усилия были напрасны. Россия не могла продолжать войну. На международной арене она оказалась изолированной, внутренние силы ее были подорваны, недовольство охватило все слои общества.

Обладая здравым и трезвым умом, определенной гибкостью, совсем не склонный к фанатизму, Александр, под давлением обстоятельств и не имея никакой программы, начал принимать новые решения, не укладывавшиеся в старую систему и даже прямо противоположные ей. Он встал на путь освободительных реформ не в силу своих убеждений, а как военный человек на троне, осознавший "уроки" Крымской войны, как император и самодержец, для которого престиж и величие державы стояли превыше всего.

Контуры этого нового курса вырисовывались постепенно. 3 декабря 1855 года был закрыт Высший цензурный комитет. Запрет, наложенный Николаем I на печатное слово, был отменен — так велика была

потребность общества выговориться. Одно за другим стали возникать новые независимые издания. Гласность стала первым проявлением оттепели, наступившей вскоре после воцарения Александра. Уничтожены были и стеснения, введенные в университетах после 1848 года.

В марте 1856 года при активном участии князя Горчакова был заключен Парижский мир. Он стоил России Черноморского флота, но все же был гораздо менее постыден, чем можно было ожидать. Вскоре после подписания мира упразднены были оставшиеся военные поселения, срок службы в армии сокращен с 25 до 15 лет.

14 августа царская семья с Николаевского вокзала отправилась на поезде в Москву, и 26 августа в Успенском соборе произошла коронация. По случаю праздника Александр на три года отменил рекрутскую повинность, простил недоимки, амнистировал или облегчил участь большого числа преступников, в том числе декабристов. Оставшимся в живых участникам восстания были возвращены имения и титулы.

***

Трудно сказать, когда Александр окончательно осознал, что крепостные отношения изжили себя, но то, что он уверился в этом уже вскоре после своего восшествия на престол, не вызывает сомнений. Оставалось решить, как осуществить эту грандиозную реформу. В марте 1856 года, вскоре после заключения мира, император отправился в Москву. Московский генерал-губернатор, известный крепостник граф Закревский, ходатайствовал перед Александром о желании местного дворянства представиться государю по поводу распространившегося среди него слуха, что правительство замышляет отмену крепостного права.

Император принял московского губернского предводителя дворянства князя Щербатова с уездными представителями и сказал им: "Слухи носят, что я хочу объявить освобождение крепостного состояния. Это несправедливо... Вы може-

те это сказать всем направо и налево. Я говорил то же самое предводителям, бывшим у меня в Петербурге. Но не скажу вам, чтобы я был совершенно против этого. Мы живем в таком веке, что со временем это должно случиться. Я думаю, что и вы одного мнения со мною; следовательно, гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, чем снизу". Государь попросил подумать об этом и высказать свои предложения.

3 января 1857 года для рассмотрения вопроса отмены крепостных отношений составлен был новый секретный комитет из ближайших доверенных лиц. В начале декабря того же года от имени министра внутренних дел был разослан циркуляр, в котором предлагалось в каждой губернии образовать комитеты для обсуждения этого важного вопроса. К половине июля 1858 года комитеты были открыты во всех губерниях. Они работали около года, выработав местные положения об устройстве быта помещичьих крестьян. В феврале 1859 года первый секретный комитет по крестьянским делам получил гласное официальное существование как главный руководитель предпринятого дела. По мере того как начали поступать выработанные губернскими комитетами проекты, при нем образовывались редакционные комиссии, которые должны были дать окончательную выработку губернским проектам. 10 октября 1860 года Александр велел передать наработки в распоряжение главного комитета, а 28 января 1861 года состоялось первое заседание Государственного совета, который должен был утвердить проект. Выступая на нем, Александр сказал, что откладывать дело освобождения крестьян больше нельзя, что необходимо его окончить в феврале, чтобы объявить волю к началу полевых работ. Но несмотря на прямую поддержку государя, проект встретил в Государственном совете серьезное противодействие. В конце концов Александр одобрил его вопреки мнению большинства членов. 19 февраля окончательный текст закона об освобождении и устройстве быта

крестьян, а также Высочайший манифест об этом были подписаны, а 5 марта манифест прочитали во всех церквях.

Так было совершено великое дело отмены крепостного права. Давая оценку крестьянской реформе, следует помнить, что она была тем, чем только могла быть в то время, то есть компромиссом между двумя основными классами русского общества: дворянами и крестьянами. В результате реформы крестьяне получили гораздо больше того, что хотела им дать подавляющая масса крепостников-помещиков, но гораздо менее того, чего они сами от нее ожидали после стольких лет разговоров. Если вспомнить, что в числе поданных в 1859 году губернскими комитетами проектов реформы едва ли не треть представляла такие, в которых вовсе отвергалось освобождение крестьян, а в трети других предлагалось освободить крестьян без земли, если добавить к этому, что члены редакционной комиссии (которые все,

кстати, были дворянами) не включили в окончательный вариант закона множество полуфеодальных пут, которыми помещики хотели связать по рукам и ногам своих бывших крепостных, то нельзя не признать, что закон 19 февраля 1861 года имел колоссальное прогрессивное значение и был, по словам Ключевского, одним из важнейших актов русской истории. И поистине, личная заслуга Александра в этом огромна. Его следует признать главным двигателем реформы, ибо он начал ее в одиночку, еще не имея помощников в правительстве и семье, и завершил ее, несмотря на упорное сопротивление помещиков и высших чиновников. Он вложил в это дело много своих сил, лично разъезжая по губерниям и стараясь смягчить ожесточение помещиков: убеждал, уговаривал, стыдил. В конце концов благодаря его личному авторитету был утвержден наиболее либеральный из возможных в то время вариантов освобождения (с землей за выкуп).

“Рабство, павшее по манию царя...”

Но с другой стороны, материальное положение, в которое попали крестьяне после освобождения, настолько не соответствовало их реальным нуждам, что многие из них через несколько лет поставлены были на грань полной нищеты. Императору хорошо известно было, что крестьяне недовольны уменьшением наделов, высокими повинностями и выкупными платежами, но он не считал возможным уступить в этом вопросе. Выступая 15 августа 1861 года в Полтаве перед крестьянскими старостами, Александр категорически заявил: "Ко мне доходят слухи, что вы ищете другой воли. Никакой другой воли не будет, как та, которую я вам дал. Исполняйте, чего требует закон и Положение. Трудитесь и работайте. Будьте послушны властям и помещикам". Этому мнению он остался верен до конца жизни.

Освобождение крестьян существенно изменило все основы русского государственного и общественного быта. Оно создало в центральных и южных областях России новый многолюдный общественный класс. Прежде для управления им довольствовались помещичьей властью. Теперь же управлять крестьянами должно было государство. Старые екатерининские учреждения, устанавливавшие в уездах дворянское самоуправление, уже не годились для нового разносословного уездного населения. Надобно было создавать заново местную администрацию и суд. Отмена крепостного права, таким образом, неизбежно вела к другим преобразованиям. В первой половине 60-х годов последовательно проводятся университетская реформа, реформа местного самоуправления, создается новый высословный суд и смягчается цензурный контроль. При всей ограниченности и незавершенности проведенных реформ, они имели для России огромное прогрессивное значение. Многие пути, связывавшие развитие страны, были устранены. В этом заключался залог промышленных успехов

России. Серьезным стимулом экономической жизни при Александре сделалось строительство железных дорог, всячески поощряемое правительством. В скором времени построено было около 20 тысяч верст железнодорожных путей. Это оказало влияние на развитие промышленности и торговли. Товарооборот с сопредельными странами вырос в десять раз. Заметно умножилось число торговых и промышленных предприятий, фабрик и заводов. Появились и кредитные учреждения — банки, во главе которых встал с 1860 года Государственный банк. Россия стала постепенно терять характер патриархального земледельческого государства.

Но прошло много лет, прежде чем русское общество осознало правильность выбранного курса. Александру пришлось сполна испытать горечь разочарования, знакомую многим великим реформаторам. Вместо благодарности, которую он, может быть, ожидал услышать от своих подданных, император подвергся суровой критике. Одни упрекали его за то, что в своих преобразованиях он переступил черту дозволенного и встал на путь гибельный для России, другие, напротив, считали, что государь слишком медлит с введением новых институтов и что даже в реформах своих он более реакционер, чем либерал.

Собственно, правы были и те и другие. Общественный и государственный порядок в николаевской России поддерживался за счет военной силы, неприкрытого национального угнетения и жестокой цензуры. Как только режим был смягчен, Россию стали потрясать национальные восстания и революционное брожение. Новые идеи, проникая во все слои общества, постепенно разъедали верноподданические чувства. Уже с 1862 года появляются революционные прокламации, призывающие к свержению самодержавия и уравнительному разделу земли. Власть и общество впервые почувствовали себя противопоставленными друг другу.

Вместе с тем оживилось национально-освободительное движение на ее северо-западной окраине. Лишь только установленные Николаем I в Царстве Польском порядки были немного смягчены Александром, как началось сильное патриотическое движение за независимость Польши. Все попытки найти компромисс, удовлетворив наиболее скромные требования оппозиции, не дали результатов, уступки расценивались как свидетельство слабости властей, каковой следует воспользоваться. В январе 1863 года подпольное движение перешло в вооруженное восстание, начавшееся нападением повстанцев на солдат ряда гарнизонов. Искерпав все возможности переговоров, Александр в конце концов решился на жесткие меры. Летом 1863 года он отозвал из Польши великого князя Константина, назначив на его место графа Берга, а генерал-губернатором в северо-западные губернии отправил Муравьева, известного своими склонностями к крутым мерам. Применение против повстанцев огромной регулярной армии, смертные приговоры для лиц, причастных к убийствам, — все это позволило довольно быстро стабилизировать положение на западной окраине России.

***

Десятилетие неустанных трудов не прошло без следа. С 1865 года замечается в Александре утомление, даже некоторая апатия. Преобразовательная деятельность ослабевает, и хотя начатые реформы продолжают неуклонно воплощаться в жизнь, новые начинания становятся редкостью. Немалую роль сыграли тут и личные несчастья и покушения на жизнь государя, следовавшие одно за другим со страшной методичностью.

В апреле 1865 года Александр перенес жестокий удар и как человек, и как император. В Ницце от спинномозгового менингита умер его старший сын Николай — юноша, которому только что исполнился 21 год, успешно завершивший образование, нашедший себе невесту, на-

меревавшийся начать государственную деятельность в качестве помощника и будущего преемника своего отца. Новым наследником престола был объявлен второй сын императора, великий князь Александр Александрович. И по способностям, и по образованию он откровенно не соответствовал своему высокому назначению. Император не мог не испытывать тревоги за будущее России. Можно было еще попытаться восполнить пробелы учебного курса (и это было сделано), однако время уже оказалось упущено, ибо речь шла о сложившемся двадцатилетнем человеке.

Наиболее тяжело смерть великого князя Николая сказалась на императрице. Она любила его особенно, занималась его образованием, неизменно приглашала на вечера в свою гостиную. Между матерью и сыном была глубокая внутренняя связь. После того, как сын скончался у нее на руках, императрица замкнулась в своем горе, здоровье ее еще более пошатнулось.

Супружеская жизнь Александра с женой давно уже не ладилась. Возможно, смерть сына нанесла ей последний роковой удар. За первые двадцать лет совместной жизни Мария Александровна родила восемь детей. Между тем ее здоровье с самого начала не отличалось крепостью. Многочисленные роды еще больше расшатали его. После сорока императрица стала страдать острыми сердечными приступами. Врачи настоятельно советовали Марии Александровне воздержаться от супружеских отношений, и подобно своему отцу, Александр в сорок лет оказался соломенным вдовцом. Одну за другой он сменил нескольких любовниц. Среди них называют княжну Александру Долгорукую, Замятину, Лабунскую, Макарову, Макову и Ванду Кароцци. Все это были безупречные красавицы (Александр смолodu слыл знатоком и любителем женщин), но они не могли заполнить пустоты, которая как-то незаметно возникла вокруг императора.

А Александр еще совсем не ощущал себя старым человеком. Видевший его вскоре после смерти сына французский поэт Теофиль Готье так описывал его внешность: "Волосы у государя были коротко стрижены и хорошо обрамляли высокий и красивый лоб. Черты лица изумительно правильны и кажутся высеченными скульптором. Голубые глаза особенно выделяются благодаря коричневому тону лица, обветренного во время долгих путешествий. Очертания рта так тонки и определены, что напоминают греческую скульптуру. Выражение лица величественно-спокойное и мягкое, время от времени украшается милостивой улыбкой".

Весной 1865 года Александр начал новый, самый бурный в своей жизни роман, которому суждено было сделаться последним. Прогуливаясь в Летнем саду, он заметил молодую девушку, грациозную, модно одетую, с румянцем во всю щеку, с

большими лучистыми глазами. Это была восемнадцатилетняя княжна Екатерина Долгорукова. Император знал ее давно, с 1857 года, когда она была еще маленькой девочкой. Теперь, очарованный ее свежей красотой, он начал ухаживать за ней, увлекаясь все больше и больше. Ему удалось постепенно пробудить встречные чувства, но отношения влюбленных долгое время оставались платоническими, им нужно было пройти через многие испытания, прежде чем их влечение превратилось в всепоглощающую страсть.

4 апреля 1866 года Александр, закончив обычную прогулку по Летнему саду, вышел за ворота, чтобы сесть в коляску. Неожиданно к нему подошел молодой человек, выхватил револьвер и направил прямо в грудь. Нападение было столь неожиданным, что должно было окончиться трагически, но стоявший неподалеку картузник Осип Комиссаров успел ударить убийцу по руке. Пуля пролетела мимо. Жандармы схватили покушавшегося и подвели к экипажу императора. "Ты поляк?" — прежде всего спросил Александр. "Русский", — ответил террорист. "Почему же ты стрелял в меня?" — удивился император. "Ты обманул народ, — отвечал тот, — обещал ему землю, да не дал". Арестованного отвели в 3-е отделение. Вскоре выяснилось, что революционера звали Дмитрий Каракозов. Он был членом "Московского кружка", одного из осколков разгромленной еще прежде "Земли и воли" Чернышевского. Кружок состоял из учащихся и студентов, готовившихся к насильственному перевороту и активно пропагандировавших социалистическое учение. По делу Каракозова было предано суду 36 человек. Все они были приговорены к каторге и ссылке, а сам Каракозов был повешен 3 сентября на Смоленском поле.

Покушение такого рода было первым в русской истории и поэтому произвело на современников огромное впечатление. Не менее сильно подействовало оно на императора. После явного успеха реформ (в которые за десять лет до того мало кто

Княгиня Е.М. Долгорукая-Юрьевская.
Морганатическая супруга Александра II

смел поверить) вдруг оказаться с глазу на глаз с такой нетерпимостью, агрессивностью и непониманием было чрезвычайно тяжело. Покушение 4 апреля знаменовало собой определенную перемену и в самом императоре и в его политике. Александр вдруг как бы сразу выдохся и устал. "Государь был действительно постоянно в нервическом раздражении, — вспоминал позже Головин, — казался крайне грустным и перепуганным и внушал соболезнование".

С этого времени берет начало "охранительный" период царствования Александра, когда он более озабочен был не столько новыми реформами, сколько сохранением достигнутого положения. В политике стали проявляться даже черты некоторой реакционности, хотя явного поворота к прошлому не было. Правительство закрыло наиболее радикальные журналы "Современник" и "Русское слово". Были отстранены министр просвещения Головин, петербургский губернатор Суворов — люди умеренно-либеральной ориентации, подал в отставку шеф жандармов князь Долгоруков. На первое место вышли граф Муравьев, назначенный главой Следственной комиссии, и князь Гагарин, создатель Особой комиссии по разработке мер укрепления внутреннего спокойствия. Петербургским губернатором стал генерал Трепов, а III отделение возглавил молодой и энергичный граф Шувалов, сделавшийся вскоре ближайшим и доверенным человеком государя.

Весной того же 1866 года умерла мать Екатерины Долгоруковой. Страшась одиночества, княжна всем сердцем потянулась к Александру, который по возрасту годился ей в отцы. В ночь с первого на второе июня в Петергофе, в павильоне "Бабигон", состоялось их первое любовное свидание. Расставаясь со своей возлюбленной, Александр дал обещание, что женится на ней сразу, как только станет свободен. По свидетельству фрейлины императрицы Александры Толстой, при дворе вскоре узнали о новом романе импе-

ратора и поначалу расценили его как очередное увлечение. "Я не приняла в расчет, — писала Толстая, — что его преклонный возраст увеличивал опасность, но более всего я не учла того, что девушка, на которую он обратил свой взор, была совсем иного пошиба, чем те, кем он увлекался прежде... Хотя все и видели зарождение нового увлечения, но ничуть не обеспокоились, даже самые приближенные к императору лица не предполагали серьезного оборота дела. Напротив, все были весьма далеки от подозрения, что он способен на настоящую любовную интригу; роман, зревший в тайне. Видели лишь происходившее на глазах — прогулки с частыми, как бы случайными встречами, переглядывания в театральных ложах и т. д. и т. п. Говорили, что княжна преследует императора, но никто пока не знал, что они видятся не только на публике, но и в других местах, — между прочим, у ее брата князя Михаила Долгорукого, женатого на итальянке".

Император Александр II

Гораздо позже узнали, что Александр встречается с Долгоруковой в самом Зимнем дворце, в бывшем кабинете Николая I, имевшего отдельный вход прямо с площади и потайную лестницу, соединявшую его с апартаментами Александра. Обществу однозначно не одобрило новой связи: авторитет императрицы в глазах света был чрезвычайно велик, ее жалели, втихомолку осуждали императора и громко роптали на княжну. Старший брат Екатерины был женат на прекрасной неаполитанке маркизе де Черчемаджоре. Узнав о скандальной связи своей золовки с государем, та поспешила увезти ее в Италию. Быть может, и Александр, сознавая свою вину перед женой, хотел таким образом избавиться от своего чувства, но оно оказалось сильнее его. За время полугодовой разлуки любовь только окрепла. Новая встреча Александра с Екатериной произошла при необычайных, даже романтических обстоятельствах.

16 мая 1867 года император с двумя сыновьями — Александром и Владимиром — выехал во Францию на Всемирную выставку. 20 мая царское семейство прибыло в Париж, где их встречал Наполеон III. Александр поселился в Елисейском дворце в тех же апартаментах, которые в 1814 году занимал Александр I. В честь высокого гостя в Тюильри был дан бал и спектакль в Опере, а затем последовало посещение выставки. Но вскоре выяснилось, что Александр приехал в Париж совсем не за этим. "Как стало известно впоследствии, — писала Александра Толстая, — истинной целью поездки было свидание с княжной Долгоруковой, в то время находившейся в Париже вместе со своей невесткой. Даже граф Шувалов, которого нельзя назвать наивным и который имел в своем распоряжении все возможности для того, чтобы быть более осведомленным, сделал это открытие только задним числом. Положение вскоре сделалось явным, у него наконец открылись глаза на угрозу, которую несла эта связь,

и вот каким образом. Он сам мне рассказывал об этом в следующих выражениях: "В первый же день нашего приезда в Париж государь отправился в Орега Соміе, но пробыл там недолго, найдя, что спектакль скучен. Мы вернулись вместе с ним в Елисейский дворец, довольные, что можем, наконец, отдохнуть после трудного дня. Между одиннадцатью часами и полночью император постучал в дверь графа Адлерберга. "Я прогуляюсь пешком, — сказал он, — сопровождать меня не нужно, я обойдусь сам, но прошу, дорогой, дать мне немного денег". — "Сколько нужно?" — "Даже не знаю, может быть, сотню тысяч франков?"

Адлерберг тут же сообщил мне об этом странном случае, и, поскольку в моем распоряжении находились мои собственные агенты (не говоря уже о французской полиции), которые должны были издали следовать за государем, куда бы он ни направлялся, я остался почти спокоен. Мы вернулись в свои комнаты, конечно, позабыв о сне, ожидая с минуты на минуту возвращения императора. Но когда пробило полночь, потом час и два, а он не появлялся, меня охватило беспокойство, я побежал к Адлербергу и застал его тоже встревоженным. Самые страшные предположения промелькнули у нас в душе. Полицейские агенты, которым было поручено вести наблюдение за императором очень деликатно, могли упустить его из виду, а он, плохо зная расположение парижских улиц, легко мог заблудиться и потерять дорогу в Елисейский дворец. Словом, мысль об императоре, одиоком в столь поздний час на улице со ста тысячами франков в кармане, заставила нас пережить кошмарные часы. Предположение, что он мог быть у кого-то в гостях, даже не пришло нам в голову; как видите, это доказывает наше полное неведение относительно главных мотивов его поступков.

Наконец, в три часа ночи он вернулся, даже не догадываясь, что мы бодрствовали

ли в его ожидании. Что же произошло с ним этой ночью? Выйдя на улицу, император нанял фиакр, нагнулся под фонарем, прочитал какой-то адрес, по которому велел извозчику вести его на улицу Рампар, номер такой-то. Прибыв на место, сошел с фиакра и прошел через ворота во двор дома. Он отсутствовал примерно минут двадцать, в течение которых полицейские с удивлением наблюдали, как он безуспешно возился с воротами. Император не знал, что нужно было потянуть за веревку, чтобы дверь открылась, и оказался в ловушке. К счастью, агент, занимавшийся наблюдением, сообразил, в чем дело. Толкнув ворота, он быстро прошел в глубь двора мимо императора, как бы не обращая на него внимания, и таким образом дал возможность императору выйти. Извозчик ошибся номером, и дом, указанный императором, оказался в двух шагах. На этот раз он вошел туда беспрепятственно. Пока Адлерберг и я тряслись от страха, император, наверное, преспокойно пил чай в обществе двух дам". Одна из них была княжна Екатерина Долгорукова, другая — ее невестка. В последующие вечера княжна тайком навещала императора в Елисейском дворце, проникая туда через калитку на улице Габриэль и авеню Мариньи.

Шувалов не зря беспокоился за безопасность Александра. Французское общество было враждебно настроено по отношению к России. При появлении Александра на улицах Парижа часто раздавались дерзкие демонстративные крики: "Да здравствует Польша!" Польские эмигранты то и дело устраивали демонстрации. 25 мая в честь русского государя на Лоншанском поле был устроен смотр войск. По его завершении Александр, Наполеон и свиты обоих императоров неспешно и торжественно поехали к городу через Булонский лес. Оба императора сидели в открытой коляске, как вдруг раздался выстрел. Пуля угодила в лошадь французского шталмейстера. Террориста схватили.

Им оказался польский эмигрант Антон Бerezовский.

Второе покушение подействовало на Александра удручающе. Все знаки сожаления и симпатии, все старания французского императора и императрицы Евгении не смогли рассеять его дурного настроения. Оно еще более усугублялось из-за неудачных переговоров: несмотря на внешнюю любезность, Наполеон отказался пересматривать условия униженного Парижского мирного договора 1856 года, согласно которому России запрещалось держать флот на Черном море.

Александр возвратился в Петербург с твердым намерением больше никогда не расставаться со своей возлюбленной. Помимо большой, официальной семьи, он как бы обзавелся второй, "малой". В сентябре 1872 года княжна Екатерина сообщила императору, что беременна. В положенный срок она родила мальчика, которого назвали Георгием. На следующий год родилась дочь Ольга.

Эта скандальная история не только мучила больную императрицу, но и вызывала негодующие толки придворных. Волновались и сыновья, опасаясь, что побочные братья и сестры заявят когда-нибудь о своих правах. Граф Шувалов считал своим долгом доложить Александру о всеобщем недовольстве, возникшем из-за связи государя с Долгоруковой. Император холодно выслушал Шувалова и дал ему понять, что в свою личную жизнь он никому не позволит вмешиваться. С этого времени положение всесильного фаворита пошатнулось, а в 1874 году Александр внезапно отправил Шувалова послом в Лондон. В том же году он пожаловал своим побочным детям титул светлейших князей Юрьевских.

***

После Парижского мира, воспринятого всем русским обществом как национальное унижение, внешнеполитический престиж России пал чрезвычайно низко. Александру пришлось потратить много

сил, прежде чем он вернул своему государству тот вес, который оно имело до Крымской войны. Только пройдя через позор поражения, Александр смог решиться на реформы, но он никогда не забывал главной цели этих реформ — возродить военное могущество Российской империи. Сообщают, что, председательствуя в 1863 году на одном заседании, государь сказал: "Семь лет тому назад я совершил за этим столом один поступок, который я могу определить, так как совершил его я: я подписал Парижский договор, и это было трусостью". И, ударив кулаком по столу, он сказал: "Да, это была трусость, и я этого не повторю!" Этот эпизод резко характеризует остроту затаенного государем горького чувства. Ни он, ни Горчаков не забыли унижения 1856 года. Целью внешней русской политики с этого времени стало уничтожение Парижского договора. Средством — возобновление разрушенной военной мощи. Военные статьи при Александре поглощали львиную долю бюджета. Проведение военной реформы было вверено графу Дмитрию Милютину, который оставался военным министром на протяжении всего царствования Александра. Милютин ввел новые принципы комплектования войск, создал иную их структуру, много внимания уделял перевооружению армии, перестройке системы военного образования. В 1874 году был принят устав о всеобщей воинской повинности, завершивший собой реформирование русского общества. Служба в армии превратилась из тяжелой сословной повинности крестьянства в гражданский долг, равный для всех сословий, а Россия получила современную армию, укомплектованную и организованную по европейскому образцу. Прошло совсем немного времени, и Александру пришлось испытывать ее в боевых условиях.

Положение на Востоке обострилось в 1875 году, когда вспыхнуло восстание против турок в населенных сербами турецких областях Боснии и Герцеговине, а затем и

в Болгарии. Александр оказался в крайне сложном положении. С одной стороны, все ведущие министры: иностранных дел, военный и финансов — убеждали его в необходимости сохранять нейтралитет. Очевидно было, что Россия встретит противодействие всех европейских держав, прежде всего Англии и Австрии, что война потребует колоссальных расходов, что исход ее очень сомнителен, поскольку турецкая армия в избытке получала современное оружие из Англии. Но с другой стороны, ему приходилось считаться с мощным давлением общественного мнения, требовавшего оказать немедленную военную помощь сербам и болгарам. Мог ли император проявить сдержанность, когда в обществе царили такое возбуждение и невиданный патриотический подъем?

12 апреля 1877 года война была объявлена. Стараясь максимально поднять престиж императорской власти и царствующей фамилии, Александр привлек к участию в кампании почти всех взрослых великих князей. Главнокомандующим на Балканах был назначен брат царя великий князь Николай Николаевич, главнокомандующим на Кавказском фронте — другой брат Михаил. Наследник командовал Рущукским отрядом. На фронте находился и младший сын Александра — Владимир. Сам Александр пробыл на Балканах с мая по декабрь 1877 года. Он не собирался вмешиваться в командование, но почитал своим долгом находиться в тылу армии, там, где были раненые. Он говорил, покидая столицу: "Я еду братом милосердия".

В июне русская армия переправилась через Дунай и приступила к осаде Плевны, обороняемой сильным турецким гарнизоном. Турки защищались с исключительным упорством, делали дерзкие вылазки, нанося русским тяжелый урон. Одно время казалось, что война окончится ничем и придется с позором возвращаться за Дунай. С каждым месяцем усиливался ропот недовольных и в армии, и в России. Граф Милютин писал в сентябре: "Войска не пада-

ют духом; однако ж слышится ропот на начальство. В России же этот ропот принимает характер общего неудовольствия; громко порицают и начальство армии, и самого государя. Не скрывают негодования на то, что должности в армии розданы великим князьям, как будто вся кампания делается для того только, чтобы доставить случай членам царского дома украситься Георгиевскими крестами... Злые языки, даже в свите государя, громко говорят, что война ведется по образцу красносельских маневров. Ходят слухи, будто в России, в самом Петербурге, намереваются подать государю адрес для убеждения его возвратиться в свою столицу".

Многим казалось, что своим отъездом император облегчит положение генералов. Но очевидно, что Александр не мог вернуться в Россию, оставив армию в таком тяжелом положении. Он ощущал на плечах своих тяжелый груз ответственности за исход этой войны, а понимание того, что многое происходит и делается не так, как надо, служило для него причиной многих огорчений и разочарований. Полковник Газенкампф записал в сентябре в своем дневнике: "...Я в первый раз понял всю глубину трагизма положения государя. Мне стало ясно, что он действительно не может не оставаться на театре военных действий. Ему необходимо видеть и слышать самому все, что здесь делается, иначе нет и не может быть ни минуты покоя его измученной душе. Он немощен физически и надорван душевно: он обманут в лучших своих ожиданиях, разочарован и огорчен неудачами своих благороднейших усилий на благо своего народа; он изувечен в людях. И несмотря на это, какая величаявая простота и какое глубокое смирение! Вся Россия и все вокруг нас ропщут и ищут козлов отпущения за все неудачи и разочарования, — один государь ни на что не жалуется, никого не упрекает и не винит, а только молится и плачет. Я наблюдал за ним весь день: видно было, что у него напряжен каждый нерв, что весь

он обратился в мучительное ожидание, что в его душе — смертельная тоска. И несмотря на это, никому ни укоризны, ни даже недовольного взгляда..."

Император терпеливо переносил трудности походного быта, плохие дороги и недосыпание. Он обходил палаты раненых, утешал отчаявшихся, награждал отличившихся и всех подбадривал. Наконец, в середине ноября наступил перелом. 16 ноября в Закавказье русские взяли Карс, а 28 ноября пала Плевна. Одушевленные этой победой русские войска зимой перешли через Балканы в Румынию. Город сдавался за городом, капитулировали целые корпуса турецких войск. Передовые отряды заняли Филиппополь и Андрианополь, приближались к Стамбулу. Султан запросил мира. В феврале 1878 года в местечке Сен-Стефано был заключен предварительный мирный договор. По этому договору Турция признала независимость Черногории, Сербии и Румынии, согласилась на образование из своих болгарских и македонских областей особого княжества Болгария; обязывалась провести реформы в Боснии и Герцеговине. России Турция уступала обратно устье Дуная, отошедшее от нее в 1856 году, а сверх того — города Батум и Карс в Закавказье.

Но Англия и Австрия категорически отказались признать условия этого мира. Отношения этих держав с Россией настолько обострились, что вот-вот могла начаться новая европейская война. При посредничестве Германии в Берлине начался мирный конгресс. Но и предложенные Бисмарком условия мира были направлены не в пользу России. Под давлением всей европейской дипломатии князь Горчаков должен был согласиться на уступки. Приобретения Сербии и Черногории были сокращены; вместо единой Болгарии были созданы две болгарские области — княжество Болгария и автономная провинция Восточная Румелия, обе под главенством Турции. Сербия и Румыния были признаны независимыми

королевствами. Босния и Герцеговина поступили под управление Австрии. Таким образом, следствия войны за освобождение балканских славян оказались малоудовлетворительными. Военный успех не сопровождался соответствующим политическим результатом. Россия не добилась своих целей и осталась совершенно изолированной, без союзников и друзей. Вот почему в русском обществе Восточная война и Берлинский конгресс вызвали чувства неудовлетворенности и разочарования.

Сам канцлер князь Горчаков, представлявший Россию на конгрессе, в записке Александру признался: "Берлинский конгресс есть самая черная страница в моей служебной карьере". Император пометил: "И в моей также". Таков был финал войны, на которую потратили более миллиарда рублей (при общем бюджете 1878 года 600 миллионов) и ради которой совершенно расстроили отечественные финансы.

Александр вернулся в Россию постаревшим. Все свидетели его тогдашней жизни в один голос говорят, что он похудел, осунулся и сгорбился. Морис Палеолог писал о состоянии государя в конце 1878 года: "Порой им овладевала тяжелая меланхолия, доходившая до глубокого отчаяния. Власть его более не интересовала; все то, что он пытался осуществить, кончалось неудачей. Никто из других монархов не желал более его счастья своему народу: он уничтожил рабство, отменил телесные наказания, установил суд присяжных, провел во всех областях управления мудрые и либеральные реформы. В отличие от других царей он никогда не стремился к кровавым лаврам славы. Сколько усилий потратил он, чтобы избежать турецкой войны, навязываемой ему его народом! И после ее окончания он предотвратил новое военное столкновение... Что получил он в награду за все это? Со всех концов России поступали к нему донесения губернаторов, сообщавших, что

народ, обманутый в своих чаяниях, во всем винил царя. А полицейские донесения сообщали об угрожающем росте революционного брожения. Смятенной душой он невольно устремился к единственному человеку, пожертвовавшему для него своей честью, светскими удовольствиями и успехами, — к человеку, думавшему об его счастье и окружавшему его знаками страстного обожания".

Вскоре после своего возвращения Александр распорядился подготовить в Зимнем дворце апартаменты для княжны Долгоруковой и ее детей. Они располагались прямо под его комнатами. Для удобства сообщения между этажами был устроен лифт. Император уже настолько нуждался в постоянном присутствии этой женщины, что стал совершенно равнодушен к мнению света и своей смертельно больной жены. Тем временем покушения на Александра делались все более дерзкими. Третья попытка убить его была предпринята 20 апреля 1879 года. В десятом часу утра государь совершал свою обычную прогулку: он шел по Миллионной, Зимней канавке и Мойке, а потом повернул на площадь Гвардейского штаба. Здесь навстречу ему попался высокий молодой человек в чиновничьей фуражке. Разминувшись с ним, Александр обернулся и увидел в руках незнакомца револьвер. Мгновенно сообразив в чем дело, он бросился бежать зигзагами в сторону Певческого моста. Убийца кинулся следом, стреляя на ходу. Прежде чем его схватили, он успел выстрелить пять раз, но не попал ни разу. Стрелявшим оказался бывший студент Петербургского университета, 33-летний Александр Соловьев. Спустя короткое время Верховный суд приговорил его к смерти. Он был повешен 28 мая. Хотя Соловьев принадлежал к подпольному социалистическому кружку, покушение было его личным делом. Но в августе смертный приговор императору вынес Исполнительный комитет "Народной воли". С этого мо-

мента охота за Александром приняла более жесткие формы.

В декабре 1879 года террористы устроили взрыв на пути следования царского поезда из Ливадии в Москву. По ошибке они подорвали бомбу не под императорским поездом, а под тем, на котором следовала царская свита. Сам Александр остался невредим, но понимал, что с каждым новым покушением шансы на спасение становятся все меньше. Петербург был слишком велик, и полиция не могла гарантировать безопасности всем членам императорской семьи за пределами их дворцов. Великие князья просили государя переселиться в Гатчину, но Александр наотрез отказался покинуть столицу и изменить маршруты своих ежедневных прогулок и воскресные парады войск гвардии.

Дальнейшие события показали, что и во дворце император уже не мог чувствовать себя в безопасности. 5 февраля 1880 года в шесть с половиной часов вечера, когда Александр, окруженный семьей, беседовал в своих апартаментах с приехавшим в Петербург братом императрицы, принцем Александром Гессенским и его сыном Александром Болгарским, раздался страшный удар: дрогнули стены, потухли огни, запах, горький и душный, наполнил дворец. Александр понял, что это очередное покушение. Первым его движением было бежать в комнаты Екатерины Долгоруковой. К счастью, та была жива и столкнулась с ним на лестнице.

Что же произошло? Несколько пудов динамита, оказывается, было взорвано под помещением главного караула, где было убито восемь солдат и сорок пять ранено. Террористы надеялись, что взрыв разрушит царскую столовую, где как раз в это время должен был обедать император со своими родственниками. К досаде революционеров, государь опоздал к обеду на полчаса. Впрочем, взрыв все равно не одолел крепкой дворцовой постройки; опустился только пол столовой, попадала ме-

бель и лопнули стекла. Разрушена была караульня — как раз под столовой.

Через несколько дней после взрыва Александр созвал в Зимнем дворце чрезвычайное совещание. Он был мрачен, горбил, почернел и говорил хриплым, простуженным голосом. Среди общей растерянности некоторый оптимизм внушил императору только граф Лорис-Меликов, боевой генерал, герой турецкой войны и покоритель Карса, служивший последний год харьковским генерал-губернатором. Ему удавалось довольно успешно бороться с революционерами в своей губернии, и Александр поставил его во главе чрезвычайной Верховной распорядительной комиссии с широкими, почти диктаторскими полномочиями.

Император и наследник увидели в Лорисе-Меликове прежде всего "твердую руку", способную навести "порядок". Но очевидно было, что одними жесткими мерами этой цели уже не достигнуть. Хотя общество и осуждало дикие способы борьбы народовольцев, оно вполне сочувствовало идеалам, ради которых те начали террор. Это понимало и ближайшее окружение императора. Необходимо было внушить умеренной, просвещенной части общества, что правительство еще в состоянии проводить преобразования. Поэтому Лорис-Меликов постарался прежде всего в своих объяснениях с общественными деятелями и публицистами убедить всех в том, что реакция кончилась и что реформы будут продолжены. Главным в замыслах Лориса-Меликова был план учреждения очень ограниченного представительного органа при императоре.

Хотя Александру не все нравилось в программе Лориса-Меликова, он постепенно стал соглашаться с его доводами. Император чувствовал себя утомленным бременем власти и готов был возложить хотя бы часть этого груза на другие плечи. К тому же личные дела занимали Александра в это время едва ли не больше, чем государственные.

Граф Лорис-Меликов

В мае 1880 года умерла императрица Мария Александровна. Александр решил, что пришло время исполнить обещание, которое он дал княжне Долгоруковой четырнадцать лет назад. Свадьба состоялась 6 июля в Большом Царскосельском дворце в одной из маленьких комнат, где поставили походный алтарь — обыкновенный стол. При венчании присутствовали только граф Адлерберг, два дежурных генерал-адъютанта и фрейлина Шебеко, поверенная этой любви с самого первого дня ее зарождения. Богданович пишет, что Александр женился в штатском платье, говоря: "Это не император, а частный человек, который исправляет совершенную ошибку и восстанавливает репутацию юной девушки". В тот же день он пожаловал своей жене титул светлейшей княгини Юрьевской и даровал ей все права, которыми пользовались члены императорской фамилии.

Сразу после венчания Александр на все лето и осень уехал с женой в Крым, в Ливадию. Ему хотелось дать своему окружению время свыкнуться с новой супругой императора и самому пожить в обстановке относительного покоя в кругу семьи.

Сохранилось предание, что он собирался выполнить намеченные Лорисом-Меликовым государственные преобразования, а затем отречься от престола в пользу цесаревича и уехать в Ниццу, чтобы вести жизнь частного человека.

Пытаясь наладить отношения со старшим сыном, который был глубоко оскорблен скоропалительным браком отца, Александр вызвал его в Крым. Но княгиня Юрьевская заняла в Ливадийском дворце покой своей предшественницы, и это оказалось для цесаревича и его жены непереносимой обидой. Примирение не состоялось. Наследник избегал встреч с мачехой за обеденным столом, так что императору пришлось разделить неделю на дежурные дни: если у него обедал сын, то жена не показывалась в столовой, если она находилась за столом, Александр Александрович уезжал на прогулку. В конце ноября Александр с семьей вернулся в Петербург, где княгиня Юрьевская поселилась в роскошных, специально для нее отделанных апартаментах Зимнего дворца.

28 января 1881 года граф Лорис-Меликов подал Александру доклад, в котором окончательно изложил свою программу. Самой существенной ее частью было создание двух депутатских комиссий из представителей дворянства, земства и городов, а также правительственных чиновников для рассмотрения финансов и административно-хозяйственных законопроектов, поступающих затем в общую комиссию, а из нее в Государственный совет, дополненный депутатами. Александр сразу же отклонил идею введения выборных в Государственный совет, остальную же часть плана предварительно одобрил, но, по своему обыкновению, поручил рассмотреть дело в совещаниях с узким составом. Через неделю первое такое совещание собралось у самого императора и вполне одобрило доклад Лорис-Меликова. Оставалось подготовить правительственное сообщение и опубликовать его ко всеоб-

щему сведению. Проект был подан императору, и тот предварительно одобрил его и утром 1 марта распорядился о созыве Совета Министров для окончательного редактирования текста сообщения. Валуев, один из последних сановников, работавших в этот день с императором, вынес о его настроении самое благоприятное впечатление. "Я давно, очень давно не видел государя в таком добром духе и даже на вид таким здоровым и добрым", — вспоминал он на следующий день.

Александр нелегко далось решение, но коль скоро он принял его, то почувствовал облегчение. Конечно, нельзя переоценивать значение предлагаемой реформы — до введения конституции в России было еще очень далеко, но все же она означала новый шаг на пути либеральной перестройки государства. Как знать — успей Александр осуществить программу Лориса-Меликова в полном объеме, и, быть может, история России пошла бы совсем другим путем. Но ему не суждено было продолжить свои начинания — время, ему отпущенное, подошло к концу.

Покончив с делами, Александр после завтрака поехал в Манеж на развод, а затем в Михайловский замок к своей любимой кузине. По свидетельству обер-полицмейстера Дворжицкого, сопровождавшего в тот день императора, Александр вышел из замка в два часа десять минут и велел возвращаться в Зимний той же дорогой. Проехав Инженерную улицу, кучер повернул на Екатерининский канал и пустил лошадей вскачь, но не успел проехать и ста сажень, как раздался оглушительный взрыв, от которого сильно был поврежден экипаж государя и ранены два конвойных казака, а также случайно оказавшийся поблизости мальчишка-крестьянин. Проехав еще несколько шагов, экипаж императора остановился. Дворжицкий помог государю выбраться из кареты и доложил, что террорист Рысаков, бросивший бомбу, задержан. Александр был

совершенно спокоен и на взволнованные вопросы окружавших отвечал: "Слава Богу, я не ранен". Дворжицкий предложил продолжить путь в его санях. Александр сказал: "Хорошо, только покажите мне прежде преступника". Поглядев на Рысакова, которого уже обыскивала охрана, и узнав, что он мещанин, император медленно пошел в сторону Театрального моста. Дворжицкий опять попросил садиться в сани. Александр отвечал: "Хорошо, только прежде покажи мне место взрыва". Они пошли обратно. В это время другой террорист метнул вторую бомбу прямо под ноги императора. Когда оглушенный взрывом Дворжицкий подбежал к Александру, то увидел, что обе ноги его совершенно раздроблены и из них обильно течет кровь.

Вокруг лежало не менее двух десятков убитых и раненых. Всюду валялись куски изорванной одежды, сабель и эполет, части человеческих тел, осколки газового фонаря, остов которого от взрыва погнулся. Александр успел только сказать: "Помоги!" — и потерял сознание. Его положили в сани Дворжицкого и в сопровождении великого князя Михаила Николаевича отвезли в Зимний, где он скончался около половины четвертого от потери крови, так и не придя в себя.

Вскоре после похорон Тютчева писал в своем дневнике, сравнивая убитого императора с начавшим свое царствование Александром III, его сыном: "Видя его, понимаешь, что он сознает себя императором, что он принял на себя ответственность и прерогативы власти. Его отцу, покойному императору, всегда недоставало именно этого инстинктивного чувства своего положения, веры в свою власть; он не верил в свое могущество, как бы реально оно ни было. Он всюду подозревал противодействие и, раздражаясь собственными сомнениями, стал создавать это сопротивление вокруг себя. Благодаря этому, несмотря на его доброту, его боялись больше, чем лю-

били, и, несмотря на его смирение, влияние на него имели только лъстецы; поэтому-то он в конце жизни был так плохо окружен и попал в руки к дурным людям. Чувствуя себя слабым, он не доверял самому себе, но еще менее доверял другим; в людях, которыми он пользовался, он предпочитал ничтожества, потому что думал, что над такими людьми легче властвовать и легче направлять их, тогда как, наоборот, они более склонны к обманам и лести. Эта слабость характера покойного государя делала его столь непоследовательным и двойственным во всех его словах, поступках и отношениях, а это в глазах всей России дискредитировало саму власть и привело страну в состояние той плачевной анархии, в которой мы находимся в настоящее время. Прекрасные реформы царствования Александра Второго, мягкость, великодушные его характера должны были бы обеспечить ему восторженную любовь его народа, а между тем он не был государем популярным в истинном смысле слова; народ не чувствовал притяжения к нему, потому что в нем самом совершенно отсутствовала национальная и народная струна, и в благодарности за все благодеяния, оказанные им России, в величественном поклонении, оказанном его памяти, чувствуется скорее влияние рассудка, чем непосредственный порыв масс. Человеческая природа такова, что она более ценит людей за их самих, чем за их дела. По своему характеру и уму покойный император был ниже тех дел, которые он совершил. Он был действительно высок неисчерпаемой добротой и великодушием своего сердца, но эта доброта не смогла заменить силы характера и ума, которых он был лишен".

Возможно, в этой посмертной оценке Александра одной из умных и наблюдательных его современниц, хорошо знавшей двор и царскую семью, действительно-

но заключается разгадка злосчастной судьбы императора-освободителя и того поразительного факта, что, сделав для России больше, чем все его предки после Петра Великого, он не заслужил за это ни любви современников, ни благодарности потомков.

Погребен в Петербурге, в Петропавловском соборе.

АЛЕКСАНДР III Александрович Романов

Государь император и самодержец Всероссийский в 1881—1894 гг. Сын императора Александра II и императрицы Марии Александровны. Род. 26 февр. 1845 г. Вступил на престол 2 марта 1881 г. Короновался 15 мая 1883 г. Ж.: с 28 окт. 1866 г. дочь Христиана IX, короля Датского, принцесса Мария-София-Фредерика-Дагмара, императрица Мария Федоровна (род. 14 ноября 1847 г. † 1928 г.) † 20 окт. 1894 г.

Великий князь Александр Александрович был в императорской семье вторым сыном. Наследовать престол готовился его старший брат Николай, который и получил соответствующее воспитание. Весной 1864 года, закончив свое образование, цесаревич отправился за границу и, находясь в Дании, сделал предложение датской принцессе Дагмаре. 20 сентября совершилась официальная помолвка. Перед свадьбой Николай отправился в путешествие по Италии. Тут наследник занемог, у него начались сильные боли в спине, от которых он вскоре слег в постель. Когда состояние здоровья старшего брата стало угрожающим, Александр поспешил к нему в Ниццу. По пути к великому князю присоединилась принцесса Дагмара с матерью. Они застали Николая уже при смерти. Он скончался в ночь на 13 апреля от туберкулезного воспаления спинного мозга. Вскоре Александр был провозглашен цесаревичем и наследником престола.

Император Александр II попытался в срочном порядке ликвидировать пробле-

лы в образовании Александра, но его уже поздно было переучивать. Александру исполнилось 20 лет, и он сильно уступал способностями и прилежанием старшему брату. Несмотря на то, что преподавателями у него были люди известные и даже выдающиеся (например, историю преподавал Сергей Михайлович Соловьев), он, кажется, весьма мало сумел усвоить их лекции.

Так, знаменитый позже Победоносцев, преподававший наследнику законодательство, записал в декабре 1865 года: "Сегодня, после первых занятий с цесаревичем Александром, я пробовал спрашивать великого князя о пройденном, чтобы посмотреть, что у него в голове осталось. Не осталось ничего — и бедность сведений, или, лучше сказать, бедность идей, удивительная". И эта оценка со временем мало изменилась у Победоносцева, несмотря на все его расположение к Александру.

Летом 1866 года цесаревич поехал путешествовать по Европе и между прочим собирался заехать в Копенгаген к невесте покойного брата, которая очень приглянулась ему при первой встрече. По дороге он писал отцу: "Я чувствую, что могу и даже очень полюбить милую Минни (так в семье Романовых звали Дагмару. — К.Р.), тем более что она так нам дорога. Даст Бог, чтобы все устроилось, как я желаю. Решительно не знаю, что скажет на все это милая Минни; я не знаю ее чувства ко мне, и это меня очень мучает. Я уверен, что мы можем быть так счастливы вместе. Я усердно молюсь Богу, чтобы Он благословил меня и устроил мое счастье".

11 июня он решился сделать предложение, о чем в тот же день написал отцу: "Я уже собирался несколько раз говорить с нею, но все не решался, хотя и были несколько раз вдвоем. Когда мы рассматривали фотографический альбом вдвоем, мои мысли были совсем не на картинках; я только и думал, как бы приступить с моею просьбою. Наконец я решился и

Александр III. Портрет в юности

даже не успел всего сказать, что хотел. Минни бросилась ко мне на шею и заплакала. Я, конечно, не мог также удержаться от слез. Я ей сказал, что милый наш Никс много молится за нас и, конечно, в эту минуту радуется с нами. Слезы с меня так и текли. Я ее спросил, может ли она любить еще кого-нибудь, кроме милого Никса. Она мне отвечала, что никого, кроме его брата, и снова мы крепко обнялись. Много говорили и вспоминали о Никсе, о последних днях его жизни в Ницце и его кончине. Потом пришла королева, король и братья, все обнимали нас и поздравляли. У всех были слезы на глазах".

17 июня 1866 года была помолвка в Копенгагене, а через три месяца нареченная невеста прибыла в Кронштадт. 13 октября состоялся обряд обручения, миропомазания и наречения новым именем — великой княгиней Марией Федоровной, а еще через полмесяца был издан манифест

Великий князь цесаревич Александр Александрович. Фото Левицкого. 1860 г.

о вступлении в брак Александра Александровича и Марии Федоровны.

Мария Федоровна по характеру была жизнелюбивая и жизнерадостная. Ей в полной мере присущи были естественность и искренность, столь редкие в придворной среде. Столичное общество приняло ее очень тепло. Брак ее с Александром, несмотря на то, что их отношения завязались при таких скорбных обстоятельствах, оказался удачным. В продолжение почти тридцатилетней совместной жизни супруги сохранили друг к другу искреннюю привязанность.

Вскоре после свадьбы Александр, согласно статусу наследника, стал приобщаться к государственной деятельности, участвовать в заседаниях Государственного совета и Комитета Министров. Его первая должность — председатель Особого комитета по сбору и распределению пособий голодающим — связана с голодом, наступившим в 1868 году в ряде губерний вследствие неурожая. В России

всегда ценили милосердие, почитали благотворительность, и это назначение сразу же обеспечило наследнику общественные симпатии.

Во время русско-турецкой войны цесаревич, проходивший службу командующим гвардейского корпуса, был назначен командующим Рущукским сорокатысячным отрядом, созданным для охраны тыла действующей армии. Назначение это вызвало у него не только разочарование, но и обиду. Он рассчитывал на большее, считал себя пригодным для роли гораздо значительнее и серьезнее. Действительно, в непосредственных боевых действиях Рущукскому отряду так и не пришлось участвовать.

В последующие годы правления Александра II великий князь Александр, несмотря на внешнюю почтительность, находился в явной оппозиции к своему отцу. Он считал, что проводимые реформы нарушили нормальное, спокойное течение русской жизни и подорвали ее вековые устои. Он сомневался даже в целесообразности отмены крепостного права. Бывший его наставник Победоносцев всемерно поддерживал наследника. Отношения между ними становились все более теплыми. Во многом благодаря цесаревичу Победоносцев сделался сенатором и тайным советником, а потом и обер-прокурором Синода.

***

Первого марта 1881 года народовольцы убили Александра II. Император погиб вскоре после того, как согласился на создание в России представительного органа. Будучи очень умеренной, эта реформа все же открывала путь для следующего витка преобразований. Новому императору предстояло решать — будет ли он следовать курсом отца или вернется к самодержавной политике своего деда. Сам он явно склонялся ко второму пути, но, встревоженный разгулом террора, не знал, сможет ли его принять Россия.

Победоносцева тревожили колебания Александра. "Нет воли определенной, нет твердой руки и ясного разума", — сокрушался он. "Неужели все пойдет по старому?" — спрашивал он в ночь после покушения. Действительно, среди высших сановников было много либералов и людей, сочувствующих реформам. В первые дни Александру пришлось выдерживать сильное давление с их стороны. Победоносцев очень боялся, что император не выдержит и против своей воли даст согласие на дальнейшие преобразования. "Вам достается Россия смятенная, расшатанная, сбита с толку, жаждущая, чтобы повели ее твердой рукой, чтобы правящая власть видела ясно и знала твердо, чего она хочет и чего не хочет и не допустит никогда", — писал он Александру.

21 апреля в Гатчине состоялось совещание Совета Министров, на котором обсуждался коренной вопрос: продолжать ли российские реформы или оберегать незыблемость самодержавия. Противники преобразований оказались в меньшинстве. Большая часть министров, прежде всего, министр внутренних дел граф Лорис-Меликов, военный министр граф Милютин и министр финансов Абаз, была уверена, что, несмотря ни на что, следует идти по пути, намеченному Александром II.

"Сегодняшнее наше совещание оказало на меня грустное впечатление, — писал Александр Победоносцеву. — Лорис, Милютин и Абаз положительно продолжают ту же политику и хотят так или иначе довести нас до представительного правительства, но пока я не буду убежден, что для счастья России это необходимо, конечно, этого не будет, я не допущу."

Вряд ли, впрочем, я когда-нибудь убежусь в пользу подобной меры, слишком я уверен в ее вреде. Странно слушать умных людей, которые могут серьезно говорить о представительном начале в России, точно заученные фразы, вычитанные ими из нашей паршивой журналистики и бюрократического либерализма. Более и бо-

лее убеждаюсь, что добра от этих министров ждать я не могу..."

Получив это письмо, Победоносцев немедленно сел за составление манифеста, с которым царь должен был безотлагательно обратиться к народу "для успокоения умов в настоящую минуту". На свой страх и риск он отправил проект манифеста в Гатчину. Получив его, Александр телеграфировал 27 апреля: "Одобряю вполне и во всем редакцию проекта". 29 апреля манифест был опубликован. Между прочим в нем говорилось: "Посреди великой нашей скорби глас Божий повелевает нам стать бодро на дело правления, в уповании на Божественный промысел, с верой в силу и истину самодержавной власти, которую мы призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее поползновений".

После появления этого манифеста ни у кого уже не осталось сомнений, что с реформами в России покончено и что новое царствование будет носить охранительный характер. Либеральные министры подали в отставку, которая была принята незамедлительно. Ближайшим советником Александра в течение всей его жизни оставался Победоносцев. Новый государь очень ценил его ум, образованность и твердость убеждений. Влияние Победоносцева вызвано было не превосходством его воли — император обладал достаточной силой, чтобы не поддаваться внушениям. Он доказывал это неоднократно. Но, будучи человеком ограниченным, он часто не мог ясно выразить свои чувства и мысли. Победоносцеву приходилось лишь формулировать то, что уже созрело в душе и уме императора. Он был его внутренним голосом, его вторым "я" и очень редко ошибался. "Это, правда, странно, как мы сходимся мыслью", — не раз удивлялся Александр, получая очередной совет Победоносцева.

После апрельского манифеста с колебаниями было покончено. Вообще, отличительной чертой правительственной по-

литики стало ясное понимание поставленных задач и твердое проведение их в жизнь. Прежде всего следовало успокоить общество. С сентября 1881 года вступило в действие "Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия". На территориях, объявленных на "исключительном положении", вводились чрезвычайные меры, а генерал-губернаторам и градоначальникам давались особые полномочия. Административные высылки без суда, военные суды, закрытые судебные процессы — все эти исключительные меры, к которым теперь имели право прибегать местные власти, стали, по сути, нормой российской действительности. В 1882 году введены были "Временные правила печати" (действовавшие до 1905 года), чрезвычайно усиливавшие полицейский надзор за газетами и журналами и до крайности сузившие возможность легального выражения нежелательных с правительственной точки зрения взглядов. Либеральные издания закрывались одно за другим.

К 1883 году Александру удалось стабилизировать обстановку в стране — "Народная воля" была разгромлена, крестьяне успокоились, пресса молчала. В мае император даже решился на коронацию, откладываявшуюся уже в течение двух лет. Можно было приступать и к задуманным контрреформам. Александр понимал, что в этом вопросе важно соблюдать осторожность и не рубить сплеча. Неумеренные строгости могли вызвать новое возмущение в обществе. О том же предупреждал Победоносцев. "Законодательство минувшего 25-летия, — писал он, — до того перепутало все прежние учреждения и все отношения властей, внесло в них столько ложных начал, не соответственных с внутренней экономикой русского быта и земли нашей, что надобно особое искусство, дабы разобраться в этой путанице. Узел этот разрубить невозможно. Необходимо развязать его, и притом не вдруг, а постепенно".

В течение следующих десяти лет Александр терпеливо распутывал безнадежно запутанные, как ему казалось, государственные и общественные отношения: в это время была ликвидирована автономия университетов, реформировано городское положение, восстановлено закрытое судопроизводство для политических процессов, целым рядом мер постарались укрепить поместное дворянство и повысить его роль в земских учреждениях. Во внешних отношениях политика Александра также отличалась определенностью и устойчивостью. Император не дал себя втянуть ни в один из военных конфликтов, твердо следуя идее мира. Значительно сократив государственные расходы, он сумел за десять лет упорядочить государственные финансы, которые после Александра II остались в очень расстроеном состоянии. Благодаря этому подготовлена была кардинальная финансовая реформа, проведенная уже при Николае II.

***

Внешностью, характером, привычками и самим складом ума Александр III мало походил на своего отца, да и вообще на кого-либо из своих державных предков. Император отличался огромным ростом, от его исполинской фигуры веяло силой и мощью. В юности он обладал исключительной силой — пальцами гнул монеты и ломал подковы, к старости сделался тучным и громоздким, но и тогда, по свидетельству современников, в его фигуре было что-то грациозное. Он совершенно лишен был аристократизма, присущего его деду и отчасти отцу. Даже в манере одеваться было что-то нарочито непритязательное. Его, например, часто можно было видеть в солдатских сапогах с заправленными в них по-простецки штанами. В домашней обстановке он одевал русскую рубаху с вышитым на рукавах цветным узором. Отличаясь бережливостью, часто появлялся в поношенных брюках, тужурке, пальто или полушубке, сапогах.

Многие современники находили императора излишне прямолинейным и даже

простоватым. Витте, близко узнавший Александра в последние годы его правления, так писал о нем: "Император Александр III был совершенно обыденного ума, пожалуй, можно сказать, ниже среднего ума, ниже средних способностей и ниже среднего образования; по наружности — походил на большого русского мужика из центральных губерний, к нему больше всего подошел бы костюм: полушубок, поддевка и лапти; и тем не менее он своей наружностью, в которой отражался его природный характер, прекрасное сердце, благодушие, справедливость и вместе с тем твердость, несомненно импонировал окружающим, и если бы не знали, что он император, и он бы вошел в комнату в каком угодно костюме — несомненно все бы обратили на него внимание. Фигура императора была очень импозантна: он не был красив, по манерам был, скорее, более или менее медвежатый; был очень высокого роста, причем при всей своей комплекции он не был особенно силен или мускулист, а скорее был несколько толст и жирен".

Основным местопребыванием императора стала Гатчина. Подолгу он жила в Петергофе и Царском Селе, а приезжая в Петербург, останавливался в Аничковом дворце. Зимний он не любил. Построенный Ринальди для фаворита Екатерины II Григория Орлова, Гатчинский дворец имел все, чему положено быть во дворце, — бальные залы, картинную галерею, библиотеку, роскошные апартаменты бельэтажа. Но семья Александра занимала комнаты с низкими потолками, предназначенные скорей для гостей, если не для прислуги. Их в свое время облюбовал Павел I. Дворец был одновременно и крепостью. Расположенный на лесистой возвышенности, окруженный озерами, он был защищен рвами со сторожевыми башнями, откуда потайные лестницы вели в царский кабинет. Здесь была и подземная тюрьма, и подземный ход к озерам. В этом средневековом замке Александр чувство-

Император Александр III

вал себя увереннее, чем в других своих дворцах. Все перемещения императора, особенно в первые годы, совершались под усиленной охраной и всегда внезапно — без заранее определенного времени отъезда.

Придворный этикет и церемониал при Александре стали гораздо проще. Он сильно сократил штат министерства двора, уменьшил число слуг и ввел строгий надзор за расходованием денег. Дорогие заграничные вина были заменены крымскими и кавказскими, а число балов ограничено четырьмя в год.

Вместе с тем огромные деньги расходовались на приобретение предметов искусства. Император был страстным коллекционером, уступая в этом отношении разве что Екатерине II. Гатчинский замок превратился буквально в склад бесценных сокровищ. Приобретения Александра — картины, предметы искусства, ковры и тому подобное — уже не помещались в галереях Зимнего, Аничкова и других дворцов. Впрочем, в этом увлечении император не выказал ни тонкого вкуса, ни

большого понимания. Среди его приобретений оказалось много вещей заурядных, но много было и шедевров, сделавшихся позже подлинным национальным достоянием России.

Не в пример всем своим предшественникам на русском престоле Александр держался строгой семейной морали. Он был примерный семьянин — любящий муж и хороший отец, никогда не имел любовниц или связей на стороне. При этом он был и одним из самых набожных русских государей, напоминая этим даже своего далекого предка Алексея Михайловича. Простая и прямая душа Александра не знала ни религиозных сомнений, ни религиозного притворства, ни соблазнов мистицизма. Он твердо держался православных канонов, всегда до конца выстаивал службу, истово молился и наслаждался церковным пением. Государь охотно жертвовал на монастыри, на постройку новых храмов и восстановление древних. При нем заметно оживилась церковная жизнь.

Увлечения Александра также были простыми и безыскусными. Он страстно увлекался охотой и рыбалкой. Часто летом царская семья уезжала в финские шхеры. Здесь, среди живописной полудикой природы, в лабиринтах многочисленных островов и каналов, освобожденная от дворцового этикета, августейшая фамилия ощущала себя обыкновенной и счастливой семьей, посвящая большую часть времени длительным прогулкам, рыбалке и катанию на лодках. Любимым местом охоты императора была Беловежская пуща. Иногда императорская семья вместо отдыха в шхерах уезжала в Польшу, в Ловическое княжество, и там с азартом предавалась охотничьим забавам, особенно охоте на оленей, а завершала отпуск чаще всего поездкой в Данию, в замок Бернсторф — родовой замок Дагмары, где часто собирались со всей Европы ее королеванные сородичи.

Во время летнего отдыха министры могли отвлекать императора лишь в экстренных случаях. Правда, в течение всего остального года Александр всецело отдавался делам. Он был очень трудолюбивым государем. Каждое утро поднимался в 7 часов, умывался холодной водой, заваривал сам себе чашку кофе и садился за письменный стол. Нередко рабочий день заканчивался глубокой ночью.

И все же, несмотря на сравнительно здоровый образ жизни, Александр скончался достаточно молодым, не дожив до 50 лет, совершенно неожиданно и для близких, и для подданных. В октябре 1888 года царский поезд, идущий с юга, потерпел крушение в 50 километрах от Харькова. Семь вагонов оказались разбитыми вдребезги, было много жертв, но царская семья осталась цела. В этот момент они ели пудинг в вагоне-ресторане. При крушении обвалилась крыша вагона. Но Александр невероятным усилием удержал ее на своих плечах и держал до тех пор, пока жена и дети не выбрались наружу.

Однако вскоре после этого подвига император стал жаловаться на боли в пояснице. Профессор Трубе, осмотревший Александра, пришел к выводу, что страшное сотрясение при падении положило начало болезни почек. Болезнь неуклонно развивалась. Государь все чаще чувствовал себя нездоровым. Цвет лица его стал землистым, пропал аппетит, плохо работало сердце. Зимой 1894 года он простудился, а в сентябре, во время охоты в Беловежье, почувствовал себя совсем скверно. Берлинский профессор Лейден, срочно приехавший по вызову в Россию, нашел у императора нефрит — острое воспаление почек. По его настоянию Александра отправили в Крым, в Ливадию. Но было уже поздно. Болезнь прогрессировала. Вскоре положение сделалось безнадежным, и 20 октября Александр умер.

Погребен в Петербурге, в Петропавловском соборе.

АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ (кол.12)

Из рода Трубчевских (?) князей. Сын (?) кн. Андрея Святославича. Кн. Липецкий после 1285 г.

После того как брат Александра, Святослав, был убит Олегом Мстиславичем Рыльским, Александр с богатыми дарами поехал в Орду, взял там войско у хана и убил Олега вместе с двумя его сыновьями.

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ (кол.13)

Из рода Суздальских и Нижегородских вел. кн. Сын Василия Андреевича. Вел. кн. Суздальский в 1309—1332 гг. † 1332 г.

Дошли глухие известия о том, что Александр не ладил с Суздальским епископом. Во Владимире (который принадлежал ему до самой смерти, несмотря на то, что великое княжение было дано Ивану Калите) Александр велел снять древний вечеровой колокол с Успенской соборной церкви и перевезти его в Суздаль, но возвратил, уstraшенный его глухим звуком.

АЛЕКСАНДР ВСЕВОЛОДОВИЧ (кол.12)

Из рода Владимиро-Волынских кн. Сын Всеволода Мстиславича. Кн. Бельзский в 1204, 1210—1230, 1231—1234 гг. Кн. Владимиро-Волынский в 1207—1211 гг. Ж.: дочь кн. Смоленского Владимира Рюриковича. † 1234 г.

В 1207 году польские князья Лешко и Кондрат выгнали из Владимира-Волынского Святослава Игоревича и посадили здесь Александра. Позже поляки хотели посадить во Владимире Ингваря Ярославича, но бояре не полюбили его, и, с согласия Лешка, Александр опять приехал княжить во Владимир. Бельз он отдал Васильку Романовичу, сделав это по велению того же Леш-

ка. В 1211 году Лешко велел Александру отдать Романовичам Тихомль и Перемышль, а вскоре они отобрали у него и Владимир, где сел Даниил Романович. Увидев, как легко поляки дают и забирают данное, Александр, вероятно, решил сам о себе позаботиться. Прежде всего он стал злобиться против своих двоюродных братьев Романовичей. В 1215 году он выступил против них в ту минуту, когда они со всех сторон были окружены врагами. Василько и Даниил, однако, отбились от всех, а потом пошли и разорили всю Бельзскую волость. Тогда Александр поссорил Даниила с его тестем Мстиславом Мстиславичем Удамым, княжившим в Галиче, и всячески склонял последнего к войне с Романовичами. Вскоре действительно началась усобица (в 1225 году), но в этой усобице больше всех потерпел сам Александр. Мстислав действовал как-то вяло в его пользу, и волость Бельзская опять была страшно опустошена. Вскоре Удалой понял, что его обманывают, и помирился с Даниилом.

Когда Мстислав умер, Даниил сел в Галиче. В 1230 году бояре составили заговор, собираясь убить его, а стол отдать Александру. Заговор раскрылся, и Василько Романович выгнал Александра из Бельза. Тот бежал в Перемышль вместе со своими галицкими единомышленниками. Но и отсюда его выгнал Даниил. Александр бежал в Венгрию и стал поднимать против Даниила короля Андрея. Венгры захватили Галич и многие города, Бельз и Червен отдали Александру и продолжали теснить Романовичей. Александр вместе с венграми сражался против Даниила у Шумска. В начале 1232 года он, однако, отошел от венгров и послал сказать Даниилу: "Не годится мне быть нигде, кроме вас". Братья на радостях простили Александру все прошлые обиды. В 1233-м они осадили Галич, где сидели венгры с крамольными боярами. Их воевода, боярин Изяслав, послал сказать Александру: "Дам тебе Галич, только отступи от брата". Александр прельстил-

ся обещанием и отступил. Но это вероломство несколько не повредило Даниилу. Галич скоро сдался, а Александр был схвачен в тот момент, когда хотел бежать в Киев, и, как можно предположить, умер в плену.

АЛЕКСАНДР ГЛЕБОВИЧ (кол.11)

Из рода Туровских и Пинских кн. Сын Глеба Орьеви́ча и смоленской кн. Кн. Дубровицкий.

В битве на Калке в 1224 году попал в плен вместе со своим тестем Мстиславом Романовичем Киевским. Раздавлен досками, на которых уселись пировать татары.

АЛЕКСАНДР ГЛЕБОВИЧ (кол.14)

Из рода Смоленских кн. Сын Глеба Ростиславича. Кн. Смоленский в 1297—1313 гг. † 1313 г.

Александр отнял Смоленск у своего дяди Федора Ростиславича Черного. В 1298 году Федор с большим войском ходил на Александра, долго стоял под Смоленском и бился крепко, но взять города не мог и возвратился в Ярославль без успеха. В 1301 году Александр с братом Романом осаждал Дорогобуж и сделал много зла его жителям, отнявши у них воду. На помощь осажденным пришел князь Андрей Афанасьевич Вяземский, и Александр, раненный, потеряв сына, должен был с большим уроном отступить от города.

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ (кол.16)

Из рода Тверских вел. кн. Сын Ивана Михайловича и туровской кн. Микловзы Кейстутовны. Род. ок. 1379 г. Вел. кн. Тверской в 1425 г. Ж.: с 1397 г. дочь кн. Моложского Федора Михайловича. † 25 окт. 1425 г. во время морового поветрия.

АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВИЧ (кол.14)

Из рода Ростовских кн. Сын Константина Борисовича. Род. в 1286 г. Кн. Углицкий в 1294—1302 гг.

АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВИЧ (кол.16)

Из рода Ростовских-Борисоглебских кн. Сын Константина Васильевича и московской кн. Марии Ивановны. Кн. Ростовский-Борисоглебский в 1375—1404 гг. † 19 июня 1404 г.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ (кол.13)

Из рода Тверских вел. кн. Сын Михаила Ярославича и ростовской кн. Анны Дмитриевны. Род. 7 окт. 1301 г. Вел. кн. Тверской в 1325—1327, 1337—1339 гг. Вел. кн. Владимирский в 1325—1327 гг. Кн. Новгородский в 1325—1327 гг. Кн. Псковский в 1328—1337 гг. † 29 окт. 1339 г.

После смерти своего отца, казненного в Орде, Александр в 1320 году ездил во Владимир и заключил мир по всей воле московского князя Юрия Даниловича. В 1325 году, когда в Орде был убит его брат Дмитрий, Александр получил от хана Узбека ярлык на великое княжение. Но ему ненадолго удалось сохранить царскую милость. В 1327 году приехал в Тверь ханский посол, именем Шевкал (Чолхан), или Щелкан, как его называют наши летописи, двоюродный брат Узбека, и по обыкновению всех послов татарских позволил себе и людям своим всякого рода насилия. Вдруг в народе разнесся слух, что Шевкал хочет сам княжить в Твери, своих князей татарских посадить по другим русским городам, а христиан перевести в татарскую веру. Трудно допустить, чтоб этот слух был основателен, однако Александр с тверичами захотели предупредить его намерения и рано утром, по солнечном восходе, вступили в бой с татарами,

бились целый день и к вечеру одолели. Шевкал бросился на старый двор князя Михаила, но Александр велел зажечь отцовский двор, и татары погибли в пламени; купцы старые, ордынские, и новые, пришедшие вместе с Шевкалом, были истреблены, несмотря на то, что не вступали в бой с русскими: одних из них перебили, других перетопили, иных сожгли на кострах. Узбек очень рассердился, узнав об участии Шевкала. Московский князь Иван Калита немедленно отправился в Орду и вернулся с 50-тысячным ханским войском. Татары пожгли города и села Тверского княжества, а людей повели в плен. Александр, услышав о приближении татар, хотел бежать в Новгород, но новгородцы не захотели подвергать себя опасности и приняли наместников Калиты; тогда Александр бежал во Псков, а братья его нашли убежище в Ладого.

В следующем году Узбек дал ярлык на великое княжение Калите, а тверское княжество отдал брату Александра, Константину. Александра же было велено искать по всей русской земле. И вот во Псков явились послы от князей московского, тверского, суздальского и от новгородцев уговаривать Александра ехать в Орду к Узбеку. Послы говорили от имени своих князей: "Царь Узбек всем нам велел искать тебя и прислать к нему в Орду; ступай к нему, чтоб нам всем не пострадать от него из-за тебя одного; лучше тебе за всех пострадать, чем после всем из-за одного тебя испустить всю землю". Александр отвечал: "Точно, мне следует с терпением и любовью за всех страдать и не мстить за себя лукавым крамольникам; но и вам недурно было бы друг за друга и брат за брата стоять и татарам не выдавать и всем вместе противиться им, защищать Русскую землю и православное христианство". Александр хотел ехать в Орду, но псковичи не допустили его, говоря: "Не езди, господин, в Орду; что б с тобой не случилось, умрем, господин, с тобою на одном

месте". Тогда Калита придумал уговорить митрополита Феогноста проклясть и отлучить от церкви князя Александра и весь Псков, если они не исполнят требование князей. Средство подействовало, Александр сказал псковичам: "Братья мои и друзья мои, не будет на вас проклятия ради меня; еду вон из вашего города и снимаю с себя крестное целование, только целуйте крест, что не выдадите княгини моей". Псковичи целовали крест и отпустили Александра в Литву, хотя очень горьки были им его проводы: тогда, говорит летописец, была во Пскове мука и печаль и молва многая по князе Александре, который добротой и любовью своею пришелся по сердцу псковичам.

Полтора года пробыл Александр в Литве и, когда гроза поутихла, возвратился к жене во Псков, жители которого приняли его с честью и посадили у себя на княжение. Десять лет спокойно прожил Александр во Пскове, но тосковал по своей родной Твери. По словам летописи, Александр рассуждал так: "Если умру здесь, то что будет с детьми моими? Все знают, что я выбежал из княжения моего и умер на чужбине: так дети мои будут лишены своего княжества". В 1336 году Александр послал в Орду сына Федора: узнать, нельзя ли как-нибудь умиливать хана, и, узнавши, что есть надежда на успех, в 1337 году сам отправился к Узбеку. "Я сделал много тебе зла, — сказал он хану, — но теперь пришел принять от тебя смерть или жизнь, будучи готов на все, что Бог возвестит тебе". Узбек сказал на это окружающим: "Князь Александр смиренною мудростию избавил себя от смерти" — и повелел ему занять тверской стол. Князь Константин Михайлович волей или неволей уступил княжество старшему брату.

***

Но возвращение Александра служило знаком к возобновлению борьбы между Москвой и Тверью: скоро встречается и

летописи известно, что тверской князь не мог поладить с московским, и не заключили они между собой мира. Со своими собственными боярами Александр также не мог поладить, и многие из них передались Калите. Спор мог кончиться только гибелью одного из соперников, и Калита решил предупредить врага: в 1339 году он отправился в Орду, и вслед за тем Александр получил приказ явиться туда же. Александр уже знал, что кто-то оклеветал его перед ханом, который опять очень сердит на него, и потому отправил перед собой сына Федора, а за ним уже отправился сам по новому зову из Орды. Федор Александрович встретил отца и объявил ему, что дела идут плохо. Проживши месяц в Орде, Александр узнал от татар, своих приятелей, что участь его решена. Узбек определил ему смерть, назначили и день казни. В этот день, 29 октября, Александр встал рано, помолился и, видя, что время проходит, послал к ханше за вестями, сел и сам на коня и поехал по знакомым разузнать о своей участи, но везде был один ответ, что она решена, что он должен ждать в этот самый день смерти; дома встретил его посол от ханши с той же вестью. Александр стал прощаться с сыном и боярами, сделал распоряжение насчет своего княжества, исповедовался, причастился, то же самое сделали его сын Федор и бояре, потому что никто из них не думал остаться в живых. Ждали после того недолго: вошли стражи с плачем и объявили о приближении убийц. Александр вышел сам к ним навстречу — и был расчленен по суставам вместе с сыном. Останки их были погребены в Твери, в церкви Святого Спаса.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ Ордынец (кол.15)

Из рода Тверских вел. кн. Сын Михаила Александровича и суздальской кн. Евдокии Александровны. Кн. Кашинский в 1382—1389 гг. † 1389 г.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ (кол.16)

Из рода Рязанских вел. кн. Сын кн. Михаила Ярославича. Кн. Пронский до 1340 г. † 1340 г.

В 1340 г. Александр отправился в Орду: вез хану дань. По пути встретил его двоюродный брат, кн. Рязанский Иван Иванович Коротопол, дань отнял, привел Александра как пленника в Переяславль-Рязанский и велел убить.

АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВИЧ (кол.16)

Из рода Микулинских кн. Сын Федора Михайловича и боярской дочери Анны Федоровны. Род. ок. 1392 г. Кн. Микулинский в 1407—1435 гг. Ж.: с 17 янв. 1411 г. дочь кн. Ярославского Ивана Васильевича, кн. Мария. † 1435 г.

АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВИЧ Брюхатый (кол.18)

Из рода Ярославских кн. Сын Федора Васильевича. Кн. Ярославский в 1434—1463 гг. † 17 апр. 1471 г. В 1463 г. Александр перешел в подданство Москвы. Погребен в Ярославле, в монастыре св. Спаса.

АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВИЧ Щепа (кол.18)

См. Ростовские-Усретинские князья.

АЛЕКСАНДР ЯРОСЛАВИЧ Невский (кол.11)

Из рода Владимиро-Суздальских вел. кн. Сын Ярослава II Всеволодовича и смоленской кн. Ростиславы Мстиславны. Род. в ноябре 1220 г. Кн. Новгородский в 1236—1240, 1241—1252, 1257—1259 гг. Вел. кн. Киевский в 1246—1263 гг. Вел. кн. Владимирский в 1252—1263 гг. Ж.: с 1239 г. дочь кн. Полоцкого Брючислава, кн. Александр. † 14 ноября 1263 г.

Отрочество и юность Александра Ярославича большей частью протекали в Новгороде, где княжил его отец. В 1228 году в отсутствие Ярослава Всеволодовича Александр с братом Федором и двумя княжескими мужами должны были бежать из города, не выдержав поднявшегося междоусобия. В 1230-м княжичи вместе с отцом вернулись в город, и на этот раз Александр провел здесь несколько лет.

В 1236 году Ярослав, отъезжая в Киев, посадил Александра в Новгороде князем вместо себя. Молодому князю вскоре пришлось решать чрезвычайно сложные задачи и биться со многими врагами, со всех сторон наседавшими на Русь. В 1240 году шведы, побуждаемые папскими посланиями, предприняли крестовый поход против Новгородской земли.

Воевода их ярл Биргер вошел на кораблих в Неву и отсюда послал сказать Александру: "Если можешь, сопротивляйся, но знай, что я уже здесь и пленю твою землю". По Неве Биргер хотел плыть в Ладожское озеро, занять Ладогу и отсюда по Волхову идти уже к Новгороду. Но Александр, не медля ни дня, выступил навстречу шведам с новгородцами и ладожанами. Русские скрытно приблизились к устью Ижоры, где остановились на отдых враги, и 15 июля внезапно напали на них. Биргер не ждал неприятеля и расположил свою дружину спокойно: шнеки стояли у берега, поблизости были разбиты шатры. Новгородцы внезапно появились перед шведским лагерем, бросились на неприятелей и начали рубить их топорами и мечами, прежде чем те успели взять оружие. Сам Александр напал на Биргера и ранил его копьём в лицо. Шведы бежали на корабли и в ту же ночь все уплыли вниз по Неве в море.

***

Александр вернулся в Новгород с великой славой, но в том же году рассорился с новгородцами и уехал от них в Переяславль-Залесский. Город остался без князя. Тем временем немцы взяли Из-

борск. Псковичи вышли им навстречу и были разбиты, потеряли воеводу Гаврилу Гориславича, а немцы по следам бегущих подступили к Пскову, пожгли посады, окрестные села и целую неделю стояли под городом. Псковичи принуждены были исполнить все их требования и дали детей своих в заложники: в Пскове начал владеть вместе с немцами какой-то Твердило Иванович, который и привел врагов, как утверждает летописец. Приверженцы противной стороны бежали в Новгород. А между тем немцы не довольствовались Псковом: вместе с чудью напали они на Вотскую пятину и завоевали ее, наложили дань на жителей и, намереваясь стать твердой ногой в Новгородской волости, построили крепость в погосте Копорье; по берегам Луги побрали всех лошадей и скот; по селам нельзя было землю пахать, да и нечем; по дорогам в тридцати верстах от Новгорода неприятель бил купцов. Тогда

Князь Александр Невский. Портрет из "Титулярника"

новгородцы послали в Низовую землю (на Суздальщину) к Ярославу за князем, и тот дал им другого своего сына, Андрея; но надобен был Александр, а не Андрей; новгородцы подумали и отправили опять владыку с боярами за Александром; Ярослав дал им его опять, на каких условиях неизвестно, но без сомнения новгородцам пришлось поступиться некоторыми из своих вольностей.

Приехавши в Новгород в 1241 году, Александр немедленно пошел на немцев к Копорью, взял крепость, гарнизон немецкий привел в Новгород, часть его отпустил на волю, а изменников вожан и чудь перевешал. Но нельзя было так скоро освободить Псков. Его Александр взял только в 1242 году. При штурме погибло 70 рыцарей и множество простых ратников. Шесть рыцарей было взято в плен и замучено, по свидетельству немецкого летописца. После этого Александр вошел в Чудскую землю, во владения Ордена; войско последнего встретило один из русских отрядов и разбило его наголову; когда беглецы прислали Александру весть об этом поражении, то он отступил к Псковскому озеру и стал дожидаться неприятеля на льду его, который был еще крепок 5 апреля. На солнечном восходе началась знаменитая битва, слышущая в наших летописях под именем Ледового побоища. Немцы и чудь пробились свињьею (клином) сквозь русские полки и погнали уже бегущих, как Александр с дружиной ударил им в тыл и решил дело в свою пользу. Была злая сеча, говорит летописец, льда на озере стало не видно, все покрылось кровью; русские гнали немцев по льду до берега на расстоянии семи верст, убили у них 500 рыцарей, а чуди бесчисленное множество, взяли в плен 50 рыцарей. "Немцы, — говорит летописец, — хвалились: возьмем князя Александра руками, а теперь самих их Бог выдал ему в руки". Когда Александр возвращался во Псков после победы, то пленных рыцарей вели пешком подле ко-

ней, а весь Псков вышел навстречу своему избавителю.

После этого Александр должен был ехать во Владимир прощаться с отцом, отправлявшимся в Орду; в его отсутствие немцы прислали с поклоном в Новгород, послы их говорили: "Что заняли мы мечом, Водь, Лугу, Псков, Летголу, от того всего отступаемся; сколько взяли людей ваших в плен, тех готовы обменять: мы ваших пустим, а вы наших пустите"; отпустили также псковских заложников и помирились.

Третью свою победу Александр одержал над Литвой. Литовцы вторглись в Новгородскую волость в 1245 году, взяли Торопец и подле него были разбиты Ярославом Владимировичем Торопецким. На другой день приспел Александр с новгородцами, взял Торопец, отнял у литовцев весь плен и перебил их князей больше восьми человек.

Новгородские полки возвратились от Торопца, но Александр с одной дружиной погнался опять за литовцами, разбил их снова у озера Жизца, не оставил в живых ни одного человека, побил и остаток князей. После этого он отправился в Витебск, откуда, взявши сына, возвращался домой, как вдруг опять наткнулся на литовцев подле Усвята; Александр ударил на неприятеля и снова разбил его.

***

Так были отбиты со славой все три врага северо-западной Руси. Но Александр не мог долго оставаться здесь, поскольку дела на востоке переменились в 1246 году со смертью его отца. После Ярослава старшинство и Владимирский стол наследовал по старине брат последнего, Святослав Всеволодович, который утвердил племянников своих, сыновей Ярослава, на уделах, данных им покойным великим князем. Вплоть до этого времени Александру удавалось избегать контактов с татарами. Но в 1247 году Батый прислал сказать ему: "Мне покорились многие народы, неужели ты один не хочешь покориться моей

державе? Если хочешь сберечь землю свою, то приходи поклониться мне, и увидишь честь и славу царства моего". В отношении татар Александр избрал совсем другой путь, нежели в отношении западных и северных врагов. При малочисленности, нищете и разрозненности тогдашнего русского населения в восточных и южных землях нельзя было и думать о том, чтобы биться с оружием против татар. Оставалось покориться татарам, полностью признать власть великих ханов. Александр понял этот путь и первым из русских князей твердо вступил на него. Личное обаяние, слава его подвигов сделали его путешествие успешным. Обычно суровый и высокомерный к побежденным Батый принял Александра и его брата Андрея очень ласково. Летописец говорит, что хан, увидевши Александра, сказал своим вельможам: "Все, что мне говорили о нем, все правда: нет подобного этому князю".

По воле Батыя Александр и Андрей должны были отправиться в Монголию, где между братьями, по некоторым известиям, был большой спор о том, кому какой волостью владеть. Андрей получил Владимир, а Александру дали Киев. Трудно сказать, чем был вызван такой расклад. Киев по традиции был главным стольным городом, но после татарского разгрома впал в полное запустение. Возможно, татары на словах хотели почитать Александра великим княжением, но боялись посадить во Владимире, с которым соединялось действительное старейшинство над покоренными русскими землями.

Как бы то ни было, по возвращении Александр не поехал в Киев, а остался княжить в Новгороде, сохранив за собой и отцовскую вотчину Переяславль-Залесский.

В 1252 году Александр отправился на Дон к сыну Батыя, Сартаку, который управлял всеми делами из-за дряхлости своего отца. Полагают, что он жаловался на брата, который отнял у него старшинство

*Александр Невский и Иван Калита.
Роспись Благовещенского собора
Московского Кремля XVI в.*

и не исполняет своих обязанностей относительно татар. Сартаку Александр понравился еще больше, чем Батый, и с этого времени между ними завязалась тесная дружба. Сартак утвердил Александра на Владимирском столе, а против Андрея послал войско под начальством Неврюя. Под Переяславлем они встретили Андрея и разбили ее. Андрей бежал в Новгород, но не был там принят и удалился в Швецию. Татары взяли Переяславль, захватили здесь семейство Ярослава, брата Андреева, убили его воеводу, взяли в плен жителей и пошли назад в Орду. Александр приехал княжить во Владимир; Ан-

Александр Невский

дрей также возвратился на Русь и помирился с братом, который помирил его с ханом и дал в удел Суздаль. Вместо себя он оставил в Новгороде сына Василия.

Вскоре после этого у Александра началась вражда с другим его братом, Ярославом, княжившим в Твери. В 1254 году тот сел в Пскове и отсюда стал интриговать против Василия Александровича. В 1255 году новгородцы выгнали Василия и перевели к себе из Пскова Ярослава. Александр немедленно явился с полками под Торжок и, объединившись с Василием, стал готовиться к походу на Новгород. Ярослав, не дожидаясь его, покинул город. После этого по новгородскому обычаю начались шумные вече. Черные люди нападали на лучших, те интриговали друг против друга, но в конце концов сместили посадника Ананию и приняли опять Василия.

***

Между тем в 1255 году умер Батый. Его сын Сартак был умерщвлен дядей Берке, который и захватил власть. В 1257 году Берке велел провести на Руси вторую перепись (первая была еще при Ярославе Всеволодовиче) для сбора дани. Приехали численники, сочли всю землю Суздальскую, Рязанскую и Муромскую, поставили десятников, сотников, тысячников и темников, не считали только игуменов, чернецов, священников и клирошан. В Новгород пришла весть, что татары с согласия Александра хотят наложить дань и на этот прежде свободный город. Все лето в Новгороде продолжалось смятение, а зимой убили посадника Михалку. Вслед за тем из Орды приехали татарские послы, которые начали требовать десятины и тамги. Новгородцы не соглашались, дали дары для хана ипустили послов с миром. Василий, сын Невского, был против дани. Александр рассердился и явился в Новгород сам. Василий при его приближении выехал в Псков. Александр выгнал его оттуда и отправил в Суздальскую волость, а советников его жестоко наказал. Весь следующий год прошел мирно, но когда зимой 1259 года приехал Александр и с ним татары с женами, то опять начался сильный мятеж. Татары испугались и стали говорить Александру: "Дай нам сторожей, а то убьют нас", и князь велел стеречь их по ночам сыну посадникову со всеми детьми боярскими. Татарам наскучило дожидаться. "Дайте нам число, или побежим прочь", — говорили они. Между тем в Новгороде, как обычно, оказались две враждебные сословные партии. Одни горожане никак не хотели дать числа. "Умрем честью за святую Софию и за дома ангельские", — говорили они. Но другие требовали согласиться на перепись и наконец осилили, когда Александр с татарами съехали уже с Городища. Татары

начали ездить по улицам и переписывать дома. Взявши число, они уехали; вслед за ними отправился и Александр, оставив в Новгороде сына Дмитрия. С тех пор Новгород, хотя и не видел у себя больше татарских чиновников, участвовал в платеже дани, доставляемой хану со всей Руси.

Новгород успокоился, но поднялись волнения во Владимирской земле. Здесь в 1262 году народ был выведен из терпения насилиями татарских откупщиков дани, каковыми тогда были, главным образом, хивинские купцы. Способ сбора дани был очень тяготителен. В случае недоимок откупщики насчитывали большие проценты, а при совершенной невозможности платить брали людей в неволю. В Ростове, Владимире, Суздале, Переяславле и Ярославле поднялись вече, откупщиков выгнали отовсюду, а в Ярославле убили откупщика Изосиму, который принял магометанство в угоду татарским баскакам и хуже иноплемеников угнетал своих прежних сограждан.

Берке был в гневе и стал собирать полки, чтобы идти новым походом на Русь. Александр, желая отомолить людей от беды, отправился в очередной раз в Орду и, встречаясь с Берке, сумел отговорить его от похода на Русь. Берке оказался более милостивым к русским, чем можно было ожидать. Он простил избиение откупщиков, а также освободил русских от обязанности высылать свои контингенты в татарское войско. Возможно, Александр успел в своем деле и благодаря персидской войне, которая сильно занимала хана. Но это было уже последним делом Александра. Больной поехал он из Орды и по дороге, в Городце Волжском, умер 14 ноября 1263 года, "много потрудившись за землю русскую, за Новгород и за Псков, за все великое княжение, отдавая живот свой за православную веру". Тело Александра было погребено во Владимире в церкви Рождества Богородицы.

Алексей Михайлович

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ Романов

Царь всея Руси в 1645—1676 гг. Сын царя Михаила Федоровича и царицы Евдокии Лукьяновны. Род. 10 марта 1629 г. Вступил на престол 13 июля 1645 г. Короновался 28 сент. 1646 г. Ж.: 1) с 16 янв. 1648 г. Мария Ильинична Милославская († 3 марта 1669 г.); 2) с 22 янв. 1671 г. Наталья Кирилловна Нарышкина (род. 22 авг. 1651 г. † 25 янв. 1694 г. † 30 янв. 1676 г.

Детство Алексея прошло в тереме Московского дворца. Сообразно обычаю, до пятилетнего возраста он был окружен многочисленным штатом мамок и нянек. С пяти лет его передали на попечение дядьки Бориса Ивановича Морозова. С этого времени стали его учить грамоте по букварю, затем по Часовнику, Псалтыри и Деяниям апостольским; семи лет научили писать, а девяти стали учить церковному пению. Рядом с образованием шли забавы: царевичу покупали игрушки; были у него, между прочим, конь "немецкого дела", были латы, музыкаль-

ные инструменты и санки потешные, — словом, все обычные предметы детско-го развлечения. Но была и любопытная для того времени новинка — “немецкие печатные листы”, то есть гравированные в Германии картинки, которыми Морозов пользовался как подспорьем при обучении царевича. Дарили юному Алексею и книги, из них составила у него библиотека числом в 13 томов. На 14-м году царевича торжественно объявили народу, а 16-ти лет он осиротел (12 июня 1645 года умер царь Михаил Федорович, а 18 августа того же года — царица Евдокия Лукьяновна) и вступил на Московский престол.

Отец Алексея, Михаил Федорович, как известно, занял московский трон в таком же возрасте. Однако царевич отличался от отца большей живостью ума и характера и получил воспитание более сообразное своему положению. Возможно, благодаря этому, личность Алексея гораздо рельефнее запечатлелась в русской истории.

Мария Ильинична Милославская

И по облику, и по характеру он пошел в своего деда патриарха Филарета, то есть не просто был, но и ощущал себя природным государем. Современники искренне любили Алексея Михайловича. Сама наружность царя сразу говорила в его пользу и влекла к нему. В его живых голубых глазах светилась редкая доброта; взгляд этих глаз, по отзыву современников, никого не пугал, но ободрял и обнадеживал. Лицо государя, полное и румяное, с русой бородой, было благодушно-приветливо и в то же время серьезно и важно, а полная фигура его сохраняла величавую и чинную осанку. Однако царственный вид Алексея Михайловича ни в ком не будил страха: понимали, что не личная гордость царя создала эту осанку, а сознание важности и святости сана, который Бог на него возложил.

Привлекательная внешность отражала в себе, по общему мнению, прекрасную душу. Достоинства Алексея с некоторым восторгом описывали лица, вовсе от него не зависимые, — именно далекие от царя и от Москвы иностранцы. Рейтенфельс писал, что Алексей Михайлович “такой государь, какого желали бы иметь все христианские народы, но не многие имеют”. Коллинс ставил Алексея “наряду с добрейшими и мудрейшими государями”. Лизек свидетельствовал, что “царь одарен необыкновенными талантами, имеет прекрасные качества и украшен редкими добродетелями”, он покориł себе сердца всех своих подданных, “которые столько любят его, сколько и благоговеют перед ним”. Мейерберг отмечал, что при неограниченной власти своей в русском обществе, царь Алексей не посягнул ни на чье имущество, ни на чью жизнь, ни на чью честь. По-видимому, Алексей Михайлович всем, кто имел случай его узнать, казался светлой личностью и всех удивлял своими душевными достоинствами и приятностью. Такое впечатление подтверждается, как кажется, и дошедшими до нас письмами самого Алексея. На всех его писаниях ле-

жит яркая печать индивидуальности. Алексей вообще с необыкновенной охотой сам брался за перо или же начинал диктовать свои мысли дьякам. Кроме обычных писем и писаний, он пробовал сочинять стихи, составил "уложение сокольников пути", то есть подробный наказ своим сокольникам, оставил записки о польской войне. Весь этот литературный материал замечательно четко рисует нам личность государя и вполне позволяет понять, насколько симпатична и интересна была эта личность. Царь Алексей высказывался очень легко, говорил почти всегда без обычной в те времена риторики, любил поговорить и пофилософствовать. Бросается в глаза его необыкновенная восприимчивость и впечатлительность. Он жадно впитывал в себя впечатления от окружающей его действительности. Он остро переживал до слез и до "мглы душевной" все, что брало его за сердце. При такой восприимчивости бывал он вспыльчив и скор на гнев, несмотря на внешнее добродушие и действительную доброту. Алексей Михайлович по живости духа нередко давал волю своему неудовольствию, гневался, бранился и даже дрался. Нередко доставалось и боярам. В одном из заседаний Думы государь изругал, побил и пинками выгнал из комнаты своего тестя Милославского. Впрочем, Алексей быстро остывал и никогда долго не хранил зла. Кроме того, благодушный царь любил и пошутить, и посмеяться, чему мы тоже находим много примеров. Все эти черты характера Алексея замечаем потом в его сыне Петре I. Но в отличие от него второй Романов, как кажется, был не способен к каждодневному упорному труду, избегал реальной черновой работы государственного правления.

Алексею пришлось править в очень беспокойное и бурное время, и хотя он получил у современников прозвище Тишайшего, во все время его царствования нельзя найти ни одного года, спокойного от смут и внешних войн. Уже в 1648 году

вспыхнуло восстание в столице. Оно отозвалось возмущениями во многих других городах, и это побуждало Алексея обратиться против самих причин недовольства и того, что возбуждало многочисленные жалобы, а именно против повсеместного злоупотребления сильных людей. 16 июня 1648 года государь советовался с патриархом Иосифом и со всем священным собором и говорил с боярами, окольными и думными людьми. Решено было собрать, разобрать и переработать в цельный свод действующие законы, до той поры разновременные, несогласованные, разбросанные по ведомствам, а также нормировать случаи, еще не предусмотренные законами. По завершении предполагалось выработать цельное Уложение и судить на основании этого Уложения всех людей Московского государства, больших и малых, равным судом. В апреле 1649 года работа была завершена. Уложение напечатали и разослали во все московские приказы и по городам в воеводские канцелярии для того, чтобы "всякие дела отныне делать по тому Уложению". Ожидаемого результата эта мера не принесла, хотя несомненно, что новый свод законов до некоторой степени нормализовал и упорядочил государственную жизнь. Но восстания продолжались. Особенно сильными были они на севере, в Новгороде и Пскове, и усмирение их потребовало от Москвы многих усилий.

Затем пошли многолетние внешние войны. 22 февраля 1653 года Боярская Дума решила вопрос о присоединении Украины. Стали готовиться к польской войне, обещавшей быть долгой и упорной. Весной войска двинулись к границе. 18 мая выступил и сам царь с главными силами. Общему успеху московского оружия способствовало то обстоятельство, что воевали по новому образцу, земли занимали милостиво и дарили царским жалованием. Все, кто не хотел переходить на службу к Алексею Михайловичу, могли беспрепятственно отъезжать в Польшу.

Эта снисходительность имела то действие, что не только простой народ, но и шляхта охотно присягали царю. К концу июля сдались Дорогобуж, Невель, Белая, Полоцк, Рославль, Мстиславль, Дрисна и Друя. В августе поляки оставили Оршу, Глубокое, Озерницу, Гомель, Могилев, Чечерск и Пропойск. Одновременно шла осада Смоленска. 16 августа поляки отбили штурм. Однако сил защищать большой город не было. 10 сентября завязались переговоры, а 23-го Смоленск сдался. В 1655 году успехи русской армии продолжались. Взяты были между прочим Минск, Вильно, Ковна, Гродно, Туров и Пинск. Но положение осложнилось, когда в войну вступил шведский король Карл X Густав. Он быстро овладел всею Великою Польшею, которая признала его королем, взял Варшаву и Краков, а затем посягнул на Литву и Белоруссию, занятые уже русской армией. В мае 1656 года последовало объявление войны Швеции, и 15 мая Алексей уже выступил в новый поход. 5 июня он покинул Полоцк и вошел в Ливонию. Начало похода было удачным — взяли Динабург и

Кокенгаузен. 23 августа осадили Ригу. 1 сентября с шести русских батарей началась по городу сильная пальба, не прерывавшаяся ни днем ни ночью. Несмотря на то рижский губернатор граф Магнус Делагарди не сдавал города, а 2 октября шведы ударили по укреплениям осаждавших и нанесли им сильное поражение. Эта неудача, а также осеннее время, восстания крестьян, истреблявших русские отряды, высылаемые для кормов, слухи, что сам Карл X намерен приехать в Ливонию, — все это заставило Алексея прекратить осаду Риги и отступить в Полоцк. Дерпт сдался русским, но этим и кончились приобретения их в Ливонии.

Пока Россия и Швеция заняты были войной друг с другом, польский народ, охваченный национальным воодушевлением, начал упорную войну с захватчиками. Тогда Алексей, желавший удержать хотя бы то, что захвачено было у Польши, начал искать мира с Карлом X. С ноября 1658 года завязались переговоры, а 20 декабря подписано было перемирие на три года, по которому Кокенгаузен и Дерпт оставались в руках России. Но по миру 1661 года эти области отошли обратно Швеции. Таким образом Алексей должен был согласиться на восстановление условий Столбовского договора и завещать решение проблемы выхода к Балтийскому морю своим потомкам.

Ненамного успешнее шла война с Польшею. В октябре 1660 года на Волыни сдалась в плен большая русская армия, которой командовал Василий Борисович Шереметьев. Москва потеряла все лучшие реорганизованные силы. Это были войска новой формации, экипированные и обученные по-европейски, под командованием офицеров-иностранцев. Осенью 1661 года при Кушликах была разбита другая армия под командованием князя Хованского. Из 20 000 ратников спаслось не более 1000. Потеряны были Гродно, Могилев и сама Вильна. Начиная с 1661 года обе стороны, до предела ослабленные войной, стали искать пути к миру. В январе 1667 года в

Степан Разин

деревне Андрусово заключено было перемирие, по которому России отошли Смоленск, Дорогобуж, Белая, Невель, Себеж, Красное, Вележ и вся левобережная Украина. На левом берегу Алексей смог удержать за собой один Киев.

Тяжелая внешняя война сопровождалась сильными внутренними смутами и религиозными распрями. Алексей во все годы своей жизни отличался особым религиозным чувством и всегда имел большое участие в церковных делах. В 1646 году он познакомился с Никоном, когда тот приехал в Москву по делам своего монастыря. Молодой государь, пораженный сильным и страстным характером этого человека, не только оставил его при себе, сделав архимандритом Новоспасского монастыря, но и поручил ему прием челобитных на государево имя. Потом он отправил Никона митрополитом в Новгород, но продолжал с ним вести оживленную переписку. В 1651 году Никон возвратился в Москву, и с этого времени его влияние на царя сделалось полным и неоспоримым. После смерти патриарха Иосифа Никон был избран на его место. Ему царь поручил проведение церковной реформы, о необходимости которой говорили уже давно, но никак не могли собраться с ее осуществлением. Участие Никона обещало успех предприятию. Это был человек энергичный, волевой и, кроме того, пользовавшийся полным доверием Алексея. Никон официально именовался великим государем, и царь искал его советов не только в церковных, но и в государственных делах. Но, к несчастью для себя, Никон не принадлежал к числу тех людей, которые умеют останавливаться, не доходя до крайности, и умеренно пользуются своей властью. Уже этим одним он приобрел себе множество врагов. Еще большее негодование он возбудил исправлением церковных книг и той жестокостью, с которой осуществлялась эта реформа.

В конце 1653 или в начале 1654 года во дворце в присутствии царя патриарх

держал собор, указал на различия в печатных русских книгах по сравнению с греческими и древними славянскими рукописями и задал вопрос: "Следовать ли новым нашим печатным требникам или греческим и нашим старым?" Большинство отвечало, что необходимо следовать греческим книгам. Собор архиереев в Константинополе подтвердил решение Московского собора. А приехавший в Москву антиохийский патриарх Макарий торжественно объявил в Успенском соборе, что надобно креститься тремя перстами, и проклял тех, кто крестится двумя. Но когда исправленные богослужебные книги дошли до рядовых монахов и попов, то большинство из них пришло в ужас. Кроме того, что двоеперстие заменилось троеперстием, все богослужебные чины стали короче, причем оказались выброшены многие песнопения и формулы, которым придавался особенный магический характер. Литургия вся была переделана. Хожение на крестных ходах установлено было

Патриарх Никон

Царь Алексей Михайлович

против солнца. Имя Исус было исправлено в Иисус. Подвергся правке даже текст Символа веры. В то время когда обрядовой стороне религии придавалось огромное значение, такая правка не могла показаться пустым делом. Многие пришли к убеждению, что прежнюю православную веру пытаются заменить другой. Новые книги отказывались принимать к действию и служили по старым. Тогда Никон обрушил на ослушников жестокие репрессии. Со всех сторон в Москву пошли жалобы на своеволие и лютость патриарха. Но и возле царя было много недругов Никона, которые твердили, что царской власти уже не слышать, что посланцев патриарших боятся больше, чем царских, что великий государь патриарх не довольствуется уже равенством власти с великим государем царем, но стремится превзойти ее, вступает во все царские дела, памяти указные в приказы от себя посылает, дела вся-

кие без повеления государева из приказов берет, многих людей обижает. Все эти обвинения были справедливы. По мягкости характера Алексей долго не решался на прямое объяснение с патриархом. Однако на смену прежней дружбы пришли натянутость и холодность. В июле 1658 года Алексей велел передать Никону, чтоб он больше не писался великим государем. В ответ Никон, бросив свой престол, уехал в основанный им Новоиерусалимский монастырь. Может быть, он ожидал, что Алексей в память прежней дружбы станет его уговаривать остаться, но этого не произошло. Началась долгая переписка между двумя бывшими друзьями, которая их окончательно поглотила. Никон, хотя и отрекся всенародно от патриаршества, теперь говорил, что оставил только святительский престол в Москве и московским больше зваться не будет, но патриаршества не оставлял и не оставит. Алексей посылал уговаривать его переменить это решение, но безрезультатно. В феврале 1660 года был созван духовный собор русских архиереев, который и свел Никона с патриаршества. Но Алексей медлил закончить дело, опять же выяснилось, что собор не имел силы лишить Никона архиерейства и священства. Только в декабре 1660 года, когда в Москву приехал патриарх Антиохийский Макарий, а также недавно смещенный патриарх Александрийский Паисий, решение вопроса отдали на их суд. На этом суде, отказавшись от всяких посредников, Алексей лично выступил с обвинениями против Никона. После долгих препирательств патриархи приговорили, что Никон должен быть лишен патриаршества и священства и быть отныне простым монахом. Местом заточения для него назначен был Ферапонтов Белозерский монастырь.

Избавившись от Никона, не отказались от реформы им проводимой. Собор 1666 года признал православными всех греческих патриархов и все греческие богослужебные книги. Новоисправленные книги и новые обряды должны были быть

приняты бесприкословно всею русской церковью. Ревнители "старой веры" подвергались отлучению от церкви, объявлялись еретиками и раскольниками, но это мало помогало. Староверы очень скоро нашли поддержку в народе. Вокруг раскольников стали собираться многие из тех, кто недоволен был сложившимися в России государственными порядками. Так религиозное по своей природе движение приняло очень быстро социальный характер. Недаром Московское государство увидало в раскольниках своих злейших врагов, и борьба с ними оставалась чуть ли не главным явлением русской национальной жизни до конца XVII века. В 1667 году раскольники подняли восстание в Соловецком монастыре, осада которого затянулась на многие годы. Алексей не мог послать больших сил на Белое море, так как в 1669 году на Волге началось мощное восстание Степана Разина, подавленное с большим трудом только на третий год.

Одновременно на Украине поднял возмущение Брюховецкий, а с 1672 года приходилось еще держать войска на юге в ожидании турецкого нашествия. Остается только удивляться, как смогла Россия, разоренная длительной Польской войной и недавней смутой, выдерживать эти новые удары. А ведь кроме всего описанного в царствование Алексея как-то незаметно была присоединена к России и вся огромная Сибирь до берегов Тихого океана и границ Китая.

В конце жизни Алексея Михайловича к бедствиям государственным прибавились еще огорчения семейные. От первого брака с Милославской царь имел шесть дочерей и пять сыновей. Но все сыновья отличались болезненностью. В 1651 году умер старший из них — Дмитрий. После этого наследником объявлен был царевич Алексей, родившийся в 1654 году. Одним из воспитателей его был Ртищев. Царевич считался примерным учеником, наделенным исключительными дарованиями. Преждевременно развившийся, слишком серьезный для

своего возраста, он с десяти лет совершенно не интересовался игрушками, привезенными из Германии, и предпочитал им чтение. В 12 лет он в совершенстве владел латынью, сочинял стихи, читал классиков и изучал философию. Говорят, что спальня царевича загромождена была иконами и физическими приборами. В 13 лет Алексей, выставленный кандидатом на польский трон, произнес перед польскими послами речь наполовину по-латыни, наполовину по-польски. К несчастью, он не дожил до 16 лет.

В марте 1669 года умерла царица Марья Ильинична; за нею в том же году последовал третий царевич — Семен. 22 января 1672 года Алексей Михайлович женился вторично — на Наталье Кирилловне Нарышкиной, воспитаннице думного дворянина Артамона Сергеевича Матвеева. В том же году она родила ему сына Петра, а в 1674 году Алексей объявил своим наследником четвертого сына от первого брака — Федора. Через год с небольшим после этого в январе 1676 года сам Алексей Михайлович скончался в возрасте всего 47 лет. Одной из причин его раннего одряхления считали чрезмерную тучность. Несмотря на деятельную жизнь, страстную любовь к охоте и ревностное исполнение постов, Алексей Михайлович к концу жизни даже по московским меркам считался очень дородным.

АНДРЕЙ III АЛЕКСАНДРОВИЧ (кол.12)

Из рода Владимиро-Суздальских вел. кн. Сын Александра Ярославича Невского и полоцкой кн. Александры Брячиславны. Кн. Городецкий в 1264—1304 гг. Кн. Костромской в 1276—1293, 1296—1304 гг. Вел. кн. Владимирский в 1281—1284, 1292—1304 гг. Кн. Новгородский в 1281—1285, 1292—1304 гг. Ж.: с 1294 г. дочь кн. Ростовского Дмитрия Борисовича, кн. Василиса. † 27 июня 1304 г.

☐

В 1281 году, воспользовавшись распрей между старшим братом Дмитрием Александровичем и новгородцами, Андрей

решил выступить против брата. Он поспешил в Орду и за богатые дары получил у хана Менгу-Тимура ярлык на великое княжение и татарское войско. Дмитрий, не дожидаясь нашествия, бежал за море, а татары, пришедшие с Андреем, опустошили все земли около Муром, Владимира, Юрьева, Суздаля, Переяславля, Ростова и Твери до самого Торжка и далее к Новгороду. Андрей сел во Владимире, угостил богатым пиром и одарил князей ордынских, отпустил их домой и поехал в Новгород, где был с честью посажен на стол. Но скоро пришла к нему весть, что Дмитрий возвратился из-за моря, засел в своем Переяславле и укрепляется там, собирая полки. Андрей немедленно выехал из Новгорода во Владимир, оттуда в Городец, а из Городца поехал в Орду жаловаться хану Тудой-Менгу на то, что Дмитрий не хочет повиноваться татарам и платить им дань. В 1284 году он вновь вернулся с татарскими полками. Дмитрий бежал к берегам Черного моря, к хану Ногаю, враждебному по отношению к Золотой Орде. Ногай дал Дмитрию свои полки. Андрей был вынужден уступить и вернулся брату Владимир, но не оставлял надежды на победу. В том же году он стал сноситься с новгородцами, но когда началась война, Дмитрий стал одерживать верх, Андрей, чтобы отвести от себя беду, уступил во второй раз и даже был принужден как союзник Дмитрия опустошить новгородские волости. После этого Андрей обратился к татарам и привел на Дмитрия какого-то царевича из Орды. Однако, когда татары рассыпались для грабежа, Дмитрий внезапно ударил на них, и Андрей, потерпев поражение, должен был уступить в очередной раз. В 1292 году, объединившись с князьями ростовским, углицким, белозерским и ярославским, Андрей вновь поехал жаловаться в Орду. Хан Тохта выслушал жалобы князей и отпустил с ними большое войско. Дмитрий не успел оказать никакого сопротивления и бежал в Псков. Татары взяли Владимир, разграбили Успенский

собор, взяли потом 14 других городов и опустошили всю землю.

После ухода татар Андрей вновь получил Владимир и Новгород. Вскоре Дмитрий умер. С самого начала своего великого княжения Андрею пришлось враждовать с Тверью, Москвой и Переяславлем. В 1296 году дело едва не дошло до войны, но обошлось без кровопролития.

В 1300 году Андрей с полками суздальскими и новгородскими ходил к шведской крепости Ландскроне, построенной шведами на берегах Невы. Город был взят, разрушен, гарнизон частью истреблен, частью уведен в плен.

В 1302 году умер Иван Дмитриевич Переяславский. Он завещал свое княжество Даниилу Московскому. Андрей не хотел позволить Даниилу использовать завещание племянника и тотчас по смерти Ивана отправил в Переяславль своих наместников. Даниил выгнал их и посадил своих. Андрей отправился в Орду жаловаться хану. Даниил тем временем умер, а сын его Юрий Московский захватил Переяславль. Когда Андрей возвратился из Орды с ярлыком на Переяславское княжение, Юрий не уступил ему.

Андрей умер, так и не утвердив своих прав на Переяславль. Погребен в Городце, в церкви св. Михаила.

АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (кол.17)

Из рода Ростовских-Борисоглебских кн. Сын Александра Константиновича. Кн. Ростовский-Борисоглебский в 1404—1415 гг. Кн. Псковский в 1415—1417 гг.

АНДРЕЙ АФАНАСЬЕВИЧ

См. *Вяземские князья*.

АНДРЕЙ БОРИСОВИЧ (кол.18)

Из рода Микулинских кн. Сын Бориса Александровича. Кн. Микулинский в 1461—1485 гг.

В 1485 году отошел со своим уделом к Москве. Потомки его были уже служили-ми князьями.

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ Большой Горй (кол.18)

Из рода Московских вел. кн. Сын Василия II Васильевича Темного и кн. малоярославской Марии Ярославны. Род. в авг. 1446 г. Кн. Углицкий и Звенигородский в 1462—1492 гг. Ж.: с 27 мая 1470 г. дочь кн. Мезецкого Романа Андреевича, кн. Елена († 1483 г.) † 7 окт. 1494 г.

В 1479 году Андрей и его брат Борис, не выдержав притеснений старшего брата Ивана III, решили с оружием в руках защищать свои права. Они завязали тайные сношения с новгородцами и Литвой. В начале 1480 года, соединив свои полки, братья двинулись к Ржеву через Тверскую область. Великий князь послал к ним боярина уговаривать не начинать усобицы, но братья не послушались и с 20-тысячным войском пошли к Новгороду. Как раз в это время ждали нашествия Ахмата со всею ордынской силой. Иван III оказался в сложном и опасном положении. Он послал уговаривать братьев епископа Василиана Ростовского. Тому удалось помирить их, и братья послали в Москву бояр для переговоров. Но, не дождавшись их окончания, двинулись в Луки и здесь завязали переговоры с Казимиром Литовским.

Казимир не торопился с помощью. Между тем Иван III предложил Андрею Калугу и Алексин за то, чтобы тот отступил от Бориса. Андрей не согласился. Переговоры затянулись. Братья ездили в Псков просить помощи против великого князя. Псковичи отказали. Тогда Андрей и Борис, рассердившись, велели опустошать псковскую волость. Их люди, по словам летописца, повоевали все как неверные, церкви пограбили, жен и девок посквернили, в домах не оставили ни цыпленка. Псковичи, чтобы избавиться от напасти, выплатили братьям 200 рублей. Тем временем стало известно, что на Москву идет хан Ахмат.

Андрей и Борис воспрянули духом, послали сказать Ивану: "Если исправишься, притеснять нас больше не будешь, а станешь держать нас как братьев, то мы придем к тебе на помощь". Иван обещал выполнить все их требования, и братья явились с войском к Угре, где русские держали оборону против татар. Андрей получил Можайск, то есть значительную часть вымороченного удела своего брата Юрия.

В 1484 году умерла мать Андрея, любившая его более всех своих сыновей и защищавшая его всегда перед старшим братом. После этого Андрей пребывал всегда в великом страхе, ожидая от Ивана какой-нибудь каверзы. В 1492 году Иван, узнав, что на союзника его, крымского хана Менгли-Гирея, идут татары с востока, выслал свои полки к нему на помощь и велел братьям также отправить своих воевод. Борис послал свои полки вместе с великокняжескими, но Андрей не послал. Это было в мае, а в сентябре Андрей приехал в Москву и был принят старшим братом очень почетно и ласково. На другой день явился к нему посол с приглашением на обед к великому князю. Андрей поехал немедленно, чтоб ударить челом (то есть поблагодарить) за честь. Иван принял его в комнате, называвшейся западной, посидел с ним, поговорил немного и вышел в другую комнату, повалушку, приказавши Андрею подождать, а боярам его идти в столовую гридню. Но как скоро вошли туда, все были схвачены и разведены по разным местам. В то же время в западную к Андрею вошел князь Семен Ряполовский со многими другими князьями и боярами и, обливаясь слезами, едва мог промолвить Андрею: "Государь князь Андрей Васильевич! Пойман ты Богом да государем великим князем Иваном Васильевичем и всея Руси, братом твоим старшим". Андрей встал и отвечал: "Волен Бог да государь, брат мой старший, князь великий Иван Васильевич, а суд мне с ним впредь перед Богом, что берет меня невинно". С первого часа дня до вечера сидел Андрей во дворце, потом

свели его на казенный двор и приставили стражу из многих князей и бояр. В то же время послали в Углич схватить сыновей Андреевых, Ивана и Дмитрия, которых посадили в железх в Переяславле; дочери же не тронули. Несмотря на просьбы духовенства, Иван не освободил брата. Андрей так и умер в заключении.

Погребен в Москве, в Архангельском соборе.

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ Меньшой (кол.18)

Из рода Московских вел. кн. Сын Василия II Васильевича Темного и кн. малоярославской Марии Ярославны. Род. 8 авг. 1452 г. Кн. Вологодский в 1462—1481 гг. † 5 июля 1481 г.

В 1479—1480 годах во время ссоры Ивана III с братьями Андрей оставался все время на стороне старшего брата. В 1480 году он стоял с московскими полками на Угре против Ахмата. Умер бездетным, задолжав великому князю 30 000 рублей за ордынские выходы, и потому отказал ему в завещании весь свой удел.

Погребен в Москве, в Архангельском соборе.

АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ Добрый (кол.8)

Из рода Рюриковичей. Сын Владимира Всеволодовича Мономаха. Род. в 1102 г. Кн. Владимиро-Волынский в 1119—1135 гг. Кн. Переяславля-Южного в 1135—1141 гг. Ж.: с 1117 г. внучка хана половецкого Тугоркана. † 22 янв. 1141 г.

В 1119 году Владимир Мономах посадил Андрея во Владимире Волынском на место умершего сына Романа. В 1123 году Ярослав Святославич, прежде княживший во Владимире и изгнанный Мономахом, пришел под Владимир с венграми, поляками, чехами и обоими Ростиславичами — Володарем и Васильком. Андрей заперся в городе, а после смерти Ярослава помирился с иноземцами.

В 1132 году, после смерти брата Мстислава, Андрей соединился с Юрием Владимировичем Долгоруким против другого брата — киевского князя Ярополка Владимировича, который в обход старшинства отдал Переяславль племяннику Всеволоду Мстиславичу. Андрей с Юрием заставили Ярополка передать Переяславль Вячеславу Владимировичу. В 1135 году Вячеслав отказался от Переяславля, и Ярополк переехал сюда Андрея. В том же году Всеволод II Ольгович три дня осаждал Андрея в Переяславле, но ушел, испугавшись Ярополка. В 1138 году Всеволод в другой раз пришел к Переяславлю. Андрей не мог сопротивляться, не видя помощи от братьев, и хотел уже бежать из города, но Всеволод прельстил его миром.

Став великим князем после смерти Ярополка Владимировича, Всеволод в 1139 году с братом Святославом в третий раз пошел к Переяславлю. Встав на Днепре, он послал сказать Андрею: "Ступай в Курск". Андрей подумал с дружиной и велел передать Всеволоду: "Лучше мне умереть с дружиной на своей отчине и дедине, чем взять Курское княжение; отец мой сидел не в Курске, а в Переславле, и я хочу на своей отчине умереть; если же тебе, брат, еще мало волостей, мало всей Русской земли, а хочешь взять и эту волость, то убей меня и возьми ее, а живой не пойду из своей волости. Это не в диковинку будет нашему роду; так и прежде бывало: разве Святополк не убил Бориса и Глеба за волость? Но сам долго ли пожил? И здесь жизни лишился, да и там вечно мучится". Всеволод не пошел сам к Переяславлю, но послал туда брата Святослава, который встретился на дороге с дружиной Андреевой и был разбит: победители гнали за ним до места Корани, далее Андрей не велел преследовать. На другой день Всеволод помирился с Андреем. Андрей уже поцеловал крест Всеволоду, когда в городе начался пожар, но Всеволод не воспользовался случаем и не нарушил мирного договора.

Похоронен в Переяславле, в церкви св. Михаила.

АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ (кол.11)

Из рода Витебских кн. Сын Владимира Васильковича. В 1180 г. князь Ладожский.

АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ Долгая Рука (кол.12)

Из рода Смоленских кн. Родоначальник Вяземских князей. Сын Владимира Рюриковича. † 1224 г.

Андрей был взят в плен татарами после битвы на Калке и задавлен под досками вместе с другими князьями.

АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ (кол.12)

Из рода Углицких кн. (младшей ветви). Сын Владимира Константиновича и рязанской кн. Надежды Ингваровны. Кн. Углицкий в 1249—1261 гг. † 1261 г.

Погребен в Угличе, в церкви св. Спаса.

АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ (кол.16)

Из рода Серпуховских кн. Сын Владимира Андреевича Храброго и литовской кн. Елены Ольгердовны. Кн. Радонежский в 1410—1426 гг. Ж.: дочь боярина Ивана Всеволожского. † осенью 1426 г. во время морового поветрия.

АНДРЕЙ ВСЕВОЛОДОВИЧ (кол.12)

Из рода Черниговских вел. кн. Сын Всеволода Ярополковича. Ж.: дочь кн. Волынского Василька Романовича, кн. Ольга. Кн. Черниговский в 1261—1263 гг.

В 1263 году Чернигов вместе с Мозырем и Стародубом был захвачен литовцами, а Андрей изгнан из города. Преемником его стал брянский князь Роман Михайлович.

АНДРЕЙ ДМИТРИЕВИЧ (кол.16)

Из рода Московских вел. кн. Родоначальник Можайских князей. Сын Дмитрия Ивановича Донского и суздальской кн. Евдокии Дмитриевны. Род. 14 авг. 1382 г. Кн. Можайский и Верейский в 1389—1432 гг. Ж.: с 8 окт. 1403 г. дочь кн. Стародубского Александра Михайловича, кн. Агриппина. † 9 июля 1432 г. Погребен в Москве, в Архангельском соборе.

Князь Андрей Дмитриевич. Роспись Архангельского собора Московского Кремля. XVII в.

АНДРЕЙ ДМИТРИЕВИЧ (кол.16)

Из рода Дорогобужских кн. Сын Дмитрия Еремеевича. Кн. Дорогобужский в 1407—1437 гг. † 1437 г.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ (кол.14)

Из рода Московских вел. кн. Родоначальник *Серпуховских князей*. Сын Ивана I Даниловича Калиты. Род. 4 июня 1327 г. Кн. Серпуховской в 1341—1353 гг. Ж.: дочь кн. Ростовского-Борисоглебского Константина Васильевича, кн. Мария († 1390 г.). † 6 июня 1353 г. во время эпидемии чумы.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ (кол.19)

Из рода Московских вел. кн. Сын Ивана III Васильевича и византийской царевны Софьи Фоминичны Палеолог. Род. 5 авг. 1490 г. Кн. Старицкий. Ж.: с 22 февр. 1533 г. дочь кн. Андрея Федоровича Хованского, кн. Ефросиния († 15 окт. 1569 г.). † 10 дек. 1536 г.

По некоторым сообщениям можно судить, что Андрей был любимым братом Василия III и имел с ним самые доверительные отношения. Однако Василий не позволял брату жениться, пока сам не обзавелся сыном. По смерти Василия его жена Елена Глинская велела заключить в темницу брата великого князя Юрия Ивановича. Андрей поначалу не был заподозрен в соумышлении с Юрием и спокойно жил в Москве до сорочин по великом князе Василии. Собравшись после этого ехать в свой удел, он стал спрашивать у Елены городов к своей отчине. В городах ему отказали, но дали по обыкновению на память о покойном шубы, кубки, коней с седлами. Андрей уехал с неудовольствием в Старицу. Нашлись люди, которые передали о его неудовольствии в Москву. Андрей узнал об этом и забеспокоился. Елена отправила в Старицу князя Ивана Васильевича Шуйского. Тот обещал, что Андрею не грозит никакая

опасность. Андрей поехал в Москву и жаловался, что великий князь (Иван IV) и Елена хотят положить на него опалу. Елена отвечала, что никакой опалы на него нет. Но и по возвращении из Москвы Андрей не отложил подозрения и страха и продолжал сердиться на Елену за то, что та не прибавила городов к его уделу. В Москву опять начали доносить, что Андрей собирается бежать. Елена стала звать Андрея для совещания о казанской войне, но тот никак не хотел ехать. Тогда Елена выслала к Волоку сильные полки. Андрей не стал более медлить и 2 мая 1536 года выбежал из Старицы в новгородские волости. Однако вскоре в новгородской волости Андрея настиг князь Иван Овчина-Телепнев-Оболенский с московским войском. Андрей хотел сначала биться с ним, но потом вступил в переговоры. Оболенский обещал, что Елена не положит на него никакой опалы, если Андрей приедет в Москву, и даже прибавит ему вотчин. Андрей поверил и приехал в Москву. Поначалу его встретили ласково, но на третий день схватили и отправили в тюрьму. Потом схвачены были его жена и сын, все его бояре и новгородские помещики, вошедшие в его войско. В заключении Андрей прожил не более полугода и умер.

АНДРЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ (кол.14)

Из рода Суздальских и Нижегородских вел. кн. Сын Константина Васильевича и греческой княжны Анны Васильевны. Вел. кн. Суздальский в 1355—1359 гг. Вел. кн. Нижегородский с 1359 г. Ж.: кн. Анастасия или дочь тверитянина Ивана Киясовского Василиса. † 2 июня 1365 г.

Не позже 1359 года Андрей окончательно перенес столицу княжества в богатый и сильный Нижний Новгород, отдав потерявший значение Суздаль брату Дмитрию. Когда умер Иван II Иванович Московский, Андрей вполне мог получить

ярлык на великое княжение, поскольку в Москве стал княжить малолетний Дмитрий Иванович. Но Андрей, по словам летописца, не захотел взять ярлыка; есть известие, будто он говорил: “Доискиваться ярлыка — потратить только деньги, а потом, когда вырастет законный наследник Дмитрий Московский, то надобно будет воевать с ним, притом должно нарушить клятву, данную отцу его”. Умер Андрей во время эпидемии чумы.

Погребен в церкви св. Спаса в Нижнем Новгороде.

АНДРЕЙ МСТИСЛАВИЧ (кол.12)

Из рода Рыльских кн. Сын Мстислава Святославича. Кн. Рыльский. Кн. Черниговский (?) в 1246 г. † 1246 г.

Д.Н. Александров предполагает, что после смерти св. Михаила Всеволодовича Андрей некоторое время правил в Чернигове, и именно его упоминает в 1246 году Плано Карпини. Андрей был убит за какую-то вину в Орде.

АНДРЕЙ (Вингольд) ОЛЬГЕРДОВИЧ

Литовский кн. из рода Гедиминовичей. Сын вел. кн. Литовского Ольгерда Гедиминовича и кн. витебской Марии Ярославны. Кн. Псковский в 1341—1348 и после 1377 г. Кн. Полоцкий в 1348—1377 гг. † 12 авг. 1399 г.

В 1341 году Ольгерд помог псковичам против немцев. Псковичи, помня о Довмонте, долго уговаривали Ольгерда креститься и сесть на княжение у них во Пскове. Ольгерд отказался и согласился только на то, чтобы крестился и остался в Пскове его сын Андрей. Однако и Андрей не остался в Пскове, а держал здесь наместника Юрия Витовтовича. Псковичи молчали, но в 1348 году Юрий погиб, тогда псковичи послали сказать Андрею:

“Тебе было, князь, самому сидеть во Пскове на княжении, а наместником Пскова не держать: когда тебе неудобно сидеть у нас, в другом месте княжишь, то наместников твоих не хотим”. Андрей немедленно захватил в своих владениях псковских купцов и повоевал псковские села; псковичи ответили ему тем же.

Судьба Андрея переменялась после смерти Ольгерда в 1377 году. Его младший брат Ягайло захватил великое княжение в нарушение прав старшего Андрея. Андрей объявил было свои притязания на старшинство, но, не получив ниоткуда подкрепления, должен был уступить Ягайле, лишился Полоцка и бежал во Псков, где жители приняли его на княжение с согласия великого князя Дмитрия Ивановича, к которому Андрей ездил в Москву. В 1380 году Андрей со своим полком участвовал в Куликовской битве.

В 1386 году Андрей неизвестно каким образом овладел опять Полоцком и восстал против Ягайлы под тем предлогом, что тот, приняв католицизм, не имеет более права владеть православными областями. При этом Андрей соединился с немецкими рыцарями, которые опустошили литовские владения более чем на 60 миль. Брат Ягайла, Скиргайло, захватил Полоцк, взял в плен Андрея, а сына его убил.

Позже Андрей служил великому князю литовскому Витовту и погиб в несчастной для литовцев битве с татарами на берегу Ворсклы.

АНДРЕЙ РОСТИСЛАВИЧ (кол.9)

Из рода Рязанских кн. Сын Ростислава Ярославича. Кн. Елецкий в 1147 г.

АНДРЕЙ СВЯТОСЛАВИЧ (кол.11)

Из рода Трубчевских кн. Сын Святослава Всеволодовича. Кн. Трубчевский после 1232 г.

АНДРЕЙ ФЕДОРОВИЧ (кол.14)

Из рода Стародубских кн. Сын Федора Ивановича Благоверного. Кн. Стародубский и княжение Дмитрия Донского. По всей видимости, Андрей был последним удельным князем Стародубским. Потомки его дали начало многим служилым княжеским фамилиям.

АНДРЕЙ ФЕДОРОВИЧ (кол.16)

См. Ростовские-Усретинские князья.

АНДРЕЙ I ЮРЬЕВИЧ Боголюбский (кол.9)

Из рода Владимиро-Суздальских вел. кн. Сын Юрия I Владимировича Долгорукого и половецкой кн., дочери хана Аепы Осеневича. Род. ок. 1110 г. Кн. Вышгородский в 1149, 1156 гг. Кн. Турковский, Пинский и Дорогобужский в 1150—1151 гг., Кн. Суздальский и Ростовский в 1155—1169 гг. Вел. кн. Владимирский в 1169—1175 гг. Ж.: с 1148 г. дочь боярина Степана Ивановича Кучки, Улита († 1175 г.). † 29 июня 1175 г.

✚

Андрей Боголюбский

В 1149 году, овладев Киевом, Юрий посадил Андрея на княжение в Вышгороде. В том же году, в походе против Изяслава II Мстиславича, Андрей проявил удивительную доблесть, которой от него, кажется, никто не ожидал. Вместе с братьями он подступил к Луцку, где затворился брат Изяславов, Владимир. Когда они приблизились к городу, то из ворот его выступил отряд пехоты и начал с ними перестреливаться; остальные Юрьевичи никак не думали, что Андрей захочет ударить по этой пехоте, потому что и стяг его не был поднят; не величав был Андрей на ратный чин, говорит летописец, искал он похвалы от одного Бога; и вот он въехал прежде всех в неприятельское войско, дружина его за ним, и началась жаркая схватка. Андрей преломил копье свое и подвергся величайшей опасности: неприятельские ратники окружили его со всех сторон; лошадь под ним была ранена двумя копьями, третье попало в седло, а со стен городских сыпались на него камни, как дождь; уже один немец хотел проткнуть его рогатиной, но Бог спас его. Отец, дядя и все братья обрадовались, увидев его живым, а бояре отцовские осыпали его похвалами, потому что он дрался храбрее всех в этом бою. Конь его, сильно раненный, только успел вынести своего господина и пал; Андрей велел погresti его над рекой Стрыем. Позже, в Руцкой битве, лишь только с обеих сторон стали сходить для битвы, Андрей, схватив копье, поехал вперед и прежде всех столкнулся с неприятелем; копье его было изломано, щит сорван, шлем спал с головы, конь, раненный в ноздри, начал метаться под ним в разные стороны.

***

Помогая отцу во всех его походах, Андрей, как можно думать, не одобрял его настойчивого желания овладеть Южной Русью. В 1156 году он бросил свой Вышгород и без отцовского позволения уехал в Суздальскую волость. Из Вышгородского женского монастыря он увез с собой

знаменитую икону св. Богородицы, которая впоследствии стала почитаться как величайшая русская святыня. Как гласит легенда, путь иконы на север сопровождался многими чудесами, а неподалеку от Владимира кони под иконой вдруг встали. Князь велел здесь заночевать. Ночью Божья Мать явилась ему во сне и запретила вести икону в Ростов, как он прежде собирался (или делал вид, что собирался), а велела оставить ее во Владимире. Андрей так и поступил, на месте видения построил село, названное Боголюбовом. Позже Андрей построил там богатую каменную церковь и терем. Со временем Боголюбово сделалось его любимым местопребыванием.

Татищев так описывает внешность и характер Андрея: "Сей князь роста был не вельми великого, но широк плечами и крепок, яко лук едва кто подтянуть мог, лицом красен, волосы кудрявы, мужественен был в брани, любитель правды, храбрости его ради все князья его боялись и почитали, хотя часто и с женами и дружиной веселился, но жены и вино им не обладали. Он всегда к расправе и распорядку был готов, для того мало спал, но много книг читал, и в советах и в расправе земской с вельможи упражнялся, и детей своих прилежно тому учил, сказуя им, что честь и польза состоит в правосудии, расправе и храбрости".

В мае 1157 года Юрий умер в Киеве. Андрей принял власть в Суздале и Ростове, но не поехал в эти старые города, а сделал стольным городом Владимир. Этот прежде незначительный молодой городок он украсил великолепными сооружениями, придавшими ему невиданные на северо-востоке Руси пышность и великолепие. Современники видели в Андрее набожного и благочестивого человека. Его часто можно было встретить в храме на молитве со слезами умиления на глазах. Нередко по ночам он входил в храм, сам зажигал свечи и долго молился перед образом.

При этом он оставался человеком жестким и самовластным. В методах его правления было много нового, прежде на Руси невиданного. Со своими братьями Андрей обошелся как истый самовластец. Никому из них он не дал волости в Суздальской земле, а в 1162 году вовсе выгнал из княжества свою мачеху, греческую царевну Ольгу, вторую жену Юрьеву, вместе с ее детьми Мстиславом, Васильком и восьмилетним Всеволодом, потом удалил и племянников, двух сыновей Ростис-

Андрей Боголюбский. Роспись Архангельского собора Московского Кремля. XVII в.

лава Юрьевича. С боярами Андрей также жил не по-товарищески, не советовался с ними, к чему привыкли бояре старой Руси. Многих Юрьевых бояр он выгнал, других заключил в темницу. По многим причинам он может считаться первым подлинным великорусским государем. Следуя в дальнейшем его примеру, владимирские князья постепенно превратили северную окраину Древней Руси в центр великого государства нового времени.

Уже при Андрее северо-восточная Русь начинает оказывать все более возрастающее влияние на жизнь окружающих земель. В 1164 году Андрей с сыном Изяславом, братом Ярославом и муромским князем Юрием удачно воевал с камскими болгарами, перебил у них много народу и взял знамена. Князь болгарский с малой дружиной едва успел убежать в Великий город (Булгар). После этой победы Андрей взял болгарский город Бряхимов и пожег три других города.

Но главной и постоянной целью Андрея было унижить значение Киева, лишить его древнего старшинства над русскими горо-

дами, перенести это старшинство на Владимир, а вместе с тем подчинить себе вольный и богатый Новгород. Он добивался того, чтобы по своему желанию отдавать эти два важных города с их землями в княжение тем из князей, которых он захочет посадить и которые, в благодарность за это, будут признавать его старейшинство.

Однако чрезмерная крутость помешала ему достичь желаемого. В 1158 году Андрей послал сказать новгородцам: "Будь вам ведомо: хочу искать Новгорода и добром и лихом". Новгородцы смутились, на первый раз уступили требованию Андрея и прогнали от себя Давида и Святослава Ростиславичей, а на их место взяли от Андрея его племянника Мстислава Ростиславича. Но потом Андрей вдруг переменял свое решение, отозвал Мстислава и велел новгородцам взять обратно Святослава. С немалой досадой новгородцы согласились опять на Святослава, но мира с этим князем у них быть не могло. Споры и бурные вече переросли в настоящую войну. Святослав, изгнанный из Новгорода, сжег Новый Торг и Луки. Новгородцы несколько раз просили Андрея сменить князя, но тот неизменно отвечал: "Нет вам другого князя, кроме Святослава". Упорство Андрея наконец ожесточило новгородцев: в 1168 году они перебили сторонников Святослава и взяли себе в князья Романа Мстиславича, сына ненавистного Андрею Мстислава Изяславича. Это было знаком открытого неповиновения, и зимой 1169 года владимирский князь отправил на Новгород огромное войско во главе со своим сыном Мстиславом. Страшно опустошив окрестности Новгорода, Андреева армия должна была отступить, ничего не добившись. Однако в Новгороде начался голод. Подвоза хлеба не было ниоткуда, и горожане сдались, показали Роману путь (то есть прогнали от себя) и послали к Андрею за миром, и Андрей направил к ним Рюрика Ростиславича, а после того как поссорился с Ростиславичами, сына Юрия.

Андрей Боголюбский. Икона XVIII в.

Сходным образом складывались отношения с Киевом. В 1168 году, по смерти Ростислава Мстиславича, в Киеве сел старый враг Андреев, Мстислав Изяславич. Андрей ждал только повода, чтобы начать против него войну, и повод вскоре нашелся — в том же году, как уже говорилось, Мстислав, вопреки воле Андрея, посадил в Новгороде сына Романа. Тогда Андрей отправил на юг сына Мстислава с ростовцами, владимирцами и суздальцами. После трехдневной осады войско ворвалось в Киев и впервые в истории взяло его "на щит": два дня победители грабили город, не щадя никого и ничего: жгли церкви и грабили жителей, одних били, других хватали, жен разлучали с мужьями и уводили в плен. Половцы зажгли было и монастырь Печерский, но монахам удалось потушить пожар; были в Киеве тогда, говорит летописец, во всех людях стон и тоска, печаль неутешная и слезы непрестанные. Андрей достиг своей цели. Древний Киев потерял свое вековое старейшинство. Некогда город богатый, заслуживавший от посещавших его иностранцев название второго Константинополя, он уже и прежде постепенно утрачивал свой блеск из-за междоусобий, а теперь был ограблен, сожжен, лишен значительного числа жителей, перебитых или уведенных в неволю, поруган и посрамлен от других русских земель. Андрей посадил в нем своего брата Глеба с намерением и впредь сажать там такого князя, какого ему угодно будет.

По смерти Глеба в 1171 году Андрей отправил в Киев Романа Ростиславича. Но вскоре владимирскому князю дали знать, что Глеб Юрьевич умер не своей смертью. Андрей прислал сказать братьям Ростиславичам: "Выдайте мне Григория Хотовича, Степанца и Олексу Святославича — это враги всем нам, они умили брата моего Глеба". Ростиславичи, считая, как видно, донос на бояр неосновательным, не послушались Андрея, но только отпустили от себя Григория Хотовича.

Тогда Андрей послал сказать Роману: "Не ходишь в моей воле с братьями своими, так ступай вон из Киева, Давыд из Вышгорода, Мстислав — из Белгорода; ступайте все в Смоленск и делитесь там, как хотите". Рюрик, Давыд и Мстислав Ростиславичи послали сказать Андрею: "Брат! Мы называли тебя отцом себе, крест тебе целовали и стоим в крестном целовании, хотим тебе добра, но вот теперь брату нашего Романа ты вывел из Киева и нам путь кажешь из Русской земли без нашей вины, так пусть рассудит нас Бог и сила крестная". Дальше пошло еще круче. Андрей, как говорит летописец, исполнился высокоумия, сильно рассердился, надеясь на силу, огородившись множеством войска, разжегся гневом, призвал мечника своего Михна и наказал ему: "Поезжай к Ростиславичам и скажи им: не ходите в моей воле, так ступайте же: ты, Рюрик, в Смоленск, к брату, в свою отчину; Давыду скажи: ты ступай в Берлад, в Русской земле не велю тебе быть; а Мстиславу молви: ты всему делу зачинщик, не велю тебе быть в Русской земле". Мстислав велел остричь Андрееву послу голову и бороду и отослал его назад к Андрею с такими словами: "Мы до сих пор почитали тебя, как отца, по любви, но если ты прислал к нам с такими речами не как к князю, но как к подручнику и простому человеку, то делай, что замыслил, а Бог нас рассудит". Андрей опал в лице, когда услышал от Михна ответ Мстиславов, и велел тотчас же собирать войско: собрались ростовцы, суздальцы, владимирцы, переяславцы, белозерцы, муромцы, новгородцы и рязанцы. Андрей счел их и нашел 50 000; он послал с ними сына своего Юрия с таким наказом: "Рюрика и Давыда выгоните из моей отчины, а Мстислава схватите и, не делая ему ничего, приведите ко мне". По пути на юг к войску присоединилось еще много князей, всего их набралось более двадцати. Впервые за много лет под одними знаменами собрались полоцкие, туровские, пинские, городненские, рязанс-

кие, черниговские, северские, смоленские, переяславские князья. Но этот грандиозный поход, как и тот, что был затеян в предыдущем году против Новгорода, закончился ничем. Девять недель войско стояло против Вышгорода, где засел Мстислав Ростиславич, но так и не смог его взять. А едва к Киеву подступил союзник Ростиславичей Ярослав Изяславич Луцкий, все оно в беспорядке вдруг бросилось бежать. Мстислав из Вышгорода гнался за ними, многих перебил и пленил. "Так-то, — говорит летописец, — князь Андрей какой был умник во всех делах, а погубил разум свой невоздержанием". И в самом деле, современники хорошо видели, что неудачи Андрея под Новгородом и Киевом произошли не из-за недостатка материальных средств, а из-за упрямого нежелания вести гибкую политику. При всем своем уме и изворотливости Андрей не установил прочного порядка в русских землях. Современники считали, что единственным побуждением всей его деятельности было властолюбие. Прошло немало лет, прежде чем семена посеянной им политики уже в новых исто-

рических условиях дали обильные всходы и привели к сплочению Русской земли вокруг Москвы. Пока же непреклонная суровость Андрея во всех вызывала трепет и ненависть, и окружавшие его бояре не были тут исключением.

Однажды Андрей казнил одного из ближайших родственников своей жены, Кучковича. Тогда брат казненного Яким Кучкович вместе с зятем своим Петром и некоторыми другими княжескими слугами решил избавиться от своего господина. К заговору вскоре пристали домашние слуги князя — некий яс (осетин) по имени Анбал и еще какой-то иноземец по имени Ефрем Моизич. Всего же заговорщиков было двадцать человек; они говорили: "Нынче казнил он Кучковича, а завтра казнит и нас, так помыслим об этом князе!" Кроме злобы и опасения за свою участь заговорщиков побуждала и зависть к любимцу Андрееву, какому-то Прокопию. 28 июня 1175 года, в пятницу, в обеденную пору, в селе Боголюбове, где обыкновенно жил Андрей, собрались они в доме Кучкова зятя Петра и порешили убить князя на другой день, 29-го ночью.

Убийство Андрея Боголюбского. Миниатюра Радзивилловской летописи

В условленный час заговорщики вооружились и пошли к Андреевой спальне, но ужас напал на них, они бросились бежать из сеней; зашли в погреб, напились вина и, пьяные, пошли опять к сеням. Подошедши к дверям спальни, один из них начал звать князя: "Господин! Господин!", чтоб узнать, тут ли Андрей. Тот, услышав голос, спросил: "Кто там?" Ему отвечали: "Прокопий". "Мальчик, — сказал тогда Андрей спавшему в его комнате слуге, — ведь это не Прокопий?" Между тем убийцы, услышавши голос Андрея, начали стучать в двери и выломали их. Андрей вскочил, хотел схватить меч, который был всегда при нем (тот меч принадлежал прежде св. Борису), но меча не было. Ключник Анбал украл его днем из спальни. В то время когда Андрей искал меч, двое убийц вскочили в спальню и бросились на него, но Андрей был силен и уже успел одного повалить, как вбежали остальные и, не различив сперва впотьмах, ранили своего, который лежал на полу, потом бросились на Андрея; тот долго отбивался, несмотря на то, что со всех сторон секли его мечами, саблями, кололи копьями. "Нечестивцы, — кричал он им. — Зачем хотите сделать то же, что Горясер (убийца св. Глеба. — К.Р.)? Какое я вам зло сделал? Если прольете кровь мою на земле, то Бог отмстит вам за мой хлеб". Наконец Андрей упал под ударами; убийцы, думая, что дело кончено, взяли своего раненого и пошли вон из спальни, дрожа всем телом, но, как скоро они вышли, Андрей поднялся на ноги и пошел под сени, громко стеноя; убийцы услышали стоны и возвратились назад, один из них говорил: "Я сам видел, как князь сошел с сеней". "Ну так пойдемте искать его," — отвечали другие; войдя в спальню и видя, что его тут нет, начали говорить: "Погибли мы теперь! Станем искать поскорее". Зажгли свечи и нашли князя по кровавому следу: Андрей сидел за лестничным столпом; на этот раз борьба не могла быть продолжительной: Петр отсек князю руку, другие прикончили его.

Похоронен в построенной им церкви Богородицы (Успенском соборе) во Владимире.

АНДРЕЙ ЮРЬЕВИЧ (кол.15)

Из рода Галицких кн. и королей. Сын Юрия Львовича и тверской кн. Кн. Владимиро-Волынский и король Галицкий. † до 1324 г.

АНДРЕЙ II ЯРОСЛАВИЧ (кол.11)

Из рода Владимиро-Суздальских вел. кн. Родоначальник Суздальских и нижегородских вел. кн. Сын Ярослава II Всеволодовича и смоленской кн. Ростиславы Мстиславовны. Кн. Суздальский в 1246—1264 гг. Вел.кн. Владимирский в 1248—1252 гг. Ж.: с 1250 г. дочь короля Галицкого Даниила Романовича, королева Устиния. † 1264 г.

***

В 1247—1248 годах Андрей вместе с Александром Невским ездил в Орду к Батыею, а оттуда в Монголию за ярлыком на княжение. Раздел между Ярославичами не был мирным. Татищев пишет, что Александр с Андреем имели в Орде большой спор, кому быть во Владимире, кому — в Киеве, и хан отдал Киев Александру, а Владимир — Андрею, основываясь будто бы на завещании их отца Ярослава Всеволодовича.

Андрей отправился во Владимир и спокойно княжил здесь два года. Как можно судить из путаных сообщений летописи, Андрей имел душу благородную, но ум ветреный. Прямое угодничество старшего брата перед ханом, кажется, оскорбляло и возмущало его. Он готовился выступить против Орды, собирал полки, неисправно платил дань и выказывал другие признаки неповиновения татарам. За все эти провинности хан Сартак отправил на Русь новое войско во главе с Неврюем. Немало способствовал этому, кажется, и сам Невский, который в 1252 году ездил на Дон к Сартаку жаловаться на брата и просить себе великое княжение Владимирское.

Александр получил старшинство, а орды татар вторглись в Суздальскую землю. Андрей при этой вести сказал: "Что это, Господи! Докуда нам между собою ссориться и наводить друг на друга татар; лучше мне бежать в чужую землю, чем дружить с татарами и служить им". Собрав войско, он вышел против Неврюя, но был разбит под Переяславлем и бежал в Новгород. Новгородцы, однако, не приняли его, и он уехал в Швецию, где его приняли с честью, как врага Александра. По свидетельству Татищева, некоторое время спустя он вернулся на Русь, помирился с Александром и поехал княжить в свой Суздаль. Позже Александр помирил Андрея с Сартаком, и они вдвоем ездили в Орду в 1257 году, а потом в Новгород с татарскими переписчиками.

Татищев пишет, что по смерти Александра Андрей вновь хотел занять великокняжеский стол, но хан Берке дал ярлык на великое княжение его брату Ярославу III. Впрочем, Андрей пережил брата всего на несколько месяцев.

АННА ИВАНОВНА Романова

Государыня императрица и самодержица Всероссийская в 1730—1740 гг. Дочь царя Ивана V Алексеевича и Прасковьи Федоровны Салтыковой. Род. 28 янв. 1693 г. Замужем с 31 окт. 1710 г. за герцогом Курляндским Фридрихом-Вильгельмом († 9 янв. 1711 г.). Вступила на престол 19 янв. 1730 г.; 25 февр. объявила себя самодержавной императрицей; короновалась 28 апр. 1730 г. † 17 окт. 1740 г.

Официальный отец Анны — царь Иван Алексеевич был, как известно, человеком бессильным, праздным и слабоумным. Его супруга, царица Прасковья, напротив, отличалась энергичным и властным характером. За время своего замужества она родила пять дочерей, в происхождении которых у современников почти не было сомнений. Отцом Анны, как и ее сестры Екатерины, считали Василия Юшкова, дворянина хорошего рода и здорового малого,

представленного не без задней мысли первым спальником к жене царя.

После смерти Ивана в 1696 году Прасковья осталась полной хозяйкой в его подмосковном селе Измайлове. Она жила здесь, окруженная огромным количеством дворни. Кроме того, в Измайлове постоянно проживали всякого рода юродивые, калеки и предсказатели. По свидетельству Бергольца, во дворце царили постоянная суета, шум и теснота. Ночью фрейлины и горничные спали вперемежку где попало. Простота и грубость нравов были невероятные.

В марте 1708 года по велению Петра I Прасковья с дочерьми перебралась в Петербург, где на Петербургской стороне построен был для них специальный дом. Сразу после переезда государь стал хлопотать о замужестве племянниц. В 1709 году условлено было выдать Анну за герцога Курляндского. Бракосочетание состоялось 31 октября 1710 года в Петербурге, во дворце кн. Меншикова. Молодой герцог поразил даже выдавших виды русских своей невероятной способностью к пьянству. Но на свадебном пиру, продолжавшемся до середины ноября, он превзошел свою меру и умер по дороге домой от перепоя.

Анна приехала в Митаву одна и, рассмотревшись к тамошней жизни, убедилась вскоре, что должна будет устроиться очень скромно. Разместиться поначалу пришлось в меблированном доме. Доходов на содержание двора не хватало. По неволе приходилось ограничивать себя в удовольствиях и отчаянно скучать. За развлечениями Анна ездила в Петербург, где в то время было гораздо веселее. По воспоминаниям современников, герцогиня была очень высока ростом, чуть ли не на голову выше всей своей свиты. Несмотря на полноту, которая отличала ее уже в ранней молодости, она в целом производила приятное впечатление, была очень любезна и жива. От матери Анна унаследовала многие черты характера. Она была сует-

верна, любила роскошь, чрезвычайно увлекалась охотой. С Петром I ее сближала сильная склонность к шутовству и страсти к грубым забавам. Ни воспитание, ни замужество не способствовали ее развитию. Эта была женщина в общем ленивая, но с внезапными порывами энергии, почти необразованная, хитрая, но умственно ограниченная и скупая. В Митаве она проводила дни полуодетая, нечесаная, валяясь на медвежьей шкуре, спала или мечтала. Никакого интереса к делам она не проявляла. Герцогством управлял русский резидент Бестужев, который долгое время являлся также и ее любовником. С 1718 года его сменил Эрнест-Иоганн Бюрен, позже присвоивший себе дворянское имя Бирона. Человек этот сразу приобрел на Анну огромное влияние, которое сохранил до самой ее кончины. В дальнейшем она часто думала и поступала сообразно тому, как влиял на нее фаворит. В 1723 году Анна женила его на Бенинге фон Тротта-Трейден, отличавшейся необычайным безобразием и глупостью. Анна выказывала чрезвычайную нежность к детям Бирона. Но многие предполагали, что этих детей Бенинга только выдавала за своих, что они в самом деле были детьми Анны, а г-жа Бирон привязывала себе подушки на животе во время беременности самой герцогини.

***

Анна сжилась уже, как видно, со своим положением мелкопоместной государыни, как вдруг внезапная перемена судьбы раскрыла перед ней новые горизонты. В январе 1730 года умер Петр II. На нем пресеклась мужская линия Романовых. Никто из потомков и родственников Петра I не имел теперь бесспорных прав на Российский престол, и члены Верховного тайного совета, собравшиеся в день смерти императора обсуждать вопрос о престолонаследии, имели полную возможность выбора. Инициативу взял в свои руки кн. Дмитрий Голицын. Случай казался ему

Императрица Анна Ивановна

подходящим для воплощения в жизнь давней мечты русской аристократии об ограничении самодержавной власти императора. Голицын предложил отдать корону Анне, но не по старине, а на определенных условиях. Члены совета поддержали эту идею (хотя и несколько неожиданно высказанную, но вполне отвечавшую их настроениям). Решено было вместе с приглашением отправить Анне пункты условий. Их составили в тот же день в глубокой тайне и отослали в Курляндию. Анна, по принятии русского престола, должна была обещать в течение всей жизни не вступать в брак и не назначать по себе преемника, а также править вместе с Верховным тайным советом и без согласия его: 1) войны не начинать; 2) мира не заключать; 3) подданных новыми податями не облагать; 4) в чины выше полковника не жаловать; 5) у дворянства жизни, имения и чести без суда не отнимать; 6) вотчин и деревень не жаловать; 7) в придворные

чины не производить; 8) государственные доходы на личные нужды не употреблять. Ответ Анны составлен был в Москве заранее в такой форме, что она будто бы сама по своей воле даровала Верховному совету просимые им полномочия. Анна не колеблясь согласилась на условия и скрепила их подписью. 1 февраля генерал Леонтьев привез подписанные ею кондиции в Москву. А 10-го приехала сама императрица и остановилась в селе Всесвятском. До сих пор она точно выполняла взятые на себя обязательства, но от нее не укрылось, что верховники не имеют поддержки ни в гвардии, ни в дворянстве. Дворяне не были поголовно сторонниками древнего самодержавия, но многих мучила досада — почему помимо их воли над ними воцаряется какое-то новое правительство. Они говорили, что если власть верховная должна быть разделена и кто-то, кроме государя, будет еще представлять ее, то уж никак не кружок знатных бояр, а все дворянство в лице своих выборных. В особенности велика была ненависть к Долгоруким, которые при прежнем государе прибрали всю власть к своим рукам и теперь посягали на то же.

12-го февраля Анна принимала во Всесвятском офицеров гвардии. Каждому она поднесла по стакану водки, а затем объявила себя полковником Преображенского полка. 15-го она торжественно въехала в Москву. Василий Лукич Долгорукий постарался исключить всякое постороннее влияние на нее. Вход в апартаменты императрицы был строго запрещен, но недобольные имели возможность общаться с ней через ее сестру, герцогиню Мекленбургскую, мать, царевну Прасковью, а также через женщин ее двора: Наталью Лопухину, г-жу Остерман, Ягужинскую, Салтыкову и кн. Черкасскую. Анна была в курсе всех городских событий. Москва бурлила. Все дворянство разделилось на сторонников самодержавной власти и сторонников реформ, которые разработали около десятка проектов нового государствен-

ного устройства. Верховников не жаловали ни те ни другие.

25-го февраля сотен восемь сенаторов, генералов и дворян в большой дворцовой зале подали Анне прошение с просьбой образовать комиссию для пересмотра проектов, представленных Верховному тайному совету, так, чтобы установить форму правления, угодную всему народу (под этой формулой подразумевалось: всему дворянству). Императрицу призывали стать посредницей между верховниками и их противниками. Василий Долгорукий предложил Анне, согласно кондициям, предварительно обсудить прошение вместе с Верховным тайным советом. Анна уже было согласилась, но тут к ней подошла ее сестра герцогиня Мекленбургская, держа чернильницу с пером, и сказала: "Нет, государыня, нечего теперь рассуждать! Вот перо — извольте подписать!" Императрица на челобитной подписала: "Учинить по сему". Потом, возвративши челобитную, она поручила депутации обсудить проект своего прошения немедленно и в тот же день сообщить ей о результате своих совещаний. В это время расхаживавшие гвардейцы стали кричать: "Мы не позволим, чтобы государыне приписывались законы. Она должна быть такой же самодержавной, как были ее предки!" Анна пыталась унять крикунов, но они продолжали уговаривать ее и при этом грозились: "Прикажите, и мы принесем к вашим ногам головы ваших злодеев!" Императрица сделала вид, что беспокоится за свою безопасность, и, обратившись к капитану преображенцев, сказала: "Повинуйтесь только генералу Салтыкову и только ему одному". До сих пор гвардией распоряжался Василий Долгорукий. Отобрав у него как бы мимоходом этот важный пост, Анна лишила его возможности влиять на дальнейшие события. Дворянское собрание отправилось в соседнюю комнату дворца для совещания, а Анна пошла обедать вместе с членами Верховного тайного совета.

Дворянство совещалось недолго. Не время было совещаться, да уж и не было о чем. Весь дворец наполнен был гвардейцами, которые продолжали кричать, шуметь и провозглашать Анну самодержавной государыней, а всем противникам самодержавия грозили, что повыбрасывают их в окна. Слишком ясно было, что собрание, которому поручили совещаться как будто свободно о своих делах, находится под стражей.

После обеда дворянство подало Анне другую просьбу с 150-ю подписями, в которой "всепокорнейшие рабы" всеподданнейше приносили и всепокорно просили всемилостивейше принять самодержавство своих славных и достославных предков, а присланные от Верховного совета и ею подписанные пункты уничтожить.

Выслушав эту челобитную, Анна сказала: "Мое постоянное желание было управлять моими подданными мирно и справедливо, но я подписала пункты и должна знать: согласны ли члены Верховного тайного совета, чтоб я приняла то, что теперь предлагается народом?" Для верховников это был момент тягостный. Наконец канцлер Головкин склонил голову в знак согласия, а Василий Долгорукий просто сказал: "Да будет воля Провидения!"

"Стало быть, — продолжала императрица, — пункты, поднесенные мне в Митаве, были составлены не по желанию народа!" "Нет!" — крикнуло несколько голосов. "Стало быть, ты обманул меня, Василий Лукич?" — спросила Анна у Долгорукого.

Она велела принести ей подписанные в Митаве пункты и тут же при всех разорвала их. Так кончилась десятидневная конституционно-аристократическая русская монархия XVIII века, созданная в результате четырехнедельного временного правления Верховного совета. В тот же день Дмитрий Голицын сказал своим соратникам по поводу неуспеха всего дела: "Пир был готов, но званые оказались недостойными его. Я знаю, что паду первой

жертвой неудачи этого дела; так и быть, пострадаю за отечество; мне уже и без того остается немного жить; но те, кто заставляет меня плакать, будут плакать дольше моего". Слова его оказались пророческими.

***

При оценке царствования Анны следует строго оставаться в исторических рамках. Это делает нас более снисходительными. Конечно, при сопоставлении с временем Петра I нельзя не видеть упадка во всех делах, но, сравнивая с совершенно бездумным правлением двух ее предшественников, нужно замечать и некоторые положительные сдвиги. Императрица, по заключению Щербатова, имела от природы ограниченный ум (ограниченность усугублялась еще и тем, что она не получила никакого образования), но отличалась ясностью во взглядах и верностью в суждениях. Не было в ней никакой любви к похвале, никакого высшего честолюбия, потому никакого стремления делать великие дела, устанавливать новые законы. Но в Анне надо признать известную методичность, большую любовь к порядку, постоянную заботу о том, чтобы ничего не делать поспешно и без совета с опытными людьми. Как глава правительства, по свидетельству Екатерины II, она стояла выше Елизаветы. Если ее царствование кажется менее блестящим, так это из-за отсутствия дельных помощников.

Находясь в Москве, Анна поднималась между семью и восемью часами, пила кофе и проводила час или два в рассмотрении драгоценностей. В девять часов входили министры и секретари. Императрица подписывала бумаги, большей частью не читая их, и отправлялась в манеж Бирона, где у нее было помещение. Она осматривала лошадей, давала аудиенции, потом стреляла в цель. Страсть к стрельбе и охоте была в ней чрезвычайно сильна. Во всех углах дворца у нее под рукой были заряженные ружья, из которых она палила в пролетающих мимо окон птиц.

Бирон

Вернувшись домой в полдень, Анна обедала с Бироном, не снимая своего утреннего костюма: длинного домашнего, восточного покроя платья, светло-голубого или зеленого цвета, и красного платка, повязанного по моде русских мещанок (она вообще любила яркие краски). Выйдя из-за стола, она ложилась отдохнуть рядом с фаворитом, а г-жа Бирон скромно удалялась с детьми. Проснувшись, императрица открывала дверь, за которой занимались рукоделием ее фрейлины, и кричала им: "Ну, девки, пойте!" Фрейлины затягивали песню, потом другую, и так допеваались порой до полного изнеможения. Затем следовала очередь рассказчиц всевозможных приключений и сказочников. Императрица была большой охотницей до сплетен, переписка ее очень характерна в этом отношении. Через близких людей Анна дознавалась о разного рода бойких болтушках и всех их старалась выписать к себе. В беспрестанной болтовне она находила огромное удовольствие. Немало ее фрейлин и ближайших наперсниц сделали карьеру благодаря своему языку. Такова была Анна Федоровна Юшко-

ва, веселая остроумная любительница непристойных разговоров, прежде кухонная девушка, босиком бродившая среди низшей прислуги дворца. Анна сделала ее главной статс-дамой и большой своей фавориткой. Другая — судомойка Маргарита Федоровна Монахина — составляла с графиней Щербатовой, веселой и изобретательной компаньонкой, наиболее интимный женский кружок императрицы.

***

После коронации Анна сначала жила в Кремле, в довольно комфортном помещении старинного Потешного дворца. С наступлением лета она переехала в Измайлово, а в это время в Кремле же, по соседству с Арсеналом, итальянский архитектор Растрелли выстроил новый деревянный дворец, названный Анненгофом. Императрица поселилась в нем в октябре 1730 года. Но вскоре Головинский дом с Петровским парком, где она иногда устраивала празднества, так ей понравился, что она приказала Растрелли построить по соседству другой, деревянный Анненгоф, который был готов к лету следующего года и где она провела даже зиму до переезда в Петербург в 1732 году. Позже она в Москву уже не возвращалась. В Петербурге Анна поселилась в доме графа Апраксина, подаренном адмиралом Петру II. Она сильно его расширила и превратила во дворец, названный Новым Зимним дворцом, а Старый был предоставлен придворному штату.

Оба жилища вскоре наполнились многочисленными обитателями. В первом больше всего места занимали животные, в особенности птицы, воспитываемые и дрессируемые немцем Варлендом. Клетки виднелись почти во всех частях дворца, а в одном из внутренних садов, в "зверинце", содержалось еще большее количество пернатых, которых иногда выпускали на свободу и в которых императрица стреляла из ружья и из лука. Под угрозой каторжных работ была воспрещена охота

на пространстве 30-ти верст в окрестностях столицы. Для придворных охот собирали со всей России медведей, волков, кабанов, оленей, лисиц. Только в 1740 году Москва выслала Петербургу 600 живых зайцев, и в том же году кн. Кантемир купил в Париже для государыни 34 пары такс, тогда как кн. Щербатов приобрел в Лондоне 63 пары собак гончих, борзых и легавых. С 10 июня по 23 августа того же года в списках добычи, убитой только Ее Величеством, значилось 9 оленей, 16 косуль, 4 кабана, волк, 374 зайца, 68 диких уток и 16 морских птиц. За любимицей императрицы, сукой Цитринкой, ухаживал родовитый князь Никита Волконский, один из шутов, и придворный устав определял качество и количество блюд, приготовляемых для нее царской кухней.

Двор был заполнен людьми, принадлежавшими ко всем слоям общества. Карлики и карлицы, горбуны и калеки обоего пола в большом количестве жили рядом с шутами и шутихами, дураками и дурами, калмыками, черемисами и неграми. Все

эти люди держали себя с большой развязностью. Одна из самых обычных проделок, пользовавшихся неизменным успехом у государыни, было сесть на корточки и кудахтать как курица, снесшая яйцо. Другая забава состояла в том, что половина дураков становилась лицом к стене, а другая награждала их пинками. Были и другие забавы, которым Анна предавалась с истинно петровским азартом. Одна из самых известных — женитьба в ледяном дворце ее шута кн. Михаила Голицына на шутихе Бужениновой. Свадьба была сыграна с императорским размахом. Достаточно сказать, что над исполнением затеи трудилась государственная комиссия во главе с Волынским.

***

Петр I уничтожил старый царский двор, но нового не создал. Ни Екатерина I, ни Петр II не имели своего двора в буквальном смысле этого слова, с его сложной организацией и декоративной пышностью, принятой в странах Запада. За исключением нескольких должностей

Шуты при дворе Анны Ивановны

камергеров, все надо было создавать с нуля, и Анна занялась этим. Она назначила множество придворных чинов и установила приемы в определенные дни; она давала балы и устроила театр, как у французского короля. На празднества, по случаю ее коронации, Август II прислал ей из Дрездена несколько итальянских актеров, и она поняла, что ей необходимо иметь постоянную итальянскую труппу. Она ее выписала в 1735 году, и два раза в неделю "интермедии" чередовались с балетом. В них участвовали воспитанники кадетского корпуса, обучавшиеся под руководством французского учителя танцев Ланде. Потом появилась итальянская опера с 70-ю певцами и певицами, под управлением композитора француза Араглиа. Так как императрица не понимала по-итальянски, Тредьяковский переводил для нее текст, и государыня следила за спектаклем с книжечкой в руках. Но даже эта помощь не приносила ей к театру. Ее голова, как и воспитание, мало подходили к художественным формам развлечения. Гораздо большим успехом при дворе пользовалась тогда труппа немецких комедиантов, разыгрывавшая грубые фарсы.

Но как бы то ни было, народившееся русское общество (в европейском смысле этого слова) продолжало развиваться. При Анне явилась мода. Официально было запрещено приезжать ко двору два раза в одном и том же платье. Спартанская простота предыдущих царствований сменилась разорительной роскошью. Тратя три тысячи в год на платье, человек выглядел убогим, а платье г-жи Бирон оценивали в пятьсот тысяч рублей. За столом также была принята невиданная до тех пор утонченность. Обычный при Петре I грубый пьяный разгул, когда все без разбора, включая дам, должны были напиваться водкой, теперь отошел в прошлое. Императрица не любила, чтобы напивались в ее

присутствии. Сцены пьянства при дворе стали сравнительно редкими. Вместе с деликатесами на стол подавали французские вина — шампанское и бургундское. Дома постепенно делались обширнее и обставлялись английской мебелью. Чаще стали появляться роскошные экипажи и золоченые кареты с бархатной обивкой.

Государственные дела при Анне оставались в упадке, хотя и приобрели по сравнению с предыдущим временем некоторый порядок. Тотчас по вступлении на престол она упразднила Верховный тайный совет. Но старые органы являются вновь только под новыми названиями. В 1730 году учреждена была Канцелярия тайных розыскных дел, сменившая уничтоженный при Петре II Преображенский приказ. В короткий срок она набрала чрезвычайную силу и вскоре сделалась одним из важнейших учреждений и своеобразным символом эпохи. Анна постоянно боялась заговоров, угрожавших ее правлению. Поэтому злоупотребления этого ведомства были огромны даже по русским меркам. Шпионство стало наиболее поощряемым государственным служением. Двусмысленного слова или превратно понятого жеста часто было достаточно для того, чтобы угодить в застенки, а то и вовсе бесследно исчезнуть. Всех сосланных при Анне в Сибирь считалось свыше 20 тысяч человек; из них более 5 тысяч было таких, о которых нельзя было сыскать никакого следа, так как зачастую ссылали без всякой записи в надлежащем месте и с переменой имен ссыльных, не сообщая о том даже Тайной канцелярии. Казненных считали до 1000 человек, не включая сюда умерших при следствии и казненных тайно. А таких тоже было не мало. Всего же подверглось разного рода репрессиям более 30 тысяч человек.

В 1731 году учрежден был Кабинет Министров, до этого уже функциониро-

вавший как личный секретариат императрицы. Первый год своего правления Анна старалась аккуратно присутствовать на заседаниях Кабинета, но потом совершенно охладела к делам и уже в 1732 году бывала здесь лишь дважды. Постепенно Кабинет приобрел новые функции, в том числе право издавать законы и указы, что делало его очень похожим на Верховный совет.

Всеми делами при Анне заправляли три главных немца — Бирон, Остерман и Миних, постоянно враждовавшие между собой. Кроме них было немало и других немцев помельче, захвативших все доходные места и должности и оттеснивших от управления русскую аристократию. Немецкое засилье было столь чувствительным, что оно стало как бы вторым символом эпохи. Все это вызывало сильное неудовольствие в среде русского дворянства и в особенности в его передовой части, каковой тогда была гвардия. Но пока жива была Анна, негодование не прорывалось наружу. Однако оно явилось сразу же после того, как ее не стало.

***

Императрица умерла неожиданно. Ее десятилетнее правление венчали два громких события — свадьба ее шута в ледяном дворце и казнь Волынского.

5 октября 1740 года Анна по обычаю села обедать с Бироном. Вдруг ей стало дурно, и она упала без чувств. Ее подняли и уложили в постель. Всем стало ясно, что Анна слегла и больше не встанет. Вопрос о престолонаследии был давно решен. Своим преемником императрица назначила девятимесячного ребенка — сына своей племянницы герцогини Брауншвейгской Анны Леопольдовны. Оставалось решить, кто будет регентом до его совершеннолетия. В конце концов, после долгих колебаний, Анна объявила регентом Бирона. Указ об этом был подписан только 16 октября после вто-

рого припадка. 17-го Анна умерла и была погребена в Петропавловском соборе в Петербурге.

АСКОЛЬД

Легендарный варяг, бывший в 864—882 гг. Киевским князем. † 882 г.

"Повесть временных лет" сообщает, что у варяжского князя Рюрика, правившего в Новгороде, было два мужа — Аскольд и Дир, не родственники его, но бояре. И отправились они в Царьград со своим родом. Когда они плыли по Днепру, то увидели на горе небольшой город и спросили: "Чей это город?" Тамошние жители ответили: "Было три брата — Кий, Щек и Хорив, которые построили городок этот и умерли. Мы тут сидим, их потомки, и платим дань хазарам". Аскольд и Дир остались в этом городе, собрали у себя многих варягов и стали владеть землей полян.

В 866 году Аскольд и Дир отправились войной на греков. Царь Михаил был в это время в походе на арабов, и дошел уже до Черной речки, когда епарх прислал ему весть, что Русь идет походом на Царьград. И возвратился царь. Русь же на двухстах кораблях вошла внутрь Суда, многих христиан убила и осадила Царьград. Предместья города были ограблены, жилища и нивы сожжены, множество детей, женщин и стариков перебито. Вода в реках обратилась в кровь, источники и водоемы нельзя было узнать, так как все они были завалены мертвыми телами.

Но тут внезапно поднялась буря с ветром, и великие волны разметали все русские корабли, их прибило к берегу и переломало, так что немногим из них удалось вернуться домой.

В 879 году на севере умер Рюрик, передав княжение Олегу, родичу своему, и отдав ему на руки своего сына Игоря, ибо тот был еще очень мал. Три года спустя

Олег выступил в поход, взяв с собою много воинов, и пришел к горам Киевским, и узнал Олег, что княжат тут Аскольд и Дир. Он спрятал своих воинов в ладьях, других оставил позади, а сам послал к Аскольду и Диру, говоря им, что-де мы, купцы, идем к грекам от Олега и княжича Игоря, придите к нам, к родичам своим. Когда же Аскольд и Дир пришли, воины выскочили из ладей. И сказал Олег Аскольду и Диру: "Не князья вы и не княжеского рода, но я княжеского рода", а когда вынесли Игоря, добавил: "Вот он, сын Рюрика". И так убили Аскольда и Дира, отнесли на гору и погребли. А Олег сел княжить в Киеве.

АФАНАСИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (кол.16)

Из рода Белозерских кн. Сын Василия Романовича. Кн. Шелешпанский.

Афанасий получил во владение Шелешпанскую волость (по течению Шексны). Потомки его были уже служилыми князьями, но сохранили прозвание кн. Шелешпанских.

АФАНАСИЙ ДАНИЛОВИЧ (кол.13)

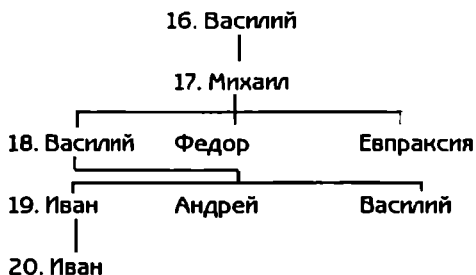
Из рода Московских вел. кн. Сын Даниила Александровича. Кн. Новгородский в 1314—1315, 1319—1322. Ж.: кн. Анна. † 1322 г.

В 1315 году Юрий Данилович, вызванный ханом Узбеком в Орду, оставил в Новгороде своего брата Афанасия. Тогда же пришла весть, что Михаил Ярославич Тверской со всей Низовой землей и татарами идет на Новгород. Афанасий пошел навстречу и вступил в битву. Битва была жестокой: новгородцы потеряли много "мужей добрых, бояр и купцов" и потерпели совершенное поражение; Афанасий с остатками рати затворился в Торжке. Победитель стал требовать его выдачи. Новгородцы отвечали: "Не выдадим Афанасия, но помрем все честно за св. Софию". Наконец договорились, что дадут Михаилу 50 000 гривен серебра. Но Михаил, нарушив мирное соглашение, призвал к себе Афанасия и новгородских бояр, схватил их и отправил заложниками в Тверь.

В 1319 году, после казни Михаила в Орде, Юрий Данилович опять посадил Афанасия в Новгороде. Перед смертью он постригся и был погребен в Новгороде у церкви св. Спаса на Городище.

БЕЛЕВСКИЕ КНЯЗЯ

Род русских князей, ветвь *Глуховских* и *новосильских* князей. Основан Василием Романовичем.

Родоначальник кн. Белевских Василий Романович получил во владение город Белев. К концу XIV века Белев находился уже в границах Великого княжества Литовского. Местные князья сохранили свою вотчину, но должны были участвовать в походах Витовта. Из потомков Василия в летописях упомянуты его внуки, Василий и Федор Михайловичи. Их сестра Евпраксия сделалась женой кн. Василия Юрьевича Косого, известного противника своего двоюродного брата, великого князя Московского Василия II Васильевича Темного. За родство с Косым Темный выгнал братьев жены его, кн. Белевских, из их удела, и они долго проживали в Волоке Ламском, пока великий князь не умилился и не отдал им их владения. Федор был убит в бою с татарами у Венева. Три сына Василия перешли в подданство Москвы. Иван передался со своей частью удела еще в 1488 году. Второй Васильевич — Андрей — жаловался позже королю Казимиру, что Иван напал на третьего брата — Василия, схватил его и заставил насильно целовать крест, что не будет служить королю, вотчину же князя Андрея взял себе. Король ничем не мог ему помочь, и по договору 1493 года все кн. Бе-

левские со своими вотчинами отошли к Москве. Из них потомство имел только Иван, умерший в 1523 году. Сын его, Иван Иванович, был женат на Анне Петровне Захарьиной. В 1558 году Иван Грозный сослал его в Вологду. После смерти бездетного Ивана Ивановича его удел был присоединен к Москве.

БЕЛОЗЕРСКИЕ КНЯЗЯ

Род русских князей, ветвь *Ростовских* князей. Основан Глебом Васильковичем.

БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ (кол.17)

Из рода Тверских вел. кн. Сын Александра Ивановича и моложской кн. Вел. кн. Тверской в 1426—1461 гг. Ж.: 1) дочь кн. Можайского Андрея Дмитриевича, кн. Анастасия; 2) с 1453 г. дочь кн. Александра Васильевича Шуйского, кн. Анастасия. † 10 февр. 1461 г. Погребен в Твери в Спасо-Преображенском соборе.

БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ (кол.17)

Из рода Микулинских кн. Сын Александра Федоровича и ярославской кн. Марии Ивановны. Кн. Микулинский в 1455—1461 гг. † 10 февр. 1461 г.

БОРИС АНДРЕЕВИЧ (кол.13)

Из рода Владимиро-Суздальских вел. кн. Сын вел. кн. Андрея Александровича и ростовской кн. Василисы Дмитриевны. Род. в 1295 г. Кн. Новгородский. † 25 февр. 1303 г.

БОРИС ВАСИЛЬЕВИЧ (кол.18)

Из рода Московских вел. кн. Сын Василия II Васильевича Темного и кн. Малоярославской Марии Ярославны. Род. 26 июля 1449 г. Кн. Волоцкий в 1462—1494 гг. Ж.: с 9 мая 1476 г. дочь кн. Холмского Михаила Дмитриевича, кн. Иулиания († 1504 г.). † май 1494 г.

До 1473 года Борис жил со старшим братом в мире, но после смерти Юрия Васильевича, когда Иван III взял себе весь его удел, ни с кем не поделившись, отношения между братьями испортились. В том же году Борис получил от Ивана Вышгород, однако напряженность сохранялась. В 1479 году великий князь покусился на одно из старинных прав удельных князей — право принимать к себе отъехавших бояр. Слуги Ивана попытались схватить кн. Ивана Оболенского-Лыка в Волоке прямо посреди двора Бориса. После этого Борис, соединившись с другим братом Андреем Горямем, выступил на великого князя. В

1480 году Иван III отчасти удовлетворил братьев и заключил с ними мир.

Погребен в Москве, в Архангельском соборе.

БОРИС ВАСИЛЬКОВИЧ (кол.12)

Из рода Ростовских кн. Сын Василька Константиновича и черниговской кн. Марии Михайловны. Род. 24 июня 1231 г. Кн. Ростовский в 1238—1277 гг. Ж.: с 1248 г. дочь кн. Муромского Ярослава Юрьевича, кн. Мария. † 16 сент. 1277 г. Погребен в Ростове в соборной церкви Успения.

Св. БОРИС ВЛАДИМИРОВИЧ (кол.5)

Из рода Рюриковичей. Сын св. Владимира Святославича, Единоутробный брат св. Глеба. Кн. Ростовский в 1010—1015 гг. † 24 июля 1015 г.

Согласно летописи, матью Бориса была некая "болгарыня". Однако Соловьев, вслед за Татищевым, считает, что матерью его была византийская царевна Анна. За это говорят и цветущая молодость Бориса, и особая любовь Владимира к нему. Отец любил его более других сыновей и держал при себе, в чем было видно его намерение передать ему киевский престол. Желанию этому, однако, не суждено было исполниться.

В 1015 году печенеги пошли войной на Русь, и Владимир послал против них Бориса со всею дружиной, а сам сильно разболелся и вскоре умер. Пасынок его, Святополк, бывший до этого в ссылке в Вышгороде, немедленно захватил власть и сел в Киеве. Созвав киевлян, он стал задабривать их подарками. Киевляне брали деньги, но сердце их не лежало к новому князю. Все ждали, что предпримет Борис.

Тем временем Борис, не найдя печенегов, возвращался с войском в Киев. По дороге пришла ему весть о смерти Владимира. Борис остановился на реке Аль-

"Сказания о Св. Борисе и Глебе".
Миниатюра в Сильвестровском сборнике

те и стал горько оплакивать его. Отцовская дружина советовала ему: "Есть у тебя достаточно воинов, пойдя, сядь в Киеве на отцовском столе". Но Борис отвечал советникам: "Не подниму руки на брата своего старшего. Коли умер у меня отец, пусть старший брат будет мне заместо отца". Услышав это, воины разошлись. Борис остался на Альте один, лишь с немногочисленными слугами.

Святополк послал сказать Борису: "Хочу иметь с тобой любовь. К тому, что дал тебе отец, я еще прибавлю тебе владений". На деле же замышлял убить его. Летопись так повествует об этом преступлении. Святополк приехал из Киева в Вышгород, тайно призвал к себе боярина Путшу и других вышгородских мужей и спросил их: "Преданы ли вы мне всем сердцем?" Те отвечали: "Готовы головы свои положить за тебя". Тогда Святополк повелел им: "Не говоря никому, ступайте и убейте брата моего Бориса".

Убийцы немедленно отправились в путь. За ночь они доскакали до Альты, тихо подступили к шатру Борисову и услышали, что тот поет заутреню. Один из убийц ударил Бориса копьем сквозь ткань шатра и убил его. Потом перебили многих из слуг его. Тело Бориса завернули в ковер, погрузили на телегу, тайно привезли в Вышгород и похоронили в церкви св. Василия.

БОРИС ВСЕВОЛОДОВИЧ (кол.9)

Из рода Городненских кн. Сын Всеволода Даныдовича и киевской кн. Агафьи Владимировны. Род. ок. 1117 г. Кн. Городненский в 1142—1169 гг. † ок. 1169 г.

БОРИС ВСЕСЛАВИЧ (кол.8)

Из рода Полоцких кн. Родосначальник Друцких князей. Сын Всеслава Брючиславича. Кн. Друцкий в 1101—1119 гг. Кн. Полоцкий в 1119—1127 гг. † 1127 г.

Св. Борис. Роспись Архангельского собора Московского Кремля. XVII в.

БОРИС ВЯЧЕСЛАВИЧ (кол.7)

Из рода Рюриковичей. Сын Вячеслава Ярославича и графини Штаденской Оды Леопольдовны. Кн. Черниговский в 1077—1078 гг. † 3 окт. 1078 г.

О детстве и юности Бориса более известно из западных источников, чем из летописей.

сей. Альберт Штаденский в своей хронике рассказывает, что Ода, дочь графа Штаденского, прожив некоторое время монахиней в обители Ринтельнской, возвратилась в свет, сочеталась браком с русским князем и родила ему сына Вартеслава, а по смерти мужа, зарыв великие сокровища в некотором удобном месте, выехала с сыном и деньгами в Саксонию (где вышла замуж во второй раз). Вартеслав через некоторое время был призван на Русь, княжил на престоле отца и воспользовался сокровищами, оставленными там матерью.

Если речь в хронике действительно идет о Киевской Руси, то на роль Вартеслава больше всего подходит именно Борис Вячеславич. Он является в наших летописях вдруг только в 1077 году, словно приехав откуда-то, причем имеет достаточно денег для того, чтобы нанять целое войско половцев.

4 мая 1077 года, в отсутствие Всеволода Ярославича, Борис сел на княжение в Чернигове и княжил восемь дней. Не дожидаясь Всеволода, он бежал в Тмутаракань к Роману Святославичу.

Летом 1078 года вместе с Олегом Рвятославичем и ордами половцев он явился воевать, разбил Всеволода на Сожице и захватил Чернигов. Всеволод соединился с братом Изяславом и 3 октября сразился с Борисом и Олегом у Нежатиной Нивы. В этом чрезвычайно ожесточенном бою Борис Вячеславич потерпел поражение и был убит.

БОРИС ГЛѢБОВИЧ (кол.11)

Из рода Друцких кн. Сын Глеба Рогволодовича. Кн. Друцкий в 1195 г.

БОРИС ДАВЫДОВИЧ

Русский князь, княживший в Полоцке после 1215 года.

Ни летописи, ни немецкие хроники не сохранили о Борисе никакого упоминания.

Однако Татищев под 1217 годом сообщает о нем следующее: "Борис Давыдович, князь Полоцкий, женился вторым браком на Святохне, дочери Померанского князя Казимира, женщине прекрасной и хитрой, которая хотя и должна была принять греческий закон, но не отпустила от себя латинского священника. Имея сына Владимира, или Войцеха, она ненавидела пасынков, Василька и Вячка, и через вельмож внушала им мысль проситься у отца в Двинскую область. Борис отпустил их с сожалением; а мачеха, пользуясь отсутствием молодых, добрых князей, начала гнать преданных им бояр и возводить своих единоплеменников на степень высших чинов государственных. Недовольный народ требовал изгнания чужестранцев и возвращения старших сыновей Борисовых. Тогда Святохна от имени тысяцкого Симеона, посадника Воина и ключника Добрыни, ее главных врагов, сочинила письмо к пасынкам, убеждая их свергнуть отца с престола, казнить мачеху и младшего брата Владимира. Это письмо было вручено легковверному князю Борису. Призывали обвиняемых бояр: они клялись в своей невиновности. Но друзья Святохны, не слушая, убили их. Многие поверили клевете, но Василько Борисович нашел способ обличить клевету мачехи. В день Спаса народ восстал при звуке вечернего колокола, взял Святохну под стражу, умертвил или изгнал всех поморян и, не сделав никакого зла князю Борису, отправил бояр за его сыном Васильком".

БОРИС ДАВЫДОВИЧ (кол.13)

Из рода Галицких кн. Сын Давыда Константиновича. Кн. Дмитровский до 1334 г. † 1334 г.

БОРИС КОНСТАНТИНОВИЧ (кол.14)

Из рода Суздальских и Нижегородских вел. кн. Сын Константина Васильевича. Кн. Гордненский в 1355—1393 гг. Вел. кн. Нижегородский в

1383—1387, 1393 гг. Ж., с 1354 год дочь вел. кн. Литовского Ольгерда, вел. кн. Агриппина († 1393 г.). † 12 мая 1394 г.

В 1365 году по смерти старшего брата Андрея Борис захватил Нижний Новгород, который следовал по старшинству другому его брату — Дмитрию. Дмитрий, не будучи сам в силах отнять у брата Нижний, послал просить помощи в Москву. Дмитрий Московский отправил к Константиновичам послов с увещанием помириться и поделиться вотчиной, но Борис не послушался. Тогда Москва употребила другую силу: митрополит Алексей отнял епископию Нижегородскую и Городецкую у суздальского владыки, и в то же время послом от московского князя явился в Нижний преподобный Сергий, игумен Радонежский. Он позвал Бориса в Москву и, когда тот не послушался, по приказу митрополита и великого князя Московского затворил в Нижнем все церкви. После этого присланы были из Москвы полки на помощь Дмитрию Константиновичу, и когда последний приблизился с ними и своей ратью к Нижнему, то Борис вышел к нему навстречу, с поклоном и покорением, уступая ему захваченную волость. Дмитрий помирился с ним, взял себе Нижний, а брату отдал Городец.

В 1370 году Борис с нижегородскими полками и своим племянником Василием Дмитриевичем, а также ханским послом Агихожею ходил войной на болгарского князя Асана; тот встретил их с челобитием и дарами, они дары взяли, но посадили на княжение Салтана, Бакова сына. В 1377 году мордва неожиданно приплыла по Волге в Нижегородское княжество и пограбила его. Борис бросился вдогонку и нанес поражение мордве у реки Пьяны: одни потонули, другие были побиты. Не удовлетворившись этим, зимой, несмотря на страшные морозы, Борис пошел с нижегородским войском в мордовскую землю и "сотворил ее пусту". С ним было и московское войско во главе с воеводой Свиблом.

В 1383 году умер Дмитрий Константинович. Хан Тохтамыш отдал ярлык на Нижний по старине Борису, но племянники его, сыновья Дмитрия, вооружились против дяди и с помощью Дмитрия Донского принудили его к уступке Нижнего (в 1387 году). Борис уехал в свой Городец, напороочив племянникам, что они будут плакать от врагов своих.

После смерти Донского Борис отправился в Орду и выпросил себе ярлык на Нижегородское княжество. Но молодой сын Донского, Василий I, в 1393 году отправился к Тохтамышу и купил там ярлык на Нижегородское княжество. Услышав о замыслах Васильевых, Борис созвал к себе своих бояр и стал говорить им: "Господа и братья, бояре и друзья мои! Вспомните свое крестное целование мне, вспомните, как вы клялись мне". Старшим боярином у него был Василий Румянец, который и отвечал князю: "Не печалься, господин князь! Все мы тебе верны и готовы головы свои сложить за тебя и кровь пролить". Так он говорил своему князю, а между тем ссылался с Василием, обещая ему выдать Бориса.

На обратном пути из Орды, доехавши до Коломны, Василий отправил в Нижний Тохтамышева посла со своими боярами. Борис сначала не хотел пускать их в город, но Румянец стал говорить ему: "Господин князь! Посол ханский и бояре московские едут сюда затем, чтобы мир попить и любовь утвердить вечную, а ты сам хочешь поднять брань и рать; вступи их в город; что они могут тебе сделать? Мы все с тобою". Но как только посол и бояре въехали в город, они повелели звонить в колокола, собрали народ и объявили ему, что Нижний принадлежит уже князю Московскому. Борис, услышав об этом, послал за боярами и стал говорить им: "Господа мои и братья, милая дружина! Вспомните крестное целование, не выдайте меня врагам моим". На это отвечал ему тот же Румянец: "Господин князь! Не надейся на нас, мы уже теперь не твои и не с тобою, а против тебя".

Борис был схвачен. Немного спустя приехал в Нижний Василий I, посадил здесь своих наместников, а князя Бориса с женой, детьми и доброхотами велел развести в оковах по разным городам и держать за крепкой стражей. По этому же ярлыку кроме Нижнего Василий приобрел Городец, Муром, Мещеру и Тарусу.

Погребен в Суздале, в Рождество-Богородицком соборе.

БОРИС МИХАЙЛОВИЧ (кол.12)

Из рода Владимиро-Суздальских вел. кн. Сын Михаила Ярославича Храброго. Кн. Московский в 1248--1263 гг. † 1263 г.

БОРИС МИХАЙЛОВИЧ (кол.15)

Из рода Тверских вел.кн. Сын Михаила Александровича и суздальской кн. Евдокии Александровны. Род. ок. 1362 г. Кн. Кашинский в 1389--1395 гг. † 19 июля 1395 г.

БОРИС ФЕДОРОВИЧ ГОДУНОВ

Царь всяя Руси в 1598--1605 гг. Сын боярина Федора Ивановича Годунова. Род. ок. 1552 г. Избран на царствие 21 февраля 1598 г. Ж.: Мария Григорьевна, дочь Григория Лукьяновича Скуратова-Бельского († 3 июня 1605 г.). † 13 апр. 1605 г.

По смерти Ивана Грозного восемнадцать лет судьба русского государства была связана с личностью Бориса Годунова. Род его происходил от татарского мурзы Чета, принявшего в XIV веке в Орде крещение от митрополита Петра и поселившегося на Руси под именем Захарии. Годуновы владели вотчинами, но не играли важной роли в русской истории до тех пор, пока в 1580 году последний отпрыск Московских великих князей, сын Грозного и будущий царь Федор Иванович, не женился на Ири-

не Федоровне Годуновой. Тогда при дворе Грозного и явился близким человеком брат Федоровой жены Борис, женатый на дочери царского любимца Малюты Скуратова. Грозный полюбил его. В 1581 году Борис пожалован в бояре. Возвышение лиц и родов через родство с царицами было явлением обычным в московской истории, но такое возвышение было часто непрочно. Сам Борис по своей близости к царю подвергался опасности. Рассказывают, что царь сильно избил его своим жезлом, когда Борис заступился за убитого отцом царевича Ивана. Но Грозный сам оплакивал своего сына и тогда стал еще более, чем прежде, оказывать Борису благосклонность за смелость, стойкую, впрочем, последнему нескольких месяцев болезни.

***

Со смертью Грозного Борис очутился в таком положении, в каком не был еще в Московском государстве ни один подданный. Царем сделался слабоумный Федор, который ни в каком случае не мог править сам и должен был на деле передать свою власть своему шурину. Ко времени смерти царя Ивана Борису было 32 года от роду; красивый собой, он отличался замечательным красноречием; был умен, расчетлив, но в высшей степени самолюбив. Вся его деятельность склонялась к собственным интересам, к своему обогащению, к усилению своей власти, к возвышению своего рода. Он умел выжидать, пользоваться удобными минутами, оставаться в тени или выдвигаться вперед, когда считал уместным то или другое, мог надевать на себя личину благочестия и всяких добродетелей, проявлять доброту и милосердие, а где нужно — строгость и суровость. Постоянно рассудительный, он никогда не поддавался порывам страсти и действовал всегда обдуманно. Этот человек, как всегда бывает с подобными людьми, готов был делать добро, если оно не мешало его личным видам, а, напро-

тив, способствовало им, но он также не останавливался и перед преступлением, если находил его нужным для своих личных выгод. От природы Борис имел здравый ум, но отсутствие образования сужало круг его воззрений. Всему хорошему, на что был способен его ум, мешало его узкое себялюбие и чрезвычайная лживость, пронизывавшая все его существо, отражавшаяся во всех его поступках. Это последнее качество, впрочем, сделалось знаменательной чертой тогдашних московских людей. Семена этого порока существовали издавна, но произросли пышным цветом в эпоху царствования Грозного, который сам был олицетворенная ложь.

Непрочность престолонаследия чувствовалась народом. Русские знали, что из двух сыновей царя Ивана старший был не способен к самостоятельному царствованию, а меньший был еще младенец; кого бы из них не провозгласили царем — все равно на деле власть должна была оказаться в иных, а не царских руках. Эта мысль охватила москвичей, как только по столице разнеслась весть, что царь Иван скончался. Сделалось волнение. Богдан Бельский, последний фаворит Грозного, которому Иван поручил в опеку Дмитрия, был негласным его виновником. Иностранцы говорят даже, что между Бельским и боярами произошло открытое столкновение: Бельский со своими сторонниками был осажден в Кремле и принужден был сдаться. Но, судя по русским источникам, дело до сражения не дошло. Одно русское известие показывает, что народ, вообразив, будто Бельский хочет известить царя и бояр, бросился в Кремль с оружием и даже хотел пушечными выстрелами разрушить запертые Фроловские ворота, но бояре вышли к мятежникам и уверили, что царь и бояре все целы и никому нет опасности, а потом сослали Бельского в Нижний Новгород, как бы в угоду народу. Другое известие повествует, что сами бояре поссорились между собой, взволновали народ, и Бельскому грозила смерть,

Борис Годунов

но Годунов за него тогда заступился. Как бы то ни было, верно только то, что в Москве, вскоре после похорон Грозного произошло междоусобие, тогда был поставлен и решен вопрос, кому царствовать — слабоумному ли Федору или малолетнему Дмитрию, и сторона Дмитрия проиграла. В ночь после смерти Ивана бояре приказали отправить маленького Дмитрия с матерью и его родственниками Нагими в Углич. Одновременно с их ссылкой схватили нескольких лиц, которым покойный государь перед своей кончиной оказывал милости: одних разослали по дальним городам в заточение, других заперли в тюрьму, отобрали у них поместья и вотчины.

Некоторые источники уже на этих порах приписывают Годунову большое влияние, но это скорее всего преувеличение. Годунов тогда еще далеко не пользовался той властью, которую приобрел впоследствии. Из бояр, игравших главную роль в государственном управлении после ссыл-

ки Бельского, прежде всего выделялся родной дядя царя Никита Романович Романов-Юрьев, потом шли первый боярин, кн. Иван Федорович Мстиславский, и кн. Иван Петрович Шуйский. И только за ними — Годунов.

Прежде всего Борис постарался возможно лучшим способом устроить свое материальное положение. Когда, по обычаю, новый царь рассыпал свои милости вельможам, Борис получил всю Важскую волость, приносившую большие доходы с поташа, сбываемого англичанам. Кроме того, получил он луга на берегах Москвы-реки вверх на тридцать, а вниз на сорок верст, с рощами и пчельниками, доходы с Рязани, Твери, с Северской земли, Торжка и со всех московских бань и купален; все это вместе с доходами, получаемыми из его родовых вотчин, давало Борису огромную сумму ежегодного дохода в 93 700 рублей. До этих пор он носил важный сан конюшего, теперь получил наименование ближнего государева боярина и титул наместника царств Казанского и Астраханского.

Царь Федор находился под влиянием своей жены, а Борис был постоянно дружен с нею, поэтому вскоре стал ближе всех к царю, и никто не в силах был оттеснить его. Единственным опасным соперником мог быть Никита Романов, но этот старик в тот же год был поражен параличом и, хотя прожил до апреля 1586 года, уже не принимал участия в делах. Из двух оставшихся соправителей Бориса Мстиславский был человек ограниченный и мог действовать только по наущению других. Больше опасности представлял для Бориса кн. Иван Петрович Шуйский, которого поддерживали не только бояре, но и купцы, а также черные люди. Блистательная оборона Пскова во время Ливонской войны прославила в народе его имя. Шуйский также пользовался поддержкой митрополита Дионисия, а это, учитывая глубокую набожность царя, само по себе имело большое значение.

Пока был жив Никита Романов, он, как видно, умел примирять враждебные партии, да и сам Борис еще не был в состоянии одолеть своих противников. Он собирал в своих руках управление делами постепенно. Уже в это время Годунов уделял много внимания постройке городов. Это стало любимым делом в продолжение всей его жизни.

К 1586 году влияние Годунова настолько возросло, что иностранцы обращались к нему, минуя других бояр, как к единственному правителю государства. Немало обеспокоенные этим Шуйские, а также близкие к ним Воротынские и Головины стали уговаривать Мстиславского, чтоб тот соединился с ними и сверг Бориса. Началась вражда между боярами, говорят летописцы: они разделились на две стороны — на одной Борис Годунов с дядьями и братьями и с некоторыми князьями, боярами, дьяками, духовными и многими служилыми людьми; на другой стороне — кн. Иван Федорович Мстиславский, а с ним Шуйские, Воротынские, Головины, Колычевы и другие служилые люди и чернь московская. Пошел слух, что противники Бориса договорились убить его на пиру в доме Мстиславского. Годунов велел схватить Мстиславского и постричь в монахи в Кирилловом монастыре. Затем схватили Воротынских, Головиных и многих других и разослали по городам. Поскольку московская чернь горячо поддерживала Шуйских, их не решились тронуть. Последние придумали самое удобное средство сломить могущество Годунова, убедив Федора развестись по примеру деда с бездетной Ириной и вступить в новый брак. Кн. Петр Иванович Шуйский и другие бояре, гости московские и все люди купеческие согласились и утвердились рукописанием бить челом государю о разводе. Митрополит, голос которого больше всех имел значение в этом деле, также был согласен действовать заодно с ними. Но Годунов узнал о замысле врагов и ловкими речами уговорил Дионисия не начинать

дела. А вскоре после этого холопы Шуйских, Федор Старов с товарищами, подали донос, будто существует заговор против государя, которым руководят князья Шуйские. Летописцы говорят, что донощиков подучил сам Борис. По доносу Старова взяли под стражу кн. Ивана Петровича и Андрея Ивановича Шуйских, кн. Василия Скопина-Шуйского, а также их друзей, кн. Татевых, Урусовых, Быковых, Колычевых и множество гостей и купцов; людей их пытали разными пытками. По окончании следствия кн. Ивана Шуйского сослали в вотчину его село Лопатничи, из Лопатнич отправили на Белоозеро и там удавили. Кн. Андрея Шуйского сослали в Каргополь и там удавили. Других князей и знатных людей разослали по разным городам, а гостям московским Федору Нагаю с шестью товарищами в Москве на Пожаре отсекали головы, других торговых людей заключили в тюрьмы. Митрополита Дионисия свели с престола и заменили ростовским епископом Иовом, во всем послушном Борису. С этих пор Годунов сделался вполне самовластным правителем в Московском государстве. Возможно, тогда же впервые явились у него мысли о восшествии на престол. По крайней мере, он постарался освободиться от возможных претендентов на власть. Кроме Дмитрия, сына Грозного, была еще дочь Владимира Андреевича Мария, вдова Магнуса, с малолетней дочерью Евфимией. Еще в 1585 году Борис поручил английскому купцу Горсею уговорить Марию Владимировну переехать с дочерью в Москву из Риги, где ее содержали очень скудно. Горсей уверил ее от имени Бориса, что в Москве ее примут хорошо и наделят вотчинами. Королева с дочерью убежала из Риги и прибыла в Москву. Сначала Борис принял ее, как обещал, наделил вотчинами, деньгами, а через некоторое время именем царя ее разлучили с дочерью, увезли и постригли в Пятницком монастыре близ Троицы. В 1589 году ее ма-

ленькую дочь похоронили у Троицы с почестями как королеву. Ходили слухи, что ее смерть последовала от яда.

Впрочем, ловко овладев властью, Годунов скоро доказал, что умеет искусно ею пользоваться. Во внутренних преобразованиях этого времени знаменательным событием стало учреждение русской патриархии. Борис начал хлопотать об этом еще в 1586 году, когда в Москву прибыл патриарх Антиохийский Иоаким, но дело тянулось медленно. Летом 1588 года приехал в Москву для сбора милости константинопольский патриарх Иеремия. Годунов вел с ним, по свидетельству летописца, тайные переговоры. После этого царь Федор предложил Боярской думе пригласить Иеремию стать русским патриархом, с тем, однако, условием, чтоб местопребыванием его был Владимир, а не Москва. Иеремия отвечал, что не отказывается быть русским патриархом, но во Владимире быть не хочет, а хочет в Москве. На этом дело стало. Борис не хотел расстаться с верным Иовом и получить вместо него грека, не знающего даже русского языка. Иеремия, однако, готов был благословить в патриархи того, кого предложит ему царь. Архиереи назначили трех кандидатов. Федор избрал, как и ожидали, митрополита Иова, который и был посвящен Иеремией в патриархи 26 января 1589 года. Четыре владыки — новгородский, казанский, ростовский и крутицкий — посвящены были в митрополиты, а шесть епископов — вологодский, суздальский, нижегородский, смоленский, рязанский и тверской — получили звание архиепископов. В июне 1591 года в Москву прислана была соборная грамота восточных святителей об учреждении пятой православной патриархии. В обмен на это Иеремия получил из России богатые пожалования в пользу греческой церкви.

***

Во внешних делах Годунову достался по наследству нерешенный порубежный спор со Швецией. По условиям кратко-

Борис Годунов. Портрет из "Титулярника"

срочного мира, заключенного при Грозном, шведы удержали за собой исконные русские города в Прибалтике. За ними остались Ям, Копорье, Иван-город и Карела. Но закрепить эти условия вечным миром Годунов отказался. Переговоры продолжались все время после смерти Грозного. В 1585 году перемирие было продлено на четыре года без всяких взаимных уступок. В 1589 году переговоры возобновились, но в таком бранчливом тоне, что вскоре последовал полный разрыв, и в январе 1590 года русская армия выступила в поход. При войске находился царь, а при царе в звании дворовых воевод — Борис Годунов и Федор Романов. Сам Годунов не чувствовал за собой военного таланта и военными действиями руководил кн. Дмитрий Хворостинин.

Он взял Ям и разгромил 20-тысячный шведский отряд близ Нарвы. Однако сам приступ к Нарве был отбит с большим уроном для русских. 25 февраля было заключено перемирие на год. Шведы уступили Ям, Иван-город и Копорье. Обещали уступить еще и Карелу, но русские хотели непременно Нарву.

***

Пока шли споры со шведами о границах, в Угличе совершилось загадочное и трагическое событие — погиб младший сын Грозного, Дмитрий. Горожане, сбежавшиеся по звону колокола во двор царицы Марии Нагой, увидели мертвого царевича с перерезанным горлом. Исступленная мать обвинила в убийстве людей, присланных Годуновым для наблюдения за ссыльным семейством. 19 мая вечером приехал в Углич кн. Василий Иванович Шуйский, которому Годунов велел провести расследование. Вскоре было объявлено, что царевич зарезался сам в припадке падучей. Этому и верили, и не верили. Смерть Дмитрия поразила народное воображение. Кроме того, слишком явна была выгода, полученная от нее Годуновым. Предполагали, что виновник смерти Борис, и чем более тот набирал силы, тем сильнее народ убеждался в этом. Когда же Борис овладел престолом, подозрение обратилось в уверенность. Смерти Дмитриевой — все равно, вольной или невольной, чаянной или нечаянной — Годунову не простили никогда. Все последующие несчастья — истребление рода Годуновых, страшную смуту, разорение и нашествие иноверцев — в народном воображении рассматривались как возмездие за убийство невинного Дмитрия.

***

Менее чем два месяца спустя столица испытала новую тревогу. Крымский хан Казы-Гирей долго обманывал Москву, уверяя, что будет посылать татар на Литву, а на Москву не пошлет, и вдруг неожиданно вторгся с громадной силой в русские

пределы. Тогда как раз кончилось перемирие со Швецией, и военные силы сосредоточены были на севере. Хан так скоро очутился на Оке, что русские думали только о защите столицы. Осторожный Борис не взял на себя главного начальства над войском, оборонявшим Москву, но поручил его кн. Федору Мстиславскому, сам же занял после него второе место. 4 июля хан подошел к селу Коломенскому держали оборону у самых стен столицы. Началось сражение, в котором татары потеряли несколько мурз. К вечеру хан приблизился к селу Воробьеву и посмотрел с вершины горы на Москву. Годунов приказал без умолку палить из пушек, а русские пленники сказали хану, что в Москве стреляют от радости, потому что туда пришли новые силы из Новгорода и других мест и готовы на другой день утром перейти в наступление. Хан немедленно бежал со всеми своими силами. Мстиславский и Годунов погнались за неприятелем, разбили его отставшие полки близ Тулы, но хана не могли нагнать. Он ускакал в простой телеге в Бахчисарай, потеряв по дороге множество своих воинов.

Налицо была блестящая победа, но такова уж была злосчастная судьба Бориса, что каждый его успех в народном сознании обращался ему во зло. Ни один государственный человек на Руси до него не тратил столько сил на то, чтобы заслужить народное благорасположение; и в Москве, и в других городах часто случались пожары — Борис немедленно подавал помощь погорельцам; случались неурожаи — он посылал туда хлебные запасы; никогда имя Годунова не стояло в указах о казнях, но всегда оно писалось в тех бумагах, когда кого-нибудь жаловали или награждали; но, несмотря на это, в народном сознании оставалось какое-то опасливое отношение к царскому любимцу. Его и хвалили, но и ждали от него постоянно какой-то каверзы; нет такого греха, в котором его не обвиняли бы, причем часто совершенно огульно и бездоказательно. Так,

например, после бегства Казы-Гирея стали ходить толки, что Борис сам навел хана, чтобы отвлечь народ от убийства Дмитрия. Современные летописцы охотно вносили в свои труды эти слухи, так что теперь почти невозможно отделить правду от вымысла.

***

В 1595 году заключен был наконец мир со Швецией. Шведы возвратили Карелу, а русские отказались от Нарвы и всех приязаний на Эстонию. Это было последнее важное деяние Годунова в царствование Федора. 7 января 1598 года последний представитель династии Рюриковичей скончался, не оставив наследника. Чтобы избежать междоусобия, поспешили присягнуть вдове Федора, царице Ирине Годуновой. Но Ирина отказалась от престола и на девятый день по кончине мужа выехала из дворца в Новодевичий монастырь, где постриглась в инокини с именем Александры.

Во главе правления пока должен был стать патриарх, как первое лицо в государстве после царя. Известно, сколь многим был обязан Иов Годунову. Теперь пришло время вернуть долг. Хотя в Боярской Думе много было врагов Бориса, но первый голос всегда принадлежал патриарху, и когда возник вопрос: "Кто должен теперь царствовать?" Иов первым сказал: "Годунов". Современники оставили подробный рассказ о том, как избрали Бориса на царство. Когда Ирина ушла в монастырь, то дьяк Василий Щелкалов вышел к собравшемуся в Кремле народу и потребовал присяги на имя Думы Боярской. Но ему закричали в ответ: "Не знаем ни князей, ни бояр, знаем только царицу". Дьяк объявил, что царица в монастыре. Тогда раздались голоса: "Да здравствует Борис Федорович!" Патриарх с духовенством, боярами и гражданами московскими сейчас же отправился в Новодевичий монастырь просить царицу благословить брата на престол. Просили и самого Годунова принять царство. Но Борис казал-

Патриарх Иов. Портрет из "Титулярника"

ся удивленным и отвечал: "Мне никогда и на ум не приходило стать царем". Патриарх много раз наедине упрашивал его, и, как видно, вследствие этих тайных совещаний дело отложили до Земского собора, который открылся 17 февраля.

Иов первым держал речь и, задав риторический вопрос: "Кому же на великом, преславном государстве государем быть?", сам же на него и ответил: "А у меня, Иова патриарха, и у всего освещенного вселенского собора... мысль и совет всех единокорны, что нам мимо государя Бориса Федоровича, иного государя никого не искать и не хотеть". Тогда собравшиеся люди громко и как бы одними устами сказали: "Наш совет и желание одинаковы с твоими, отца нашего..." 20 февраля патриарх с духовенством, боярами и множеством народа отправился в Новодевичий монастырь, где Борис жил вместе с сестрой; со слезами били челом, много молили занять престол, но получили отказ.

Патриарх опять созвал к себе всех православных христиан и советовал на дру-

гой день с иконами и крестами идти в Новодевичий монастырь с женами и грудными младенцами — бить челом государыне и брату ее Борису, чтоб проявили милость. 21 февраля двинулся крестный ход в Новодевичий монастырь. После обедни патриарх со всем духовенством пошли в келью к царице и били ей челом со слезами долго, стоя на коленях. С ними пошли бояре и все думные люди, а дворяне и весь народ, стоявший по всему монастырю и около монастыря, упали на землю и долго с плачем и рыданием вопили: "Благочестивая царица! Помилосердствуй о нас, пощади, благослови и дай нам на царство брата святого Бориса Федоровича!" Царица долго была в недоумении, наконец заплакала и сказала: "Ради Бога, Пречистой Богородицы... ради вашего подвига, многого вопля... и неутешного стенания даю вам своего единокровного брата, да будет вам государем и царем". Годунов с тяжелым вздохом и тоже со слезами сказал: "Это ли угодно твоему человеколюбию, владыко! И тебе, моей великой государыне, что такое великое бремя на меня возложила и предашь меня на такой превысочайший престол, о котором и на разуме у меня не было?" Царица отвечала ему: "Против воли Божьей что может стоять?" Тогда Годунов сказал: "Буди святая твоя воля, Господи". Патриарх и все присутствующие пали на землю, воссылая благодарение Богу, после чего отправились в церковь, где Иов благословил Бориса на все великие государства Российского царствия.

Так говорится об избрании Бориса в официальном акте. Сохранились, однако, свидетельства недоброжелателей Бориса, рисующие как бы изнанку этого торжественного и трогательного действия. Согласно одному из них, бояре желали, чтоб Годунов целовал крест на ограничивающей его власть грамоте. Борис не хотел этого делать и поэтому выжидал, чтоб простой народ принудил бояр выбрать его без всяких условий — отсюда и происходил

его отказ принять престол. Шуйские, видя его упрямство, начали говорить, что неприлично более его упрашивать, а надо приступить к избранию другого. Тогда-то патриарх и решился идти с крестным ходом в Новодевичий монастырь. О торжественном молении, плаче и вопле народном в Новодевичьем монастыре говорили, что народ неволей был пригнан приставами, нежелавших идти было велено бить, и заповедь наложили: если кто не придет, с того брать по два рубля в день. Приставы принуждали людей громко вопить и проливать слезы. У кого не было слез, тому приходилось мочить глаза слюнями. Когда царица в келье подошла к окну, приставы дали знак, чтоб весь народ падал на колени; нежелавших били без милости.

***

Как бы то ни было, Борис сделался царем. 26 февраля уже в новом качестве он торжественно въехал в Москву. Начало царствования было отмечено неслыханными послаблениями. Освободили крестьян от податей на один год, купцов от пошлин на два года, иноверцев от уплаты ясака на один год. Служилым людям выдали годовое жалованье. Сидевшие в тюрьмах получили свободу, опальные — прощение, вдовы, сироты и нищие — вспоможение. Казни фактически были отменены. Даже воров и разбойников не наказывали смертью. По-прежнему, получив известие о наводнении, пожаре или неурожае, Борис торопился отправить деньги, съестные припасы, одежду. Будучи весьма деятелен, он часто доставлял их сам, охотно переезжая с места на место и непрестанно объезжая области, где он постоянно кормил, поил и ласкал народ и произносил громкие речи. Россия еще не видела такого деятельного царя. Постоянно Годунов советовался с боярами и дьяками по самым разным вопросам. Сделал он многое и предполагал сделать еще больше. Например, завести школы и даже устроить университет. Вообще, мысль о том, что

России необходимо приобщиться к европейской культуре, впервые, кажется, явилась в царствование Годунова и едва ли не была его собственной мыслью. Он первым из русских правителей посылал юношей получать образование за границу, старался привлечь к себе образованных иностранцев и ученых.

Судя по всему, Годунов вполне мог оставить о себе память как о блестящем правителе, но этого не получилось. И беда здесь была даже не в том, что вторая половина его короткого царствования омрачилась неурожаями, мором и смутами. Главное несчастье Годунова заключалось в том, что его так и не восприняли как Богом данного царя. Его не боялись, как раньше Ивана Грозного, его не любили, как позже Михаила Романова. Его терпели лишь как ловкого пройдоху, интригой овладевшего чужим троном, не прощали ему просчетов и не испытывали благодарности за его дары. Любопытно, что это отношение присуще было всем слоям общества, от простого народа до боярства; и никто лучше самого Бориса не понимал ложности его положения. Уже венчанный на царствие, он продолжал опасаться за свою судьбу.

В 1600 году последовала целая вереница опал и разоблачений. Первым схватили давнего противника Бориса кн. Богдана Бельского. Сосланный в самом начале царствования Федора, он теперь был воеводой в Царево-Борисове. Его привезли в Москву, обвинили в изменных речах, выщипали всю бороду и сослали в Низовую землю. Затем пришла очередь Романовых. Род этот издавна пользовался любовью и уважением. Кроме того, подобно Годуновым, Романовы находились в родстве с пресекавшейся династией и могли претендовать на трон. В 1601 году пятилетних братьев Романовых схватили и обвинили в том, что они отравой и "ведовством" хотят известить Годунова и добыть царство. Александра, Василия, Ивана и Михаила разослали по отдаленным местам в тяже-

лое заключение, а Федора насильно постригли под именем Филарета в северном Антониево-Сийском монастыре. Затем сослали их свойственников и приятелей: Черкасского, Сицкого, Репниных, Карповых, Шестуновых, Пушкиных и других.

Шпионство в это время развилось до крайних пределов. "По московским улицам, — говорят современники, — то и дело сновали мерзавцы да подслушивали. И пусть только кто заведет речь о царе, о государственных делах, сейчас говоруну хватают и в пытку". Где только собирались люди, там являлись доносчики и соглядатаи. Доносили друг на друга попы, дьяконы, чернецы, жены на мужей, отцы на детей, холопы на господ.

***

В эти тяжелые времена доносов и пыток Россию постиг страшный голод. Уже в 1601 году от дождливого лета и от ранних морозов случился неурожай. Тогда постигла Московское государство такая беда, какой, говорят современники, не помнили ни деда, ни прадеда. Ели кошек, собак, мышей и даже человечину. Отцы и матери ели детей, дети родителей, мясо человеческое продавалось на рынках. Дорожному человеку опасно было заехать на постоялый двор, потому что его могли зарезать и съесть. К голоду, как и следовало ожидать, присоединилась холера.

Борис приказал отворить все свои житницы, дешево продавать хлеб, а бедным раздавать деньги. Но огромные суммы уходили в карманы плутов, которым доверена была раздача. Тогда употреблены были другие меры. Из отдаленных областей хлеб стали отправлять в Москву и в другие города, охваченные голодом, и продавали за половинную цену. Бедным, вдовам и сиротам отпущено было большое количество хлеба даром. Всех умерших царь хоронил за свой счет. А таких только в Москве набралось до 127 тысяч. Лишь урожай 1604 года прекратил бедствие.

Следом шло новое потрясение. Множество людей во время голода оказалось

выброшено на улицу. Преимущественно это были холопы, которых господа выгоняли из дома на верную смерть. Они объединялись в шайки и промышляли грабёжом. Разбои приняли невиданный размах. Множество гулящих людей шло в Северскую землю, где как раз в это время был богатый урожай. Эти люди всегда готовы были взяться за оружие, чтобы принять участие в любой аванюре, сулящей барыши. Огромная шайка под руководством атамана Хлопка Косолапа явилась в 1603 году под стенами Москвы. Годуну пришлось посылать против нее большую рать. Победа была одержана с немалым трудом и кровью после жестокого боя. В сражении пал воевода Иван Басманов. Это была первая волна великой смуты, начавшейся в русской земле.

При необыкновенном возбуждении умов пришла весть о том, что царевич Дмитрий, сын Грозного, благополучно спасся от убийц Годунова и теперь скрывается в Польше. Слухи об этом шли уже давно. Наконец в 1604 году о Дмитрии заговорили в полный голос во всех уголках России.

Кажется, на самого Годунова весть о самозванце подействовала очень сильно. Он стал подозрительным, скрытным и больше не показывался народу. Царицу-инокиню Марфу Нагую привозили в Москву, и царь сам допрашивал ее. Ответы Дмитриевой матери мало успокоили правительство. "Мне говорили, — сказала та, — что сына моего тайно увезли без моего ведома, а те, кто так говорил, уже умерли".

16 октября 1604 года названный Дмитрий с большим войском, состоявшим из поляков и казаков, вступил в Московское государство. Города сдавались ему один за другим. Служилые люди переходили к нему на службу. В ноябре он осадил Новгород Северский, но был отбит воеводой Басмановым. 21 января 1605 года кн. Федор Мстиславский одержал новую победу над Дмитрием и оттеснил его к Путивлю. Число приспешников царевича от этого не уменьшилось. Хотя сам патриарх во все-

услышание объявил, что сына Грозного нет в живых и что под его именем на Русь явился самозванец, беглый расстрига Гришка Отрепьев, люди стекались к нему целыми толпами.

В этот напряженный момент жизнь Бориса оборвалась неожиданным и таинственным образом. 13 апреля царь встал здоровым и казался веселее обыкновенного. После обедни приготовлен был праздничный стол в честь праздника жен-мироносиц. Борис ел с большим аппетитом: отобедав, он пошел на вышку, с которой часто обзирал всю Москву, но вскоре поспешно сошел оттуда, объявил, что чувствует колотье и дурноту. Побежали за доктором. Пока успел прийти доктор, царю стало хуже — у него выступила кровь из ушей и носа. Годунов упал без чувств. Как успели причастить его, а потом совершили обряд пострижения. Около трех часов пополудни Борис скончался. Целый день бояре боялись объявить народу о смерти царя, огласили только на другой день и начали принимать у народа присягу на верность царице Марии и сыну ее Федору. На следующий день останки Бориса были погребены в Архангельском соборе. Трудно сказать, как сложилась бы судьба России, проживи Годунов дольше. Возможно, победив самозванца, он укрепил бы свою власть и сумел бы обуздать смуту. Но возможно и то, что судьба до конца была милостива к своему баловню, и он умер как раз вовремя, чтобы не видеть крушения всего того, что он создавал в течение жизни.

БОРИС ЮРЬЕВИЧ (кол.9)

Из рода Владимиро-Суздальских вел. кн. Сын Юрия Первого Владимировича Долгорукого и половецкой княжны. Кн. Белгородский в 1149—1150 гг. Кн. Туровский в 1156—1157 гг. Ж.: кн. Мария. † 2 мая 1159 г.

Заняв в 1149 году Киев, Юрий посадил Бориса в Белгороде. В следующем

году Изяслав II Мстиславич, подступая к Киеву, послал вперед брата Владимира. Борис ничего не знал о том и спокойно пировал на сенице с дружиной да с белгородскими попами; если бы мытник (сборщик податей) не развел вовремя мост, то князя схватили бы. Владимирова дружина подъехала к мосту, затрубила в трубы; Борис вскочил в испуге и усакал с дружиной из города.

Когда в 1156 году Юрий во второй раз сел в Киеве, то посадил Бориса в Турове, но в следующем году сам отправил его на север, а Туров отдал своему любимцу Юрию Ярославичу. Борис умер в Суздале и погребен в церкви святых мучеников Бориса и Глеба на Нерли.

БРЯЧИСЛАВ ВАСИЛЬКОВИЧ (кол.10)

Из рода Витебских кн. Сын Василька Святославича. Кн. Изяславский в 1158—1159 гг. Кн. Витебский с 1175 г.

В 1158 году Брячислав получил Изяславль из рук Рогволода Борисовича. В 1159 году Ростислав Глебович захватил Изяславль и заточил Брячислава (вместе с братом Владимиром) в Минске. В 1160 году Рогволод добился их освобождения. В 1180 году, уже будучи кн. Витебским (как этот город достался ему, неизвестно), Брячислав был союзником черниговских князей в их войне с Давидом Ростиславичем Смоленским.

БРЯЧИСЛАВ ДАВЫДОВИЧ (кол.9)

Из рода Полоцких кн. Сын Давыда Всеволодовича. Кн. Изяславский до 1129 г. Ж.: дочь Мстислава Первого Владимировича.

В 1127 году Брячислав вел лагожскую дружину на помощь своему отцу, князю там же в Полоцке. Но узнав на середине пути, что у Лагожска стоит Изяслав II

Мстиславич, Брячислав так испугался, что не знал куда идти, и пошел прямо в руки к шурина, к которому и привел ладожскую дружину; ладожане, видя своих в руках у Изяслава, сдались ему. В 1129 году Брячислав вместе с отцом сослан был в Царьград и на Русь больше не вернулся.

БРЯЧИСЛАВ ИЗЯСЛАВИЧ (кол.б)

Из рода Полоцких кн. Сын Изяслава Владимировича. Кн. Полоцкий в 1003- 1044 гг † 1044 г

В 1021 году Брячислав взял Новгород и, захватив с собой новгородцев и имущество их, пошел обратно на Полоцк. Но на седьмой день на берегу Судомира Ярослав Мудрый из Киева догнал его. И бились Ярослав с Брячиславом, и победил Ярослав полоцкую дружину. Брячислав бежал, а новгородцев вместе с их имуществом Ярослав вернул в Новгород. В Софийской летописи говорится также, что после победы Ярослав призвал к себе Брячислава, дал ему города Усвят и Витебск, и с тех пор оба князя были союзниками.

ВАСИЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (кол.12)

Из рода Владимиро-Суздальских вел. кн. Сын Александра Ярославича Невского и полоцкой кн. Александры Брячиславны. Род. ок. 1240 г. Кн. Новгородский до 1255 г. и в 1255—1257 гг.

В 1255 году новгородцы выгнали Василия и пригласили к себе из Пскова его дядю Ярослава III Ярославича Тверского. Но Василий не думал уступать дяде без борьбы и, засевши, по обычаю, в Торжке, стал дожидаться своего отца с полками. Ждать пришлось недолго. Александр явился, соединился с сыном и новоторжцами и выступил против Новгорода. Ярослав, не дожидаясь брата, бежал, а новгородцы после долгих колебаний вновь приняли к себе Василия. В 1257 году в Новгороде узнали о том, что татары хотят наложить тамги и десятины на новгородцев. Сам Василий был против дани. Как только Александр с татарскими баскаками прибыл в Новгород, Василий выехал в Псков. Александр выгнал его оттуда и отправил в Суздальскую область, а советников его жестоко наказал.

ВАСИЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (кол.15)

Из рода Смоленских кн. Сын Александра Глебовича. Кн. Брянский до 1309 г. и в 1310—1314 гг. † 1314 г.

В 1309 году Василий был изгнан из Брянска своим дядей Святославом Глебовичем. Василий ушел в Орду жаловаться хану и в следующем году пришел под Брянск с татарским войском. В сражении брянцы были разбиты, а Святослав погиб. Василий овладел вновь Брянском и в том

же году ходил с татарами к Карачеву и убил тамошнего князя Святослава Мстиславича.

ВАСИЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (кол.17)

Из рода Рязанских вел. кн. Сын Александра Михайловича. Кн. Рязанский в 1344—1350 гг. † 1350 г.

ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ (кол.12)

Из рода Суздальских и Нижегородских вел. кн. Сын Андрея Второго Ярославича и галицкой королевны Устины Даниловны. Вел. кн. Суздальский в 1305—1309 гг. † 1309 г.

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (кол.14)

Из рода Кашинских кн. Сын Василия Михайловича и брянской кн. Елены Ивановны. Род. в 1336 г. Кн. Кашинский в 1348—1362 гг. † 1362 г.

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (кол.16)

Из рода Ярославских кн. Сын Василия Давыдовича Грозные Очи и московской кн. Евдокии Ивановны. Род. в 1339 г. Кн. Ярославский с 1345 г.

ВАСИЛИЙ II ВАСИЛЬЕВИЧ Темный (кол.17)

Из рода Московских вел. кн. Сын Василия I Дмитриевича и вел. кн. литовской Софии Витовтовны. Род. 10 марта 1415 г. Вел. кн. Московский в 1425—1433, 1434—1462 гг. Ж.: с 1433 г. дочь кн. малоярославского Ярослава Владимировича, кн. Мария. † 27 марта 1462 г.

Василий Второй сделался московским князем, когда ему едва исполнилось

Князь Василий Темный. Портрет из
"Титулярника"

10 лет. Между тем права его на великое княжение были далеко не бесспорными, так как живы были его дядья Юрий, Андрей, Петр и Константин Дмитриевичи, из которых первый — Юрий Звенигородский — никогда не скрывал своих желаний сделаться великим князем после смерти Василия I (тем более что это прямо следовало из завещания его отца, Дмитрия Донского). Едва услышав о смерти старшего брата, Юрий бежал в Галич и оттуда начал переговоры с Москвой. Ни одна из сторон не решалась начать войну, и при посредстве митрополита Фотия решено было отложить вопрос о престолонаследии до ханского решения. Однако в 1427 году мать Василия поехала в Литву к своему отцу Витовту и поручила ему сына и все Московское княжение. Юрию трудно было теперь упорствовать в своем намерении. В 1428 году он пообещал не искать великого княжения под Василием.

Но в 1430 году Витовт умер, а в 1431 году Юрий поехал в Орду судиться с племянником. Василий поехал следом в сопровождении своих первых бояр, на изворотливость и ловкость которых ему только и оставалось рассчитывать. Во главе московского боярства стоял тогда кн. Иван Дмитриевич Всеволожский, хитрый, ловкий, находчивый, достойный преемник тех московских бояр, которые при отце, деде и прадеде Василия умели удержать за Москвой первенство и дать ей могущество. По приезду в Орду он так искусно повел дело, что хан слышать не хотел о Юрии. Весной 1432 года соперники стали судиться перед лицом татарских князей. Юрий основывал свои права на древнем родовом обычае, ссылаясь на летописи и на завещание Донского. За Василия говорил Иван Дмитриевич. Он сказал хану: "Князь Юрий ищет великого княжения по завещанию отца своего, а князь Василий по твоей милости; ты дал улус свой отцу его Василию Дмитриевичу, тот, основываясь на твоей милости, передал его сыну своему, который уже столько лет княжит и не свергнут тобою, следовательно, княжит по твоей же милости". Эта лесть, выражавшая совершенное презрение к старине, произвела свое действие: хан дал ярлык Василию.

Всеволожский в награду за услуги, оказанные им Василию в Орде, надеялся, что великий князь женится на его дочери. Василий, будучи в Орде, дал Всеволожскому обещание на это. Но по приезду в Москву дела переменились. Мать великого князя, София Витовна, никак не соглашалась на этот брак и настояла, чтоб сын обручился с кн. Марьей Ярославной. Тогда Всеволожский, считая себя жестоко оскорбленным, уехал из Москвы, перешел на сторону Юрия и стал отныне его советчиком.

В апреле 1433 года Юрий двинулся на Москву. В Москве узнали о движении Юрия только тогда, когда он уже был в Переяславле с большим войском. Васи-

лий, захваченный врасплох, послал своих бояр просить мира у дяди, которого они нашли в Троицком монастыре. "И была, — говорит летописец, — между боярами брань великая и слово недоброе". Тогда Василий, собравши наско-ро, сколько мог, ратных людей и московских жителей, гостей и других, выступил против дяди, но был разбит наголову сильными полками Юрия на Клязьме, за 20 верст от Москвы, и бежал в Кострому, где был захвачен в плен. Юрий въехал в Москву и стал великим князем.

Сыновья Юрия — Василий Косой и Дмитрий Шемяка — хотели избавиться от соперника сейчас же после победы, но Юрий не имел столько твердости, чтоб решиться на насильственные меры. Кроме того, у Юрия был старинный любимец боярин Семен Морозов, который, вероятно, из соперничества с Всеволожским, заступился за пленного Василия и уговорил Юрия отдать последнему в удел Коломну. Тщетно Всеволожский и сыновья Юрия сердились и восставали против этого решения: Юрий дал просимый мир племяннику, богато одарил его и отпустил в Коломну со всеми его боярами.

Но едва Василий прибыл в Коломну, как начал призывать к себе отовсюду людей, и отовсюду начали стекаться к нему князья, бояре, воеводы, дворяне, слуги, отказываясь служить Юрию, потому что, говорит летописец, не привыкли они служить галицким князьям. Одним словом, около Василия собрались все те, которые пришли бы к нему и в Москву по первому зову, но не успели этого сделать, потому что Юрий напал на племянника врасплох и этому только был обязан своим торжеством. Юрий, видя себя оставленным всеми, послал к Василию звать его обратно на великое княжение, а сам уехал в Галич. Всеволожский был схвачен Василием и ослеплен; села его были взяты в казну.

Косой и Шемяка не участвовали в договоре отца, и война продолжалась. В том же году они разбили московское войско

на реке Куси. Василий узнал, что дядины полки были в войске его сыновей. Поэтому в 1434 году он пошел на Юрия к Галичу, сжег город и заставил дядю бежать на Белоозеро. Весной, соединившись с сыновьями, Юрий двинулся на Москву. Он встретил Василия в Ростовской области у горы св. Николы и разбил его. Василий убежал в Новгород, потом в Нижний. Отсюда он собирался в Орду, как вдруг узнал о скоропостижной смерти Юрия и о том, что Василий Косой занял московский стол.

Но братья Косого, два Дмитрия — Шемяка и Красный, — послали звать на великое княжение Василия. Василий в награду за это наделил их волостями. Косой был изгнан из Москвы и лишен удела. В 1435 году он собрал войско в Костроме и встретился с Василием II в Ярославской волости, на берегу Которосли. Москвичи одержали победу. Оба соперника заключили мир, и Косой в очередной раз пообещал не искать великого княжения.

Но мир был недолгим. Уже в следующем году война вспыхнула с новой силой, причем Косой первый прислал Василию II складные грамоты. Оба войска встретились в Ростовской области при селе Скорятине. Косой, не надеясь одолеть соперника силой, решил употребить коварство: заключил с Василием Вторым перемирие до утра и, когда Василий, понадеявшись на это, распустил свои полки для сбора припасов, неожиданно перешел в наступление. Василий тотчас разослал по всем сторонам приказ собираться, сам схватил трубу и начал трубить. Полки московские успели собраться до прихода Косого, который был разбит и взят в плен. Его отвезли в Москву и там ослепили.

С Дмитрием Шемякой у Василия II в то время не было войны, и он спокойно княжил в своем уделе. В 1439 году к Москве подошел казанский хан Улу-Мухаммед. Василий не успел собраться с силой и уехал за Волгу, оставив защищать Москву воеводу Юрия Патрикеева. Хан стоял под

вых опять появились у русских границ, и Василий выступил против них. В июне московское войско остановилось на реке Каменке. В ночь с 6-го на 7-е о татарах все еще не было никакого известия. Василий сел ужинать с князьями и боярами; ночью упились, встали на другой день уже после солнечного восхода, и Василий, отслушав заутреню, хотел было опять лечь спать, как пришла весть, что татары переправляются через реку Нерль. Василий тотчас послал с этой вестью по всем станам, сам надел доспехи, поднял знамена и выступил в поле, но войска было у него мало, всего тысячи полторы, потому что полки союзных князей не успели собраться, не пришел и Шемяка, несмотря на то, что к нему много раз посылали. Возле Евфимиева монастыря, по левую сторону, русские полки сошлись с татарами, и в первой стычке великокняжеская рать обратила татар в бегство. Но когда стали гнаться за ними в беспорядке, неприятель неожиданно развернулся и нанес русским страшное поражение. Василий отбивался храбро, получил множество ран и был наконец взят в плен. Сыновья ханские сняли с него нательный крест и отослали в Москву к матери и жене. Самого же пленника увезли к хану. Улу-Мухаммед договорился с ним о выкупе. Сумма его точно не известна, но, во всяком случае, он был немалым.

***

Из Орды с великим князем выехало на Русь много татарских князей. В отсутствие Василия Москву постиг сильнейший пожар, выгорел весь город, тысячи людей лишились своего добра. Когда же для выплаты откупа на народ наложены были тяжелые подати, то со всех сторон обнаружилось сильнейшее недовольство. Этим и поспешил воспользоваться Шемяка. Тверской и Можайский князья согласились помочь ему свергнуть Василия. Вскоре к заговору примкнуло множество московских бояр и купцов и даже монахи.

Василий II Васильевич Темный
в плену у татар. Миниатюра
Лицевого летописного свода.

Начало княжения великого князя Василия Васильевича. Миниатюра Лицевого летописного свода

городом 10 дней, взять его не смог, но причинил много зла русской земле. Шемяка, несмотря на неоднократные призывы Василия, так и не пришел к нему на помощь. Василий в отместку пошел на Шемяку и выгнал его в Новгород. В том же году Шемяка вернулся с войском, но помирился с Василием.

В 1445 году Улу-Мухаммед захватил Нижний Новгород, а оттуда пришел к Мурому. Василий вышел против него со всеми силами. Улу-Мухаммед отступил в Нижний и укрылся в нем. Иначе кончилось дело при второй встрече Василия с татарами. Весной того же года в Москву пришла весть, что двое сыновей Улу-Мухаммедо-

В 1446 году московские заговорщики дали знать союзным князьям, что Василий поехал молиться в Троицкий монастырь. Шемяка и Можайский ночью 12 февраля овладели врасплох Москвой, схватили мать и жену Василия, казну его разграбили, верных бояр перехватили и пограбили. В ту же ночь Можайский отправился к Троице с большим отрядом своих приспешников. 13 числа Василий слушал обедню, как вдруг в церковь вбежал рязанец Бунко и объявил ему, что Шемяка и Можайский идут на него ратью. Василий не поверил ему, потому что Бунко незадолго перед тем отъехал от него к Шемяке. "Эти люди только смущают нас, — сказал он, — может ли быть, чтобы братья пошли на меня, когда я с ними в крестном целовании?", и велел выгнать Бунка из монастыря. Но на всякий случай он все же послал сторожей к Радонежу. Сторожа просмотрели ратных людей Можайского, ибо те увидели их прежде и сказали своему князю, который спрятал воинов на возах под рогожей. Въехавши на гору, ратники выскочили из возов и перехватили сторожей. Василий увидел неприятелей только тогда, когда они стали спускаться с Радонежской горы. Он бросился было на конюшенный двор, но здесь не было ни одной готовой лошади. Тогда Василий побежал в монастырь к Троицкой церкви, куда пономарь впустил его и запер за ним двери. Тотчас после этого недруги его въехали в монастырь. Князь Иван Можайский стал спрашивать, где великий князь. Василий, услышав его голос, закричал ему из церкви: "Братья! Помилуйте меня! Позвольте мне остаться здесь, смотреть на образ Божий... я не выйду из этого монастыря, постригусь здесь", и, взявши икону св. Сергия, пошел к южным дверям, сам отпер их и, встретив князя Ивана с иконой в руках, сказал ему: "Брат! Целовали мы животворящий крест и эту икону в этой самой церкви, у этого гроба чудотворцева, что

Ослепление Василия Темного. Миниатюра Лицевого летописного свода

не мыслить нам друг на друга никакого лиха, а теперь не знаю, что надо мною делается?" Иван поспешил успокоить Василия. Тот, поставив икону на место, упал перед чудотворным гробом и стал молиться с такими слезами, воплем и рыданием, что прослезил даже врагов своих. Князь Иван, помолившись немного, вышел вон, сказав боярину Никите Константиновичу: "Возьмите его". Василий, помолившись, встал и, оглянувшись кругом, спросил: "Где же брат, князь Иван?" Вместо ответа подошел к нему Никита, схватил за плечи и сказал: "Взят ты великим князем Дмитрием Юрьевичем". Василий отвечал на это: "Да будет воля Божья!" Тогда Никита вывел его из церкви и из монастыря, после чего посадили его на голые сани с чернецом напротив и по-

везли в Москву. Сюда он прибыл в ночь на 14 февраля и был заключен на дворе Шемякином. 16-го числа ночью его ослепили и сослали в Углич вместе с женой, а мать, великую княгиню Софию Витовтовну, отослали в Чухлому.

Из бояр и слуг Васильевых одни при-
сканули Шемяке, другие убежали в Тверь. Но немало было и таких, которые готовы были с оружием в руках бороться за возвращение Василия на престол. Все они собрались вскоре в Литве. Шемяка испугался всеобщего настроения в пользу пленного Василия и после долгих совещаний со своими сторонниками решил выпустить его и дать ему вотчину. Осенью 1446 года он приехал в Углич, покаялся и попросил у Василия прощения. Василий в свою очередь возложил всю вину на одного себя, сказав: "И не так еще мне надобно было пострадать за грехи мои и клятвопреступление перед вами, старшими братьями моими, и перед всем православным христианством. Достоин был я смертной казни, но ты, государь, показал ко мне милосердие, не погубил меня с моими беззакониями, дал мне время покаяться". Когда он это говорил, слезы текли у него из глаз ручьями, все присутствующие дивились такому смирению и умилению и плакали сами, на него глядя. Шемяка устроил для Василия, его жены и детей большой пир, на котором присутствовали все епископы и многие бояре. Василий получил богатые дары и Вологду в отчину, обещав наперед Шемяке не искать под ним великого княжения.

Но приверженцы Василия ждали только его освобождения и толпами кинулись к нему. Все готово было к войне, затруднение состояло только в обещании, данном Василием. Игумен Кириллова Белозерского монастыря Трифон принял клятвопреступление на себя, когда Василий приехал из Вологды в его монастырь под предлогом накормить братию и раздать милостыню. С Бела-озера Василий отправился к Твери. Тверской князь Борис

Александрович обещал помощь с условием, что обручит своего старшего сына и наследника Ивана с его дочерью Марьей. Василий согласился и с тверскими полками пошел на Шемяку к Москве. Из Литвы двинулось войско сторонников Василия, московских изгнанников. Шемяка с князем Иваном Можайским пошел к Волоку навстречу неприятелю, но в их отсутствие Москва легко была захвачена боярином Плещеевым. Узнав об этом, Шемяка и Можайский побежали в Галич, оттуда в Чухлому и Каргополь. Из Каргополя Шемяка выпустил пленную Софию Витовтовну и стал просить мира. Мир ему был дан.

Разумеется, Шемяка готов был нарушить мир в любой момент. Не прошло и года, как в Москве накопилось много свидетельств его вероломства. Наконец, было перехвачено письмо Шемяки к московскому тиуну Ватазину, в котором Шемяка приказывал тому возмущать горожан против Василия.

Получив в руки эту улику, Василий передал дело на решение духовенству. Собор епископов однозначно осудил крамолу Шемяки. В 1448 году Василий выступил в поход против непокорного Юрьевича. Шемяка испугался и запросил мира. Мир был заключен на прежних условиях, но весной 1449 года Шемяка вновь нарушил крестное целование, осадил Кострому, бился долго под городом, но взять его не мог, потому что в нем сидел сильный гарнизон. Василий с полками выступил против Шемяки, но вернулся, так и не дав битвы.

Наконец, в 1450 году кн. Василий Иванович Оболенский напал на Шемяку под Галичем и нанес ему тяжелое поражение. После этого Галич сдался великому князю. Шемяка бежал на север и захватил Устюг. Между тем в 1451 году к Москве приходил татарский царевич Мазовша и сжег весь посад. В 1452 году, отбившись от татар, Василий пошел прогонять Шемяку из Устюга. Юрьевич укрылся в Новгороде, где был отравлен и умер в 1453 году.

Как и следовало ожидать, Василий вооружился после Шемякиной смерти про-

тив его бывших союзников. В 1454 году был присоединен к Москве Можайск. Князь Иван бежал в Литву. В 1456 году схватили и заключили в Угличе князя Василия Ярославича Серпуховского. Из всех уделов в Москве остался только один — Верейский. В том же году Василий ходил на Новгород, но помирился, взяв 10 000 рублей откупа.

В 1462 году Василий разболелся сухотной болезнью и велел пользоваться себя обыкновенным тогда в этой болезни лекарством: зажигать на разных частях тела трут по нескольку раз; но лекарство не помогло. Больному сделалось очень тяжело, он захотел постричься в монахи, но бояре отговорили его, и 27 марта, в субботу, на четвертой неделе Великого поста, Василий скончался.

Погребен в Москве в Архангельском соборе.

ВАСИЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ (кол.16)

Из рода Серпуховских кн. Сын Владимира Андреевича Храброго и литовской кн. Елены Ольгердовны. Род. 9 июня 1394 г. Кн. Перемышльский в 1414—1427 гг. Ж.: кн. Иулиания. † 1427 г. Скончался от моровой язвы и погребен в Москве, в Архангельском соборе.

Св. ВАСИЛИЙ **ВСЕВОЛОДОВИЧ** (кол.12)

Из рода Ярославских кн. (младшей ветви). Сын Всеволода Константиновича и курской кн. Марии Ольговны. Род. в 1229 г. Кн. Ярославский в 1238—1249 гг. Ж.: кн. Ксения. † янв. 1249 г. Погребен в Ярославле, в церкви св. Богородицы.

ВАСИЛИЙ ДАВЫДОВИЧ **Грозные Очи** (кол.15)

Из рода Ярославских кн. Сын Давыда Федоровича. Кн. Ярославский в 1321—1345 гг. Ж.: с 1330 г. дочь вел. кн. Московского Ивана Да-

ниловича Калиты, вел. кн. Евдокия († 1342 год). † 1345 г.

До 1321 года Василий жил в Орде. Иван Калита выбрал Василия в мужа своей дочери исключительно по расчету, собираясь использовать его связи в Орде. В самом деле, именно благодаря Василию был решен в пользу московских князей спор с Тверью и казнен князь Михаил Александрович Тверской. Позже между тестем и зятем отношения испортились. Сохранилось известие, что Василий ездил в Орду жаловаться на Калиту.

ВАСИЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ **Кирдяпа** (кол.15)

Из рода Суздальских и Нижегородских вел. кн. Сын Дмитрия III Константиновича и кн. ростовской Василисы Константиновны. Вел. кн. Суздальский в 1383—1393 гг. Кн. Нижегородский в 1387—1393 гг. Кн. Шуйский в 1393—1403 гг. † 1403 г.

В 1376 году Дмитрий Иванович Московский отправил воеводу Дмитрия Волынского на болгар. С Волынским отправился Василий и его брат Иван. Вместе они подступили к Казани. Казанцы вышли против них из города, стреляя из луков и самострелов; другие производили какой-то гром, чтобы испугать русских, а некоторые выехали на верблюдах, чтобы переполошить лошадей. Но все эти хитрости не удались: русские вогнали неприятеля в город, и князя казанские Асан и Магомет-Солтан принуждены были бить челом великому князю; заплатили тысячу рублей Дмитрию Московскому, тысячу Новгороду, три тысячи воеводам и ратным людям; кроме того, летописи говорят, что русские посадили в Казани своего сборщика податей.

В 1382 году при походе Тохтамыша на Русь отец отправил Василия и брата его Семена в стан к хану с заверениями мира и дружбы. Василий присоединился к татарам на границах русской земли. Подступив к Москве, Тохтамыш три дня осаж-

*Великие князья московские
Иван Иванович,
Дмитрий Иванович,
Василий Дмитриевич.
Фреска Благовещенского
собора Московского Кремля*

дал Кремль, однако не имел большой надежды взять его. Тогда хан задумал хитрость: на четвертый день подъехали к стенам ордынские князья и с ними Василий и Семен, бывшие шурыями Дмитрия Донского. Они стали говорить осажденным: "Царь хочет жаловать вас, своих людей и улусников, потому что вы не виноваты: не на вас пришел царь, а на князя Дмитрия, от вас же он требует только, чтоб вы встретили его и поднесли небольшие дары; хочется ему поглядеть ваш город и побыть в нем, а вам даст мир и любовь". Василий с братом дали москвичам клятву, что хан не сделает им никакого зла. Те поверили, отворили кремлевские ворота и вышли с крестами и дарами. Но татары начали без милости рубить духовенство, ворвались в Кремль, всех жителей побили или попленили, а церкви разграбили. Таким образом нижегородские князья оказали татарам не последнюю услугу в их новом торжестве над Москвой после Куликовской битвы.

В 1383 году после смерти Дмитрия Константиновича Тохтамыш отдал ярлык на Нижегородское княжение его младшему брату Борису, но в 1387 году Василий и Семен прибегли к помощи Дмитрия Дон-

ского и изгнали дядю из Нижнего. Уезжая из города, Борис пророчил племянникам, что они будут плакать от врагов своих. Пророчество это сбылось. В 1393 году Борис добился у хана нового ярлыка на княжение, а племянникам, как видно, отдал Суздаль. В том же году Василий I, сын Донского, купил у Тохтамыша Нижегородское княжество, а Бориса заточил. Василий и Семен оставались княжить в Суздальской волости, охваченной со всех сторон теперь московскими землями. В 1394 году тотчас по смерти Бориса Константиновича оба племянника выбежали из Суздаля в Орду, добиваться ярлыка на свою вотчину — Нижний, Суздаль и Городец. Василий I послал за ними погоню, но им удалось избежать ее и благополучно достигнуть Орды. В дальнейшем Василий Кирдяпа помирился с московским князем, так как под 1403 годом упомянуто, что он умер в Городце.

ВАСИЛИЙ I ДМИТРИЕВИЧ (кол.16)

Из рода Московских вел. кн. Сын Дмитрия Ивановича Донского и суздальской кн. Евдокии

Дмитриевны. Род. 30 дек. 1371 г. Вел. кн. Московский в 1389—1425 гг. Ж.: с 9 янв. 1391 г. дочь вел. кн. Литовского Витовта Кейстутовича, вел. кн. София († 15 июня 1453 г.). † 27 февр. 1425 г.

В 1382 году после разорения Москвы Дмитрий Донской отправил Василия в Орду “тягаться с Михаилом Александровичем Тверским о великом княжении”. Тохтамыш не дал Михаилу великого княжения, но задержал Василия у себя и требовал за него 8000 рублей выкупа. Только в 1385 году молодой князь сумел спастись бегством из плена. Сначала он некоторое время жил в Молдавии. Оттуда в 1386 году пробрался в Литву и здесь встретился с Витовтом и обещал жениться на его дочери Софии.

После смерти отца Василий получил по завещанию лучшие и сильнейшие города: Владимир, Коломну, Кострому и Переяславль. Уже в самом начале своего княжения он показал, что останется верен политике отца и деда. Через год после того, как посол ханский посадил его на великокняжеский стол во Владимире, Василий отправился в Орду и купил там ярлык на княжество Нижегородское. На обратном пути он посадил здесь своих наместников, а нижегородского князя Бориса Константиновича велел схватить и держать под крепкой стражей. По тому же ярлыку Василий приобрел Муром, Городец, Мещеру и Тарусу.

С Ордой Василий старался поддерживать хорошие отношения, но после того, как в 1395 году татары были разбиты среднеазиатским правителем Тимуром, с ханами перестали считаться. В 1408 году хан Едигей, который, подобно Мамаю, распоряжался всеми делами в Орде, решил восстановить власть над Русью. Едигей распространил слух, что идет войной на Литву, а сам со всем войском внезапно явился под Москвой. Василий оставил в городе своего дядю Владимира Андреевича Храброго, а сам уехал в Кострому.

Татары опустошили Переяславль, Ростов, Дмитров, Серпухов, Верею, Нижний Новгород, Городец и Клин. Много народу было перебито, другие погибли от морозов и выюг. Штурмовать Кремль Едигей не стал и, взяв с горожан 3000 рублей выкупа, ушел в степь. Но и после этого Василий отправился в Орду лишь в 1412 году.

Погребен в Москве, в Архангельском соборе.

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ (кол.12)

Из рода Черниговских кн. Сын Ивана Мстиславича. Кн. Козельский. † 1238 г.

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ (кол.16)

Из рода Смоленских кн. Сын Ивана Александровича. Кн. Селеховский. † 1397 г.

В 1396 году Василий был изгнан из своей волости литовцами и нашел убежище в Новгороде.

ВАСИЛИЙ III ИВАНОВИЧ (кол.19)

Из рода Московских вел. кн. Сын Ивана III Васильевича Великого и византийской царевны Софьи Фоминичны Палеолог. Род. 25 марта 1479 г. Вел. кн. Московский и всей Руси в 1506—1534 гг. Ж.: 1) с 4 сен. 1506 г. Соломония Юрьевна Сабурова († 1542 г.); 2) с 21 янв. 1526 г. кн. Елена Васильевна Глинская († 3 апр. 1538 г.). † 4 дек. 1534 г.

Детство и ранняя молодость Василия прошли в тревогах и испытаниях. Далеко не сразу он был провозглашен наследником своего отца, поскольку у Ивана III был старший сын от первого брака — Иван Молодой. Но в 1490 году Иван Молодой умер. Иван III должен был решать, кому

завещать престол — сыну Василию или внуку Дмитрию Ивановичу. Большинство бояр поддерживало Дмитрия и его мать Елену Стефановну. Софью Палеолог в Москве не любили, на ее сторону встали только дети бояр и дьяки. Дьяк Федор Стромиллов известил Василия, что отец хочет пожаловать великим княжением Дмитрия, и вместе с Афанасием Яропкиным, Поярком и другими детьми боярскими начал советовать молодому князю выехать из Москвы, захватить казну в Вологде и на Белоозере и погубить Дмитрия. Главные заговорщики набрали себе и других соумышленников и привели их тайно к крестному целованию. Но заговор был открыт в декабре 1497 года. Иван III велел держать сына на его же дворе под стражей, а приверженцев его казнить. Шестерых казнили на Москве-реке, многих других детей боярских бросили в тюрьмы. В то же время великий князь рассердился и на жену свою за то, что к ней приходили воро-

жеи с зельем; этих лихих баб отыскивали и утопили в Москве-реке ночью, после чего Иван стал остерегаться жены.

4 февраля 1498 года он венчал в Успенском соборе Дмитрия — «внука» на великое княжение. Но торжество бояр не было продолжительным. В 1499 году опала настигла две знатнейшие боярские семьи — князей Патрикеевых и князей Ряполовских. Летописи не говорят, в чем состояли их крамолы, но нет сомнений, что причину надо искать в их действиях против Софьи и ее сына. После казни Ряполовских Иван III начал, по выражению летописцев, нерадеть о внуке и объявил сына Василия великим князем Новгорода и Пскова. 11 апреля 1502 года он положил опалу на Дмитрия и его мать Елену, посадил их под стражу и не велел называть Дмитрия великим князем, а 14 апреля пожаловал Василия, благословил и посадил на великое княжение Владимирское, Московское и всея Руси самодержцем.

Следующей заботой Ивана III было найти для Василия достойную супругу. Он поручил своей дочери Елене, бывшей замужем за великим князем Литовским, разузнать, у каких государей будут дочери на выданье. Но старания его на этот счет оказались безуспешны, равно как и поиски женихов и невест в Дании и Германии. Иван принужден был уже в последний год своей жизни женить Василия на Соломонии Сабуровой, выбранной из 1500 девиц, представленных для этого ко двору. Отец Соломонии, Юрий, не был даже боярином.

***

Став великим князем, Василий шел во всем по пути, указанном его родителем. От отца же он наследовал страсть к строительству.

В августе 1506 года умер литовский великий князь Александр. Враждебные отношения между двумя государствами после этого возобновились. Василий принял к себе литовского мятежника князя Миха-

Василий III. Портрет из "Титулярника"

ила Глинского. Только в 1508 году заключен был мир, по которому король отказался от всех отчин, принадлежавших князьям, перешедшим при Иване III под власть Москвы.

Обезопасив себя со стороны Литвы, Василий решил покончить с независимостью Пскова. В 1509 году он поехал в Новгород и приказал прибыть к себе псковскому наместнику Ивану Михайловичу Ряпне-Оболенскому и псковичам, чтобы он мог разобрать их взаимные жалобы. В 1510 году на праздник Крещения он выслушал обе стороны и нашел, что псковские посадники наместника не слушались, и было ему от псковичей много обид и насилий. Также Василий обвинил псковичей в том, что они государево имя презирали и не проявляли к нему должных почестей. За это великий князь наложил опалу на наместников и велел их схватить. Тогда посадники и другие псковичи, признав свою вину, били Василию челом, чтоб он пожаловал свою отчину Псков и устроил ее как ему Бог известил. Василий велел сказать: "Вечу в Пскове не быть, а быть в Пскове двум наместникам". Псковичи, собрав вече, стали думать, выступить ли против государя и запереться ли в городе. Наконец решили покориться. 13 января сняли они вечевою колокол и со слезами отправили в Новгород. 24 января Василий приехал в Псков и устроил здесь все по своему усмотрению. 300 самых знатных семей, бросив все свое добро, должны были переселиться в Москву. Деревни выведенных псковских бояр были отданы московским.

От псковских дел Василий вернулся к литовским. В 1512 году началась война. Главной целью ее был Смоленск. 19 декабря Василий выступил в поход с братьями Юрием и Дмитрием. Шесть недель он осаждал Смоленск, но безуспешно, и вернулся в Москву в марте 1513 года. 14 июня Василий вторично выступил в поход, сам остановился в Боровске, а к

Смоленску отправил воевод. Они разбили наместника Юрия Сологуба и осадили город. Узнав об этом, Василий сам приехал в лагерь под Смоленск, но и на этот раз осада была неудачной: то, что москвичи разрушали днем, смоляне заделывали ночью. Удовлетворившись опустошением окрестностей, Василий велел отступить и возвратился в Москву в ноябре. 8 июля 1514 года он выступил в третий раз к Смоленску с братьями Юрием и Семеном. 29 июля началась осада. Артиллерией руководил пушкарь Стефан. Огонь русских пушек наносил смолянам страшный урон. В тот же день Сологуб с духовенством вышел к Василию и согласился сдать город. 31 июля смоляне присягнули великому князю, и 1 августа Василий торжественно вступил в город. Пока он устраивал здесь дела, воеводы взяли Мстиславль, Кричев и Дубровны.

Радость при московском дворе была необычайная, поскольку присоединение Смоленска оставалось заветной мечтой еще Ивана III. Неудовлетворен был один Глинский, хитроумию которого польские

Василий III

*Венчание Василия III и Елены Глинской.
Миниатюра Лицевого летописного свода*

летописи главным образом и приписывают успех третьего похода. Он надеялся, что Василий даст ему Смоленск в удел, но ошибся в ожиданиях. Тогда Глинский завел тайные сношения с королем Сигизмундом. Очень скоро его разоблачили и в оковах отправили в Москву. Некоторое время спустя русское войско под командованием Ивана Челядинова потерпело тяжелое поражение от литовцев под Оршею, но литовцы не смогли после этого взять Смоленск и таким образом не воспользовались своей победой.

Тем временем собирание русских земель шло своим чередом. В 1517 году Василий вызвал в Москву рязанского князя Ивана Ивановича и велел схватить его. После этого Рязань была присоединена к Москве. Сразу вслед за тем присоединили Стародубское княжество, а в 1523 году — Новгород-Северское. Князь Новгород-Северский Василий Иванович Шемякин, подобно рязанскому князю,

был вызван в Москву и заключен в темницу.

Хотя война с Литвой фактически не велась, мир заключен не был. Союзник Сигизмунда крымский хан Магмет-Гирей в 1521 году совершил набег на Москву. Московское войско, разбитое на Оке, бежало, и татары подступили к стенам самой столицы. Василий, не дожидаясь их, уехал в Волоколамск собирать полки. Магмет-Гирей не был, однако, расположен брать город. Опустошив землю и захватив несколько сот тысяч пленников, он ушел обратно в степь. В 1522 году опять ждали крымцев, и Василий с большим войском сам караулил на Оке. Хан не пришел, но его нашествия нужно было постоянно опасаться. Поэтому Василий сделался более сговорчивым в переговорах с Литвой. В том же году заключено было перемирие, по которому Смоленск остался за Москвой.

***

Итак, государственные дела потихоньку образовывались, но будущность русского престола оставалась неясной. Василию было уже 46 лет, но он еще не имел наследников: великая княгиня Соломония была бесплодной. Тщетно употребляла она все средства, которые приписывались ей знахарями и знахарками того времени, — детей не было, исчезла и любовь мужа. Василий с плачем говорил боярам: "Кому по мне царствовать на Русской земле и во всех городах моих и пределах? Братьям передать? Но они и своих уделов устроить не умеют". На этот вопрос послышался ответ между боярами: "Государь, князь великий! Неплодную смоковницу посекают и измечают из винограда". Так думали бояре, но первый голос принадлежал митрополиту Даниилу, который одобрил развод. Неожиданное сопротивление Василий встретил со стороны инок Василия Косого, бывшего князя Патрикеева, и известного Максима Грека. Несмотря, однако, на это сопротивление, в ноябре 1525 года был объявлен развод вели-

кого князя с Соломонией, которую постригли под именем Софьи в Рождественском девичьем монастыре, а потом отослали в Суздальский Покровский монастырь. Так как на это дело смотрели с разных точек зрения, то неудивительно, что до нас дошли о нем противоречивые известия: в одних говорится, что развод и пострижение последовали согласно желаниям самой Соломонии, даже по ее просьбе и настоянию; в других, наоборот, пострижение ее представляется делом насильственным; распустили даже слухи, что вскоре после пострижения у Соломонии родился сын Георгий. В январе следующего, 1526 года Василий женился на Елене, дочери умершего князя Василия Львовича Глинского, родной племяннице знаменитого князя Михаила.

Новая супруга Василия во многом отличалась от тогдашних русских женщин. Елена усвоила от отца и дяди иноземные понятия и обычаи и, вероятно, пленила великого князя. Желание понравиться ей было так велико, что, как говорят, Василий III даже обрил для нее свою бороду, что, по тогдашним понятиям, было несовместимо не только с народными обычаями, но и с православием. Великая княгиня все более и более овладевала своим супругом; но время проходило, а желанная цель Василия — иметь наследника — не достигалась. Возникло опасение, что и Елена останется так же бесплодна, как и Соломония. Великий князь вместе с женой совершал путешествия по разным русским монастырям. Во всех русских церквях молились о чадородии Василия — ничего не помогало. Прошло четыре года с половиной, пока наконец царственная чета не прибегла в молитвах к преподобному Пафнутию Боровскому. Тогда только Елена сделалась беременной. Радость великого князя не имела пределов. Наконец 25 августа 1530 года Елена родила первенца Ивана, а через год и несколько месяцев — другого сына, Юрия.

Но едва старшему, Ивану, минуло три года, как Василий серьезно занемог. Ког-

Василий III. Гравюра из "Записок"
С. Герберштейна

да он ехал от Троицкого монастыря в Волок Ламский, на левом бедре, на сгибе, у него показалась багровая болячка размером с булавоочную головку. После этого великий князь начал быстро изнемогать и приехал в Волоколамск уже без сил. Врачи принялись лечить Василия, но ничего не помогало. Из болячки вытекало гною больше таза, вышел и стержень, после чего великому князю стало легче. С Волока он поехал в Иосифо-Волоколамский монастырь. Но облегчение было недолгим. В конце ноября Василий совсем без сил приехал в подмосковное село Воробьево. Лекарь Глинского Николай, осмотрев больного, сказал, что осталось уповать только на Бога. Василий понял, что смерть близка, написал завещание, благословил своего сына Ивана на великое княжение и скончался 3 декабря.

Погребен в Москве, в Архангельском соборе.

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ Шемякин (кол.19)

Из рода Московских вел. кн. Сын Василия Дмитриевича Шемякина. Кн. Новгород-Северский и Рильский. † 1529 г.

В 1500 году Василий, служивший до этого литовскому князю, перешел в Московское подданство вместе со своей волостью — Рильском и Новгородом Северским. В дальнейшем Василий участвовал во всех приграничных войнах с Литвой.

Есть известия, что Шемякин имел нрав злокозненный и неуживчивый и сгубил нескольких украинских князей своими наветами. Особую ненависть он питал к своему соседу князю Стародубскому Василию Семеновичу. В 1517 году он ездил в Москву к Василию III, оправдался в возводимых на него обвинениях, а стародубского князя оговорил. Волость у того была отобрана и присоединена к Москве. В 1523 году сам Шемякин был призван в Москву и заключен в темницу; шел слух, что причиной заключения было письмо его к киевскому наместнику, где он предлагал свою службу королю Сигизмунду. Волость Северская была присоединена к Москве.

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ Третний (кол.20)

Из рода Рязанских вел. кн. Сын Ивана Федоровича. Род. в 1448 г. Вел. кн. Рязанский в 1456—1483 гг. Ж.: с 24 янв. 1464 г. дочь вел. кн. Московского Василия II Васильевича, вел. кн. Анна († апр. 1501 г.). † 7 янв. 1483 г.

Умирая, отец Василия, князь Иван Федорович, отдал сына на руки московскому князю Василию II. Для управления Рязанью Темный назначил своих наместников. В 1464 году Иван III отпустил молодого

князя в Рязань, но Василий вскоре возвратился в Москву, чтобы жениться на сестре великого князя, Анне. При Василии присоединено было к Рязани удельное княжество Пронское.

ВАСИЛИЙ IV ИВАНОВИЧ Шуйский

Сын кн. Ивана Андреевича Шуйского. Род. в 1553 г. Царь всея Руси в 1606—1610 гг. Ж.: 1) кн. Елена Михайловна Репнина; 2) с 17 янв. 1608 г. кн. Мария Буйносова Ростовская († июль 1626 г.). † 12 сент. 1612 г.

Василий Иванович принадлежал к роду князей Шуйских, отрасли великих князей Суздальских и Нижегородских, потомков князя Андрея II Ярославича. По духу и по характеру он в высшей степени олицетворял свойства старого русского быта. В нем видно отсутствие предприимчивости, боязнь всякого нового шага, но в то же время терпение и стойкость. Молодость свою он провел при Грозном: в 1580 году был дружкой царя на его последней свадьбе, а в 1581—1582 годах стоял воеводой с полками на Оке, охраняя границу на случай, если хан пойдет на Москву. Но крымцы не дерзнули тогда напасть на Россию.

В 1584 году, после смерти Грозного, Василий сначала выступил с другими боярами против Богдана Бельского, а потом был противником Бориса Годунова. В 1587 году Борис велел сослать и удавить Ивана Петровича и Андрея Ивановича Шуйских; открытому противостоянию пришел конец — Борис окончательно утвердил свою власть, а Василий Иванович, ставший теперь во главе рода Шуйских, должен был на долгие годы смирить свое честолюбие. В 1591 году он был отправлен в Углич для ведения следствия о загадочной смерти царевича Дмитрия. Следствие подтвердило, что Дмитрий порезался ножом в припадке падучей. Однако и современники, и потомки не без основания подозревали Шуйского в сокрытии ис-

тинных причин смерти. Упорно ходили слухи, что царевича убили люди Годунова, а Шуйский сознательно скрыл это, чтобы избежать преследований со стороны мстительного временщика: как бы то ни было, в народе верили, что Шуйский единственный, кто знает правду об угличской трагедии.

В 1598 году, после смерти царя Федора Ивановича — последнего Рюриковича на русском престоле, — Василий Иванович по знатности своего рода и по близости к пресекавшейся династии казался наиболее верным претендентом на трон. К тому же Шуйский, в сравнении с другим знатым боярином князем Федором Ивановичем Мстиславским, отличался большей живостью, способностью к ведению дел, многочисленностью сторонников. Но царем стал Годунов. Он сразу окружил Шуйского множеством шпионов. Не имея явных улик, чтобы обличить его в измене, Борис мучил князя Василия своей подозрительностью, отнял семейное счастье, не позволяя жениться, несколько раз удалял со двора, потом вновь приближал, пытал невинных людей по одному подозрению в сочувствии к опальному роду. Чтобы уцелеть, от Шуйского требовалось немало выдержки и осторожности, но этими качествами он обладал в избытке.

В 1604 году, после того как претендент, называвший себя царевичем Дмитрием Ивановичем, появился в русских пределах, Шуйский на Красной площади при большом стечении народа несколько раз заявил о том, что это несомненный самозванец, так как сам он своими руками погребал настоящего царевича в Угличе. Успокоенный этими заверениями Годунов в январе 1605 года послал Шуйского с войском против Дмитрия в помощь раненому князю Мстиславскому. Новый воевода, провожаемый множеством чиновных стольников и стряпчих, нашел войско близ Стародуба в лесах, между засеками, где оно, усиленное новыми дружинами, как бы таилось от неприятеля в бездействии и

Василий Шуйский. Портрет из "Титулярника" 1672 г.

унынии после предыдущего поражения. Шуйский немедленно двинулся к Севску. Но Дмитрий не хотел ждать их. С 15 тысячами он вышел против 70-тысячного царского войска и встретил его в Добрыничах. Несмотря на огромную разницу в численности армий, претендент смелым ударом рассеял иноземные полки, но когда подступил к строю русской пехоты, то был встречен мощным пушечным огнем и дружными залпами. Атака захлебнулась, а затем все сподвижники Дмитрия обратились в бегство, и он сам едва спасся от смерти. Шуйский и Мстиславский вполне могли после этой победы завершить войну и вытеснить остатки разбитого войска обратно в Польшу. Но вместо этого они пошли осаждать Рылск, а когда Борис выразил им свое неудовольствие, подступили к Кромам. Осада этого города затянулась до весны. В апреле Борис Годунов скоропостижно умер. Царем стал его сын Федор. Новое правительство отозвало Мстиславского и Шуйского в Москву, при

сколько их неумение или нежелание истребить претендента к этому времени всем стало очевидно.

В мае в столицу пришло известие, что все войско присягнуло царевичу Дмитрию. 1 июня приехали послы от него — Наум Плещеев и Гаврила Пушкин и с Лобного места читали грамоту на имя Мстиславского и Шуйских. Народ заволновался, но многих удерживало еще сомнение, что царевич ненастоящий. Говорят, что в эту минуту послали за Василием Ивановичем и просили его объявить правду, точно ли он похоронил Дмитрия в Угличе? А Шуйский будто бы отвечал, что царевич спасся от убийц, а вместо него был убит и похоронен какой-то попович. Эти слова и решили судьбу Годуновых. Толпа ворвалась в Кремль, Федора стащили с престола и отправили под стражей в прежний боярский дом Бориса. 10 июня молодой царь и его мать были задушены людьми Дмитрия.

Не ожидая приезда нового государя, братья Шуйские вместе с князем Мстиславским выехали к нему навстречу. Царевич принял их в Туле, поначалу говорил с ними сухо, но потом простил.

Знал ли Шуйский, с кем он имеет дело? Надо отдать ему должное — всю жизнь он упорно говорил, что настоящий Дмитрий мертв; и до появления претендента и после его смерти он утверждал, что это самозванец. Лишь однажды (да и то мы не знаем, было ли это на самом деле) он объявил перед народом, что царевич мог уцелеть. Но и тогда разве утверждал он, что человек, объявивший себя Дмитрием, именно он и есть? Как во всех поступках названного Дмитрия видна внутренняя убежденность, что он истинный сын Грозного, так и во всем поведении Шуйского видна такая же убежденность в обратном.

20 июня Дмитрий въехал в Москву, а уже 23-го Шуйского схватили за крамолу. Донесли, что он объявил торговому человеку Федору Коневу и какому-то Костелекару, что новый царь — самозванец, и поручил им разглашать об этом тайно в

народе. Дело, однако, быстро вышло наружу, и Дмитрий велел судить Шуйского Земскому собору. По свидетельству наших летописей, князь Василий в этих трудных обстоятельствах едва ли не впервые в жизни показал, что он способен быть твердым. Он не только не отрекся от своих слов, но и даже под пыткой продолжал повторять, что под личиной Дмитрия скрывается самозванец. Он не назвал никого из своих соумышленников и был один приговорен к смертной казни: братьев его лишили только свободы. По некоторым иностранным известиям, Дмитрий сам оспаривал Шуйского и уличал его в клевете, причем говорил с таким искусством и умом, что весь собор был приведен в изумление. 25 июня назначено было для исполнения приговора. Шуйский был вывезен к плахе, уже прочитана была ему сказка, или объявление вины, уже простился он с народом, объявив, что умирает за правду, за веру и народ христианский, как прискакал гонец с объявлением помилования. Казнь заменена была ему ссылкой в Галицкие пригороды, все имение Шуйских отобрали в казну.

Но уже 30 июля, венчаясь на царствие, Дмитрий объявил прощение всем опальным. В числе прочих вернулись и Шуйские, которые, кажется, даже не успели доехать до места ссылки. Им было возвращено боярство и все их вотчины. Утвердившись в прежней власти, князь Василий Иванович немедленно возобновил и свои интриги. Но теперь он действовал осторожнее и готовил переворот более тщательно.

Между тем Дмитрий позволил жениться и ему и князю Мстиславскому. Князь Василий, которому было уже за пятьдесят, поспешил обручиться с молодой княжной Буйносовой-Ростовской. Дело заговора также продвигалось вперед. К нему пристали князья Василий Васильевич Голицын и Иван Семенович Куракин. Бояре положили между собой прежде всего убить царя, а потом уже решать, кто из них бу-

дет править. При этом поклялись, что новый царь не должен никому мстить за прежние обиды, но по общему совету управлять Российским царством. Условившись с знатными заговорщиками, Шуйский стал подбирать других, из народа, успел привлечь на свою сторону 18-тысячный отряд новгородского и псковского войска, стоявший возле Москвы и назначенный к походу на Крым. Ночью собрались к князю Василию бояре, купцы, сотники с пятидесятниками из полков. Шуйский объявил им о страшной опасности, которая грозит Москве от царя, преданного полякам, прямо открылся, что самозванца признали истинным Дмитрием только для того, чтобы освободиться от Годунова, думали, что такой умный и храбрый молодой человек будет защитником православной веры и старых обычаев, но вместо того царь любит только иноземцев, презирает святую веру, оскверняет храмы Божие и, наконец, женится на поганой польке. "Если мы, — продолжал Шуйский, — заранее о себе не помыслим, то еще хуже будет. Я для спасения православной веры опять готов на все, лишь бы вы помогли мне усердно: каждый сотник должен объявить своей сотне, что царь самозванец и умышляет зло с поляками; пусть ратные люди советуются с гражданами, как промыслить делом о такой беде; если будут все заодно, то бояться нечего; за нас будет несколько сот тысяч, за него — пять тысяч поляков, которые живут не вместе, а в разных местах".

Но заговорщики никак не надеялись, что большинство будет за них, поэтому условились по первому набату броситься во дворец с криком: "Поляки бьют государя!" — окружить Дмитрия, как будто для защиты, и убить его. В ночь с 16 на 17 мая 1606 года в Москву вошел отряд, привлеченный на сторону заговорщиков; он занял все 12 ворот и не пускал уже никого ни в Кремль, ни из Кремля. Около четырех утра ударили в колокол на Ильинке, у Ильи Пророка, на новгородском дворе, и

Василий Шуйский. Рисунок из рукописи XVII в.

разом заговорили все колокола московские. Толпы народа хлынули на Красную площадь; там уже сидели на конях бояре и дворяне, числом до двухсот, в полном вооружении. Не дожидаясь, пока соберется много народу, Шуйский в сопровождении одних приближенных въехал в Кремль через Спасские ворота, держа в одной руке крест, в другой меч. Подъехав к Успенскому собору, он сошел с лошади, приложился к образу Владимирской Богоматери и сказал окружавшим: "Во имя Божие идите на злого еретика". Толпы двинулись ко дворцу. Дмитрий, узнав в чем дело, перебежал по галерее к каменному дворцу, хотел по подмосткам спуститься на землю, но упал с высоты 15 сажен на двор и сильно разбился. Стрельцы, не бывшие в заговоре, подобрали его, сначала не хотели отдавать, но потом вступили в переговоры с восставшими. В то время как страсти все более накалялись, некто Григорий Валуев подскочил к раненому и застрелил его.

После того как цель заговора была до-

стигнута, Шуйскому потребовалось много сил, чтобы остановить своих разошедшихся сторонников. Семь часов кряду в городе шла резня. По одним известиям поляков было убито 1200 или 1300 человек, а русских — 400, по другим — одних поляков 2135 человек, иные же полагают — 1500 поляков и 2000 русских.

Несмотря на то, что восстание было поднято во имя православной веры и Русской земли, в народном сознании осталось мнение, что совершилось нечистое дело. Многие в Москве были за Дмитрия, многие взяли за оружие при известии, что поляки бьют царя. Увидев теперь его изуродованный труп, они не могли не испытывать разочарования. Тем временем заговорщики начали думать, как бы с согласия всей земли избрать нового государя. Надо было избирать также и патриарха, так как прежнего патриарха Игнатия, сторонника Дмитрия, свели с престола в тот же день.

19 мая в 6 часов утра купцы, разносчики, ремесленники собрались на Красной площади. Бояре, придворные чины и духовенство вышли к народу и предложили избрать патриарха, который должен был стоять во главе временного правительства и разослать грамоты для собрания людей из городов. Но на предложение бояр толпа закричала, что царь нужнее патриарха, а царем должен быть князь Василий Иванович Шуйский. Никто не осмелился возразить толпе, только что показавшей свою силу убийством Дмитрия, и Шуйский был даже не избран, а, по удачному выражению современника, выкрикнут на царство.

Исполняя обещание, данное товарищам своим по заговору, Шуйский целовал крест в Успенском соборе, что без боярского суда отныне никого не приговорит к смерти, что не будет отбирать вотчины и имущество у родственников преступника, что не будет слушать доносов, а будет управлять страной с общего совета бояр. Повсюду разосланы были гра-

моты с перечислением преступлений убитого Дмитрия, правда, большей частью ожидаемых, чем совершенных. Писали о его тайных обещаниях королю относительно передачи спорных земель, о намерении ввести католичество, о желании перебить всех бояр. От имени царицы Марфы и Михаила Нагого разослана была особая грамота, в которой те прямо отрекались от Дмитрия и объявляли его самозванцем.

1 июня 1606 года Шуйский венчался на царство без малейшей пышности, будто человек, вступающий в тайный брак или стыдящийся своего ничтожества. Новый царь был маленький старик, 53-х лет от роду, очень некрасивый, с подслеповатыми глазами, начитанный, очень умный и очень скупой. Сразу вслед за тем был возведен на престол новый патриарх — бывший казанский митрополит Гермоген, известный своим сопротивлением неправославным поступкам Дмитрия.

Первым публичным делом Шуйского после принятия царского сана было перевезти тело царевича Дмитрия в Москву. За этим телом ездил ростовский митрополит Филарет и с ним двое Нагих — Григорий и Андрей. 3 июня мощи Дмитрия были привезены и выставлены в Архангельском соборе. Таким образом царь как бы всенародно давал понять, что и первый Дмитрий, и все те, кто явятся за ним (о том, что Дмитрию удалось спастись, говорили в Москве уже на другой день после восстания), — не более, чем самозванцы. Но этой мерой нельзя было уже остановить начинающуюся смуту. Сам Шуйский невольно способствовал ее зарождению. Он сослал в Путивль за преданность Дмитрию князя Григория Петровича Шаховского. Шаховской, приехав в Путивль, собрал жителей и объявил им, что царь Дмитрий жив и скрывается от врагов. Путивльцы немедленно восстали против Шуйского, их примеру последовали другие северские города. Воевода Черниговский Андрей Телятевский также пристал к ним. Начались волне-

ния в самой Москве. Однажды, идя к обеду, Василий увидел множество народа у дворца; толпу возбудили известием, что царь будет говорить с народом. Шуйский остановился и, плача от досады, сказал окружающим его боярам, что им не нужно выдумывать коварных средств, если хотят от него избавиться, что, избрав его царем, могут и низложить его, если он им неугоден, и что он оставит престол без сопротивления. Потом, отдав им царский посох и шапку, продолжал: "Если так, выбирайте, кого хотите". Бояре стали уверять, что они верны в своем крестном целовании. "Так наказывайте виновных", — сказал Шуйский. Те уговорили народ разойтись. Пятерых крикунов схватили, высекли кнутом и сослали.

Столица на некоторое время успокоилась, но на Украине события закручивались не на шутку. Здесь никогда не было недостатка в удалых и отважных людях. Теперь же их явилось даже с избытком. Войска, собранные под Ельцом, избрали предводителем Истому Пашкова и присягнули все до единого стоять за законного царя Дмитрия. В то же время из Польши явился Иван Болотников и объявил, что виделся за границей со спасшимся Дмитрием и что тот поручил ему возглавить восстание. Шаховской дал ему начальство над войском. Болотников вскоре доказал, что в нем не ошиблись. С 1300 казаков он пришел под Кромь и наголову разгромил пятитысячный царский отряд. С этого времени его имя стало широко известно и множество ратных людей стали стекаться под его знамена. Грамоты Болотникова произвели мятеж, охвативший Московскую землю подобно пожару. В Веневе, Туле, Кашире, Алексине, Калуге, Рузе, Можайске, Орле, Дорогобуже, Зубцове, Ржеве, Старице целовали крест Дмитрию. Дворяне Ляпуновы подняли именем Дмитрия всю Рязанскую землю. Возмущился Владимир со всей землей. Во многих поволжских городах и отдаленной Астрахани провозг-

Патриарх Гермоген

ласили Дмитрия царем. Из крупных городов только Казань, Нижний Новгород, Великий Новгород и Псков сохранили верность московскому царю. А из окраинных городов сильное усердие к Шуйскому показал Смоленск. Жители его не любили поляков и не ждали ничего хорошего от царя, посаженного ими.

Осенью 1606 года Болотников двинулся походом на Москву. Города сдавались ему один за другим. 2 декабря он был уже в селе Коломенском. К счастью для Шуйского, в армии Болотникова произошел раскол. Дворяне и дети боярские, недовольные тем, что холопы и крестьяне хотят быть равными им, не видя при том Дмитрия, который мог бы разрешить между ними споры, стали убеждаться, что Болотников их обманывает, и начали отступать от него. Братья Ляпуновы первые подали этому пример, прибыли в Москву и поклонились Шуйскому, хотя терпеть не могли его. Болотников был разбит юным

князем Михаилом Васильевичем Скопин-Шуйским и ушел в Калугу.

Избавившись от осады, Шуйский по совету патриарха Гермогена пригласил в Москву бывшего патриарха Иова. Тот приехал в феврале 1607 года, простил и разрешил всех православных христиан от клятвы, наложенной им за нарушение крестного целования Борису. Еще прежде гробы с телами Годуновых были перевезены в Троице-Сергиев монастырь и там погребены. Этими поступками царь хотел примириться с прошлым и тем придать своей власти более законности. Но с наступлением лета силы Болотникова опять начали увеличиваться пришедшими казаками. Явился новый самозванец, родом муромец, незаконный сын "посадской женки" Илейка, ходивший прежде с бурлаками по Волге. Он назвал себя царевичем Петром, небывалым сыном царя Федора Ивановича. Узнав, что войско Петра идет к Калуге, князь Мстиславский, осаждавший здесь Болотникова, отступил. Болотников пошел к Туле и соединился с Петром. Тогда Шуйский принял меры решительные: разосланы были строгие приказы собираться отовсюду служилым людям, монастырские и церковные вотчины должны были также выставить ратников, и таким образом собралось до 100 000 человек, которыми царь решил предводительствовать сам. 5 июня 1607 года на реке Восме он встретил объединенную армию мятежников. Целый день шло упорное сражение, и Шуйский одержал победу. По некоторым известиям дело решилось тем, что князь Телятевский с 4000 сподвижников перешел на сторону царя. Шаховской, Болотников и царевич Петр отступили в Тулу, а Шуйский начал осаду. Осажденные два раза отправляли гонца в Польшу, к друзьям Мнишека, чтобы те постарались немедленно выслать какого-нибудь Лжедмитрия. Но самозванец нашелся сам собой.

В начале июня явился в Стародуб подозрительный молодой человек, который

назвался родственником Нагих и всюду распространял слухи, что Дмитрий жив. Когда же стародубцы подступили к нему с решительными вопросами, он самого себя объявил Дмитрием. Кто был этот Лжедмитрий, неизвестно. Все, кто знаком был с первым Дмитрием, дружно свидетельствуют, что второй нисколько не походил на него ни внешностью, ни характером. Это был человек грубый, невежественный, жестокий и хитрый. Все повадки изобличали в нем темного авантюриста, недаром в народе он получил прозвище Вора. Около самозванца быстро стала собираться дружина, над которой он поставил начальником пана Маховецкого.

Тем временем Шуйский находился под Тулой. Некто Кровков предложил царю затопить город, запрудив реку Упу. Сначала Шуйский с боярами смеялись над этим предложением, но потом дали волю Кровкову. Тот велел каждому из ратных людей принести по мешку с землей и начал перекрывать реку. В городе начался голод, и Болотников с Петром пошли на переговоры с царем, соглашаясь сдать город, если Василий обещает им помилование. Шуйский обещал пощаду. 10 октября 1607 года Тула сдалась. Петра повесили немедленно. Болотникова сослали в Каргополь и там утопили. Шаховского сослали на Кубенское озеро в глухой монастырь.

***

Шуйский с торжеством возвратился в Москву, хотя знал уже о явлении нового самозванца. Состояние войска не позволяло ему продолжить поход. К тому же он хотел воспользоваться передышкой и женился на княжне Марье Петровне Буйносовой-Ростовской, с которой обручился еще при жизни Дмитрия. Свадьбу отпраздновали 17 января 1608 года. Псковский летописец пишет, что старый царь страстно влюбился в свою молодую жену и ради ее прихотей стал пренебрегать государственными делами.

Весной самозванец двинулся на Москву. Гетманом у него уже был известный в

Польше авантюрист князь Рожинский. Повторилось то же, что было прежде с первым Дмитрием и Болотниковым, — город за городом сдавались самозванцу без сопротивления, а царские войска, имевшие огромный численный перевес, терпели только поражения. 1 июня войско приблизилось к столице и стало лагерем в Тушино. На этом активные боевые действия прекратились. Шуйский, как видно, боялся оставить столицу, население которой находилось в постоянном брожении, и вместе с тем не доверял воеводам, боялся поставить все, что имел, на карту, избегал решительного сражения и держал все войско при себе. В этих обстоятельствах царь мог рассчитывать скорее на помощь иноземцев, чем на русских. Поэтому он отправил в Новгород своего племянника князя Михаила Скопина-Шуйского, поручив ему вступить в переговоры со шведским королем Карлом IX, давним врагом Польши. Но и здесь дела шли крайне медленно. Царь бессилён был остановить смуту.

Однако прошло некоторое время, и народ опять обратился к Шуйскому, как к единственной силе, которая могла гарантировать хоть какой-то порядок. Первые предвестники этого перелома обозначились уже осенью 1608 года. Так, отделившиеся от самозванца поляки Лисовский и Сапега, осадили Троицкий монастырь, но встретили под его стенами ожесточенное сопротивление. Примеру знаменитой Сергиевой обители стали следовать и другие города, сначала робко, но потом все более увереннее. Этому в немалой степени способствовали бесчинства тушинцев. Многочисленные шайки казаков бродили тогда по всей русской земле и именем Дмитрия творили такие чудовищные преступления, перед которыми бледнели воспоминания об опричнине Грозного. Прежде других возвратились под власть Шуйского северные города: Галич, Кострома, Вологда, Белоозеро, Устюжна, Городец, Бежицкий Верх, Кашин. К ним присоеди-

нились Владимир и Ярославль. Не ограничившись изгнанием тушинцев, города вступали между собой в переписку, заключали союзы и собирали войска на свой счет.

Шуйский чутко уловил эту перемену в общественном сознании и в своих грамотах стал обращаться прямо к землям, с увещанием сохранять единство, собираться всем вместе. "А если вскоре не соберутся, — писал он, — а станут все врозь жить и сами за себя не станут, то увидят над собою от воров конечное разорение, домам запустение, женам и детям поругание; и самим себе будут, и нашей христианской вере, и своему отечеству предатели".

В Москве положение Шуйского было непрочным. В народе его не любили, но не хотели и менять на кого-нибудь другого. Вот почему не увенчались успехом все попытки свергнуть его с престола. Первая такая попытка была сделана еще 17 февраля 1609 года. Заговорщики в числе до 300 человек, во главе с Григорием Сунбуловым, князем Романом Гагариным и Тимофеем Грязным, обратились к боярам с требованием свергнуть Шуйского. Но бояре не взялись за это дело и разбежались по домам ждать конца переворота. Один только боярин князь Василий Голицын явился на площадь. Заговорщики кинулись за патриархом в Успенский собор и потребовали, чтобы тот шел на Лобное место. Гермоген не хотел идти, его притащили насильно и поставили на Лобное место. Заговорщики опять стали кричать народу, что Шуйский избран незаконно одними своими потаковниками, без согласия земли, что кровь христианская льется за человека недостойного и ни на что не потребного, глупого, нечестивого, пьяницу и блудника. Но вместо одобрительных кликов заговорщики услышали из толпы слова: "Сел он, государь, на царство не сам собою, выбрали его большие бояре и вы, дворяне и служилые люди, пьянства и никакого неистовства мы в нем

М. В. Скопин-Шуйский

не знаем; да если бы он, царь, вам и не-угоден был, то нельзя его без больших бояр и всенародного собрания с царства свести". Тогда заговорщики стали кричать: "Шуйский тайно побивает и в воду сажает братию нашу, дворян и детей боярских, жен и детей, и таких побитых две тысячи". Патриарх спросил их: "Как же это могло статься, что мы ничего не знаем? В какое время и кто именно погиб?" На это заговорщики ничего не могли ответить вразумительного и стали читать грамоту: "Князя-де Василия Шуйского одной Москвой выбрали на царство, а иные города и того не ведают, и князь Василий Шуйский нам на царстве не люб и для него кровь льется и земля не умирится: чтоб вам выбрать на его место другого царя?" Патриарх отвечал: "До сих пор Москве ни Новгород, ни Казань, ни Астрахань, ни Псков и ни которые города не указывали, а указывала Москва всем городам; и что кровь льется, то это делается по воле Божьей, а не по хотению вашего царя". Сказав это, Гермоген отправился домой. Заговорщики, не нашедшие ни у кого поддержки, не могли его удержать. Они с криками и руганью бросились во дворец, но Шуйский не испугался, он вышел к ним и с твердостью спросил: "Зачем вы, клят-

вопреступники, ворвались ко мне с такой наглостью? Если хотите убить меня, то я готов, но свести меня с престола без бояр и всей земли вы не можете". Заговорщики, видя везде неудачу, бежали в Тушино, к Вору.

Весной в Москве кончился хлеб. Новый из-за осады подвезти было невозможно. Продукты вздорожали, от чего брожение в столице еще усилилось. По свидетельству современников, дети боярские, а также черные люди приходили к царю с криком и воплем, говоря: до чего досидимся? Хлеб дорожает, а промыслов никаких нет!

Чтобы сбить цены, Шуйский убедил Троицкого келаря Авраамия Палицына пустить в продажу по два рубля хлеб из богатых житниц его монастыря, находившихся в Москве. Понижение цены на хлеб несколько успокоило народ. К тому же как раз в это время Михаил Скопин-Шуйский с новгородским ополчением и большим шведским отрядом генерала Делагарди выступил на помощь Москве. Одновременно вверх по Волге по направлению к Москве двинулся из Астрахани боярин Федор Шереметьев. Судьба самозванца должна была вот-вот решиться, но перед Василием вставали уже новые проблемы.

В сентябре 1609 года польское войско под командованием короля Сигизмунда осадило Смоленск. К внутренней смуте прибавилась война внешняя. Поначалу, правда, это более отразилось на положении самозванца. Король прислал в Тушино строгое повеление ко всему польскому рыцарству идти к нему на помощь. Вожди тушинских поляков долго были в нерешительности, как им поступить. С самозванцем перестали считаться, в глаза честили его мошёнником и обманщиком. В декабре самозванец тайком уехал в Калугу. После этого часть тушинцев поехала за ним, другие явились в Москву с повинной. В январе 1610 года Скопин отбросил Сапегу от Троицкого монастыря, а в марте Рожинский поджег Тушинский лагерь и

поехал с оставшимися людьми к Сигизмунду. Так Москва освободилась от Тушина. 12 марта Скопин и Делагарди торжественно въехали в столицу. Шуйский встретил племянника с радостными слезами, хотя прежде их не раз старались поссорить.

Сам Василий не имел детей, но зато имел двоих братьев. Старший после него — Дмитрий — считал себя наследником престола. Однако народной любовью из всего рода Шуйских пользовался лишь Михаил Скопин-Шуйский. Русские люди в нем одном видели спасение государства, на него лишь возлагали свои надежды и не чаяли для Василия другого наследника. По свидетельству современников, это был красивый молодой человек, обнаруживавший светлый ум, зрелость суждений не по летам, в деле ратном искусный, храбрый и вместе с тем осторожный, ловкий в обхождении с иноземцами. Еще до приезда в Москву Ляпунов попробовал провозгласить его царем, но князь Михаил с негодованием отказался. После этого князь Дмитрий Шуйский всеми силами старался эгоговорить Скопина перед братом. Но Василий или был уверен в скромности племянника, не считая его соперником себе, или, побуждаемый благоразумием, не начинал вражды с любимцем народа, сердился на брата за докучливые наветы и даже, говорят, однажды прогнал его от себя палкой. В самом деле, любимый и почитаемый народом племянник должен был поддержать его на шатком троне. Но и в этом, как и во многом другом, Шуйскому суждена была неудача. 23 апреля, на крестинах у князя Ивана Михайловича Воротынского, князь Скопин занемог кровотечением из носа и после двухнедельной болезни умер. Пошел всеобщий слух о том, что его отравили, называли даже и отравительницу — княгиню Екатерину Шуйскую, жену князя Дмитрия. Даже если обвинения были несправедливы, смерть Скопина стала тяжелым и решительным ударом для Шуйского. И

Патриарх Филарет. Портрет из "Титулярника" 1672 г.

прежде в нем видели царя несчастного, Богом не благословленного; но Скопин примирил царя с народом, дав последнему твердую надежду на лучшее будущее. И вот этого примирителя более не было, и, что хуже всего, шла молва, будто сам царь из зависти и злобы лишил себя и все царство крепкой опоры.

Приутихшая было смута поднялась с новой силой. Прокопий Ляпунов поднял против Василия всю Рязанскую землю. 24 июня князь Дмитрий Шуйский, шедший с войском на помощь Смоленску, был наголову разбит гетманом Жолкевским у Клушина. Самозванец, укрепивши в Калуге свою армию, вновь двинулся на Москву, взял Серпухов, Каширу и 11 июля встал у села Коломенского.

Прокопий Ляпунов писал брату Захару в Москву, что более нельзя терпеть Шуйского на троне, необходимо низложить его. Захар вместе с князем Василием Голицыным стал сноситься с полководцами самозванца. Условились, что москвичи све-

дут Шуйского с царства, а тушинцы отступятся от своего Вора. 17 июля Ляпунов с товарищами и большой толпой ворвался во дворец и стал говорить Шуйскому: "Долго ли за тебя будет литься кровь христианская? Земля опустела, ничего доброго не делается в твоё правление, сжался над гибелью нашей, положи посох царский, а уж мы о себе как-нибудь промыслим".

Шуйский отвечал: "Смел ты мне вымолвить это, когда бояре мне ничего такого не говорят" — и выхватил нож. Ляпунов, раздосадованный этим противодействием, хотел, кажется, ударить царя, но другие не дали ему этого сделать. Оставив Василия, Ляпунов отправился на Красную площадь, где уже собирался народ. Решено было идти к Серпуховским воротам, где больше места, и здесь решать всем народом, что дальше делать. После долгих речей бояре и всякие люди приговорили: бить челом государю Василию Ивановичу, чтоб он, государь, царство оставил для того, что кровь многая льется, а в народе говорят, что он, государь, несчастлив и горд и города украинские, которые отступили к Вору, его, государя, на царство не хотят.

В народе сопротивления не было. Сопротивлялись немногие бояре, но недолго, сопротивлялся патриарх, но его не послушали. Во дворец отправился царский свояк, князь Воротынский, и объявил Шуйскому приговор собора: "Вся земля бьет тебе челом; оставь своё государство ради междоусобной брани, затем, что тебя не любят и служить тебе не хотят". На эту просьбу, объявленную от имени всего московского народа, Василий должен был согласиться. Он положил царский посох и немедленно выехал из Кремля вместе с женой в свой прежний боярский дом.

Однако на другой день оказалось, что тушинцы обманули и не отступились от самозванца. Узнав об этом, Шуйский воспрянул духом и послал денег московским стрельцам, надеясь, что те опять возведут его на престол. Патриарх также тре-

бовал, чтобы Шуйский вернулся во дворец. Но Ляпунов и другие зачинщики не могли согласиться на это. 19 июля Ляпунов с четырьмя товарищами и монахами Чудова монастыря пришел в дом Шуйского и объявил, что для успокоения народа тот должен постричься. Шуйский наотрез отказался. Тогда пострижение совершили насильно. Старика держали во время обряда за руки, а князь Тюфякин произносил вместо него монашеские обеты, сам же Шуйский не переставал повторять, что не хочет пострижения.

Пострижение это, как насильственное, не могло иметь никакого значения, и патриарх не признал его: он называл монахом князя Тюфякина, а не Шуйского. Несмотря на то, невольного постриженника свезли в Чудов монастырь, постригли также и жену его, а братьев посадили под стражу.

Свергнув Шуйского, боярская дума завязала переговоры с гетманом Жолкевским и в конце концов должна была согласиться на избрание русским царем королевича Владислава. Жолкевский распорядился и насчет Шуйского. По настоянию гетмана его отправили в Иосифов Волоколамский монастырь, а братьев его — в Белую. Царицу Марию заключили в Суздальском Покровском монастыре. Обоим дозволено было ходить в мирском платье.

В конце октября гетман выехал из Москвы, взяв с собою по просьбе бояр Василия и его семью. 30 октября он торжественно въехал в королевский лагерь под Смоленском. В тот же день Жолкевский представил Сигизмунду Василия и его братьев. Говорят, что, когда от Шуйского требовали, чтобы он поклонился королю, он отвечал: "Нельзя Московскому и всея Руси государю кланяться королю: праведными судьбами Божиими приведен я в плен не вашими руками, но выдан московскими изменниками, своими рабами".

В октябре 1611 года, по взятии Смоленска, королю устроили почетный въезд в Варшаву. Во главе русских пленников везли и пленного царя. Когда всех троих

Шуйских поставили перед королем, Василий дотронулся рукой до земли и поцеловал эту руку. Потом Шуйский был допущен к руке короля. Было это зрелище великое, удивительное и жалость производящее, говорят современники. Хотя Юрий Мнишек требовал суда над Шуйским за убийство Дмитрия, сейм отнесся к нему с состраданием. По велению Сигизмунда всех троих братьев заключили в Гостыньском замке под Варшавой. Содержание им определили нескучное, как это видно из списка вещей и одежд, оставшихся после смерти Василия. Похоронили его неподалеку от места заключения. В 1635 году прах Шуйского был перевезен в Москву и погребен в Архангельском соборе.

Современники и потомки не жаловали Шуйского, нет числа обвинениям, которые возводились на него при жизни и после смерти. Между тем нельзя не признать, что в его жизни было немало моментов, когда он проявлял истинную мудрость, мужество и даже величие души. Несчастливая судьба его достойна не столько порицания, сколько жалости и сострадания.

ВАСИЛИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ (кол.12)

Из рода Блудских кн. Сын Константина Ярославича. Кн. Блудский в 1280—1310 гг. † 1310 г.

ВАСИЛИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ (кол.14)

Из рода Ростовских кн. Сын Константина Борисовича. Род. в 1291 г. Кн. Ростовский в 1307—1316 гг. † 1316 г.

ВАСИЛИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ (кол.15)

Из рода Рязанских кн. Сын Константина Романовича. Кн. Рязанский в 1301—1308 гг. † 1308 г. Убит в Орде.

ВАСИЛИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ (кол.15)

Из рода Ростовских-Борисоглебских кн. Сын Константина Васильевича и московской кн. Марии Ивановны. Кн. Ростовский-Борисоглебский в 1365—1375 гг. † ок. 1375 г.

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ (кол.13)

Из рода Тверских вел. кн. Родоначальник *Кашинских князей*. Сын Михаила Ярославича и ростовской кн. Анны Дмитриевны. Род. ок. 1304 г. Кн. Кашинский в 1319—1348 гг. Вел. кн. Тверской в 1349—1368 гг. Ж.: с 1329 г. дочь кн. Брянского Ивана Васильевича, кн. Елена. † 1368 г.

***

В 1346 году, после смерти тверского князя Константина Михайловича, его сын Всеволод поехал в Орду и выхлопотал у хана ярлык на княжение. Между тем Тверское княжество следовало по порядку Василию. Услыхав о смерти брата, он поспешил в Орду, но, зная, что туда незачем ехать с пустыми руками, взял дань с Холмской волости (которая принадлежала как раз его племяннику Всеволоду Константиновичу). Всеволод, узнав о поступке дяди, выехал к нему навстречу вместе с ханским послом и ограбил его. Василий должен был возвратиться в Кашин. Только в 1348 году епископу Федору удалось помирить князей. Всеволод уступил Тверь Василию, и оба укрепились между собой крестным целованием.

Но едва Василий получил из Орды ярлык, он вновь начал сердиться и поминать прошлое. Затем Василий стал притеснять холмских бояр и княжеских слуг. В 1357 году сам митрополит Алексей взялся мирить дядю с племянником. Князья явились во Владимир и много спорили между собой, но конечный мир и любовь не состоялись. Когда же Всеволод вздумал жаловаться на дядю хану, тот выдал его без суда Василию. И было, по словам летописца, Всеволоду от дяди большое томление.

Только в 1360 году под нажимом Ольгерда, князя Литовского, Василий уступил холмскому князю треть его отчины.

После чумной эпидемии 1366 года, во время которой умерли многие тверские князья (в том числе и Всеволод Холмский), между оставшимися в живых начались ссоры из-за вымороченных уделов. Младший брат Всеволода, Михаил Микулинский, завладел в обход Василия уделом покойного кн. Городецкого Семена Константиновича. В 1367 году, в то время как Михаил уехал в Литву, Василий опустошил его волость. Но Михаил возвратился с литовскими полками и захватил в плен жену Василия, многих его бояр и слуг. Затем пошел осаждать Кашин, но по дороге встретил Васильевых послов и заключил мир.

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ **(кол.15)**

Из рода Тверских вел. кн. Сын Михаила Александровича и суздальской кн. Евдокии Александровны. Род. в 1364 г. Кн. Кашинский в 1395—1426 гг. Ж.: 1) с 1384 г. дочь кн. Киевского Владимира Олгердовича, кн. Анастасия; 2) дочь кн. Новгород-Северского Норибута Норимантовича, кн. Анастасия. † 1426 г.

После смерти отца между Василием и его старшим братом, тверским князем Иваном Михайловичем, начались распри и войны. В 1403 году сын Ивана, Александр, выгнал Василия из Кашина. Василий побегал в Москву и при посредстве своего тезки Московского князя Василия I Дмитриевича помирился с братом. Но через год, когда Василий приехал зачем-то в Тверь к Ивану, тот велел схватить его вместе с боярами. Неизвестно, что случилось дальше, но через четыре месяца Василий оказался в Москве, а в Кашине сел наместник великого князя. Василий I дал изгнаннику в кормление Переяславль, но вскоре отнял. Это обстоятельство заставило Василия искать мира с Иваном, который возвратил ему Кашин.

Новая нелюбовь, по выражению летописца, стала между братьями в 1412 году. Иван велел схватить Василия вместе с женой, боярами и слугами; княгиню велел отвезти в Тверь, а самого Василия — в Старицу. Но при переправе через реку Тмаку, когда все провожатые сошли с лошадей, князь в одном терлике, без кивера, погнал свою лошадь вброд, переправился через реку и потом погнал по непроезжим дорогам; в одном селе посчастливилось ему найти преданного человека, который заболтался об нем и укрывал в лесу, перенимая вести, и, улучив наконец удобное время, убежал с князем в Москву.

В это самое время Ивана Тверского вызвали в Орду. Василий, пользуясь отсутствием старшего брата, попытался было овладеть Кашином с татарами, но племянник его Иван Борисович с тверичами не пустил его. В 1426 году Иван умер. Ему один за другим наследовали сначала сын Александр, а потом внук Борис. Сев в Твери, Борис велел схватить Василия. Вскоре Василий умер.

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ **(кол.15)**

Из рода Кашинских кн. Сын Михаила Васильевича и московской кн. Василисы Семёновны. Кн. Кашинский в 1373—1382 гг. † 6 мая 1382 г.

Сразу после смерти отца Василий, по совету бабки и бояр, приехал к Тверскому князю Михаилу Александровичу, с которым кашинские князья находились в родовой вражде, и отдался в его волю. Но уже на следующий год Василий убежал в Москву. В 1375 году вместе с Дмитрием Ивановичем Московским и многими князьями Василий участвовал в походе на Тверь. По мирному договору, заключенному в том же году, Кашинский удел был признан независимым от Твери и отдан под защиту и покровительство Москвы.

Погребен Василий в соборной церкви Воскресения.

ВАСИЛИЙ МСТИСЛАВИЧ (кол.12)

Из рода Смоленских кн. Сын Мстислава Мстиславича Удалого и половецкой княжны. Кн. Торжский в 1217 г. † 1218 г. Погребен в Новгороде в Софийском соборе.

ВАСИЛИЙ РОМАНОВИЧ (кол.15)

Из рода Белозерских кн. Сын Романа Михайловича. Кн. Сугорский. † до 1380 г.

ВАСИЛИЙ СЕМЕНОВИЧ (кол.16)

Из рода Суздальских и Нижегородских вел. кн. Сын Семена Дмитриевича. Кн. Суздальский в пер. пол. XVI в.

ВАСИЛИЙ СЕМЕНОВИЧ **Түлүп** (кол.19)

Из рода Можайских кн. Сын Семена Ивановича. Кн. Стародубский.

Василий питал наследственную неприязнь к своему соседу князю Новгород-Северскому, Василию Ивановичу Шемякину, и пытался оговорить его перед Василием III. В 1517 году Шемякин ездил в Москву, оправдался во всех наветах, после чего вернулся в свой город и изгнал Василия. Княжество Стародубское было присоединено к Москве.

ВАСИЛИЙ ЮРЬЕВИЧ Косой (кол.17)

Из рода Московских вел. кн. Сын Юрия Дмитриевича и смоленской кн. Анастасии Юрьевны. Род. ок. 1403 г. Кн. Звенигородский в 1434 г. Ж.: дочь кн. Радонежского Андрея Владимировича. † 1448 г.

В 1433 году Василий с братом Дмитрием Шемякой пировал на свадьбе свое-

го двоюродного брата великого князя Василия Васильевича. На свадьбу он приехал в богатом золотом поясе, усаженном дорогими камнями. Старый боярин Петр Константинович рассказал историю этого пояса матери великого князя, Софье Витовтовне. История весьма любопытна: пояс этот был дан суздальским князем Дмитрием Константиновичем в приданое за дочерью Евдокией, шедшей замуж за Дмитрия Донского; последний московский тысяцкий Василий Вельяминов подменил этот пояс другим, меньшим, а настоящий

Князь Василий Косой. Роспись Архангельского собора Московского Кремля XVII в.

отдал своему сыну Микуле, за которым была другая дочь князя Суздальского, Марья. Микула Вельяминов отдал тот пояс также в приданое за своей дочерью боярину Ивану Дмитриевичу Всеволожскому; тот передал пояс за своей дочерью князю Андрею, сыну Владимира Андреевича, а по смерти Андреевой — Василию Косому, обручив его со своей внучкой, дочерью Андрея. В этом поясе Василий и явился на свадьбу великого князя. Узнав об этом, Софья Витовтовна при всех сняла с князя пояс как собственность своего семейства, незаконно перешедшую в чужое. Юрьевичи, оскорбленные таким позором, тотчас выехали из Москвы, и это послужило поводом к новой войне между их отцом Юрием Дмитриевичем и Василием II.

Василий участвовал в битве на Клязьме, после которой Василий II попал в руки Юрия (1433 год). Юрий, отец Василия Косого, стал великим князем. Чтобы избавиться от опасного соперника, Косой предлагал немедленно расправиться с ним. Но Юрий отдал племяннику в удел Коломну. Так посоветовал ему боярин Семен Морозов. Однако едва Василий II прибыл в Коломну, как начал призывать к себе отовсюду людей. Тогда Косой и Шемяка, видя, что их опасения сбываются, обратили свою ярость на главного виновника отцовской ошибки и убили Семена Морозова в дворцовых сенях, приговаривая: "Ты злодей, крамольник! Ты ввел отца нашего в беду и нам издавна крамольник и лиходей". Избегая отцовского гнева, убийцы удалились из Москвы в Кострому. Соединившись здесь с вятчанами и галичанами, они разбили московское войско на реке Куси. В 1434 году Василий и Дмитрий соединились с отцом и в Ярославской области у св. Николы на горе еще раз разбили Василия II. Великий князь бежал, а Юрий начал княжить в Москве. В том же году он умер, и московский престол занял Василий Косой.

Но брат его — Шемяка — не захотел признавать нового князя и помирился с

Василием II. Оставшись один, Косой был изгнан из Москвы и лишен удела. Он бежал в Новгород Великий, но скоро выехал оттуда, разграбив по дороге берега Мсты, Бежецкий Верх и Заволочье. В 1435 году он успел собрать войско в Костроме и встретился с великим князем Василием II в Ярославской волости, на берегу Которосли, между Кузьминским и Великим селом. Победа осталась за москвичами. Василий бежал в Кашин и, собравшись здесь с силами, внезапно напал на Вологду, где находился великокняжеский гарнизон, захватил воевод и московских дворян и послал за вятчанами, которые не замедлили прийти к нему. Василий II выступил опять к Костроме и встал на мысу между Волгой и Костромой, за которой расположился Косой. Река помешала биться, и двоюродные братья помирились: великий князь отдал Косому в удел Дмитров, Косой же признал Василия старшим братом, обязался не искать великого княжения, обещал отдать казну, увезенную им из Москвы.

Но мир был недолгим: пробыв только месяц в Дмитрове, Косой отправился опять в Кострому, отослав к великому князю разметные грамоты. В Костроме он прожил до зимнего пути и отправился к брату в Галич, отсюда к Устюгу, куда пришли к нему вятчане; не сумев взять устюжской крепости Глодена силой, Косой взял ее по договору, но, нарушив его, убил московского воеводу князя Оболенского, повесил десятильника владыки ростовского и перебил и перевешал многих устюжан. Василий II пошел на Косого со всей силой московской. Противники встретились в Ростовской области при селе Скорятине. Косой не надеялся одолеть соперника силой и решил употребить коварство: заключил с великим князем перемирие до утра, а когда Василий, понадеявшись на это, распустил свои полки для сбора припасов, внезапно напал на него. Но все равно москвичи одержали победу, и Василий Косой попал в плен. Его отвезли в Москву и ослепили.

ВАСИЛИЙ ЮРЬЕВИЧ Шуйский (кол.17)

Из рода Суздальских и Нижегородских вел. кн. Сын Юрия Васильевича. Кн. Шуйский и Суздальский в первой пол. XV в. † ок. 1446 г.

ВАСИЛИЙ ЯРОСЛАВИЧ Мзинный (кол.11)

Из рода Владимиро-Суздальских вел. кн. Сын Ярослава II Всеволодовича и смоленской кн. Ростиславы Мстиславовны. Род. в 1236 г. Кн. Костромской в 1247—1276 гг. Вел. кн. Владимирский в 1272—1276 гг. Кн. Новгородский в 1273—1276 гг. † 1276 г.

В 1271 году, когда разгорелся конфликт между вел. кн. Ярославом Ярославичем и новгородцами, Василий, из соперничества с братом, принял сторону новгородцев: сам поехал в Орду, сказал хану, что новгородцы правы, а Ярослав виноват, и возвратил с дороги татарскую рать, которая уже отправлена была против новгородцев. Ярослав Ярославич вынужден был помириться с новгородцами, сам поехал в Орду и умер в 1272 году на обратном пути. Великое княжение перешло Василию, но в Новгороде, против его ожидания, сел сын Невского, Дмитрий. Татищев пишет, что Василий требовал уничтожения грамот, данных новгородцам Ярославом Ярославичем, а Дмитрий согласился княжить по всей воле новгородской. Но Василий не думал уступать своих прав: с татарами и тверичами он повоевал новгородские волости, взял Торжок, пожег хоромы, посадил своего тиуна. Торговля с Суздальской землей прекратилась, купцов новгородских перехватывали, и хлеб сильно вздорожал в городе. Зимой 1273 года новгородцы стали открыто выражать свое недовольство, и Дмитрий, не дожидаясь изгнания, добровольно уехал в свой Переяславль, а Василий сел на столе Новгородском. Судя по обстоятельствам, можно предположить, что все требования Василия были исполнены.

При Василии в 1275 году прошла третья перепись на Руси, проведенная по велению хана Менгу-Тимура. В этот год Василий ездил в Орду. Вернувшись домой, он вскоре умер и погребен был в Костроме, в церкви св. Феодора. Татищев пишет, что Василий привез Менгу-Тимуру русскую дань, а хан, недовольный ею, велел вновь переписать все народонаселение.

ВАСИЛИЙ ЯРОСЛАВИЧ (кол.17)

Из рода Серпуховских кн. Сын Ярослава Владимировича и Марии Федоровны Кошкиной. Кн. Серпуховской и Боровский в 1427—1456 гг. Ж.: 1) Мария Ивановна; 2) неизвестная. † 1483 г.

В 1446 году, после ослепления Василия II, Василий Ярославич бежал в Литву и получил там в кормление Брянск, Гомель, Стародуб и Мстиславль. Вокруг него собрались многие русские изгнанники, недовольные Шемякой. Решено было идти на Углич, освободить заточенного здесь великого князя. Но вскоре пришла весть, что Василий II уже выпущен и ему отдана Вологда. Василий Ярославич поспешил к нему на помощь и соединился с ним в Угличе. Москва уже была взята приверженцами Василия II. Видя такой оборот дела, Дмитрий Шемяка стал искать мира и выбрал в качестве посредника Василия Ярославича. Тому удалось помирить московских князей. За свои услуги Василий в 1447 году получил Дмитров и еще несколько волостей.

В 1454 году, по изгнании Можайского князя Ивана Андреевича, Василий II пожаловал Василию Звенигород. Но в 1456 году Василий Ярославич был внезапно схвачен в Москве и заточен в Углич, откуда после был отвезен в Вологду, где и умер. Летописцы не объявляют вины Василия Ярославича, одна только Степенная книга говорит: "за некую крамолу". Той же участи подверглись его младшие дети.

Один его старший сын Иван вместе с матерью бежал в Литву. Серпуховское и Боровское княжество были присоединены к Москве.

ВАСИЛЬКО БРЯЧИСЛАВИЧ (кол.11)

Из рода Витебских кн. Сын Брячислава Васильковича. Кн. Витебский в 1180 г.

ВАСИЛЬКО ВОЛОДАРОВИЧ (кол.10)

Из рода Минских кн. Сын Володаря Глебовича. Кн. Лагожский ок. 1190 г.

ВАСИЛЬКО КОНСТАНТИНОВИЧ (кол.11)

Из рода Ростовских кн. Сын Константина Всеволодовича и смоленской кн. Агафии Мстиславовны. Род. 7 дек. 1209 г. Кн. Ростовский в 1218—1238 гг. Ж.: с 10 февр. 1227 г. дочь кн. Черниговского Михаила Всеволодовича, кн. Мария. † 1238 г.

#

Еще при жизни Константин Всеволодович посадил юного Василька в Ростове, наказав ему во всем слушаться дядю Юрия Всеволодовича, с которым Константин воевал всю жизнь и помирился лишь незадолго до смерти. Вскоре после этого он умер, и Юрий Всеволодович, сев во Владимире, оставил племянника княжить в Ростове. Помня наказ отца, Василько во всем слушался дяди и все делал по его воле. В 1238 году Василько вместе с Юрием бился против татар на Сити. Юрий был убит, а Василько попал в плен. Некоторое время татары возили его с собой. Им очень хотелось, чтобы Василько принял их обычаи и воевал вместе с ними. Но Василько не ел, не пил, чтоб не оскверниться пищей поганых, укоризнами отвечал на их убеждения, и раздосадованные татары наконец убили его. Летописец очень хвалит этого князя: он был

красив лицом, имел ясный и вместе с тем грозный взгляд, был необыкновенно храбр, отважен на охоте, сердцем легок, до бояр ласков; боярин, который ему служил, уже не мог быть у других князей: так Василько любил своих слуг.

Тело Василька позже было погребено в Ростовском храме Божией Матери в одной раке с телом Юрия Всеволодовича.

ВАСИЛЬКО РОМАНОВИЧ (кол.12)

Из рода Владимиро-Волыньских кн. Сын Романа Мстиславича. Род. в 1203 г. Кн. Бельзский в 1207—1210 гг. Кн. Владимиро-Волынский в 1211, 1231—1269 гг. Кн. Пересопницкий в 1227—1238 гг. Кн. Луцкий в 1230 г. Ж.: с 1226 г. дочь вел. кн. Владимирского Юрия Всеволодовича, вел. кн. Добрава († 1265 г.). † 1269 г.

#

По словам историка С.М. Соловьева, в течение всей жизни Даниила Галицкого Василько Романович был его единственным верным союзником. Деяния и судьба их неразделимы вплоть до 60-х годов XIII века. В 1257 году Даниил решил выступить против татарского баскака Куремсы. В 1259 году войско Куремсы подошло к Владимиру, но жители отбились. Однако в 1260 году вместо Куремсы пришел другой баскак, Бурундай, с которым не так легко было справиться. Бурундай передал Даниилу: "Я иду на Литву; если ты мирен с нами, то ступай со мною в поход". Опечаленный Даниил стал думать с сыном и братом: они хорошо знали, что если Даниил поедет к Бурундаю, то не воротится назад и будет наказан за явную войну с Куремсой. Поэтому решили, что Василько поедет вместо брата.

Василько поехал, победил литовцев, а трофей отдал Бурундаю. Это понравилось татарину, и он отпустил Василька. В 1261 году Бурундай опять потребовал к себе Василька и встретил его сильной бранью. Наконец баскак сказал Василь-

ку: "Если вы со мною мирны, то разрушьте все свои города". Нужно было исполнять приказание. Разрушили Данилов, Истожек, Львов, Кременец и Луцк. После поехали к Владимиру. Бурундай приказал разрушить городские укрепления. Василько видел, что такие обширные укрепления нельзя скоро разрушить, и потому велел зажечь их, и горели они целую ночь. Сжегши свой город, Василько должен был на другой день угощать Бурундая в беззащитном Владимире. Но татарину и этого было мало: он потребовал, чтоб рвы городские были распаханы, и это было исполнено. Из Владимира Бурундай и Василько поехали к Холму, любимому городу Даниила; горожане затворились в городе, взять его не было никакой возможности. Бурундай стал говорить Васильку: "Это город брата твоего, ступай, скажи горожанам, чтоб сдались". Василько поехал, и при нем три татарина и толмач, знавший русский язык, — они должны были слушать, о чем Василько будет говорить с холмичами. Но Василько догадался, как сделать: набрал в руки камней и, подъехавши к стенам, начал кричать главным боярам, чтоб сдавались. При этом он три раза ударил камнем о землю, давая этим понять, чтоб не сдавались, а бились с татарами. Бояре поняли знак и, видя татар, для вида грубо отвечали Васильку. Татары рассказали об этом Бурундаю, и тот, не решившись приступить к Холму, отправился опустошать Польшу. В 1263 году вместе со своим племянником Шварном Даниловичем Василько помог утвердиться у власти в Литве князю Войшелку. Это положило начало непродолжительной зависимости Литвы от Волынского княжества.

За несколько лет до смерти, уже после кончины брата, Василько постригся в монахи и свершил на этом поприще немало подвигов. Некоторое время он жил отшельником в дикой, заросшей кустарником пещере. Погребен во Владимире Волынском.

ВАСИЛЬКО РОСТИСЛАВИЧ (кол.8)

Из рода Перемышльских и Галицких кн. Сын Ростислава Владимировича. Род. ок. 1062 г. Кн. Теребовльский в 1085—1124 гг. † 1124 г.

В 1097 году Василько поехал на княжеский съезд в Любеч, близ Киева. Съезд закрепил за ним Теребовль, а за его братом Володаром — Перемышль. Однако князь Давыд Игоревич оклеветал Василька перед киевским князем Святополком Изяславичем. По окончании съезда, 4 ноября, Василько получил от Святополка приглашение на именины. Василько поехал в Киев. По пути повстречал он своего отрока, и тот сказал ему: "Не ходи, князь, хотят тебя схватить". Но Василько не поверил ему, рассудив: "Как это хотят меня схватить? Ведь только что клялись мы на кресте, что будем один за другого?" И решив так, приехал с небольшой дружиной на княжий двор. Тут Василька заперли, сковали двойными оковами и приставили к нему стражу на ночь. В следующую ночь его перевели из Киева в Белгород и отвели в небольшую избу. Сидя там, увидел Василько княжеского слугу, точившего нож, и понял, что хотят его ослепить. Тогда залился он слезами и стал молиться Богу. Вскоре вошли посланные Святополком и Давыдом Сновид Изичевич, конюх Святополков, и Дмитр, конюх Давыдов, и стали расстилать ковер. Разостлав ковер, они схватили Василька и хотели его повалить, но он сопротивлялся им сильно, так что они не могли с ним справиться. На шум прибежали другие слуги и, действуя все вместе, повалили Василька и связали. Потом оба конюха сняли доску с печи, взвалили на грудь пленнику и сели с двух сторон. Но и теперь не могли они удержать Василька. Подошли еще двое других, сняли другую доску с печи и сели, придавив ему плечи, так что грудь захрустела. Подошел торчин по имени Беренди с ножом в руках и, ударив Ва-

силька, вынул глаз. Потом ударил в другой раз и вынул второй. Василько лежал в то время как мертвец. И подняв его на ковре, погрузили на повозку и как труп повезли во Владимир. Здесь Давыд Игоревич заточил пленника на Ванеевом дворе и приставил 30 человек стеречь его.

Весной 1098 года Володарь осадил Давыда Игоревича в Бужске. Давыд отпустил Василька, и Ростиславичи помирились с ним. Но той же весной Василько вместе с Володарем ходил против Давыда к Владимиру. Владимирцы выдали Ростиславичам Давыдовых наушников, которые оговорили перед ним Василька. После этого братья заключили мир во второй раз, а наушников Давыдовых казнили.

Осенью 1099 года Святополк заключил мир с Ростиславичами, целовал им крест. После он начал войну с Давыдом и, прогнав его из Владимира, стал вновь замышлять против Володаря и Василька, так как очень хотел вернуть себе целиком волость покойного брата. Володарь и Василько пошли ему навстречу, и встретились оба войска в поле на Рожни. Василько поднял тогда свой крест и сказал Святополку: "Его ты целовал, когда клялся мне в любви. А потом лишил меня глаз. Ныне же хочешь взять еще и душу мою. Да будет этот крест между нами". Полки сошлись, и начался ожесточенный бой. Вскоре Святополк побежал, а Ростиславичи гнали его до самых пределов своей волости.

В 1121 году Василько отдал всю свою казну полякам, чтобы выкупить из неволи Володаря.

ВАСИЛЬКО СВЯТОСЛАВИЧ (Кол.9)

Из рода Витебских кн. Сын Святослава Все-
славича. Кн. Полоцкий в 1132—1144 г.

В 1129 году Василько вместе с дядей Давыдом, отцом и другими князьями Полоцкими был выслан в Царьград киевским князем Мстиславом Владимировичем. В

1132 году он, неизвестно каким образом, оказался на Руси и, по приглашению положчан, начал княжить в Полоцке.

ВАСИЛЬКО ЮРЬЕВИЧ (кол.9)

Из рода Владимиро-Суздальских вел. кн. Сын Юрия I Владимировича Долгорукого и греческой царевны Ольги. Кн. Суздальский в 1149—1154 гг. Кн. Переславский в 1155—1161 гг.

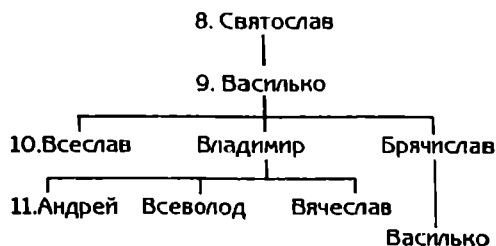
Под 1162 годом встречается известие, что Андрей Боголюбский выгнал свою матреху, княгиню Ольгу, из Владимирской волости вместе с ее детьми. Василько с матерью поехал в Грецию. Император Мануил (отец Ольги ?) дал ему четыре дунайских города. О дальнейшей судьбе Василька ничего не известно.

ВАСИЛЬКО ЯРОПОЛКОВИЧ (кол.11)

Из рода Владимиро-Волыnskих кн. Сын Ярополка Изяславича и новгород-северской кн. Марии Святославны. Кн. Бресто-Дрогичинский ок. 1192 г. Ж. кн. Мазовецкая

ВИТЕБСКИЕ КНЯЗЬЯ

Род русских князей, ветвь *Полоцких князей*. Основан Святославом Всеславичем

В летописях упомянут также кн. Роман Вячеславич Витебский.

ВЛАДИМИР. Кн. Киевский в XIV в.

См. Путивльские князья.

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ (кол.9)

Из рода Рюриковичей. Сын Андрея Владимировича Доброго и половецкой кн., внучки Тугоркана. Род. в 1131 г. Кн. Владимиро-Волынский в 1146—1149 гг. Кн. Брестский в 1153—1157 гг. Кн. Дорогобужский в 1157—1170 гг. † 28 янв. 1170 г. Погребен в Вышгороде, в Андреевском монастыре.

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ Храбрый (кол.15)

Из рода Серпуховских кн. Сын Андрея Ивановича и ростовской кн. Марии Константиновны. Род. 15 июля 1353 г. Кн. Серпуховской в 1358—1410 гг. Кн. Углицкий в 1405—1410 гг. Ж.: с 1371 г. дочь вел. кн. Литовского Олгерда Гедиминовича, вел. кн. Елена († 15 сент. 1437 г.). † 29 авг. 1410 г.

Огромна роль князя Владимира в знаменитой Куликовской битве. Его дружина соединилась с московским войском 20 августа на Оке близ устья Лопасни. 8 сентября, когда началась великая битва, сам Дмитрий Иванович участвовал в ней как простой ратник, а своему двоюродному брату Владимиру поручил командовать засадным полком. Когда татары начали одолевать русских, они глубоко охватили русский строй и стали заходить в тыл, Владимир, переживая поражение русских, говорил московскому воеводе Волынскому Боброку: "Долго ль нам здесь стоять, какая от нас польза? Смотри, уже все христианские полки лежат мертвы". Но Волынский отвечал, что еще нельзя выходить из засады, потому что ветер дует прямо в лицо русским. Через некоторое время ветер переменялся. "Теперь пора!" — сказал Волынский, и засадный полк бросился на татар. Появление свежих сил на стороне русских решило участь битвы: Мамай, стоявший на холме с пятью знатнейшими князьями и смотревший оттуда на сражение, обратился в бегство; русские гнали татар до реки Мечи и овладели всем их станом.

Князь Владимир Храбрый. Роспись
Архангельского собора Московского Кремля
XVII в.

В 1382 году новый ордынский хан Тохтамыш взял Москву, но, узнав, что Владимир стоит близ Волока с большой силой, испугался (особенно после того, как один из татарских отрядов был разбит серпуховчанами) и пошел назад. В 1385 году Владимир с московскими полками был отправлен Донским к Коломне против рязанского князя Олега Ивановича. Но Владимир потерпел поражение, погибло много московских бояр и воевод.

После смерти Донского в 1389 году, в первый год княжения его сына Василия I встречается известие о ссоре великого князя с Владимиром, который выехал из Москвы в Серпухов, а потом в Торжок. Но в начале следующего года мир был заключен. Василий придал к прежней волости дяди еще Волок и Ржеву. Позже был заключен другой договор, по которому

1555 г. кн. Евдокия Романовна Одоевская († дек. 1569 г.) † дек. 1569 г.

Оборона Москвы от войск Тохтамыша.
Миниатюра Лицевого летописного свода

вместо Ржевы и Волока Владимир послал Городец, Углич и Козельск. В 1408 году Василий I поручал Владимиру охранять Москву от Едигея.

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ (кол.18)

Из рода Ростовских-Борисоглебских кн. Сын Андрея Александровича. Кн. Псковский в 1461—1462гг. Кн. Ростовский-Борисоглебский до 1474 г.

Владимир был последним удельным князем Ростовским. В 1474 году он продал Борисоглебскую сторону Ростова Ивану III.

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ (кол.20)

Из рода Московских вел. кн. Сын Андрея Ивановича и кн. Евфросинии Андреевны Хованской. Род. в 1535 г. Кн. Старицкий. Ж.: 1) с 31 мая 1551 г. Евдокия Александровна Нагая; 2) с 28 апр.

В 1536 году, вместе с князем Андреем Ивановичем, были схвачены также его жена княгиня Евфросиния и сын Владимир. В 1540 году по ходатайству многих бояр и митрополита Евфросинию и Владимира освободили из темницы. Сперва им было позволено жить только на дворе князя Андрея, но потом, в праздник Рождества Христова, 25 декабря 1541 года, разрешили приехать во дворец, увидеться с великим князем. Владимиру возвратили отцовский удел, дали бояр и детей боярских, но не отцовских.

В 1552 году Владимир вместе с Грозным ходил под Казань. Как видно, отношения между двоюродными братьями в этот момент были прекрасными. Но в 1553 году Грозный опасно занемог. Ему предложили (вероятно, братья царицы) подписать духовную грамоту (завещание) и взять клятву в верности своему сыну, младенцу Дмитрию, у Владимира и его бояр. Не только сам Владимир, но и многие бояре Ивановы отказались тогда присягать Дмитрию. Когда князь Владимир Воротынский и дьяк Висковатый стали говорить Владимиру, чтоб не упрямился, а послушал бы государя и целовал крест племяннику, Владимир сильно рассердился и отвечал Воротынскому: "Ты б со мной не бранился и не указывал и против меня не говорил". И были между ними и боярами брань и шум. Но к вечеру большая часть бояр все же целовала крест Дмитрию. Иван велел писать целовальную запись и нести ее Владимиру. Владимир прямо отказался целовать крест. Иван сказал ему на это: "Знаешь сам, что станет с твоей душой, если не хочешь креста целовать; мне до того дела нет". Но и эти слова не смутили его двоюродного брата. Отбросив всякое притворство, и сам Владимир, и его мать стали собирать своих детей боярских и раздавать им жалованье. Присягнувшие бояре стали говорить Влади-

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬКОВИЧ
(кол.10)

Из рода Витебских (?) кн. Сын (?) Василька Святославича. Кн. Полоцкий в 1186—1215 гг.

миру, что он и его мать поступают неприлично: государь болен, а они людям своим деньги дают. Владимир сильно рассердился за это на бояр, а те стали его опасаться и перестали пускать к больному государю.

Тем временем Иван еще был жив. Крамольные бояре, не будучи больше в состоянии тянуть с присягой, все целовали крест Дмитрию. Поневоле принудили присягнуть и Владимира, объявив ему, что иначе не выпустят из дворца; к матери его посылали трижды с требованием, чтоб и она привесила свою печать к крестоприводной записи. Княгиня принуждена была покориться, но при этом "много бранных речей говорила".

Иван выздоровел и с этого времени стал относиться к Владимиру с большим подозрением. В 1563 году, говорит летопись, государь положил гнев свой на княгиню Евфросинию и на сына ее: служивший у князя Владимира дьяк Савлук Иванович прислал к царю бумагу, в которой писал многие государские дела, что княгиня Евфросиния и сын ее многие неправды царю чинят и для того держат его, Савлука, в оковах в тюрьме. Царь велел прислать к себе Савлука, по его заявлению было проведено расследование: царь перед лицом митрополита и епископов объявил княгине Евфросинье и ее сыну все их преступления. После этого Евфросиния постриглась в монахини. У Владимира были заменены все бояре и слуги. В 1566 году царь переменял брату удел: вместо Старицы и Вереи дал Дмитров и Звенигород. В декабре 1569 года Грозный вызвал Владимира и его жену к себе в Александровскую слободу и там велел умертвить. В русских летописях нет подробностей о смерти князя Владимира. Иностранцы же противоречат друг другу: по одним словам его отравили, по другим — зарезали, по третьим — отрубили голову. Удел Владимира был присоединен к Москве.

В 1159 году Ростислав Глебович взял Изяславль, схватил Владимира и его брата Брячислава и заточил обоих в Минске. В 1160 году Рогволод Борисович ходил на Минск и заставил отпустить Васильковичей. Из немецких хроник известен Владимир князь Полоцкий, правивший в конце XII — начале XIII века. Не ясно, можно ли его отождествлять с Изяславским князем русских летописей.

В 1186 году в Полоцк приезжал монах августинского ордена Мейнгард. Он испросил позволения Владимира проповедовать христианство в устье Двины среди ливов. Владимир охотно согласился, но в 1203 году, когда ясны стали захватнические цели крестоносцев, внезапно явился перед немецкой крепостью Уксулем и осадил ее; не подготовленные к осаде рыцари предложили ему дань, он взял ее и пошел осаждать другой замок — Гольм, однако епископ Альберт уже успел послать сюда гарнизон, и русские, потеряв много лошадей от стрельбы осажденных, отступили от замка. Вскоре, когда ливы подняли против немцев восстание, Владимир приплыл с войском по Двине и вновь осадил Гольм; по его призыву восстало окрестное население, однако это принесло ему мало пользы при осаде: гарнизон гольмский при всей своей малочисленности наносил сильный вред русскому войску камнестрельными машинами, употребления которых полочане не знали. В разгар осады на помощь Гольму на кораблях прибыли датчане. Потерявший уже много людей Владимир отплыл назад в Полоцк. Эта неудача нанесла страшный удар делу ливов; даже самые упорные из них отправили послов в Ригу требовать священников и крещения; немцы исполнили их просьбу, взяв наперед заложников.

Расправившись с ливами, крестоносцы начали наступление на русских. В 1207 году захватили полоцкий город Кукейнос, а в 1209 году овладели другой крепостью — Герсиком. В 1213 году Владимир встречался с Альбертом в Герсике. Сначала переговоры шли тяжело, но потом Владимир смягчился, уступил Альберту всю Ливонию без всякой обязанности платить дань, с условием союза против литвы и свободного плавления по Двине. Через два года он, видимо, умер, и под 1217 годом в "Истории" Татищева сообщается уже о другом полоцком князе — Борисе Давыдовиче.

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬКОВИЧ (кол.13)

Из рода Владимиро-Волыньских кн. Сын Василько Романовича и владимиристо-суздальской кн. Добравы Юрьевны. Кн. Владимиро-Волыньский в 1269—1289 гг. Ж.: с 1264 г. дочь кн. Брянского Романа Михайловича, кн. Ольга. † 10 дек. 1289 г.

Будучи бездетным, Владимир завещал всю свою волость двоюродному брату Мстиславу Даниловичу. Погребен во Владимире, в Успенском соборе.

ВЛАДИМИР ВОЛОДАРОВИЧ (кол.10)

Из рода Минских кн. Сын Володаря Глебовича. Кн. Минский ок. 1182 г.

ВЛАДИМИР ВСЕВОЛОДОВИЧ Мономах (кол.7)

Из рода Рюриковичей. Сын Всеволода Ярославича и греческой царевны Анны (по другим сведениям — Марии) Константиновны. Род. в 1053 г. Кн. Ростовский в 1066—1073 гг. Кн. Смоленский в 1073—1078 гг. Кн. Черниговский в 1078—1093 гг. Кн. Переяславский в 1094—1113 гг. Вол. кн. Киевский в 1113—1125 гг. Ж.: 1) с 1074 г. Гита, дочь английского короля Генриха 1-го; 2) неизвестная († 8 мая 1107 г.); 3) кн. Евфимия († 11 июня 1126 г.). † 19 мая 1125 г.

С детства Владимир отличался отчаянной храбростью. Уже на закате своей жизни, в "Поучении детям", он вспоминал о бурных днях молодости. "Любя охоту, часто ловил зверей с отцом, — писал он. — Своими руками в густых лесах вязал я диких коней сразу по несколько. Два раза буйный вол метал меня на рогах, олень бодал, лось топтал ногами, вепрь сорвал меч с бедра моего. Медведь пронзил седло; лютой зверь однажды бросился и повалил коня вместе со мной. Сколько раз я падал с лошади! Дважды разбивал себе голову, повреждал руки и ногу, не дорожа жизнью в юности и не щадя головы своей". Он рано привык исполнять сложные, недетские поручения. Будучи всего тринадцати лет от роду, он был отправлен отцом на княжение в далекий Ростов. Затем пошли ратные походы и битвы, которым не было числа.

В сентябре 1078 года, услышав о погроме отца на Сожице, Владимир поспешил к нему на помощь в Переяславль и едва пробился с дружиной сквозь половцев, которых Олег Святославич и Борис Вячеславич в множестве привели на Русь. Всеволод соединился с Изяславом Киевским и приступил к Чернигову, где тогда не было ни Олега, ни Бориса. Черниговцы защищались крепко. Владимир со своей дружиной пробился в восточные ворота города, поджег стены "окольного города", а защитников загнал в Кремль.

3 октября он бился с Олегом и Борисом на Нежатиной Ниве. В этом бою погиб великий князь Изяслав. Всеволод сел на княжение в Киеве, а Владимира посадил подле себя в Чернигове.

В 1079 году Вячеслав Брючиславич Полоцкий разорил Смоленск. Мономах из Чернигова погнался за ним, но не застал под Смоленском, пошел по его следам и повоевал Полоцкую волость. Потом снова пошел с черниговцами к Минску, внезапно напал на город и не оставил здесь ни челядина, ни скотины, по его собственному выражению.

В 1080 году Владимир усмирал переяславских торков. Но гораздо больше неприятностей доставляли Владимиру половцы, с которыми он имел 12 битв в одно только княжение Всеволода. В 1081 году ханы Асадук и Саук воевали под Стародубом. Владимир с черниговцами и ханом Белкатгином напал на них под Новгородом Северским, дружину побил и отнял полон, а вскоре после того, в 1082 году, отправился за Сулу к Прилуку, побил много половцев и среди них двух ханов — Осеня и Сакзю.

В 1084 году Владимир прогнал князей Ростиславичей из Владимира Волынского и посадил туда княжившего ранее Ярополка Изяславича, а затем, когда сам Ярополк поссорился со Всеволодом и стал собирать против него войска, прогнал и его из Владимира, а в Луцке захватил его мать, жену, дружину и все имущество. В 1087 году Ярополк помирился с Владимиром, но вскоре погиб.

В 1093 году Всеволод скончался на руках Владимира. Согласно летописи, Владимир стал думать так: "Если сяду на столе отца своего, то придется мне воевать со Святополком Изяславичем, так как стол этот прежде принадлежал отцу его". И рассудив так, послал Владимир к Святополку в Туров, а сам поехал в Чернигов. Едва утвердившись на киевском престоле, Святополк затеял неудачную войну с половцами, которая закончилась разгромом русских на Стугне. Владимир, потерявший в этом бою брата Ростислава, со слезами привел остатки дружины в Чернигов. В следующем 1094 году Олег Святославич пришел под Чернигов со множеством половцев. Владимир бился с ним восемь дней и не впустил половцев в острог, но, наконец, пожалел христиан, горящие села и монастыри и, сказав: "Не хвалиться поганым", отдал Олегу Чернигов, а сам пошел на стол отца своего в Переяславль. По выезде из Чернигова в дружине его не было и ста человек, считая жен и детей. С нею поехал

Владимир из Чернигова в Переяславль сквозь полки половецкие. Степняки облизывались на них как волки, говорит сам Владимир, но напасть не смели.

В 1096 году Владимир вместе со Святополком ходил войной на Олега Святославича и выгнал его из Чернигова и Стародуба. А затем поспешил обратно в свое княжество, которое разорял половецкий хан Тугоркан. Владимир с ходу ударил по врагу. Половцы бежали, а Тугоркан погиб. Тем временем Олег бился с сыном Владимировым, Изяславом, под Муромом. Молодой князь был разбит и пал в бою. Олег взял Суздаль, Ростов, но вскоре старший сын Владимиров, Мстислав, победил его под Ростовом, вернул обратно все потерянное, а потом взял Рязань и Муром. Свершив все это, он стал уговаривать отца помириться с Олегом, и Владимир написал Олегу письмо, предлагая мир. В 1097 году Святополк и Владимир Мономах собрали всех русских князей в Любече для установления мира. Князья говорили друг другу: "Зачем губим Русскую землю, навлекая сами на себя ссоры? А половцы землю нашу расхищают и радуются, что нас раздрают уособицы. Объединимся же и с этих пор будем чистосердечно охранять Русскую землю. И пусть каждый владеет отчиной своей". На том все князья целовали друг другу крест, поклявшись: "Если теперь кто покусится на чужую волость, да будет против него крест честной и вся земля Русская". Так порешив, все разошлись восвояси. Но не успели князья разъехаться, Святополк Изяславич и Давыд Игоревич захватили Василья Ростиславича, отвели в оковах в Белгород и там ослепили. Зачинщиком всего злодеяния был Давыд. Владимир, узнав об этом, пришел в ужас и тотчас послал за Давыдом и Олегом Святославичами и выступил против Святополка. Киевляне послали к Владимиру его мачеху, а с ней митрополита Николу, чтобы они умоляли князя не начинать новой уособицы и не разорять Русской земли. Выслу-

шав их, Владимир опечалился и сказал: "Воистину, отцы и деды наши сохранили землю Русскую. Мы же хотим ее погубить". И внял мольбам княгини. После того князь начали пересылаться грамотами и помирились со Святополком. С Давыдом же Игоревичем Святополк и Ростиславичи воевали еще три года и наконец в августе 1100 года вынудили его явиться на княжеский суд в Витичев. Сюда же приехали Владимир Мономах, Святополк, Давыд и Олег Святославичи. Обвинял Давыда Владимир. Давыду нечего было отвечать на его слова, и князь уговорились отнять у него Владимир Волынский и посадить в Бужске.

В 1103 году Владимир Мономах уговорил Святополка Изяславича идти большим походом на половцев. К двум старшим князьям присоединились и другие. Половцы ожидали русское воинство, но были наголову разбиты в сражении. Однако война с половцами еще далеко не закончилась. В 1107 году Боняк захватил конские табуны у Переяславля; потом пришел со множеством других ханов и встал на Суле. Святополк, Владимир, Олег с четырьмя другими князьями ударили на них внезапно, с криком; половцы испугались, от страха не могли и стяга поставить и бежали: кто успел схватить лошадь — на лошади, а кто пешком. Князья гнали их до берегов Хорла и взяли неприятельский стан. В том же году Мономах и Святополк вступили с ханами Аепой Осеневечем и Аепой Гиргенивичем, помирились с ними и взяли их дочерей замуж за своих сыновей. В 1110 году Мономах, Святополк и Давыд Святославич опять ходили на половцев, но поход кончился ничем — князья дошли до Воиня и возвратились назад, из-за стужи и конского падежа. Но в следующий 1111 год по инициативе Мономаха князья пошли в поход на половцев к Дону. Здесь были Владимир Мономах, Святополк Изяславович и Давыд Святославич со своими сыновьями. Как и восемь лет назад

предприятие завершилось полным успехом, и князья возвратились с большим полоном.

Этот поход был последним крупным событием в княжение Святополка Изяславича. После Пасхи он разболелся и скончался 16 апреля 1113 года. 17 апреля киевляне собрались на вече и послали к Владимиру Мономаху, говоря: "Пойди, князь, на стол отцовский и дедовский". Владимир сильно печалился о смерти Святополка, но не пошел в Киев. Киевляне же разграбили двор тысяцкого Путятя, напали на евреев, живших в Киеве, и разграбили их имущество. Мятеж начался из-за того, что киевляне были сильно притесняемые ростовщиками. Бояре, боясь, что без князя не справятся с народом, послали еще раз просить к Владимиру: "Пойди, князь, в Киев. Если же не пойдешь, то много зла произойдет. Не только Путятин двор, или сотских, или евреев пограбят, но нападут еще и на невестку твою, и на бояр, и на монастыри". Услышав это, Владимир отправился в Киев и сел на великокняжеском престоле. Все люди были рады этому, и мятеж улегся. Желая облегчить судьбу малоимущих, Мономах собрал на Берестовском дворе знатнейших бояр и тысяцких и, посоветовавшись с ними, определил, что заимодавец, взяв три раза с одного должника так называемые третные росты (проценты), лишался уже и остальных своих денег (или капитала). Мономах включил этот закон в устав Ярослава.

В 1116 году Владимир со своими сыновьями, а также Давыдом Святославичем и сыновьями Олега Святославича ходил против Глеба Всеславича Минского. Глеб запросил мира, вышел из города с детьми и дружиной и обещал во всем слушаться Владимира. (В 1120 году за новую провинность Глеба вывели из Минска и привели в Киев в оковах.) В 1118 году Владимир с другими князьями ходил к Владимиру-Волынскому против Ярослава Святополчича и помирился с ним после двухмесячной осады. Но мир длился

недолго. Ярополк выгнал от себя жену, дочь Мономахову, и, соединившись с поляками, начал новую войну с тестем. Владимир в 1119 году во второй раз пошел на Ярополка и выгнал его из Владимира Волынского, который отдал своему сыну Роману.

Прокняжив в столице тринадцать лет, Владимир скончался 19 мая 1125 года и был погребен в Киевской Софии рядом с гробом отца. И современники, и потомки весьма прославляли его имя, ибо это был князь, много потрудившийся за Русскую землю. Сам Мономах писал в своем "Починении": "Всех походов моих было 83, а других маловажных не упомяну. Я заключил с половцами 19 мирных договоров, взял в плен более 100 лучших их князей и выпустил из неволи, а более двухсот казнил и потопил в реках".

ВЛАДИМИР ВСЕВОЛОДОВИЧ (кол.10)

Из рода Владимиро-Суздальских вел. кн. Сын Всеволода III Юрьевича Большое Гнездо и чешской королевны Марии Шварновны. Род. 26 окт. 1192 г. Кн. Переяславский в 1213—1215 гг. Кн. Стародубский в 1217—1227 гг. Ж.: с 1215 г. дочь кн. Черниговского Глеба Святославича. † 6 янв. 1227 г.

По смерти Всеволода Большое Гнездо Владимир остался княжить в Юрьеве-Польском. В распри старших братьев Владимир был на стороне Константина. В 1213 году он выбежал из Юрьева сперва на Волок, а оттуда на Москву и сел здесь, отняв этот город у Юрия. Вместе с москвичами и своей дружиной он ходил потом на Дмитров (город Ярослава Всеволодовича). Дмитровцы сами сожгли все посады, затворились и отбили все приступы, и Владимир, напуганный вестью о приближении Ярослава, бежал от города назад в Москву, потеряв тыловой отряд своей дружины, который перебили дмитровцы, гнавшиеся за беглецами. Ярослав и Юрий по-

шли к Москве, и Юрий послал сказать Владимиру: "Приезжай ко мне, не бойся, я тебя не съем, ты мне свой брат". Владимир поехал, и братья уговорились, чтоб Владимир отдал Москву назад Юрию, а сам отправился княжить в Переяславль-Южный. В 1215 году Владимир попал в плен к половцам и получил свободу лишь спустя год. В Липецкой битве он был на стороне Юрия и Ярослава. Вскоре после нее Владимир получил Стародуб.

ВЛАДИМИР ГЛѢБОВИЧ (кол.10)

Из рода Рязанских кн. Сын Глеба Ростиславича и владимирской кн. Один из рязанских кн. в 1180-х гг.

ВЛАДИМИР ГЛѢБОВИЧ (кол.10)

Из рода Владимиро-Суздальских вел. кн. Сын Глеба Юрьевича и черниговской кн. Род. в 1157 г. Кн. Переяславский в 1169—1187 гг. Ж.: с 1178 г. дочь кн. Черниговского Ярослава Всеволодовича, кн. Забава. † 18 апр. 1187 г.

В 1169 году Андрей Боголюбский отдал своему брату Киев. Уезжая, Глеб оставил в Переяславле Владимира. В 1173 году тот участвовал в походе на Киев, организованном Андреем Боголюбским. В 1177 году он помогал Всеволоду Юрьевичу в войне против Глеба Ростиславича Рязанского. Но гораздо более прославился Владимир борьбой с половцами. В 1184 году Святослав Всеволодович и Рюрик Ростиславич выступили в степь. Русские перешли Днепр на Инжире-броде. Здесь Владимир отпросился у Святослава ехать прежде всех. "Моя волость пуста от половцев, — говорил он, — так пусти меня, батюшка Святослав, наперед со сторожами!" Святослав согласился и отпустил с Владимиром 2100 берендеев. Половцы, увидав полк Владимира, бросились бежать, так что русский сторожевой от-

ряд не мог нагнать их и возвратился к реке Ерелу. Хан Кобяк, думая, что это вся русская дружина, погнался за Владимиром и стал перестреливаться с ними через реку. Тут подоспели Святослав и Рюрик с основными силами. Русские стали бить и хватать половцев, пленили 7000 человек вместе с самим Кобяком. В 1185 году пришел на Русь хан Кончак. Святослав с Рюриком пошли на половцев, а вперед отрядили Владимира и Мстислава Романовича. Вдвоем они напали на Кончака и обратили его в бегство.

Летом того же года Кончак, разгромив в степи Игоря Святославича, пошел прямо к Переяславлю, осадил город и бился целый день. Владимир выехал из города и ударил на половцев с очень небольшой дружиной, потому что остальные не осмелились выйти наружу. Владимира, окруженного множеством половцев, ранили тремя копьями. Тогда остальная дружина, видя князя в опасности, ринулась из города и высвободила Владимира, который, тяжело раненный, въехал в свой город и, по словам летописца, утер мужественный пот за отчину свою. Святослав и Рюрик, услышав, что половцы у Переяславля, поплыли на судах вниз по Днепру, но Кончак, не дожидаясь их, ушел в степь.

В 1187 году Святослав с Рюриком собрались вновь на половцев. Владимир приехал к ним из Переяславля с дружиной и выпросился ехать вперед с черными клобуками. Святославу не хотелось пускать Владимира наперед своих сыновей, но Рюрик и все другие хотели этого, потому что переяславский князь был смел и крепок в битве, всегда стремился на добрые дела. Половцы не приняли боя, ушли в степь. По возвращении из похода Владимир разболелся и умер. И плакали по нему все переяславцы, потому что он любил дружину, золота не собирал, имени не щадил, но раздавал дружине, был князь добрый, мужеством крепкий и всякими добродетелями исполненный.

ВЛАДИМИР ГЛѢБОВИЧ (кол.11)

Из рода Туровских и Пинских кн. Сын Глеба Юрьевича и смоленской кн. Кн. Пинский ок. 1229 г.

ВЛАДИМИР ДАВИДОВИЧ (кол.8)

Из рода Черниговских кн. Сын Давыда Святославича. Кн. Черниговский в 1139—1151 гг. Ж.: с 1144 г. дочь кн. Городненского Всеволода. † 12 мая 1151 г.

В 1139 году Владимир вместе со своим двоюродным братом Всеволодом Ольговичем ходил на Киев и изгнал из него князя Вячеслава Владимировича. Утвердившись на великокняжеском столе, Всеволод отдал Владимиру Чернигов. В 1142 году Владимир вместе с братом Изяславом Третьим и Ольговичами, Святославом и Игорем, ездили к Киеву рядиться с Всеволодом о волостях. Всеволод давал им города за пределами Киевской волости. Тогда оба Давыдовича заключили союз с Ольговичами и начали воевать Переяславское княжество, в котором сидел Вячеслав Владимирович. Ничего не добившись и к тому же еще потерпев поражение от Изяслава Мстиславича, братья должны были помириться с Всеволодом и взять от него Брест, Дрогичин, Вщиж и Ормину. Предчувствуя свою кончину, Всеволод послал к Давыдовичам боярина спросить, стоят ли они в прежнем целовании с его братом Игорем, которого он хотел оставить после себя великим князем. Те отвечали, что стоят. Но киевляне пригласили к себе Изяслава Мстиславича, который немедленно двинулся на Киев. Игорь призвал на помощь Владимира и Изяслава Давыдовича. Те хотели дорого продать свою верность клятве и запросили у Игоря новых волостей. Игорь готов был отдать все, лишь бы только они шли к нему на помощь. Однако еще прежде них прибыл Изяслав Мстиславич, разбил Иго-

ря, пленил его и сел на великокняжеский стол.

Брат низложенного Игоря, Святослав Ольгович, побежал в Чернигов и послал спросить у Владимира и Изяслава, готовы ли они сдержать клятву, которую дали пять дней назад. Давыдовичи отвечали, что готовы, но вскоре передумали, испугавшись, что придется делиться волостями с Ольговичами, коль скоро те потеряли Киев. Тогда они положили за лучшее соединиться с Изяславом Мстиславичем и послали сказать ему: "Игорь как до тебя был зол, так и до нас: держи его крепко", а к Святославу послали сказать: "Ступай прочь из Новгорода Северского в Путивль, а от брата Игоря отступись". Святослав, однако, никак не хотел отступить от брата и стал искать помощи у Юрия Владимировича Долгорукого. А Владимир и Изяслав Давыдович сказали друг другу: "Мы начали злое дело, так уж окончим братоубийство; пойдем, искоренив Святослава, и перейдем власть его". Они отправились к Новгороду, стояли у вала и два раза приступали к воротам и бились у них крепко. Вскоре подошел сын Изяслава Мстиславича, Мстислав, и все трое пустили стрельцов своих к городу, христиан и берендеев, и сами стали полками и пошли биться; горожане были сильно стеснены: их вогнали в острожные ворота, и они много потеряли убитыми и ранеными. Бой продолжался до самого вечера, но город не был взят; осаждающие отступили, стали в селе Мельтекове. Князья разграбили стада Игоревы и Святославовы, послали по окрестным селам жечь хлеб и дворы, взяли селыц Игореву, где тот устроил себе добрый двор. Потом, услышав, что Изяслав Мстиславич идет им на помощь из Киева, пошли к Путивлю и приступили к городу; путивльцы крепко бились до тех пор, пока не пришел Изяслав с киевлянами. Тогда путивльцы послали к нему сказать с поклоном: "Мы тебя только и дожидались, князь, целуй нам крест". Узнав о соединении Давыдовичей с киевским кня-

зем и о падении Путивля, Святослав Ольгович выбежал из Новгорода Северского и ушел за лес в землю вятичей.

С началом следующего, 1147 года положение резко изменилось. Святослав Ольгович, получив войско от Юрия Долгорукого, стал пересылаться с Давыдовичами через своего племянника Святослава Всеволодовича. Владимир и Изяслав Давыдович отправили к Святославу Ольговичу послов, которые сказали ему: "Не жалуйся на нас, будем все заодно, позабудь нашу злобу; целуй нам крест и возьми свою отчину, а что мы взяли твоего, то все отдадим назад". Святослав охотно пошел навстречу их желаниям, и вскоре Давыдовичи заключили тайный мир и договорились заманить Изяслава Мстиславича на восточный берег Днепра. Но коварство их вскоре открылось. После этого Изяслав Мстиславич соединился с братом Ростиславом Смоленским, а Владимир и Изяслав Давыдовичи со Святославом Ольговичем и Глебом Юрьевичем, сыном Долгорукого.

Зимой 1148 года Изяслав Мстиславич пошел на Чернигов и сжег вокруг него все села, а затем двинулся к Любечу. Владимир и Изяслав Давыдовичи отправились следом за ним. Но до битвы дело не дошло, хотя войска встали друг против друга на противоположных берегах реки и даже стали перестреливаться между собой. Вскоре, когда лед на Днепре стал вскрываться, Изяслав Мстиславич поспешил отступить к Киеву. Давыдовичи послали к нему с мирными предложениями, сказав: "То бывало и прежде при отцах и при дедах наших: мир стоит до рати, а рать до мира; не жалуйся на нас, что мы первые встали на рать: жаль нам было брата нашего Игоря; мы того только и хотели, чтоб ты выпустил его, а так как теперь он убит и отправился к Богу, где и всем нам быть, то Бог всех нас и рассудит, а здесь нам до коих пор губить Русскую землю? Не лучше ли помириться?" Изяслав, посовещавшись с братом Ростиславом, согласился на мир

и отослал в Чернигов белгородского епископа Феодора с боярами. Владимир и Изяслав Давыдовичи поклялись не мстить за Игоря, но блюсти Русскую землю и быть всегда заедино: Курск с Посемьем остались за Владимиром Давыдовичем.

В 1149 году Юрий Долгорукий выступил в поход против Изяслава Мстиславича. Святослав Ольгович немедленно встал на его сторону. Юрий звал к себе и Давыдовичей, но Владимир остался в Чернигове, а Изяслав бился вместе с Изяславом Мстиславичем против Юрия под Переяславлем. Прогнав Изяслава Мстиславича из Киева, Юрий сел там и первым делом отнял у Владимира Курск и Посемье и отдал своему союзнику Святославу Ольговичу. Но в последующих усобицах Владимир был на стороне Юрия. В начале 1151 года Владимир вместе со Святославом Ольговичем на лодках приплыл в Городок к Юрию. С ними и другими князьями Юрий пошел к речке Малый Рутец. Здесь настиг его Изяслав Мстиславич с дядей Вячеславом и нанес сокрушительное поражение. Сеча была злая. Пало множество людей, и среди прочих Владимир Давыдович. Изяслав Давыдович, бывший на этот раз союзником Изяслава Мстиславича, взял тело своего брата, отвез в Чернигов и там похоронил. Жена Владимира по кончине его бежала к половцам и вышла замуж за их хана Башкорода.

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ (кол.14)

Из рода Степаньских кн. Сын Ивана Глебовича. Кн. Степаньский с 1290 г.

ВЛАДИМИР ИГОРЕВИЧ (кол.10)

Из рода Новгород-Северских кн. Сын Игоря Святославича. Род. ок. 1172 г. Кн. Путивльский в 1185—1198, 1207—1208 гг. Кн. Новгород-Северский в 1198—1206 гг. Кн. Галицкий в 1206—1207, 1208—1211 гг. Ж.: дочь хана половецкого Кончака, Свобода.

Вместе с отцом Владимир участвовал в знаменитом походе на половцев в 1185 году и попал в плен. На Русь он вернулся в 1187 году уже женатым на дочери своего прежнего врага Кончака и с маленьким ребенком.

В 1206 году вместе с братьями и Всеволодом Чермным Владимир двинулся походом на Галич. Галичане, боясь Ольговичей, стали тайно звать Владимира себе в князья. Ночью, украдкой от остальных князей, Владимир с братом Романом поскакали в Галич, Владимир сел на княжение в Галиче, а Роман — в Звенигороде. Но оставались еще малолетние дети Романа Мстиславича, жившие во Владимире Волынском. Сюда явился священник, посол от Владимира, и объявил горожанам: "Не останется в вашем городе камня на камне, если не выдадите мне Романовичей и не примете к себе княжить брата моего Святослава". В ту же ночь вдова Романа Мстиславича бежала с детьми в Польшу. Вскоре после этого между Владимиром и его братом Романом началась распря. В 1207 году Роман, соединившись с венграми, выгнал Владимира из Галича. Владимир, потерявший к этому времени и Новгород Северский, уехал в Путивль. Роман некоторое время сидел в Галиче, но потом был уведен своими прежними союзниками в Венгрию.

В 1208 году галичане, успевшие сместить уже многих князей, послали опять за Владимиром и Романом, говоря: "Виноваты мы перед вами, избавьте нас от венгров". Игоревичи явились на зов с сильной ратью: заставили правившего в Галиче венгерского палатина Бенедикта бежать и уселись опять в Галицком княжестве: Владимир — в Галиче, Роман — в Звенигороде, Святослав — в Перемышле, а Изяслав Владимирович — в Теревовле. Другого своего сына — Всеволода — Владимир отправил в Венгрию задаривать короля, чтоб тот оставил их спокойно княжить за Карпатами. От венгерского короля можно было избавиться дарами, притом же у него было много дела внутри своего государства, но чем было Игоревичам избавиться от бояр

галицких, которые не давали им покоя своими крамолами? Игоревичи решили действовать по примеру Романа Мстиславича, и вот, воспользовавшись первым удобным случаем, они велели бить галицкую дружину: 500 человек из нее погибло, в том числе двое знатнейших бояр — Юрий Витанович и Илья Щепанович, но другие разбежались; между ними Владислав, которому преимущественно Игоревичи были обязаны Галицкой волостью. Двое других — Судислав и Филипп — отправились в Венгрию. Король Андрей дал им сильное войско и малолетнего Даниила Романовича. Владимиро-волынские князья также послали свои полки. С этими силами галицкие бояре овладели Перемышлем и Звенигородом. Владимир, не дожидаясь их прихода, бежал из Галича, а братья его, попавшие в плен, были повешены.

ВЛАДИМИР КОНСТАНТИНОВИЧ (кол.11)

Из рода Ростовских кн. Родоначальник младшей ветви Углицких кн. Сын Константина Всеволодовича и смоленской кн. Агафии Мстиславны. Род. в 1214 г. Кн. Углицкий в 1238—1249 гг. Ж.: дочь кн. Рязанского Ингваря Игоревича, кн. Надежда († 1278 г.). † 27 дек. 1249 г. Погребен в Угличе, в церкви св. Спаса.

ВЛАДИМИР МСТИСЛАВИЧ (кол.9)

Из рода Рюриковичей. Сын Мстислава I Владимировича и дочери новгородского посадника Любавы Дмитриевны. Кн. Дорогобужский в 1150—1154, 1170—1171 гг. Кн. Владимиро-Волынский в 1154—1157 гг. Кн. Слуцкий в 1162 г. Кн. Трипольский в 1162—1168 гг. Вел. кн. Киевский в 1171 г. Ж.: с 1150 г. дочь короля Венгерского Белы Слепого. † 10 мая 1171 г.

В 1157 году Мстислав II внезапно напал на Владимира, захватил его жену, мать, все имущество, а самого прогнал в Венгрию. Возвратившись на Русь, Владимир остался без волости. В том же году он ходил вместе с Изяславом Давыдовичем на Туров, хо-

тел выгнать оттуда Юрия Ярославича, но Юрий отбилсЯ. В том же году сам Изяслав Давыдович лишился Киевской волости, изгнанный Мстиславом Изяславичем. Владимир бежал вместе с ним в степь.

Под 1162 годом сообщается, что Ростислав Мстиславич отправил против Владимира к Слуцку сына Рюрика с полками и союзными князьями. Когда и как Владимир овладел этим городом, неизвестно. Видя, что нельзя противиться такому большому войску, он отдал город союзным князьям, а сам отправился к Ростиславу в Киев: тот дал ему Триполь с четырьмя городами.

По смерти в 1168 году Ростислава, Владимир остался старшим в роде Мономаховичей, но, не имея надежды отстоять Киев от племянника Мстислава Изяславича, сам послал ему приглашение на великое княжение. При этом тайком он сговорился с сыновьями Ростислава, что они будут стоять заодно и возьмут у Мстислава волости по своей воле. Владимир хотел в придачу к Триполю Торческ со всем Поросьем. Об этом сговоре стало известно Мстиславу. Узнав об этом и испугавшись гнева Мстислава, Владимир бежал с семьей из Триполя в Вышгород и затворился здесь вместе с Ростиславичами. Мстислав из Киева пошел прямо к Вышгороду; после нескольких крепких схваток князья вступили в переговоры и договорились на том, чтобы остаться при старых волостях.

Выйдя из Вышгорода, Владимир, затаивший злобу на племянника, начал затевать новые каверзы против него. Боярин Давыда Ростиславича Василь Настасьич, узнав об этих замыслах, объявил о них своему князю, а тот рассказал все Мстиславу. Когда Владимир узнал, что умысел его открылся, он приехал в Киев оправдываться перед племянником. Почти в одно время съехались они в Печерском монастыре; Мстислав вошел в игуменскую келью, а Владимиру велел сесть в экономской и послал спросить его: "Брат! Зачем ты приехал? Я за тобою не посылал". Владимир велел отвечать: "Брат! Слышал я, что злые люди наговорили тебе на меня". "Говорил мне брат Давыд", — велел отвечать на это Мстислав. Послали к Давыду в

Вышгород; Давыд прислал Василя для улики, к нему приставили тысяцкого и еще другого боярина, и начался суд. Через три дня Мстислав опять приехал в Печерский монастырь; Владимир прислал двух своих бояр, которые начали спорить с Василем; но тут явился новый свидетель. Дело это наконец наскучило Мстиславу, он сказал дяде: "Брат! Ты крест целовал, и еще губы у тебя не обсохли; ведь это отцовское и дедовское утверждение: кто нарушил клятву, тому Бог будет судья; так теперь, если не думал никакого зла и не думаешь, то целуй крест". Владимир отвечал: "С радостью, братец, поцелую; все это на меня выдумки и ложь", — поцеловал крест и поехал в Котельницу. Но в том же году стал он опять ссылаться с черными клобуками, подучая их против племянника, а когда последние дали ему слово действовать заодно, то объявил об этом своим боярам. Но дружина отвечала ему: "Ты, князь, задумал это сам собою: мы же не поедem за тобой, мы ничего не знали". Владимир рассердился и поехал к берендеям, с которыми встретился ниже Ростовца. Но те, увидав, что он приехал один, встретили его словами: "Ты нам сказал, что все братья с тобою заодно; где же Владимир Андреевич, где Ярослав и Давыд? Да и дружины-то у тебя нет, ты нас обманул" — и начали пускать во Владимира стрелы, из которых две и попали в него. Владимир сказал тогда: "Сохрани Бог верить поганому, а я уже погиб и душой и телом", и побежал к Дорогобужу, потеряв своих отроков, которых перебили черные клобуки. Но Владимир Андреевич разрушил мост на реке Горыни и не пустил к себе Мстиславича, который принужден был отправиться через землю радимичей в Суздальскую волость к Андрею Боголюбскому. Но и последний не принял его к себе, а послал сказать ему: "Ступай в Рязань к тамошнему князю, а я тебя наделю". Владимир послушался двоюродного брата и отправился в Рязань. Мстислав Изяславич не захотел после этого, чтоб и мать Владимирова осталась где-нибудь на Руси, и велел сказать ей: "Ступай за Днепр в Городок, а оттуда иди куда хочешь; не могу

жить с тобой в одном месте, потому что сын твой всегда ищет головы моей, вечно нарушает клятвы". Та отправилась в Чернигов.

Сам Владимир недолго жил в Рязани. После взятия и разгрома Киева войсками Андрея Боголюбского в 1169 году, он поехал в Волынскую область и поселился в городе Полонном, принадлежавшем Киевской Десятинной церкви. Узнав о смерти дорогобужского князя Владимира Андреевича, он пришел к Дорогобужу, но дружина покойного князя не пустила его в город. Тогда Владимир послал сказать ей: "Целую крест вам и княгине вашей, что ни вам, ни ей не сделаю ничего дурного"; поцеловал крест, вошел в город и тотчас позабыл свою клятву, потому что, говорит летописец, был он вертляв между всею братьею; он накинулся на имения, на стада и села покойного Андреевича и погнал княгиню его из города. Взявши тело мужа, та отправилась в Вышгород.

В 1170 году умер Мстислав Изяславович, а в 1171-м — Глеб Юрьевич. Трое Ростиславичей, княживших около Киева, позвали на великое княжение Владимира, как своего дядю. Тайком от Ярослава Изяславича, которому перед тем клялся, что не будет искать великого княжения, Владимир приехал в Киев, оставив Дорогобуж сыну Мстиславу.

Но счастье его и тут не было продолжительным. Киев находился теперь в зависимости от северного князя Андрея Боголюбского, которому, говорит летописец, не было любо, что Владимир сел в Киеве; он послал сказать ему, чтоб он шел оттуда, а на его место велел идти Роману Ростиславичу Смоленскому. Смерть избавила Владимира от изгнания: он умер в Киеве, пробыв немногим более месяца на великокняжеском престоле. "Много перенес он бед, — говорит летописец, — бегая от Мстислава то в Галич, то в Венгрию, то в Рязань, то к половцам, но все по своей вине, потому что нестойк был в крестном целовании".

ВЛАДИМИР МСТИСЛАВИЧ (кол.11)

Из рода Смоленских кн. Сын Мстислава Ростиславича Храброго. Кн. Псковский в 1211—1213, 1214—? гг. Ж.: племянница рижского епископа Альберта. † до 1233 г.

Мстислав Удалой, сев в Новгороде, дал Владимиру Псков. В 1212 году братья вместе ходили на чужь. В 1213 году псковичи выгнали Владимира за то, что тот выдал свою дочь за брата епископа Альберта. Изгнанник пошел было сначала в Полоцк, но, найдя там не очень приветливый прием, отправился к зятю в Ригу, где принят был с честью, по свидетельству Генриха Латвийского. Вместе с Альбертом Владимир ездил на переговоры с полоцким князем Владимиром Васильковичем и оказал немцам важные услуги, уговорив полоцкого князя передать ордену всю Ливонию. За свою помощь Владимир был награжден местом фохта в одной из ливонских провинций, но, творя суд и расправу над ливами, он много пожинал такого, чего никогда не сеял, по выражению летописца; не понравился его суд ратцебургскому епископу и всем другим, так что он решил отправиться на Русь, исполняя желание многих, прибавляет летописец; скоро, однако, он опять возвратился с женой, сыновьями и всем семейством и вступил снова в исправление своей должности, не к удовольствию подчиненных. Скоро опять поднялись против него жалобы, опять он должен был выслушивать упреки немецкого духовенства: это ему наскучило наконец, и он снова выехал в Россию, где был принят снова псковичами.

В 1216 году Владимир вместе с псковичами, новгородцами и братом Мстиславом Удалым ходил на суздальских князей и участвовал в Липецкой битве. В 1217 году вместе с новгородцами и псковичами он ходил в Чудскую землю к Оденпе, причем Владимир захватил зятя своего Феодориха, епископского брата, и отвел во Псков. В 1226 году Владимир вместе с братом Давыдом Торопецким и Ярославом Всеволо-

довичем бился с литовцами близ Усвята. Это последнее упоминание о нем.

ВЛАДИМИР РЮРИКОВИЧ (кол.11)

Из рода Смоленских кн. Сын Рюрика Ростиславича и туровской кн. Анны Юрьевны. Род. осенью 1187 г. Кн. Переяславский в 1206—1213 гг. Кн. Смоленский в 1213—1219 гг. Вел. кн. Киевский в 1224—1235 гг. † 3 марта 1239 г.

В 1203 году Роман Мстиславич Галицкий, заключив отца Владимирова Рюрика Ростиславича в монастырь, его самого отвел неволей в Галич. В 1206 году сам Владимир вместе с отцом и братьями ходил на Галич против детей умершего Романа. В том же году Рюрик посадил Владимира в Переяславль, а по смерти отца двоюродный брат Мстислав Романович перевел Владимира на свое место в Смоленск.

В марте 1216 года Владимир привел смолян на реку Вазузу на соединение с новгородцами Мстислава Мстиславича Удалого. Объединив свои полки, двоюродные братья пошли против Ярослава и Юрия Всеволодовичей. Вместе с Мстиславом Владимир участвовал в Липецкой битве, после которой на владимирский стол сел Константин Всеволодович.

В 1224 году, по смерти Мстислава Романовича, Киев достался по старшинству Владимиру. В 1228 году, по смерти Мстислава Удалого, Владимир собрал войска против Даниила Романовича Галицкого. "Отец Даниилов постриг отца моего", — говорил он; была у него в сердце боязнь великая, прибавляет летописец. Владимир заключил союз с половецким ханом Котянном и вместе с Михаилом Черниговским осадил Каменец. Галичане также были на их стороне. Но Даниилу удалось договориться с Котянном, который умело расстроил всю войну и заставил Владимира помириться с Даниилом. В 1232 году Владимир пришел ему на помощь против галичан и венгров, а в 1233 году Даниил привел дружину на под-

могу Владимиру против Михаила Черниговского. Сначала вдвоем они осадили Михаила в городе, но потом Михаилу удалось на время поссорить противников и нанести галичанам поражение. Возвратившись в Киев, Даниил и Владимир начали войну с половцами, нашли их под Звенигородом и после лютой сечи были совершенно разбиты ими. Сам Владимир со многими боярами попал в плен. Освобожден он только через два года, когда в Киеве уже сидел Изяслав.

Св. ВЛАДИМИР СВЯТОСЛАВИЧ (кол.4)

Из рода Рюриковичей. Сын Святослава Игоревича. Кн. Новгородский в 969—977 гг. Вел. кн. Киевский в 980—1015 гг. † 15 июля 1015 г.

По свидетельству летописца, Владимир был незаконным сыном Святослава, прижитым им от рабыни, ключницы Ольгиной Малуши. Дядькой Владимира был брат Малуши Добрыня.

В 969 году Святослав, только что схронивший мать и собиравшийся в новый длительный поход в Болгарию, посадил старшего сына Ярополка князем в Киеве, а другого сына — Олега — князем у древлян. В то время пришли новгородцы, прося и себе князя. Узнав, что старшие сыновья Святослава уже получили княжения, они сказали: "Если не пойдете к нам, то сами добудем себе князя". Святослав спросил: "Но кто пойдет к вам?", и стал уговариваться он о том со старшими сыновьями, но те отказались. Тогда Добрыня сказал новгородцам: "Просите Владимира себе в князя". Новгородцы стали просить Владимира, и Святослав согласился с тем, чтобы тот был у них князем. В том же году Владимир вместе с Добрыней отправился в Новгород, а Святослав отплыл в Переяславце на Дунай. Из этого похода он уже не вернулся, так как в 972 году погиб у днепровских порогов. После смерти Святослава его сыновья стали править Русью, сидя

каждый в своем городе. Владимир был еще мал годами, и всеми делами за него распоряжался Добрыня. В Полоцке тогда княжил Рогволод, варяг, пришедший из-за моря и утвердивший власть свою среди полочан. Добрыня стал сватать Владимиру Рогнеду, дочь Рогволода. И спросил Рогволод у дочери: "Хочешь пойти за Владимиром?" Но та отвечала: "Не хочу разуть робичича. За Ярополка хочу". Владимир прослышал об этом ответе и сильно разгневался, так как обидно ему было от того, что его называли робичичем. И пожаловался князь своему дяде, а тот, распавшись яростью, собрал воинов и пошел на Полоцк. И побежден был Рогволод в битве, и затворился в городе. Новгородцы же, подступив к Полоцку, взяли его и захватили Рогволода с женой и его дочерью. Добрыня, насмехаясь над Рогнедой, нарек ее рабыней и велел Владимиру обесчестить ее на глазах отца и матери. После Рогволода убили, а Рогнеда сделалась женой Владимира и родила ему сына Изяслава.

В 975 году Ярополк поссорился с братом Олегом. Через два года он пошел на него войной. Олег погиб в бою, а Ярополк захватил его волость. Когда Владимир в Новгороде услышал, что Ярополк убил Олега, то испугался и бежал за море. Ярополк же посадил своих посадников в Новгороде и стал один владеть Русской землею.

В 980 году Владимир вернулся в Новгород с варягами и сказал посадникам Ярополка: "Идите к брату моему и скажите ему: "Владимир идет на тебя, готовься с ним биться", — и пошел на Ярополка. Дойдя до Киева с большим войском, Владимир осадил его, а Ярополк заперся в городе вместе со своим воеводой Блудом. Когда осада затянулась, Владимир стал тайно сговариваться с Блудом, говоря ему: "Будь мне другом. Если убью брата моего, то буду почитать тебя как отца, и честь большую получишь от меня; не я ведь начал убивать братьев, но он. Я же, убоявшись этого, выступил против него". Блуд ответил послам Владимировым: "Буду с князем вашим в любви и дружбе".

И стал с тех пор Блуд пересылаться с Владимиром, призывая его идти приступом на город. Блуд хотел убить Ярополка, однако опасался мести горожан. И тогда Блуд придумал такую хитрость. Он стал говорить Ярополку, будто киевляне вошли в сговор с Владимиром и надо-де бежать из города. Ярополк поверил ему и, выбежав из Киева, затворился в городе Родне, в устье реки Роси. Владимир вошел в Киев, а после осадил Ярополка в Родне. Среди осажденных вскоре начался жестокий голод. И сказал Блуд Ярополку: "Видишь, сколько воинов у брата твоего. Нам не победить их. Заключай мир с братом твоим". Ярополк согласился. Блуд же послал к Владимиру с такими словами: "Сбылась мысль твоя, приведу к тебе Ярополка, приготовься убить его".

Владимир, услышав это, вошел в отчий терем и сел там с воинами и дружиной своей. Когда Ярополк пришел к Владимиру и входил в двери, два варяга подняли его мечами под пазуху. Блуд тем временем затворил двери и не дал войти своим. Так убит был Ярополк, и с этого времени Владимир стал княжить в Киеве один.

Утвердившись у власти, Владимир поставил на холме за теремным двором кумиров языческих богов: деревянного Перуна с серебряной головой и золотым усом, затем Хорса, Дажьдбога, Стрибога, Симаргла и Мокошь. И приносили киевляне им жертвы, называя их богами, и приводили к ним своих сыновей и дочерей, и осквернялась кровью земля русская и холм тот, пишет летописец. Владимир посадил в Новгороде своего дядю Добрыню, а сам жил в Киеве и был одержим плотским вожделением. У Владимира было несколько жен и, среди прочих, вдова Ярополка, некая гречанка, бывшая прежде монахиней. В свое время Святослав привел ее на Русь как пленницу и выдал за Ярополка ради ее красоты. Когда Владимир сошелся с ней, она была уже беременна от Ярополка и вскоре родила сына — Святополка. Кроме Рогнеды и гречанки Владимир имел еще трех законных жен и 800 наложниц:

Владимир Святой. Портрет из "Титулярника" 1672 г.

300 было у него в Вышгороде, 300 — в Белгороде и 200 — в селе Берестове. Кроме того, он имел связи со многими замужними женщинами и девушками.

Увлечение Владимира языческой религией продолжалось недолго. В 986 году приходили в Киев посольства от разных народов, призывавшие Русь обратиться в их веру. Сперва пришли волжские болгары мусульманской веры и хвалили своего Магомета; потом иноземцы из Рима от папы проповедовали католическую веру, а хазарские евреи — иудейство.

Последним прибыл проповедник, посланный из Византии. Он стал рассказывать Владимиру о православии, и слушал его Владимир со всем вниманием. Под конец грек показал князю полотнище, на котором изображено было судилище Господне. Справа стояли праведники, в веселии идущие в рай, а слева — грешники, идущие на мучение. Владимир, вздохнув, сказал: "Хорошо тем, кто справа, и плохо тем, кто слева". "Если хочешь с праведными справа стать, то крестись", — ска-

зал грек. Но Владимир отвечал: "Подожду еще немного", желая разузнать подробнее о всех верах.

В 987 году князь созвал бояр своих и старцев градских и сказал им: "Приходили ко мне болгары, говоря: 'Прими закон наш'. Затем приходили немцы и хвалили закон свой. Затем пришли евреи. После же всех пришли греки, браня все законы, а свой

восхваляя, и много говорили, рассказывая о начале мира и о бытии всего. Мудрено говорят они, и чудесно слушать их. Рассказывали они и о другом свете. Если кто, говорят, перейдет в нашу веру, то, умерев, снова воскреснет и не умереть ему во веки, если же в ином законе будет, то на том свете гореть ему в огне. Что же вы мне посоветуете? Как им ответить?" Бояре и старцы отвечали: "Знай, князь, что своего никто не бранит, но всегда хвалит. Если хочешь обо всем разузнать, то пошли от себя мужей посмотреть, кто и как служит Богу". Понравилась та речь князю и всем людям. Избрали десять мужей, славных и умных, и сказали им: "Идите сперва к болгарам и испытайте веру их". Они отправились и, придя к ним, наблюдали их скверные дела и поклонение в мечети. Когда вернулись послы в землю свою, сказал им Владимир: "Идите еще к немцам, высмотрите и у них все, а оттуда идите в Греческую землю". Послы пришли к немцам, увидели службу их церковную, а затем пошли в Царьград. Когда же они вернулись, князь Владимир созвал бояр своих и старцев и сказал им: "Вот, пришли посланные нами мужи, слушаем же обо всем, бывшем с ними". И обратился к послам: "Говорите перед дружиной". Те сказали: "Ходили мы к болгарам, смотрели, как они молятся в мечети. Стоят они там без пояса; сделав поклон, сидят и глядят туда и сюда, как бешеные. И нет в них веселья, только печаль и смрад великий. Не добр закон их. И пришли мы к немцам, и видели в храмах их различную службу, но красоты не видели никакой. И пришли мы в Греческую землю, и ввели нас туда, где служат они Богу своему, и не знали — на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой. И не знаем, как и рассказать об этом. Знаем мы только, что пребывает там Бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах. Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького: так и мы не можем уже здесь пребывать в язычестве".

Князь Владимир Святой. Роспись
Архангельского собора Московского Кремля
XVII в.

Выслушав послов, Владимир обратился за советом к боярам, и те сказали: "Если бы плох был закон греческий, то не приняла бы его бабка твоя, Ольга, а была она мудрейшая из всех людей". И спросил Владимир: "Где примем крещение?" Они же сказали: "Где тебе любо".

Владимир совсем уже было собирался креститься, но тут началась война между ним и греками. В 988 году Владимир пошел с войском к Корсуни (Херсону), и затворились корсуняне. Русские встали на той стороне города, что против пристани, и начала осаду. Однако горожане защищались крепко, и не было видно конца осаде. Но тут один из корсунян по имени Анастас пустил в лагерь Владимира стрелу с письмом. В том письме говорилось: "Перекопайте и переймите воду, она идет по трубам из колодцев, которые за лагерем вашим с востока". Владимир, услышав об этом, посмотрел на небо и сказал: "Если сбудется это — крещусь". И тотчас же

велел копать наперерез трубам и перенял воду. Люди изнемогли от жажды и сдались. Владимир вошел в город с дружиной своей и послал к царям Василию и Константину: "Вот, взял уже ваш город славный. Слышал, что имеете вы сестру девицу. Если не отдадите ее за меня, то сделаю столице вашей то же, что и этому городу". Цари отвечали на это: "Не пристало христианам выдавать жен за язычников: если крестишься, то и ее получишь, и Царство небесное воспримешь, и с нами единоверен будешь. Если же не сделаешь этого, то не сможем выдать сестру за тебя". Владимир ответил на это посланцам царей: "Скажите царям вашим так: я крещусь, ибо еще прежде испытал закон ваш и любя мне вера ваша и богослужение, о котором рассказали мне посланные нами мужи". Цари были рады услышать такой ответ и стали упрощать сестру свою Анну стать женой Владимира. Но та не хотела уезжать на Русь, говоря:

срѣсѣ. цѣю по рѣкѣ. по лѣтѣмъ олоднмъ рѣкѣмъ краи
стои. и по рѣкѣмъ црѣкѣмъ лѣтѣмъ. по крѣ
пѣмъ сѣмъ и црѣкѣмъ лѣтѣмъ. по крѣ

Крещение князя и его дружины. Миниатюра Радзивилловской летописи

"Иду, как в полон, лучше бы мне здесь умереть". Братья отвечали ей: "Может быть, обратит тобой Бог Русскую землю к покаянию, а Греческую землю избавит от ужасов войны. Видишь, сколько зла наделяла грекам Русь? Теперь же, если не пойдешь, то сделают у нас то же, что в Корсунь". И едва принудили ее дать согласие. Анна села в корабль, попрощавшись с близкими своими, и с плачем отправилась через море. Вместе с ней плыли савоиты и пресвитеры. Когда прибыла она в Корсунь, вышли корсунцы ей навстречу с поклоном, ввели ее в город и посадили в палатках. Царевна спросила: "Крестился ли Владимир?" Но ей отвечали, что пока нет, ибо разболелся глазами и не видит ничего. Тогда Анна послала к своему жениху сказать: "Если хочешь избавиться от болезни, то крестись поскорей, а если не крестишься, то не избавишься от недуга своего". "Если вправду исполнится это, — сказал Владимир, — то поистине велик

Бог христианский". И повелел он крестить себя. Епископ корсунский с царицыными попами, огласив, крестили Владимира. И когда возложили руку на него, тотчас прозрел Владимир и, ощутив свое внезапное исцеление, прославил Бога. Многие из дружинников, увидев это чудо, тоже крестились. Случилось это в церкви св. Василия, что стояла посреди Корсуни.

После этого Владимир взял царевну, и Анастаса, и священников корсунских с мощами св. Климента. Взял он также церковные сосуды и иконы и со всем этим отправился в Киев. Возвратившись в столицу, Владимир повелел опрокинуть идолов, — одних порубить, а других сжечь. Перуна же приказал привязать к хвосту коня и волочить его с горы к Днепру.

Затем послал Владимир по всему городу с такими словами: "Если не придет кто завтра на реку, будь то богатый или бедный, или нищий, или раб, то будет мне враг!" Услышав это, пришли люди к Днепру

Царица Анна переправляется через море в Корсунь. Миниатюра Радзивилловской летописи

ру без числа. Одни стояли в воде до шеи, другие по грудь, некоторые держали младенцев. Когда крещены были все и разошлись по домам, приказал Владимир ставить церкви, определять в них попов и приводить людей на крещение по всей стране своей. Затем Владимир послал собрать у лучших людей детей и отдать их в книжное обучение. Матери, провожая их, плакали по ним, как по мертвым, ибо не утвердилась еще новая вера.

Таким образом история крещения Руси описана в "Повести временных лет". В XIX—XX веках многие историки так или иначе выражали свое недоверие к летописному рассказу. Сомнению подвергались как сами обстоятельства крещения, так во многом время и место официального принятия христианства. Не входя здесь в детали научной полемики, сошлемся только на книгу О.М. Рапова, где любой желающий может найти богатую историю вопроса.

На основании многих источников Рапов так реконструирует ход событий конца 80-х—начала 90-х годов X столетия. В сентябре 987 года в Малой Азии вспыхнуло восстание Варды Фоки, размах которого сильно напугал императора Василия II. В конце 987 (или в первой половине 988) года он обратился за помощью к Владимиру Святославичу. После этого между двумя правительствами начался дипломатический торг, подробности которого нам неизвестны. Владимир согласился послать в Малую Азию свое войско, но требовал при этом, чтобы ему в жены отдали царевну Анну. Василий не возражал прямо против этого брака, но указывал на то, что никак не может выдать сестру за язычника. Владимир отвечал, что согласен креститься, и, как видно, действительно крестился в начале 988 года в Киеве. Летом 988 года, как об этом однозначно свидетельствуют греческие и арабские источники, отряд русских воинов прибыл в Византию и оказал императору большую помощь в сражениях под Хрисополем и Авидосом. Летом 989 года, как видно из Жития Владимира, он ходил к днепровс-

Св. и благоверный великий князь Владимир.
Икона. Пер. пол. XV в.

ким порогам, ожидая невесту, но она так и не приехала. Тогда Владимир понял, что его обманули и в конце лета 989 году осадил Херсонес, который после 9-месячной осады в апреле—мае 990 года был взят. Летом того же года, после еще одного обмена посольствами, Анна наконец приплыла в Херсонес, и здесь была сыграна свадьба. Затем княжеская чета отправилась в Киев. В конце лета 990 года (1 августа (?)) были крещены и киевляне.

Крестившись, Владимир обратился к государственным делам. От шести жен у него было 12 сыновей, и всех он рассадил по городам, дав каждому свой удел. И сказал Владимир: "Нехорошо, что мало городов около Киева". И стал ставить города по Десне, и по Остру, и по Трубежу, и по Суле, и по Стугне. Набрав лучших мужей от славян, кривичей, чуди, вятичей, Владимир населил ими города, так как была война с печенегами. В Киеве, призвав греческих мастеров, Владимир поставил церковь Пресвятой Богородицы и поручил ее Анастасу Корсунянину. В 996 году церковь была освящена, и даровал ей Владимир от всех своих богатств десятую часть. Вскоре затем Владимиру пришлось биться с печенегами. Он потерпел поражение. Спасаясь от погони, Владимир спрятался под мостом вблизи Васильева и так спасся. В память об этом Владимир поставил в Васильеве церковь Преображения Господня и устроил по этому случаю великий пир. Созвано было на него, кроме бояр, посадников и старейшин, еще и людей множество из разных городов. И праздновал князь восемь дней, а потом приехал в Киев и здесь еще устроил великое празднование, созвав бесчисленное множество народа. И так стал Владимир поступать постоянно, собирая по праздникам в своем дворце чуть не весь город. Щедростью своею Владимир старался превзойти самого Соломона, замечает летописец. Повелел он всякому нищему и бедному приходить на княжий двор и брать все, что надобно: питье, и пищу, и деньги. А для больных, которые

сами ходить не могли, повелел нагружать разной снедью телеги и развозить еду по городу, чтобы оделять всех желающих.

Кроме того, каждое воскресенье князь устраивал во дворце и в гриднице пир, разрешив приходить на него всем боярам, гридням, и сотским и десятским, и лучшим мужам; и бывало на этих пирах всяких яств в изобилии. Когда Владимир усылшал, что дружинники корят его за прижимистость, он повелел выковать каждому серебряную ложку, говоря так: "Серебром и золотом не найду себе дружины, а с дружиной добуду серебро и золото, как дед мой и отец с дружиной доискались золота и серебра". Так любил Владимир дружину и всегда совещался с ней об устройстве страны и о войне, и о законах; и была ему всегда удача во всем.

О смерти его летописец сообщает следующее. В 1015 году пошли на Русь войной печенеги. Владимир, уже больной, послал против них своего любимого сына Бориса со своей дружиной, а сам разболелся еще сильнее. От этой болезни он и умер 15 июля в своем селе Берестове. Смерть его, по приказу Святополка, его пасынка, утаили от народа. Ночью разобрали помост между двумя клетями, завернули тело Владимира в ковер и опустили на землю. Затем, возложив его на сани, отвезли в Киев и поставили в церкви св. Богородицы.

Народ, однако, прознал о смерти князя. И сошлись люди без числа, и плакали о нем — бояре как о заступнике страны, бедные же как о своем заступнике. И положили Владимира в мраморный гроб, и похоронили его с плачем.

ВЛАДИМИР СВЯТОСЛАВИЧ (кол.9)

Из рода Муромских кн. Сын Святослава Ярославича. Кн. Муромский. † 1162 г.

В 1145 году, по смерти Святослава Ярославича, в Муроме начал княжить его брат Ростислав, сохранивший за собою

также и Рязань. Владимир сел в Муроме лишь через десять лет, после смерти дяди.

ВЛАДИМИР СВЯТОСЛАВИЧ (кол.10)

Из рода Черниговских кн. Сын Святослава II Всеволодовича и полоцкой кн. Марии Васильковны. Кн. Новгородский в 1180—1181 гг. Ж.: с 1180 г. дочь вел. кн. Владимирского Михаила Юрьевича, кн. Пребрана. † 1201 г.

ВЛАДИМИР ЮРЬЕВИЧ (кол.11)

Из рода Муромских кн. Сын Юрия Владимировича. Кн. Муромский в 1176—1205 гг. † 18 дек. 1205 г.

ВЛАДИМИР ЮРЬЕВИЧ (кол.11)

Из рода Владимиро-Суздальских вел. кн. Сын Юрия II Всеволодовича и черниговской кн. Агафии Всеволодовны. Род. в 1218 г. Кн. Московский до 1238 г. Ж.: с 1236 г. кн. Мария. † 3 февр. 1238 г.

В феврале 1238 года татары взяли Москву, убили воеводу Филиппа Няньку, захватили князя Владимира и отправились с ним ко Владимиру. Прежде чем начать штурм, татары вывели Владимира к Золотым воротам и стали спрашивать владимирцев: “Узнаете ли вашего княжича?” Братья Владимировы, Всеволод и Мстислав, бояре и весь народ заплакали, увидав Владимира бледного и исхудалого. По свидетельству Степенной книги, Владимира тут и убили.

ВЛАДИМИР ЯРОСЛАВИЧ (кол.6)

Из рода Рюриковичей. Сын Ярослава Владимировича Мудрого и шведской королевны Ингигерды. Род. в 1020 г. Кн. Новгородский в 1036—1052 гг. † 4 окт. 1052 г.

В 1043 году Ярослав Мудрый послал сына против греков и дал ему с собой много воинов, варягов и руси. Воеводство при молодом князе поручено было Вышате и Ивану Творимиричу. Владимир спустился со всем войнством до моря и направился к Константинополю. Но тут поднялась сильная буря и разбила многие русские корабли. Погиб в волнах и княжеский корабль, так что Владимиру пришлось перейти на корабль Ивана Творимирича. Прочие воины Владимира, числом до 6 тысяч, были выброшены на берег, и, когда они захотели пешком пойти на Русь, никто из дружины княжеской не захотел пристать к ним, кроме Вышаты. Владимир же повернул назад и пошел на Русь морем. Греки послали погоню — 14 кораблей. Князь бился с ними, победил и благополучно возвратился в Киев. А всех потерпевших крушение вместе с Вышатой захватили греки, привели в Константинополь и там ослепили. В 1045 году Владимир заложил в Новгороде каменную церковь св. Софии, в которой и был погребен после смерти.

ВЛАДИМИР ЯРОСЛАВИЧ (кол.11)

Из рода Перемышльских и Галицких кн. Сын Ярослава Владимировича Осмомысла и владимиро-суздальской кн. Ольги Юрьевны. Род. в 1151 г. Кн. Галицкий в 1188, 1190—1199 гг. Ж.: дочь Черниговского кн. Святослава Всеволодовича, кн. Болеслава. † 1199 г.

Умирая, Ярослав Осмомысл отдал город Галич своему побочному сыну Олегу, а Владимиру завещал Перемышль. Но едва Ярослав умер, как в Галицкой земле начался мятеж. Владимир и бояре нарушили клятву и выгнали Олега из Галича; тот принужден был бежать в Овруч к Рюрику Ростиславичу, а Владимир сел на престоле отцовском. Но бояре вскоре увидели, что ошиблись в своем выборе: Владимир, по словам летописца, любил только пить, а советоваться со своими боярами не любил; отнял у попа жену и стал жить с нею,

прижил двоих сыновей; мало того, понравится ему чья-нибудь жена или дочь, брал себе насильно. В то время ближайшим соседом галицкого князя был Роман Мстиславич, сидевший во Владимире-Волынском, необычайно деятельный, предприимчивый и неутомимый. Роман находился в близком свойстве с Владимиром: дочь его была за старшим сыном последнего. Несмотря на то, узнавши, что бояре галицкие недовольны своим князем, Роман стал пересылаться с ними, побуждая их выгнать Владимира, а на его место предлагал себя. Многие бояре охотно согласились на его предложение, собрали полки, утвердились крестным целованием между собою, но не могли явно напасть на Владимира, схватить или убить его, потому что не все бояре были против князя, были между ними и его приятели. Заговорщики придумали другое средство освободиться от Владимира, они послали сказать ему: "Князь! Мы не на тебя встали, но не хотим кланяться попадье, хотим ее убить; а ты где хочешь, там и возьми жену". Они надеялись, что он никак не отпустит попадью, потому и грозились убить ее, чтоб тем скорее прогнать его самого. В этом они не обманулись: Владимир, опасаясь, чтобы и его любовницу не постигла та же участь, какая постигла Настасью, любовницу его отца (галичане сожгли ее), забрал много золота и серебра, жену, двоих сыновей, дружину и поехал в Венгрию к королю Беле III. По его просьбе Бела пошел к Галичу со всеми полками. Роман бежал обратно в свою волость, но и Владимир не получил Галича, потому что Бела, устроив галичанам все их дела, посадил здесь своего сына Андрея. А Владимира опять повел неволей в Венгрию, отнял у него все имущество и посадил в башню. Галичане никак не могли смириться с таким поворотом событий и всячески злоумышляли против венгров. Тогда венгры начали мстить им насилиями: стали отнимать у них жен и дочерей и брать себе в наложницы, начали ставить лошадей своих в церквах и избах. Галичане раскаялись в том, что прогнали Владимира. Тем вре-

менем в 1190 году Владимиру удалось бежать из неволи: на башне ему поставлен был шатер; он изрезал полотно, свил из него веревку и спустился по ней на землю; двое сторожей были подкуплены, они довели его до немецкой земли к императору Фридриху Барбароссе, который, узнав, что Владимир — родной племянник по матери князю Всеволоду Суздальскому, принял его с любовью и большой честью. Когда Владимир обещал ему давать ежегодно по две тысячи гривен серебра, Фридрих отправил его при своем после к польскому князю Казимиру с приказанием, чтоб тот помог ему получить обратно галицкий стол. Казимир послушался и отправил с Владимиром к Галичу своего воеводу Николая. Когда галичане узнали о приближении своего князя с польским войском, то с радостью вышли к нему навстречу, провозгласили своим князем, а королевича прогнали из земли. Но Владимир не считал себя в безопасности от соседних князей, иноземных и русских, до тех пор, пока не приобретет покровительства дяди своего, сильного князя Суздальского, и потому послал к нему со следующими словами: "Отец и господин! Удержи Галич подо мною, а я Божий и твой со всем Галичем и в твоей воле всегда". Всеволод отправил послов ко всем русским князьям и в Польшу и взял со всех присягу не искать Галича под его племянником, и с тех пор, говорит летописец, Владимир утвердился в Галиче и никто не поднимался на него войной.

О смерти Владимира не упомянуто в летописях. Татищев пишет, что он умер то ли от пьянства, то ли от яда. После него не осталось законных наследников, и потому на нем пресекся род князей Перемышльских и Галицких.

ВЛАДИМИР ЯРОСЛАВИЧ (кол.18)

Из рода Пронских кн. Сын Ярослава Александровича. Кн. Пронский в 1343—1371 гг. Кн. Рязанский в 1371—1372 гг. † 1372 г.

В 1371 году после разгрома Олега Рязанского москвичами Владимир явился в Рязани и сел здесь на княжение, но Олег вскоре выгнал его и взял в плен.

ВЛАДИМИРКО ВОЛОДАРЬВИЧ (кол.9)

Из рода Перемышльских и Галицких кн. Сын Володаря Ростиславича. Род. ок. 1095 г. Кн. Звенигородский в 1124—1129 гг. Кн. Перемышльский в 1129—1153 гг. Кн. Теребовльский в 1141—1153 гг. Кн. Галицкий в 1141—1153 гг. Ж.: венгерская королева. † февр. 1153 г.

В 1127 году Владимирко начал войну против своего брата Ростислава, но вынужден был помириться по воле великого князя Мстислава Владимировича. В 1136 году какой-то знатный венгр, вельможа польского князя Болеслава, начальствовавший в Вислице, пообещал передать эту богатую область Владимирку. Владимирку без сопротивления завладел городом и поначалу сдержал данное венгру слово: осыпал его золотом, лаской, почестями; но, сразу вслед за тем, гнушаясь злодеянием, велел ослепить и оскопить изменника. “Изверги не должны иметь детей, им подобных”, — сказал Владимирко. Захватив богатую добычу, он, однако, не смог удержать за собой Вислицы. В 1141 году после смерти Васильковичей — своих двоюродных братьев — Владимирко овладел их волостями — Теребовлем и Галичем, и сделал Галич стольным городом. Племяннику своему Ивану Ростиславичу он не выделил ничего.

В 1144 году Всеволод Ольгович воевал с Владимирком, едва не разбил его, но помирился по просьбе своего брата Игоря. Неудача Владимирка ободрила его внутренних врагов. Когда зимой 1145 года он отправился на охоту, жители Галича послали в Звенигород за Иваном Ростиславичем и ввели его к себе в город. Владимирко, услышав об этом, пришел с дру-

жиной к Галичу, бился с осажденными три недели и все не мог взять города. Наконец ему удалось разбить племянника однажды ночью, когда тот сделал вылазку, и войти в Галич. Многих людей он велел тогда перебить, а других казнить злой казнью, по выражению летописца.

В войнах Изяслава Мстиславича с Юрием Долгоруком Владимирко держал сторону Юрия. В 1150 году Изяслав в первый раз выгнал Юрия из Киева. Владимирко пошел с полками против него. Изяслав хотел было биться с галичанами, но киевляне, не вступив даже в бой, разбежались, а потом приняли Юрия обратно. Владимирко объехал все киевские святыни, был в Вышгороде у церкви Бориса и Глеба и потом, расставшись по-приятельски с Юрием в Печерском монастыре, отправился назад в Галич. По дороге он захватил города по реке Горыни, занятые Изяславом, и отдал их Мстиславу Юрьевичу.

Изгнанный из Киева Изяслав Мстиславич стал готовиться к войне более тщательно и прежде всего стал звать венгерского короля идти походом против галицкого князя. Король немедленно собрал всю свою силу и сел на коня, пославши сказать Изяславу: “Я уже выступил с братом твоим Владимиром, выступай и ты; узнает Владимирко, кого затронул”. Но у Владимирка были приятели в Венгрии; они дали ему знать, что король идет на него, и он, бросив обоз свой у Бельза, где стоял тогда, поскакал с дружиной к Перемышлю, где король начал воевать. Владимирко видел, что ему не под силу биться с венграми, и начал посылать к архиепископу, да еще к двум епископам венгерским и к боярам с просьбой, чтоб те уговорили короля возвращаться, не жалел золота и достиг своей цели. Король послушался подкупленных епископов и бояр и стал говорить: “Теперь уже не время воевать, реки замерзают; вот, когда реки устанут, тогда пойдем опять”. Венгры ушли, и Владимирко с полками двинулся

на Изяслава, который как раз выступил походом на Киев, нагнал его на Случи и стал нападать на задних ратников. Изяслав отступил от реки и стал лагерем. Ночью он велел своим людям разложить большой огонь, чтобы обмануть неприятеля, а сам потихоньку пошел дальше к Киеву. Юрий Долгорукий, застигнутый врасплох приходом Изяслава, бежал из Киева, бросив свою дружину.

Узнав об этом, Владимирко, сильно раздосадованный, пошел назад к Галичу. Он хотел, однако, чем-нибудь вознаградить себя за поход и потому объявил жителям города Мичьска: "Дайте мне серебра, сколько хочу, а не то возьму вас на щит"; у них не было столько серебра, сколько он запрашивал, и потому мичане принуждены были вынимать серьги из ушей жен и дочерей своих, снимать ожерелья с шеи, слили все это и отдали Владимирку, который пошел от них дальше и по всем городам по дороге брал также серебро до самой своей границы. Вскоре он узнал об окончательном разгроме Юрия в Рутцкой битве. Тогда же до Галича дошла весть, что Мстислав Изяславич ведет венгров на помощь отцу. Владимирко дождался, когда Мстислав встал на ночлег, и около полуночи напал на его стан близ Дорогобужа. Мстислав едва успел бежать в Луцк, а венгров галичане перебили почти всех, лишь немногих взяли в плен.

В конце 1152 года, изгнав Юрия из Южной Руси, Изяслав соединился с королем венгерским Гейзой и выступил против Владимирка. Он поджидал их на берегу Сана ниже Перемышля. Изяслав бросился со всеми своими полками вброд; венгры, видя, что русские уже переправляются, бросились также вброд, с разных сторон въехали в полки галицкие и обратили их в бегство; Владимирко, убегая от венгров, попался было к черным клобукам и едва сам-друг успел укрыться в Перемышле. Этот город был бы тогда непременно взят, потому что некому было отстоять его, но, к счастью для Владимир-

ка, за городом на лугу находился княжеский двор, где было много всякого добра: туда ринулось все войско, а о городе позабыли. Владимирко между тем, видя беду, стал посылать к королю просить мира; ночью послали по старому обычаю к архиепископу и к воеводам королевским. Владимирко притворился, что жестоко ранен, лежит при смерти, и потому велел сказать им: "Просите за меня короля; я жестоко ранен, каюсь перед ним, что тогда огорчил его, перебивши венгров, и что теперь опять стал против него; Бог грехи отпускает, пусть и король простит меня и не выдаст Изяславу, потому что я очень болен; если меня Бог возьмет, то отдаю королю сына моего на руки; я отцу королевны много послужил своим копьем и своими полками, за его обиду и с ляхами бился; пусть король припомнит это и простит меня". Много даров, золота, серебра, сосудов золотых и серебряных, платья выслал Владимирко архиепископу и вельможам венгерским, чтоб просили короля не губить его и не исполнять желания королевны, сестры Изяславовой. На другой день Гейза съехался с Изяславом и сказал ему: "Батюшка! Кланяюсь тебе; Владимирко присылал ко мне, молился и кланялся, говорит, что сильно ранен и не останется жив; что ты скажешь на это?" Изяслав отвечал: "Если Владимирко умрет, то это Бог убил его за клятвопреступление нам обоем". Но король сказал: "Не могу его убить: он молится и кланяется, и в вине своей прощения просит; но если теперь, поцеловав крест, нарушит еще раз клятву, тогда уже либо я буду в венгерской земле, либо он в галицкой". Владимирко прислал и к Изяславу с просьбой: "Брат! Кланяюсь тебе и во всем каюсь, во всем я виноват, а теперь, брат, прими меня к себе и прости, да и короля проси, чтоб меня принял; а мне дай Бог с тобой быть". Изяслав сам по себе не хотел и слышать о мире; но одному ему нельзя было противиться королю и его вельможам; поневоле он должен был начать переговоры: король тре-

бовал от Владимирка клятвы в том, что он возвратит все захваченные им русские города Изяславу и будет всегда в союзе с последним, при всяких обстоятельствах, счастливых или несчастных. Когда король хотел послать бояр своих к Владимирку с крестом, который тот должен был поцеловать, то Изяслав говорил, что не для чего заставлять целовать крест человека, который играет клятвами. На это король отвечал: "Если Владимирко поцелует этот крест и нарушит клятву, то я либо голову свою сложу, либо добуду Галицкую землю; а теперь не могу его убить". Изяслав согласился и пошел назад к Киеву, но когда был во Владимире, то послал посадников своих в города, которые Владимирко обещался ему возвратить; но посадники пришли назад: Владимирко не пустил их ни в один город. Владимирко поспешил нарушить и другое условие мира: узнав, что сват его, Юрий, идет на племянника, он также выступил против Изяслава, но возвратился, когда дали ему весть, что тот идет к нему навстречу. Управившись с дядей, Изяслав послал в Галич боярина своего Петра Бориславича, который был свидетелем клятвы Владимиркой перед крестом св. Стефана. Петр должен был сказать Владимирке от имени Изяслава: "Ты нам с королем крест целовал, что возвратишь русские города, и не возвратил; теперь я всего тебе не поминую; но коли хочешь исполнить свое крестное целование и быть с нами в мире, то отдай мне города мои; а не хочешь отдать, то клятву свою ты нарушил, и мы с королем разделимся с тобою, как нам Бог даст". Владимирко отвечал на это послу: "Скажи от меня Изяславу вот что: ты нечаянно напал на меня сам и короля навел, так если буду жив, то либо голову свою сложу, либо отомщу тебе за себя". "Князь! Ведь ты крест целовал Изяславу, — сказал ему Петр, — что все исправишь и будешь с ними в союзе, так ты нарушил крестное целование". Владимирко отвечал: "Вот еще: что мне этот маленький крес-

тик!" "Князь! — возразил ему киевский боярин, — было тебе говорено, что если, поцеловав этот крест, ты слова своего не сдержишь, то жив не останешься; слышал ты обо всем этом от королевского посла?" Владимирко отвечал: "Да, помню, досыта вы тогда наговорились; а теперь ступай вон, поезжай назад к своему князю". Петр, положив перед ним крестные грамоты, пошел вон, а когда собрался ехать, то не дали ему ни повозки, ни корма, так что он принужден был отправиться на своих лошадях. Петр съезжал с княжьего двора, а Владимирко шел в то время в церковь к вечерне и, видя, что Петр уезжает, стал смеяться над ним: "Смотрите-ка, русский-то боярин поехал, побравши все волости!" Когда вечерня отошла и Владимирко возвращался из церкви и дошел до того самого места, где смеялся над Петром, то вдруг сказал: "Что это, как будто кто меня ударил по плечу?", и не мог двинуть больше ногами. Если б не подхватили его, то упал бы с лестницы; понесли его в горенку, положили на постель; к вечеру стало ему хуже, а к ночи он умер.

ВЛАДИМИРО-ВОЛЫНСКИЕ КНЯЗЬЯ

Род русских князей, ветвь *Рюриковичей*. Основан Изяславом Мстиславичем.

От Владимиро-Волынских князей произошли:

- 1) Галицкие князья и короли;
- 2) *Луцкие князья*.

ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКИЕ ВЕЛИКИЕ КНЯЗЬЯ

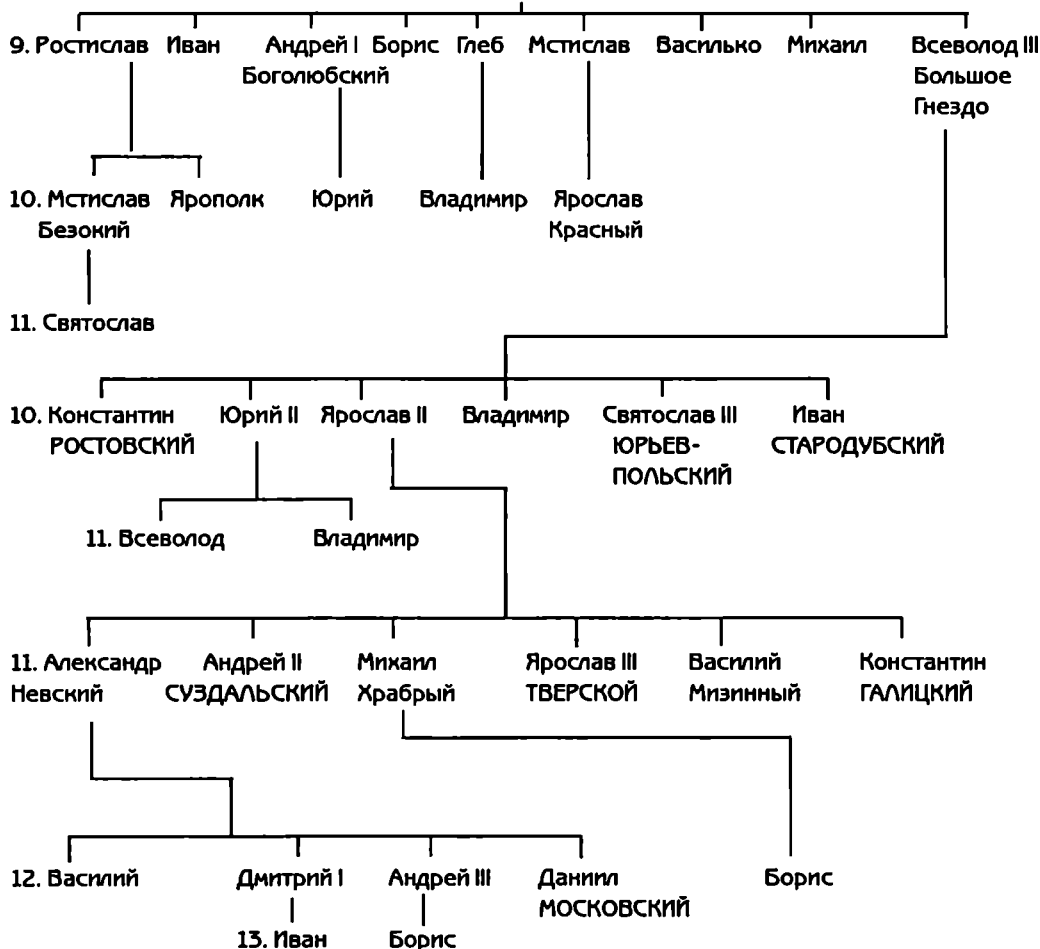
Род русских князей, ветвь *Рюриковичей*. Основан Юрием Владимировичем Долгоруким.

В ходе удельного дробления род Владимиро-Суздальских вел. кн. распался на 7 ветвей. От него произошли:

- 1) Ростовские князья;
- 2) Московские великие князья;
- 3) Суздальские и Нижегородские великие князья;
- 4) Тверские великие князья;
- 5) Галицкие князья;
- 6) Юрьев-Польские князья;
- 7) Стародубские князья.

8. Юрий I Долгорукий

ВОЛКОНСКИЕ КНЯЗЬЯ

Род русских князей, вероятно, ветвь *Торусских князей*. Родоначальник Волконских кн. Иван Юрьевич, скорее всего, легендарная личность.

Следуя рукописным родословникам, Юрий Михайлович Торусский имел будто бы сына Ивана Толстая Голова, рожденного без брака от связи с Агафьей, дочерью просверни в Торусе. Отец дал ему волюсть Сопрыскину по речке Волконке, притоку реки Уны, откуда и пошло его родовое имя. Все эти сведения вызывают сомнения. Точно так же первые колена родословной Волконских показаны путано и туманно. Например, среди участников Куликовской битвы упоминаются князья Федор и Мстислав Торусские, павшие от рук татар. Родословные называют их сыновьями Ивана Большая Голова, но это не согласуется со счетом лет. Не представляется возможности показать, когда Волконские лишились своих уделов и перешли на русскую службу, поскольку ни в одном документе современной эпохи они не упомянуты. Лишь с начала XVII века появляются документальные данные об этом роде. Несколько князей Волконских были воеводами при Василии III. Далее эта многочисленная фамилия приобрела важное значение и сыграла не последнюю роль в русской истории.

ВОЛОДАРЬ ГЛЕБОВИЧ (кол.9)

Из рода Минских кн. Сын Глеба Всеславича и владимирской кн. Анастасии Ярополковны. Кн. Минский в 1151—1159, 1165—1167 гг. Кн. Городцовский в 1159—1165 гг.

В 1161 году Рогволод Борисович, княживший тогда в Полоцке, осадил Володаря в его Городце. Володарь не стал биться с ним днем, но вместе с литовцами сделал вылазку ночью и нанес осаждавшим сильное поражение. После этого Рогволод не решился вернуться в Полоцк, и полочане взяли себе князем Всеслава Васильковича.

В 1167 году Володарь пошел на Полоцк. Всеслав вышел к нему навстречу, но Володарь, не дав ему собраться и выстроить хорошенько полки, ударил внезапно на полочан из засады, многих убил, других взял в плен и заставил Всеслава бежать в Витебск, а сам пошел в Полоцк и уладился с тамошними жителями, целовал с ними крест, как говорит летописец. Утвердившись здесь, Володарь пошел к Витебску против Давыда Ростиславича и Всеслава, стал на берегу Двины и начал биться через реку с неприятелем; Давыд не хотел вступать с ним в решительное сражение, поджидая из Смоленска своего брата Романа, как вдруг в одну ночь ударил страшный гром, ужас напал на все полоцкое войско, и дружина стала говорить Володарю: "Чего стоишь, князь, не едешь прочь? Роман переправится через реку, а с другой стороны ударит Давыд". Володарь испугался и побежал от Витебска; на другое утро, узнав о бегстве врага, Давыд послал погоню, которая, однако, не могла настичь самого князя и переловила только многих ратников его, заблудившихся в лесу. А Всеслав вновь успел занять Полоцк.

ВОЛОДАРЬ РОСТИСЛАВИЧ (кол.8)

Из рода Перемышльских и Галицких кн. Сын Ростислава Владимировича и венгерской королевны. Кн. Перемышльский в 1092—1124 гг. † 19 марта 1124 г.

В 1081 году Володарь вместе с Давыдом Игоревичем захватил Тмутаракань и прогнал Всеволодова посадника Ратибора. В 1083 году их самих изгнал оттуда Олег Святославич. В том же году Володарь и его братья выгнали из Владимира Волынского Ярополка Изяславича. В 1085 году Владимир Мономах отобрал у них Владимир, а Всеволод Ярославич дал взамен Перемышль и Теребовль.

Княжеский съезд 1097 года закрепил за Володаром Перемышль. После съезда в том же году Давыд Игоревич вероломно захватил и ослепил его брата Василька, а весной 1098 года пошел занять его волость Теребовль. Володарь осадил его в Бужске, вынудил примириться и выдать ему Василька. Немного погодя Ростиславичи осадили Давыда во Владимире, и Давыд выдал им своих наушников, наговоривших против Василька. Казнив их, Ростиславичи помирились с Давыдом окончательно и дальше действовали как союзники. В 1099 году Святополк Изяславич изгнал Давыда из Владимира и стал умышлять на Ростиславичей. Володарь и Василько разбили его дружину на Рожни и гнали ее до своих границ, но дальше не пошли, сказав: "Надлежит нам на своей меже стать". Святополк обратился за помощью к венграм. Король Каломан с большим войском осадил Перемышль. Володарь успешно оборонялся. А вскоре подошел Давыд Игоревич с половцами и нанес венграм сокрушительное поражение.

На съезде в Витичеве в 1100 году князья судили Давыда Игоревича. Святополк требовал наказания и для Ростиславичей. Князья послали сказать Володарю: "Возьми брата своего Василька к себе, и пусть будет вам одна волость — Перемышль; если же не хочешь, то отпусти Василька к нам, мы его будем кормить". Но Ростиславичи не послушались, и каждый из них остался в своем городе. Князья хотели было идти на них и силой принудить согласиться на общее решение, но Мономах не захотел нарушить клятвы, данной на Любечском съезде, и все осталось как есть.

В 1121 году король польский Болеслав Смелый, заключивший против Мономаха союз с волынским князем Ярославом Святополчицем, подослал к Володарю своего доверенного Петра Власта. Власт приехал к Володарю с небольшой дружиной, выдал себя за изгнанника, заклятого врага Болеслава, и сумел приобрести полное доверие Володаря. Однажды оба они выехали на охоту; князь, погнавшись за зве-

рем, удалился от города; дружина его рассеялась по лесу; подле него остался только Власт со своими; они воспользовались благоприятной минутой, схватили его и увезли в Польшу. Василько Ростиславич, чтобы выкупить брата, отдал Болеславу всю свою и братную казну. Поляки, кроме того, заключили с Ростиславичами союз. В 1123 году, когда Ярослав Святополчич с венграми и поляками осадил во Владимире Мономахова сына Андрея, оба Ростиславича были в его войске.

Погребен в Перемышльской церкви св. Иоанна.

ВОРОТЫНСКИЕ КНЯЗЬЯ

Род русских князей, ветвь *Одоевских князей*. Основан Федором Юрьевичем.

ВСЕВОЛОД АЛЕКСАНДРОВИЧ * (кол.14)

Из рода Тверских вел. кн. Родоначальник *Холмских князей*. Сын Александра Михайловича. Род. ок. 1328 г. Кн. Холмский в 1339—1364 гг. Вел. кн. Тверской в 1346—1349 гг. Ж.: кн. София. † 1364 г.

После казни в Орде Александра Михайловича, отца Всеволода, последнему пришлось нелегко. Власть перешла к его дяде Константину, который принялся теснить Холмскую волость, силой захватывая тамошних бояр и княжеских слуг. Всеволод не мог сносить этих притеснений и ушел в Москву к Семену Гордому. В том же году Константин и Всеволод поехали в Орду, где Константин умер, а Всеволод выхлопотал ярлык на великое княжение Тверское, несмотря на то, что у него оставался еще один дядя Василий Михай-

лович, князь Кашинский. Последний, услышав о смерти брата, поспешил также в Орду, но, прежде зная, что туда незачем ездить с пустыми руками, взял дань с племянниковой Холмской волости. Всеволод, узнав о поступке дяди и о поездке его в Орду, выехал оттуда к нему навстречу вместе с ханским послом и ограбил его, вследствие чего Василий должен был возвратиться в свою отчину — Кашин.

Только в 1349 году епископу Феодору удалось помирить князей. Всеволод уступил Тверь дяде, и оба укрепились между собой в крестном целовании. Но едва Василий получил ярлык из Орды, как начал опять сердиться на племянника, припоминая, как тот ограбил его по дороге в Орду. Подобно брату Константину он стал притеснять холмских бояр и слуг. В 1357 году дядя и племянник поехали во Владимир судиться перед митрополитом Алексием, но окончательное примирение там не состоялось. Очевидно, митрополит держал сторону Василия. Тогда Всеволод поехал искать поддержки в Орде. Но и здесь дело было решено в пользу дяди. Хан выдал Всеволода Василию без суда, и было ему, по словам летописца, "томление большое". Всеволод поехал в Литву к Ольгерду, который был женат на его сестре. Василий испугался, и когда Всеволод возвратился на Русь в 1360 году, Василий уступил ему треть отчины. Умер Всеволод во время эпидемии чумы.

ВСЕВОЛОД ВЛАДИМИРОВИЧ (кол.5)

Из рода Рюриковичей. Сын св. Владимира Святославича и полоцкого кн. Рогнеды Роговолодовны. Кн. Владимиро-Волинский с 987 г.

ВСЕВОЛОД ВЛАДИМИРОВИЧ (кол.11)

Из рода Витебских (?) кн. Сын (?) Владимира Васильковича. Кн. Герсика.

Генрих Латвийский сообщает, что Всеволод был сын князя Полоцкого, но неясно какого — Владимира или Бориса Давыдовича. Немецкая хроника застаёт его уже сидящим в Герсике. Генрих говорит, что Всеволод был страшным врагом христиан, преимущественно латинян; он женат был на дочери литовского князя, был с литовцами в постоянном союзе и часто являлся предводителем их войска, обеспечивая им безопасную переправу через Двину и снабжая съестными припасами.

В 1209 году епископ Рижский Альберт внезапно напал с большим войском на Герсик и овладел им. Всеволод успел спастись, уйдя на лодках через Двину, но жена его со всею прислугою попала в плен. Немецкое войско пробыло целый день в городе, собрало большую добычу, снесло из всех углов города платье, серебро, из церквей — колокола, иконы и всякие украшения. На следующий день немцы собрались в обратный путь и подожгли город. Когда Всеволод увидел с другого берега Двины пожар, то стал жалостно вопить: "Герсик! Любимый город, дорогая моя отчина! Пришлось мне увидеть, бедному, сожжение моего города и гибель моих людей!" Епископ и все войско, поделивши между собою добычу, с княгиней и со всеми пленниками возвратились в Ригу, куда послали звать и Всеволода, если тот хочет получить мир и освободить свою семью. Князь приехал в Ригу, называл епископа отцом, всех латинян — братьями, просил только, чтоб выпустили из плена жену и других русских. Ему предложили условие: "Хочет он отдать свое княжение навеки в дар церкви св. Богородицы и потом взять его назад из рук епископа, так отдадут ему княгиню и других пленников". Всеволод согласился и поклялся открывать епископу и Ливонскому ордену все замыслы русских и литовцев, но когда возвратился домой с женою и дружиною, то забыл обещания, начал опять сноситься с литовцами и подводить язычников против немцев. Кукейноские рыцари призвали его к ответу, Всеволод не являлся; тогда рыцари в 1214 году подступили внезапно к городу,

взяли его хитростью, ограбили жителей и ушли назад. В следующем, 1215 году немцы опять собрали войско и в другой раз овладели Герсиком, в другой раз опустошили его. Но Всеволод уже успел послать к литовцам за помощью; те явились, принудили немцев оставить город и нанесли им сильное поражение. По другим сведениям, немцы на этот раз убили Всеволода и город его окончательно разрушили. Если верить первому источнику, то Всеволод был жив еще в 1225 году.

ВСЕВОЛОД ВСЕВОЛОДОВИЧ (кол.12)

Из рода Владимиро-Волыньских кн. Сын Всеволода Мстиславича. Кн. Червенский в 1207 г.

ВСЕВОЛОД ГЛЕБОВИЧ (кол.9)

Из рода Минских кн. Сын Глеба Всеславича и владимирской кн. Анастасии Ярополковны. Кн. Изяславский до 1159 г. Князь Стрежевский с 1159 г.

В 1158 году Всеволод ходил вместе с братом Ростиславом на Друцк против Рогволода Борисовича. В 1159 году Рогволод, ставший полоцким князем, с полками полоцкими, смоленскими, новгородскими и псковскими осадил Изяславль. Всеволод, как говорит летописец, был прежде большим приятелем Рогволода и потому, надеявшись на старую дружбу, поехал в стан к Рогволоду и поклонился ему. Рогволод принял его хорошо, но не отдал назад Изяславля, который следовал как отчина Брячиславу Васильковичу, а дал вместо того Стрежев. В том же году Всеволод с братом Ростиславом ходил на Изяславль и пленил Васильковича.

ВСЕВОЛОД ГЛЕБОВИЧ (кол.10)

Из рода Рязанских кн. Сын Глеба Ростиславича и владимирской кн. Кн. Пронский до 1186-го и после 1188 г. † до 1207 г.

В 1186 году старшие братья Роман, Игорь и Владимир Глебовичи вооружились против младших — Всеволода и Святослава, живших в Пронске. Старшие Глебовичи звали их на общий съезд, но младшие вместо того стали укреплять свой город и послали за помощью к Всеволоду Юрьевичу Большое Гнездо. Всеволод сперва отправил к ним 300 дружинников, а потом еще войска. Услышав о приближении полков из Владимира, старшие Глебовичи сняли осаду Пронска и побежали к себе в Рязань, а Всеволод поехал навстречу владимирцам. В его отсутствие братья уговорили Святослава сдать им Пронск и увели в плен семью Всеволода и его дружину. Всеволод, услышав, что семья и дружина его взяты, а брат Святослав перешел на сторону старших, стал сначала сильно горевать, потом захватил Коломну и начал опустошать волость братьев; те мстили ему тем же, и ненависть между ними разгоралась все больше и больше. В 1188 году в поход против Рязани выступил Всеволод Юрьевич. Переправившись через Оку, он страшно опустошил Рязанскую волость. Старшие Глебовичи испугались и вернули Пронск Всеволоду.

ВСЕВОЛОД ДАВЫДОВИЧ (кол.8)

Из рода Рюриковичей. Родоначальник *Городненских князей*. Сын Давыда Игоревича и польской королевны. Кн. Городненский в 1113—1142 гг. Ж.: с 1116 г. дочь Владимира Всеволодовича Мономаха, кн. Агафия Владимировна. † 1 февр. 1142 г.

Возможно, Всеволод получил городок Городец в приданое за женой от Мономаха.

ВСЕВОЛОД КОНСТАНТИНОВИЧ (кол.11)

Из рода Ростовских кн. Родоначальник младшей ветви *Ярославских князей*. Сын Константина

Всеволодовича и смоленской кн. Агафии Мстиславны. Род. 18 июня 1210 г. Кн. Ярославский в 1218—1238 гг. Кн. Переяславский в 1227 г. Ж. дочь кн. Курского Олега Святославича, кн. Марина († 1279 г.). † 4 марта 1238 г. Погиб в битве с татарами на Сити вместе с дядей Юрием Ярославичем.

Гр. ВСЕВОЛОД МСТИСЛАВИЧ (кол.9)

Из рода Рюриковичей. Сын Мстислава I Владимировича и шведской королевны Христины Инговны. Кн. Новгородский в 1117—1136 гг. Кн. Вышгородский в 1136 г. Кн. Псковский в 1137—1138 гг. † 11 февр. 1138 г.

В 1130 году Всеволод с братьями Изяславом и Ростиславом ходил походом на чудь. Война была удачной: было перебито множество врагов, разорены и сожжены их дома, привезен богатый полон. Но не так счастлив был чудской поход одного Всеволода в следующем году: сотворилась напасть великая, говорит летописец, перебили много добрых мужей новгородских в Клину. В 1133 году Всеволод в третий раз ходил на чудь и взял Юрьев.

В 1132 году умер отец Всеволода, Мстислав. Великое княжение наследовал брат его Ярополк. Еще при жизни Мстислав уговорился с Ярополком, чтоб тот немедленно по принятии старшего стола переехал на свое место в Переяславль старшего племянника Всеволода из Новгорода. Распоряжение это вызвало сильное раздражение младших дядей — Юрия Долгорукого и Андрея. Они сказали: "Брат Ярополк хочет по смерти своей дать Киев Всеволоду, племяннику своему", — и поспешили предупредить последнего. Утром въехал Всеволод в Переяславль, а до обеда еще был выгнан дядею Юрием. Не получив стола на юге, Всеволод возвратился в Новгород, но нашел здесь сильное волнение — встань великую в людях, по выражению летописца; пришли псковичи и ладожане в Новгород, и Всеволод должен был выехать из него; потом, однако, горожане скоро одумались и возвратили его назад. Мож-

но, впрочем, с вероятностью полагать, что Всеволод был принят не так уже, как прежде, что здесь положено начало условиям или "рядам" новгородцев с князьями; вероятно также, что с этого времени и посадник переменил свой характер чиновника княжеского на характер чиновника народного, избираемого от веча, хотя и не

Князь Всеволод Псковский. Роспись
Архангельского собора Московского Кремля
XVII в.

без участия князя. С этого времени Всеволод не имел надлежащего значения в Новгороде, не мог заставить его жителей выслать в Киев обычную печорскую дань, за которую великий князь Ярополк должен был послать другого племянника, Изяслава; последнему удалось взять дань.

В 1134 году Изяслав Мстиславич вновь явился в Новгород с тем, чтобы уговаривать брата и горожан идти войною на дядю Юрия, добыть для Мстиславичей хотя бы Ростовскую волость, если им не нашлось удела в южной Руси. После этого предложения было бурное вече: одни хотели защитить Мстиславичей и добывать им волость, другие нет; большинство оказалось на стороне первых, решено было идти в поход, а несогласных побросали с моста в Волхов, как говорит летописец. Мстиславичи с посадником Петрилой отправились на войну, но едва достигли реки Дубны, как несогласия городского веча повторились в полках: противники похода опять подняли голос и на этот раз пересилили, заставили князя возвратиться и тут же, отняв посадничество у Петрилы, отдали его Ивану Павловичу. Но в Новгороде ждало их поражение: здесь противники их опять пересилили, и опять Всеволод со всею Новгородскою областью пошел на Ростовскую землю. В то время были жестокие морозы и метели. На Ждановой горе новгородцы встретились с ростовскими полками и потерпели жестокое поражение, погибли посадник Иван и многие другие добрые мужи. Возвратясь домой, новгородцы начали еще больше злобиться на Всеволода.

В 1136 году Всеволод Ольгович одержал на юге победу над Ярополком Владимировичем. Противники Всеволода Мстиславича воспользовались этим, чтоб восстать против него. В том же году новгородцы призвали псковичей, ладожан и стали думать, как бы выгнать князя. Подумавши, посадили его в епископском дворе с женою, детьми и тещею, приставили сторожей стеречь его день и ночь с оружием по 30 человек на день и не выпускали до тех пор, пока не приехал новый князь,

Святослав Ольгович, из Чернигова. Вины Всеволода так означены в летописи: 1) не блюдет смердов; 2) зачем хотел сесть в Переяславле; 3) в битве на Ждановой горе прежде других побежал из полку; 4) вмешивает Новгород в убоицы: сперва велел приступить к черниговским Ольговичам, а теперь велит отступить.

Всеволод поехал к дяде Ярополку и получил от него Вышгород. Но на этом распря в Новгороде не закончилась. В том же году прибежал в Вышгород к Всеволоду посадник Константин с друзьями. Беглецы стали говорить Всеволоду, что у него много приятелей в Новгороде и Пскове, которые ждут только его появления: "Ступай, князь, хотят тебя опять". Всеволод отправился с братом Святополком и тотчас был принят во Пскове. Но когда в Новгороде узнали, что Всеволод во Пскове и хочет опять сесть у них, то начался сильный мятеж; большинство не захотело Мстиславича, приятели его принуждены были бежать к нему во Псков. Святослав Ольгович собрал всю землю новгородскую и пошел выгонять Всеволода из Пскова, но псковичи с первого раза уже показали стойкость, какой отличались после, тем более что для них было выгодно получить особого князя и освободиться таким образом от влияния старшего города; они не покорились новгородцам, не выгнали от себя Всеволода, но приняли меры предосторожности на случай нападения, сделали повсюду засеки. Святослав и новгородцы увидели, что война будет долгой, успех неверный, и потому возвратились с дороги.

В начале следующего года Всеволод умер и погребен в Пскове в церкви Дмитрия Солунского. Из Жития его можно заключить, что князь этот был добрый и мягкий.

ВСЕВОЛОД МСТИСЛАВИЧ (кол.11)

Из рода Владимиро-Волынских кн. Сын Мстислава II Изяславича и польской королевны

Святохны Болеславовны. Кн. Бельзский в 1170—1196 гг. Кн. Владимиро-Волинский в 1188 г.

Роман Мстиславич, отправившись в 1188 году княжить в Галич, отдал Всеволоду Владимир Волинский, сказав ему: "Больше мне не нужно этого города". Изгнанный из Галича Роман вернулся было во Владимир, но Всеволод не пустил его. Роман вернулся в другой раз с поляками, но опять не смог добиться своего. Только угроза со стороны Рюрика Ростиславича, тестя Романова, заставила Всеволода подчиниться, и он ушел обратно в свой Бельз.

ВСЕВОЛОД МСТИСЛАВИЧ (кол.12)

Из рода Смоленских кн. Сын Мстислава Романовича Старого. Кн. Псковский в 1214 г. Кн. Новгородский в 1219—1221 гг. Кн. Смоленский в 1239—1249 гг. † 1249 г.

В 1219 году отец отправил Всеволода княжить в Новгород на место старшего сына Святослава. В том же году он ходил с новгородцами против немцев и ливов к Пертуеву и вернулся с победой. Однако Всеволод унаследовал вражду брата к посаднику Твердиславу. В 1220 году он отправился по своим делам в Смоленск, оттуда поехал в Торжок, и когда возвратился в Новгород, то поднял половину его жителей на Твердислава, хотел убить его, а Твердислав был в это время болен. Всеволод пошел с Городища, где жил со всем своим двором, одевшись в брони и как на рать, и приехал на двор Ярославов, куда сошлись к нему новгородцы, также вооруженные, и стали полком на княжьем дворе. Большого Твердислава вывезли на санях к Борисоглебской церкви, куда к нему на защиту собрались жители Прусской улицы, Людина конца, загородцы и стали около него пятью полками. Князь, увидев, что они хотят крепко отдать свой живот, по выражению летописца, не поехал на них, но прислал владыку Митрофана с доб-

рыми речами, и владыка успел помирить обе стороны. Но Твердислав сам отказался от посадничества по причине болезни. Примирение не было прочно; в следующем, 1221 году новгородцы показали путь Всеволоду. "Не хотим тебя, ступай, куда хочешь", — сказали они ему. В 1224 году Всеволод ходил против татар и участвовал в битве на Калке. В 1239 году он сел в Смоленске, как видно, после смерти брата и волнений, так как рядил его со смолянами великий князь Ярослав Всеволодович.

ВСЕВОЛОД II ОЛЬГОВИЧ (кол.8)

Из рода Черниговских кн. Сын Олега Святославича и гречанки Феофании Музалон. Род. в 1094 г. Кн. Черниговский в 1127—1139 гг. Вел. кн. Киевский в 1139—1146 гг. Ж.: с 1116 г. дочь Мстислава Владимировича, кн. Агафия Мстиславна. † 30 июня 1146 г.

В 1111 году Всеволод вместе со Святполком Изяславичем и другими князьями ходил на половцев. В 1127 году он выгнал из Чернигова своего дядю Ярослава Святославича, а дружину его всю перебил и пограбил. Великий князь Мстислав Владимирович, объединившись с братом Ярополком Переяславским, пошел было на Всеволода. Всеволод же, действуя более подарками, чем оружием, задарил киевских бояр, чтобы те были ему заступниками перед великим князем. Невольным союзником оказался для него игумен Андреевского монастыря Григорий, который, несмотря на все усилия несчастного Ярослава, сумел уговорить великого князя сохранить мир. Так Всеволод, вопреки всем обычаям, остался княжить в Чернигове.

В 1134 году, когда великим князем был уже Ярополк Владимирович, Всеволод заключил союз с Изяславом Мстиславичем и братом его Святполком, которые начали войну против своих дядей, пошел за половцами и начал вооружаться против Мо-

номаховичей. "Вы сами начали нас губить", — послал он сказать им. Ярополк с братьями Юрием Долгоруким и Андреем выступил против Всеволода, переправился через Днепр, взял села около Чернигова. Всеволод не вышел против них биться, потому что половцы еще не пришли к нему. Ярополк, постояв несколько дней у Чернигова, возвратился в Киев и распустил войско, не уладившись со Всеволодом; вероятно, он думал, что довольно напугал его. Но вышло иначе: когда к Всеволоду пришли с юга половцы, а с севера Мстиславичи, то он вошел с ними в Переяславскую волость, начал воевать села и города, бить людей, дошел до Киева, зажег Городец. Половцы опустошили все на восточном берегу Днепра, перебив и перехватывая народ, который не мог переправиться на другой берег, потому что Днепр покрыт был плавучими льдами; взяли и бесчисленное множество скота. Ярополку по причине тех же льдов нельзя было переправиться на ту сторону и прогнать их. Три дня стоял Всеволод за Городцом в бору, потом пошел в Чернигов, откуда начал пересылаться с Мономаховичами, и заключил перемирие до общего княжеского съезда. Для полного мира Всеволод требовал у Ярополка Курска и всего Посемья, отобранного в свое время у черниговских князей Мономаховичами. Чтобы расколоть опасный для него союз Ольговичей с Мстиславичами, Ярополк поспешил удовлетворить Изяслава и дал ему Владимир Волынский. После этого Всеволод вынужден был мириться с Ярополком, так и не добившись своего.

В 1135 году Всеволод со всей братьей пришел к Переяславлю против Андрея Владимировича, стоял под городом три дня и бился у ворот. Узнав, что Ярополк идет на помощь брату, Всеволод отступил к верховью Супоя и там дождался киевского князя. Ярополк бросился в бой с одною дружиною, не дождавшись киевских полков, опрокинул половцев и послал за ними лучшую часть дружины во главе с ты-

сяцким. Оставшаяся часть дружины в жестокой сече разбита была черниговцами и бежала. Возвратившись за Днепр, киевский князь начал набирать новое войско, а Всеволод перешел Десну, встал против Вышгорода, но, простояв 7 дней у Днепра, не решился переправляться, пошел в Чернигов, откуда стал пересылаться с киевским князем о мире, без всякого, однако, успеха. Это было в конце лета, зимою Всеволод с половцами перешел Днепр и начал опустошать всю Киевскую область, доходя до самого Киева. Черниговцы перестреливались с киевлянами через Лыбедь и взяли два пустых города. Ярополк собрал новую дружину, но воевать не стал, а заключил с Всеволодом мир, вернув Посемье и Курск.

В 1138 году новгородцы изгнали от себя Всеволодова брата Святослава, и это стало новым поводом к войне. Всеволод призвал половцев и со всей родней начал воевать Переяславскую волость по реке Суле. Андрей Владимирович Переяславский хотел уже бежать вон из города, но Всеволод помирился с ним и со множеством половцев взял Прилук. Тут он узнал о приготовлениях Мономаховичей и поспешил отступить в свою волость, к Чернигову. Ярополк со всей братией последовал за ним. Всеволод испугался и хотел уже бежать к половцам, как черниговцы остановили его: "Ты хочешь бежать к половцам, — говорили они, — а волость свою прогубить, но к чему же ты тогда после воротишься? Лучше отложи свое высокоумие и проси мира; мы знаем Ярополково милосердие: он не радуется кровопролитию, Бога ради он помирится, ибо он оберегает Русскую землю". Всеволод послушался и стал просить мира у Ярополка. Тот, будучи богобоязнен, подобно отцу своему Владимиру Мономаху, не захотел кровопролития, а заключил мир.

В 1139 году Ярополк Владимирович умер. Преемником его на великокняжеском столе по родовым счетам должен был стать его брат Вячеслав Владимирович. Но

как только Всеволод Ольгович узнал о смерти Ярополка и о том, что в Киеве на его месте сидит Вячеслав, немедленно собрал небольшую дружину и со своими братьями, родным Святославом и двоюродным Владимиром Давыдовичем, переправился через Днепр и занял Вышгород; отсюда, выстроив полки, пошел к Киеву, встал в Копыреве конце и начал поджигать дворы в этой части города, пославши сказать Вячеславу: "Иди добром из Киева". Вячеслав отправил к нему митрополита с таким ответом: "Я, брат, пришел сюда на место братьев своих, Мстислава и Ярополка, по завещанию наших отцов; если же ты, брат, захотел этого стола, оставя свою отчину, то, пожалуй, я буду меньше тебя, пойду в прежнюю свою волость, а Киев тебе". Так Всеволод вошел в Киев с честью и славою великою, по словам летописцев. Однако он видел, что только вражда между членами Мономахова племени могла доставить ему старшинство, и поэтому спешил привлечь на свою сторону самого доблестного из них, Изяслава Мстиславича, что ему легко было сделать по близкому свойству и по прежним связям. По некоторым известиям, Всеволод послал сказать Изяславу: "После отца твоего Киев принадлежит тебе; но дядья твои не дадут тебе в нем сесть; сам знаешь, что и прежде вас отовсюду выгоняли, и если бы не я, то никакой волости вам бы не досталось, поэтому теперь я хочу Киев взять, а вас буду держать как родных братьев и не только теперь дам вам хорошие волости, но и по смерти своей Киев отдам тебе; только вы не соединяйтесь с дядьями своими против меня". Изяслав согласился и утвердил договор крестным целованием. Но, уладивши дело относительно шурьев своих, Мстиславичей, Всеволод должен был уладиться с собственным племенем, родными и двоюродными братьями — Ольговичами и Давыдовичами. Чтобы пользоваться поддержкой и тех и других при овладении Киевом, Всеволод, по известиям летопи-

си, родному Игорю и двоюродному Владимиру обещал после себя Чернигов, но, севши в Киеве, отдал Чернигов Владимиру Давыдовичу и таким образом перессорил родных братьев с двоюродными. Но по другим, очень вероятным известиям, он обещал, что как скоро овладеет Киевом, то выгонит Мономаховичей из их волостей, которые отдаст родным братьям, а двоюродные останутся в Чернигове. Боюсь же теперь действовать против Мономаховичей, чтобы не заставить их соединиться против себя, он не мог сдерживать обещания родным братьям и потому перессорил их с двоюродными; иначе трудно себе представить, чтобы он мог с успехом обмануть братьев, обещая им одно и то же.

Однако, несмотря на всю свою хитрость, Всеволоду вскоре пришлось оружием отстаивать свое старшинство. Зачинщиком недовольства стал Юрий Долгорукий, следующий после Вячеслава сын Мономахов. Он стал пересылаться с братом Андреем Переяславским, а к племяннику Ростиславу Мстиславичу ездил в Смоленск. Тогда Всеволод решил предупредить их, напасть на каждого поодиночке, отнять волости и раздать их братьям по уговору; он надеялся на свою силу, говорит летописец, сам хотел всю землю держать. Пославши Изяслава Давыдовича на Изяслава Мстиславича, сам Всеволод с братом Святославом пошел к Переяславу на Андрея и, остановившись на Днепре, послал сказать Андрею: "Ступай в Курск". Андрей отказался, а посланного на него Святослава Ольговича разбил и прогнал вон из Переяславской волости. На следующий день Всеволод помирился с Андреем, вероятно, на тех условиях, что тот отступит от союза с другими Мономаховичами. Андрей уже поцеловал крест, но Всеволод еще не успел, как в ночь загорелся Переяславль. Всеволод, исполнившись Божьего страха, не напал на Андрея и послал на другой день сказать ему: "Видишь, я еще креста не целовал, так, если

б хотел сделать тебе зло, мог бы; Бог мне давал вас в руки, сами зажгли свой город; что мне было годно, то б я мог сделать; а теперь ты целовал крест, исполнишь свою клятву — хорошо, не исполнишь — Бог тебе будет судья". Помирившись с Андреем, Всеволод пошел назад в Киев и здесь заключил мир с Изяславом Мстиславичем. Все Мономаховичи остались при своих волостях.

Гораздо труднее было Всеволоду поладить с собственной братией, которая непрестанно досаждала ему жалобами и просьбами. Все Ольговичи и Давыдовичи были недовольны своими волостями, завидовали соседям и друг другу. В 1142 году, после смерти Андрея Владимировича, Всеволод перевел в Переяславль его брата Вячеслава, а Туров отдал сыну Святославу. Братию же не наделил ничем. Тогда Владимир и Изяслав Давыдовичи соединились с младшими Ольговичами — Игорем и Святославом — и целовали друг другу крест, чтобы стоять всем сообща против неправды старшего брата. Всеволод, однако, никак не хотел уступать им волостей в Киевской земле и предлагал каждому по городу — Брест, Дрогичин, Чарторыйск и Клецк. Братья велели сказать ему на это: "Ты нам брат старший, но если не дашь нам вятскую землю, так мы сами будем искать", — и, рассорившись с Всеволодом, поехали ратью к Переяславлю на Вячеслава, но встретили там Изяслава Мстиславича с его полком. Изяслав разбил их и выгнал вон. Всеволод вызвал из монастыря двоюродного брата Святошу и послал к братьям, велел сказать им: "Братья мои! Возьмите у меня с любовью, что вам даю, — Городец, Рогачев, Брест, Дрогичин, Клецк". На этот раз братья исполнили его волю и покорно явились в Киев. Но Всеволоду, который сохранил свое приобретение только вследствие разъединения, вражды между остальными князьями, не нравился союз между братьями; чтоб рассорить их, он сказал Давыдовичам:

"Ступайте от моих братьев, я вас надеюсь". Те прельстились обещанием, нарушили клятву и перешли от Игоря и Святослава на сторону Всеволода. Всеволод обрадовался их разлучению и дал Давыдовичам четыре города, а братьям своим — два. Ольговичи поневоле помирились на двух городах, но продолжали злобиться и досаждать просьбами своими идти на Мстиславичей. Всеволод, однако, не слушал их.

Урядившись кое-как с братьями, Всеволод в 1144 году рассорился с Владимирком Володаровичем Галицким из-за сына. (Святослав Всеволодович тогда сидел по соседству с Галичем во Владимире Волынском.) Князья начали обвинять друг на друга, и Владимирко отослал в Киев крестную грамоту (то есть разорвал мир). Всеволод пошел на него со всеми союзными князьями и с поляками. Все они, по словам летописца, понуждали многоглаголивого Владимирка неволею приехать к Всеволоду поклониться, но тот не хотел и слышать об этом и привел к себе на помощь венгров. Всеволод пошел к Теребовлю; Владимирко вышел к нему навстречу, но биться не могли, потому что между ними была река Сереть, и оба пошли по берегам к Звенигороду. Всеволод встал по одну сторону Звенигорода, а Владимирко — по другую; мелкая река разделяла оба войска. Тогда Всеволод велел чинить гати; войска его перешли реку и зашли в тыл к Владимирку, отрезав его от Перемышля и Галича. Галичане заволновались, и Владимирко через Игоря Ольговича принужден был искать мира. Всеволод согласился на мировую, и Владимирко, выехав к нему из стана, поклонился и дал за труд 1400 гривен серебра. Всеволод, поцеловавшись с Владимирком, сказал ему: "Се цел еси, к тому не согрешай" — и отдал ему назад два города, Ущицу и Микулин, захваченные Изяславом Давыдовичем. Серебра себе Всеволод не взял всего, но разделил со всею братиею.

Но заключенный таким образом мир не был долгим. Всеволод укрыл у себя Ивана

Ростиславича, племянника Владимиркова, который в отсутствие дяди захватил Галич, но не смог там удержаться. В 1146 году Владимирко взял Прилук. Всеволод опять собрал братьев и шурьев, соединился с новгородцами, поляками и половцами и осадил Звенигород со множеством войска. В первый день осады пожен был острог, на третий все войско двинулось на приступ, бились с зари до позднего вечера, зажгли город в трех местах, но горожане потушили пожар. Всеволод принужден был снять осаду и возвратиться в Киев. Продолжению войны помешала его болезнь.

Еще в 1145 году Всеволод, собрав всех своих братьев, родных и двоюродных, а также шурина Изяслава Мстиславича, сказал им: "Владимир Мономах посадил после себя на старшем столе сына своего Мстислава, а Мстислав — брата своего Ярополка; так и я, если Бог меня возьмет, отдаю Киев после себя брату своему Игорю". Изяслав Мстиславич сильно вооружился против этого распоряжения, но делать было нечего, по нужде целовал он крест, что признает старшинство Игоря. Когда все братья сели у Всеволода на сених, продолжает летописец, то он начал говорить: "Игорь! Целуй крест, что будешь любить братьев; а вы, Владимир, Святослав и Изяслав, целуйте крест Игорю и будьте довольны тем, что он вам даст по своей воле, а не по нужде". И все братья целовали крест.

Когда в 1146 году Всеволод больной возвратился из галицкого похода, то остановился под Вышгородом на острове, велел позвать к себе лучших киевлян и сказал им: "Я очень болен, вот вам брат мой, Игорь, возьмите его себе в князья". Киевляне приняли Игоря. Затем Всеволод послал спросить Давыдовичей и Изяслава Мстиславича, стоят ли они в крестном целовании к Игорю, и те отвечали, что стоят. Всеволод успокоился и 1 августа преставился и был погребен в церкви св. Бориса и Глеба.

Татищев говорит о Всеволоде Ольговиче, что он был толст и плешив, имел широкую бороду, большие глаза и долгий

нос; мог в судах оправдывать и обвинять, кого хотел. Любя наложниц, он более занимался удовольствиями, чем распоряжениями. Народ при нем страдал, и только одни любовницы оплакали его кончину. Соловьев пишет, что Всеволод был князь умный и деятельный, где дело шло о его личных выгодах, умевший пользоваться обстоятельствами, но не разбиравший средств при достижении цели.

ВСЕВОЛОД СВЯТОСЛАВИЧ (кол.9)

Из рода Новгород-Северских кн. Родона-чальник *Трубчевских князей*. Сын Святослава Ольговича и дочери новгородского посадника Марии Петриловны. Кн. Трубчевский. Ж.: дочь вел. кн. Глеба Юрьевича, кн. Ольга. † май 1196 г.

✦

Всеволод участвовал в знаменитом походе своего брата Игоря Святославича в 1185 году и вместе с ним попал в плен, из которого вернулся лишь в 1187 году вместе со своим племянником Владимиром Игоревичем. Доблесть Всеволодова ярко описана в "Слове о полку Игореве". Летописец вторит неизвестному автору и говорит, что после смерти Всеволода его погребли с великим плачем, ибо более всех Ольговичей он отмечен был добродетелью и мужественной доблестью. Епископ Черниговский с игуменами и попами проводили его до гроба и положили его в церкви св. Богородицы, в Чернигове.

ВСЕВОЛОД СВЯТОСЛАВИЧ Чермный (кол.10)

Из рода Черниговских кн. Сын Святослава II Всеволодовича и полоцкой кн. Марии Васильковны. Кн. Черниговский в 1204—1210, 1214 гг. Вел. кн. Киевский в 1206—1287, 1210—1214 гг. Ж.: с 1178 г. дочь короля Польского Казимира II, королевна Мария († 1179 г.). † 1214 г.

✦

В 1202 году Всеволод был союзником Юрика Ростиславича в его войне против

Романа Мстиславича Галицкого и после взятия последним Киева бежал в Чернигов. После смерти Романа в 1206 году союзные князья собрались было идти на Галич, но вернулись с полдороги, узнав, что венгерский король и Всеволод Юрьевич Большое Гнездо покровительствуют галичанам. Но вскоре галичане призвали на княжение Владимира Игоревича с братьями, и Всеволод, обрадованный тем, что этот знаменитый город успели занять родственники, решил отнять у Мономаховичей старшинство в Киеве и сел здесь. Ярослав Всеволодовичу, княжившему в Переяславле, он послал сказать: "Ступай из Переяславля к отцу в Суздаль, а Галича не ищи под моею братьею (летописец сообщает, что галичане и Ярослава звали к себе. — К. Р.); если же не пойдешь добром, то пойду на тебя ратью". Ярослав, не имея надежды получить от кого-либо помощь, поцеловал крест Всеволоду по всей его воле и уехал к отцу во Владимир.

Но в том же году Рюрик, соединившись с племянниками и сыновьями, выгнал Всеволода из Киева, а сына его из Переяславля. Всеволод явился зимою с братьею и с половцами добывать Киев, стоял под ним три недели, но не мог взять и ушел назад ни с чем. Счастливее он был в следующем, 1207 году: соединившись с туровскими и галицкими князьями, он пошел на Киев с большою силою. Рюрик бежал в Овруч, а черниговцы заняли Триполь, Белгород и Торческ, так как киевляне из-за голода не могли выдержать долгой осады. Всеволод снова стал княжить в Киеве, причинив много зла Русской земле через своих союзников половцев. Однако вскоре Рюрик внезапно появился под Киевом и выгнал из него Всеволода; тот напрасно после старался получить этот город силою, ему удалось овладеть им только посредством переговоров со Всеволодом Юрьевичем. В 1210 году он и все Ольговичи прислали в Суздаль митрополита Матфея, прося мира и во всем покоряясь Всеволоду; последний, поссорившийся незадолго пе-

ред тем с одним из Ростиславичей, Мстиславом Мстиславичем Удалым, из-за Новгорода, не мог быть очень расположен в пользу родственников последнего и поэтому согласился, чтоб Всеволод Чермный, как старший между пятигородными братьями в Ярославовом роде, сел в Киеве, а Рюрику отдал Чернигов.

В 1214 году после смерти Рюрика Всеволод не дал его сыновьям удела в Киевской волости и выгнал их всех. Всеволод Юрьевич был уже мертв, и Мономаховичам неоткуда было ждать заступничества. Тогда они послали в Новгород к Мстиславу Мстиславичу Удалому звать его на помощь. Мстислав явился со смолянами и новгородцами. Всеволод ждал его под Вышгородом, где и произошла битва. Черниговцы потерпели в ней поражение. Всеволод бежал за Днепр в Чернигов, потеряв при переправе множество людей. Мстислав Мстиславич осадил Чернигов. В разгар осады Всеволод умер.

ВСЕВОЛОД III ЮРЬЕВИЧ **Большое Гнездо (кол.9)**

Из рода Владимиро-Суздальских вел. кн. Сын Юрия Владимировича Долгорукого и греческой царевны Ольги. Род. в 1154 г. Вел. кн. Киевский в 1173 г. Кн. Переяславский в 1176—1177 гг. Вел. кн. Владимирский в 1177—1212 гг. Ж.: 1) дочь короля Чешского Шварна, королева Мария († 19 марта 1206 г.); 2) дочь кн. Витебского Василька Брячиславича, кн. Любовь. † 15 апр. 1212 г.

В 1162 году Андрей Боголюбский выгнал из своей волости вдову отца, княгиню Ольгу, вместе с ее детьми. Изгнанники поехали в Грецию, где были радушно встречены императором Мануилом. Старшие братья и мать Всеволода так и остались там, но Всеволод некоторое время спустя возвратился на Русь и, как можно предполагать, получил от брата Михаила Городец Остерский.

В 1169 году вместе с многими другими князьями Всеволод участвовал в штурме и разграблении Киева. В 1173 году Ан-

дрей выслал из Киева Романа Ростиславича и хотел отдать великое княжение брату Михаилу, но тот боялся Ростиславичей и уступил Киев Всеволоду. Всеволод просидел в столице пять недель, после чего Ростиславичи тайно ночью въехали в Киев, схватили его и племянника его Ярополка Ростиславича, а также всех бояр и посадили на великое княжение своего брата Рюрика.

Вскоре Рюрик помирился с Михаилом, заключил с ним союз и отпустил Всеволода на свободу. Очевидно, братья обещались помогать Ростиславичам в их войне с Андреем Боголюбским. Однако они не сдержали слова. В том же году они ходили с Андреевой ратью на Киев и Вышгород, а когда поход окончился неудачей — лишились своих волостей в Русской земле и бежали в Чернигов к Святославу Всеволодовичу. Здесь же жили племянники их, Ярополк и Мстислав Ростиславичи, также не имевшие волостей.

***

В 1175 году, после смерти Андрея Боголюбского, ростовцы и суздальцы послали в Чернигов звать Ростиславичей к себе на княжение. Ростиславичи, несмотря на то, что звали их одних, не захотели ехать без дядей, Михаила и Всеволода Юрьевичей, и сказали: “Либо добро, либо лихо всем нам; пойдем все четверо: двое Юрьевичей, да двое Ростиславичей”. Но вскоре дружбе между дядьями и племянниками пришел конец. Ростовцы и суздальцы так ненавидели Андрея Боголюбского, что даже слышать не хотели о его братьях. Михаил был изгнан из Владимира, а Всеволод на этот раз, кажется, вообще не доехал до Суздальской земли и вернулся в Чернигов. Прошло немного времени, и владимирцы с переяславцами, не спрашиваясь уже старших городов, послали звать к себе Михаила и Всеволода. Юрьевичи явились и у села Загорья разбили наголову суздальскую дружину. Михаил с честью и славою вступил во Владимир, а брата отправил княжить в Переяславль За-

лесский. Ростиславичи бежали в Новгород, ростовцы и суздальцы вынужденно целовали крест Михаилу, но только и ждали случая выступить против него.

В 1177 году Михаил умер в Городце Волжском. Ростовцы, не дожидаясь даже верного известия о его смерти, послали за Мстиславом Ростиславичем. Мстислав приехал на зов, собрал ростовцев, всю дружину и отправился с ними к Владимиру. Тем временем владимирцы позвали из Переяславля Всеволода и, выйдя перед Золотые Ворота, целовали крест ему, а также детям его. Всеволод, узнав о приезде Ростиславича, собрал владимирцев, свою дружину, бояр, оставшихся при нем (большая их часть перешла на сторону Ростислава), и отправился с ними навстречу племяннику, а за переяславцами послал другого своего племянника Ярослава Мстиславича.

Всеволод не хотел доверять свою судьбу битве, как любили поступать южные князья, и послал сперва сказать Ростиславу: “Брат! Если тебя призвала старшая дружина, то ступай в Ростов, там и помиримся, тебя ростовцы привели и бояре, а меня с братом Бог привел да владимирцы с переяславцами, а суздальцы пусть выбирают из нас двоих кого хотят”. Но ростовцы и бояре не дали своему князю мириться. Всеволод, получивши отказ, поехал к Юрьеву, здесь дождался переяславцев и объявил им, что ростовцы не хотят мира; переяславцы отвечали: “Ты Мстиславу добра хотел, а он головы твоей ищет, так ступай, князь, на него, а мы не пожалеем жизни за твою обиду, не дай нам Бог никому возвратиться назад; если от Бога не будет нам помощи, то пусть, переступив через наши трупы, возьмут жен и детей наших; еще девяти дней нет, как брат твой умер, а они уже хотят кровь проливать”. На Юрьевском поле, за рекой Кзой, произошла битва: владимирцы со своим князем опять победили: их потери были ничтожны, тогда как со стороны неприятелей часть бояр была убита, дружи-

взяты в плен, сам Мстислав бежал сперва в Ростов, а оттуда — в Новгород; победители захватили села, коней и скот своих врагов. Так Владимир одержал окончательную победу над Ростовом.

Но эта победа не положила конец борьбе Всеволода с племянниками. Мстислав из Новгорода бежал в Рязань к своему зятю Глебу Ростиславичу и стал подстрекать его к войне против Всеволода. Той же осенью Глеб пришел на Москву и сжег весь город. Всеволод поехал ему навстречу, но когда был за Переяславлем, явились новгородцы и сказали ему: "Князь! Не ходи без новгородцев, подожди их". Всегда осторожный, любивший действовать наверняка, Всеволод согласился ждать новгородцев, чтоб с удвоенными силами ударить на врагов, и возвратился. Но он понапрасну дожидался новгородцев: те не приходили; вместо них явились на помощь двое княжичей черниговских — Олег и Владимир Святославичи — да князь Переяславля Русского Владимир Глебович. Всеволод выступил с ними к Коломне и здесь получил известие, что Глеб опустошил с половцами Владимирскую волость. Всеволод вернулся, встретил рязанцев на реке Колакше и нанес им тяжелое поражение. Вся дружина рязанская была перебита и пленена. В плену оказались Мстислав, Глеб и его сын Роман. По этому поводу была большая радость во Владимире. Но гнев на Ростиславичей был еще очень силен. Владимирцы сами поехали в Воронеж, схватили там Ярополка Ростиславича и привезли во Владимир. Горожане требовали казни Ростиславичей. Всеволод сколько мог сопротивлялся, но потом все же велел их ослепить. Глеб умер в тюрьме, а Роман был отпущен в Рязань после того, как обещал во всем исполнить волю владимирского князя.

Таким образом на севере кончилась борьба в пользу последнего из сыновей Юрия Долгорукого. Всеволод стал так же силен, как и брат его Андрей, и немедленно пошел по пути брата: выгнал из

своей волости племянника Юрия Андреевича.

Сделавшись самовластцем в Суздальской земле, Всеволод вполне усвоил также приемы политики Андрея в отношении Новгорода и Киева. В 1180 году младшие братья Романа Рязанского послали сказать Всеволоду: "Брат наш старший Роман отнимает у нас волости, слушаясь тестя своего Святослава (Святослава Всеволодовича, князя Киевского. — К. Р.), а тебе крест целовал и нарушил клятву". Всеволод немедленно выступил в поход, выгнал Романа из Рязани, а сына Святослава, Глеба, в оковах отправил во Владимир. Святослав Всеволодович был совершенно раздосадован таким оборотом дела: ведь он не только в свое время дал приют Всеволоду в его изгнании, но и всеми силами помогал его утверждению на владимирском престоле. Распалась гневом, Святослав пошел походом на Владимирскую волость и встретился с Всеволодом неподалеку от Переяславля Залеского на реке Влене. Всеволод выбрал для своего войска выгодное положение, огороженный горами, рытвинами, но, несмотря на просьбу дружины, не хотел вступить в решительную битву с южными полками, отличавшимися стремительностью натиска, тогда как северяне, напротив, были не слишком сильны в чистом поле, зато отличались стойкостью в обороне. Простояв две недели против владимирцев, Святослав ушел на юг, так и не начав битвы. В 1182 году князья помирились при посредничестве Рюрика Ростиславича, и только тогда Глеб Святославич смог уехать в Киев. Рязанская волость таким образом осталась в сфере влияния владимирских князей. В 1194 году Святослав Всеволодович хотел идти на рязанских князей, но не посмел прямо выступить в поход, а послал сперва к Всеволоду — просить у него на то позволения. Всеволод не согласился, и Святослав вынужден был отменить поход. В том же году он умер. Всеволод послал своих мужей в Киев, и те посади-

ли на великое княжение Рюрика Ростиславича. Рюрик урядился со всеми соседними князьями, а зятю своему Роману Мстиславичу Волынскому отдал пять лучших городов: Торческ, Треполь, Корсунь, Богуслав и Конев, лежащих на реке Роси. Такая тесная дружба между киевским и галицким князем показалась Всеволоду опасной. Подобно Андрею, он старался всеми силами разжигать рознь между южными князьями и послал сказать Рюрику: "Вы называли меня старшим в своем Владимировом племени; теперь ты сел в Киеве, а мне не дал никакой части в Русской земле, роздал другим, младшей брати; ну если мне в ней нет части, то как ты там себе хочешь: кому дал в ней часть, с тем ее и стереги; посмотрю, как ты ее с ним удержишь, а мне не надобно". Рюрик послал к Роману и выпросил у него обратно поросские города. Получив желаемое, Всеволод немедленно отдал Торческ сыну Рюрика Ростиславу. Расчет был верен, ибо когда Роман узнал, что Торческ взят у него и через руки Всеволода передан Рюрикову же сыну, то начал посылать к тестю с жалобами, будучи уверен, что тот сговорился нарочно с Всеволодом и отнял у него волость для того только, чтоб передать ее своему сыну. С этого времени между Галичем и Киевом начались распри, переросшие в кровопролитную войну. Всеволод поддерживал в ней Рюрика, но больше на словах, чем на деле. В 1196 году он сделал было наступательное движение против Ярослава Всеволодовича Черниговского, но помирился с ним при первой возможности, бросив Рюрика одного отбиваться от врагов. Поведение Всеволода сильно раздосадовало Рюрика, который отнял у него поросские города и в дальнейшем правил по своему разумению, а Всеволод завязал отношения с Романом, который признал его за отца.

В 1202 году, уговорившись с Романом, Всеволод отдал Киев Ингварю Ростиславичу Луцкому. Изгнанный из Киева Рюрик попытался было в следующем году

вернуть его, но был вновь побежден Романом и вынужден был целовать крест великому князю Всеволоду и детям его, то есть отказаться от старшинства в роду и по смерти Всеволода. Так усилиями двух окраинных князей — Галицкого и Владимирского — Киев был окончательно унижен и склонился перед новыми столицами.

Позже Рюрик вновь получил Киев из рук Всеволода, а в дальнейшем Всеволод сажал здесь Ростислава Рюриковича (в 1203 году) и Всеволода Святославича Черного (в 1210 году).

Но если далеким Киевом Всеволод руководил более благодаря искусной дипломатии, то в рязанские дела он вмешивался непосредственно. В 1186 году он поддержал Всеволода и Святослава Глебовичей против их старших братьев, а в 1187 году еще раз подверг Рязанскую волость сильнейшему разорению. После этого в течение двадцати лет полностью подчинялись Всеволоду. В 1207 году, когда стали доносить, что рязанские князья сговорились с черниговскими, Всеволод велел схватить их всех и в оковах отвезти во Владимир, а сам с сыновьями пошел к Пронску, после трехнедельной осады взял его и пошел оттуда к Рязани. Рязанцы выслали навстречу владимирскому войску своего епископа Арсения, и тот умолил Всеволода не разорять город. Всеволод согласился, но потребовал, чтобы рязанцы выслали к нему всех оставшихся князей с княгинями, а в 1208 году послал к ним княжить своего сына Ярослава. Рязанцы не мирно жили с новым князем, тогда Всеволод вновь пошел на них, сжег город, а жителей заточил по разным крепостям.

Столь же грозен был Всеволод по отношению к Новгороду Великому. В 1178 году он ходил войной в Новгородскую волость, гневаясь на новгородцев за то, что они не помогли ему в войне против Глеба Рязанского, сжег Торжок и Волоч Ламский и с большой добычей вер-

нулся во Владимир. В 1187 году во время войны со Святославом Всеволодовичем Всеволод опять явился у Торжка, взял и сжег город, а всех торжан вместе с князем их Ярополком Ростиславичем увел в полон. После этого новгородцы выгнали от себя Владимира Святославича Черниговского и, исполняя волю Всеволода, приняли на княжение Ярослава Владимировича. В 1195 году новгородцы попытались выгнать Ярослава, но тот засел в Торжке и два года воевал против горожан. В 1197 году обе стороны приехали во Владимир мириться, и новгородцы взяли Ярослава обратно по всей его воле. С этого времени Всеволод стал распоряжаться в Новгороде, как распоряжался в нем Мономах. В 1199 году он выслал Ярослава, а в Новгороде посадил сына Святослава, а потом своей волей дал городу нового архиепископа Митрофана. Самовластие Всеволода продолжалось до 1211 года. Все эти годы в Новгороде княжил то один его сын, то другой. Наконец новгородцы не выдержали и вызвали на княжение из Торопца Мстислава Мстиславича Удалого. Престарелый Всеволод вынужден был признать этот переворот. Незадолго до смерти, по словам летописца, Всеволод стал изнемогать, и когда пришел его срок, преставился тихо и безмолвно.

ВСЕВОЛОД ЮРЬЕВИЧ (кол.11)

Из рода Владимиро-Суздальских вел. кн. Сын Юрия II Всеволодовича и черниговской кн. Агафии Всеволодовны. Род. 23 окт. 1213 г. Кн. Новгородский в 1221, 1223 гг. Кн. Торжский в 1224 г. Ж.: с 14 апр. 1230 г. дочь вел. кн. Киевского Владимира Романовича, вел. кн. Марина. † 7 февр. 1238 г.

В 1221 году Юрий Всеволодович дал новгородцам Всеволода в князья по всей их воле. Но Всеволоду не понравилось в Новгороде, в том же году он тайком выехал оттуда со всем своим двором. Юрий

отправил в Новгород своего брата Ярослава, а в 1223 году — опять Всеволода. В следующем году Всеволод вновь тайком ушел из Новгорода и засел в Торжке. Юрий с братом и племянником Васильком пришел к нему на помощь, взял с новгородцев 7 000 выкупа и дал им в князья Михаила Всеволодовича.

В декабре 1237 года Юрий отправил Всеволода на помощь рязанским князьям против татар. Вместе с Романом Ингваревичем Всеволод заперся в Коломне. Татары после крепкой сечи ворвались в город, убили Романа и многих дружинников, а Всеволод бежал во Владимир. Юрий поехал собирать войска, а Всеволода и другого своего сына, Мстислава, оставил защищать Владимир. 3 февраля орды татар, бесчисленные как саранча, подступили к Владимиру. Прежде чем начать штурм, они подвели к Золотым воротам Владимира Юрьевича, взятого ими в плен в Москве. Всеволод и Мстислав хотели немедленно выехать из ворот и биться с татарами, но были удержаны воеводой Петром Ослядьковичем. Между тем татары начали ставить леса и пороки (стенобитные орудия), а ночью огородили весь город тыном. Утром Всеволод и владыка Митрофан, увидев эти приготовления, поняли, что города не отстоять, и начали готовиться к смерти. Всеволод с женою и многие бояре приняли схиму. 7 февраля татары приступили к городу, до обеда взяли Новый город и запалили его, после чего князья Всеволод и Мстислав и все жители бросились бежать в старый, или Печерный, город. Всеволод думал умиловить Батыя, вышел к нему из города с малою дружиной, неся дары, но Батый не пощадил его молодости и велел зарезать перед собою.

ВСЕВОЛОД ЯРОПОЛКОВИЧ (кол.11)

Из рода Черниговских кн. Сын Ярополка Ярославича. Кн. Черниговский в 1246—1261 гг. † 1261 г.

ВСЕВОЛОД I ЯРОСЛАВИЧ (кол.6)

Из рода Рюриковичей. Сын Ярослава I Мудрого и шведской королевны Ингигерды. Род. в 1030 г. Кн. Переяславский в 1054—1073 гг. Кн. Черниговский в 1073—1078 гг. Вел. кн. Киевский в 1077, 1078—1093 гг. Ж.: 1) с 1046 г. греческая царевна Анна (по другим сведениям — Мария) († ноябрь 1067 г.); 2) половецкая княжна Анна († 7 окт. 1111 г.). † 13 апр. 1093 г.

В 1060 году Всеволод вместе со старшими братьями Изяславом и Святославом ходил на торков. В 1061 году половецкий хан Искан победил Всеволода и опустошил Переяславскую область. В 1067 году вместе с Изяславом Всеволод ходил на Всеслава Брячиславича Полоцкого, а в 1068 году все три Ярославича были разбиты половцами на Альте. Всеволод укрылся в Киеве, а затем, после восстания киевлян, бежал в свой Переяславль.

В 1073 году, поддавшись уговорам Святослава, Всеволод вместе с ним выступил против старшего брата Изяслава и прогнал его из Киева. Святослав стал княжить в Киеве, а Всеволоду отдал Чернигов. В 1076 году, после смерти Святослава, Всеволод сел на Киевский престол. Услышав об этом, Изяслав в 1077 году пришел на Русь с поляками. Всеволод вышел ему навстречу, и на Волыни они заключили мир. Изяслав, вернувшись, сел в Киеве, а Всеволоду отдал вновь Чернигов. В том же году по указке старшего брата Всеволод ходил на Полоцк, но не добился успеха.

В 1078 году у Всеволода начались распри с племянником Олегом Святославичем, который, лишенный всех волостей, празднично жил в Чернигове. Олег, как видно, потребовал у Всеволода Чернигова, но, не получив ничего, в великом гневе бежал от дяди в Тмутаракань. Там вместе с двоюродным братом Борисом Вячеславичем стал он злоумышлять против Всеволода и собирать половцев. Изготовившись, в том же году Олег и Борис пришли с половцами

на Русь и двинулись против Всеволода к Чернигову. Всеволод вышел им навстречу на Сожицу и 26 августа сразился с половцами на берегу реки. Половцы одолели русских, побили многих знатных воевод и принялись повсюду разорять русскую землю. Олег же с Борисом вошли в Чернигов.

Всеволод побегал к брату Изяславу в Киев. Изяслав принял его приветливо и, не помня старых обид, обещал помочь. Оба князя выступили в поход вместе со своими сыновьями. Когда они подступили к Чернигову, горожане затворились от них в городе, а Борис с Олегом отправились собирать войско для борьбы против дядей.

Изяслав и Всеволод осадили Чернигов. Сын Всеволода, Владимир Мономах, пробился сквозь восточные ворота в город и запер черниговцев в кремле. Вскоре подошли Олег с Борисом. У села Нежатая Нива произошло решительное сражение. С немалым трудом дядья одолели племянников. Борис Вячеславич пал в начале битвы, а в конце погиб великий князь Изяслав.

Схоронив брата, Всеволод начал княжить в Киеве, а Чернигов отдал сыну Владимиру. Имея, как видно по всему, мирный и спокойный нрав, Всеволод поручил своему сыну все войны. Пятнадцать лет, по смерти братьев, сидел он в Киеве, управляя всей русской землей. За эти годы много неприятностей доставляли ему племянники, стремившиеся получить ту или иную волость. Среди этих огорчений пришли к нему недуги, а затем приспела и старость. В эти последние годы своего правления стал он, по словам летописца, любить разум молодых, устраивая советы с ними. Они настраивали его против старой дружины, так что люди не могли добиться княжеского суда. Слуги княжеские грабили и продавали людей, а князь того не знал из-за своих болезней. Когда же Всеволод совсем разболелся, то послал за сыном Владимиром в Чернигов. Владимир приехал в Киев и, увидев, что отец его совсем болен, заплакал. Так в присутствии Владимира и младшего своего сына

Ростислава Всеволод тихо и кротко скончался и погребен был в храме св. Софии.

ВСЕСЛАВ БРЯЧИСЛАВИЧ (кол.7)

Из рода Полоцких кн. Сын Брячислава Изяславича. Кн. Полоцкий в 1044—1068, 1071—1101 гг. Вел. кн. Киевский в 1068—1069 гг. † 14 апр. 1101 г.

В 1065 году Всеслав осаждал Псков, используя многие пороки (стенобитные орудия), но ничего не добился. В 1067 году на берегу Черехи он разбил князя Новгородского Мстислава Изяславича и занял Новгород. Не надеясь удерживать города, Всеслав угнал в полон многих жителей и пограбил церкви. Со св. Софии полочане снимали колокола. Князья Ярославичи — Изяслав, Святослав и Всеволод, — объединившись, пошли на Всеслава. По пути они взяли Минск, перебили в городе всех мужчин, а женщин и детей угнали в полон. 3 марта в снегопад полочане встретили князей на Немиге и жестоко бились с ними. С обеих сторон пало много людей. В конце концов Ярославичи одолели, а Всеслав бежал.

В июле Ярославичи стали звать Всеслава в Смоленск на переговоры и поклялись на кресте, говоря: “Приходи к нам, не сделаем тебе зла”. Всеслав, положившись на их крестоцелование, переехал к ним в ладье через Днепр. Когда же Изяслав, идя впереди, ввел Всеслава к себе в шатер, его люди кинулись на полоцкого князя и скрутили его. Пленника отвезли в Киев и заключили в срубе (темнице), где не было дверей, а только маленькое оконце, через которое князю подавали пищу. Так просидел Всеслав в темнице почти целый год.

В следующем году половцы разбили русских князей на Альте. После этого киевляне собрались на вече и решили: “Пойдем освободим Всеслава из темницы, а потом вместе с ним побьем половцев”. Прежде чем Изяслав успел помешать это-

му, киевляне разметали сруб и тут же, среди княжеского двора, провозгласили Всеслава своим князем. Изяслав в страхе бежал, а двор его и казну разграбили.

Тем временем Святослав с черниговцами победил половцев у Сновска. Всеславу так и не пришлось с ними встретиться. Семь месяцев он сидел в Киеве и правил как великий князь.

В 1069 году Изяслав с поляками и королем Болеславом II двинулся на Киев. Всеслав с киевлянами вышел было ему навстречу, но у Белгорода князь тайно покинул свое войско и бежал в Полоцк. Едва утвердившись у власти, Изяслав поспешил отомстить Всеславу и изгнал его из Полоцка. Всеслав бежал на север к волжанам, а в октябре 1069 года внезапно явился с ними к Новгороду. Глеб Святославич с полком новгородским бился с волжанами и одолел их в злой сече у самых стен города. В схватке пало множество волжан, а самого Всеслава новгородцы отпустили. Вскоре Всеслав с новой дружиной еще раз был разбит у Голотьска, на этот раз Ярополком Изяславичем, но затем все-таки овладел родным Полоцком.

Последовавшая затем ссора Ярославичей и изгнание Изяслава из Киева принесли Всеславу несколько лет мира. Но вернувшись к власти в 1077 году, Изяслав сразу послал на Полоцк своего брата Всеволода, а в 1078 году Владимир Мономах выжег полоцкий посад. Но оба похода остались без особых последствий. В том же году Изяслав погиб в битве у Нежатиной Нивы, а Всеслав пожег посады вокруг Смоленска. Владимир Мономах отправился за Всеславом в погоню, проник по его следам в Полоцкую волость, повоевал и пожег всю землю.

ВСЕСЛАВ ВАСИЛЬКОВИЧ (кол.10)

Из рода Витебских кн. Сын Василька Святославича. Кн. Полоцкий с 1162 г. Ж.: дочь кн. Смоленского Романа Ростиславовича.

Рерих Н.К. Заморские гости. 1901

Поход киевского князя Святослава в болгарские земли. Миниатюра из болгарской рукописи. XIV в.

Васнецов В.М. Весний Олег и волхв. 1899

Княжеский шлем. Владимиро-Суздальская Русь. XII в.

Лосенко А.П. Владимир и Рогнеда. 1770

Собор Св. Софии в Новгороде Великом. XI в.

Золотые врата
во Владимире. XII в.

Икона Св. Бориса и Глеба. XIV в.

Встреча князя Юрия Долгорукого с князем Святославом Ольговичем 4 апреля 1147 г. Лицевой летописный свод

Пайза-знак татарских сборщиков дани

Куликовская битва. Средневековая миниатюра

Иван Грозный. Прижизненный портрет. XVI в.

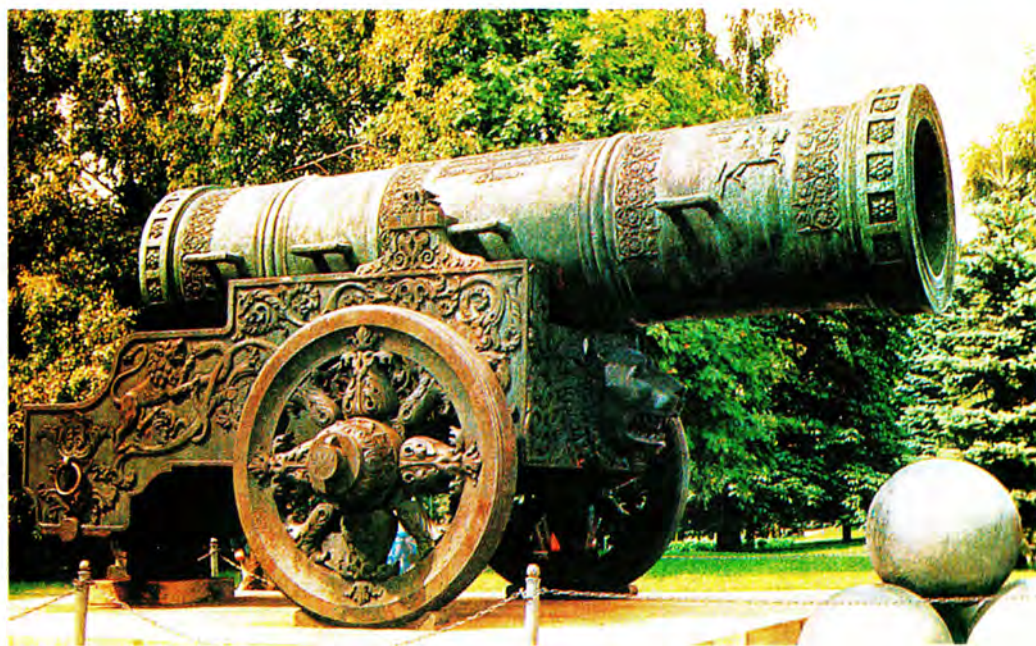
Кившенко А.Д. Покорение Казани. 1880-е гг.

Успенский собор
Московского Крем-
ля. XV в.

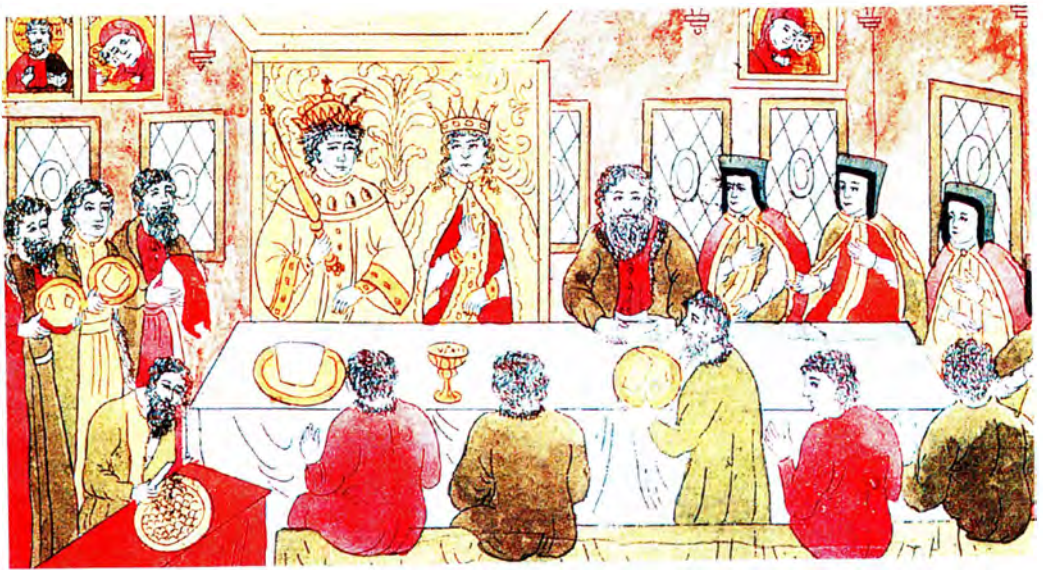

Убііство царевича Дмитрия.
Фреска церкви Дмитрия
«на крови». Углич. XVII в.

Андрей Чохов. Царь-пушка. 1586

Царский пир. Миниатюра. XVI в.

Рябушкин А.П. Сидение царя Михаила Федоровича с боярами в его государевой комнате. 1893

✚

В 1162 году, после того как Рогволод Борисович ушел из Полоцка, полочане взяли себе в князья Всеслава. В 1167 году Всеслав был разбит Володарем Глебовичем и бежал в Витебск к Давыду Ростиславичу. Володарь явился было под Витебск, но бежал, а Всеслав опять сел в Полоцке.

ВСЕСЛАВ ИЗЯСЛАВИЧ (кол.6)

Из рода Полоцких кн. Сын Изяслава Владимировича. Кн. Полоцкий в 1001—1003 гг. † 1003 г.

ВСЕСЛАВ МИКУЛИЧ

Из рода Полоцких кн. Кн. Лагожский ок. 1180 г.

ВЫШЕСЛАВ **ВЛАДИМИРОВИЧ** (кол.5)

Из рода Рюриковичей. Старший сын св. Владимира Святославича. Род. ок. 978 г. Кн. Новгородский в 987—1010 (?) гг.

✚

В летописи упомянуто, что Владимир посадил Вышеслава в Новгороде и что матерью его была некая "чехиня". Однако Соловьев вслед за Татищевым склонен считать, что матерью Вышеслава была самая первая жена Владимира — некая варажская княжна Олава. Владимир якобы женился на ней в то время, когда он скрывался за морем от Ярополка.

ВЯЗЕМСКИЕ КНЯЗЬЯ

Род русских князей, ветвь *Смоленских князей*. Основан Андреем Владимировичем Долгая Рука.

✚

Правнук Андрея, князь Андрей Афанасьевич, в 1300 году отбил от Дорогобужа осаждавшего его князя Александра Глебовича Смоленского. Как можно предпо-

ложить, его сын Семен и внук Роман (умер в 1403 году) оставались владельческими князьями. В 1405 году Вязьма была взята Витовтом. Тогда здесь княжил Александр Михайлович (возможно, представитель младшей ветви князей Вяземских). Но и после этого князья Вяземские продолжали владеть своей волостью в качестве удельных князей Великого княжества Литовского. В 1493 году Вязьма была присоединена к Москве, и с этого времени Вяземские князья вступили в разряд служилой московской аристократии. Их род к этому времени был очень многочисленным (на схеме выделены лишь две главные линии).

ВЯЧЕСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ (кол.8)

Из рода Рюриковичей. Сын Владимира Всеволодовича Мономаха и английской королевны Гиды Гарольдовны. Род. в 1083 г. Кн. Смоленский в 1113—1125 гг. Кн. Туровский в 1125—1132, 1134—1142, 1142—1146 гг. Кн. Переяславский в 1132—1134, 1142 гг. Кн. Пересопнинский в 1146—1149 гг. Кн. Вышгородский в 1149—1151 гг. Вел. кн. Киевский в 1139, 1151—1154 гг. † 6 февр. 1154 г.

✚

В 1134 году Ярополк II Владимирович перевел Вячеслава из Турова в Переяславль. Но спокойный Вячеслав вскоре почувствовал себя неуютно на самом юге Руси подле торков, половцев и черниговских Ольговичей. Он бросил свою волость, хотел идти обратно в Туров, но дошел на

первый раз только до Днепра и воротился назад. Говорят, будто Ярополк послал сказать ему: "Что ты все скитаешься, не посидишь на одном месте, словно полочин?" Но Вячеслав успокоился не надолго: бросил Переяславль в другой раз, пошел в Туров, выгнал отсюда Изяслава Мстиславича и сел на его место.

В феврале 1139 года, по смерти Ярополка, Вячеслав оставался самым старшим из Мономаховичей и потому беспрепятственно сел в Киеве. Но как только глава клана черниговских князей Всеволод Ольгович узнал о смерти Ярополка и о том, что в Киеве на его месте сидит Вячеслав, то немедленно собрал небольшую дружину и занял Вышгород; отсюда, выстроив полки, пошел к Киеву, стал в Копыреве конце и начал поджигать дворы в этой части города, послав сказать Вячеславу: "Иди добром из Киева". Вячеслав отправил к нему митрополита с таким ответом: "Я, брат, пришел сюда на место братьев своих, Мстислава и Ярополка, по завещанию наших отцов; если же ты, брат, захотел этого стола, оставив свою отчину, то, пожалуй, я буду меньше тебя, пойду в прежнюю свою волость, а Киев тебе".

Вячеслав сел вновь в Турове. В том же году половцы вместе с Изяславом Давыдовичем повоевали его волость, но Вячеслав Ольгович и остался сидеть на своем столе. В 1142 году Всеволод Второй послал сказать Вячеславу: "Ты сидишь в Киевской волости, а она мне следует: ступай в Переяславль, отчину свою". Вячеслав отправился в Переяславль, а в Турове Всеволод посадил своего сына Святослава. Это распоряжение озлобило всех Ольговичей. Владимир и Изяслав Давыдовичи объединились с Игорем и Святославом Ольговичами, и все они поехали отнимать у Вячеслава Переяславль. Вероятно, они надеялись так же легко выгнать его из этого города, как брат их Всеволод выгнал его из Киева, но обманулись в надежде, встретили отпор у города. Между тем Все-

волод послал на помощь Вячеславу воеводу Лазаря Саковского с печенегам и киевлянами; с другой стороны Изяслав Мстиславич, услышав, что черниговские князья пришли на его дядю, поспешил отправиться с полком своим к Переяславлю и разбил их. Ольговичи побежали в свои города, но, когда Изяслав ушел в свой Владимир, Игорь вновь собрал братьев: поехали в другой раз к Переяславлю, стали у города, бились три дня и, опять ничего не добившись, возвратились домой. Вячеслав, которому очень не нравился Переяславль, выпросил у Всеволода Ольговича свой любимый и спокойный Туров, а Переяславль Всеволод отдал Изяславу Мстиславичу. Часть Туровских городов он, однако, удержал за собой и раздал братьям.

В 1146 году Всеволод Ольгович умер, и, после недолгого княжения Игоря Ольговича, Киев захватил Изяслав. Сам Изяслав сначала не хотел нарушать право дяди Вячеслава, которому по родовым счетам теперь следовал Киев. Отправившись в поход против Игоря Ольговича, он объявил, что идет возвращать старший стол Вячеславу. Но дела переменялись, когда он действительно овладел Киевом. Между тем Вячеслав стал распоряжаться как старший: захватил города, которые отняты были у него Всеволодом Ольговичем, захватил и Владимир Волынский и посадил в нем племянника Владимира Андреевича. Но Изяслав поспешил уверить его, что не он великий князь; послал на дядю брата Ростислава и племянника Святослава Всеволодовича; те отобрали у Вячеслава Туров, схватили в нем епископа Иоакима и посадника Жирослава. В Турове Изяслав посадил своего сына Ярослава, а Вячеславу оставил только Пересопницу.

В 1149 году, изгнанный из Киева дядей Юрием Долгоруким, Изяслав, приговарываясь к войне и зная теперь, как трудно идти против общего убеждения в пра-

вах дяди перед племянником, обратился к старику Вячеславу: "Будь мне вместо отца, ступай садись в Киеве, а с Юрием не могу жить; если же не пойдешь в Киев, то я пожгу твою волость". Вячеслав испугался угроз и послал сказать брату Юрию: "Либо мирись с Изяславом и дай ему, чего он хочет, либо приходи ко мне с полком, защити мою волость, а если, брат, не поедешь, то на меня не жалуйся".

Юрий приехал в Пересопницу, оба брата двинулись к Луцку и здесь помирились с Изяславом. После этого Юрий возвратился к Киеву и хотел было уступить этот стол по старшинству Вячеславу, но бояре отсоветовали ему. "Брату твоему не удержать Киев, — говорили они, — не достанется он ни тебе, ни ему". Тогда Юрий вывел из Вышгорода сына своего Андрея и посадил там Вячеслава.

В следующем, 1150 году Изяслав Мстиславич неожиданно подступил к Киеву, когда его никто не ждал. Юрий бежал, а на его место явился старый Вячеслав. Киевляне вышли навстречу Изяславу и сказали ему так: "Юрий вышел из Киева, а Вячеслав сел на его место; но мы его не хотим". Изяслав предложил своему дяде покинуть Киев: "Я тебя звал на киевский стол, но ты тогда не захотел; а теперь, когда брат твой выехал, так ты садишься? Ступай теперь в свой Вышгород". Вячеслав отвечал: "Хоть убей меня на этом месте, не съеду". Изяслав въехал в Киев, поклонился св. Софии, оттуда поехал на двор Ярославов со всеми своими полками и со множеством киевлян. Многие начали уговаривать Изяслава захватить князя, а иные уже начали кричать: "Подсечем под ним сени". Но Изяслав остановил их. "Сохрани меня Бог, — говорил он, — я не убийца своей братии; дядя мне вместо отца, я сам пойду к нему". Взявши с собой немного дружины, он пошел на сени к Вячеславу и поклонился ему. Вячеслав встал, поцеловался с племянником, и когда оба сели, то Изяслав стал говорить:

"Батюшка! Кланяюсь тебе, нельзя мне с тобой рядиться, видишь, какая сила стоит народу, много лиха против тебя замышляют; поезжай в свой Вышгород, оттуда и будем рядиться". Вячеслав отвечал: "Ты меня сам, сын, звал в Киев, а я целовал крест брату Юрию; теперь уже если так случилось, то Киев тебе, а я поеду в свой Вышгород" — и, сошедши с сеной, уехал из Киева, а Изяслав сел здесь.

Юрий тем временем соединился с Ольговичами, Давыдовичами и Владимирком Галицким. Узнав о всей этой силе, Изяслав Мстиславич поехал в Вышгород к Вячеславу и сказал ему: "Ты мне отец; вот тебе Киев и какую еще хочешь волость возьми, а остальное мне дай". Вячеслав сначала отвечал на это с сердцем: "А зачем ты мне не дал Киева тогда, заставил меня со стыдом из него выехать; теперь, когда одно войско идет из Галича и другое из Чернигова, так ты мне Киев даешь". Изяслав говорил на это: "Я к тебе посылал и Киев отдавал тебе, объявлял, что с тобою могу быть, только с братом твоим Юрием мне нельзя управиться, но тебя люблю, как отца, и теперь тебе говорю: ты мне отец, и Киев твой, поезжай туда". Старика размягчили эти слова, и он целовал крест на гробе Бориса и Глеба, что будет иметь Изяслав сыном, а Изяслав клялся иметь его отцом; целовали крест и бояре их. Изяслав отправился к Звенигороду против Владимирка Галицкого, Вячеслав же по его просьбе отдал ему дружину. Однако киевляне, бывшие с Изяславом, бежали, не приняв сражения. Тогда князья сказали друг другу: "Теперь не наше время" — и поехали из Киева: Вячеслав — в Вышгород, а Изяслав — во Владимир Волынский.

Но в том же году Изяслав опять занял Киев и первым делом послал за Вячеславом: "Батюшка! Кланяюсь тебе; если Бог отца моего Мстислава взял, то ты у меня

отец. Согрешил я перед тобою сначала тогда, а теперь каюсь; и снова когда мне Бог дал победить Игоря у Киева, то я на тебе чести не оказал, но теперь, батюшка, во всем том каюсь перед Богом и перед тобою; если ты меня, батюшка, простишь, то и Бог простит; отдаю тебе, батюшка, Киев, поезжай, сядь на столе деда и отца своего!" Дядя и племянник целовали крест не разлучаться ни в добре, ни в зле.

В 1151 году Вячеслав въехал в Киев. На другой день он послал сказать Изяславу: "Сын! Бог тебе помоги, что воздал мне честь, как отцу; а я вот что тебе скажу: я уже стар и всех рядов не могу рядить, между христианами или погаными. Станем вместе: дружина и полки будут у нас общие, ты ими ряди; где нам можно будет обоим ехать, оба поедем, а где нельзя, там ты один поедешь с моим полком и со своим". Изяслав с великой радостью и великой честью поклонился своему дяде и сказал: "Батюшка, кланяюсь тебе, как мы уговорились, так нам, дай Бог, и быть до конца жизни".

Между тем Юрий Долгорукий выступил с союзниками из Городка, явился с войском к Киеву, а оттуда пошел к Малому Рутцу. Здесь и произошла жестокая сеча. Киевляне побили Юрьеву рать и прогнали его в Переяславль. Вячеслав с племянниками в том же году ходил на него, бились они два дня, а на третий пехота ворвалась в город и зажгла предместья. Юрий, которому неоткуда было ждать помощи, помирился с братом и племянниками и ушел в Суздаль.

В 1154 году Изяслав Мстиславич умер. Старый Вячеслав больше всех плакал по племяннику, под защитой которого он успокоился. "Сын! — причитал старик над его гробом. — Это было мое место; но, видно, перед Богом ничего не сделаешь!" После похорон Вячеслав вызвал из Смоленска Ростислава Мстиславича и сказал ему: "Сын! Я уже стар, всех рядов не могу

рядить, даю их тебе, как брат твой держал и рядил, а ты почитай меня, как отца, и уважай, обходясь, как брат твой со мной обходился; вот мой полк и дружина моя, ты их ряди". Ростислав поклонился и обещал уважать Вячеслава, как уважал его Изяслав.

Урядившись с дядей, Ростислав пошел на Изяслава Давыдовича, который уже готовился к захвату Киева. Вячеслав проводил племянника и после этого ночью пировал с дружиною. Потом пошел спать, но как лег, так больше и не встал и умер во сне. Ростислав вернулся с дороги, оплакал дядю и похоронил его в Софийском храме, а имение его раздал нищим и духовенству.

ВЯЧЕСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ (кол. 11)

Из рода Витебских (?) кн. Сын (?) Владимира Васильковича. Кн. Кукейносский.

Генрих Латвийский в своей хронике сообщает, что Вячеслав, не будучи в состоянии бороться собственными средствами с Литвою, в 1207 году явился в Ригу и предложил епископу половину своей земли и города, если тот возьмется защищать его от варваров. Епископ с радостью согласился на такое предложение; однако из дальнейшего рассказа не видно, чтоб он немедленно воспользовался им. Вероятно, Вячеслав обещал принять к себе немецкий гарнизон только в случае литовского нападения. Как бы то ни было, русский князь скоро увидел на опыте, что вместо защитников он нашел в рыцарях врагов, которые были для него опаснее литовцев. Между ним и рыцарем Даниилом фон Леневарденом произошла ссора; последний внезапно напал ночью на Кукейнос, овладел им без сопротивления, похватал жителей, забрал их имущество, самого князя заключил в оковы. Епископ, узнав об этом,

послал приказ Даниилу немедленно освободить князя, возвратить ему город и все имущество; потом позвал Вячеслава к себе, принял с честью, богато одарил лошадьми и платьем, помирил с Даниилом, но при этом напомнил его прежнее обещание сдать немцам половину крепости и отправил в Кукейнос отряд войска для занятия и укрепления города на случай литовского нападения. Князь выехал из Риги с веселым лицом, но в душе затаил месть: он видел, что в Риге все готово было к отъезду епископа и многих крестоносцев в Германию, и решил воспользоваться этим удобным случаем для освобождения своего города от неприятных гостей. Думая, что епископ с крестоносцами уже в море, он, по совету с дружиной, начал действовать, когда почти все немцы спустились в ямы, где добывали камень для городских построек, а мечи свои и прочее оружие оставили наверху, княжеские отроки и мужи подбежали к ямам, овладели оружием и умертвили его владельцев. Троице из последних, однако, удалось спастись бегством и достигнуть Риги: они рассказали, что случилось с ними и их товарищами в Кукейносе. Тем временем Вячеслав послал к полоцкому князю Владимиру коней и неприятельское оружие с приглашением идти как можно скорее на Ригу. Полоцкий князь начал собирать свои войска. Но Вячеслав жестоко ошибался в своих надеждах: противные ветры задержали Альберта в Двинском устье, и, когда в Ригу пришла весть о происшествиях в Кукейносе, он немедленно возвратился. Немцы, рассеянные по всей Ливонии, собрались в Ригу. Тогда русские, видя, что не в состоянии бороться против соединенных сил Ордена, собрали свои пожитки, подожгли Кукейнос и ушли далеко на восток.

Из последующих событий становится ясно, что Вячеслав уехал в Чудскую зем-

лю, в Юрьев, где находился в 1224 году. Вячеслав хорошо помнил обиду и был непримиримым врагом Ордена: брал он дань со всех окружающих стран, говорит немецкий летописец, а на тех, которые не давали дани, насылал войско и опустошал, причиняя немцам всякое зло, какое только было в его власти. В нем находили себе защиту все эсты, восставшие против пришельцев. Это особенно возбуждало злобу немцев к Вячеславу. Наконец они решились собрать все свои силы, чтоб овладеть ненавистным городом, в котором, по словам их летописца, собраны были все злодеи, изменники и убийцы, все враги церкви ливонской под начальством того князя, который исстари был корнем всех зол для Ливонии. Отправились под Юрьев все рыцари Ордена, слуги римской церкви, пришлые крестоносцы, купцы, граждане рижские, крещенные ливы и летты, и 15 августа Юрьев был осажден. Немцы приготовили множество осадных машин, из огромных деревьев построили башню вровень с городскими стенами и под ее защитой начали вести подкоп. Несмотря на это, осаждающие попытались еще завести переговоры с Вячеславом: они послали к нему нескольких духовных особ и рыцарей и предложили свободно выйти из крепости со всею дружиною, лошадьми, имуществом, если он согласится покинуть отступников-эстов. Вячеслав, ожидая прихода новгородцев, не принял их предложений. Тогда осада началась с новой силой и продолжалась много дней без успеха: искусство и мужество с обеих сторон было равное, осаждающие и осажденные равно не знали покоя ни днем ни ночью: днем сражались, ночью играли и пели. Осажденные пробили в стене большое отверстие и выкатили оттуда раскаленные колеса, чтоб зажечь башню, которая наносила столько вреда крепости; осаждающие

должны были сосредоточить все силы, чтоб защитить от пожара и спасти свою башню. Между тем брат епископа Иоганн фон Апельдерн начал штурм. Часть рыцарей ворвалась в город сквозь пролом, сделанный самими осажденными. За немцами ворвались летты и ливы, и началась резня: никому не было пощады, русские долго еще бились внутри стен, наконец были истреблены; немцы окружили отовсюду крепость и не позволили никому спастись бегством. Новгородский летописец записал: "Того же лета убивша князя Вячка немцы в Гюргеве, а город взяша".

**ВЯЧЕСЛАВ ЯРОСЛАВИЧ
(кол.6)**

Из рода Рюриковичей. Сын Ярослава Первого Мудрого и шведской королевны Ингегерды. Род. ок. 1034 г. Кн. Смоленский в 1054—1057 гг. Ж.: с 1052 г. графиня Штаденская Ода Леопольдовна. † 1057 г.

**ВЯЧЕСЛАВ ЯРОСЛАВИЧ
(кол.9)**

Из рода Рюриковичей. Сын Ярослава Святотопковича и дочери Мстислава I Владимировича. Кн. Клевский ок. 1127 г. (Клевск — городок рядом с Минском).

ГАЛИЦКИЕ КНЯЗЬЯ (Старшая ветвь)

См. Перемышльские и Галицкие князья.

ГАЛИЦКИЕ КНЯЗЬЯ

Род русских князей, ветвь *Владимиро-Суздальских великих князей*, владевших Галичем-Мерским. Основан Константином Ярославичем.

ГАЛИЦКИЕ КНЯЗЬЯ И КОРОЛИ (Младшая ветвь)

Род русских князей, ветвь *Владимиро-Волынских князей*. Основан Даниилом Романовичем.

ГЛЕБ ВАСИЛЬКОВИЧ (кол.12)

Из рода Ростовских кн. Родоначальник *Бело-зерских князей*. Сын Василька Константиновича и черниговской кн. Марии Михайловны. Род. в 1237 г. Кн. Белозерский в 1238—1278 гг. Кн. Ростовский в 1277—1278 гг. Ж.: с 1257 г. дочь хана Сартака, внуч-

Св. ГЛЕБ ВЛАДИМИРОВИЧ (кол.5)

Из рода Рюриковичей. Сын св. Владимира Святославича. Кн. Муромский. † 1015 г.

По летописи, матерью Глеба была некая "болгарыня". Но Соловьев, следуя за Татищевым, считает, что он, как и Борис, был сыном византийской царевны Анны. Похоже, Владимир питал слабость к своим младшим "царственным" детям, выдывая их среди своих двенадцати сыновей. Это сыграло роковую роль в их судьбе, когда в 1015 году Владимир внезапно умер, а киевский стол захватил его пасынок Святосполк. Сначала он подослал убийц к Борису, а потом и к Глебу.

Борис и Глеб. Икона. Новгород, около 1335 г.

Летописец сообщает, что Глеб, услышав о кончине отца, поспешил в Киев. Вниз от Смоленска он плыл по Днепру на ладье. При нем была небольшая дружина. У Смядыни его догнал посол от Ярослава Мудрого из Новгорода. Посол сказал: "Не плыви далее. Брат твой Борис убит Святополком". Услышав это, Глеб стал плакать и молиться, а тем временем подоспели посланные Святополком убийцы, которых тот отправил перехватить Глеба по дороге. Незаметно подкравшись к кораблю князя, убийцы захватили его и обезоружили всех его слуг. Один из убийц по имени Горясер стал принуждать их, чтобы те сами убили своего князя. Тогда повар Глеба по имени Торчин, вынув нож, подступил к Глебу и зарезал его как ягненка. Труп юного князя бросили на берегу, между двумя колодами. Лишь спустя несколько лет тело его привезли в Вышгород и погребли в церкви св. Василия рядом с братом Борисом.

ГЛЕБ ВСЕВОЛОДОВИЧ (кол.9)

Из рода Городненских кн. Сын Всеволода Давыдовича и киевской кн. Агафии Владимировны. Кн. Городненский в 1169—1172 гг.

ГЛЕБ ВСЕСЛАВИЧ (кол.8)

Из рода Полоцких кн. Родоначальник *Минских князей*. Сын Всеслава Брячиславича. Кн. Минский в 1101—1119 гг. Кн. Полоцкий в 1116—1119 гг. Ж.: с 1090 г. дочь кн. Владимиро-Волынского Ярополка Изяславича, кн. Анастасия († 1159 г.). † 13 сент. 1119 г.

В 1104 году воевода князя Святополка Изяславича, Путята, а также Олег Святославич и Ярополк Владимирович, сын Мономаха, ходили осаждать Глеба в Минске, но возвратились без успеха. В 1106 году Глеб с другими полоцкими князьями ходил на зимеголу (балтийское племя), но в бою они потеряли множество воинов и едва могли спасти остатки

своей рати. В 1116 году Глеб начал войну с Мономахом, сжег Слуцк и захватил много людей между Припятью и Двиною. Тогда Владимир, надеясь на Бога и на правду, по выражению летописца, пошел к Минску со своими сыновьями, а также с Давыдом Святославичем и сыновьями Олега Святославича. Мономаховичи взяли Оршу и Друцк, а сам Владимир подошел к Минску и осадил в нем Глеба. Мономах решил захватить этот город, сколько бы ни пришлось стоять под ним, и для того велел у стана строить прочное жилье (избу). Глеб, увидев приготовления к долгой осаде, испугался и начал слать послов с просьбами. В то время шел Великий пост. Владимир, не желая проливать христианскую кровь в Великий пост, дал ему мир; Глеб вышел из города с детьми и дружиною, поклонился Владимиру и обещал во всем его слушаться; тот, дав ему наставления, как вперед вести себя, возвратил ему Минск и пошел назад в Киев. Но в 1119 году Глеб начал новую войну, повоевал Смоленскую волость. Мстислав Владимирович, сын Мономаха, вновь ходил на Минск, пленил Глеба, привел его в Киев, где он в том же году скончался.

ГЛЕБ КОНСТАНТИНОВИЧ (кол.12)

Из рода Смоленских кн. Родоначальник *Фоминских князей*. Сын Константина Давыдовича.

ГЛЕБ ОЛЬГОВИЧ (кол.8)

Из рода Черниговских кн. Сын Олега Святославича и кн. половецкой. Кн. Курский в 1135—1138 гг. † 1138 г.

ГЛЕБ РОГВОЛОДОВИЧ (кол.10)

Из рода Друцких кн. Сын Рогволода Борисовича. Кн. Друцкий в 1146—1151 гг. и с 1163 г.

ГЛЕБ РОСТИСЛАВИЧ (кол.9)

Из рода Рязанских кн. Сын Ростислава Ярославича. Кн. Рязанский в 1145—1178 гг. Ж.: дочь Ростислава Юрьевича († 1179 г.). † 30 июня 1178 г.

В 1175 году, после смерти Андрея Юрьевича Боголюбского, Глеб помог утвердиться у власти во Владимире своим шурыям Ростиславичам. После их изгнания в 1176 году он сначала помирился с Михаилом Юрьевичем, но потом, подстрекаемый Мстиславом Ростиславичем, пришел на Москву и пожег весь город. Всеволод Юрьевич Большое Гнездо двинулся против рязанцев. Но пока он дожидался Глеба у Коломны, тот другой дорогой подступил к Владимиру, разграбил соборную церковь Успенья Богородицы, пожег другие церкви, села боярские, а жен, детей и всякое имущество отдал на щит (в добычу) половцам. Всеволод Юрьевич немедленно пошел назад в свою волость и встретил Глеба на реке Колашке; целый месяц стояли неприятели без действия по обеим сторонам реки, наконец завязался бой, и Всеволод победил. Мстислав Ростиславич первый обратился в бегство, а за ним побежал и Глеб. Но владимирцы догнали их обоих, взяли в плен также сына Глебова, Романа, и всю дружину рязанскую. Жена Глебова и Мстислав Ростиславич Смоленский, его зять, стали хлопотать об освобождении его из заточения. Всеволод Третий соглашался отпустить Глеба, но лишь при условии, чтобы тот отказался от Рязани и ехал на житье в южную Русь. Но Глеб никак не соглашался на такие условия. "Лучше умру в тюрьме, — говорил он, — а не пойду в Русь на изгнание". Дело затянулось на два года, и Глеб действительно умер в тюрьме во Владимире.

ГЛЕБ РОСТИСЛАВИЧ (кол.10)

Из рода Минских кн. Сын Ростислава Глебовича и кн. Софьи Ярославны. Кн. Друцкий в 1151—1158 гг.

ГЛЕБ РОСТИСЛАВИЧ (кол.12)

Из рода Степанских кн. Сын Ростислава Глебовича. Ж.: Смоленская кн. Евфросиния Ростиславовна. † до 1292 г.

ГЛЕБ РОСТИСЛАВИЧ (кол.13)

Из рода Смоленских кн. Сын Ростислава Мстиславича. Кн. Смоленский в 1249—1278 гг. † 1278 г.

ГЛЕБ СВЯТОСЛАВИЧ (кол.7)

Из рода Черниговских кн. Сын Святослава Ярославича. Кн. Тмутараканский в 1064, 1066—1068 гг. Кн. Новгородский в 1069—1078 гг. † 30 мая 1078 г.

В 1064 году Ростислав Владимирович выгнал княжившего в Тмутаракани Глеба. Отец последнего Святослав ходил на Ростислава. Тот уступил ему Тмутаракань, но, по уходу дяди, захватил ее вновь. В 1066 году, по смерти Ростислава, св. Никон ездил из Тмутаракани в Чернигов и уговорил Святослава вновь отправить туда сына.

В 1069 году Глеб был уже в Новгороде и отразил внезапный набег на город Всеслава Брячиславича, разбив его дружину у самых стен города. При Глебе явился в Новгороде волхв. Он разговаривал с людьми и выдавал себя за бога. Многие поверили в него, и весь город пришел в смятение, горожане хотели убить епископа Феодора. Епископ с крестом в руках и в облачении вышел и сказал: "Кто хочет верить волхву, пусть идет за ним, кто же верует в истинного Бога, пусть идет к моему кресту!" И люди разошлись надвое. Князь Глеб и дружина встали около епископа, а все люди пошли за волхвом. Дело шло к кровавой развязке. Глеб с топором под плащом подошел к волхву и спросил его: "Знаешь ли, что случится утром и что до вечера?" Тот сказал: "Нет для меня ничего невозможного! Знаю все наперед!" И спросил Глеб: "А знаешь, что будет с тобой се-

годня?" — "Чудеса великие совершу", — ответил волхв. Глеб, вынув топор, разрубил волхва, и тот пал замертво. Видя обман кудесника, люди разошлись по домам.

В 1078 году новгородцы изгнали Глеба, тот бежал за Волок и был убит чудью. Тело его привезли в Чернигов и похоронили за церковью Спаса близ могилы его отца Святослава.

ГЛЕБ СВЯТОСЛАВИЧ (кол.10)

Из рода Черниговских кн. Сын Святослава II Всеволодовича и полоцкой кн. Марии Васильковны. Кн. Белгородский в 1205 г. Кн. Черниговский в 1214—1219 гг. Ж.: с 1182 г. дочь кн. Смоленского Рюрика Ростиславича, кн. Анастасия. † 1219 г.

В 1180 году Глеб послан был отцом на помощь Роману Глебовичу Рязанскому в его войне против младших братьев. Глеб сидел в Коломне, когда под городом неожиданно появился Всеволод Юрьевич из Владимира. Всеволод велел Глебу явиться к себе. Тот сначала не хотел, но потом, видя, что сопротивляться нельзя, поехал. Всеволод велел его схватить и в оковах отослать во Владимир, где приставили к нему стражу; дружина его подверглась той же участи. Эти события явились началом большой войны, в которую вовлечены были кроме черниговского и владимирского князей еще полоцкие, смоленские, муромские и рязанские князья. Все время этой войны Глеб просидел пленником во Владимире и отпущен был лишь по заключению мира в 1182 году.

В 1187 году Святослав Всеволодович вместе с Глебом ходил к Галичу. А в 1190 году Глеб по поручению отца в Каневе стерег Русскую землю от половцев. Половцы, узнав, что Святослав уехал в Киев, хотели было идти на Русь, но были встречены Глебом и побежали. На реке Роси многие из них были захвачены в плен или перебиты.

В 1214 году, по смерти Рюрика, Глеб сел княжить в Чернигове. В следующем

году его брат Всеволод Чермный, княживший в Киеве, начал войну против смоленских князей, был разбит под Вышгородом Мстиславом Мстиславичем и вскоре умер. Мстислав осадил Чернигов и стоял под городом три недели. Смоленяне и новгородцы пожгли все окрестные села и посад. Наконец Глеб помирился с Мстиславом, уступив Киев Ингварю Ярославичу, а Вышгород — Мстиславу Романовичу.

ГЛЕБ СВЯТОСЛАВИЧ (кол.15)

Из рода Смоленских кн. Сын Святослава Глебовича. Кн. Брянский. † 6 дек. 1340 г.

По словам летописца, брянцы, злые крамольники, сошлись вечем и убили Глеба, несмотря на увещания митрополита Феогноста.

ГЛЕБ СВЯТОСЛАВИЧ (кол.17)

Из рода Смоленских кн. Сын Святослава Ивановича. Кн. Смоленский в 1392—1395 гг. † 12 авг. 1399 г.

В 1386 году после битвы под Мстиславлем Глеб был уведен в плен литовцами. Потом, как видно, отпущен. В 1392 году с помощью Витовта Глеб сел на княжение в Смоленске. Но тот же Витовт в 1395 году велел смоленским князьям выехать к нему по охранной грамоте. "Слышал я, — говорил Витовт, — что между вами нет единства и вражда большая; так если будет между вами какой спор, то вы сошлитесь на меня как на третьего, и я вас рассужу справедливо". Смоленские князья обрадовались тому, что нашелся беспристрастный судья, который рассудит их по всей справедливости и разделит им вотчину по жребию: все они собрались и поехали к Витовту с дарами; но Витовт, взяв дары, велел схватить князей и отослал их в Литву, потом подступил к городу, пожег посады, взял крепость и посадил здесь своих наместников.

Глеб получил от Витовта местечко Полонное. В несчастной для литовцев битве на Ворскле 12 августа 1399 года он был убит татарами.

ГЛЕБ ЮРЬЕВИЧ (кол.9)

Из рода Владимиро-Суздальских кн. Сын Юрия Владимировича Долгорукого и половецкой кн., дочери хана Аелы Осеневича. Кн. Курский в 1147 г. Кн. Каневский в 1149 г. Кн. Переяславский в 1155—1169 гг. Вел. кн. Киевский в 1169, 1170—1171 гг. Ж.: 1) неизвестная († 1154 г.); 2) с 1156 г. дочь кн. Черниговского Изяслава Давыдовича. † 20 янв. 1171 г.

В 1147 году Юрий послал Глеба на помощь Святославу Ольговичу Северскому. Выгнав из своего княжества Изяслава Давыдовича, Святослав отдал Курск и Посемье Глебу, и тот посадил здесь посадников. Вслед за тем Глеб занял Городок Остерский. Изяслав Мстиславич позвал его к себе в Киев, и Глеб сначала обещал приехать, но потом раздумал, потому что вошел в сговор с переяславцами, часть которых была почему-то недовольна Изяславом или его сыном Мстиславом, княжившим у них, и звала Глеба, обещая передать ему город. Глеб немедленно пошел к Переяславлю, но Мстислав выступил навстречу. Оба, увидев друг друга, не решились вступить в битву. Глеб стоял до утра другого дня и возвратился. Мстислав погнался следом, перехватал часть его войска, но самому Глебу удалось уйти в Городец. Изяслав, услышав об этих демаршах против Переяславля, собрал дружину, а также берендеев, пошел к Городцу и осадил его. Не видя ниоткуда помощи, Глеб через три дня сдался Изяславу и помирился с ним; как видно, тот оставил за ним отцовский город. Но Глеб не был ему за это благодарен: как скоро Изяслав возвратился в Киев, он послал сказать черниговским князьям: "Я поневоле целовал крест Изяславу: он обступил меня в городе, а от вас не было помощи; но теперь опять хочу быть вместе с вами".

В 1148 году Изяслав помирился с черниговскими князьями, а Глеба вывел из Городца и отправил к черниговским князьям. Неизвестно, дали ли те Глебу какой-нибудь город.

В 1149 году Юрий захватил Киев и посадил Глеба в Каневе, а в 1150 году переехал в Пересопницу, чтобы он стерег западные границы Русской земли от Изяслава Мстиславича. Глеб стоял близ города на реке Стубе в шатрах, когда Изяслав неожиданно пришел на него, захватил стан, дружину, лошадей; Глеб едва успел бежать в город и послал к Изяславу с поклоном. Изяслав принял его благосклонно, угостил обедом и отпустил с Богом. Сын его Мстислав проводил Глеба за Корчеськ. Глеб уехал к отцу в Киев и в дальнейшем находился подле него.

В 1154 году Юрий посылал Глеба в степь за половцами, но дело затянулось. Изяслав тем временем умер в Каневе, и воевать теперь надо было с его братом Ростиславом. В 1155 году Глеб пришел с половцами к Переяславлю, взять его не смог и сел в Пирятине. В том же году Изяслав Давыдович выгнал Ростислава из Канева, а Переяславль отдал Глебу. Когда в Каневе утвердился Юрий Долгорукий, он женил Глеба на дочери Изяслава Давыдовича. Но в 1159 году, когда последний пытался выгнать Ростислава из Канева, Глеб не оказал тестю никакой помощи и даже выдержал от него двухнедельную осаду в своем Переяславле. В 1167 году Глеб ходил с Мстиславом Изяславичем против половцев, а в 1169 году был в числе 10 князей, взявших и разграбивших Киев по приказу Андрея Боголюбского.

По изгнании Мстислава Изяславича, Андрей отдал Киев Глебу. Глеб отправил против половцев брата Михаила, а сам дожидался его в Переяславле. Тем временем пришел Мстислав Изяславич и захватил Киев. В этот раз он просидел в Каневе недолго, так как все Ростиславичи ополчились против него. Мстислав ушел на Волынь и умер в августе 1170 года.

Глеб не надолго пережил его — он скончался в январе 1171 года, оставив о себе добрую память. Похоронили его рядом с отцом у св. Спаса в Берестове.

ГЛЕБ ЮРЬЕВИЧ (кол.10)

Из рода Туровских и Пинских кн. Сын Юрия Ярославича и городненской кн. Кн. Дубровицкий в 1182—1190 гг. Кн. Туровский в 1190—1195 гг. Ж.: с 1189 г. дочь кн. Смоленского Ростислава Мстиславича. † март 1195 г. Погребен в Киеве, в церкви св. Михаила.

ГЛУХОВСКИЕ И НОВОСИЛЬСКИЕ КНЯЗЬЯ

Род русских князей, ветвь Черниговских князей. Основан Семеном Михайловичем.

Родоначальник кн. Новосильских Семен Михайлович получил во владение города Новосиль и Глухов. Из его потомков в летописях упомянут сын Александр, убитый 15 сентября 1326 года за какую-то вину в Орде в один день с князем Тверским Дмитрием Михайловичем, а далее его правнук Роман Семенович. После эпидемии чумы 1352 года в Глухове вымерло все его население, и столица княжества была перенесена в Новосиль. В 1375 году Роман вместе со многими другими князьями участвовал в походе вел. кн. Дмитрия Ивановича Московского на Тверь. Позже, в 1385 году, татары сожгли Новосиль, и Роман перешел жить в Одоев. Старший сын Романа, Василий, получивший в удел город Белев, стал родоначальником князей Белевских, а младший Юрий, обосновавшийся в городе Одоеве, — князей Одоевских. Князь Семен Романович в

1402 году перешел в подданство Москвы, и с этого времени Новосиль всегда упоминается среди московских городов, а Новосильские князья — в числе подручников вел. кн. Московского, но по именам они не называются. Последний раз о князьях Новосильских говорится в договоре с Литвой 1508 года.

ГОРОДНЕНСКИЕ КНЯЗЬЯ

Род русских князей, ветвь Рюриковичей, княживший в Городно недалеко от Минска. Основан Всеволодом Давыдовичем.

ГРИГОРИЙ ВАСИЛЬКОВИЧ (кол.9)

Из рода Перемышльских и Галицких кн. Сын Василька Ростиславича. Кн. Теребовльский с 1124 г. † до 1141 г.

ДАВИД ВСЕСЛАВИЧ (кол.8)

Из рода Полоцких кн. Сын Всеслава Брячиславича. Кн. Полоцкий в 1127, 1128—1129 гг.

В 1127 году полочане прогнали из города Давыда и, по требованию Мстислава Владимировича, приняли на княжение Давыдова брата Рогволода Всеславича. Но Рогволод умер через год, и Давыд вернулся в Полоцк. В 1129 году Мстислав Владимирович призвал полоцких князей идти в поход против половцев. Давыд отвечал ему: "Ты с Боняком Шолудяком здравствуйте оба, и управляйтесь сами, а нам и дома есть что делать". Покончив с половцами, Мстислав послал за Давыдом, его сыном и племянниками. Полочане отказались защищать своих князей, и те вынуждены были явиться в Киев к великому князю. Мстислав велел посадить их всех в три лодки и сослать в Царьград. Император дал им жалованье, и они верно служили ему, воюя с арабами. На Русь Давыд больше не вернулся.

ДАВИД ИГОРЕВИЧ (кол.7)

Из рода Рюриковичей. Сын Игоря Ярославича и графини Орламиндской Кунигунды. Род. ок. 1055 г. Кн. Тмутараканский в 1081—1083 гг. Кн. Дорогобужский в 1085, 1099—1113 гг. Кн. Владимиро-Волынский в 1087—1099 гг. Ж.: дочь короля польского Владислава I. † 25 июля 1113 г.

В 1080 году Давыд вместе с Володаром Ростиславичем выгнали из Тмутаракани Ратибора, посадника Всеволода Ярославича, и сами сели там. В 1083 году из Греции вернулся Олег Святославич, он захватил Тмутаракань, перебил хазар, убивших его брата Романа, а Давыда и Володаря отпустил. Давыд с дружиной пошел к днепровскому устью, захватил Олешье и ограбил караван греческих судов,

идуших из Киева. Всеволод Ярославич, желая прекратить разбои, помирился с племянником и отдал ему Дорогобуж, а после смерти Ярополка Изяславича — Владимир Волынский.

В 1097 году после княжеского съезда в Любече Святополк Изяславич и Давыд отправились вместе в Киев. Тут некоторые мужи стали наговаривать Давыду на Василька Ростиславича. Давыд поверил лживым наветам, а потом убедил и мнительного Святополка, что Василько ему враг. Сговорившись, Святополк и Давыд пригласили Василька на княжеский двор в Киев. Здесь Василька схватили, сковали двойными оковами и приставили к нему стражу на ночь. В следующую ночь слуги Давыда перевезли Василька в Белгород и там ослепили, а потом отвезли во Владимир Волынский.

Владимир Мономах, Давыд и Олег Святославичи, узнав об этом преступлении, пошли на Святополка войной, но помирились с ним по уговору митрополита и всех киевлян. И послали сказать Святополку: "Эта ссора из-за Давыда. Иди теперь на него и либо захвати, либо прогони его". Святополк согласился с приговором князей, но замешкал с походом.

Тем временем весной 1098 года Давыд пошел занять Василькову волость Терембовль. Брат Василька, Володар Ростиславич, встретил Давыда у Бужска. Давыд не пожелал вступать с ним в бой и затворился в Бужске, а Володар послал сказать ему: "Почему, сделав зло, не покаешься в том? Вспомни, сколько ты уже зла наделал!" Давыд стал обвинять во всем Святополка, говоря: "Разве я это сделал? Разве в моем это было городе? Я сам боялся, что меня схватят и поступят со мной так же; поневоле пришлось мне примкнуть к заговору и действовать заодно со Святополком". Володар отвечал на это: "Бог свидетель тому, а сейчас отпусти брата моего, и я с тобой помирюсь". Давыд обрадовался и сейчас же выдал Василька Володарю, и был заключен мир. Василько

сел в Теревовле, а Давыд вернулся во Владимир.

Немного погодя Володарь и Василько, собравшись с силами, пошли на Давыда во второй раз, взяли набегом Всеволожь, сожгли его, а жителей предали смерти. Затем пришли ко Владимиру. Давыд затворился во Владимире, а братья окружили город и послали ко владимирцам с такими словами: "Мы пришли не на город ваш и не на вас, а на врагов своих: на Туряка, на Лазаря и на Василя, ибо это они подговорили Давыда и склонили его на злодеяние". Горожане, выслушав слов, собрали вече и сказали Давыду: "Выдай мужей этих, не будем биться за них, а за тебя биться можем. Если не отдашь их, то отопрем ворота, а ты сам о себе позаботься". И вынужден был Давыд выдать своих советчиков Василя и Лазаря. Лишь Туряка не мог он выдать, так как тот бежал в Киев. После этого Ростиславичи заключили мир с Давыдом, а на другой день повесили Василя и Лазаря и расстреляли тела их Васильковы отроки.

В 1099 году Святополк Изяславич, как обещал, пошел войной на Давыда. Давыд, узнав о прибытии Святополка в Брест, отправился к польскому князю Владиславу Герману за помощью. Поляки обещали помочь Давыду, взяв с него за то обещание 50 гривен золота, но союз со Святополком показался Владиславу выгоднее. Давыд заперся во Владимире, а Святополк стоял под городом семь недель; Давыд все не сдавался, ожидая помощи от поляков; наконец, видя, что ждать нечего, стал просить у Святополка, чтоб тот выпустил его из города. Святополк согласился, и они поцеловали друг другу крест, после чего Давыд выехал в Червень, а Святополк въехал во Владимир, посадил здесь сына Мстислава, а другого сына, Ярослава, послал в Венгрию за королем Коломаном, чтоб воевать с ним против Ростиславичей.

Общая опасность соединила теперь Давыда с Ростиславичами. Оставив свою жену у Володаря, он отправился искать

подмоги у половцев. По дороге встретил его Боняк со своей ордой и вместе с ним внезапно напал на венгров. Не выдержав натиска, те побежали вдоль берега Сана, а половцы гнались за ними два дня, убивая их без счета. Ярослав Святополчич бежал в Польшу, а Давыд захватил Сутейск и Червень, а потом внезапно появился под Владимиром. Горожане успешно оборонялись от половцев, но вскоре Мстислав Святополчич пал в бою. Святополк тотчас же послал против Давыда своего воеводу Путятю. Путята пришел к Луцку и здесь соединился со Святошей Давыдовичем, сыном Давыда Святославича. Они вместе пошли к Владимиру и 5 августа внезапно напали на Давыда, когда никто их не ждал, а сам Давыд спал, и принялись рубить всех, кто попадался на пути. Горожане выскочили из-за стен и тоже начали рубить воинов Давыдовых. Давыд бежал. Святоша и Путята посадили во Владимире посадника Василя и пошли каждый в свой город.

Давыд опять побегал в степь к Боняку, вместе с ним и со множеством половцев вернулся на Русь и осадил Святошу в Луцке. Святоша, видя, что не может противостать такой большой армии, заключил с Давыдом мир и уехал к отцу в Чернигов. Давыд занял Луцк, сейчас же выступил против Владимира, Василя прогнал, занял город и сел в нем княжить.

В августе 1100 года в Уветичах (Витичеве) собрались Святополк, Владимир, Давыд и Олег Святославичи. Князья договорились между собой, что не простят Давыду Игоревичу его вероломства. Через 20 дней князья собрались в тех же Уветичах, и пришел к ним Давыд Игоревич. Князья стояли каждый со своей дружиной, а Давыд Игоревич сидел в стороне, потому что князья не допустили его к себе. Затем, посоветовавшись, князья послали к Давыду каждый своих мужей. Посланные же пришли к Давыду и сказали: "Вот что говорят тебе братья: не хотим давать тебе Владимира, потому что

ты вонзил нож в нас, чего не было в Русской земле. Мы тебя не трогаем и никакого зла тебе не делаем — ступай в Бужск и сиди там, а Владимир отдаст Святополк сыну своему Ярославу". Давыд уехал в Бужск. Затем Святополк дал ему еще Дорогобуж. Тело Давыда было погребено в Киеве, в церкви св. Богородицы.

ДАВИД КОНСТАНТИНОВИЧ (кол.12)

Из рода Галицких кн. Сын Константина Ярославича. Кн. Галицкий в 1255—1280 гг. Ж.: дочь князя Ярославского Федора Ростиславича Черного. † 1280 г.

ДАВИД МСТИСЛАВИЧ (кол.11)

Из рода Смоленских кн. Сын Мстислава Ростиславича Храброго. Кн. Торопецкий. † 1226 г. Пал в бою с литовцами близ Усвята.

ДАВИД РОСТИСЛАВИЧ (кол.10)

Из рода Смоленских кн. Сын Ростислава Мстиславича. Род. в 1140 г. Кн. Новгородский в 1154 г. Кн. Торжский в 1158—1161 гг. Кн. Витебский в 1165—1167 гг. Кн. Вышгородский в 1167—1180 гг. Кн. Смоленский в 1180—1197 гг. † 23 апр. 1197 г.

В 1154 году, уезжая из Новгорода, Ростислав оставил здесь на княжение своего сына Давыда. Однако обстоятельства были самыми неблагоприятными, потому что новгородцы выражали сильное неудовольствие последними распоряжениями Ростислава. Вскоре после отъезда Ростислава новгородцы показали путь и Давыду.

В 1165 году Давыд отдал полоцким князьям Васильев и Красный, а сам сел княжить в Витебске. В 1167 году с ним начал войну Володарь Глебович. До решительного столкновения, впрочем, не дошло, так как во время начавшейся гро-

зы полочане вдруг бросились бежать. Давыд отправил вслед погоню и пленил многих ратников.

В 1177 году Давыд с братьями пошел биться с половцами, но по дороге затеял ссору и помешал успеху дела. Половцы напали на Русь, взяли шесть городов берендеевских и одержали победу над Ростиславичами у Ростова. Святослав Всеволодович Черниговский воспользовался неудачей Ростиславичей и предъявил свои претензии на Киев. Старшие братья, Роман и Рюрик, в конце концов уступили ему, но продолжали удерживать города вокруг Киева. Святославу очень не нравилось близкое соседство Ростиславичей, и в 1180 году, узнав, что Давыд охотится недалеко от Днепра, он решил захватить его. Замысел не удался — Давыд с женой успели сесть в лодку и уплыть, неприятельские стрелы не причинили им никакого вреда. Давыд прибежал в Белгород к брату Рюрику. Рюрик отправил его в Смоленск на помощь старшему брату Роману. Но Давыд встретил по дороге гонца, который вез ему весть о смерти Романа; Давыд со слезами продолжал путь, при въезде в Смоленск был встречен духовенством, а также всеми горожанами и занял братнее место. В 1182 году князья помирились.

Перед кончиною Давыд постригся в монахи и передал стол племяннику Мстиславу Романовичу. Больного его отнесли в монастырь, и здесь он преставился. Погребён в церкви св. мучеников Бориса и Глеба.

ДАВИД СВЯТОСЛАВИЧ (кол.7)

Из рода Черниговских кн. Сын Святослава Ярославича. Кн. Смоленский в 1087—1097 гг. Кн. Новгородский в 1095 г. Кн. Черниговский в 1097—1123 гг. † 1123 г.

В 1095 году Святополк Изяславич и Владимир Мономах ходили на Давыда, отняли у него Смоленск и дали ему Новгород. Но

Даниил Александрович. Портрет из
"Титулярника"

Давыд недолго жил здесь и отправился опять к Смоленску и изгнал отсюда Изяслава Владимировича. Это событие положило начало большой войне между Святополком и Владимиром Мономахом, с одной стороны, и сыновьями покойного Святослава Ярославича — с другой. Давыд в ней не участвовал. На Любечском съезде 1097 года Давыд получил Чернигов, где и правил до самой смерти. Был он человек кроткий, миролюбивый, договоров никогда не нарушал.

ДАВЫД ФЕДОРОВИЧ (кол.14)

Из рода Ярославских кн. Сын Федора Ростиславича Черного и татарской кн. Кн. Ярославский в 1299—1321 гг. † 1321 г. Погребен в Ярославской церкви св. Спаса.

ДАВЫД ЮРЬЕВИЧ (кол.11)

Из рода Муромских кн. Сын Юрия Владимировича. Кн. Пронский в 1208 г. Кн. Муромский в 1205—1228 гг. Ж.: кн. Феверонья. † июль 1228 г.

В 1207 году Всеволод Юрьевич Большое Гнездо посылал Давыда обличать рязанских князей, а затем ходил с ним на Пронск и Рязань. Захватив всех рязанских князей, Всеволод посадил в Пронске Давыда. Но в том же году рязанские князья приходили к Пронску на Давыда, говоря: "Разве ему отчина Пронск, а не нам?" Давыд послал им сказать: "Братья! Я бы и сам не набился на Пронск: посадил меня в нем Всеволод, а теперь город ваш, я иду в свою волость".

ДАНИИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ (кол.12)

Из рода Владимиро-Суздальских вел. кн. Родоначалник *Московских великих князей*. Сын Александра Ярославича Невского и полоцкой кн. Александры Брячиславны. Род. в 1261 г. Кн. Московский в 1263—1303 гг. Кн. Переяславский в 1302—1303 гг. Ж.: кн. Мария. † 3 марта 1303 г.

В 1301 году Даниил явился с войском к Переяславлю-Рязанскому, одолел тамошнего князя Константина Романовича, перебил много бояр и простых людей, наконец взял в плен самого князя Константина какою-то хитростью вследствие измены бояр рязанских. Даниил, по словам летописца, держал пленника своего в чести, хотел укрепиться с ним крестным целованием и отпустить обратно в Рязань.

В 1302 году князь Иван Дмитриевич Переяславский умер бездетным и завещал Переяславль мимо старшего дяди Андрея младшему — Даниилу Московскому. Легко понять, какое значение это событие имело в то время, когда каждый князь стремился к усилению своего удела на счет других. Великий князь Андрей не хотел позволить Даниилу воспользоваться завещанием племянника и, тотчас по смерти Ивана, отправил в Переяславль своих наместников; но Даниил не думал уступать: он выгнал наместников Андрея-

вых и посадил своих. В следующем году он умер и был погребен в церкви св. Михаила в Москве.

ДАНИИЛ ДМИТРИЕВИЧ (кол.17)

Из рода Холмских кн. Сын Дмитрия Юрьевича. Кн. Холмский. Ж.: Василиса Ивановна Всевожская. † 1495 г.

В 1468 году Даниил отошел со своей частью Холмского княжества к Москве и сделался одним из известнейших московских воевод.

ДАНИИЛ РОМАНОВИЧ (кол.12)

Из рода Владимиро-Волынских кн. Родоначальник *Галицких князей и королей* (младшей ветви). Сын Романа Мстиславича. Род. в 1201 г. Кн. Галицкий в 1205—1206, 1211—1212, 1229—1231, 1233—1235, 1238—1255 гг. Кн. Тихомлинский и Перемышльский в 1211 г. Кн. Владимиро-Волынский в 1212—1231 гг. Король Галицкий в 1255—1264 гг. Ж.: с 1215 г. дочь кн. Торопецкого Мстислава Мстиславича Удалого, кн. Анна. † 1264 г.

В год смерти отца Романа Мстиславича Даниилу было четыре года, а его брату Васильку — два. Роман, обладавший крутым и беспокойным нравом, оставил после себя множество врагов как на Руси, так и за ее пределами. Более же всего недругов у него было в самом Галиче. Местное боярство, крамольное и непокорное, с трудом сносившее узду княжеской власти, готово было в любой момент на измену и мятеж, а обстоятельства давали к тому много возможностей. Галич, богатством и многолюдством соперничавший с самим Киевом, был желанной добычей для многих южных и северных князей. Все это не предвещало для Даниила спокойного княжения, если только он не собирался уступить безоговорочно свои права. И действительно, едва ли можно найти на Руси князя, даже в это беспокойное время, про-

жившего столь же бурную и богатую различными событиями жизнь.

Юрик Ростиславич Киевский, насильно постриженный Романом в монахи, едва только узнал о смерти Романа, сейчас же скинул монашескую рясу и объявил себя князем Киевским вместо сына. Черниговские князья также поднялись и явились с полками к Днепру. Юрик вышел к ним навстречу, и князья уговорились вместе идти на Галич, отнимать наследство у сыновей Романовых. На реке Серете союзники встретили галицкое и владимирово-волыньское войско, бились с ним целый день и принудили отступить к Галичу. Однако они не смогли взять город и возвратились безо всякого успеха. Причиной неудачи было то, что в Галиче находился сильный венгерский гарнизон, из страха перед которым галичане не смели передаться неприятелям Романовичей. В Венгрии в то время королем был Андрей II, вступивший на престол в год смерти Романа, с которым у него была тесная дружба: оба поклялись друг другу, что если один из них переживет другого, то другой будет заботиться о семействе покойного. Узнав о гибели Романа, Андрей решил исполнить свое обещание относительно семьи последнего. В Саноке он имел свидание со вдовствующей княгиней Галицкой, принял Даниила, как милого сына, по выражению летописца, и послал пятерых вельмож с сильным войском, которое и спасло Галич от Юрика и его союзников.

Но опасности и беды для сыновей Романовых только начинались. В следующем, 1206 году все черниговские князья собрались у Всеволода Святославича Черного на сейм. Приехал Владимир Игоревич Северский со своею братией; к ним пришел смоленский князь Мстислав Романович с племянниками, пришло множество половцев, и все двинулись за Днепр. В Киеве соединился с ними Юрик с сыновьями и племянниками и берендеями, и пошли все вместе к Галичу; с другой стороны шел туда же Лешко Польский. Галицкая княги-

ня со своими приверженцами в испуге послала за помощью к венгерскому королю. Андрей поднялся со всеми своими полками. Но вдова Романова с детьми не могла дожидаться королевского прихода: в Галиче начался сильный мятеж, который принудил их бежать в старую волость Романа Мстиславича Владимир Волинский. Галичане остались без князя, а между тем король перешел Карпаты, с двух сторон приближались русские князья и поляки. Но и те и другие остановились, услышав о приходе короля Андрея. Тот тоже остановился, боясь столкнуться одновременно с двумя неприятельскими ратями. Внутренние смуты, возбуждаемые королевой Гертрудой и ее братьями, требовали возвращения Андрея домой: он поспешил вступить в мирные переговоры с Лешком и договорился с галичанам, чтобы те приняли к себе на княжение Ярослава Всеволодовича, князя Переяславского. После этого Андрей отправился назад в Венгрию. Но галичане, не дождавшись Ярослава, послали тайком к Владимиру Игоревичу Северскому звать его к себе в князья. Инициатором этого решения стали два боярина; будучи изгнаны Романом, они проживали в Северной области, а теперь возвратились домой и принялись расхваливать Игоревичей. Владимир Игоревич с братом Романом, получив приглашение, ночью, украдкой от остальных князей, поскакали в Галич. Владимир сел на княжение здесь, а Роман — в Звенигороде.

Но ни Игоревичи, ни галицкие бояре, затеявшие мятеж против сыновей Романовых, не могли успокоиться до тех пор, пока последние были живы и свободно пребывали в своей отчине — Владимире Волинском: сюда явился священник, посол от галицкого князя, и объявил горожанам от имени последнего: "Не останется в вашем городе камня на камне, если не выдадите мне Романовичей и не примете к себе княжить брата моего Святослава". Рассерженные владимирцы хотели было убить священника, но трое бояр —

Мстибог, Мончук и Никифор — уговорили их не делать этого. Вскоре выяснилось, что эти трое действовали не из уважения к званию посла, а потому что благоволили галицкому князю. Когда на другой день княгиня узнала, что приезжал посол из Галича и что во Владимире есть люди, которые стоят за Игоревичей, то начала советоваться с дядькою сына своего, Мстиславом: тот говорил, что делать нечего, надобно скорее бежать из города. Ночью, через пролом в городской стене, жена Романа вышла вместе с Мстиславом, священником и кормилицей, которые несли маленьких князей, Даниила и Василька. Беглецы не знали, куда им идти: со всех сторон Волонь обложили враги. Решились бежать в Польшу к Лешку, хотя и от него не могли ожидать хорошего приема: Роман был убит в войне с ним, после чего мир еще не был заключен. К счастью, Лешко с честью принял беглецов, сказав так: "Не знаю, как это случилось, сам дьявол поссорил нас с Романом". Он отправил младенца Даниила в Венгрию вместе со своим послом, который должен был передать королю следующее: "Я позабыл свою ссору с Романом, а тебе Роман был друг: вы клялись друг другу, что тот из вас, кто останется в живых, будет заботиться о семействе умершего; теперь Романовичи изгнаны отовсюду: пойдем, возвратим им отчину их". Андрей сначала согласился с предложением Лешка, но потом, когда галицкий князь Владимир прислал богатые дары им обоим, их усердие к Романовой семье охладело".

В следующем, 1207 году Лешко и брат его Кондрат пошли на Владимир. Владимирцы, думая, что поляки идут на помощь Даниилу, открыли перед ними ворота. Но те ограбили город, Святослава Игоревича прогнали, а на его место посадили Александра Всеволодовича Бельзского. Васильку Лешко дал Бельз.

Андрей не выступил против Игоревичей, но зато собственные бояре продолжали доставлять им много беспокойства

своими крамолами. Улучив момент, Игоревичи приказали перебить всю галицкую дружину: 500 человек из нее погибло, но другие разбежались. Трое бояр — Владислав (которому преимущественно и были обязаны Игоревичи Галицкою волостью), Судислав и Филипп — отправились в Венгрию. Они стали просить короля Андрея: "Дай нам отчича нашего Даниила, мы пойдем с ним и отнимем Галич у Игоревичей". Король согласился, послал изгнанных бояр и с ними молодого Даниила в Галич, дав ему сильное войско. Владислав пошел прежде всего к Перемышлю. Горожане тотчас схватили своего князя Святослава Игоревича и сдали город на имя Даниила. Оттуда бояре с венграми пошли к Звенигороду. Звенигородцы сначала сильно отбивались, но затем, когда князь их Роман попал в плен, тоже открыли ворота. От Звенигорода Даниил с союзниками пошел к Галичу. Владимир Игоревич, не дожидаясь неприятельского прихода, бежал, и Даниил беспрепятственно въехал в Галич, где все бояре, владимирские и галицкие, посадили его на отцовский стол в соборной церкви св. Богородицы.

Но боярам было недостаточно своего торжества. Они жаждали мести: в руках у венгров оказались пленные Игоревичи; воеводы хотели вести их к королю, но бояре галицкие, задарив воевод, выпросили себе Игоревичей и повесили их. Легко понять, что эти бояре посадили Даниила не для того, чтоб усердно повиноваться ребенку. За последнего хотела было управлять его мать, приехавшая в Галич, сразу после того, как узнала об успехе сына, но бояре немедленно выгнали ее. Маленький Даниил не хотел расстаться с матерью, плакал, а когда один из бояр хотел насильно отвести его коня, выхватил меч, чтоб ударить его, но не попал и ранил только коня; мать поспешила вырвать у него из рук меч, упростила успокоиться и остаться в Галиче, а сама отправилась в Бельз опять к Васильку, а оттуда — к королю в Венгрию. Андрей принял

ее сторону, призвал владимирских бояр, князя Ингваря Луцкого и пошел в Галич, где по изгнании княгини всем управлял боярин Владислав с двумя своими товарищами — Судиславом и Филиппом. Король велел схватить всех троих и подвергнуть тяжкому заключению; Судислав успел деньгами откупиться от неволи, но Владислав принужден был следовать за королем в Венгрию, где, впрочем, пробыл недолго: двое братьев его, Яволд и Ярополк, успели спастись бегством в Пересопницу и убедили тамошнего князя Мстислава Немого пойти с ними снова на Галич. Бояре, узнав о вступлении Мстислава в их землю, перешли на его сторону, а Даниил с матерью опять принуждены были бежать в Венгрию. Василько в ходе этих событий потерял Бельз и остался с одним Каменцом.

В то время как братья Владиславовы так успешно хлопотали в Пересопнице и Галиче, сам Владислав действовал в Венгрии у короля Андрея: как видно из последующего летописного рассказа, он убедил Андрея не давать Галича никому из русских князей, а взять его себе, причем обещал приготовить все в Галиче к новому порядку. Иначе трудно будет объяснить то известие, что король, собираясь идти на Галич, отправил туда Владислава. Владислав въехал с торжеством в Галич после бегства оттуда Мстислава Пересопницкого, вокняжился и сел на столе, по выражению летописца, признавая, впрочем, как видно, верховную власть венгерского короля.

Между тем Даниил уехал из Венгрии в Польшу и, не получив ничего, кроме почетного приема, поехал в Каменец к брату Васильку. На этот раз начал дело Мстислав Немой Пересопницкий: он поднял Лешка в поход на Галич, а сам с войском, набранным из венгров и чехов, вышел навстречу неприятелю на реку Боброк. Союзникам удалось одолеть Владислава, но не удалось взять Галич; они должны были удовлетвориться опустошени-

ем волости и возвратиться назад, после чего Лешко велел Александру, князю Владимирскому, отдать Романовичам два города — Тихомль и Перемышль: здесь, говорит летописец, стали княжить Даниил и Василько с матерью, а на Владимир смотрели, говоря: "Рано или поздно Владимир будет наш".

Между тем король Андрей, освободившись несколько от внутренних своих дел, выступил в поход на Лешка, мстя за опустошение Галицкой волости, которую считал своею; Лешко не хотел войны с королем и послал к нему воеводу своего с предложением следующей сделки: "Не годится боярину княжить в Галиче, но возьми лучше дочь мою за сына своего Коломана и посади его там". Андрей согласился, имел личное свидание с Лешко, свадьба устроилась, и молодой Коломан стал княжить в Галиче, а боярин Владислав был схвачен и умер в заточении. Кроме выгодного брака для своей дочери Лешко получил от короля из Галицкой волости города Перемышль и Любичев. Вместо Перемышля Даниилу достался Владимир Волынский, откуда Лешко изгнал Александра Всеволодовича.

Но вскоре сваты Андрей и Лешко поссорились. Король отнял у Лешка Перемышль и Любичев, и тот, не имея возможности самому отомстить за свое бесчестие и овладеть Галичем, послал в Новгород за знаменитым Мстиславом Мстиславичем Удалым и предложил ему княжить в Галиче. В 1215 году Мстислав неожиданно явился в Галиче, венгры побежали, и Мстислав утвердился на галицком престоле, выдав за Даниила свою дочь Анну. Вскоре Даниил возмужал, и все увидели, что он пошел в своего знаменитого отца. Пользуясь слабостью Волыни после смерти Романа и во время малолетства его сыновей, поляки овладели пограничными местами, так называемой украиною; теперь Даниил вздумал отнять у них эту Украину и, приехав к тестю Мстиславу, сказал ему: "Батюшка! Ляхи держат мою отчину!" Тот

отвечал ему: "Сын! За прежнюю любовь я не могу подняться на Лешко, ищи себе других союзников". У Даниила был один неизменный союзник в течение всей его жизни — родной брат Василько; вместе с ним он пошел на поляков и возвратил Волынскую Украину. Лешко сильно рассердился за это на Романовичей, послал против них войско, но войско это было разбито. Несмотря на то, что Мстислав отказался помогать зятю против Лешка, он не избежал подозрения в том, что война началась по его совету. Лешко соединился снова с венгерским королем, приглашая его овладеть Галичем для сына. Королевич Коломан пришел с сильными полками, против которых Мстислав, по нерасположению бояр, не мог бороться; он ушел из Галича, сказав молодому Даниилу, который отличился необыкновенною храбростью при отступлении из Галича: "Князь! Ступай во Владимир, а я пойду к половцам: отмстить за свой стыд".

Отсутствие Мстислава оказалось более продолжительным, чем он сам ожидал. Прибыв в Новгород, он освободил его от Ярослава Всеволодовича, одержал Липецкую победу и только в 1218 году появился опять на юге. Наняв половцев, он пошел в следующем году на Галич. Войсками Коломана командовал воевода Филя, относившийся к русским с превеликим презрением. Но в тяжелой битве он потерпел поражение и попал в плен. После победы Мстислав взял Галич. Между пленными находился и боярин Судислав; когда его привели к Мстиславу, то он припал к ногам победителя, клялся быть ему верным слугою; Мстислав поверил, стал держать его в большой чести и отдал Звенигород в управление. В отсутствие Мстислава, когда Романовичи должны были бороться с опасным врагом — венграми и поляками — и не было им ниоткуда помощи, кроме одного Бога, по выражению летописца, против них восстал также их близкий родственник, двоюродный брат Александр Всеволодович Бельзский. Те-

перь, когда Мстислав восторжествовал над венграми, а Лешко поспешил примириться с Романовичами, Данило и Василько решили отомстить Александру и пленили всю его волость. Только заступничество Мстислава позволило Александру сохранить волость.

Но понятно, что злоба Александра на двоюродных братьев не уменьшилась от этого, и ему скоро представился случай отомстить им. Даниил недолго жил в дружбе с тестем. Причины к нерасположению не могло не быть, потому что права их на Галич сталкивались: Мстислав добыл Галич оружием в борьбе с иноплемениками, но Даниил не забывал, что это была волость его отца. Узнав, что Мстислав не в ладах с зятем, Александр Бельзский обрадовался и стал понуждать Мстислава к рати против Романовичей. Началась усобица. Даниил соединился с поляками, Мстислав привел половцев, поднял и Владимира Рюриковича, князя Киевского, но в этой усобице больше всех досталось главному ее виновнику Александру Бельзскому: Мстислав действовал как-то вяло, и волость Бельзская снова была страшно опустошена Романовичами. Озлобленный Александр еще больше стал поджигать Мстислава на Даниила. "Зять твой хочет тебя убить", — твердил он ему, но напоследок Удалому открыли глаза: он увидел, что все это была клевета на Даниила, и помирился с зятем.

***

В 1224 году в половецких степях явились впервые татары. Тесть Мстислава половецкий хан Котян уговорил русских князей выступить против них. Собрались три старших князя, Мстислав Романович Киевский, Мстислав Всеволодович Черниговский и Мстислав Мстиславич Галицкий. Младших князей было более десяти, и Даниил среди них. Переправившись через Днепр, русские восемь дней шли степью и встретили татар на реке Калке. Мстислав велел Даниилу перейти реку, за ним перешло и остальное галицкое войско. 16 июня

Удалой один начал битву, ничего не сказав своим союзникам. Даниил выехал вперед и первый сразился с татарами, получил рану в грудь, но не чувствовал ее из-за молодости и в пылу сражения.

Был он очень силен, смел и храбр; от головы до ног не было в нем порока, говорит летописец. Увидев Даниила в опасности, дядя его Мстислав Немой Луцкий бросился к нему на выручку; уже татары отступили перед Даниилом, когда половцы побежали перед врагами и потоптали станы русских князей, которые, по милости Удалого, не успели ополчиться. Это решило дело в пользу татар: Даниил, видя, что последние одолевают, оборотил коня, прискакал к реке, стал пить и тут только почувствовал на себе рану. Между тем русские потерпели повсюду совершенное поражение, какого, по словам летописца, не бывало от начала Русской земли.

Мстиславу Галицкому удалось переправиться через Днепр, в то время как оба его тезки сложили головы на берегах Калки. Переплыв реку, он велел жечь и рубить лодки, отталкивая их от берега, боясь татарской погони. Но татары не преследовали русских далеко, дошли до Новгорода Святополческого и повернули назад в степи.

В последние годы своего правления Мстислав сблизился с венграми и выдал свою дочь за венгерского королевича Андрея. Андрей сначала получил от тестя Перемышль, а потом бояре уговорили его посадить королевича в самом Галиче. Мстислав исполнил их желание и с 1226 года поселился в Торческе. Перед смертью он раскаялся и послал сказать Даниилу: "Сын! Согрешил я, что не дал тебе Галич, но отдал его иноплеменику по совету льстеца Судислава — обольстил он меня; но если Богу будет угодно, то дело еще можно поправить: я с половцами, а ты со своими возмешь Галич, и и Понизовье". Но Мстислав так и не успел осуществить задуманное. В 1228 году он скончался. Бояре не дали ему перед смертью

тью повидаться с Даниилом. Еще до смерти Мстислава в 1227 году погиб в усобице Лешко Польский, и Даниил ходил на помощь его брату Кондрату. Поход этот, закончившийся миром польских князей, принес Даниилу громкую славу.

Между тем подвиги Мстислава Удалого не принесли никакой существенной пользы Южной Руси. Если бы только будущность этой части Русской земли могла зависеть от личности одного князя, то князем этим мог быть только Даниил. Блестящее мужество, честолюбие, наследственные в племени Изяславовом, соединялись в нем со способностью к обширным государственным замыслам и государственной распорядительности; с твердостью, умением неуклонно стремиться к раз намеченной цели он соединял мягкость в поведении, разборчивость в средствах, в чем походил на прадеда своего Изяслава Мстиславича и резко отличался от отца своего Романа. Начиная рассказ о подвигах Даниила, летописец имел полное право сказать: "Начнем рассказывать о бесчисленных ратях, великих трудах, частых войнах, многих крамолах, частых восстаниях, многих мятежах"; имел полное право сказать, что сыновьям Романовым измлада не было покоя. По смерти Мстислава они остались окруженные со всех сторон врагами: в Галиче королевич венгерский и неприязненные бояре; в Пинске князь Ростислав (после смерти Удалого он пытался захватить Чарторыйск, но Даниил взял его себе); в Киеве Владимир Рюрикович, наследовавший вражду отца своего к Роману и его сыновьям; князья Черниговские не хотели также забыть притязания своего племени на Галич и злой обиды, полученной там. Тщетно митрополит Кирилл старался отвратить усобицу: Ростислав Пинский не переставал клеветать на Даниила и подвигать других князей.

И вот Владимир Киевский собрал войско. "Отец Даниилов постриг отца моего", — говорил он, и была у него в сердце

боязнь великая, прибавляет летописец; значит, Владимир боялся, что молодой Даниил пойдет по следам отца своего и плохо придется от него соседям. Владимир посадил на коня половецкого хана Котяна и всех половцев и вместе с Михаилом Всеволодовичем Черниговским осадил Каменец. Между тем силы Романовичей возросли: после смерти Ингваря Ярославича Луцкого княжество это перешло под управление Даниила, который дал Луцк, Пересопницу и Брест своему брату Васильку, а Перемышль и Межибожье — Ярославу Ингваревичу. Но и врагов было немало. В рати осаждающих были куряне, пиняне, северяне и туровцы. Даниил видел, что нельзя ему противиться такой рати, тем более что в Галиче королевич и главный советник его, боярин Судислав, были в союзе с киевским князем. Он начал мирные переговоры, чтоб выиграть время и разделить союзников, что и удалось ему относительно половецкого хана Котяна. "Батюшка! — послал сказать Даниил половчину. — Расстрой эту войну, прими меня в любовь к себе". Котян отделился от союзников, опустошил Галицкую землю и ушел назад, к себе в степи; остальные союзники, не успевши взять Каменец, также отступили в свои владения. А между тем Даниил поспешил в Польшу за помощью, получил ее и сам пошел к Киеву. Но по дороге его встретили послы от киевского и черниговского князей, и Даниил заключил мир.

В следующем, 1229 году успех ждал Даниила в Галиче: когда он был в Угровске, преданные ему галичане прислали сказать ему: "Ступай скорее к нам: Судислав ушел в Познзowie, а королевич один остался в Галиче". Даниил немедленно с небольшой дружиной пошел к Галичу, а тысяцкого своего Дамьяна послал на Судислава. На третьи сутки в ночь Даниил подошел к Галичу, где успел уже затвориться Судислав, ускользнувший от Дамьяна. Даниил стоял против города на другом берегу Днестра. Галичане и венгры выезжа-

ли и бились на льду; но к вечеру лед подтаял, а враждебный Даниилу боярин Семьюнко зажег мост. В это время явился к Даниилу Дамьян со многими галицкими боярами, принявшими сторону сына Романова. Таким образом у Даниила набралась многочисленная рать. Даниил очень обрадовался тому, пожалел, что мост зажжен и нельзя перейти Днестр. Но когда приехал он посмотреть на место, то увидел, что конец моста погас и переправа возможна. Радость была большая, и на другой же день все войско перешло Днестр и обступило Галич с четырех сторон. Осажденные не могли держаться более и сдали город, причем королевич попал в плен Даниилу, но был отпущен к своему отцу Андрею ради прежней его дружбы с Даниилом. Из бояр галицких с королевичем пошел только один Судислав, в которого народ бросал камнями, крича: "Вон из города, мятежник земский!" Но Судислав поспешил отомстить народу новым мятежом: приехав в Венгрию, он не переставал твердить королю и королевичу: "Ступайте на Галич, возьмите землю Русскую; если же не пойдете, то они укрепятся против вас". Андрей послушался, собрал большое войско и объявил поход. "Не останется в Галиче камня на камне, — говорил он, — никто уже не избавит его от моей руки". Даниил оставил для защиты города тысяцкого Дамьяна. Этот воевода не испугался высокомерного вызова королевского и не сдал крепости, Андрею же нельзя было более оставаться под Галичем, потому что в войсках его открылась страшная болезнь: кожа слезала у венгров с ног, словно обувь. Король снял осаду; галичане напали на оставшихся, и многих перебили, и взяли в плен, еще более умерло по дороге от болезни.

***

Даниил избавился от врагов внешних. Но бояре галицкие, привыкшие к крамолам, находившие выгоду свою в беспорядке, в возможности переходить от одного князя к другому, не могли спокойно сми-

ряться с установлением порядка и утверждением сына Романова на отцовском престоле. Они стали сговариваться с давним врагом Романовичей Александром Бельзским, предлагая убить Даниила и взять его к себе в князья. И вот один из бояр, Филипп, стал звать к себе Даниила на пир. Даниил поехал, но по дороге догнал его посол от тысяцкого Дамьяна. "Пир затеян злой, — сказал ему посол, — Филипп с Александром Бельзским сговорились убить тебя". Даниил возвратился в Галич и послал сказать брату Васильку во Владимир, чтоб шел на Александра. Василько выгнал Александра в Перемышль, взял Бельз и захватил 28 бояр, участвовавших в заговоре. Но Даниил не захотел поступать по примеру отца и простил крамольников. Великодушие, однако, не помогло, а только еще усилило дерзость бояр: один из этих безбожников, по выражению летописца, залил на пиру князю лицо вином; Даниил стерпел и это оскорбление. Но он не хотел оставить без наказания Александра Бельзского, который засел в Перемышле со своими галицкими соумышленниками. Из всей дружины у Даниила осталось только 18 отроков, на которых можно было положиться. Он созвал их на вече вместе с Дамьяном тысяцким и спросил: "Хотите ли оставаться мне верными и идти со мною на врагов моих?" Те отвечали: "Верны мы Богу и тебе, господину нашему, ступай с Божьей помощью". Старый дядька Даниила, Мирослав, привел к нему на помощь еще несколько отроков, и с такой небольшой дружиной Даниил выступил к Перемышлю. По дороге, впрочем, присоединились к нему и неверные бояре, показывая только видимость верности. Александр, узнав о приближении Даниила, бросил все свое имущество и бежал в Венгрию, где вместе с Судиславом стал опять поднимать короля на Даниила.

Король послушался и с двумя сыновьями выступил к Ярославлю (Галицкому), где заперся воевода Данилов, Давыд Вы-

шатич. Тот отбивался целый день от венгров, а на другой сдал Ярославль и отступил со всем войском к Даниилу. Взявши Ярославль, король пошел к Галичу. Между тем боярин Климята убежал от Даниила к королю. Это послужило знаком к измене всех остальных галицких бояр. Отняв Галич у Даниила, король осадил Владимир Волынский. Начальником здесь был дядька Романовичей Мирослав. Испугавшись венгров, он заключил с Андреем мир, обнявшись уступить Бельз и Червень Александру. За это Даниил сильно укорял старика, но дело было сделано и приходилось начинать все сначала. Король опять посадил сына в Галиче, и тот, объединившись с Александром Бельзским, Глебом Зеремеевичем и князьями Болховскими, немедленно начал войну с Даниилом. Соперники — королевич и Даниил — имели свидание на реке Велье, но мир не заключили. Из слов летописца видно, что виною этого была гордость Даниила, слишком понадеявшегося на свою силу. На другой день Даниил перешел речку у Шумска и дал венграм кровопролитную битву, причем воеводы уговаривали Романовичей воспользоваться выгодным положением и остаться на высоких горах, но Даниил спустил полки свои вниз на неприятеля. Оба брата приняли деятельное участие в битве, подвергаясь страшной опасности; но дружина Даниилова не отвечала храбрости своего князя и в конце концов обратилась в бегство. Впрочем, урон, понесенный венграми, был так велик, что они не смели преследовать неприятеля и отступили в Галич. Даниил с удачей продолжал войну до конца года. Мерилом его успеха служит то, что заклятый враг Романовичей, Александр Бельзский, перешел от королевича на их сторону, прислал сказать им: "Не годится мне быть нигде, кроме вас", и братья приняли его с любовью. В следующем, 1232 году королевич и Судислав выслали против Даниила воеводу Дианиша. Даниил поехал в Киев, привел оттуда на помощь князя Владимира

Рюриковича и северского князя Изяслава Владимировича, а также половцев и выступил против венгров, которые после нерешительной битвы должны были возвратиться назад. Следующий, 1233 год был счастливым для Даниила: на его сторону перешел Глеб Заремеевич, после чего Даниил и Василько немедленно отправились к Галичу, где были встречены большою частью бояр. Даниил занял всю волюсть, раздал города боярам и воеводам (как видно, это и было условием перехода бояр на его сторону) и осадил королевича с Дианишем и Судиславом в Галиче. 9 недель стоял Даниил у города, ожидая только, когда на Днестре встанет лед, чтобы идти на приступ. Осажденные изнемогали от недостатка пищи. В таких обстоятельствах Судислав придумал средство ослабить осаждающих: он послал сказать Александру Бельзскому: "Дам тебе Галич, только отступи от брата". Александр прельстился обещанием и отступил. Но это вероломство несколько не повредило Даниилу: скоро королевич умер, и галичане призвали Даниила на его место. Судиславу удалось уйти в Венгрию, но Александр Бельзский был схвачен по дороге в Киев.

***

Даниил опять утвердился в Галиче, но ему не суждено было насладиться покоем: между Монамаховичами и Ольговичами началась война, и Даниил вмешался в нее.

В 1233 году Владимир Рюрикович прислал звать его на помощь против Михаила Всеволодовича Черниговского, который стоял у Киева. Даниил пошел к Днепру и заставил Михаила удалиться. Не удовольствовавшись этим, Владимир и Даниил перешли Днепр, стали опустошать Черниговскую волость, захватывать города по Десне, наконец осадили Чернигов. Но Михаилу удалось обмануть осаждающих и, выйдя из города, разбить галицкие полки. Даниил и Владимир возвратились в Киев, утомленные продолжительной вой-

ной, которую вели от Крещения до Вознесения, и Даниил уже собирался идти домой, как пришла весть, что Изяслав Северский с половцами воюет Русскую землю. Владимир стал просить Даниила помочь ему против поганых, и Даниил, несмотря на изнеможение своих полков, отправился в поход. У Звенигорода они встретились с половцами: Владимир стал теперь уговаривать Даниила возвратиться, но тот уже не захотел. "Воин, — сказал он, — вышедший раз на брань, должен или победить, или пасть". Сеча была лютая, Даниил погнал половцев, но потерял коня и, видя, что все другие бегут, побежал и сам, а Владимир со многими своими боярами был взят в плен. Даниил прибежал в Галич. По ложной вести, будто Изяслав с половцами стоит у Владимира, он отправил все свои полки с братом Васильком к этому городу. Но как скоро бояре галицкие узнали, что князь остался без полков, они подняли мятеж, и Даниил принужден был уехать в Венгрию. Цель этой поездки состояла, как видно, в том, чтобы убедить нового короля Белу IV не вмешиваться в галицкие дела. Тем временем Изяслав сел в Киеве, а Михаил Черниговский занял Галич. Таким образом у Романовичей осталась опять одна Воынь.

Следующие годы прошли, как следовало ожидать, в непрерывной борьбе: враги Романовичей предприняли наступление на их волость и отправили войска во главе с князьями Болховскими к Каменцу. Но бояре Данииловы, призвав на помощь торков, разгромили их и взяли Болховских князей в плен. Тогда Михаил и Изяслав навели на него большую рать, состоявшую из поляков, половцев и русских. Но польский князь, узнав о поражении своего отряда у Червеня, побежал назад, потеряв много людей при переправе через реку Вепрь. Половцы же пришли не для того, чтобы биться с Даниилом, но для того, чтобы опустошить Галицкую волость, принадлежавшую их союзнику Михаилу. Тогда Романовичи, в свою очередь, пред-

приняли наступление на Михаила; два раза князья заключали мир, и в конце концов Михаил уступил Даниилу Перемышль.

В 1235 году Даниил ходил в Ливонию против Ордена на помощь Кондрату Польскому, захватил в плен старшину Бруно, множество ратников и возвратился во Владимир.

Между тем в 1236 году в Киеве сел на княжение Ярослав Всеволодович, а после его ухода в 1238 году — Михаил. В Галиче он посадил сына Ростислава, а Перемышль у Даниила отнял. Михаил рассчитывал теперь легко справиться с ним, но обманулся в надеждах. Получив весть о том, что Ростислав с дружиной отправился на литовцев, Даниил немедленно появился под стенами Галича: "Люди городские! — стал говорить он горожанам. — До каких пор хотите вы терпеть державу иноплемennых князей?" Те закричали в ответ: "Вот наш держатель Богом данный!" — и пустились к Даниилу, как дети к отцу, по выражению летописца. Даниил вошел в свой город и в знак победы поставил свою хоругвь на Немецких воротах. На следующее утро пришла ему весть, что Ростислав возвратился было к Галичу, но, узнав, что город уже взят, бежал в Венгрию. Тогда бояре, лишенные последней надежды, пришли к Даниилу, упали ему в ноги и стали просить милости. Даниил отвечал: "Милую вас, только смотрите, впредь этого не делайте, чтоб хуже не было".

В 1239 году Михаил, испугавшись слухов о татарах, бежал из Киева. Вместо него здесь сел Ростислав Мстиславич. Даниил не позволил ему долго оставаться на киевском столе: схватил Ростислава и взял Киев себе. Сам он, однако, не остался в нем, а поручил его оборонять от татар тысяцкому Димитрию. Тем временем оставшиеся без волости Михаил и сын его Ростислав вынуждены были просить покровительства у Даниила и послали сказать ему: "Много раз грешили мы перед вами, много наделали вам вреда, но теперь кля-

немся, что никогда не будем враждовать". Романовичи, позабыв зло, приняли к себе Михаила, пообещав отдать ему Киев, а Ростиславу дали Луцк. Но Михаил, боясь татар, не смел идти в Киев и пребывал в волости Романовичей, которые выдали ему много пшеницы, меду, быков и овец.

Боязнь Михаила была основательна: в декабре 1240 года Батый взял Киев и подверг его ужасающему разгрому. От Киева татары пошли на Волынь, взяли Каменец, Владимир, Галич и много других городов, уцелел один Кременец из-за неприступности своих стен. Даниил еще до взятия Киева Батыем поехал в Венгрию, но был дурно принят королем, который отказался выдать дочь свою за его сына. Даниил выехал из Венгрии, но, встретив на дороге толпы народа, спасавшегося бегством от татар, должен был возвратиться назад. Потом, услышав, что брат, жена и дети бежали в Польшу, отправился и сам туда же, по дороге соединился с семейством и вместе с ним поехал к сыну Кондрата, Болеславу, который дал ему на время Вышгород, где Даниил и пробыл до тех пор, пока не узнал, что татары ушли из его волости. То обстоятельство, что Даниил выехал в Венгрию только с одним сыном Львом, оставив семейство в Галиче, заставляет думать, что он не бежал перед татарами, а ездил для сватовства и заключения союза с королем против татар.

В Галиче ждали Даниила прежние неприятности: когда он подъехал к городу Дрогичину, то тамошний наместник не позволил ему войти в город; другие города были опустошены. Из Бреста нельзя было выйти в поле от смрада гниющих трупов; во Владимире не осталось ни одного живого человека, Богородицкий собор и другие церкви были наполнены трупами. Между тем и Михаил Черниговский с сыном Ростиславом возвратились из Польши, где также скрывались от татар. Михаил отправился в Киев, а сын его Ростислав поехал княжить в Чернигов. Несмотря на беду, старая неприязнь между князьями готова

была вспыхнуть вновь. Еще более приходилось опасаться внутренних врагов. Бояре галицкие, по словам летописца, называли Даниила своим князем, а между тем сами держали всю землю. Главными из них были в это время Доброслав Судич и Григорий Васильевич: первый взял себе Бакоту и все Понизье, а другой хотел овладеть горною стороною Перемышльскою, и был мятеж большой в земле и грабеж от них. К счастью Даниила, оба боярина вскоре перессорились. Доброславу не хотелось иметь товарища, а потому он прислал к князю с доносом на Григория, и оба потом явились к князю с наветами друг на друга. Даниил был особенно оскорблен гордостью Доброслава: этот боярин приехал к нему в одной сорочке, закинув вверх голову, в сопровождении толпы галичан, шедших у его стремени. Романовичи увидели, что оба боярина лгут, оба не хотят ходить по воле княжеской, и потому велели схватить обоих.

Но только установилось спокойствие внутреннее, как Романовичи должны были приняться за оружие для отражения врагов внешних: в 1241 году Ростислав Михайлович Черниговский, собрав князей Болховских и преданных себе галичан, приходил под Бакоту, но взять ее не мог.

Даниил, услышавши об этом, немедленно напал на Болховскую волость и жестоко разорил ее. Но Ростислав не думал отказываться от своих враждебных намерений: соединившись с галицким изменником боярином Владиславом и с рязанским изгнанником, князем Константином Владимировичем, он овладел Галичем, но был скоро выгнан оттуда Романовичами и спасся от дальнейшего преследования только благодаря известию, что татары вышли из Венгрии и идут на Галицкую землю.

В 1245 году Ростислав, женившийся между тем на дочери венгерского короля, пришел с войском своего тестя опять на волость Даниила, разбил отряд последнего, но был выгнан самим Даниилом.

***

В 1246 и 1247 годах Даниил и Василько разгромили наголову литовцев, которые после ухода татар жестоко грабили все Приднепровье вплоть до Киева. Через некоторое время Ростислав с венгерскими и польскими полками в последний раз вошел в Галицкую землю и осадил Ярославль. Даниил и Василько услышали о его приходе и, помолившись Богу, стали собирать войска. На реке Сан произошла последняя битва между Мономаховичами и Ольговичами. Поляки ударили на полк Василька; с ними был сам Ростислав. Даниил бросился на выручку брату, попал было в плен, вырвался, выехал из полков, но потом возвратился назад и ударил на венгров, которые шли за поляками, смял их полки, разодрал хоругвь пополам. Увидев это, Ростислав побежал, а за ним бежали все венгры. Тем временем Василько управился с поляками и также обратил их в бегство. Даниил, гоня венгров и Ростиславову дружину через глухую дебрь, сильно тужил, не зная, что делается с братом, как вдруг увидел хоругвь и самого князя, преследующего поляков. Даниил остановился против города и подождал брата, с которым стал советоваться, продолжать ли преследование? Василько отговорил его гнаться дальше. Поражение неприятеля было полное: множество венгров и поляков было побито и взято в плен. Схвачен был и знаменитый изменник боярин Владислав, казненный в тот же день. Победа эта положила конец почти двухвековой борьбе между Мономаховичами и Ольговичами. Самое имя черниговских князей исчезло с этого времени со страниц летописи. Род их распался на множество мелких династий.

Ярославская победа окончательно утвердила Даниила на галицком столе: с тех пор никто из русских князей уже не беспокоил его своим соперничеством; венгры также оставили свои притязания; должны были успокоиться и внутренние враги: бояре не имели более возможности крамольничать и не видели соперников сыну Романову.

Но сколь славен был для Даниила 1249 год, столь же тяжок следующий, 1250-й. Татары требовали отдать Галич. В глубокой грусти оба Романовича стали думать: что делать? В чистом поле не было возможности сопротивляться татарам, городов не успели укрепить. Наконец Даниил решил: "Не отдам пол-отчины моей, лучше поеду сам к Батыею". Даниил отправился в путь, приехал в опустошенный Киев, где сидел боярин Дмитрий Ейкович, посланный туда великим князем Ярославом Всеволодовичем. В Киеве Даниил остановился в Выдубицком монастыре, созвал братию, попросил их отслужить молебен, чтобы Бог помиловал его, и поплыл по Днепру в глубокой тоске, предчувствуя беду. В Переяславле он уже встретил татар, вид которых оказал на Даниила тягостное впечатление. По свидетельству летописца, варварские обряды и суеверия внушили ему глубокое отвращение. С ужасом думал он, что все приходящие к хану подчиненные владельцы должны были исполнять эти обряды, проходить вокруг куста, поклоняться солнцу и умершим ханским предкам. В черных мыслях приехал Даниил на Волгу, в Батыеву Орду. К счастью, Батый не потребовал от него исполнения суеверных обрядов; когда Даниил при входе в вежу поклонился, по татарскому обычаю, то Батый встретил его словами: "Данило! Зачем так долго не приходил? Но все хорошо, что теперь пришел. Пьешь ли черное молоко, наше питье, кобылий кумыс?" "До сих пор не пил, — отвечал Даниил, — но теперь, если велишь, буду пить". "Ты уже наш, татарин, — продолжал Батый, — пей наше питье". Даниил выпил, поклонился, по их обычаю, и, сказавши хану что следовало о делах своих, попросил позволения идти к ханше. Батый разрешил. Князь пошел, поклонился ханше. Потом Батый прислал к нему вина, велел сказать: "Не привыкли вы пить молоко, пей вино". Пробыв двадцать пять дней в Орде, Даниил достиг цели своей

поездки: хан оставил за ним все его земли. Вернувшись на Русь, он был встречен братом и сыновьями, и был плач об его обиде, но еще больше радовались, что увидели его опять здоровым.

Даниил мог немного утешиться немедленным полезным следствием своей поездки к хану: король венгерский, испуганный не столько Ярославской победой, сколько благосклонностью Батые к Даниилу, тотчас же прислал к последнему с предложением мира и родственного союза, который прежде отвергнул. Лев Данилович женился на дочери королевской, и Даниил отдал королю венгерских пленников, взятых при Ярославле. В 1251 году Даниил и Василько с польскими князьями и половцами ходили на ятвягов. Сеча была лютая, и Романовичи едва смогли победить. Земля неприятельская была пожжена и поплена, много князей ее побито. В 1254 году Даниил как союзник венгров участвовал в походе на Чехию, осаждал

Троппау, но из-за болезни должен был отступить.

В 1253 году он ходил походом против литовского князя Миндовга и опустошил Новгородскую область. После этого Миндовг прислал к Даниилу с предложением мира и руки своей дочери для Шварна, сына Даниилова. В 1255 году мир был заключен. По его условиям Роман, другой сын Даниила, получил в управление Новгородскую область с обязательством признавать над собой власть Миндовга.

Но чем спокойнее было положение Даниила, чем славнее становилось между соседними государями его имя, тем тягостнее было для него татарское владычество. Он стал искать средство к свержению татарского ига. Но о том, чтобы сделать это в одиночку, нельзя было и думать; сломить могущество татар, отбросить их в степи можно было только в результате новых крестовых походов, с помощью союза всей Европы. В надежде на новый кре-

Убийство варягов-христиан. Миниатюра Радзивилловской летописи

ВСЕ МОНАРХИ РОССИИ

стовый поход Даниил завязал оживленные отношения с папой Константином IV, обещая ему объединение церковей взамен на военную помощь. Но надежды эти остались тщетны. Два послания папы 1253 и 1254 годов о крестовых походах против татар остались без ответа. В 1255 году Даниил принял из рук папы королевский титул и короновался в Дрогичине. В следующем году он, потеряв надежду на папскую помощь, прервал с ним связи. Королевский титул, впрочем, остался за его потомками.

В 1255 году Даниил с сыном Львом ходил на ятвягов, а в 1256 году нанес им новое поражение. После этого ятвяги просили мира, признали власть Галича и обещали платить дань. Даниил не хотел отказаться и от мысли о сопротивлении татарам: укреплял города и не позволял баскакам утверждаться в низовьях Днестра. Внутренняя политика Даниила не менее удивительна, чем его внешние успехи. За двадцать лет, последовавшие после татарского нашествия, он успел привести свою землю в цветущее состояние, населил, обустроил города, устроил промышленность. Ближайшим соседом Даниила в Приднестровье был баскак Куремса. Он не мог внушить большого страха галицкому князю, так что в 1257 году Даниил предпринял наступательное движение против татар и захватил все русские города, непосредственно от них зависящие. В 1259 году войско Куремсы появилось у Владимира, но было отбито жителями города. Сам Куремса не мог взять Луцка. Но в 1260 году вместо Куремсы явился другой баскак, Бурундай, с которым не так легко было управиться. Дело пришлось улаживать Васильку, так как Даниил боялся за свою жизнь. Чтобы отвести угрозу нового нашествия, Васильку пришлось разрушить укрепления вокруг всех городов. Лишь один Холм, благодаря хитрости Василька, остался окруженным стенами.

Даниил не надолго пережил разрушение своих надежд на успешную борьбу с

ДМИТРИЙ I АЛЕКСАНДРОВИЧ (кол.12)

татарами. Он умер в 1264 году и был погребен в церкви св. Богородицы в Холме.

ДЕМИД ВЛАДИМИРОВИЧ (кол.12)

Из рода Туровских и Пинских кн. Сын Владимира Глебовича. Кн. Пинский. † после 1292 г.

ДИР

Легендарный варяг, овладевший вместе с Аскольдом Киевом и убитый вместе с ним новгородским князем Олегом. Княжил в Киеве в 864—882 гг.

ДМИТРИЙ I АЛЕКСАНДРОВИЧ (кол.12)

Из рода Владимиро-Суздальских вел. кн. Сын Александра Ярославича Невского и полоцкой кн. Александры Брячиславны. Род. ок. 1250 г. Кн. Новгородский в 1259—1264, 1272—1273, 1276—1281, 1285—1292 гг. Кн. Переяславский в 1263—1294 гг. Вел. кн. Владимирский в 1276—1281, 1284—1292 г. † 1294 гг.

В 1259 году Александр Невский, обложив Новгород татарской данью, оставил здесь княжить Дмитрия. В 1262 году тот вместе с дядей Ярославом Ярославичем ходил против немцев к Юрьеву. После смерти Александра Невского Дмитрий был изгнан из Новгорода. На его место сел Ярослав Ярославич. После смерти дяди, в 1272 году, Дмитрий отправил послов в Новгород просить новгородского стола. Новгородцы согласились, потребовав условие, чтобы он правил у них не самовластно, как отец, а по древнему новгородскому обычаю. Дядя Дмитрия, Василий Ярославич Мизинный, тоже добивался власти над Новгородом, но получил отказ. Однако он не думал уступать своих прав. Вместе с татарами и племянником своим Святославом Ярославичем Тверским Василий повоевал новгородские волости и взял Торжок. Зимой 1273 году Дмитрий с

новгородцами пошел к Твери, а к Василию послал сказать: "Возврати волости новгородские и помирись с нами". Но Василий не хотел мириться. Видя его упорство, новгородцы заколебались, многие захотели принять на княжение Василия. Дмитрий, не дожидаясь изгнания, сам уехал в свой Переяславль.

В 1276 году Василий Мизинный — последний сын Ярослава Всеволодовича — умер, и старшинство перешло к Дмитрию. Присоединив к себе Владимирскую область, Дмитрий обратился к Новгороду, где его поспешили признать своим князем.

Вскоре после этого Андрей Городненский, младший брат Дмитрия, отправился в Орду. Одаривши хана Менгу-Тимура, он получил ярлык на Владимир и войско против Дмитрия, потому что тот не думал повиноваться слову ханскому, и нужно было принудить его к тому силою, причем все князья, ближние и дальние родственники, соединились с Андреем против Дмитрия. Дмитрий, видя союз князей и татарские полки против себя, поехал к Новгороду, желая засесть в своей крепости Копорье, но на озере Ильмене встретил новгородские полки. Новгородцы не приняли князя. Дмитрий отправился за море, а Андрей сел во Владимире. Новгородцы также признали его своим князем.

В 1283 году Дмитрий вернулся с наемным войском, засел в Переяславле и стал собирать полки. Опасаясь за себя, Андрей вновь поехал в Орду и пришел оттуда с татарскими полками. Дмитрий бежал вторично, но на этот раз уже не за Балтийское море, а к берегам Черного: там в степях раскинулась другая орда, независимая и враждебная Золотой, Орда Ногайская. Правитель ее Ногай из соперничества с ханом Золотой Орды принял с честью Дмитрия и дал ему свои полки: на этот раз Андрей должен был уступить и возвратить брату Владимир. В 1284 году Андрей соединился с новгородцами, но напуганный могуществом Дмитрия, отсту-

пился. Он опять поехал в Орду за помощью, но Дмитрий собрал большую рать и ударил на татар, когда те рассыпались для грабежа.

В 1292 году обиженные Дмитрием князья объединились и вместе с Андреем поехали жаловаться в Орду. Хан Тохта отправил на Русь большое войско. Переяславцы, узнав о приближении татар, все разбежались, и Дмитрий должен был бежать из своего родного города сперва на Волок, а оттуда во Псков. Андрей Александрович взял себе Владимир и Новгород, его союзник Федор Ростиславич Черный — Переяславль, откуда Дмитриева сына Ивана вывели в Кострому. После ухода татар Дмитрий хотел пробраться из Пскова в Тверь, поскольку тамошний князь Михаил Ярославич не нарушал с ним мира. Сам Дмитрий успел проехать в Тверь, но обоз его был захвачен Андреем и новгородцами. Дмитрий принужден был просить мира у брата, который оставил себе Владимир, но вернул Переяславль. Федор Черный, уходя из Переяславля, велел сжечь его. Дмитрий, впрочем, не достиг своей отчины: он умер по дороге в Волок. Погребен он был в Переяславле в Спасо-Преображенском соборе.

ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (кол.15)

Из рода Смоленских кн. Сын Александра Глебовича. Кн. Брянский с 1314 г.

ДМИТРИЙ БОРИСОВИЧ (кол.13)

Из рода Ростовских кн. Сын Бориса Васильковича и муромской кн. Марии Ярославны. Род. 11 сент. 1253 г. Кн. Ростовский в 1278—1286, 1289—1294 гг. Кн. Углицкий в 1286—1288 гг. Ж.: в 1276 г. † 1294 г.

***

В 1279 году Дмитрий отобрал Белоозерскую волость у своего двоюродного брата Михаила Глебовича, а затем выгнал из

Ростова и своего родного брата Константина. После этого Дмитрий стал собирать войско и укреплять город, опасаясь нападения Константина. Тогда владыка Игнатий отправился к великому князю Дмитрию Александровичу и упросил его приехать в Ростов; тот приехал и помирил братьев. В 1286 году братья разделились: старший Дмитрий сел в Угличе, а Константин — в Ростове. Но в 1289 году князья поменялись волостями. Когда в том же году ростовцы восстали на татар и разграбили их имущество, Константин ездил ходатаем за брата в Орду.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (кол.17)

Из рода Ярославских кн. Сын Василия Васильевича. Кн. Заозерский. Ж.: кн. Мария. Дмитрий владел частью земли восточнее Ростовского (?) озера.

ДМИТРИЙ ЕРЕМЕЕВИЧ (кол.15)

Из рода Дорогобужских кн. Сын Еремен Константиновича. Кн. Дорогобужский в 1372—1407 гг. † 1407 г.

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ Донской (кол.15)

Из рода Московских вел. кн. Сын Ивана II Ивановича Красного и кн. Александры Ивановны. Род. 12 окт. 1350 г. Вел. кн. Московский в 1359—1389 гг. Вел. кн. Владимирский в 1363—1389 гг. Кн. Новгородский в 1363—1389 гг. Ж.: с 1366 г. дочь вел. кн. Суздальского Дмитрия Константиновича, вел. кн. Евдокия († 7 июня 1407 г.). † 19 мая 1389 г.

В 1359 году, еще очень молодым, умер отец Дмитрия, Иван II. Казалось, что ранняя смерть великого князя будет гибельна для Москвы, поскольку его малолетний сын едва ли мог хлопотать в Орде об ярлыке и бороться с притязаниями других князей на великое княжение. И действи-

Дмитрий Донской. Портрет из "Титулярника"

тельно, когда все князья явились в Орду и не доставало одного Московского, то хан Неврус отдал великокняжескую Владимирскую область князю Суздальскому Дмитрию Константиновичу. Чтобы закрепить за собой, главным образом, положение на Руси, Дмитрий Константинович выехал во Владимир. Но Москва не думала уступать. Бояре ее, привыкшие быть боярами сильнейших князей, князей всея Руси, не хотели сойти на низшую ступень и сделали все возможное для того, чтобы добыть ярлык своему князю. Малолетний Дмитрий отправился в Орду. Но там началась сильная смута, в ходе которой один хан сменял другого и ничего сделать было нельзя. Наконец Орда разделилась между двумя ханами: Абдулом, именем которого правил сильный темник Мамай, и Мюридом. Московские бояре отправили послов к последнему, и тот отдал ярлык их малолетнему князю. Затем бояре посадили на коней всех трех княжичей: Дмитрия, его брата Ивана и двоюродного

брата Владимира, и выступили с ними в 1363 году против Дмитрия Константиновича. Последний не мог противиться московским полкам, и Дмитрий получил великокняжеское достоинство. Но в том же году во Владимир явился посол из Мамаевой орды, от хана Абдула, с ярлыком на великое княжение Владимирское. Дмитрий принял и этого посла с честью и проводил с дарами. Это рассердило Юрида, который, чтоб отомстить Москве, прислал с князем Иваном Белозерским новый ярлык на Владимир Дмитрию Суздальскому. Тот обрадовался и сел во второй раз во Владимире, но просидел только 12 дней, потому что Дмитрий Иванович опять пошел на него с большим войском, выгнал из Владимира, осадил в Суздале, опустошил окрестности этого города и взял наконец над его князем свою волю, по выражению летописца. В том же году, говорит летописец, Дмитрий взял свою волю и над князем Константином Ростовским, а князя Ивана Федоровича Стародубского и Дмитрия Галицкого выгнал из их княжеств.

В 1365 году, когда Дмитрию Суздальскому снова привезли из Орды ярлык на Владимир, он отказался навсегда от своих притязаний в пользу московского князя, с тем чтоб тот помог ему управиться с младшим братом. В 1366 году Дмитрий Константинович выдал за Дмитрия Московского свою дочь.

Во всех этих событиях, как, впрочем, и в дальнейшем, личность Дмитрия представляется, по источникам, неясной. В отрочестве, когда он никак не мог действовать самостоятельно, бояре вели дела точно в таком же духе, в каком бы их вел и совершеннолетний князь. Летописи, описывая кончину Дмитрия, говорят, что он во всем советовался с боярами и слушался их, что бояре у него были как князья, так же завещал он поступать и своим детям. Из-за этого невозможно разделить, что из его действий принадлежит собственно ему, а что — его боярам. Возмож-

но, Дмитрий всю жизнь был руководим другими, и этим можно отчасти объяснить те противоречия в его жизни, которые бросаются в глаза: смешение отваги с нерешительностью, храбрости с трусостью, ума с бестактностью, прямодушия с коварством.

Из князей других русских земель опаснее всех для Москвы казался Михаил, сын Александра Михайловича Тверского. Он, естественно, питал родовую ненависть к московским князьям и был при этом человеком предприимчивым, отличавшийся упрямством и крутым нравом. Став великим князем Тверским, Михаил начал войну против своих родичей. Василий Михайлович Кашинский обратился за помощью к Дмитрию Ивановичу, а Михаил — к своему зятю Ольгерду, великому князю Литовскому. Так внутренняя усобица Тверского княжества переросла в войну между Москвой и Литвою.

В 1367 году Василий Кашинский с московскими полками разорил Тверскую волость. Михаил бежал в Литву и вернулся с литовскими полками. На этот раз князья заключили мир, но в 1368 году Дмитрий и митрополит Алексей зазвали к себе в Москву князя Михаила на третейский суд. После этого суда тверского князя схватили вместе со всеми боярами и посадили в заключение, но вдруг узнали о неожиданном приезде трех ордынских князей. Этот приезд напугал врагов Михаила, и они выпустили его на свободу, заставив отказаться от части своего удела. Михаил поехал в Литву и уговорил Ольгерда начать войну с Дмитрием.

В Москве узнали о нашествии Ольгерда только тогда, когда литовский князь уже приближался с войском к границе вместе со своим братом Кейстутом, племянником Витовтом, разными литовскими князьями, смоленской ратью и Михаилом Тверским. Князья, подручные Дмитрию, не успели по его призыву явиться на защиту Москвы. Дмитрий мог выслать против Ольгерда в заставу только сторожевой полк из моск-

вичей, коломенцев и дмитровцев под начальством своего воеводы Дмитрия Минина. 21 ноября на реке Тросне литовцы встретили московский сторожевой полк и разбили его: князя, воеводы и бояре все погибли. Узнав, что Дмитрий не успел собрать большого войска и заперся в Москве, Ольгерд быстро пошел к ней. Дмитрий велел пожечь посады вокруг города, а сам с митрополитом, двоюродным братом Владимиром Андреевичем и со всеми людьми затворился в своем белокаменном кремле, построенном за год до этого. Три раза Ольгерд пытался взять город, но успеха не добился, хотя страшно опустошил окрестности, увел в плен бесчисленное множество народа, погнал с собою весь скот. Впервые за сорок лет Московское княжество испытало неприятельское нашествие. Дмитрий должен был уступить Михаилу Городок и другие захваченные части Тверского удела.

Но Дмитрий не хотел признавать свое поражение. В следующем году он послал воевать и грабить Смоленскую землю, мстя за участие смолян в разорении Московской волости. Потом москвичи воевали под Брянском, а в августе 1370 года Дмитрий вновь объявил войну Михаилу и сам во главе сильного войска вторгся в его волость. Михаил бежал в Литву, а Дмитрий взял и пожег Зубцов и Микулин, а также все села, до каких смог добраться. Множество людей с их добром и скотом было вывезено в Московское княжество.

Ольгерд, занятый войной с крестоносцами, смог ответить на нападение лишь в декабре. В рождественский пост он с братом Кейстутом, Михаилом и Святославом Смоленским подошел к Москве и осадил ее. Дмитрий и на этот раз заперся в кремле, а Владимир Андреевич стоял в Перемышле. К нему на помощь пришли рязанские и пронские полки. Ольгерд, узнав об этих сборах, испугался и стал просить мира. Но Дмитрий вместо вечного мира согласился лишь на перемирие до Петро-

ва дня. Михаил также помирился с Москвой, но ненадолго. Весной 1371 года он поехал в Орду и возвратился оттуда с ярлыком на великое княжение и ханским послом Сарыхожей. Но вскоре Михаил убедился, что ханские ярлыки не имеют уже на Руси прежней силы. Владимирцы даже не пустили Михаила в город. Сарыхожа звал Дмитрия во Владимир слушать ярлык, но Дмитрий отвечал так: "К ярлыку не еду, на великое княжение не пущу, а тебе, послу цареву, путь чист". Вместе с тем он послал дары Сарыхоже. Сарыхожа оставил Михаила и поехал в Москву. Его приняли там с таким почетом и так щедро одарили, что он совершенно перешел на сторону Дмитрия, уговорил его ехать к Ма-

строительство Московского Кремля при
Дмитрии Донском. Миниатюра Лицевого
летописного свода

Строительство Московского Кремля при
Дмитрии Донском. Миниатюра Лицевого
летописного свода

Сергий Радонежский. Икона

маю и обещал ходатайствовать за него. Дмитрий решил последовать его совету и отправился искать милости Мамаю. Митрополит Алексей проводил его до Оки и благословил в путь. Дмитрий сумел завоевать благосклонность Мамаю, потому что правитель орды был милостив к тем, кто давал ему больше. Дмитрий привез в Орду большие дары, притом и Сарыхожа настаивал Мамаю в пользу Дмитрия. Москва, несмотря на разорение, нанесенное Ольгердом, была все еще богата в сравнении с прочими русскими землями: сборы ханской дани обогащали ее казну. Дмитрий не только смог подкупить Мамаю, но даже выкупил за 10 000 рублей серебром Ивана, сына Михайлова, удерживаемого в Орде за долг, и взял его к себе в заложники; в Москве этот князь находился на митрополичьем дворе до выкупа. Дмитрий получил от хана ярлык на княжение, и притом Мамаю пошел ему на уступку и позволил выплачивать дань в меньшем размере, чем прежде.

Возвратившись на Русь, Дмитрий в том же 1371 году отправил войско против рязанцев. Олег Рязанский был разбит и едва сумел бежать.

В 1372 году началась опять тверская война. Михаил, соединившись с литовцами, повоёвывал московские волости, а потом нанес сильное поражение новгородцам. В 1373 году в третий раз на Москву пошел Ольгерд. На этот раз Дмитрий приготовился встретить его у Любутска и разбил сторожевой полк литовский. Все войско литовцев переполошилось, сам Ольгерд побежал и остановился за крутым и глубоким оврагом, который не допустил неприятелей до битвы. Много дней литва и москвичи стояли в бездействии друг против друга, наконец заключили мир и разошлись.

Михаил, не надеявшийся уже на помощь Ольгерда, все-таки не оставил своей борьбы с Москвою. Случилось так, что люди, пришедшие из Москвы, сами подстрекали его. В Москве умер последний

тысяцкий Василий Вельяминов. Дмитрий решил упразднить эту старинную должность, которая противоречила с самовластным стремлением князей. Но у последнего тысяцкого остался сын Иван, недовольный новыми порядками. С ним заодно был богатый купец Некомат. Они оба убежали в Тверь к Михаилу и стали убеждать его опять добиваться великого княжения. Михаил поручил им выхлопотать для него новый ярлык в Орде, а сам уехал в Литву, пытаясь все-таки найти там поддержку. Из Литвы Михаил скоро вернулся с одними обещаниями, но 14 июля 1375 года Некомат привез ему ярлык на великое княжение, и Михаил, не думая долго, послал объявить войну Дмитрию. Он надеялся сокрушить московского князя силами Орды и Литвы, но жестоко обманулся. Помощь не приходила к нему ни с востока, ни с запада, а между тем Дмитрий собрался со всею силою и двинулся к Волоку Ламскому, куда пришли к нему князья: тесть его Дмитрий Константинович Суздальский с двумя братьями и сыном, двоюродный брат Владимир Андреевич Серпуховской, трое князей Ростовских, князь Смоленский, двое князей Ярославских, князья Белозерский, Кашинский, Моложский, Стародубский, Брянский, Новосильский, Оболенский и Торусский. Все эти князья двинулись из Волока к Твери и стали воевать, взяли Микулин, попленили и пожгли окрестные места, наконец, осадили Тверь, где заперся князь Михаил. Осажденные крепко бились, но отдельные успехи не могли принести Михаилу пользы: волость его была опустошена вконец, города Зубцов, Белгород и Городок взяты. Он все ждал помощи из Литвы и от хана. Литовские полки пришли, но, услышав, какая бесчисленная рать стоит у Твери, испугались и повернули назад. Тогда Михаил потерял последнюю надежду и запросил мира.

Условия этого мира дошли до нас. Независимый великий князь Тверской обязался считать себя младшим братом Дмит-

рия. Он обязался участвовать в московских походах или посылать свои полки против врагов Москвы. Михаил обязался не искать ни великого княжения, ни Новгорода. Кашинское княжество становилось независимым по отношению к Твери. Также Михаил обязался участвовать в войнах с татарами.

Усмирение тверского князя сильно озлобило Мамаю. Он видел в этом явное ослабление своей власти. Его последний ярлык, данный Михаилу, был поставлен русскими ни во что. С этого времени между Москвой и Ордой началась открытая вражда, но дело долго не доходило до решительного столкновения. Сначала татарские рати в отместку за тверской поход опустошили Нижегородскую и Новосильскую земли. Вслед за тем в 1377 году татарский царевич Арапша из Мамаевой Орды сделал опять нападение на Нижегородскую область. Соединенная суздальская и

Разгром ордынцев

ный брат Владимир Андреевич Серпуховской, подошли последние московские полки. Тогда, видя все силы в сборе, Дмитрий велел переправляться через Оку. 6 сентября войско достигло Дона. Здесь князь устроили совет, и мнения разделились. Одни говорили: "Ступай, князь, за Дон!" Другие возражали: "Не ходи, потому что врагов много, не одни татары, но и литва и рязанцы". Дмитрий принял первое мнение и велел мостить мосты и искать броды. В ночь на 7 сентября войско начало переправляться за Дон. Утром 8 сентября на солнечном восходе был густой туман, и когда в третьем часу просветлело, то русские полки строились уже за Доном, при устье Непрядвы. Часу в двенадцатом стали показываться татары; они спускались с холма на широкое Куликово поле. Русские также сошли с холма, и сторожевые полки начали битву. Сам Дмитрий с дружиной выехал вперед и, побившись немного, вернулся к основным силам устраивать полки. В первом часу началась решительная битва. Такой битвы не бывало на Руси прежде: говорят, что кровь лилась, как вода, на пространстве десяти верст, лошади не могли ступать по трупам, ратники гибли под конскими копытами, задыхались от тесноты. Пешая русская рать уже лежала как скошенное сено, но исход боя решил Владимир Андреевич, ударивший из засады с конным полком в тыл татарам.

В "Повести о Мамаевом побоище", источнике сложном и противоречивом, в котором много явных вымыслов и нелепиц, рассказывается о том, что Дмитрий надел княжескую мантию на своего любимца Михаила Бренка, сам же в одежде простого воина замешался в толпе, так как хотел биться с татарами вместе с дружиной. Неизвестно, можно ли доверять этому известию, но действительно, Дмитрий, как видно, не руководил сражением; оно шло словно само по себе, а все важные решения принимались Владимиром Андреевичем и воеводой Боброком.

После завершения битвы, Владимир Андреевич велел трубить в трубы и собирать всех оставшихся в живых ратников. Не было только Дмитрия. Владимир стал расспрашивать: не видал ли кто его? Одни говорили, что видели его жестоко раненым, и потому должно искать его между трупами; другие — что видели, как он отбивался от четырех татар и бежал, но не знают, что после с ним случилось; один объявил, что видел, как великий князь, раненный, пешком возвращался с боя. Владимир Андреевич стал со слезами упрашивать, чтоб все искали великого князя, обещал богатые награды тому, кто его найдет. Войско рассеялось по полю; нашли любимца Дмитриева, Михаила Бренка, наконец двое ратников, уклонившись в сторону, нашли великого князя, едва дышащего, под ветвями недавно срубленного дерева. Дмитрий с трудом пришел в себя, с трудом распознал, кто с ним говорит и о чем, панцирь его был весь разбит, но на теле не было ни одной серьезной раны.

По случаю победы, говорит летописец, была на Руси радость великая, но была и печаль большая по убитым на Дону; оскудела совершенно вся земля русская воеводами, и слугами, и всяким воинством, и от этого был страх большой по всей земле Русской. Это оскудение дало татарам еще кратковременное торжество над куликовскими победителями.

***

Мамай, возвратившись в Орду, собрал опять большое войско, с тем, чтоб идти на московского князя, но был остановлен другим врагом: на него напал хан заяицкий Тохтамыш, потомок Чингисхана. На берегах Калки Мамай был разбит, бежал в Крым и там погиб. Тохтамыш, овладевши Золотой Ордой, отправил к московскому и другим князьям русским послов известить их о своем воцарении. Князья приняли послов с честью и отправили своих послов в Орду с дарами для нового хана. В 1381 году Тохтамыш отправил к Дмит-

рию посла Ахкозю, который назывался в летописях царевичем, с семьями татар; но Ахкозя, доехавши до Нижнего Новгорода, возвратился назад, не смея ехать в Москву; он послал было туда несколько человек из своих татар, но и те не осмелились въехать в Москву. Тохтамыш решился разогнать этот страх, который напал на татар после Куликовской битвы. В 1382 году он внезапно с большим войском переправился через Волгу и пошел к Москве, соблюдая большую осторожность, чтоб в русской земле не узнали о его походе.

Когда весть о татарском нашествии все же дошла до Дмитрия, он хотел было выйти к ним навстречу, но область его, страшно оскудевшая народом после Куликовского побоища, не могла выставить достаточного числа войска, и Дмитрий уехал сперва в Переяславль, а потом в Кострому собирать полки. Сюда к нему пришло известие, что Москва взята. Впрочем, Тохтамыш не чувствовал себя уверенно и после этого. Узнав, что Дмитрий собирает полки в Костроме, а Владимир стоит с большой силой у Волока, он поспешно ушел обратно в степь. Дмитрий вернулся в разоренный город и за свой счет похоронил всех убитых — 24 000 человек.

Воспользовавшись бедою Москвы, Михаил Тверской немедленно отправился в Орду искать великого княжения. Но в 1383 году приехал в Москву посол от Тохтамыша с добрыми речами и пожалованием. За эти добрые речи должно было дорого заплатить. В 1384 году начались тяжелые поборы для уплаты ханской дани. Каждая деревня давала по полтине, а города платили золотом.

В это же время Дмитрий хотел свести счеты с Олегом Рязанским, который уже дважды был союзником татар. В том же 1382 году московская рать разорила Рязанскую волость. В 1385 году Олег внезапно напал на Коломну, взял и разграбил ее. Московские войска, отправленные против него, потерпели поражение. С по-

мощью игумена Сергия Дмитрий заключил с Олегом мир.

Татарское разорение и обязанность платить тяжелую дань довели казну великого князя до скудости. Возможно, это заставило Дмитрия искать новые источники дохода. Подобно своим предшественникам, Дмитрий обратил внимание на богатый Новгород. Как раз в это время разгулялись новгородские ушкунники. Это послужило поводом к объявлению войны. В декабре 1386 года, собрав большое войско, Дмитрий двинулся на Новгород, сжигая и разоряя все на своем пути. В начале января 1387 года московское войско стало недалеко от Новгорода. Испуганные горожане умолили Дмитрия не начинать осады и согласились выплатить 8000 рублей, а кроме того, согласились ежегодно платить с черных людей особую подать ("черный бор") в пользу великого князя.

Это было последнее деяние Дмитрия, все княжение которого пало на очень бурную и тяжелую эпоху. Дмитрий умер рано — в 1389 году, всего 39 лет от роду. Между тем, следуя житию, он был крепок, высок, плечист и даже грузен — "чреват вельми и тяжек собою зело", имел черную бороду и волосы, а также дивный взгляд. То же житие сообщает, что Дмитрий имел отвращение к забавам, отличался благочестием, незлобивостью и целомудрием. Книг он не любил читать, но духовные имел в своем сердце. Погребен в Архангельском соборе в Москве.

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ (кол.15)

Из рода Галицких кн. Сын Ивана Федоровича. Кн. Галицкий в 1354—1363 гг.

***

В 1363 году Дмитрий Иванович Московский (будущий Донской) выгнал Дмитрия из его княжества и сам овладел его волостью. Изгнанник удалился в Суздаль, но не нашел поддержки в тамошнем князе. Тогда он уехал в Новгород, где всту-

пил на службу к архиепископу. Потомки его тоже должны были служить и вскоре утеряли даже княжеский титул.

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ Жнлка (кол.19)

Из рода Московских вел. кн. Сын Ивана III Васильевича и византийской царевны Софьи Фоминишны Палеолог. Род. 6 окт. 1481 г. Кн. Углицкий. † 14 февр. 1521 г.

В 1500 году Дмитрий, посланный с московским войском под Смоленск, не смог взять этого города и ограничился взятием Орши, а также опустошением литовских областей.

В апреле 1506 году Василий III отправил Дмитрия вместе с воеводой князем Федором Ивановичем Бельским на Казань против Магмет-Амина. 22 мая судовая рать пришла под Казань, и Дмитрий немедленно велел ратным людям высадиться из судов и идти пешком к городу в знойный день. Татары выступили им навстречу и завязали бой, тогда как другая часть казанского войска на лошадях тайно заехала к ним в тыл и отрезала от судов. Русские потерпели сильное поражение: много их было побито, много взято в плен, много потонуло в Поганом озере. Узнав об этом несчастье, великий князь в тот же день велел выступить к Казани князю Василию Даниловичу Холмскому с другими воеводами, а брату послал сказать, чтоб до прибытия Холмского не приступал вторично к городу. Но когда 22 июня подошла конная рать с князем Ростовским, Дмитрий не счел нужным медлить более и повел опять войско к городу. Сначала он действовал успешно, но потом потерпел новое поражение и принужден был бежать, бросив пушки и осадные машины. Дмитрий ушел в Нижний, и поход таким образом закончился неудачей. По смерти Дмитрия его удел был присоединен к Москве.

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ (кол.21)

Из рода Московских вел. кн. Сын Ивана IV Васильевича Грозного и Марьи Федоровны Нагой. Род. 19 окт. 1583 г. Царь всея Руси в 1605—1606 гг. Ж.: с 8 мая 1606 г. дочь Сандомирского воеводы Юрия Мнишека, Марина Мнишек. † 16 мая 1606 г.

Грозный имел от своих пяти жен восемь детей, но, умирая, оставил после себя лишь двух сыновей: слабоумного Федора от первой жены Анастасии Романовой и маленького Дмитрия от последней — Марии Нагой. Судьба обоих наследников решилась в первые дни после погребения Ивана IV: Федора, поддержанного большинством бояр, посадили править в Москве, а Дмитрия с матерью и дядьями сослали на жительство в Углич.

Здесь опальный царевич провел свое детство. Если верить некоторым летописцам, он, хотя был еще ребенок, обнаруживал особенную чуткость к дурному обращению, проявлял буйный нрав, мстительный характер и даже предрасположе-

Дмитрий царевич. Икона. Средняя Русь. XVII—нач. XVIII в.

ние к жестокости. Рассказывали, что Дмитрий охотно смотрел, как резали быков и баранов, а иногда пробирался в кухню, чтоб собственноручно свернуть шею несколькими цыплятам. Однажды зимой, играя со своими сверстниками, царевич велел сделать из снега двадцать человеческих изображений и, дав им имена Годунова и других приближенных бояр своего старшего брата, с криком: "Вот что вам будет, когда я стану царствовать" — рубил им головы. 15 мая 1591 года он при загадочных обстоятельствах был убит в Угличе.

Смерть его оказала громадное впечатление на современников, породила множество слухов, догадок и легенд. Широко распространено было мнение, что Дмитрий не погиб и был спасён верными людьми, а вместо него похоронили другого мальчика. Во все времена были истории, допускавшие, что молодой человек, появившийся в Польше десять лет спустя и выдававший себя за сына Грозного, вполне мог быть таковым. Разумеется, гораздо больше оснований считать его самозванцем, но и в этом случае нельзя не увидеть во многих его поступках несомненной внутренней убежденности в том, что он именно тот, за кого себя выдает.*

Следы его впервые обнаруживаются в 1601 году в Киеве. В то время никто еще не знал ни его имени, ни происхождения. Он явился в виде молодого монаха, затерявшегося в толпе набожных богомольцев, которые стекались к чтимым святыням древнего города. Он достаточно долго прожил во владениях князя Острожского — в Дерманском монастыре, а отсюда отправился в город Гошу, скинул монашеское платье и стал учиться в Арианской Гощинской школе по латыни и по-польски. Затем на некоторое время его следы теряются. Возможно, как раз в эти годы пре-

тендент ездил в Запорожскую Сечь и в шайке гайдамака Герасима Евангелика обучался ратному делу. В 1603 году он объявился в Брагине, где поступил на службу к князю Адаму Вишневецкому. Старый князь полюбил юношу за расторопность и молодцеватость. Почтительный к хозяину, он в обхождении с его челядью держал себя с чувством собственного достоинства и не разрешал с собой ни малейшей фамильярности. Кроме того, он был человеком замкнутым и скрытным.

Однажды юноша опасно заболел и потребовал духовника. Призванный к больному ксендз был иезуит. Рассказав ему о своих прегрешениях, больной попросил патера похоронить его с почестями, приличными царским детям. "Кто я, — продолжал он, — ты это узнаешь из бумаг, которые спрятаны в изголовье моей постели... Не показывай их никому, не выдавай тайны человека, которому Господь не судил жить и умереть прилично его высокому происхождению!"

Иезуит не замедлил сообщить об этом таинственном признании княжеского слуги самому Вишневецкому. Князь, забрав тихонько заветные бумаги, узнал из них, что слуга его не кто иной, как угличский царевич Дмитрий, спасенный от рук посланных убийц дьяками Щелкаловыми и многими другими верными боярами. Из тех же бумаг следовало, что невинною жертвою злобы Годуновых пал малолетний сын священника Истомина, принятый убийцами за царевича. Вишневецкий, вне себя от изумления, вместе с патером поспешил к одру умирающего слуги. Дмитрий показал князю золотой наперсный крест, украшенный драгоценными камнями, надетый, по словам царевича, его крестным отцом князем Иваном Мстиславским, а также особые приметы, подтверждавшие его знатное происхождение: бородавку на щеке, родимое пятно повыше правой кисти и то, что одна рука его короче другой. Еще не зная, верить ему в эту историю или нет, Вишневецкий не

* Согласно общепринятой точке зрения, под именем "царевича Дмитрия" скрывался беглый чудовский монах ("расстрига") Юрий (в монашестве — Григорий) Отрепьев.

поскупился на лечение, и вскоре докторам удалось поднять Дмитрия на ноги. Немного спустя среди челяди Льва Сапегы оказался московский перебежчик, некий Петрушка, известный в Польше под именем Петровского, который в былые времена будто бы служил в Угличе при особе царевича. Его доставили в Брагин и хотели устроить претенденту ловушку, представив ему этого человека под другим именем. Но он не задумываясь признал Петрушку, и в то же время был признан им. Весть о московском царевиче, чудесно спасшемся от смерти, быстро распространилась между соседними панам. Тогда же слух о нем достиг Москвы и, кажется, сильно встревожил Годунова. По крайней мере, он стал немедленно добиваться его выдачи и обещал Вишневецкому пойти на уступки в территориальных спорах, если самозванец окажется в его руках.

В конце 1603 года брат князя Адама, Константин Вишневецкий, отвез Дмитрия в Самбор к своему тестю Юрию Мнишеку. Здесь царевич поражен был явлением ему до сих пор неизвестным: он увидел старшую дочь Мнишека Марианну, или Марину, которая произвела на пылкого молодого человека неизгладимое впечатление. Марина в высшей степени обладала теми качествами, которые давали польской женщине место в обществе. Она поняла, что ей представился случай отличным образом устроить свою судьбу, принялась за дело и скоро овладела сердцем царевича. Мнишеки были ревностные католики, принятие латинства всего более помогало царевичу, ибо ставило на его сторону духовенство и особенно могущественных иезуитов. Дмитрий позволил францисканским монахам обратить себя в католицизм.

В конце марта 1604 года Вишневецкий и Мнишек привезли царевича в Краков. Наружность искателя Московской державы не говорила в его пользу: он был среднего или почти низкого роста, довольно хорошо сложен, лицо имел круглое, не-

приятное, волосы рыжеватые, глаза темно-голубые, был мрачен, задумчив, неловок. Это описание наружности Дмитрия, сделанное очевидцем, сходно с лучшим дошедшим до нас портретом: и здесь видно лицо очень некрасивое с задумчиво-грустным выражением. Из других известных мы знаем, что Дмитрий был очень силен и легко гнул подковы. Претендента доставили к королю, и он признал его московским царевичем, хотя и не публично, назначил ему ежегодное содержание в 40 000 злотых, но не хотел помогать ему явно войском от своего лица, а позволил панам делать это частным образом. За эту незначительную помощь Дмитрий обещал, по восшествию на престол, возратить польской короне Смоленск и Северскую землю, дозволить сооружать в своем государстве костелы, ввести иезуитов, помогать Сигизмунду в приобретении шведской короны и содействовать в будущем соединению Московского государства с Польским. Сигизмунд поставил во главе предприятия Сандомирского воеводу Юрия Мнишека. Мнишек с торжеством привез царевича в Самбор, где тот предложил свою руку Марине. В дальнейшем он доказал, что действительно был очарован ею и что не один только политический расчет побуждал его желать этого брака. Предложение было принято, но свадьба отложена до утверждения жениха на московском престоле. Мнишек собрал для будущего зятя 1600 человек всякого сброда в польских владениях, но подобных людей было много и в степях на Украине Московского государства, следовательно, сильная помощь ожидала претендента впереди. Донские казаки прислали в его войско 2000 человек, таким образом, общие силы Дмитрия составляли 4000 человек.

15 августа Дмитрий выступил в поход, а в октябре 1604 года вошел в предел Московского государства. Жители первого пограничного города Моравска, узнав, что идет царь с польским войском, стали

волноваться и больше из страха, чем по доброй воле, отправили к Дмитрию послов с покорностью и присягнули ему. Казаки, которые всегда шли впереди главного войска, приблизились к Чернигову и были встречены выстрелами. Однако потом, узнав, что Моравск сдался, черниговцы вступили в переговоры с казаками и связали воеводу, не хотевшего сдаваться царевичу. Несмотря на это, казаки до прихода главного войска полностью разграбили посад. Дмитрий потребовал отдать добычу ему, угрожая повести против них рыцарство. Казаки долго ругались и отговаривались, однако принуждены были возвратить добычу, хотя не всю.

Чернигов сдался, но не сдался Новгород Северский, где засел воевода Петр Федорович Басманов, любимец Годунова. Басманов отбил приступ, не дал зажечь города, и нетерпеливый Дмитрий, раздраженный помехой, начал укорять поляков: "Я думал лучше о поляках, — говорил он, — а теперь вижу, что они такие же люди, как и другие". Поляки хотели уже

было покинуть его, как пришла весть, что воевода князь Василий Рубец-Мосальский сдал Путивль, самый важный город в Северской земле. Примеру Путивля последовали другие укрепленные города, и на протяжении 600 верст от запада к востоку Дмитрий уже признавался истинным царевичем. Народ видел этого царевича, окруженного поляками, но видел и усердие его к православной вере: так, он велел привезти в Путивль из Курска чудотворную икону Богородицы, встретил ее с честью, поставил в своих палатах и каждый день горячо молился перед ней.

***

В декабре на Украину прибыло царское войско во главе с князем Федором Ивановичем Мстиславским. 18 декабря обе армии встретились под Новгородом Северским. У Мстиславского было до 50 000 человек, у царевича же не более 15 000. 21 декабря Дмитрий ободрил свое войско речью, которая дышала полной уверенностью в правоте его дела, и выступил против царского войска, которое тотчас дрогнуло. Царское войско, потеряв 4000 человек, бежало, и только неопытность Дмитрия в ратном деле помешала ему одержать полную победу. Обозревая поле боя после сражения и видя столько трупов с русской стороны, Дмитрий плакал.

Несмотря на эту победу, претендент испытывал большие трудности. Мнишек под предлогом сейма стал собираться в Польшу; поляки стали требовать у Дмитрия денег. Когда Мнишек уехал, за ним двинулась большая часть польского рыцарства. Дмитрий ездил от одной роты к другой, уговаривая поляков остаться, но встречал только оскорбления. Один поляк сказал ему: "Дай Бог, чтоб посадили тебя на кол". Дмитрий за это ударил его в зубы, но тем восстановил против себя рыцарство; поляки стащили с него соболью шубу, и русские приверженцы царевича должны были потом выкупать ее. С Дмитрием осталось только 1500 поляков, ко-

Царевич Дмитрий и князь Роман Угличский.
Икона XVII в.

торые вместо Мнишека выбрали гетманом Дворжицкого. Но эта убыль в войске скоро была вознаграждена: пришло 12 000 казаков малороссийских, с которыми претендент засел в Севске.

21 января 1605 года он вышел оттуда и дал царскому войску бой при Добрыничах, но, несмотря на необыкновенную храбрость, потерпел поражение вследствие многочисленности артиллерии в царском войске. Дмитрий отступил к Путивлю и заперся там. Видя малочисленность своего войска, он хотел было уехать в Польшу, но русские, которые уже связали свою судьбу с ним, не позволили ему этого. Вскоре действительно явилось к Путивлю 4000 донских казаков, которых царевич отослал защищать Кромы. Под этим маленьким городом царские войска стояли всю весну. Дмитрий продолжал жить в Путивле, который принял тогда вид многолюдной столицы. На свои обеды он приглашал русских и поляков, православных священников и ксендзов, старался сблизить между собой тех и других. Сам он был очень любознателен, много читал, беседовал с образованными поляками, удивляя их меткостью своих суждений, а русским внушал уважение к просвещению и стыдил за невежество. "Как только с Божьею помощью стану царем, — говорил он, — сейчас заведу школы, чтобы у меня во всем государстве выучились читать и писать, заложу университет в Москве, стану посылать русских в чужие края, а к себе буду приглашать ученых и знающих иностранцев, чтобы их примером побудить всех русских учить своих детей всяким наукам и искусствам". В апреле пришла весть о смерти Бориса Годунова и воцарении его сына Федора. Последний не имел никакой популярности в войске. В мае царское войско, стоявшее под Кромами, присягнуло на верность Дмитрию. Царевич 24 мая прибыл к Кромам и во главе сдавшегося войска двинулся к Орлу, где встретили его с поклоном выборные от всей Рязанской земли. Дмитрий отправил на

Москву войско с князем Василием Голицыным, а сам пошел следом. Из Орла он приехал в Тулу. Здесь он узнал, что восставший народ низложил царя Федора. В каждом селении народ встречал царевича хлебом-солью.

В Туле Дмитрий занимался государственными делами как государь: разослал грамоты, в которых извещал о своем прибытии, составил форму присяги, беседовал с английским послом Смитом. Среди этих занятий прибыло к нему посольство от московских бояр во главе с тремя братьями Шуйскими и Федором Ивановичем Мстиславским. Дмитрий принял их на первый раз сухо, сделав им замечание, что казаки и простой народ предупредили их в верности. Бояр привел к присяге рязанский архиепископ Игнатий, которого Дмитрий прочил на место патриарха Иова. Затем царевич медленно двинулся к Москве. Он беспрестанно останавливался, говорил с народом, расспрашивал его о житье-бытье и обещал льготы. В Серпухове, на берегу Оки, ожидал его привезенный из Москвы огромный шатер, богато разукрашенный, в котором можно было

Лжедмитрий I. Русское изображение из рукописи XVII в.

поместить несколько сот человек. Одновременно с шатром прибыла из Москвы царская кухня и множество прислуги. В этом шатре Дмитрий давал первый пир и угощал бояр, окольных и думных дьяков. Из Серпухова Дмитрий ехал уже в богатой карете, в сопровождении знатных особ и остановился в селе Коломенском. Здесь, на просторном лугу, окаймляющем Москву-реку, его ожидал новый шатер. Священники, гости, посадские люди и крестьяне толпами приходили поклониться. Дмитрий ласково принимал хлеб-соль от бедняков и говорил: "Я не царем у вас буду, а отцом".

Наконец, 20 июня 1605 года царевич торжественно въехал в столицу при радостных восклицаниях бесчисленного народа, собравшегося в Москву со всех сторон. Въехав в Кремль, Дмитрий молился сначала в Успенском соборе, а потом в Архангельском, где, приложившись к гробу Грозного, так плакал, что никто не мог усомниться — это был истинный сын Ива-

на. Вступив затем во дворец, Дмитрий принимал поздравления с новосельем. Московские колокола без умолку звонили весь день.

Приближенные торопили с царским венчанием, но Дмитрий прежде послал за матерью, инокиней Марфой. Через несколько дней в Москве был раскрыт заговор против Дмитрия. Купец Федор Кочнев и несколько торговых людей показали, что князь Василий Шуйский давал им наставления вооружать против царя народ, говорил, что тот вовсе не Дмитрий, а Гришка Отрепьев, что он хочет разорить церкви и искоренить веру. Шуйского схватили. Но Дмитрий отказался сам судить его, а отдал решать дела на рассмотрение Земского собора. На него, кроме духовенства и членов Думы, приглашены были посадские люди. По некоторым иностранным известиям Дмитрий и сам был на соборе, оспаривал Шуйского и уличал его в клевете, причем говорил с таким искусством и умом, что весь собор был приведен в изумление и решил, что Шуйский достоин смерти. 25 июня должны были его казнить и уже вывели к плахе, когда прискакал гонец с объявлением помилования. Дмитрий заменил казнь ссылкой в Вятку. Еще прежде, 24 июня, возведен был в патриархи рязанский архиепископ Игнатий.

18 июля прибыла из ссылки царица инокиня Марфа. Дмитрий встретил ее в селе Тайнинском при бесчисленном стечении народа. Когда карета, в которой сидела царица, остановилась, Дмитрий быстро соскочил с лошади. Марфа отвернула занавес, закрывавший окно кареты. Дмитрий бросился к ней в объятия. Оба рыдали. Так прошло несколько минут в виду всего народа. Потом царь до самой Москвы шел пешком подле кареты. Марфа въезжала при звоне колоколов и при ликовании народа: тогда уже никто не сомневался, что на московском престоле истинный царевич; такое свидание могло быть только свиданием сына с матерью.

Патриарх Игнатий. Портрет из "Титулярника"

30 июля Дмитрий венчался царским венцом от патриарха Игнатия. Вслед за тем посыпались милости. Возвращены были из ссылки все опальные прежнего царствования. Филарета Романова возвели в митрополиты Ростовские. Прощены и возвращены в Москву Василий Шуйский с братьями (они не успели даже доехать до Вятки). Им вернули боярство и все прежние имения. Также получили прощение и все Годуновы. "Есть два способа царствовать, — сказал однажды Дмитрий, — милосердием и щедростью или суровостью и казнями; я избрал первый способ; я дал Богу обет не проливать крови подданных и исполню его". Когда кто-нибудь, желая подслужиться к Дмитрию, заговаривал дурно о Борисе, царь замечал: "Вы ему кланялись, когда он был жив, а теперь, когда он мертвый, вы хулите его. Другой бы кто говорил о нем, а не вы, когда сами выбирали его". Всем служилым было удвоено содержание; помещикам удвоили их земельные наделы; все судопроизводство объявлено было бесплатным; всем должностным лицам удвоено было содержание и строго запрещено брать посулы и поминки. Для того, чтобы при сборе податей не было злоупотреблений, землям предоставили самим доставлять подати в Москву. Дмитрий запретил давать потомственные кабалы, крестьянам разрешено было уходить от помещиков, если те не кормили их во время голода. Уничтожены были всякие препятствия к выезду из государства, а также к переездам внутри него. "Я не хочу никого стеснять, — говорил Дмитрий, — пусть мои владения будут во всем свободны. Я обогащу свое государство свободной торговлей".

Не проходило дня, в который бы царь не присутствовал в Думе. Иногда, слушая долговременные бесплодные споры думных людей о делах, он смеялся и говорил: "Столько часов вы рассуждаете и все без толку!" — и в минуту ко всеобщему удивлению решал самые запутанные дела. Он

любил и умел поговорить; как все тогдашние грамотеи любил приводить примеры из истории разных народов, рассказывал и случаи собственной жизни. По средам и субботам он сам принимал челобитные и всем предоставлял возможность объясняться с ним по своим делам. Вопреки обычаю прежних царей, Дмитрий, пообедав, разгуливал по городу, заходил в разные мастерские, толковал с мастерами, заговаривал со встречаемыми на улицах. Без посторонней помощи вскакивал на горячего коня, демонстрируя искусство верховой езды. Любил он и охоту — лично ходил на медведей и изумлял подданных своей ловкостью. Подобно Грозному Дмитрий любил поговорить о религии. Но речи его были новы для московских и звучали соблазнительно. "У нас, — говорил он духовным и мирянам, — только одни обряды, а смысл их укрыт. Вы поставляете благочестие только в том, что сохраняете посты, а никакого понятия не имеете о существе веры... Зачем вы презираете иноверцев? Что же такое латинская, лютеранская вера? Все такие же христианские, как и греческая. И они в Христа веруют". Когда ему говорили о семи соборах и о неизменности их постановлений, он на это отвечал: "Если было семь соборов, то отчего же не может быть и восьмого, и десятого и более? Пусть всякий верит по своей совести. Я хочу, чтобы в моем государстве все отправляли богослужение по своему обряду". Монахов он определенно не любил, называя их тунядцами и лицемерами.

Новый царь внес свежую струю не только в церемонный дворцовый обряд, но и в политику. Наслушавшись в Польше толков о всеобщем христианском походе против турок, о котором говорили во всей Европе, не предпринимая, однако, никаких действий, Дмитрий захотел привести эту мысль в исполнение, тем более что русских она касалась скорее, чем других народов, во-первых, по духовному родству с поработченными греками, а во-вторых, по соседству с крымскими хищниками. С

самого приезда в Москву его не оставляло намерение воевать с турками и татарами. На Пушечном дворе лили новые пушки, мортиры, ружья. Дмитрий часто ездил туда, сам испытывал новые пушки, стреляя из них замечательно метко, сам учил ратных людей в примерных приступах к земляным крепостям, лез в толпе на валы, несмотря на то, что иногда его толкали, сшибали с ног и давили.

Война с Турцией побуждала Дмитрия поддерживать дружеские отношения с папой, но он не поддавался на папские уговоры о соединении церквей и в своих письмах искусно обходил этот вопрос. В дошедших до нас письмах Дмитрия нет даже намека на исполнение своих прежних обещаний ввести католичество в Русской земле. Он толковал с папой о союзе против турок, и вскоре иезуиты совершенно разочаровались насчет своих блестящих надежд. Предоставив католикам свободу совести в своем государстве, Дмитрий равным образом предоставил ее протестантам всех толков. Ясно было, что он не думал исполнять тех обещаний иезуитам, которые он поневоле давал, будучи в Польше (хотя, несомненно, что в душе он был всецело за соединение церквей, но

вовсе не из религиозных, а из прагматических целей). Так же мало расположен он был исполнить свои вынужденные обещания отдать Польше Смоленск и Северскую область. Польскому послу Корвин-Гонсевскому Дмитрий напрямик объявил, что отдача русских земель решительно невозможна. Он отказал Сигизмунду в требовании завести костелы и вводить римско-католическое духовенство, особенно иезуитов во вред православной вере.

Дмитрий любил веселую жизнь и забавы. Ему не по душе был старый дворец с его мрачными воспоминаниями. Он приказал построить для себя и для будущей жены два деревянных дворца. Его собственный дворец был невелик, хотя высок, и заключал всего четыре комнаты с огромными сенями, уставленными шкафами с серебряной посудой. Комнаты были обиты персидскими тканями, окна завешаны золототкаными занавесами, изразцовые печи с серебряными решетками и потолки отличались превосходной резной работой, а пол был устлан богатыми персидскими коврами. За обедом у Дмитрия звучала музыка, что не было принято при прежних царях. Вообще Дмитрий часто говорил, что желает, чтобы все кругом веселилось. Но современники рассказывают, что благодущный царь был слишком падок до женщин: обольщал боярских жен, дочерей и даже молоденьких монахинь. Дочь Годунова Ксения была его первой любовницей, и он, кажется, совершенно не стремился этого скрывать. Об этой связи знали не только в Москве, но и в Польше, и Мнишек в своих письмах вынужден был намекнуть, что ему неприлично везти дочь в Россию, пока Дмитрий держит при себе любовницу. Только тогда Дмитрий отослал Ксению в монастырь, где, по некоторым известиям, она родила сына.

Исполняя обещание вступить в брак с Мариной, Дмитрий отправил в Краков послом дьяка Афанасия Власьева, который представлял своего государя и 12 ноября совершил за него акт обручения в при-

Лжедмитрий I. Польское изображение

сутствии короля Сигизмунда. Дмитрий настойчиво звал невесту в Москву, но будущий тесть долго медлил с отъездом, выжидая, как сложится судьба его протекже. В Польшу приходили противоречивые слухи о новом государе. С одной стороны, говорили, что народ его любит и ласкает, а с другой — что не доверяет ему вполне и подозревает в самозванстве.

И то и другое было верно. Почти что с первого дня по столице пошел ропот недовольных. Говорили, что царь любит иноземцев, ест и пьет с ними, не соблюдает постов, ходит в иноземном платье, завел музыку, хочет от монастырей отобрать достояние, тратит без толку казну, затеяв войну с турками, раздражает шведов в угоду Сигизмунду и намерен жениться на поганой полячке. Во главе недовольных стоял князь Василий Шуйский. К нему присоединились князь Василий Васильевич Голицин, князь Куракин, Михайло Татищев и кое-кто из духовных сановников. Особенно ненавидели царя казанский митрополит Гермоген и епископ Коломенский Иосиф, страстные обличители всего иноземного. Странники Шуйского распространяли недовольство между стрельцами, а в январе 1606 года составили план убийства царя. Убийцею вызвался быть тот самый Шереметев, который вместе с Молчановым убил Федора Борисовича Годунова с матерью. 8 января они прошли было во дворец, но только подняли шум. Шереметев бежал и пропал без вести. Семерых стрельцов схватили, и они повинились. Тогда Дмитрий созвал всех стрельцов к крыльцу и сказал: "Мне очень жаль вас — вы грубы и нет в вас любви. Зачем вы заводите смуты? Бедная наша земля и так страдает. Что же вы хотите довести ее до конечного разорения? За что вы ищете меня погубить? В чем вы можете меня обвинить? Вы говорите; я не истинный Дмитрий! Обличите меня, и тогда вы вольны лишить меня жизни! Моя мать и бояре в том свидетели. Я жизнь свою ставил в опасность не ради своего

возвышения, а затем, чтобы избавить народ, упавший в крайнюю нищету и неволю под гнетом гнусных изменников... Говорите прямо, говорите свободно: за что вы меня не любите?"

Толпа залилась слезами, упала на колени и говорила: "Царь-государь, смилуйся, мы ничего не знаем. Покажи нам тех, что нас оговаривают". Тогда Басманов по царскому приказу вывел семерых сознавшихся, и Дмитрий сказал: "Вот, они повинились и говорят, что все вы на меня зло мыслите". С этими словами он ушел во дворец, а стрельцы разорвали преступников в клочья. Сам царь никого не казнил, но народ строже верховной власти готов был наказывать его врагов. "Тогда, — говорит современник, — назови кто-нибудь царя ненастоящим, тот и пропал: будь он монах или мирянин — сейчас убьют или утопят".

24 апреля 1606 года в Москву наконец прибыл Мнишек с дочерью. С ним приехало несколько знатных панов с толпою всякой челяди и шляхтичей. Всех гостей было более двух тысяч человек. Начались роскошные обеды, балы и празднества. На одни дары Марине и полякам Дмитрий издержал огромные суммы. 8 мая Марина

Марина Мнишек

была предварительно коронована царицей, а потом совершилось бракосочетание. Царь в упоении любви, казалось, обо всем позабыл и только предавался удовольствиям, танцевал, не уступая полякам в ловкости, и раздражал тем чопорных русских. Но к своеобразию своего государя они уже привыкли. Гораздо более вызывало возмущение поведение приехавших поляков. Среди них было множество гайдуков-малороссиян, людей буйных и неумных. В пьяном разгуле они бросались на женщин на улицах, врывались даже в дома, где замечали красивую хозяйку или дочь. Марина также очень не понравилась русским как своим западным платьем, так и тем, что оставалась католичкою.

Все это вместе — наплыв буйных иностранцев на улицах Москвы, пренебрежение к православию, оказанное царицей, а также множество нелепых слухов, усиленно разносимых врагами царя, вызвало возбуждение и брожение среди москвичей. Этим и решили воспользоваться заговорщики. Но и теперь они вовсе не были уверены в поддержке народа и избрали для достижения своей цели путь прямого обмана. В ночь со вторника на среду с 13 на 14 мая Василий Шуйский собрал к себе заговорщиков, между которыми были и служилые и торговые люди, раздраженные поведением поляков. Решили сначала отметить дома, в которых стоят поляки, а утром рано в субботу ударить в набат и закричать народу, будто поляки хотят убить царя и перебить думных людей: народ бросится бить поляков, а заговорщики покончат с царем.

В четверг 15 мая какие-то русские донесли Басманову о заговоре. Басманов доложил царю. "Я этого слышать не хочу, — сказал Дмитрий, — не терплю донощиков и буду наказывать их самих". Царь продолжал веселиться, к воскресенью готовили большой праздник. Царский деревянный дом, построенный самим Дмитрием, и дворец обставляли лесами для иллюминации. В пятницу 16 мая нем-

цы подали Дмитрию письменный извет о том, что в столице существует измена и следует как можно скорее принять меры. Дмитрий сказал: "Это все вздор, я читать этого не хочу". И Мнишек, и Басманов советовали не пренебрегать предостережениями. Дмитрий ничему не верил и вечером созвал гостей в свой новый, красиво украшенный дворец. Заиграло сорок музыкантов, начались танцы; царь был особенно весел, танцевал и веселился. А между тем Шуйский именем царя приказал из сотни немецких алебардчиков, державших по обыкновению караул около дворца, удалиться семидесяти человекам и оставил только тридцать. По окончании бала Дмитрий ушел к жене в ее новопостроенный и еще неоконченный дворец, соединенный с царским дворцом переходами, а в сенях царского дворца расположилось несколько человек прислуги и музыкантов.

На рассвете Шуйский велел отворить тюрьмы, выпустить преступников и раздать им топоры и мечи. Как только начало восходить солнце, ударили в набат на Ильинке, а потом во всех других московских церквях стали также звонить, не зная, в чем дело. Главные руководители заговора — Шуйские, Голицын, Татищев верхом выехали на Красную площадь в сопровождении толпы около двухсот человек. Народ, услышав набат, сбегался со всех сторон, а Шуйский кричал: "Литва собирается убить царя и перебить бояр! Идите бить литву!" Народ с яростными криками бросился на поляков, многие с мыслью, что в самом деле защищают царя, другие — из ненависти к полякам за своеволие, третьи — просто из страсти к грабежу. Василий Шуйский, освободившись такою хитростью от народной толпы, в сопровождении одних своих приближенных заговорщиков въехал в Кремль через Спасские ворота, держа в одной руке крест, в другой меч. Подъехав к Успенскому собору, он сошел с лошади, приложился к образу Владимирской Богородицы и сказал ок-

ружавшим: "Во имя Божие идите на злого еретика". Толпа двинулась ко дворцу.

Царя разбудил набатный звон. Дмитрий побежал в свой дворец и встретил там Дмитрия Шуйского, который сказал ему, что в городе пожар. Дмитрий хотел вернуться к жене, чтоб успокоить ее, а после ехать на пожар, как вдруг неистовые крики раздались у самого дворца. Басманов отворил окно и спросил: "Что вам надобно? Что за тревога?" Ему отвечали: "Отдай нам твоего вора, тогда поговоришь с нами". — "Ахти, государь, — сказал Басманов царю, — не верили мне, а вся Москва собралась на тебя".

Алебардщики стали было у входа, но по ним дали несколько выстрелов. Они увидели, что ничего не могут сделать, и пропустили толпу. Дмитрий выхватил у одного из них алебарду, подступил к дверям и крикнул: "Прочь! Я вам не Борис!" Басманов выступил вперед царя, сошел вниз и стал уговаривать бояр, но Татищев ударил его ножом в сердце. Дмитрий запер дверь. Заговорщики стали ломать ее. Тогда Дмитрий бросил алебарду и побежал по переходам в маленький дворец, но выходу не было: все двери были заперты. Он глянул в окно, увидел вдали стрельцов и решил выскочить в окно, чтобы спуститься по лесам, приготовленным для иллюминации, но оступился, упал с высоты 15 сажен на житный двор, вывихнул себе ногу и разбил грудь.

Стрельцы, державшие караул, подбежали к нему, облили водой и положили на каменный фундамент сломанного Борисова дома. Дмитрий пришел в чувство и стал упрашивать стрельцов, чтобы они приняли его сторону, обещая им в награду жен и имения изменников-бояр. Стрельцы внесли его снова во дворец, уже опустошенный и ограбленный. Когда заговорщики попытались отнять раненого, стрельцы начали стрелять из ружей. Тогда заговорщики закричали: "Пойдем в стрелецкую слободу, истребим их жен и детей, если они не хотят нам выдать изменника, плута

и обманщика". Стрельцы отвечали: "Спросим царицу: если она скажет, что он ей не сын, то Бог в нем волен". Бояре согласились. В ожидании ответа от Марфы заговорщики не хотели остаться в покое и с ругательством и побоями спрашивали у Дмитрия: "Кто ты? Кто твой отец? Откуда ты родом?" Он отвечал: "Вы все знаете, что я царь ваш, сын Ивана Васильевича. Спросите обо мне мать мою или выведите меня на Лобное место и дайте объяснить". Тут явился князь Иван Васильевич Голицын и сказал, что он был у царицы Марфы, спрашивал: она говорит, что сын ее убит в Угличе, а это самозванец, и что Нагие подтверждают слова Марфы. Тогда отовсюду раздались крики: "Бей его! Руби его!" Выскочил из толпы сын боярский Григорий Валуев и выстрелил в Дмитрия, сказав: "Что толковать с еретиком: вот я благословляю польского свистуна!" Другие дорубили несчастного и бросили труп его с крыльца на тело Басманова. Чернь, овладев трупами, раздела их догола, вытащила через Спасские ворота на Красную площадь. Поравнявшись с Вознесенским монастырем, толпа остановилась и спрашивала у Марфы: "Твой ли это сын?" Та отвечала загадочно: "Вы должны были спросить меня раньше. Теперь, каков он есть, он, конечно, не мой!" Тело умерщвленного царя положили на Красной площади на маленьком столике. К ногам его приволокли тело Басманова. На грудь мертвому Дмитрию положили маску, а в рот воткнули дудку. В продолжение двух дней москвичи ругались над его телом. Потом Басманова погребли у церкви Николы Мокрого, а Дмитрия — на убогом кладбище за Серпуховскими воротами. Но пошли разные слухи: говорили, что сильные морозы стоят благодаря волшебству расстриги, что над его могилой делаются чудеса. Тогда труп его вырыли, сожгли на Котлах и, смешав пепел с порохом, выстрелили из пушки в ту сторону, откуда он пришел.

ДМИТРИЙ III КОНСТАНТИНОВИЧ (кол.14)

Из рода Суздальских и Нижегородских вел. кн. Сын Константина Васильевича. Род. ок. 1322 г. Кн. Суздальский в 1359—1383 гг. Вел. кн. Владимирский в 1359—1363 гг. Кн. Новгородский в 1359—1363 гг. Вел. кн. Нижегородский в 1365—1383 гг. Ж.: 1) кн. Анна; 2) дочь кн. Ростовского Константина Васильевича, кн. Василиса. † 5 июня 1383 г.

Местом княжения Дмитрия Константиновича был Суздаль. Несмотря на то, что его старший брат Андрей Константинович носил титул великого князя Суздальского, он, как и его отец, жил в богатом Нижнем Новгороде, а потерявший свое значение Суздаль отдал младшему брату. Но так случилось, что энергия и предприимчивость присущи были именно Дмитрию, а не Андрею, который, как видно, отличался спокойным и тихим нравом. В 1359 году, по смерти великого князя Ивана Ивановича Красного, в Москве на княжение остались лишь его малолетние дети Дмитрий (будущий Донской) и Иван. Тогда Дмитрий Константинович отправился в Орду и добыл там себе ярлык на великое княжение. Из Орды он отправился во Владимир и, чтобы упрочить его за собой, остался жить в этой древней великокняжеской столице.

Но московские бояре не думали уступать. В 1362 году вместе со своим князем они отправились в Орду. Неврус, давший ярлык Дмитрию Константиновичу, был уже убит, а хан Мюрид выдал ярлык Дмитрию Ивановичу. Бояре посадили на коней всех трех малолетних московских князей (Дмитрия, его младшего брата Ивана и двоюродного брата Владимира Андреевича) и выступили с ними на Дмитрия Константиновича. Тот не мог противиться московским полкам и уехал из Владимира. Вскоре хан Абдул, соперник Мюрида, отправил своих послов в Москву, Дмитрий Иванович принял их с честью. Мюрид был разгневан этим и в 1363 году отдал яр-

лык Дмитрию. На этот раз Дмитрий просидел во Владимире лишь 12 дней и был во второй раз изгнан московской ратью. Дмитрий Иванович не успокоился этим и пошел к Суздалю, осадил его, а окрестности опустошил, так что Дмитрий Константинович должен был признать над собой его власть. Когда Дмитрию Константиновичу в 1365 году опять привезли из Орды ярлык, он уже не пожелал испытывать судьбу и навсегда отказался от великого княжения в пользу московского князя, с тем чтобы тот помог ему справиться с младшим братом. К этому времени старший из Константиновичей, Андрей, умер от чумы, и в Нижнем сел на княжение младший брат Дмитрия, Борис. Дмитрий обратился за помощью в Москву. Прежде чем применить силу, московский князь решил воспользоваться авторитетом митрополита Алексея. Тот отправил в Нижний Новгород преподобного Сергия. Сергей затворил все церкви в Нижнем. После этого присланы были из Москвы полки, и когда Дмитрий Константинович приблизился с ними к Нижнему, то Борис вышел ему навстречу с поклонами и покорением. Дмитрий помирился с ним, взял себе Нижний, а брату отдал Городец. В 1366 году он выдал свою дочь за Дмитрия Ивановича и стал с этого времени его постоянным союзником. В 1375 году с зятем и другими русскими князьями Дмитрий ходил на Тверь против Михаила Александровича.

В 1377 году царевич Арапша, разбив русских на реке Пьяне, неожиданно появился под Нижним Новгородом. Дмитрий Константинович бежал в Суздаль, а жители разбежались на судах по Волге. Татары перехватывали тех, которые не успели спастись, сожгли город, опустошили окрестности и ушли назад.

В 1378 году татары опять явились под Нижним. Приехав из Городца, Дмитрий увидал, что нельзя отстоять города, и потому послал к ним откуп, но татары не взяли откупа и сожгли Нижний.

До своей смерти Дмитрий еще успел отстроить вокруг Нижнего Новгорода каменные стены. Незадолго до кончины он принял схиму. Погребен в Нижнем Новгороде в церкви св. Спаса.

ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ **Грозные Очи (кол.13)**

Из рода Тверских вел. кн. Сын Михаила Ярославича и кн. Ростовской Анны Дмитриевны. Род. 15 сент. 1299 г. Вел. кн. Тверской в 1319—1325 гг. Вел. кн. Владимирский в 1322—1325 гг. Ж.: с 1320 г. дочь вел. кн. Литовского Гедимина вел. кн. Мария († 1349 г.). † 15 сент. 1326 г.

В 1319 году Михаил Ярославич был казнен в Орде, и хан Узбек отдал ярлык на великое княжение Юрию Даниловичу Московскому. В следующем году Юрий собрался походом на Тверь, но войны не было. Дмитрий отправил к Юрию в Переяславль послов и заключил мир, по которому заплатил Московскому князю 2000 рублей серебром и обязался не искать под ним великого княжения. Две тысячи рублей взяты были для хана, но Юрий не пошел с ними навстречу татарскому послу, а отправился в Новгород, куда его вызвали для ратных дел. Этим воспользовался Дмитрий. Он поехал в Орду и выхлопотал себе ярлык на великое княжение. По свидетельству Татищева, он объяснил Узбеку всю неправду Юрия и особенно ханского посла Кавгады, по доносу которых и был казнен его отец. Узбек велел казнить Кавгады, а Юрия лишил великого княжения за то, что тот удерживает у себя ханскую дань. Лишившись ханской милости, Юрий не мог уже бороться с Тверью и следующие два года провел в Новгородской земле, не решаясь вернуться в Москву. В 1324 году он был призван ханом в Орду. Дмитрий не захотел пускать соперника одного и поспешил в Орду сам. Неизвестны подробности встречи двух врагов; летописец говорит, что Дмитрий убил Юрия, пона-

деявшись на ханское благоволение. Узбек, однако, сильно осердился на это самоуправство, долго думал, наконец велел убить Дмитрия, а великое княжение отдал его брату Александру.

Св. ДМИТРИЙ **СВЯТОСЛАВИЧ (кол.11)**

Из рода Юрьев-Польских кн. Сын Святослава Всеволодовича и кн. Муромской Евдокии Давыдовны. Кн. Юрьев-Польский в 1252—1269 гг. † 1269 г. Погребен в Юрьеве в монастыре св. Михаила. В древних святцах Дмитрий назван святым.

ДМИТРИЙ ФЕДОРОВИЧ **(кол.14)**

Из рода Стародубских кн. Сын Федора Ивановича Благоверного. Кн. Стародубский в 1330—1355 гг. † 1355 г.

ДМИТРИЙ ФЕДОРОВИЧ **(кол.18)**

Из рода Воротыньских кн. Сын кн. Федора Юрьевича и кн. Новгород-Северской Марии Корибутовны. Кн. Воротыньский. Ж.: кн. Анна Константиновна Друцкая-Бабичева-Прихабская.

В 1493 году Дмитрий принял подданство Москвы. Из жалоб великого князя Литовского Казимира известно, что Дмитрий перешел с дольницею (уделом) своего брата, князя Семена, всю казну последнего взял себе, бояр всех и слуг захватил и насильно привел к присяге служить себе. Кроме того, он захватил Серенск и три другие литовские волости. Затем, находясь уже на службе у Ивана III, Дмитрий взял Мосальск.

ДМИТРИЙ ЮРЬЕВИЧ **(кол.16)**

Из рода Холмских кн. Сын Юрия Всеволодовича. Кн. Холмский с 1408 г.

ДМИТРИЙ ЮРЬЕВИЧ Шемяка (кол.17)

Из рода Московских вел. кн. Сын кн. Юрия Дмитриевича и кн. Смоленской Анастасии Юрьевны. Кн. Галицкий в 1433—1450 гг. Кн. Углицкий в 1441—1448 гг. Ж.: с 1436 г. дочь кн. Заозерского Дмитрия Васильевича, кн. София. † июль 1453 г.

#

В 1433 году вместе с отцом и братом Дмитрий разбил Василия II Васильевича на Клязьме. В том же году он с Василием Косым убил любимого отцовского боярина Семена Морозова и укрылся от отцовского гнева в Костроме. Вместе они разбили московское войско на Куסי, а потом у св. Николы на горе в Ростовской области.

После смерти Юрия в 1434 году, когда Василий Косой сел на великое княжение, Шемяка послал сказать ему: "Если Богу не угодно, чтоб княжил отец наш, то тебя сами не хотим". Он и его брат Дмитрий Красный послали сами звать на великое княжение Василия. За это он получил от великого князя Ржеву и Углич. Косой продолжал войну. В 1435 году, когда Косой взял Устюг, Василий велел задерживать Шемяку, приехавшего звать великого князя к себе на свадьбу. После пленения и ослепления Косого Шемяку выпустили и вернули ему прежний удел.

В 1445 году Шемяка ходил с Василием к реке Каменке биться с сыновьями Улу-Махмета, но после того, как великокняжеский полк вступил в сражение, так и не пришел к нему на помощь. Это было одной из причин тяжелого поражения русских. Василий попал в плен и был выпущен лишь после того, как пообещал уплатить огромный откуп. Пока Василий находился в плену, Шемяка вступил в переговоры с ханом и хлопотал о том, чтоб Василию не выйти на великое княжение. Но Василий благополучно вернулся в Москву. Посол Шемяки к хану был перехвачен, и великий князь оказался в курсе всех его интриг. Теперь больше, чем когда-либо, Дмитрий должен был опасаться великого

князя. Он поспешил завязать переговоры с князем Иваном Можайским и Борисом Тверским. В феврале 1446 года Шемяке дали знать, что Василий поехал на молебен в Троицкий монастырь, и в ночь на 12-е он врасплох овладел Москвой. В ту же ночь Иван Можайский поехал в Троицкий монастырь и захватил там Василия. 14-го его привезли в Москву, заключили на Шемякином дворе, а 16-го ослепили и сослали в Углич.

Осенью 1446 года, понуждаемый митрополитом Ионой, Шемяка решил освободить Василия и детей его из заточения, покался и попросил у него прощения. Василий в свою очередь брал всю вину на одного себя. На радости примирения Шемяка дал Василию, жене его и детям большой пир. Василий получил богатые дары и Вологду в отчину, давши Шемяке проклятые грамоты не искать великого княжения.

Но едва Василий II оказался в Вологде, к нему со всех сторон стали стекаться его приспешники. Вскоре он имел достаточно войска, чтобы начать войну. Шемяка с князем Можайским вышли к Волоку навстречу неприятелю, но в их отсутствие Москва внезапно и легко была захвачена приверженцами Василия. Узнав об этом, Дмитрий побежал к Галичу, оттуда в Чухлому и Каргополь. В феврале 1447 года он завязал переговоры с Москвой. Мир был заключен. По его условиям Шемяка отдал Василию Углич, Ржеву и Бежецкую волость; обещал вернуть захваченную казну и не искать великого княжения.

Разумеется, он не собирался исполнять этих условий. Везде — в Новгороде и Казани, между князьями удельными и в стенах самой Москвы — он заводил крамолы, возбуждал нерасположение к Василию; он не переставал сноситься с Новгородом, называя себя великим князем и требуя помощи, повторял старые обвинения в адрес Василия, не прекратил сношений с прежним союзником своим, Иваном Можайским. Отказавшись от всякой власти над Вяткой, Шемяка между тем

посылал подговаривать ее беспокойное население выступить против Москвы; поклявшись не сноситься с Ордою, Шемяка удержал у себя казанского посла. Поклявшись возвратить все захваченное на Москве через месяц, Шемяка не возвращал и по истечении шести месяцев. Своему московскому тиуну Ватазину он посылал грамоты, в которых приказывал ему настраивать горожан против великого князя. Эти грамоты были перехвачены, и Василий отдал дело на суд духовенству. Собор епископов отправил Шемяке укоризненное послание, но он не послушал увещаний духовенства, и в 1448 году великий князь выступил в поход. Тогда Дмитрий, не испугавшийся церковного проклятия, испугался полков Васильевых и послал просить мира к великому князю. Мир был заключен на прежних условиях.

Уже весной 1449 года Шемяка нарушил крестное целование, осадил Кострому, долго бился под городом, но взять его не мог, потому что в нем был сильный гарнизон. В начале 1450 года московское войско подступило к Галичу. 27 января великокняжеский воевода князь Василий Иванович Оболенский напал на Шемяку, который стоял под городом со всею своею силою. Шемяка потерпел страшное поражение и едва мог спастись; Галич сдался великому князю, который посадил здесь своих наместников.

Лишенный удела, Шемяка скрылся сначала в Новгороде, но потом, собравшись с силами, захватил Устюг; земли он не воевал, говорит летописец, но привел добрых людей к присяге, а тех, кто не хотел изменить великому князю Василию, бросал в реку Сухону, навязавши камень на шею; из Устюга ходил воевать к Вологде. Только в начале 1452 года великий князь выступил к Устюгу. Шемяка испугался и побежал на реку Кокшенгу, где у него были городки, но, преследуемый и там великокняжескими полками, убежал опять в Новгород. В 1453 году отправился туда из Москвы дьяк Степан Бородатый; он под-

говаривал боярина Шемякина Ивана Котова отравить князя; подговорили повара: Дмитрий умер, поевши курицы, напитанной ядом.

ДМИТРИЙ ЮРЬЕВИЧ Красный (кол.17)

Из рода Московских вел. кн. Сын Юрия Дмитриевича и кн. Смоленской Анастасии Юрьевны. Кн. Углицкий в 1433—1441 гг. † 20 сент. 1441 г.

Князь Дмитрий Красный. Роспись
Архангельского собора Московского Кремля
XVII в.

В 1434 году после смерти своего отца Дмитрий отказался признать своего брата Василия Косого великим князем. Вместе с Шемякой он послал звать в Москву Василия II Васильевича. За это Василий дал ему в отчину Бежецкий Верх. В 1435 году вместе с Василием Дмитрий бился с Косым при селе Скорятине. Судя по всему, Дмитрий по своему характеру был человек кроткий. Юрий любил его более всех сыновей, да и Василий II, несмотря на вражду с его братьями, не преследовал самого Дмитрия. Погребен в Москве.

ДОВМОНТ

Из рода литовских князей. Кн. Псковский в 1266—1299 гг. Ж.: 1) неизвестная; 2) дочь вел. кн. Владимирского Дмитрия Александровича. † 1299 г.

Волинский летописец говорит, что Довмонт и великий князь Литовский Миндовг женаты были на сестрах. В 1262 году у Миндовга умерла жена, о которой он очень жалел. Он послал сказать свояченице: “Сестра твоя умерла, приезжай сюда плакаться по ней”. Но когда та приехала, то стал говорить ей так: “Сестра твоя, умирая, велела мне жениться на тебе, чтоб другая детей ее не мучила” — и женился на жене Довмонта. Довмонт, озлобившись за это на Миндовга, стал думать, как бы убить его, но открыто сделать этого не мог, потому что сила его была мала, а Миндовгова велика. Тогда Довмонт стал искать себе союзника и нашел его в племяннике Миндовгом от сестры, Треняте, князе жмудском. В 1263 году Миндовг послал свои войска за Днепр, на князя Романа Михайловича Брянского, и Довмонт находился также в этом ополчении; усмотря удобное время, он объявил другим вожакам, что волхвы предсказывают ему дурное, и потому он не может продолжать поход. Возвратившись назад, он немедленно отправился ко двору Миндовга, застал его врасплох и убил вместе с двумя сыновья-

ми. Треняте, вероятно, вследствие прежнего договора с Довмонтом, стал княжить в Литве на месте Миндовга. Но вскоре конюшие прежнего князя убили его, а войска с радостью приняли сына Миндовгова, Войшелка. Войшелк стал убивать врагов отца и перебил их бесчисленное множество, а другие разбежались.

В 1266 году Довмонт с дружиною и целым родом приехал в Псков, принял православие с именем Тимофея и был посажен псковитянами на стол. Псковичи не ошиблись в выборе: Довмонт своими доблестями, своею ревностью по новой вере и новом отечестве напоминал лучших князей ее из рода Рюриковичей — Мстиславов и Александра Невского. Через несколько дней после того, как псковичи провозгласили его князем, Довмонт, взяв триста человек дружины, отправился на литовскую землю и повоевал свое прежнее отечество, пленил родную тетку свою, жену князя Гердена, и с большим полком переправился через Двину. Часть дружины отправил, а в составе 90 человек вышел против 700 человек погони и победил их.

В следующем, 1267 году новгородцы с Довмонтом и псковичами успешно ходили на литву. В 1268 году Довмонт с псковичами в составе большого русского войска ходил в Ливонию против немцев и участвовал в большой битве у Раковера. Когда остальные русские полки отступили, Довмонт с псковичами опустошил Ливонию до самого моря и вернулся с большим полоном. Немцы, собрав остатки сил, пришли тайно на границу, сожгли несколько псковских сел и отступили. Их было 800 человек. Довмонт погнался за ними с 60-ю человек дружины и разбил. В следующем, 1269 году магистр пришел под Псков с силою тяжкою: 10 дней стояли немцы под городом и с уроном должны были отступить.

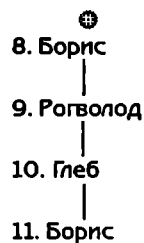
В 1298 году Довмонт в другой раз отбил от Пскова немцев. Это был последний его подвиг. В следующем году он умер. Летописец говорит, что он был милостив безмерно, священников любил, церкви укрешал.

ДОРОГОВУЖСКИЕ КНЯЗЬЯ

Род русских князей, ветвь *Тверских великих князей*. Основан Константином Михайловичем.

ДРУЦКИЕ КНЯЗЬЯ

Род русских князей, ветвь *Полоцких князей*. Основан Борисом Всеславичем.

ЕКАТЕРИНА I Алексеевна Романова

Урожденная Марта Скаврнская. Род. 5 апр. 1684 г. Объявлена царицею 6 марта 1717 г., объявлена императрицею 23 дек. 1721 г., коронована 7 мая 1724 г. Вступила на престол 28 янв. 1725 г. Замужем с 19 февр. 1712 г. за императором Петром Первым. Императрица Всероссийская в 1725—1727 гг. † 6 мая 1727 г.

Происхождение Екатерины достаточно темно. Достоверно только, что она родилась в Лифляндии. Предполагают, что мать ее принадлежала ливонскому дворянину фон Альвендалю, сделавшему ее своей любовницей. Екатерина была будто бы плодом этой связи. Еще в детстве ее взял на воспитание пастор Глюк, но, кажется, он не очень заботился о ее образовании. Впоследствии она умела только подписывать свое имя. Екатерина выросла в этом приютившем ее доме и с годами старалась быть полезной, помогала в хозяйстве и смотрела за детьми. Сообщают, кроме того, что пансионеры пастора пользовались ее благосклонностью. От одного из них, литовского дворянина Тизенгаузена, Екатерина даже родила дочь, умершую через несколько месяцев. Незадолго до осады Мариенбурга ее распутству пастор Глюк решил положить конец, выдав свою воспитанницу замуж. Но ее муж или жених — в точности неизвестно, — шведский драгун по фамилии Крузе, исчез после взятия города русскими в 1702 году. Это случилось или до или сразу после брака.

Когда Мариенбург пал, Екатерина осталась в русском лагере. Сначала она была любовницей некоего унтер-офицера, который ее бил, потом самого фельд-маршала Шереметьева. Тот отдал ее в дом Меншикова стирать белье. Бывавший здесь запросто Петр I вскоре заметил Екатерину. Случилось это не позднее

1703 года, потому что уже в 1704 году Екатерина была беременна от Петра, а в марте 1705 года у нее было двое сыновей — Петр и Павел. Впрочем, ни к какой перемене в жизни Екатерины это поначалу не привело. Долгое время она продолжала жить в доме Меншикова в Петербурге вместе с сестрами Варварой и Дарьей Арсеньевыми и Анисьей Толстой. Все они были чем-то вроде общего гарема Петра и его фаворита. У Петра были в это время еще и другие любовницы, но Екатерина не осмеливалась упрекать его за это. Она даже охотно занималась сводничеством, ухитряясь извинять недостатки и даже неверности своих соперниц и вознаграждая за неровности их настроения своим неиссякаемым весельем. Таким образом она незаметно, шаг за шагом, становилась незаменимой для государя. Петр стал тосковать без нее — это видно уже в его письмах 1708 года.

Между тем, если судить по ее портретам, Екатерина вовсе не была красавицей. Черты лица ее неправильны. Но в полных щеках, вздернутом носе, в бархатных, то томных, то горящих (на иных портретах) глазах, в ее алых губах и круглом подбородке, вообще во всей физиономии, столько жгучей страсти, в ее роскошном бюсте столько изящества форм, что немудрено понять, как такой колосс, как Петр, всецело отдался этому сердечному другу. С 1709 года она уже не покидала царя, сопровождая его во всех походах и поездках, а перед отправлением в Прутский поход в 1711 году Петр объявил о своем браке с Екатериной. Свадьба была отпразднована 20 февраля 1712 года. Дочери Екатерины — Анна и Елизавета — соответственно 3 и 5 лет исполняли обязанности фрейлин. Бракосочетание было совершенно частным образом в маленькой часовне, принадлежавшей князю Меншикову. С этого времени Екатерина обзавелась своим двором, принимала иностранных послов, делала приемы и встречалась с европейскими монархами. Жадный ин-

терес, с которым Европа относилась к Петру, неизбежно переходил и на его жену. Из многих описаний Екатерины, оставленных иностранцами, есть достаточно нелицеприятные. Писали, что царица не умеет одеваться, что ее низкое происхождение сразу бросается в глаза, что ее придворные дамы смешны. Очевидно, что, несмотря на весь свой природный такт и ум, Екатерина совсем не смотрелась в торжественной парадной обстановке. Ее место было не здесь. Эта, на первый взгляд, неуклюжая женщина мало соблазнительной наружности по силе воли и выносливости своего физического темперамента почти не уступала самому Петру, а в нравственном отношении была гораздо уравновешеннее его. В период времени от 1704 до 1723 года она принесла своему любовнику, ставшему потом ее мужем, 11 детей, большинство которых умерло в раннем возрасте, и частая беременность проходила для нее почти незаметно, не мешая ей сопровождать государя во всех его странствиях. Она была настоящей женой офицера, "походной офицерской женой", способной совершать походы, спать на жесткой постели, жить в палатке и делать верхом на лошади двойные и тройные переходы. Во время персидского похода она обрила себе голову и носила гренадерскую фуражку. Она делала смотр войскам, проезжала по рядам перед сражением, ободряя словами солдат и раздавая им по стакану водки. Пули, свистевшие над ее головой, почти не смущали ее. В ее характере самая нежная женственность соединялась с чисто мужской энергией. Очень большое влияние, которое Екатерина имела на мужа, зависело, по свидетельству современников, отчасти от ее умения успокаивать его в минуты нервного возбуждения, которое сопровождалось нестерпимыми головными болями. В эти минуты все в ужасе прятались от царя. Одна Екатерина подходила к нему без страха, заговаривала с ним своим особым языком, полным ласки и в

Императрица Екатерина I

то же время твердости, и самый ее голос уже действовал на него успокаивающе. Потом она брала его за голову и тихонько ласкала, проводя рукой по его волосам. Скоро он засыпал, положив голову ей на грудь. Тогда она сидела неподвижно два или три часа, дожидаясь благотельного действия сна, и, просыпаясь, Петр был опять свеж и бодр.

Она старалась также сдерживать всякого рода излишества, которым предавался Петр: ночные оргии и пьянство. Вместе с тем Екатерина не предъявляла никаких претензий на вмешательство в дела государственные, не затевала никаких интриг. Единственная роль, которую она взяла на себя в последние годы, — это заступаться за тех, на кого грозный и скорый на расправу царь обрушивал свой гнев. К несчастью, она не сумела, кажется, удовлетвориться теми прочными преимуществами, которые сулил ей этот образ действия. Со временем Екатерина захотела извлекать из него более непосредственную выгоду и начала собирать деньги со своих клиентов. Чтобы постучаться к ней в дверь, в надежде избежать ссыл-

ки или смерти, надо было явиться с мешком в руках. Екатерина скопила таким образом большие капиталы, которые поместила в Амстердамском банке.

23 декабря 1721 года Сенат и Синод признали за Екатериной титул императрицы, а два года спустя совершилась коронация. Для этого торжества специально была изготовлена корона, превосходившая своим великолепием корону самого царя. Петр сам возложил ее на голову своей жены (7 мая 1724 года).

Но за этим внешним фасадом счастливой и благополучной жизни крылась ее оборотная сторона. Петр был много старше Екатерины. Последние годы он провел в непрестанной борьбе с болезнью, в то время как жена его сохранила здоровье и горячую кровь своей молодости. К тому же она никогда не отличалась особой добродетелью. По мере того как ее друг ста-

вился, Екатерина, видимо, отдалялась от него. С 1716 года ближайшим человеком царицы становится Вилли Монс, ее камергер, человек ловкий, веселый и услужливый. Его сестра Модеста Балк сделалась ближайшей наперсницей государыни.

Успех молодого Монса ни для кого в Петербурге не был секретом. Его дружбы и покровительства искали самые высокопоставленные лица, министры, посланники и епископы. Один Петр ничего не подозревал о романе своей жены, быть может, потому, что даже вообразить не мог измены с ее стороны. Он узнал о сопернике почти случайно из анонимного доноса, который не касался даже напрямую Монса. Но, взявшись за розыск, Петр очень скоро узнал всю подноготную дела. Когда Монса арестовали, петербургское общество было словно поражено громом; многие из тех, кто привык действовать в своих интересах через любовника государыни, теперь ожидали неминуемой кары. Но опасения были напрасны. Открытие главной вины Монса так глубоко поразило императора, что он на все остальные проступки арестанта взглянул как-то слегка, только как на официальный предлог к осуждению, преследовать же дававших взятки показалось ему, видимо, после этого слишком мелким.

16 ноября 1724 года Монс был обезглавлен. Наблюдавшие в этот день за Екатериной сообщают, что она была необычайно весела. Вечером она позвала к себе княжон с их учителем танцев и изучала вместе с ними па менуэта. В тот же день Петр запретил коллегиям принимать от государыни приказания и рекомендации. На личные средства императрицы был наложен квестор. Екатерина оказалась вдруг в таком стесненном положении, что для оплаты долгов должна была прибегать к помощи придворных дам.

Отношения между женой и мужем оставались очень натянутыми до самой смерти последнего. По свидетельству Лефорта, они больше не говорили друг с

А.Д. Меншиков

другом, не обедали, не спали вместе. Однако, как можно предположить, никаких прямых упреков или обвинений жене в измене Петр так и не сделал. Если и были между ними какие-то объяснения по этому поводу, то они прошли совершенно незаметно для придворных. Только в начале января Елизавета смогла свести отца и мать вместе и устроить хотя бы внешне их примирение. Тот же Лефорт писал об этой сцене: "Царица долго стояла на коленях перед царем, испрашивая прощения всех своих проступков; разговор длился больше трех часов, после чего они поужинали вместе и разошлись".

Меньше чем через месяц Петр умер. Все время его болезни Екатерина была у постели умирающего и, кажется, только тут смогла окончательно примириться с ним. Между тем она не забывала и о своей судьбе. Положение ее было весьма неопределенно, так как никаких законных прав на русский престол она не имела. Известно, что, отправляясь в Персидский поход, Петр хотел объявить ее своей наследницей, но после дела Монса разорвал завещание. К счастью для Екатерины, судьба всей новой аристократии была также очень гадательна. Если бы верх взяли противники преобразований, выступавшие за малолетнего Петра, сына казненного царевича Алексея, то люди, подобные Меншикову, Ягужинскому, Макарову, Остерману, должны были потерять все. Толстой и Апраксин в силу причастности своей к казни Алексея также пристали к этой партии. Таким образом, самые умные и влиятельные люди из окружения Петра вынуждены были помогать Екатерине.

Екатерина сумела хорошо воспользоваться их советами. В течение суток, предшествовавших смерти мужа, она часто покидала изголовье умирающего и запиралась в своем кабинете. Здесь поочередно побывали все майоры и капитаны гвардии, а затем и командир Семеновского полка Бутурлин. Императрица обещала им немедленную уплату жалованья, задержа-

вавшегося в течение 18 месяцев, и 30 рублей награды на каждого солдата. Впрочем, особой награды и не требовалось — гвардия обожала умирающего императора и готова была выступить в интересах его жены.

28 января в 5 часов утра Петр умер, а в 8 во дворце собрались сенаторы, члены Синода и так называемый генералитет — чиновники, принадлежащие к четвертым первым классам табели о рангах. Прежде всего спросили секретаря Макарова, не осталась ли каких-нибудь распоряжений покойного относительно его премников. Получив отрицательный ответ, стали спорить о престолонаследии. Дмитрий Голицин предложил наследником маленького Петра Алексеевича с разделением регентства между императрицей и сенатом. Но изворотливый Толстой с большой ловкостью стал возражать на это и предлагал в императрицы Екатерину. В то время как он говорил, несколько офицеров гвардии, стоявших в углу залы, одобрительным шепотом выразили свое согласие. Президент военной коллегии князь Репнин вскочил и сурово прикрикнул на них. Тогда Бутурлин подошел к окну, сделал знак рукой, и тотчас раздался резкий барабанный бой: оказалось, что перед дворцом выстроены были под ружьем оба гвардейских полка. Репнин сердито спросил: "Кто смел без моего ведома привести сюда полки? Разве я не фельдмаршал?" Бутурлин отвечал, что полки призваны по воле императрицы, которой все подданные обязаны повиноваться. "Не исключая и тебя", — добавил он внушительно. Адмирал Апраксин заявил вслед за тем, что идет заявить свои верноподданнические чувства царствующей императрице. Следом за ним отправились и все остальные. Таким образом Екатерина вступила на престол.

Новая императрица, как уже говорилось, не умела ни читать, ни писать (в глазах Петра, который сам всю жизнь писал с ужасающими грамматическими ошибками

Императрица Екатерина I

ми, это не было недостатком). Однако, по словам Кампредона, после трех месяцев упражнений она научилась порядочно подписывать государственные бумаги. Этим, собственно, и ограничилась ее государственная деятельность. Решение политических вопросов доверено было Меншикову и созданному им Верховному Тайному Совету, которые и правили страной от имени императрицы. Между тем ее частная жизнь вполне оправдала со временем ревнивые опасения, отравлявшие последние дни Петра I. Двадцать лет шла она с непрерывными усилиями, с неустанным напряжением всех своих сил, ни разу почти не ослабевая, к одной-единственной цели. И теперь, когда эта цель была достигнута, ее нравственные пружины как бы сразу ослабли. В то же время пробудились долго сдерживаемые инстинкты — грубая чувственность, стремление к низкому разврату, низменные наклонности ума и плоти. Проведя всю жизнь при Петре I, который пил часто и без всякой меры, Екате-

рина сама пристрастилась к вину, но все же до смерти мужа умела себя сдерживать. Теперь пьянство сделалось ее постоянным занятием, и все 26 месяцев ее правления были как бы одним сплошным кутежом. По свидетельству саксонца Фрексдорфа, утро императрицы начиналось с визита Меншикова. Разговору неизменно предшествовал вопрос: "Что бы нам выпить?" Сразу опорожнялось несколько стаканчиков водки. Иногда государыня обращалась к делам, но никогда не выходила за пределы тех обязанностей, к которым привыкла в прежние годы. Каждое утро она выходила в приемную, где собиралось множество солдат, матросов и рабочих. Всем им она раздавала милостыню, а если кто просил царицу быть приемной матерью его ребенка, она никогда не отказывалась. Иногда она присутствовала на гвардейских учениях и сама раздавала солдатам водку. День заканчивался вечеринкой в кругу постоянной компании, а ночь царица проводила с одним из своих любовников. В числе их называли Ягужинского, графа Петра Сапегу, Девьера, барона Левенвольде. Имена других, рангом поменьше, знала только горничная императрицы. Все подруги и наперсницы Екатерины, все ее дамы старались не отставать от своей августейшей правительницы. Таким образом, русский двор представлял собой картину самого явного, ничем не прикрытого разврата. Лефорт писал в одной из своих депеш: "Нет возможности определить поведение этого двора. День превращается в ночь, я не в состоянии позаботиться обо всем. Все стоит, ничего не делается... Всюду интриги, искательство, распад..."

В силу всех этих обстоятельств здоровье Екатерины, отличавшееся всегда завидной крепостью, быстро расшаталось. В марте 1727 года на ногах у императрицы появилась опухоль, которая стала быстро подниматься к бедрам. В апреле Екатерина слегла в постель, а 6 мая умерла, назначив наследником внука Пет-

ра I — малолетнего Петра Алексеевича. До совершеннолетия царевича регентом был объявлен Меншиков.

Погребена в Петербурге, в Петропавловском соборе.

ЕКАТЕРИНА II Алексеевна Романова

Урожденная Софья-Августа-Фредерика, принцесса Ангальт-Цербская. Род. 21 апреля 1729 г. Повенчана с наследником престола вел. кн. Петром Федоровичем 21 авг. 1745 г. Провозглашена императрицею 28 июня 1762 г. Короновалась 22 сент. 1762 г. Императрица Всероссийская в 1762—1796 гг. † 6 ноября 1796 г.

По матери Екатерина принадлежала к голштейнготторпскому княжескому роду, одному из многочисленных княжеских родов северной Германии, а по отцу — к другому, также германскому и еще более мелкому владетельному роду — ангальт-цербстскому. Отец Екатерины, Христиан Август, из цербстдорнбургской линии ангальтского дома, подобно многим своим соседям, мелким северогерманским князьям, состоял на службе у прусского короля, был полковым командиром, комендантом, а потом губернатором города Штетина, неудачно баллотировался в Курляндские герцоги и кончил свою экстериальную службу прусским фельдмаршалом, возведенным в это звание по протекции русской императрицы Елизаветы. В Штетине и родилась у него 21 апреля 1729 года дочь Софья-Августа-Фредерика, будущая Екатерина Великая.

Екатерина росла в скромной обстановке — иной не мог себе позволить прусский генерал из мелких немецких князей. Она росла резвой, шаловливой и даже бедовой девочкой, любила попроказничать, щегольнуть своей отвагой перед мальчишками, с которыми запросто играла на штетинских улицах. Родители не отягощали ее особыми заботами. Отец ее был усердный служака, а мать, Иоанна-Елизаве-

та, — неуживчивая и непоседливая женщина, часто находилась в отъезде. Екатерина сама потом признавалась, что за всякий промах приучена была ждать материнских пощечин.

Казалось, маленькой принцессе нечего было ожидать от судьбы. Между тем честолюбивые мечты пробудились в ней очень рано. Позже она писала, что уже в семь лет мечтала о короне, а когда ее троюродный брат принц Петр гольштинский был объявлен в 1742 году наследником русского престола, она “во глубине души предназначила себя ему”, потому что считала эту партию самой значительной из всех возможных. Между тем сразу по приезде племянника в Петербург Елизавета стала устраивать его женитьбу. Среди других кандидатур подумали и о Софье-Августе. В конце 1742 года та ездила с матерью в Берлин, где знаменитый французский художник Пэн написал ее портрет. Екатерина знала, что этот портрет должен быть отправлен в Петербург императри-

Великая княгиня Екатерина Алексеевна

це. (Фридрих II, очень хлопотавший об этом браке, утверждал позже, что идея с написанием портрета принадлежала ему.) Но прошел еще целый год, прежде чем судьба ее определилась окончательно. За это время в Петербурге рассмотрели несколько политических комбинаций и в конце концов остановились на цербстской принцессе. Детская мечта Екатерины осуществилась.

В начале января 1744 года в Цербст прискакал курьер из Петербурга. Он привез письмо Брюмера, гувернера и воспитателя великого князя. Брюмер писал, что Иоанна-Елизавета должна незамедлительно выехать вместе с дочерью в Россию. К письму был приложен чек на 10 000 рублей для покрытия путевых издержек. Хотя в письме ни слова не говорилось о замужестве, родители сразу сообразили в чем дело. Уже 10 или 12 января мать и дочь отправились в путь. В Берлине они остановились на несколько дней, и здесь Екатерину навестил Фридрих. Он остался доволен маленькой принцессой, а матери велел соблюдать осторожность и скрывать в дороге свои имена. С этого времени Иоанна-Елизавета путешествовала под именем графини Рейнбек. Дорога была ужасной. Принцессы вынуждены были ночевать в крестьянских избах. Обе они страдали от холода, а Екатерина к тому же расстроила себе желудок грубой пищей и местным пивом. Но едва мать и дочь оказались на русской территории, все изменилось. Их встречали с пышностью и почетом. 9 февраля путешественницы прибыли в Москву, где тогда находился двор.

Елизавета приняла Екатерину и ее мать чрезвычайно радушно. Петр в первые дни также был очень предупредителен к ней. Однако Екатерина очень быстро его раскусила. Вскоре Петр между прочим сказал своей будущей невесте, что ему всего более нравится в ней то, что она его двоюродная сестра и что по родству он может говорить с нею откровенно. Вслед за тем он открылся в своей любви к одной

из фрейлин императрицы. Он объяснил, что желал бы жениться на ней, но готов жениться и на Екатерине, так как этого желает его тетка. Екатерина краснела, слушая эти излияния родственного чувства, и благодарила его за доверие, но в глубине души не могла не дивиться его бесстыдству и совершенному непониманию многих вещей.

Сама она очень скоро сообразила, что для того, чтобы остаться в России и иметь в ней значение, следует сделаться русской. Вскоре по приезде к ней приставили троих учителей: Симона Тодоровского — для наставления в греческой вере, Василия Ададунова — для русского языка и балетмейстера Ланге — для танцев. Желая поскорее выучиться русскому языку, Екатерина вставала по ночам и, в то время как все кругом спали, сидя в постели, вытверживала наизусть тетради, которые давал ей Ададунов. В комнате было жарко, и, не зная московского климата, она не считала нужным обуваться, а как вставала с постели, так и ходила босиком. Вследствие этого на пятнадцатый день у нее открылось воспаление легких, которое чуть не свело ее в могилу. Почти месяц будущая великая княгиня находилась между жизнью и смертью. Когда положение ее стало совсем плохо, мать хотела пригласить к ней лютеранского пастора, но Екатерина пожелала видеть Симона Тодоровского. Эпизод этот стал широко известен и сильно расположил в пользу Екатерины как саму императрицу, так и весь ее двор. С этого времени брак Екатерины с великим князем казался делом окончательно решенным, но новое обстоятельство едва не смешало все планы. Открылась переписка Иоанны-Елизаветы с Фридрихом. Елизавета, которой принцесса-мать и без того очень не нравилась из-за своего склочного характера, была очень рассержена. Некоторое время думали, что она вышлет цербстскую принцессу вместе с дочерью прочь из России. Екатерина пережила несколько тяжелых дней. Наблю-

дая за Петром, она ясно видела, что он расстался бы с ней без сожаления. "Что касается до меня, — писала она позже в своих записках, — то, зная его свойства, я бы не пожалела его, но к короне русской я не была так равнодушна". Все, однако, уладилось, и 28 июня Екатерина приняла православие. Еще не освоившись с русским языком, заучив всего несколько расхожих фраз, Екатерина затвердила "как попугай" составленное для нее исповедание веры и произнесла это исповедание внятно и громко, нигде не запнувшись. Это было первое торжественное ее выступление на придворной сцене, вызвавшее общее одобрение и даже слезы умиления у зрителей, но сама она, по замечанию иноземного посла, не проронила слезинки и держалась настоящей героиней. Императрица пожаловала новообращенной аграф и бриллиантовый складень в несколько сот тысяч рублей. На другой день, 29 июня 1744 года, чету обручили.

Следующий год, прожитый в ожидании постоянно откладывающейся свадьбы (великий князь в это время много и тяжело болел: он перенес плеврит и оспу), был наполнен для Екатерины множеством разнообразных впечатлений. С самого прибытия в Россию она прилежно изучала обряды русской церкви, строго держала посты, много и усердно молилась, особенно при людях, даже иногда превосходя в этом желание набожной Елизаветы, но страшно сердя тем Петра. Впрочем, в это время отношения с великим князем были достаточно приятельскими. Гораздо больше неприятностей доставляла Екатерине ее собственная мать. Она беспрестанно интриговала и сплетничала, завидовала своей дочери и вечно бранила ее. Вскоре она перессорила из-за пустяков почти со всеми, начиная с императрицы и кончая великим князем, ни с кем не водилась и обедала одна, сидя у себя в комнатах. В противовес ей Екатерина, обладавшая от природы веселым и уживчивым характером, с удовольствием замечала, как с

каждым днем росло расположение к ней публики, которая смотрела на нее как на замечательного умного ребенка. Но, по мере того как приближался день свадьбы, меланхолия все более и более овладевала ею. Позже она писала об этом времени: "Сердце не предвещало мне счастья, одно честолюбие меня поддерживало. В глубине моей души было не знаю что-то такое, ни на минуту не оставлявшее во мне сомнения, что рано или поздно я добьюсь того, что сделаюсь самодержавною русскою императрицею". Наконец 21 августа 1745 года состоялась свадьба.

После свадьбы для 16-летней Екатерины началась продолжительная школа испытаний. Серо и черство началась ее семейная жизнь. "Я очень хорошо видела, — писала она позже, — что великий князь вовсе не любит меня. Через две недели после свадьбы он опять признался мне в своей страсти к девице Карр, императричиной фрейлине. Графу Дивьеру, своему камергеру, он сказал, что между этой девушкой и мною не может быть никакого сравнения. Дивьер был противного мнения, он на него рассердился за это. Эта сцена происходила почти в моем присутствии, и я видела, как он дулся на Дивьера. В самом деле — рассуждала я сама с собою, — не истребляя в себе нежных чувств к этому человеку, который так дурно платит за них, я непременно буду несчастлива и замучаюсь ревностью без всякого толку. Вследствие этого я старалась восторжествовать над моим самолюбием и изгнать из сердца ревность относительно человека, который не любил меня; но для того, чтобы не ревновать, было одно средство — не любить его. Если бы он желал быть любимым, то относительно меня это было вовсе не трудно: я от природы была склонна и привычна к исполнению моих обязанностей, но для этого мне был нужен муж со здравым смыслом, а мой его не имел".

Страстная и горячая от природы Ека-

терина пристрастилась к охоте и верховой езде. Позже она так описала свой образ жизни в Ораниенбауме: "По утрам я вставала в три часа и без прислуги с ног до головы одевалась в мужское платье. Мой старый егерь дожидался меня, чтобы идти на морской берег к рыбацкой лодке. Пешком, с ружьем на плече, мы пробирались садом и, взяв с собой легавую собаку, садились в лодку, которою правил рыбак. Я стреляла уток в тростнике по берегу моря. Часто мы огибали канал, и иногда сильный ветер уносил нашу лодку в открытое море". Но верховая езда нравилась ей больше, чем охота. "Я страстно любила верховую езду, — писала она, — и чем больше было в ней опасности, тем она была милее мне. Случалось иногда, что я до тринадцати раз в день садилась на лошадь". Танцы и маскарады также занимали ее. Но все эти забавы не могли заполнить пустоты ее жизни, особенно в долгие зимние дни. Надежными союзниками в борьбе со скукой стали для Екатерины книги. После свадьбы она, по ее словам, только и делала, что читала. "Никогда без книги, и никогда без горя, но все-

гда без развлечений" — так очерчивает Екатерина свое тогдашнее времяпрепровождение. В шутилой эпитафии, которую она написала себе самой в 1778 году, она признается, что в течение 18 лет скуки и уединения (замужества) она имела достаточно времени, чтобы прочитать много книг. Сначала она без разбора читала романы; потом ей попались под руку сочинения Вольтера, которые произвели решительный перелом в выборе ее чтения: она не могла от них оторваться и не хотела, прибавляет она в письме к самому Вольтеру, читать ничего, что не было так же хорошо написано и из чего нельзя было бы извлечь столько пользы. Таким образом, чтение перестало быть для нее только развлечением. Она принимается за историю Германии в 10 томов, усидчиво прочитывая по одному тому в 8 дней, столь же регулярно изучает огромный, в четырех томах философский словарь Бейля, прочитывая по тому в полгода. В то же время она прочитала множество русских книг, какие могла достать, не пугаясь очень трудных по неуклюжему изложению. Она изощрила свое внимание, расширила емкость своей мысли, так что без труда прочла даже "Дух законов" Монтескье, вышедший в том же 1748 году, а "Анналы" Тацита своей глубокой политической печалью произвели даже необыкновенный переворот в ее голове, заставив ее видеть многие вещи в черном цвете и углубляться в интересы, которыми движутся явления, проносящиеся перед глазами.

Супружеская жизнь с Петром не сложилась, но любовь продолжала занимать в жизни Екатерины значительное место. Она сама сознавалась в своих записках, что, не будучи, собственно говоря, красивой, она все же умела нравиться. Первым ее любовником, вероятно, был Захар Чернышев, который приглянулся ей еще в 1745 году. Удаленный затем от двора, он вновь явился в 1751 году и нашел, что великая княгиня за шесть лет очень похоро-

С. В. Салтыков

шела. На этот раз роман продолжался недолго. В следующем году Екатерина увлеклась Сергеем Салтыковым, который считался самым красивым мужчиной при дворе. Говорили, что сама Елизавета была равнодушна к нему, но он предпочел сделаться любовником Екатерины. Когда об этой связи сделалось известно императрице, она, то ли в самом деле радея о чести великого князя, то ли из ревности, сделала вид, что гневается. Салтыков должен был уехать на время в деревню и вернулся лишь в феврале 1753 года. На этот раз Елизавета была в другом настроении: она погружена была в государственные заботы. В своих записках Екатерина пишет, что императрица чрезвычайно недовольна была тем, что до сих пор не имеется наследника престола, и по разным поводам выражала свое неудовольствие. Не зная, кого больше винить в этой досадной задержке, она решила прибегнуть к радикальным, но не новым при русском дворе мерам. В один из куртагов Елизавета стала выговаривать гофмейстерше Чоглоковой, что от верховой езды у великой княгини вот уже столько лет нет детей. Чоглокова отвечала, что относительно детей тут нет вины, что дети не могут родиться без причины, и что хотя их императорские высочества уже с 1745 года живут вместе, но причины до сих пор не было. Тогда Елизавета стала бранить Чоглокову и сказала, что она взыщет на ней, зачем она не позаботилась напомнить об этом предмете обоим действующим лицам. Получив такой нагоняй, Чоглокова начала хлопотать, чтобы буквально исполнить приказание императрицы. Однажды она отвела в сторону Екатерину и сказала: "Послушайте, я должна поговорить с вами откровенно". "Я, разумеется, стала слушать во все уши, — писала позже Екатерина. — Сначала, по обыкновению, она долго рассуждала о своей привязанности к мужу, о своем благоразумии, о том, что нужно и что не нужно для взаимной любви и для облегчения супружеских уз; за-

тем стала делать уступки и сказала, что иногда бывают положения, в которых интересы высшей важности обязывают к исключениям из правила. Я слушала и не прерывала ее, не понимая, к чему все это ведет. Я была несколько удивлена ее речью и не знала, искренно ли говорит она, или только ставит мне ловушку. Между тем, как я мысленно колебалась, она сказала мне: "Вы увидите, как я чистосердечна, и люблю ли я мое отечество; не может быть, чтобы кое-кто вам не нравился; предоставляю вам на выбор Сергея Салтыкова и Льва Нарышкина; если не ошибаюсь, вы отдадите предпочтение последнему". "Нет, вовсе нет", — закричала я. "Но, если не он, — сказала она, — так, наверное, Сергей Салтыков". На этот раз я не возразила ни слова, и она продолжала говорить: "Вы увидите, что от меня вам не будет помехи".

Вскоре после этого дело наладилось. Екатерина забеременела три раза подряд и, после двух выкидышей, 20 сентября 1754 года родила сына. "Только что его спеленали, — вспоминала потом Екатерина, — явился по приказанию императрицы ее духовник и нарек ребенку имя Павла, после чего императрица тотчас велела акушерке взять его и нести за собою; а я осталась на родильной постели... Как скоро императрица удалилась, великий князь со своей стороны тоже ушел, вслед за ним граф и графиня Шуваловы, и я никого больше не видела... Наконец, после трех часов, явилась графиня Шувалова, вся разряженная. Увидав меня все еще на том месте, на котором она меня оставила, она вскрикнула и сказала, что так можно уморить меня... Но я и без того заливалась слезами с той самой минуты, как родила. Меня особенно огорчало то, что меня совершенно бросили. После тяжелых и болезненных усилий я осталась решительно без призора, между дверями и окнами плохо затворявшимися; я не имела сил перейти в постель, и никто не смел перенести меня, хотя постель находилась

свататься за родственницу Елизаветы Английской — графиню Марию Гастингс. Дворянину Писемскому, который вел в Лондоне переговоры о женитьбе, велено было говорить, что хотя у царя и есть жена, но она не какая-нибудь царица, а простая подданная и ради королевской

племянницы ее можно прогнать. Но дело не вышло. Между тем в начале 1584 года у царя открылась болезнь — какое-то внутреннее гниение. Здоровье его быстро разрушалось. Еще не старый человек, он вскоре стал выглядеть дряхлым стариком. Ноги отказывались ему служить.

Князь Иван Владимирович (кол. 19). Роспись Архангельского собора Московского Кремля XVII в.

Тело покрылось зловонными язвами. Его носили в креслах. 17 марта он уселся играть в шахматы со своим последним любимцем князем Богданом Бельским, но, не успев начать игры, упал и умер.

Погребен в Москве, в Архангельском соборе.

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ (кол.21)

Из рода Рязанских вел. кн. Сын Василия Ивановича и вел. кн. Московской Анны Васильевны. Род. 14 апр. 1467 г. Вел. кн. Рязанский в 1483—1500 гг. Ж.: с 1485 г. кн. Агриппина Васильевна Бабичева. † 29 мая 1500 г.

ИВАН ВАСИЛЬКОВИЧ (кол.9)

Из рода Перемышльских и Галицких кн. Сын Василька Ростиславича. Кн. Галицкий в 1124—1141 гг. Ж.: дочь вел. кн. Всеволода II Ольговича, кн. Анна. † 1141 г.

ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ (кол.16)

Из рода Серпуховских кн. Сын Владимира Андреевича Храброго и литовской кн. Елены Ольгердовны. Род. в 1381 г. Кн. Серпуховской в 1410—1422 гг. Ж.: с 1401 г. дочь вел. кн. Рязанского Федора Ольговича, кн. Василисса. † 7 сент. 1422 г.

ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ (кол.19)

Из рода Пронских кн. Сын Владимира Ярославича. Кн. Пронский в 1372—1430 гг. † ок. 1430 г.

В 1408 году Иван с татарами неожиданно выгнал из Рязани князя Федора Ольговича. Вел. кн. Василий I Дмитриевич послал на помощь к изгнаннику воевод коломенского и муромского с полками. На реке Смядве они встретились с Иваном и были разбиты. Коломенский воевода был убит, а муромский взят в плен. Однако, несмотря на эту победу, Иван уступил Рязань опять Федору, вероятно, вследствие угроз князя Московского.

ИВАН ВСЕВОЛОДОВИЧ (кол.10)

Из рода Владимиро-Суздальских кн. Родоначальник *Стародубских князей*. Сын Всеволода III Юрьевича Большое Гнездо и чешской королевы Марии Шварновны. Род. 28 авг. 1197 г. Кн. Стародубский в 1237—1247 гг.

ИВАН ВСЕВОЛОДОВИЧ (кол.15)

Из рода Холмских кн. Сын Всеволода Александровича. С 1366 по 1397 г. владел незначительной частью Холмского княжества. Кн. Псковский в 1399 г. Ж.: 1) неизвестная († 1395 г.); 2) с 23 сент. 1397 г. дочь вел. кн. Московского Дмитрия Ивановича Донского, вел. кн. Анастасия. † 27 марта 1402 г.

Есть сведения, что Иван руководил тверским полком во время Куликовской битвы. В 1397 году Иван отъехал в Москву к Василию I и сложил крестное целование к своему дяде Михаилу Александровичу Тверскому. В кормление от московского князя (вскоре выдавшего за Ивана свою сестру) тот получил Торжок. В 1399 году, по просьбе псковичей, Василий Первый отпустил Ивана княжить в Псков, но в том же году он вернулся в Москву. Умирая, Иван завещал свою часть Холмского удела Александру Ордынцу, сыну тверского князя. Погребен в Твери.

ИВАН ГЛЕБОВИЧ (кол.13)

Из рода Степанских кн. Сын Глеба Ростиславича и кн. Смоленской Евфросинии Ростиславны. † 1292 г.

ИВАН I ДАНИИЛОВИЧ Калита (кол.13)

Из рода Московских вел. кн. Сын Даниила Александровича. Род. ок. 1283 г. Вел. кн. Московский в 1325—1341 гг. Вел. кн. Владимирский в 1328—1341 гг. Кн. Новгородский в 1328—1337 гг. Ж.: 1) кн. Елена; 2) кн. Ульяна. † 31 марта 1341 г.

Князь Иван Данилович Калита.
Портрет из "Титулярника"

✱

Свое прозвище Иван получил, вероятно, от привычки носить с собой постоянно кошелёк ("калиту") с деньгами для раздачи милости. В течение долгого времени он оставался в тени старшего брата московского князя Юрия Даниловича. Но уже тогда его имя связывалось в летописи с успехами московской политики. В 1304 году, в отсутствие Юрия, Иван отправился в Переяславль оборонять его от тверских князей. Вскоре под городом появились тверские полки под началом боярина Акинфа. Три дня тот продержал Ивана в осаде; на четвёртый день явился из Москвы боярин Родион Несторович, зашел тверичам в тыл; Иван в то же время сделал вылазку из города, и неприятель потерпел полное поражение.

Когда в 1319 году Юрий Данилович получил великое княжение и уехал в Новгород, Москва оставлена была в полное управление Ивана. С этих пор он вступает на историческое поприще. Восемнадцать лет его правления были эпохой усиления Москвы и ее возвышения над остальными русскими городами. Главным средством к этому усилению было особенное умение Ивана ладить с ханом. Он часто ездил в Орду и вскоре заслужил расположение и доверие Узбека. В то время как другие русские земли страдали от татарских вторжений, владения князя Московского оставались спокойными, наполнялись жителями и, сравнительно с другими, находились в цветущем состоянии. "Перестали поганые воевать русскую землю, — говорит летописец, — перестали

убивать христиан; отдохнули и опочили христиане от великой истомы и многой тягости и от насилия татарского; и с этих пор наступила тишина по всей земле”.

В княжение Ивана был построен дубовый Кремль, защищавший не только центр прежнего города, но и посад за его пределами. Вокруг Кремля одно за другим возникали села. Бояре охотно переходили к Московскому князю и получали от него земли с обязанностью службы; за боярами следовали вольные люди, годные к оружию. Иван заботился о внутренней безопасности, строго преследовал и казнил разбойников и воров и тем самым давал возможность ездить торговым людям по дорогам.

В первые же годы своего правления Иван добился того, что в Москву из Владимира была переведена митрополичья кафедра. Это сразу сделало Москву духовной столицей Руси. Калита умел приобрести расположение митрополита Петра, так что этот свяtitель жывал в Москве больше, чем в других местах, умер и был погребен в ней. Гроб святого мужа был для Москвы так же драгоценен, как и пребывание живого свяtitеля: выбор Петра казался внушением Божьим, и новый митрополит Феогност уже не хотел оставить гроба и дома чудотворца. Другие князья хорошо видели важные последствия этого явления и сердились; но поправить дело в свою пользу уже не могли.

Во все продолжение своего княжения Калита ловко пользовался обстоятельствами, чтобы, с одной стороны, увеличить свои владения, с другой — оказывать влияние на князей в прочих русских землях. В этом помогала ему более всего начавшаяся вражда между Тверью и Ордой. Княживший в Твери князь Александр Михайлович принял в 1327 году участие в народном восстании, в котором тверичи убили татарского посла Чолкана и всю его свиту.

Узбек очень рассердился, узнав об участии Чолкана, и, по некоторым известиям, послал за московским князем, но, по другим известиям, Калита поехал в Орду сам, торопясь воспользоваться тверским происшествием. Узбек дал ему ярлык на ве-

ликое княжение и 50 000 войска. Присоединив к себе еще князя суздальского, Калита пошел в Тверскую волость; татары пожгли города и села, людей повели в плен и, по выражению летописца, положили пугу всю землю Русскую. Спаслись лишь Москва да Новгород, который дал татарским воеводам 2000 гривен серебра и множество даров. Александр бежал в Новгород, потом в Псков, но и оттуда его вынудили в 1329 году уехать в Литву.

Обстоятельства продолжали благоприятствовать Москве. Александр, хотя вернулся в Псков и прожил там десять лет, но был уже бессилён. Брат его, Константин, управляя разоренной Тверской землей, угождал Московскому князю, любимцу хана. Князья других русских земель поставлены были в такое же положение. И князь Суздальский, Александр Васильевич, и другие князья Ростово-Суздальской земли стали его подручниками. По смерти Александра Васильевича в 1332 году, Калита удержал за собой Владимир. Одну из своих дочерей Иван отдал за Василия Давыдовича Ярославского, а другую — за Константина Васильевича Ростовского и самовластно распоряжался уделами своих зятьев.

Князья рязанские поневоле должны были повиноваться Ивану и ходили со своей ратью, куда он им приказывал, ведь Рязань была на окраине Руси и за свою строптивость первой могла подвергнуться жестокой каре из Орды. Углич был присоединен Калитой посредством купли. Кроме того, он покупал и выменивал села в разных местах: около Костромы, Владимира, Ростова, на реке Мсте, Киржаче и даже в Новгородской земле, вопреки новгородским законам, запрещавшим князьям покупать там земли. Он заводил в Новгородской земле слободы, населял их своими людьми и таким образом также имел возможность внедрять свою власть.

В 1337 году Александр Тверской помирился с ханом и получил обратно свое княжество. В 1339 году Иван поехал в Орду с доносом на Александра. Вслед за тем тот получил приказ явиться к хану.

Князь Иван Иванович Красный.
Портрет из "Титулярника"

Александр поехал, уже сознавая, что судьба его решена. И действительно — и он сам, и его сын Федор были казнены. Калита вернулся в Москву в великой радости, послал в Тверь и приказал снять с церкви св. Спаса колокол и привезти его в Москву. По понятиям того времени это было очень чувствительное унижение.

Погребен в Москве в Архангельском соборе.

ИВАН ДМИТРИЕВИЧ (кол.13)

Из рода Владимиро-Суздальских вел. кн. Сын Дмитрия I Александровича. Род. ок. 1268 г. Кн. Коstrомской в 1293—1296 гг. Кн. Переяславский в 1294—1302 гг. Ж.: с 1292 или 1296 г. дочь кн. Ростовского Дмитрия Борисовича. † 15 мая 1302 г.

■

Умирая, Иван завещал свой удел Даниилу. Погребен в Переяславской соборной церкви Преображения.

ИВАН ДМИТРИЕВИЧ (кол.16)

Из рода Дорогобужских кн. Сын Дмитрия Еремеевича. Кн. Чернятинский с 1407 г.

ИВАН ДМИТРИЕВИЧ Шемякин (кол.18)

Из рода Московских вел. кн. Сын Дмитрия Юрьевича Шемяки и кн. Заозерской Софии Дмитриевны. Кн. Новгород-Северский и Рыльский. † до 1485 г.

ИВАН II ИВАНОВИЧ Красный (кол.14)

Из рода Московских вел. кн. Сын Ивана I Даниловича Калиты. Род. 30 марта 1326 г. Кн. Звенигородский до 1354 г. Вел. кн. Московский в 1354—1359 гг. Вел. кн. Владимирский в 1354—1359 гг. Кн. Новгородский в 1355—1359 гг. Ж.: 1) с 1341 г. дочь кн. Брянского Дмитрия, кн. Феодосия († 1342 г.); 2) с 1345 г. вел. кн. Александра Ивановна († 27 дек. 1364 г.). † 13 ноября 1359 г.

■

По духовной Ивана Калиты Ивану достались 23 города и селения, из них главные — Звенигород и Руза. После смерти брата Семена у Ивана появился соперник в великое княжение Владимирское — Константин Васильевич Суздальский. Его всеми силами поддерживали новгородцы. Но все их старания были напрасны: хан отдал ярлык Ивану. Враги не сразу примирились с этим. Константин признал Ивана лишь перед смертью в 1354 году; с Новгородом у московского князя не было мира полтора года. По словам летописца, Иван был кроткий, тихий и милостивый князь. Погребен в Москве, в Архангельском соборе.

ИВАН ИВАНОВИЧ Малый (кол.15)

Из рода московских вел. кн. Сын Ивана II Ивановича Красного и кн. Александры Ивановны. Род. ок. 1354 г. Кн. Звенигородский в 1359—1364 гг. † 23 окт. 1364 г. Погребен в Архангельском соборе в Москве.

ИВАН ИВАНОВИЧ Коротопол (кол.16)

Из рода Рязанских кн. Сын Ивана Ярославича. Кн. Рязанский в 1327—1342 гг. † 1343 г.

В 1340 году Иван убил своего двоюродного брата князя Александра Михайловича Пронского. В 1342 году сын убитого Александра, Ярослав, выхлопотал себе ярлык и выгнал самого Коротопола из Переяславля Рязанского. Иван был убит неизвестно где и неизвестно кем через несколько месяцев.

ИВАН ИВАНОВИЧ Долгий (кол.18)

Из рода Ростовских-Борисоглебских кн. Сын Ивана Александровича. Кн. Пужбольский-Ростовский. В 1474 г. продал свое княжество Москве.

ИВАН ИВАНОВИЧ Молодой (кол.19)

Из рода Московских вел. кн. Сын Ивана III Васильевича Великого и вел. кн. Тверской Марии Борисовны. Род. 15 февр. 1456 г. Вел. кн. Тверской в 1486—1490 гг. Ж.: с 1483 г. государыня Молдавская Елена Стефановна († 1505 г.). † 7 марта 1490 г.

В 1480 году, узнав, что к Оке приближается хан Ахмат, Иван III отправил туда сына вместе с полками и воеводами. Ахмат, пройдя вдоль русских границ, отправился к Угре. Иван следовал за ним. Началось знаменитое стояние на Угре. Иван III, смущаемый советчиками, не знал, на что решиться. То он хотел биться с Ахматом, то бежать в Вологду. Несколько раз он писал сыну, чтобы тот ехал в Москву. Но Иван решил лучше навлечь на себя отцовский гнев, чем отъехать от берега. Видя, что грамоты сын не слушается, Иван III послал приказание воеводе Холмскому: схватив силой молодого великого князя, привезти его в Москву. Холмский не решился употребить силу и стал уговаривать Ивана, чтоб ехал в Москву. Тот отвечал ему: "Умру здесь, а к отцу не пойду". Он устерег движение татар, хо-

Рождение у Ивана Ивановича Молодого сына Дмитрия

тевших тайно переправиться через Угру и внезапно броситься на Москву: их отбили от русского берега с большим уроном.

В 1485 году, присоединив к Москве Тверское княжество, Иван посадил там сына, по матери принадлежавшего к роду Тверских князей.

В 1490 году Иван разболелся ломотою в ногах; в это время был в Москве лекарь Леон Жидовин, вызванный русскими послами из Венеции. Леон объявил отцу больного: "Я вылечу сына твоего, а не вылечу, вели меня казнить смертною казнью". Великий князь велел лечить. Леон стал давать больному лекарство внутрь, а к телу прикладывать склянки с горячей водою. Но от этого лечения Ивану стало хуже и он умер. Иван III велел схватить лекаря, и, как минуло покойнику 40 дней, Леона казнили смертию. Погребен Иван в Москве, в Архангельском соборе.

ИВАН ИВАНОВИЧ (кол.22)

Из рода Рязанских кн. Сын Ивана Васильевича и кн. Агрипины Васильевны Бабичевой. Род. в 1496 г. Вел. кн. Рязанский в 1500—1516 гг. † 1534 г.

В 1516 году великому князю Василию III Ивановичу дали знать, что Иван вошел в частые сношения с крымским ханом Магмет-Гиреем и даже хочет жениться на его дочери. Великий князь послал звать Ивана в Москву; тот сначала не хотел ехать, но приближенный боярин Семен Крубин передался на сторону Василия и уговорил Ивана отправиться в Москву, где его схватили и посадили под стражу, а мать его заключили в монастыре. В 1521 году, пользуясь нашествием Магмет-Гирея, Иван убежал из Москвы и скрылся в Литву. Великое княжество Рязанское было присоединено к Москве.

ИВАН МИХАЙЛОВИЧ Калнстрат (кол.12)

Из рода Стародубских кн. Сын Михаила Ивановича. Кн. Стародубский в 1281—1315 гг. † 1315 г.

ИВАН МИХАЙЛОВИЧ (кол.15)

Из рода Тверских вел. кн. Сын Михаила Александровича и суздальской кн. Евдокии Александровны. Род. в 1357 г. Вел. кн. Тверской в 1399—1425 гг. Ж.: 1) с 1375 г. дочь кн. Торского Кейстутия, кн. Миклвоза († 1405 г.); 2) с 1403 г. дочь кн. Дорогобужского Дмитрия Еремеевича, кн. Евдокия. † 22 мая 1425 г.

В 1407 году Иван ездил в Орду судиться со своим двоюродным братом Юрием Всеволодовичем Холмским, который вдруг начал искать под ним Тверского княжества. Дело решилось в пользу Ивана. Когда в 1408 году Едигей осадил Москву и вызвал к себе Ивана, тот поехал к нему один без войска, а потом под предлогом болезни возвратился с дороги. Современники считали этот поступок Ивана верхом дипломатического искусства. Иван умер во время эпидемии чумы.

ИВАН МИХАЙЛОВИЧ (кол.19)

Из рода Воротыньских кн. Сын Михаила Федоровича. Кн. Воротыньский. Ж.: 1) Анастасия За-

харына († 27 марта 1522 г.); 2) кн. Анна Васильевна Шастунова. † 1534 г.

В 1493 году Иван вместе с дядями Дмитрием и Семеном принял московское подданство. В дальнейшем он участвовал во многих походах как московский воевода.

ИВАН МСТИСЛАВИЧ (кол.11)

Из рода Черниговских кн. Сын Мстислава Святославича и ясыни Марфы. Кн. Козельский. † до 1238 г.

ИВАН РОСТИСЛАВИЧ Берладник (кол.10)

Из рода Перемышльских и Галицких кн. Сын Ростислава Володаревича. Кн. Звенигородский в 1129—1145 гг. Кн. Галицкий в 1145 г. † 1161 г.

После смерти отца Иван унаследовал город Звенигород (Галицкий), хотя, по-видимому, имел право на большее. Но дядя его, Владимирко Володаревич Галицкий, был не из тех, кто готов делиться. До времени Иван скрывал свое недовольство. Но в 1144 году Владимирко потерпел серьезное поражение от Всеволода Ольговича. Неудача Галицкого князя ободрила его внутренних врагов, приверженцев Ивана Ростиславича. Когда зимою Владимирко отправился на охоту, жители Галича послали в Звенигород за Иваном и впустили его к себе в город. Владимирко, услышав об этом, пришел с дружиною к Галичу, бился с осажденными три недели и все не мог взять города, пока однажды ночью Иван не вздумал сделать вылазку. Он зашел слишком далеко от города и был отрезан от него Владимирковыми полками; потеряв много дружины, Иван пробился сквозь вражье войско и бросился к Дунаю, а оттуда степью бежал в Киев к Всеволоду.

С этого времени началась скитальческая жизнь Ивана. Он нашел убежище в молдавском городе Берладе, который, подобно Тмутаракани, был притоном всех беглецов, князей и простых людей. Из этих

отчаянных отщепенцев Иван набрал дружину, с которой стал наниматься на службу к различным князьям. У современников он получил прозвание Берладника.

В 1146 году Берладник оказался в дружине у Святослава Ольговича. Пока Ольгович отбивался от врагов, Иван был верен ему, но когда князя Владимир и Изяслав Давыдовичи и Изяслав Мстиславич загнали его в вятичские леса, Берладник, взявший у Святослава 200 гривен серебра и 12 гривен золота, перешел к Ростиславу Мстиславичу Смоленскому. (Татищев сообщает, что он просто отобрал деньги у Святослава.) В 1149 году Берладник был уже на службе у Юрия Долгорукого. Летописец сообщает, что суздальский князь послал его в Двинскую землю перехватить новгородцев, собиравших там дань. Но Ивану не удалось этого сделать — новгородцы отбились, причем было много павших с обеих сторон.

Несмотря на то, что Иван бежал далеко на север, галицкие князья продолжали искать его головы. Когда Юрий окончательно утвердился в Киеве, он, нуждаясь в помощи своего зятя Ярослава Владимировича Галицкого, согласился выдать ему Берладника. Ивана схватили в Суздале и привели в оковы в Киев, где дожидались его послы от Ярослава с большой дружиной. Но духовенство выступило против этого предательского поступка; митрополит и все игумены сказали Юрию: "Грешно тебе, целовавши крест, держать Ивана в такой нужде, да еще теперь хочешь выдать его на убийство". Юрий послушался, не выдал Берладника галичанам, а отправил его назад в Суздаль в оковы. Но Изяслав Давыдович Черниговский, узнав, что Берладника везут опять в Суздаль, послал перехватить его по дороге и привезти к себе. По смерти Юрия, когда Изяслав занял его место в Киеве, Берладник остался здесь на свободе и имел полную возможность сноситься с недовольными галичанами. Легко понять, что Ярослав Галицкий не мог оставаться при этом спо-

койным: он начал искать двоюродного брата своего Ивана, говорит летописец, и в 1158 году подговорил всех князей русских, короля венгерского, польских князей, чтоб были ему помощниками на Ивана. Изяслав Давыдович продолжал защищать Берладника, и когда явились к нему послы почти всех русских князей, а также польских и венгерского короля с требованием выдать Берладника, ответил решительным отказом. Берладник, однако, испугался и бежал в степь, к половцам, занял с ними подунайские города, перехватил два галицких судна, взял много товара и начал преследовать галицких рыболовов. Собрав много половцев и присоединив к ним еще 6 000 берладников, таких же изгнанников-беглецов, как он сам, Иван пошел с ними в Галицкую область, захватил город Кучельмину и осадил Ущицу. Гарнизон Ярослава крепко бился из города, но смерды начали переходить на сторону Ивана; таких оказалось 300 человек. Половцы хотели взять город, но Иван не позволил, за что степняки озлобились на него и ушли. Умер Иван в 1161 году в Солуне. Летописец добавляет, что есть слух о смерти его от отравы.

ИВАН СВЯТОСЛАВИЧ (кол.17)

Из рода Смоленских кн. Сын Святослава Ивановича. Кн. Порховский.

ИВАН ФЕДОРОВИЧ (кол.14)

Из рода Галицких кн. Сын Федора Давыдовича. Кн. Галицкий в 1335—1354 гг.

ИВАН ФЕДОРОВИЧ (кол.14)

Из рода Стародубских кн. Сын Федора Ивановича Благоверного. Кн. Стародубский в 1355—1363 гг.

В 1363 году Дмитрий Иванович Московский (будущий Донской) выгнал Ивана из его княжества и сам завладел этой во-

лостью. Иван ушел служить к Андрею Константиновичу в Нижний Новгород.

ИВАН ФЕДОРОВИЧ (кол.19)

Из рода Рязанских кн. Сын Федора Ольговича и кн. Московской Софии Дмитриевны. Вел. кн. Рязанский в 1427—1456 гг. † весной 1456 г.

ИВАН ЮРЬЕВИЧ (кол.9)

Из рода Владимиро-Суздальских кн. Сын Юрия Владимировича Долгорукого и половецкой кн., дочери хана Аепы Осеневица. Кн. Курский в 1146 г. † 24 февр. 1146 г.

В 1146 году Юрий послал Ивана на помощь Святославу Ольговичу. Когда тот пришел в Новгород Северский, Святослав дал Ивану Курск с волостями по реке Сейм. Вскоре Иван опасно занемог и умер в Колотеске на руках у Святослава. Братья его, Борис и Глеб, оплакав Ивана, отвезли его тело в Суздаль.

ИВАН ЮРЬЕВИЧ (кол.10)

Из рода Туровских и Пинских кн. Сын Юрия Ярославича и кн. Городненской. Кн. Туровский в 1167—1190, 1195—1207 гг. † 19 апр. 1207 г.

ИВАН ЮРЬЕВИЧ (кол.18)

Из рода Тверских вел. кн. Сын Юрия Александровича. Кн. Зубцовский с 1425 г.

ИВАН ЯРОСЛАВИЧ (кол.13)

Из рода Юрьев-Польских кн. Сын Ярослава Дмитриевича. Кн. Юрьев-Польский.

После смерти Ивана Юрьевский удел был присоединен к Владимирскому.

ИВАН ЯРОСЛАВИЧ (кол.15)

Из рода Рязанских кн. Сын Ярослава Романовича. Кн. Пронский в 1294—1308 гг. Кн. Рязанский в 1308—1327 гг. † 1327 г.

По одним сведениям, Иван был убит татарами при походе на Тверь, по другим — казнен в Орде.

ИГОРЬ ГЛЕБОВИЧ (кол.10)

Из рода Рязанских кн. Сын Глеба Ростиславича и владимирской кн. Кн. Рязанский в 1180 г. Ж.: Аграфена Ростиславна († дек. 1237 г.). † 1195 г.

ИГОРЬ ОЛЬГОВИЧ (кол.8)

Из рода Черниговских кн. Сын Олега Святославича и гречанки Феофании Музалон. Вел. кн. Киевский в 1146 г. † 19 сент. 1147 г.

В 1145 году больной Всеволод, брат Игоря, бывший в то время великим князем, созвал своих братьев, родных и двоюродных, а также шурина Изяслава Мстиславича и сказал им: "Если Бог меня возьмет, отдаю Киев после себя брату моему Игорю". Все братья и Изяслав поцеловали Игоря крест, признав тем самым его права на Киев. В 1146 году Всеволод велел позвать к себе лучших киевлян и также сказал им: "Я очень болен, вот вам брат мой Игорь, возьмите его себе в князья"; те отвечали: "Возьмем с радостью". Игорь отправился с ними в Киев, созвал всех горожан, и все целовали ему крест, говоря: "Ты нам князь". После смерти брата Игорь послал к Изяславу Мстиславичу, спрашивая его, верен ли он прежнему крестному целованию. Изяслав не дал ответа и даже не отпустил посла назад, потому что киевляне пригласили его на княжение. Изяслав двинулся на Киев, а Игорь призвал к себе главных киевских бояр — Улеба, Ивана Войтишича, Лазаря Саковского, обещая им те же почести, какие они имели от его брата Всеволода. Но Игорь опоздал: эти бояре, вместе с другими — Василием Полочанином и Мирославом Андреевичем, — уже перешли на сторону Изяслава. Они впятером собирали киевлян и советовались, как бы обмануть Игоря; а к Изяславу

послали сказать: "Ступай, князь, мы уговорились с киевлянами; бросим стяг Ольговича и побежим с полком своим в Киев". Изяслав подошел к Киеву и встал с сыном своим Мстиславом у вала, подле Надова озера, а киевляне стояли особо у Ольговой могилы, огромною толпою, говорит летописец. Скоро Игорь и все его войско увидели, что киевляне послали к Изяславу и взяли у него тысяцкого со стягом; вслед за тем берендеи перешли через Лыбедь и захватили Игорев обоз перед Золотыми воротами. Видя это, Игорь сказал брату, Святославу и племяннику Святославу Всеволодовичу: "Ступайте в свои полки, и как нас с ними Бог рассудит"; велел ехать в свои полки также и Улебу тысяцкому с Иваном Войтишичем. Но как скоро те приехали в свои полки, то бросили стяги и перешли на сторону Изяслава. Игорь с племянником не смутились от этого и двинулись против Изяслава; но из-за киевлян и берендеев им нельзя было проехать к нему Надовым озером; они пошли верхом и попали в самое невыгодное место, между двумя канавами из озера и из сухой Лыбеди. Берендеи зашли с тыла и начали сечь их саблями, а Изяслав с сыном Мстиславом и дружиною зашел с фланга; Ольговичи побежали, Игорь заехал в болото, конь под ним увяз, а идти он не мог, потому что был болен ногами; дружину его гнали до самого Днепра, до устья Десны и до Киевского перевоза. Через четыре дня, когда Изяслав уже сел на киевский стол, Игоря схватили в болоте. Изяслав сначала послал его в Выдубицкий монастырь, а потом велел держать в оковах в Переяславском Ивановском монастыре.

В тюрьме Игорь совсем разболелся и послал сказать Изяславу: "Брат! Я очень болен и прошу у тебя пострижения; хотел я этого, когда еще был князем, а теперь в нужде я сильно разболелся и не думаю, что останусь в живых". Изяслав сжалился и отвечал ему: "Если была у тебя мысль о пострижении, то ты волен, а я тебя и без того выпускаю ради твоей болезни". Над Игорем разобрали верх тюрьмы и вы-

несли его больного в келью; восемь дней он не пил, не ел, но потом ему полегчало, и он постригся в Киевском Федоровском монастыре в схиме.

Весной 1147 года Изяслав выступил в поход. С дороги он отправил в Киев послов, чтобы те объявили о коварстве его союзников Черниговских князей, Владимира и Изяслава Давыдовичей, которые хотели его заманить к себе и схватить. Киевляне хотели идти уже на помощь князю против изменников, но в это время кто-то из толпы закричал: "За князем-то мы своим пойдем с радостью, но прежде надобно вот о чем промыслить: как прежде при Изяславе Ярославиче злые люди выпустили из заточения Всеслава и поставили князем себе, и за то много зла было нашему городу; а теперь Игорь, враг нашего князя и наш, не в заточении, а в Федоровском монастыре; убьем его и пойдем к Чернигову за своим князем; покончим с ним". Народ, услышав это, бросился к Федоровскому монастырю. Игорь стоял в церкви у обедни. Люди ворвались в церковь и потащили его с криками: "Побейте! Побейте!" С помощью боярина Михаила Владимиру Мстиславичу, брату Изяслава, удалось ввести Игоря в двор своей матери и затворить за собой ворота. Но толпа, избив Михаила, выломала ворота и, увидав Игоря на сених, разбила сени, стащила с них Игоря и повергла его без чувств на землю; потом привязали ему веревку к ногам и потащили с Мстиславова двора через весь город на княжий двор и там его убили; отсюда, положив на дровни, повезли на Подол и бросили на торгу. Владимир велел взять тело Игоря и положить в Михайловской церкви, и на другой день похоронили его в Семеновском монастыре.

ИГОРЬ РЮРИКОВИЧ (кол.2)

Из рода Рюриковичей. Сын Рюрика. Кн Новгородский до 912 г. Вел. кн. Киевский в 912-945 гг. Ж.: с 903 г. Ольга († 969 г.). † 945 г.

По смерти Олега в 912 году Игорь стал великим князем. Древляне, получив о том известие, отложились от Киева. В 914 году Игорь пошел на древлян и, победив их, возложил на них дань больше прежней. Вслед за тем воевода князя Свенельд двинулся на юг против уличей и после трехлетней осады взял их город Пересечен. В награду за эту победу Игорь отдал Свенельду древлянскую дань. В 941 году Игорь пошел походом на греков. И послали болгары весть царю Роману, что идет Русь на Царьград, рассказывает летописец, и стала русь воевать греческую страну по побережью, и Судийскую гавань всю пожгла. Роман же ничего не мог противопоставить силе Игоревой, так как вел войны в других местах. Но вот пришли с востока свежие силы и окружили русь. Русь, посовещавшись, вышла против греков с оружием и в жестоком сражении едва одолела греков. Спасаясь от разгрома, остатки Игоревой дружины

погрузились на корабли и ночью отплыли, но Феофан Протопресвитарий встретил русский флот в море. Огненные корабли греков стали пускать огонь на русские корабли и повергли русь в величайший ужас. Многие, увидев пламень, бросались в морскую воду, стремясь спастись. И так остаток руси возвратился домой в Киев.

Игорь не отчаялся, но стал готовиться ко второму походу. К 944 году он собрал многих воинов: варягов, русь, полян, словен, кривичей, тивирцев, нанял печенегов, взял у них заложников и пошел на греков в ладьях и на конях. Услышав об этом, корсунцы (то есть жители Херсонеса, греческой колонии в Крыму) послали к царю Роману со словами: "Вот, идет русь, покрыва все море кораблями, нельзя и сосчитать". Так же и болгары послали весть, говоря: "Идет русь и наняла с собой печенегов". Услышав об этом, царь прислал к Игорю лучших бояр с мольбою: "Не ходи, но возьми дань, какую брал Олег, прибавлю и еще к той дани". Так же и к печене-

Войско Игоря приносит присягу: христиане присягают в соборной церкви (слева), язычники — идолу (справа). Миниатюра Радзивилловской летописи

гам послал многие дары. Игорь же, дойдя до Дуная, созвал дружину и стал с нею держать совет, и поведал ей речь цареви. Сказала же дружина Игорева: "Если так говорит царь, то чего нам еще нужно, — не бившись взять золото и серебро и паволоки? Разве знает кто, кому одолеть: нам или им? Или с морем кто в союзе? Не по земле ведь ходим, но по глубине морской: всем общая смерть". И послушал их Игорь, говорит летописец, и повелел печенегам воевать Болгарскую землю, а сам, взяв у греков золото и ткани на всех воинов, возвратился назад и пришел к Киеву.

В 945 году царь греческий прислал послов к Игорю восстановить прежний мир. Игорь, переговорив с ними, послал мужей своих в Царьград, и был заключен новый торговый договор между империей и Русью.

В тот же год сказала дружина Игорю: "Отроки Свенельда изоделись оружием и одеждой, а мы наги. Пойдем, князь, с нами за данью, да и ты добудешь, и мы". И послушал их Игорь, рассказывает летопись, и пошел к древлянам за данью, и прибавил к прежней дани новую; и творили насилие над ними мужи его. Взяв дань, пошел он в свой город. Когда же он шел назад, поразмыслив, сказал своей дружине: "Идите с данью домой, а я возвращусь и пособираю еще". И отпустил дружину свою домой, а сам с малой частью дружины вернулся, желая большего богатства. Древляне же, услышав, что идет он снова, держали совет с князем своим Малом: "Если повадился волк к овцам, то выносит все стадо, пока не убьют его. Так и этот: если не убьем его, то всех нас погубит". И послали к нему, говоря: "Зачем идешь опять? Забрал уже всю дань". И не послушал их Игорь. И древляне, выйдя из города Искоростеня против Игоря, убили Игоря и дружину его, так как было ее мало. И погребен был Игорь в Древлянской земле у Искоростеня.

ИГОРЬ СВЯТОСЛАВИЧ (кол.9)

Из рода Новгород-Северских кн. Сын Святослава Ольговича и дочери новгородского посадника Марии Петриловны. Род. в 1151 г. Кн.

Новгород-Северский в 1180—1198 гг. Кн. Черниговский в 1198—1202 гг. Ж.: 1) с 1169 г. неизвестная; 2) с 1184 г. дочь Ярослава Владимировича Осмомысла, кн. Евфросиния. † 1202 г.

В 1185 году Ярослав Всеволодович Черниговский отговорился от участия в походе на половцев, который устраивал киевский князь Святослав Всеволодович. Святослав вернулся с богатой добычей, и северские князья досадовали на Ярослава Черниговского за его несговорчивость. "Разве мы уже не князья? — говорили они. — Добудем и мы себе такой же чести". И вот 23 апреля того же 1185 года Игорь выехал из Новгорода Северского, повелев идти с собой брату Всеволоду из Трубчевска, племяннику Святославу Ольговичу из Рильска, сыну Владимиру из Путивля, а у Ярослава Черниговского выпросив боярина Олстина Олексича с коями черниговскими. Северские князья шли тихо, собирая дружину, потому что кони у них были тучны. Игорь переправился за Донец и пришел к Осколу, где два дня дождался брата Всеволода, который шел иным путем из Курска. От Оскола все отправились к реке Сальнице, куда приехали сторожа, посланные ловить языка, объявив князьям: "Виделись мы с неприятелем, неприятели ваши ездят наготове: так или ступайте скорее, или возвращайтесь домой, потому что не наше теперь время". Игорь и другие князья сказали на это: "Если мы теперь, не бившись, возвратимся, то стыд нам будет хуже смерти; поедем на милость Божию" — и ехали всю ночь, а утром в обеденное время встретили полки половецкие: поганые собрались от мала до велика и стояли на той стороне реки Сюрюлия. Русские князья выстроили шесть полков: Игорь сказал братьям: "Братья! Мы этого сами искали, так и пойдем", и пошли. Из половецких полков выехали стрельцы, пустили по стреле на русских, и бросились бежать, русские не успели еще переехать реку, как бежали и остальные половцы; передовой русский полк погнался за ними, начал бить их и хватать в плен, а старшие князья, Игорь и Всеволод, шли поти-

хоньку, не распуская своего полка; половцы пробежали мимо своих веж, русские заняли вежи и захватили много пленных. Три дня стояли здесь северские полки и веселились. Когда передовой полк вернулся с погони, князья решили заночевать на месте, а утром продолжить поход. Но на другой день на рассвете начали вдруг выступать полки половецкие; русские князья изумились множеству их — словно вся земля половецкая собралась против них. Князья стали советоваться, как быть. “Если побегим, — говорили они, — то сами спасемся, но черных людей оставим, и будет на нас грех перед Богом, что их выдали; уже лучше умрем ли, живы ли будем, — но все вместе”. Все сошли с коней и пошли на битву: бились крепко целый день до вечера, и много было раненых и мертвых в полках русских; бились вечер и ночь, но на рассвете побежали черниговские коуи. Игорь еще в начале битвы был ранен в руку и потому сел на лошадь; увидев, что коуи бегут, он поскакал к ним, чтоб удержать беглецов, но тут был захвачен в плен; окруженный половцами, которые держали его, Игорь увидел брата Всеволода, отбивавшегося от врагов, и стал просить себе смерти, чтоб только не видеть гибели брата своего. Но Всеволод не погиб, а был также взят в плен, из многочисленных полков северских спаслось очень мало: русских ушло человек 15, а коуев еще меньше.

Игорь оказался в плену у половцев, которые, как будто стыдясь воеводства его, по выражению летописца, не делали ему никаких притеснений, приставили к нему 20 сторожей, но давали ему волю ездить на охоту, куда хочет, и брать с собой слуг своих, человек по пяти и по шести; да и сторожа слушались его и оказывали ему всякую честь: куда кого пошлет, исполняли приказ беспрекословно. Игорь вызвал было к себе уже и священника, думая, что долго пробудет в плену. Но Бог, говорит летописец, избавил его по христианской молитве, потому что многие проливали слезы за него. Нашелся между половцами один человек по имени Лавр, пришла

ему добрая мысль, и стал он говорить Игорю: “Пойду с тобою в Русь”. Игорь согласился и стал искать случая к бегству. Нельзя было бежать ни днем ни ночью, потому что сторожа стерегли его, только и было можно, что на самом солнечном закате. И вот Игорь послал конюшего своего сказать Лавру, чтоб тот переехал на ту сторону реки с поводным конем. Наступило назначенное время, стало темнеть, половцы напились кумыса, пришел конюший и объявил, что Лавр ждет. Игорь встал в страхе и трепете, поклонился образу Спасителя и кресту честному, говоря: “Господи сердцеведче, спаси меня, недостойного”, надел на себя крест, икону, поднял полу шатра и вылез вон. Сторожа играли, веселились, думая, что Игорь спит, а он уже был за рекою и мчался по степи. В двенадцать дней достиг он города Донца, откуда поехал к Ярославу в Чернигов, а потом — к Святославу в Киев просить помощи на половцев; все князья обрадовались ему и обещали помогать.

ИГОРЬ ЯРОСЛАВИЧ (кол.6)

Из рода Рюриковичей. Сын Ярослава Владимировича Мудрого и шведской королевны Ингигерды. Род. в 1036 г. Кн. Владимиро-Волынский в 1054—1057 гг. Кн. Смоленский в 1057—1060 гг. Ж.: графиня Орламиндская Кунигунда. † 1060 г.

ИЗЯСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ (кол.5)

Из рода Рюриковичей. Родоначальник Полоцких князей. Сын св. Владимира Святославича и полоцкой кн. Рогнеды. Род. 980 г. Кн. Полоцкий в 987—1001 гг. † 1001 г.

Владимир построил в Полоцкой земле город Изяславль и отдал его во владение Рогнеде и ее сыну. Позже Изяслав восстановил на новом месте разрушенный до основания Полоцк и правил там до самой смерти. Никоновская летопись хвалит Изяслава, называя его кротким, слезным, терпеливым, умильным, любителем святого Писания.

ИЗЯСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ (кол.8)

Из рода Рюриковичей. Сын Владимира Всеволодовича Мономаха и английской королевны Гиды Гарольдовны. Род. в 1077 г. Кн. Курский до 1085 г. Кн. Муромский в 1095—1096 гг. † 6 сент. 1096 г.

В 1095 году Святополк Изяславич и Владимир Мономах вывели из Смоленска Давыда Святославича и посадили там Изяслава. Давыду дали Новгород, но он не усидел там, вернулся и выгнал Изяслава из Смоленска. Изяслав направился из Смоленска прямо к Курску, а потом к Мурому, где схватил посадника Олега Святославича и утвердился с согласия горожан. В 1096 году Олег пошел на Изяслава и послал сказать ему: "Ступай в волость отца своего в Ростов, а это волость моего отца, хочу здесь сесть". Изяслав не послушался его, надеясь на множество войска. Началась битва, и в лютой сече Изяслав был убит, а войско разбежалось. Тело Изяслава привезли в Новгород к его брату Мстиславу и погребли в Софийском соборе.

ИЗЯСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ (кол.11)

Из рода Новгород-Северских кн. Сын Владимира Игоревича и половецкой кн. Свободы Кончаковны. Род. в 1186 г. Кн. Теребовльский в 1210 г. Кн. Новгород-Северский до 1235 г. Вел. кн. Киевский в 1235—1236 гг. Ж.: кн. Агафия.

В 1232 году вместе с Даниилом Романовичем Галицким Изяслав отправился воевать против венгров, но в самом начале похода отступился от союзника и, вместо того, чтобы помогать Даниилу, опустошил его же волость. В 1233 году Изяслав с половцами стал воевать Русскую землю. Владимир Рюрикович Киевский и Даниил выступили против Изяслава, но у Звенигорода, после лютой сечи, были

разбиты. Даниил бежал, а Владимир попал в плен. Изяслав сел в Киеве, а союзник его — Михаил Всеволодович — в Галиче. Но в 1236 году Изяслава выгнал из Киева Ярослав Всеволодович.

ИЗЯСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ (кол.11)

Из рода Рязанских кн. Сын Владимира Глебовича. Кн. Пронский в 1207 г. † 20 июля 1217 г.

В 1207 году Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, заключив в Москве в оковы шесть рязанских князей, пошел захватывать их волость. Михаил Всеволодович Пронский, не дожидаясь прихода владимирцев, бежал в Чернигов. Проняне взяли себе в князья Изяслава. Всеволод послал к ним боярина с мирными предложениями, но они не хотели о них и слышать. Тогда Всеволод велел приступить к городу со всех сторон и перекрыть доступ воды в город. Однако жители не унывали, крепко бились, а по ночам добывали воду. Всеволод велел стеречь день и ночь и расставил свои полки у всех ворот. Проняне, хотя и гибли от жажды, никак не хотели сдаваться, надеясь на помощь из Рязани. Наконец пришло к ним известие, что Роман Игоревич Рязанский разбит на Оке. Тогда горожане принуждены были сдаться. При этом Изяслав каким-то образом бежал из города.

В 1217 году на княжеском съезде Изяслав был убит братьями Глебом и Константином. Вместе с ним погиб рязанский князь Роман Игоревич и еще четверо князей с их боярами.

ИЗЯСЛАВ III ДАВЫДОВИЧ (кол.8)

Из рода Черниговских кн. Сын Давыда Святославича. Кн. Черниговский в 1152—1154, 1155—1157 гг. Вел. кн. Киевский в 1154—1155, 1157—1158, 1162 г. † 6 марта 1162 г.

В усобице, последовавшей после смерти киевского князя Всеволода Ольговича в 1146 году, Изяслав всегда действовал на пару со своим старшим братом Владимиром, княжившим в Чернигове. Они вместе целовали крест Игорю Ольговичу, но не пришли ему на помощь, когда Изяслав Мстиславич разбил его под Киевом. Затем Давыдовичи обещали поддерживать Святослава Ольговича, его брата, но изменили ему, заключив союз с Изяславом Мстиславичем, и сделались его заклятыми врагами. Святослав ушел в Суздаль к Юрию Долгорукому. В 1147 году он вернулся с сильной дружиной. Тогда Давыдовичи тайно помирились с ним, а Изяслава Мстиславича хотели обманом заманить к себе и схватить, но тот узнал об их коварстве и не поехал к ним. В 1148 году Изяслав Мстиславич пошел на Давыдовичей к Чернигову, сжег и разорил всю их волость, после чего те запросили мира и помирились с ним. В 1149 году, когда Изяслав Мстиславич бился с Юрием Долгоруким под Переяславлем, Изяслав Давыдович был вместе со своим тезкой. Поэтому, изгнав Изяслава Мстиславича из Киева, Юрий первым делом отобрал у Изяслава Давыдовича землю южных дреговичей. Тем не менее Изяслав Давыдович поневоле должен был покориться Юрию и в 1151 году ходил вместе с ним и братом Владимиром на Изяслава Мстиславича, который неожиданно захватил Киев. На этот раз Юрий одержал победу, но когда в том же году война возобновилась вновь, Давыдовичи в первый и последний раз разделились: Владимир Черниговский остался верен союзу с Юрием Долгоруким, а Изяслав перебежал на сторону Изяслава Мстиславича. Обе рати встретились в 1152 году на реке Малый Рутец. С обеих сторон в битве пало множество людей. Среди прочих погиб и Владимир Давыдович.

Изяслав, похоронив брата, сел на черниговском столе. Юрий вынужден был со-

всем уехать из Южной Руси. Но вскоре, собрав большую рать, он пошел прямо к Чернигову. Ростислав Мстиславич и Святослав Всеволодович, опередив его, пришли к Чернигову со своими дружинами и затворились там вместе с Изяславом Давыдовичем. Юрий послал половцев жечь окрестности. Осажденные князья, видя множество половцев, велели всем жителям в ночь перебраться из острога в Кремль. На другое утро половцы разломали острог, подожгли все предместья и начали биться с черниговцами, которые держались крепко. На следующий день пошли на штурм полки самого Юрия. Черниговцы предприняли вылазку, но были отброшены обратно в город. После этого напуганные горожане не смели больше выходить за стены. Юрий осаждал Чернигов 12 дней и тут узнал, что на помощь осажденным идет сам Изяслав Мстиславич. При этом известии половцы бежали в степь, Юрий ушел в Суздаль.

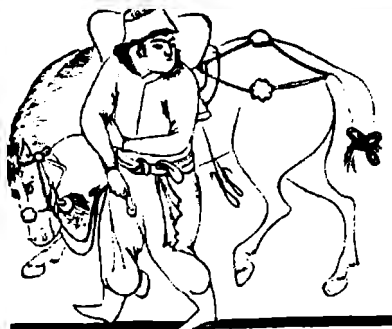
В 1154 году, едва стало известно о смерти Изяслава Мстиславича, Изяслав Давыдович стал пересылаться с Святославом Ольговичем и Юрием Долгоруким. Юрий немедленно отрядил на юг сына Глеба со множеством половцев. Ростислав Мстиславич, брат покойного Изяслава, собрался против черниговских князей и послал сказать Изяславу: "Целуй крест, что будешь сидеть в своей отчине в Чернигове, а мы будем в Киеве". Изяслав отвечал отказом. На другой день он соединился с Глебом и половцами и выступил против Ростислава. Ростислав после двухдневной битвы был разбит половцами наголову и едва сумел уйти в Смоленск. Половцы перехватили множество людей. Изяслав спас всех, кого мог, и сделал, по словам летописца, много добра, чтобы смягчить нанесенное им зло. Среди прочих выручил он Святослава Всеволодовича. И вообще, если кто из пленников убежал в город, тех уже не выдавали степнякам. К киевлянам Изяслав Давыдович послал сказать: "Хочу к вам поехать".

Киевляне были в самом затруднительном положении: покинутые Ростиславом, они видели приближение половцев, от которых могло спасти их только немедленное принятие Изяслава. Киевляне послали сказать ему: "Ступай в Киев, чтоб не взяли нас половцы, ты наш князь, приезжай". Изяслав приехал в Киев и сел на столе, а Глеба Юрьевича послал княжить в Переяславль, окрестности которого были сильно опустошены половцами. Юрия Долгорукого, однако, нельзя было удовлетворить одним Переяславлем. Он послал сказать Изяславу: "Мне отчина Киев, а не тебе". Не имея прав на Киев и не чувствуя особого расположения киевлян, Изяслав не мог более оставаться в Киеве и потому послал сказать Юрию: "Разве я сам поехал в Киев? Посадили меня киевляне; Киев твой, только не делай мне зла".

В 1156 году Юрий помирился с Изяславом и вошел в Киев. Несмотря на видимый мир, Изяслав продолжал потихоньку интриговать против великого князя и вскоре привлек к союзу Ростислава Смоленского и Мстислава Изяславича Волынского. Собрав силы, в мае 1157 года он уже готовился выступить против Киева, когда оттуда прискакал гонец с вестью: "Ступай, князь, в Киев, Юрий умер". Изяслав, получив эту весть, заплакал и сказал: "Благословен еси, Господи, что рассудил меня с ним смертью, а не кровопролитием".

Сев в Киеве во второй раз, Изяслав начал пересылаться со Святославом Ольговичем. Договорились на том, что Чернигов достанется последнему, а Северская область — Святославу Всеволодовичу. В 1158 году к Изяславу явились послы почти от всех русских князей, а также от венгерского короля и польских князей с требованием выдать укрывшегося у него Ивана Берладника. Изяслав переспорил их всех и отпустил с решительным отказом. После этого Мономаховичам открылся удобный случай изгнать Изяслава из Кие-

ва. Мстислав Изяславич, Владимир Андреевич и Ярослав Осмомысл согласились идти на киевского князя. Изяслав двинулся к Белгороду, уже занятому союзными князьями, волынским и галицким, осадил тех в городе и не сомневался в успехе, имея 20 000 половцев, но измена берендеев переменяла все дело. Берендеи вошли в сношения с осажденными и послали сказать Мстиславу Изяславичу: "От нас теперь зависит, князь, добро твое и зло; если хочешь нас любить, как любил нас отец твой, и дашь нам по городу лучшему,

Изображение татарина с лошадыю

то мы отступим от Изяслава". Мстислав обрадовался такому предложению и в ту же ночь целовал крест, что исполнит все желания, после чего берендеи не стали медлить и в полночь поскакали с криком к Белгороду. Изяслав понял, что степняки затеяли недоброе, сел на коня и поскакал к их стану; но, увидев, что стан горит, возвратился назад и побежал к Вышгороду, в Гомеле дождался жены и бросился в землю вятичей. Мстислав Изяславич вошел в Киев и призвал на княжение своего дядю Ростислава Мстиславича, который и сел на великокняжеский стол в начале 1159 года после долгих переговоров.

Пока князья ряздились, Изяслав набрал множество половцев, вошел в Смоленскую волость и страшно опустошил ее. Половцы увели в плен более 10 000 человек, не считая убитых. Вскоре Изяслав заключил союз со Святосла-

вом Всеволодовичем Северским и сыном Святослава Ольговича — Олегом Святославичем Курским, набрал половцев и пошел на Русь. Две недели он простоял под Переяславем, воюя с Глебом Юрьевичем. Ростислав воспользовался этим, собрал большое войско и выступил к Днепру в Триполь. Изяслав, не приняв боя, бежал в степь, но стоило Ростиславу распустить войска, как в феврале 1162 года он явился на Русь, перешел замерзший Днепр и подошел к Киеву. Ростислав на этот раз был один, без союзников, и после кровопролитной схватки Изяслав стал одолевать. Половцы уже пробились сквозь частокол в город, когда Ростислав покинул его и поехал в Белгород.

Изяслав в третий раз вошел в Киев, простил всех горожан, попавших в плен, и пошел осаждать Белгород. Святослав Черниговский посылал ему, чтоб он мирился с Ростиславом. "Если даже и не помирятся с тобой, — писал он, — ступай за Днепр; когда будешь за Днепром, то вся твоя правда будет". Изяслав велел отвечать ему: "Братья мои, возвратившись за Днепр, пойдут в свои волости; а мне куда возвращаться? К половцам нельзя мне идти, а у Выря не хочу помирать с голоду; лучше мне здесь умереть". Четыре недели он простоял напрасно у белгородского кремля, а между тем на выручку Ростиславу подошли Мстислав Изяславич из Владимира и Рюрик Ростиславич из Смоленска. Изяслав узнал, что против него идет огромная рать, испугался и побежал от Белгорода. Ростислав пустил за ним следом торков. Торки нагнали убежавших, стали бить их и брать в плен. Один из них, Воибор Негечевич, нагнал самого Изяслава и ударил его по голове саблею; другой торчин проколол его копьем и повалил с лошади. Уже при последнем издыхании Изяслава нашел Мстислав, который и отправил его в киевский Семеновский монастырь. Тело его отослали в Чернигов и погребли в церкви Бориса и Глеба.

ИЗЯСЛАВ II МСТИСЛАВИЧ (кол.9)

Из рода Рюриковичей. Родоначальник *Владими́ро-Во́льнских великих князей*. Сын Мстислава I Владимировича и шведской королевны Христины Инговны. Род. в 1096 г. Кн. Курский в 1125—1129 гг. Кн. Полоцкий в 1129—1132 гг. Кн. Переяславский в 1132, 1142—1146 гг. Кн. Туровский в 1132—1134 гг. Кн. Владимиро-Во́льнский в 1135—1141, 1149—1151. Вел. кн. Киевский в 1146—1149, 1151—1154 гг. Ж.: 1) неизвестная († 1152 г.); 2) литовская кн.; 3) с 1154 г. грузинская кн. † 13 ноября 1154 г.

В 1127 году Мстислав Владимирович дал Изяславу свой полк, чтоб он вел его против полочан к Лагожску. Всем князьям Мстислав назначил день, в который они должны были напасть на указанные им места. Но Изяслав опередил один всю братию и приблизился к Лагожску. Зять его, Брячислав, князь Изяславский, вел в это время лагожскую дружину на помощь отцу своему Давыду, сидевшему в Полоцке, но, узнав на середине пути, что Изяслав у города, так перепугался, что не знал, что делать, куда идти, и пошел прямо в руки к шурина, которому сдал и лагожскую дружину. Лагожане, видя своих в руках Изяслава, сдались ему. Пробыв здесь два дня, Изяслав отправился к своим дядьям Вячеславу и Андрею, которые осаждали Изяславль. В 1129 году Мстислав выслал полоцких князей в Константинополь, а волость их отдал Изяславу. В 1130 году вместе с братом Всеволодом Новгородским Изяслав ходил на чужь.

В 1132 году, по смерти Мстислава Владимировича, на великое княжение сел брат его Ярополк. Он отдал Переяславль Изяславу, вопреки воле своих младших братьев Юрия Долгорукого и Андрея. Обиженные братья ополчились на Ярополка, а полочане прогнали от себя его племянника Святополка. Тогда Ярополк, видя, что Полоцкое княжество, оставленное храбрым Изяславом, умевшим везде приобре- сти народную любовь, отходит от Моно-

махова рода, уладился с братьями: перевел Изяслава против его воли опять в Минск, единственную волость, оставшуюся у Мономаховичей от полоцкого княжества, потом, чтоб утешить его, придал ему еще Туров и Пинск, дал ему много богатых даров, а брата Вячеслава из Турова перевел в Переяславль.

Таким образом, на короткое время все князья были удовлетворены. Но в 1134 году Вячеслав бросил Переяславль, пошел в Туров, выгнал отсюда Изяслава и сел на его место. Ярополк хотел дать Изяславу Ростов, но не был уже в состоянии умирить братию: вражда между дядьями и племянниками разгорелась. Изяслав, дважды изгнанный, решил не дожидаться более никаких новых сделок между дядьями, а отдать дело по тогдашним понятиям на суд Божий, то есть кончить его оружием. Он ушел в 1135 году в Новгород к брату Всеволоду и уговорил его идти с новгородцами на область Юрия. Новгородцы выступили в поход, дошли до Дубны, но здесь противники Всеволода собрали вече и решили возвращаться назад. Изяслав остался в Волоке-Ламском и, узнав, что Всеволод Ольгович Черниговский начал войну с Ярополком, пошел к Чернигову, чтобы воевать против дяди. Ярополк, не дожидаясь кровопролития, отдал Изяславу Владимир Волынский.

В 1139 году, по смерти Ярополка, в Киеве сел его брат Вячеслав, но Всеволод Ольгович ополчился против него, а Изяславу послал сказать: "После отца твоего Киев принадлежит тебе, но дядья твои не дадут тебе в нем сесть, сам знаешь, что и прежде вас отовсюду выгоняли, и если б не я, то никакой волости вам бы не досталось, поэтому теперь я хочу Киев взять, а вас буду держать как родных братьев, и по смерти моей Киев отдам тебе, только вы не соединяйтесь с дядьями своими против меня". Изяслав согласился, и князья утвердили договор крестным целованием. Таким образом, Всеволод, договорившись с Изяславом, выгнал Вячесла-

ва из Киева и сам сел на великое княжение. Но вскоре князья рассорились. Тогда Всеволод пошел на Переяславль против Андрея Владимировича, а к Владимиру Волынскому послал двоюродного брата Изяслава Давыдовича. Тот повоевал Туровскую и Волынскую области, но этим дело ограничилось. В 1142 году Изяслав Давыдович с братом хотел выгнать из Переяславля Вячеслава Владимировича. Изяслав Мстиславич, узнав об этом, поспешил отправиться к Переяславлю и разбил Давыдовичей. Оттуда он пошел в Черниговскую волость и повоевал села по Десне. В том же году Вячеслав отдал Переяславль Изяславу, а сам уехал в Туров.

В 1144 году Изяслав Мстиславич вместе с Всеволодом Ольговичем ходил на Владимирка Володаровича Галицкого. В 1145 году Всеволод Ольгович, чувствуя приближение смерти, объявил своим преемником на киевском престоле брата Игоря. Изяслав сначала воспротивился этому, однако потом поневоле целовал крест Игорю.

Но едва Всеволод Ольгович умер в 1146 году, киевляне послали сказать Изяславу Мстиславичу в Переяславль: "Поди, князь, к нам, хотим тебя". Изяслав принял приглашение, собрал своих ратных людей и пошел из Переяславля; когда он переправился через Днепр у Заруба, то к нему пристало все пограничное население — черные клобуки и все жители пограничных городов по реке Роси (все Поросье); посланные говорили: "Ты нам князь, Ольговичей не хотим". Изяслав собрал все свои войска в степи, христиан и язычников, и сказал им: "Братья! Всеволода я считал по правде братом старшим, потому что старший брат и зять мне как отец; а с этими как меня Бог управит и сила крестная; либо голову свою положу перед вами, либо достану стол дедовский и отцовский". С этими словами он двинулся к Киеву. Первые киевские бояре послали сказать Изяславу: "Ступай, князь, мы уговорились с киевлянами; бросим стя-

Ольговича и побегим с полком своим в Киев". И в самом деле, едва началась битва, киевляне побросали стяги и побежали в город, а дружину Игореву смяли полки Изяслава.

Изяслав с великою славою и честью въехал в Киев; множество народа вышло к нему навстречу; игумены с монахами и священниками со всего Киева приветствовали его; он проехал к св. Софии, поклонился Богородице и сел на столе отцовском и дедовском. Игоря Ольговича Изяслав заточил в переяславском Ивановском монастыре. В Переяславле Изяслав посадил сына Мстислава, а дяде Вячеславу, которому сначала обещал отдать Киев, не дал ничего, и даже отнял у него Туров. Но оставался еще Святослав Ольгович Северский, брат плененного Игоря. Трудно было ожидать, что он сложит оружие прежде, чем освободит Игоря. Черниговские Давыдовичи прислали сказать Изяславу, что готовы идти с ним против Ольговича, и он поспешил воспользоваться помощью этих неожиданных союзников.

Все лето Давыдовичи опустошали Северскую волость, но не могли взять ни одного города. Изяслав повел киевские полки к Путивлю. Путивльцы крепко бились с черниговцами, но Изяславу послали с поклоном. Изяслав вывел от них прежнего посадника и посадил своего. Узнав о падении Путивля, Святослав бросил Новгород Северский и побегал в землю вятичей. Изяслав гнался за ним до Корачева и здесь сказал Давыдовичам: "Каких вы хотели волостей, те я вам добыл: вот вам Новгород Северский и все Святославовы волости". Урядившись таким образом, Изяслав возвратился в Киев. Весной 1147 года Святослав Ольгович, получив помощь от дяди Изяславово Юрия Долгорукого, выгнал Изяслава Давыдовича из Новгорода Северского. Давыдовичи прислали сказать Изяславу Мстиславичу: "Брат! Святослав Ольгович занял нашу волость Вятичи; пойдем на него; когда его прогоним, то пойдем на Юрия в Суздаль и

либо помиримся с ним, либо будем биться". Изяслав согласился, но его сторонники в самом Чернигове успели предупредить его: "Князь! Не двигайся никуда с места: ведут тебя обманом, хотят убить либо схватить вместо Игоря; Давыдовичи целовали крест Ольговичу и послали к Юрию с крестом: задумали и с ним против тебя". Изяслав отправил послов в Чернигов и потребовал от Давыдовичей снова целовать ему крест. Те сначала смутились, а потом признались, что действительно уже помирились со Святославом Ольговичем. В ответ Изяслав велел бросить им договорные грамоты, что означало разрыв мирных отношений.

Изяслав собрал большое войско и двинулся против Давыдовичей. Увидев его силу, Черниговские князья отступили без боя. Изяслав шел следом, по пути взял и разграбил Всеволож. Когда в других городах узнали, что Всеволож взят, то жители бросились бежать к Чернигову. Пустые города Изяслав велел сжечь. Разграбив Черниговскую волость и перехватыв многих людей, он отступил к Киеву, велел своим союзникам собраться к началу зимы. В 1148 году Изяслав вновь собрал всю свою силу, взял полк у своего дяди Вячеслава и полк владимирский, призвал на помощь отряд венгров, соединился с берендеями, перешел Днепр и пожег у черниговцев все их села. Черниговские князья не могли больше выносить разорения своей волости и стали просить мира у Изяслава. Изяслав посоветался с братом Ростиславом и решил мириться. Давыдовичи поклялись не мстить за Игоря, не разорять Русскую землю и стоять за одно с Изяславом. После заключения мира князья съехались у Городца Остерского и договорились зимой идти на Юрия к Ростову.

Осенью Изяслав, оставив в Киеве брата Владимира, поехал к брату Ростиславу в Смоленск и весело провел там время в пирах. Из Смоленска Изяслав с небольшой дружиной отправился в Новгород, чтобы звать новгородцев на войну против

Юрия. Новгородцы собрали в поход всю свою волость, с ними соединились псковичи и карела. Пришел со своими полками и Ростислав. Все войска соединились у города Константинова на устье Большой Нерли и, не получая вестей от Юрия, стали жечь его города и села и воевать по обеим сторонам Волги; оттуда пошли к Угличу и потом на устье Мологи и возвратились к Вербной неделе с большой добычей.

Юрий, собрав всю силу, нанял половцев и выступил в поход на племянника. Изяслав, узнав об этом, стал также собирать полки. Послал и к черниговским князьям напомнить о договоре. Но Владимир Давыдович так и не пришел к нему, а Святослав Ольгович соединился с Юрием. Изяслав решил перейти Днепр и приблизиться к Переяславлю, под которым и встретился с полками Юрия. На рассвете 23 августа 1149 года полки сошлись, и началась злая сеча: первые побежали поршане (жители поросских городов), а за ними и киевляне; переяславцы изменили во время битвы и перешли на сторону Юрия. Между тем Изяслав с дружиной схватился со Святославом Ольговичем и с половиною полка Юрьева, проехал сквозь них и, будучи уже за ними, увидал, что собственные его полки бегут; тут он побежал и сам, переправился через Днепр у Канева и сам-третий явился в Киев. Юрий двинулся следом и стал против Михайловского монастыря. Изяслав и Ростислав спросили у киевлян: "Дядя пришел; можете ли за нас биться?" Те отвечали: "Господа наши князья! Не погубите нас до конца: отцы наши, и братья, и сыновья одни взяты в плен, другие побиты, и оружие с них снято, возьмут и нас в полон; поезжайте лучше в свою волость, вы знаете, что нам с Юрием не ужиться; где потом увидим ваши стяги, будем готовы с вами". Услышав такой ответ, Мстиславичи разъехались: Изяслав — во Владимир Волынский, Ростислав — в Смоленск, а дядя их Юрий въехал в Киев.

Приехав на Волынь, Изяслав попытался договориться с дядями Юрием и Вячеславом, но не добился успеха. Юрий осадил Луцк, простоял под ним шесть недель, но потом помирился с Изяславом при посредничестве Владимирка Галицкого. Изяслав уступил дяде Киев, а тот возвратил ему все дани новгородские. Потом князья встретились в Пересопнице у Вячеслава и здесь уговорились возвратить друг другу все захваченное после Переяславской битвы. Но когда в 1150 году Изяслав отправил тиунов своих и бояр искать в Киеве у Юрия имений и стад, то Юрий ничего не вернул. Изяслав снова вооружился, призываемый, как говорят, киевлянами. Первым делом он напал на Глеба Юрьевича, который стоял под Пересопницей, отобрал у него город, но не причинил ему никакого зла, только отослал к отцу. Из Пересопницы Изяслав поехал к черным клобукам, которые перешли на его сторону все с большой радостью. Юрий, узнав об этом, побежал в Городец Остерский, а в Киеве сел Вячеслав. Но киевляне вышли навстречу Изяславу большой толпой и стали кричать, что не хотят Вячеслава. Изяслав поехал улаживаться с дядей и с трудом уговорил его ехать из Киева в Вышгород. Но вскоре пришла весть, что к Юрию в Городец сошлись переяславцы, а также черниговские Давыдовичи и Святослав Ольгович. С запада спешил на помощь Владимирко Галицкий. Изяслав поехал в Вышгород, помирился с Вячеславом и поклялся, что отныне будет почитать его как отца. Старик размягчился и согласился вернуться в Киев. Уладив дело с дядей, Изяслав поехал опять в Киев, созвал киевлян и пошел против Владимирка. "Кто ко мне ближе, на того и пойду прежде", — говорил он. Изяслав стал у верховьев реки Ольшаницы; стрельцы начали уже перестреливаться через реку, как вдруг киевляне и черные клобуки, увидав, что галичан очень много, испугались и побежали; оставшись с одной дружиной, Изяслав также пошел назад в Киев. К счастью его,

Владимирко никак не мог поверить, что противное войско побегало без битвы, счел это хитростью и не велел своим гнаться за Изяславом, который благополучно доехал до Киева. Здесь он застал дядю Вячеслава; потолковав друг с другом, они сели вместе обедать, как вдруг пришла весть, что Юрий со всеми черниговскими князьями у Киева, и множество киевлян поехали встречать его в лодках. Видя это, Вячеслав и Изяслав сказали: "Теперь не наше время" — и ушли из Киева: Вячеслав — в Вышгород, а Изяслав — во Владимир.

Зимой Изяслав отправился опять к Киеву, куда звали его бояре Вячеславы, берендеи и киевляне. Юрий бежал за Днепр в Городец, а киевляне вышли с радостью навстречу Изяславу. Схватив Юрьеву дружину, Изяслав поехал к св. Софии, а оттуда на Ярославов двор, куда позвал на обед венгров и киевлян; было тут большое веселье. На другой день Изяслав послал приглашение дяде Вячеславу идти на великое княжение. Старик приехал и уговорился с племянником, что отныне все будут делать сообща и дружина будет у них общею.

В 1151 году обе стороны готовились к решительным действиям и собирали союзников. К Юрию в Городец пришли Владимир Давыдович Черниговский и Святослав Ольгович Северский. Другой Давыдович — Изяслав — перешел на сторону Изяслава Мстиславича. Скоро приехал в Киев и Ростислав Мстиславич со смоленскими полками. Юрий выступил с союзниками из Городка и стал у Днепра при устье Радунь. На этот раз Изяслав был осторожен и не дал неприятельскому войску переправиться через Днепр, и потому с обеих сторон начали биться в лодках от Киева до устья Десны. Юрий стал искать другой переправы и наконец сумел перейти Днепр у Заруба и пошел навстречу Владимирку Галицкому, чтобы соединиться с ним. Изяслав двинулся следом и шел буквально по пятам, у реки

Рута он настиг Юрия и принудил его начать битву. Сеча была чрезвычайно ожесточенной. Изяслав прежде всех въехал в неприятельские полки, изломал копье, получил рану в руку и в бедро и слетел с павшего коня. Наконец Юрий и его союзники бежали. Когда победители возвратились после погони на поле битвы, то увидели, что один из раненых начал привставать; толпа пеших киевлян подбежала к нему и хотела убить, как вдруг он сказал: "Я князь!" "Ну так тебя-то нам и надобно", — отвечал один из киевлян, думая, что это Юрьевич или Ольгович, и начал сечь его мечом по шлему; тогда раненый сказал: "Я Изяслав, князь ваш" — и снял шлем. Киевляне узнали его и схватили с радостью на руки, словно царя и князя своего, по выражению летописца. Во всех полках была большая радость, когда узнали, что князь жив. Изяслав был очень слаб, изошел кровью. Однако, услышав, что Изяслав Давыдович плачет над телом своего погибшего брата Владимира, собрал силы, сел на коня и поехал туда поплакать вместе. С победой Мстиславичи вместе с дядей Вячеславом вернулись в Киев и стали жить очень дружно.

В том же году Изяслав с дядей и братом Святополком ходил к Переяславлю и выгнал из него Юрия. Юрий затворился в Городце, долго отбивался, но в конце концов вынужден был помириться и уйти в свой Суздаль. В 1152 году Изяслав вместе с Изяславом Давыдовичем Черниговским захватил и сжег Городец Остерский.

Однако оставался еще один непримиримый противник — Владимирко Галицкий. В конце 1152 года Изяслав послал к венгерскому королю Гейзе звать его в поход на Галич. Гейза отвечал: "Я уже сажусь на коня и сына твоего Мстислава беру с собой; садись и ты на коня". Изяслав тотчас собрал дружину, взял с собой весь полк Вячеславы, всех черных клобуков, лучших киевлян, всю русскую дружину и пошел на Галич. За Ярославлем

встретили венгров. На другой день союзники пошли к реке Сан, где поджидал их Владимирко. Изяслав бросился со всеми своими полками вброд; венгры, видя, что русские уже переправляются, бросились также вброд, с разных сторон въехали в полки галицкие и обратили их в бегство. Владимирко бежал в Галич и стал просить мира. Изяслав не хотел мириться, но Владимирко подкупил венгерских вельмож, и те уговорили короля. После долгих споров договорились, что Владимирко отдаст Изяславу Бужск, Шумск, Тихомль, Выгошев и Гнойницу. Владимирко обещал вернуть их Изяславу, но когда полки уже покинули Галицкую волость и Изяслав разослал своих посадников, все они вернулись назад: Владимирко не пустил их ни в один из городов.

В следующем году Изяслав вновь собрался идти против галицкого князя, но пришла весть, что Владимирко умер. На галицкий стол сел его сын Ярослав Осмомысл. Тем не менее война продолжалась. Изяслав со всею своею силою явился к Тербовлю, и здесь началась злая сеча. Враги бились от полудня до вечера, когда в обеих ратях сделалось смятение: не видно было, которые победили. Изяслав прогнал галичан, а братья его бежали от них; Изяслав забрал в плен галицких бояр, а галичане — изяславовых. Время шло уже к ночи, когда киевский князь остановился с небольшою дружиной на месте боя и поднял галицкие стяги; галичане побежали к ним, думая, что здесь свои, и были схвачены; но ночью Изяслав испугался: дружины у него было мало, пленников было больше, чем дружины, а между тем из Тербовля Ярослав мог напасть на него; подумав, Изяслав велел перебить пленников, оставив только лучших мужей, и отступить назад к Киеву, потому что братья и дружина его разбежались, не с кем было продолжать поход. Был после этого плач великий по всей земле Галицкой, говорит летописец.

Этим печальным походом закончилась деятельность Изяслава Мстиславича. В

1154 году, женившись в третий раз на царице грузинской, Изяслав схоронил брата Святополка, а вскоре сам занемог и умер. Погребли его в монастыре св. Федора.

ИЗЯСЛАВ І ЯРОСЛАВИЧ (кол.6)

Из рода Рюриковичей. Сын Ярослава Первого Владимировича Мудрого и шведской королевы Ингигерды. Род в 1024 г. Кн. Туровский до 1052 г. Кн. Новгородский в 1052—1054 г. Бел. кн. Киевский в 1054—1067, 1069—1073, 1077—1078 гг.; Ж.: сестра короля польского Казимира III, кн. Гертруда († 1107 г.). † 3 окт. 1078 г.

В 1067 году полоцкий князь Всеслав Брючиславич пошел на Новгород и выгнал из него Изяславову сына Мстислава. Тогда Изяслав вместе с братьями Святославом и Всеволодом, несмотря на сильную стужу, собрал воинов и пошел на Всеслава. По пути братья взяли приступом Минск и перебили в городе всех мужчин, а женщин и детей захватили с собой как военную добычу. 3 марта обе рати встретились на реке Немизе. Шел сильный снег, тем не менее битва началась и была весьма жестокой. Много людей пало с обеих сторон, но в конце концов Изяслав победил. В июне Изяслав обманом заманил Всеслава в Смоленск, повелел схватить его и заточить в срубе в Киеве. С этого вероломного преступления начались злоключения Изяслава.

В 1068 году пришли на Русь половцы. Изяслав с братьями встретил их на реке Альте. Ночью началась сеча, и половцы одержали полную победу, а русские князья обратились в бегство. Святослав укрылся в Чернигове, а Изяслав и Всеволод — в Киеве. Но еще более зла, чем половцы, Изяславу причинили собственные подданные. Прибежав в город, киевляне устроили вече на торгу и, обратившись к князю, сказали: «Вот, половцы рассыпались по всей земле, вы-

дай, князь, оружие и коней. Мы еще побьемся с ними". Но Изяслав не послушал вече. Тогда люди обрушили гнев на своих воевод и прежде всего на воеводу Коснячка. Киевляне пошли на его двор, чтобы поквитаться с ним за поражение. Но, не застав его, стали опять совещаться и решили: "Пойдем освободим Всеслава из темницы, а потом под его руководством побьем половцев". Рассудив так, одни побежали к срубам, а другие пошли к княжескому двору. Изяслав как раз на сенах держал совет с дружиной. Пришедшие, став внизу, заспорили с князем. Тем временем киевляне сломали темницу, освободили Всеслава и тут же среди княжеского двора его провозгласили своим князем. Изяслав и Всеволод в большом страхе бежали из Киева, а люди ворвались в княжеский терем и разграбили его. И было в тот день захвачено много золота и серебра в монете и слитках.

Из охваченного восстанием Киева Изяслав отправился искать защиты к польскому королю Болеславу II. Король принял его со всеми знаками искреннего дружелюбия, как своего близкого родственника, и в 1069 году выступил вместе с ним походом на Киев. Всеслав с киевлянами двинулся было им навстречу, но возле Белгорода бросил свое войско и бежал в Полоцк.

Киевляне возвратились в Киев, устроили вече и решили просить о заступничестве двух младших Ярославичей. Святослав и Всеволод послали к Изяславу, говоря: "Всеслав бежал. Не води поляков в Киев. Здесь у тебя врагов нет". Изяслав оставил войско и с одной небольшой дружиной и Болеславом въехал в Киев. Горожане встретили его изъявлением полной покорности. Во избежание повторения восстания Изяслав перевел торг из Подола в верхнюю часть города.

В 1073 году вспыхнула распря между Ярославичами. Начало смуте положил

Святослав, который стал подговаривать Всеволода против старшего брата. Видя такое недоброжелательство к себе, Изяслав, взяв с собою всю свою казну, уехал из Киева опять в Польшу. Святослав же сел на киевском столе. В Польше Изяслав раздал польским вельможам богатые подарки, ища их поддержки. Поляки подарки взяли, но помощи не дали никакой и даже выслали его из своей страны. Оставив Польшу, Изяслав поехал в Майнц просить заступничества у врага Болеслава императора Генриха IV. Приняв от Изяслава богатые дары, Генрих в 1075 году послал в Киев к Святославу посольство во главе с епископом Бурхардом. Святослав щедро одарил императорского посла, а через некоторое время и самого императора. Обезоруженный этой щедростью, Генрих перестал покровительствовать Изяславу.

Потерпев неудачу во второй раз, Изяслав решил обратиться за помощью к самому папе Григорию VII и отправил в Рим своего сына Ярополка с письмом. Как в свое время в Майнце Изяслав обещал признать свою зависимость от императора, так и в Риме сын его обещал подчиниться апостольскому престолу. Следствием этих переговоров было то, что Григорий обратился к Болеславу с увещанием вернуть сокровища, взятые у Изяслава. Быть может, он уговаривал польского князя оказать и военную помощь Изяславу. Болеслав, наконец, и в самом деле поддержал изгнанного русского князя.

В 1076 году умер Святослав. На его место сел Всеволод. Узнав об этом, Изяслав набрал несколько польских полков и выступил с ними против Всеволода. Князья встретились на Волини и после переговоров заключили мир. Всеволод уступил Изяславу Киев, а сам остался в Чернигове.

Прошло немного времени, и Всеволод сам оказался в положении Изяслава. В 1078 году племянники Олег Святославич

и Борис Вячеславич изгнали его из Чернигова. Всеволод приехал в Киев и стал просить защиты у старшего брата. Он не ошибся в своих ожиданиях. "Брат! — сказал ему Изяслав. — Не тужи, вспомни, что со мною самим случилось. Во-первых, разве не выгнали меня и имения моего не разграбили? Потом, в чем я провинился, а был же выгнан вами, братьями своими? Не скитался ли я по чужим землям ограбленный, а зла за собою не знал никакого. И теперь, брат, не станем тужить: будет ли нам честь в Русской земле, то обоим, лишимся ли ее, то оба вместе: я сложу свою голову за тебя".

Такими словами Изяслав утешил брата и приказал собирать в поход всех — от мала до велика. Оба князя выступили вместе со своими сыновьями. Олега и Бориса не было в Чернигове, но горожане защищались с немалой отвагой. Вскоре подошли Олег с Борисом, и произошло решительное сражение у села Нежатины Нива. Была злая сеча: первым убили Бориса Вячеславича. Позже кто-то подъехал к спешившемуся Изяславу и поразил его насмерть копьем в плечо. Битва продолжалась и после его смерти, закончившись полной победой Всеволода.

Тело Изяслава в лодке привезли к Городцу, куда вышел весь Киев, переложили на сани и повезли в город. Священники и монахи провожали его с пением, но пения нельзя было слышать из-за плача и вопля великого, потому что плакал о нем весь город. Так, сопровождаемый огромной толпой, Изяслав был погребен в церкви св. Богородицы.

ИЗЯСЛАВ ЯРОСЛАВИЧ (кол.11)

Из рода Рюриковичей. Сын Ярослава Владимировича и богемской королевны. Род. в 1190 г. Кн. Великолуцкий в 1197—1198 гг. † 1198 г. Погребен в монастыре св. Георгия.

ИНГВАРЬ ИГОРЕВИЧ (кол.11)

Из рода Рязанских кн. Сын Игоря Глебовича и Аграфены Ростиславны. Кн. Рязанский в 1217—1235 гг. † 1235 г.

В 1207 году Ингварь, брат его Юрий и другие рязанские князья, приехав на съезд к Всеволоду Юрьевичу Большое Гнездо в Москву, были задержаны по доносу двоюродных братьев Олега и Глеба Владимировичей. Только после смерти Всеволода в 1212 году Ингварь и его брат вернулись в Рязань. В 1217 году тот же самый Глеб с другим братом Константином вздумал перебить всех рязанских князей, позвав их к себе на съезд. Ингварь задержался по каким-то делам и поэтому остался жив, но старший его брат, Роман, был убит. Ингварь сел княжить на его место в Рязань. В 1218 году Глеб привел половцев под Рязань, но Ингварь победил их. В следующем году, соединившись с дружиной великого князя Владимирского, Юрия Всеволодовича, Ингварь сам ходил в степь на половцев и опять одержал победу.

ИНГВАРЬ ИНГВАРЕВИЧ (кол.12)

Из рода Рязанских кн. Сын Ингваря Игоревича. Кн. Рязанский в 1238—1252 гг. † ок. 1252 г.

В 1237 году Рязанский князь Юрий Игоревич отправил Ингваря за помощью в Чернигов. В отсутствие его татары сожгли дотла Рязань. После ухода татар Ингварь вернулся в свою волость, которая представилась глазам его в виде страшной пустыни или неизмеримого кладбища. На месте городов и селений остались груды пепла и трупов. Только изредка показывались люди, которые успели спрятаться в лесах. Ингварь, собрав священников, занялся погребением мертвых. Оставив разоренную Рязань, Ингварь

сел на княжение в Переяславле-Рязанском (нынешняя Рязань).

ИНГВАРЬ ЯРОСЛАВИЧ (кол.11)

Из рода Луцких кн. Сын Ярослава Изяславича. Кн. Луцкий с 1180 г. Вел. кн. Киевский в 1202 и 1214 гг. Кн. Владимиро-Воынский в 1207 г.

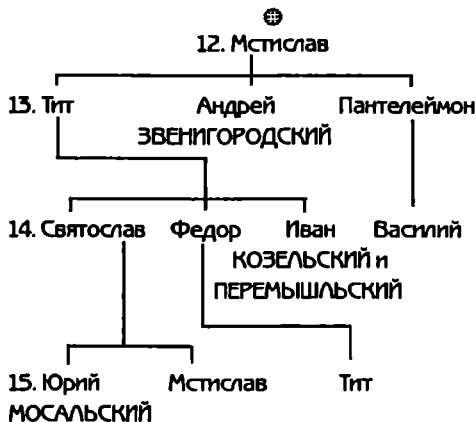

В 1202 году Роман Мстиславич, выгнав из Киева Рюрика Ростиславича, отдал Ингварю великое княжение. В следующем

году Рюрик, соединившись с черниговскими князьями и половцами, взял опять Киев. В 1207 году польские князья Лешко и Кондрат изгнали из Галича северских князей, а Владимир отдал Ингварю. Но здесь он опять сидел недолго. Бояре не полюбили его и с согласия Лешка отдали Владимир Александру Всеволодовичу Бельзскому. В 1214 году с Мстиславом Мстиславичем Удалым Ингварь выгнал Всеволода Святославича Черного из Киева. Ингварь сел на время в Киеве, но потом, когда черниговцы заключили мир, уехал обратно в Луцк.

КАРАЧЕВСКИЕ КНЯЗЬЯ

Род русских князей, ветвь *Черниговских князей*. Основан Мстиславом Михайловичем, получившим во владение г. Карачев.

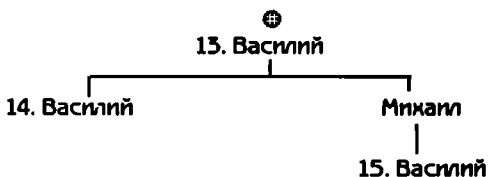

Сын Мстислава, князь Андрей, убитый в 1339 году племянником Василием Пантелеймоновичем, был родоначальником удельных *Звенигородских князей*. Сын его брата Тита, князь Святослав, был женат на литовской княжне Феодоре Ольгердовне, дочери великого князя Ольгерда. Из их сыновей, старший, князь Юрий Святославич, построил город Мосальск и сделался родоначальником владетельных *Мосальских князей*. Его брат Мстислав остался в Карачеве.

Второй и третий сыновья Тита Мстиславича — князья Иван и Федор — получили от отца Козельский удел. Иван поселился в основанном им городе Перемышле. От него пошли владетельные *Козельские и Перемышльские князья*. Его брат Федор правил в самом Козельске. Сын Федоров Тит, вероятно, упомянут под 1365 годом, когда он вместе с Олегом Ивановичем Рязанским и Владимиром Пронским разбил татарского мурзу Тогаю.

12 - 7130 Рыжов

Род русских князей, ветвь *Тверских великих князей*. Основан Василием Михайловичем.

КИЙ

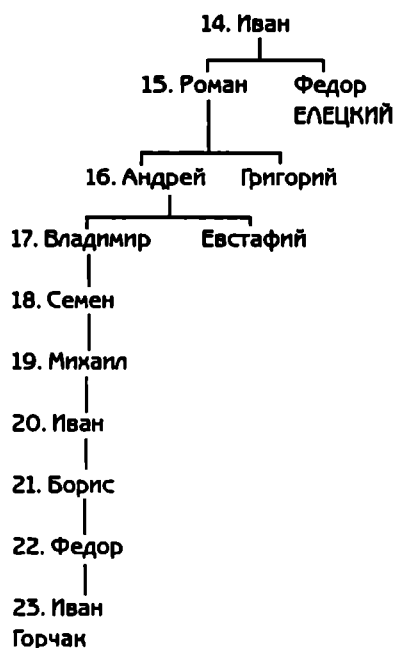
Легендарный князь полян, основатель Киева. Карамзин так передает летописный рассказ о Кие: "Братья Кий, Щек и Хорив с сестрой Лыбедью, жили между полянами на трех горах, из коих две слывут, по имени двух младших братьев, Щековицею и Хоривицею; а старший жил там, где ныне (в Несторово время) Зборичев взвоз. Они были мужи знающие и разумные, ловили зверей в тогдашних лесах Днепровских, построили город и назвали оный именем старшего брата, то есть Киевом. Некоторые считали Кия перевозчиком, ибо в старину был на этом месте перевоз и назывался Киевом; но Кий начальствовал в роде своем: ходил, как сказывают, в Константинополь и принял великую честь у царя греческого; на возвратном пути увидел берега Дуная, полюбил их, срубил городок и хотел обитать в нем; но жители Дунайские не дали ему там утвердиться и доныне именуют это место городцом Киевцем. Он скончался в Киеве вместе с двумя братьями и сестрою, а потомки его княжили среди полян".

В Ногородской Первой летописи младшего извода указан год построения Киева — 854.

КОЗЕЛЬСКИЕ И ПЕРЕМЫШЛЬСКИЕ КНЯЗЬЯ

Род русских князей, ветвь *Карачевских князей*. Основан Иваном Титовичем.

Родоначальник фамилии князь Иван Титович получил от отца половину Козельского удела (без Козельска) и поселился в построенном им Перемышле. В 1377 году он женился на дочери великого князя Рязанского Олега Ивановича, княжне Аграфене. Один из его сыновей, князь Роман, присоединил к Перемышльскому уделу вымороченный Козельский удел своего двоюродного брата Тита, а другой сын, Федор, стал княжить в Ельце, сделавшись родоначальником удельных *Елецких князей*. Потомки Романа в летописях неизвестны и перечислены только в родословных.

КОНИНСКИЕ И СПАЖСКИЕ КНЯЗЬЯ

Ветвь князей Торусских. Основан Семеном Юрьевичем.

Согласно родословным книгам, они "захудали и извелись от войн татарских". Родословным они не известны даже по име-

нам. В летописях упомянут только один князь Конинский Иван, взятый в плен литовцами при реке Суходрове в 1445 году. Князья Конинские существовали еще в XVI веке.

КОНСТАНТИН БОРИСОВИЧ (кол.13)

Из рода Ростовских кн. Сын Бориса Васильковича и кн. Муромской Марии Ярославны. Род. 30 июля 1255 г. Кн. Ростовский в 1286—1288, 1294—1307 гг. Кн. Углицкий в 1289—1294 гг. Ж.: 1) неизвестная († 1299 г.); 2) ордынка, дочь Кутлу Кортки. † 1307 г.

В 1281 году брат Дмитрий выгнал Константина из Ростова, где они до этого жили вместе. Дело едва не дошло до войны, но великому князю Дмитрию Александровичу удалось помирить братьев. В 1286 году они разделились, и Константин сел поначалу в Ростове, а в 1289 году — в Угличе.

КОНСТАНТИН ВАСИЛЬЕВИЧ (кол.13)

Из рода Суздальских и Нижегородских вел. кн. Сын Василия Андреевича. Вел. кн. Суздальский в 1332—1355 гг. Ж.: 1) дочь греческого кн. Василия, кн. Анна; 2) кн. Елена. † 21 ноября 1355 г.

В 1350 году Константин сделал своим стольным городом Нижний Новгород. Погребен в нижегородской церкви св. Спаса.

КОНСТАНТИН ВАСИЛЬЕВИЧ (кол.15)

Из рода Ростовских кн. Родоначальник *Ростовских-Борисоглебских князей*. Сын Василия Константиновича. Кн. Ростовский-Борисоглебский в 1320—1365 гг. Ж.: с 1328 г. дочь вел. кн. Московского Ивана Первого Калиты, вел. кн. Мария († 27 дек. 1365 г.). † 1365 г.

В 1320 году Константин разделил с братом Федором Ростовское княжество.

Ему досталась Борисоглебская сторона города. Умер от чумы. Погребен в Ростовском Успенском соборе.

КОНСТАНТИН ВСЕВОЛОДОВИЧ (кол.10)

Из рода Владимиро-Суздальских вел. кн. Родоначальник *Ростовских князей*. Сын Всеволода III Юрьевича Большое Гнездо и чешской королевны Марии Шварновны. Род. 18 мая 1186 г. Кн. Новгородский в 1205—1207 гг. Кн. Ростовский в 1207—1218 гг. Вел. кн. Владимирский в 1216—1218 гг. Ж.: с 1196 г. дочь кн. Смоленского Мстислава Романовича Старого, кн. Агафия († 24 янв. 1220 г.). † 2 февр. 1218 г.

В 1212 году Всеволод Юрьевич, чувствуя приближение смерти, захотел еще при жизни урядить сыновей. Он послал за Константином, желая дать ему после себя Владимира, а в Ростов послать второго сына, Юрия. Но Константин не соглашался на такое распоряжение, ему непременно хотелось получить Ростов и Владимир. «Батюшка! — велел он отвечать Всеволоду. — Если ты хочешь меня сделать старшим, то дай мне старый начальный город Ростов и к нему Владимир или, если тебе так угодно, дай мне Владимир и к нему Ростов». Всеволод рассердился, созвал бояр и долго думал с ними, как быть; потом послал за епископом Иваном и по совету с ним решил отдать старшинство младшему сыну Юрию. Сделав это важное распоряжение, Всеволод умер 14 апреля 1212 года. Вскоре после его смерти среди его сыновей началась уособица.

Константин не мог спокойно отнестись к потере старшинства; по словам летописца, он разгорелся яростью, вздвинул брови свои на брата Юрия и на всех думцев, которые присоветовали старому Всеволоду отнять у него старшинство, и тотчас же наступило сильное волнение в Суздальской земле: люди толпами стали перебегать с одной сто-

роны на другую. За Константина стояли Святослав Всеволодович и Владимир Всеволодович. Ярослав Всеволодович, напротив, целовал крест Юрию. Дважды князья сходились, но до решительной битвы так и не дошло.

Помощь к Константину пришла неожиданно. В 1216 году Мстислав Мстиславич Удалой, воевавший с Ярославом Всеволодовичем из-за Новгорода, послал к Константину боярина Яволда, приглашая его к союзу против братьев. Как и следовало ожидать, князья быстро договорились; Константин с полками пошел к Переяславлю и здесь соединился с Мстиславом. Младшие Всеволодовичи — Юрий, Ярослав, Владимир и Святослав — объединились на этот раз все против Константина. С ними была вся Суздальская земля и муромский полк. Мстислав попытался начать переговоры, но Юрий и Ярослав отвечали ему дерзко. Тогда он с трубным звоном ночью соединил свои войска с Константиновыми, которые стояли на реке Липице. С ним были смоляне, новгородцы и псковичи. 21 апреля началась битва, которая закончилась полной победой Мстислава. Всеволодовичи потеряли до 10 тысяч человек. Юрий прибежал во Владимир один, заморив трех коней, и, когда Мстислав подступил к городу, без боя выехал вон. Мстислав помирил его с Константином, который и получил великий стол после этой победы, а Юрию дал Радилов Городец на Волге.

Но слабый здоровьем Константин не долго княжил во Владимире, он чувствовал приближение смерти, видел сыновей своих несовершеннолетними и потому спешил помириться с братом Юрием, чтобы не оставить в нем для последних опасного врага: уже в следующем, 1217 году он вызвал к себе Юрия, дал ему Суздаль, обещал и Владимир по своей смерти, ода-рил многими дарами и заставил целовать крест на том, чтобы быть отцом для племянников.

Св. КОНСТАНТИН ВСЕВОЛОДОВИЧ (кол.12)

Из рода Ярославских кн. (младшей ветви). Сын Всеволода Константиновича и кн. Курской Марии Ольговны. Кн. Ярославский в 1249—1255 (или 1257) гг. † 1255 (или 1257) г. Константин был убит татарами в битве на Туговой горе. Погребен в Ярославле, в церкви св. Богородицы, подле старшего брата. По смерти Константина Ярославский удел перешел его племяннице Марии Васильевне.

КОНСТАНТИН ДАВИДОВИЧ (кол.11)

Из рода Смоленских кн. Сын Давыда Ростиславича. † 1218 г.

КОНСТАНТИН ДМИТРИЕВИЧ (кол.16)

Из рода Московских вел. кн. Сын Дмитрия Ивановича Донского и кн. Суздальской Евдокии Дмитриевны. Род. 15 мая 1389 г. Кн. Углицкий до 1433 г. † 1433 г.

В 1408 году старший брат Василий I послал Константина наместником в Новгород. Долгое время отношения между братьями были хорошими. Но когда Василий в 1419 году потребовал, чтобы братья отреклись от своих прав на старшинство в пользу племянника, сына Василия, то Константин оказал явное сопротивление. "Этого от начала никогда не бывало", — сказал он. Василий рассердился, отнял у него удел, и Константин ушел в Новгород; однако скоро уступил требованиям старшего брата и возвратился в Москву. Но и в дальнейшем Константин не очень благоволил к племяннику и явно потакал старшему брату Юрию в его борьбе с Василием II.

КОНСТАНТИН МИХАЙЛОВИЧ (кол.13)

Из рода Тверских вел. кн. Родоначальник Дорогобужских князей. Сын Михаила Александровича и кн. Ростовской Анны Дмитриевны. Род.

ок. 1303 г. Кн. Дорогобужский. Вел. кн. Тверской в 1329—1337, 1339—1345 гг. Ж.: 1) с 1320 г. дочь кн. Московского Юрия Даниловича, кн. София; 2) кн. Евдокия. † 1345 г.

В 1328 году, после тверского восстания и бегства во Псков князя Александра Михайловича, Константин в 1329 году поехал в Орду и получил ярлык на Тверское княжество. В 1337 году Александр помирился с ханом, и Константин вынужден был уступить княжество старшему брату. Псковская летопись именует Константина собирателем и восстановителем Тверской волости после татарского опустошения. Александр правил всего два года и в 1339 году был казнен в Орде. Узбек вернул Тверь Константину, но не дал ему великого княжения, которое с этих пор укрепилось за московскими князьями.

КОНСТАНТИН РОМАНОВИЧ (кол.14)

Из рода Рязанских кн. Сын Романа Ольговича. Кн. Рязанский в 1299—1301 гг. † 1305 г.

В 1301 году князь Московский Даниил Александрович появился у Переяславля Рязанского, одолел Константина, перебил много бояр и простых людей и наконец взял Константина в плен какою-то хитростью вследствие измены бояр рязанских. Даниил, по словам летописца, держал пленника в чести, хотел укрепиться с ним крестным целованием и отпустить в Рязань, однако умер, прежде чем успел исполнить это. Сын Даниила, Юрий, повел себя совсем по-другому и в 1305 году велел убить своего пленника.

КОНСТАНТИН ЯРОСЛАВИЧ (кол.11)

Из рода Владимиро-Суздальских вел. кн. Родоначальник Галицких князей. Сын Ярослава

Всеволодовича и кн. Смоленской Ростиславы Мстиславны. Кн. Галицкий в 1247—1255 гг. † 1255 г. Погребен во Владимире в храме св. Богородицы.

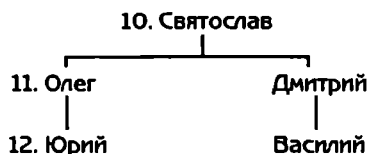
КУРСКИЕ КНЯЗЬЯ

Род русских князей, ветвь *Новгород-Северских князей*. Основан Святославом Игоревичем.

О Курских князьях после Олега Святославича летописи не упоминают. Город сильно был разорен татарами в 1237 году, и значение его упало. Вероятно, за Оле-

гом княжил его сын Юрий, потом дядя его, Дмитрий Святославич. Окончательно разорен и заброшен Курск был после разгрома его ханом Нагаем в 1278 году. Вероятно, тогда здесь княжил Василий Дмитриевич, по Любецкому синодику “убитый от татар”.

ЛЕВ ДАНИЛОВИЧ (кол.13)

Из рода Галицких князей и королей. Сын Даниила Романовича и торопецкой кн. Анны Мстиславны. Король Галицкий в 1269—1301 гг. Ж.: с 1250 г. дочь короля Венгерского Бела IV. † 1301 г.

В 1240 году, в год татарского нашествия, Лев вместе с отцом ездил в Венгрию к королю Беле IV, дочь которого Даниил хотел сосватать за своего сына. Тогда поездка эта окончилась неудачей. Лишь 10 лет спустя, когда Даниил съездил в Орду и был с почетом принят Батыем, Бела дал согласие на брак.

По смерти Даниила королевский титул перешел не Льву, а младшему Даниловичу — Шварну, которому досталась также власть над Литвой. Но Шварн умер в 1269 году бездетным. В Литве стал вновь править местный князь Воишелк. Это возбудило вражду между ним и Львом. Лев хотел быть наследником брата в Литве, а Воишелк не склонялся на его желание. Между обоими князьями готовы уже были начаться неприятельские действия, но Василько Романович, князь Волынский, предложил им съехаться вместе для примирения. Воишелк и Лев приехали к Васильку во Владимир Волынский; после обеда Василько поехал к себе домой спать, а Воишелк отправился в Михайловский монастырь, место своего временного пребывания. Вскоре туда же приехал и Лев и стал говорить Воишелку: “Кум! Попьем-ка еще!” Тот согласился, и началась опять попойка, во время которой князья поссорились, и Воишелк был убит Львом. Последний хотел было воспользоваться смертью Воишелка и захватить Литву, но не добился

успеха. Литовцы выбрали себе местного князя. Не добившись успеха в Литве, Лев попытался захватить себе волости в Польше. В 1279 году с татарскими полками и сыном Юрием он ходил к Кракову. При Гошличе, однако, поляки разбили его наголову, а в следующем, 1281 году сами вторглись в Галицкую землю.

ЛЕВ ЮРЬЕВИЧ (кол.15)

Из рода Галицких князей и королей. Сын Юрия Львовича. Кн. Луцкий и король Галицкий. † до 1324 г.

По некоторым известиям, после того как литовцы захватили Владимир Волынский (ок. 1320 года), Лев, бросив Луцк, бежал в Брянск. Луцк достался Гедемину, и бояре, собравшиеся со всей Волыни, признали его своим князем, удержав прежние права, обычаи и веру. Здесь стал править сын Гедемина Любарт, который после 1340 года овладел и всей Волынью. Сам Лев, кажется, погиб в битве с литовцами при Ирпене в 1321 году.

АЛЕКСАНДР ДМИТРИЙ

См. Дмитрий Иванович.

ЛУЦКИЕ КНЯЗЬЯ

Род русских князей, ветвь *Владимиро-Волыньских князей*. Основан Ярославом Изяславичем.

МАЛ

Один из древлянских князей, правивший в городе Искоростене. В 945 году Игорь Рюрикович Киевский, собрав с древлян дань, вернулся с половины дороги с малой дружиной, чтобы пособирать еще. Древляне же, услышав, что он идет снова, держали совет с Малом: "Если повадится волк к овцам, то выносит все стадо, пока не убьют его, — говорили они. — Так и этот: если не убьем его, то всех нас погубит". Древляне, выйдя из города Искоростеня против Игоря, убили и его самого, и дружину его. После этого древляне стали совещаться между собой и решили так: "Вот убили мы князя русского; возьмем жену его Ольгу за князя нашего Мала". И послали древляне лучших мужей своих к Ольге, чтобы сосватать ее. Замыслы древлян, однако, не увенчались успехом. Ольга перебила послов, а затем жестоко разорила Древлянскую землю. При описании этих событий имя Мала больше не упоминается.

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА (кол.13)

Из рода Ярославских кн. (младшей ветви). Дочь Василия Всеволодовича и кн. Ксении. Замужем: с 1261 г. за кн. Смоленским Федором Ростиславичем Черным, которому принесла в приданое Ярославское княжество. Умерла во время отъезда князя Федора в Орду.

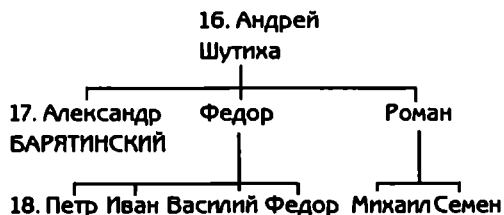
МЕЗЕЦКИЕ КНЯЗЬЯ

Род русских князей, ветвь *Торусских князей*.

Родоначальником князей Мезецких считается князь Андрей Всеволодович Шутиха, получивший в удел город Мезецк. Его старший сын Александр, княживший в Ба-

рятинске, сделался родоначальником *Баяртинских князей*. Внуки Андреевы упомянуты в связи с событиями 1487 года. Тогда кн. Михаил Романович со своей властью перешел в русское подданство и привел пленниками своего брата князя Семена Романовича, а также двоюродного брата Петра Федоровича. По мирному договору 1493 года Мезецкая волость была поделена между Россией и Литвой. В дальнейшем все Мезецкие князья оказались на русской службе.

МИКУЛИНСКИЕ КНЯЗЬЯ

Род русских князей, ветвь *Тверских великих князей*. Основан Федором Михайловичем.

МИНСКИЕ КНЯЗЬЯ

Род русских князей, ветвь *Полоцких князей*. Основан Глебом Всеславичем.

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ (кол.13)

Из рода Черниговских кн. В летописи Михаил не упомянут, но известен по Любецкому синодику. Родословие и время его правления вызывают самые противоречивые предположения. Вслед за Р.В. Зотовым полагаем Михаила внуком Рюрика Ольговича и относим его княжение к первой половине XI в. Он наследовал Михаилу Дмитриевичу.

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ (кол.14)

Из рода Тверских вел. кн. Сын Александра Михайловича. Род. в 1333 г. Кн. Микулинский в 1339—1399 гг. Вел. кн. Тверской в 1368—1399 гг. Ж.: дочь вел. кн. Суздальского Александра Васильевича, вел. кн. Евдокия († 1 апр. 1404 г.). † 26 авг. 1399 г.

#

В 1368 году московский князь Дмитрий Иванович и митрополит Алексей зазвали ласкою Михаила в Москву, якобы на третейский суд с кашинским князем, но после суда схватили его со всеми боярами и посадили в заключение. Вскоре прошел слух о приезде трех ордынских князей. Это напугало Дмитрия, и он выпустил Михаила на свободу, заставив его отказаться от части своих владений в пользу Москвы. Михаил ушел в Литву и стал упрашивать своего зятя Ольгерда, чтоб тот оборонил его, пошел войною на Москву, научил и сестру свою упрашивать мужа, и тот решился исполнить их просьбу. Ольгерд подступил к Москве, разорил все окрестности и угнал в плен множество народа.

Но Дмитрий ждал только случая, чтобы отомстить. Узнав в 1370 года, что Ольгерд занят войной с немцами, москвичи взяли и пожгли города Зубцов, Микулин, пожгли также все тверские волости и села, а людей многое множество вывели в свою землю со всем их богатством и скотом. Михаил переждал войну в Литве. Сильно опечаленный и оскорбленный вестями об опустошении своего княжества, он стал

опять кланяться Ольгерду. Зимой Ольгерд выступил походом, но отступил, так ничего и не добившись. Михаил вернулся в Тверь. В 1371 году он отправился в Орду, где получил ярлык на великое княжение. Но Дмитрий по всем городам взял присягу с бояр и черных людей не признавать тверского князя. Владимирцы не пустили к себе Михаила. Михаил, недовольный оборотом дела, повоевал Кострому, Мологу, Углич, Бежецкий Верх и возвратился в Тверь. Тем временем Дмитрий выехал в Орду и вернул себе ярлык на великое княжение.

В 1372 году Михаил, укрепившись новым союзом с литовцами, захватил Кистму, осадил Дмитров и Переяславль и взял с них откуп. Несколько дней две армии стояли друг против друга, наконец заключили мир. По договору Михаил должен был вернуть все награбленное и вывести своих наместников из захваченных городов. В 1375 году из Москвы в Тверь бежали боярин Иван Вельяминов и купец Некомат Сурожанин, от них Михаил узнал, что московское боярство недовольно Дмитрием и готово бросить Дмитрия ради Михаила. Михаил, поверив лживым словам московских беглецов, отправил Вельяминова с Некоматом к хану, а сам поехал в Литву, где пробыл малое время и возвратился в Тверь; скоро возвратился из Орды и Некомат с ханским послом и ярлыком Михаилу на великое княжение. Тогда Михаил, уверенный в помощи и с запада и с востока, послал объявить войну Дмитрию и в то же время отправил наместников в Торжок и рать в Углич.

Но помощь не приходила к нему ниоткуда, а между тем Дмитрий собрался со всею силою, двинулся к Твери и стал воевать, взял Микулин, захватил и пожег окрестные места, наконец, осадил Тверь, где заперся Михаил. Враги обнесли весь город тыном и приступили к нему со всеми силами: приставили туры, приметали примет около крепости, зажгли мост и стрельницы. Тверичи с большим трудом потуши-

ли пожар, а когда Дмитриева рать немно-го отступила от крепости, Михаил сделал удачную вылазку, посек туры и побил мно-го людей. Но этот успех не принес ему пользы: волость его была полностью опу-стошена, города Зубцов, Белгород и Го-родок взяты, он все ждал помощи из Лит-вы и от хана. Когда же последняя надеж-да угасла, Михаил отправил епископа и бояр просить мира, отдаваясь на полную волю московского князя. По условиям мира Михаил обязался считать себя млад-шим братом Дмитрия и участвовать в его походах, он обещал не искать ни велико-го княжения Московского, ни Новгорода, ни великого княжения Владимирского. Княжество Кашинское было объявлено независимым от Твери. Михаил отказал-ся от союза с Литвой и обещал воевать с ней, если та нападет на Москву.

Отказавшись от активной борьбы с Мос-квою, Михаил следующие 25 лет своего княжения посвятил внутренним делам. Ра-зоренная и обезлюдившая Тверская во-лость нуждалась в длительном мире. По словам летописца, Михаилу к концу жизни удалось добиться ее процветания: разбой-ники, воры и ябедники исчезли, о насилиях и грабежах нигде не было слышно; во-обще о Михаиле встречается в летописи такой отзыв: был он крепок, сановит и смышлен, взор имел грозный и дивный.

МИХАИЛ АНДРЕЕВИЧ (кол.12)

Из рода Суздальских и Нижегородских вел. кн. Сын Андрея II Ярославича и галицкой королев-ны Устинии Даниловны. Вел. кн. Суздальский в 1279—1305 гг. † 1305 г.

МИХАИЛ АНДРЕЕВИЧ (кол.17)

Из рода Можайских кн. Сын Андрея Дмитри-евича и кн. Стародубской Агриппины Александров-ны. Кн. Верейский и Белоозерский в 1432—1486 гг. Ж.: дочь кн. Серпуховского Ярослава Владимиро-вича, кн. Елена. † 1486 г.

Московский князь Василий II ценил вер-ность своего дяди, верейского князя, но с самого начала княжения его сына Ивана III на Михаила начали оказывать давление. В 1465 году он возвратил великому князю несколько волостей, пожалованных Васи-лием Темным, и обязался считать себя младше всех братьев великокняжеских. В 1482 году Михаил обещал, что после его смерти Белоозеро вновь вернется Москов-ским князьям. Своей уступчивостью он не давал повода Ивану проявить свой гнев и отобрать у него Верейский удел. Однако Иван все же нашел к чему придрататься. Случилось так, что у сына Михаила, Васи-лия, найдены были вещи первой жены ве-ликого князя, Марии Тверской (Василий по-лучил их в приданое за своей женой). Иван Третий велел отобрать у него женино при-даное, а Михаила за вину сына лишил Ве-рейской волости. Позже он вернул ее в виде пожалования без права передачи по наследству. После смерти Михаила Верея была присоединена к Москве.

МИХАИЛ БОРИСОВИЧ (кол.18)

Из рода Тверских вел. кн. Сын Бориса Алек-сандровича и Анастасии Александровны Шуйской. Вел. кн. Тверской в 1461—1485 гг. Ж.: 1) с 1471 г. дочь кн. Киевского Семена Олельковича, кн. Со-фия († 7 февр. 1483 г.); 2) внучка короля Польско-го Казимира IV. † после 1505 г.

Вплоть до 1484 года Михаил жил в мире с великим князем Московским Ива-ном III Васильевичем. Но в этом году в Москве узнали, что Тверской князь начал держать дружбу с Казимиром Литовским и женился на внучке последнего. По дого-вору, заключенному с Казимиром, Миха-ил обязался стоять вместе с королем про-тив всех сторон, не исключая ни одной. Это условие было нарушением прежнего договора между Тверью и Москвой, и по-этому Иван III объявил Михаилу войну.

Москвичи захватили Тверскую область, взяли и сожгли города; литовская помощь не являлась, и Михаил принужден был отправить в Москву епископа с боярами бить челом о мире. Иван дал мир. По новому договору Михаил обязался иметь московского князя и сына его старшими братьями и приравнивался к удельному князю, обязался сложить крестное целование Казимиру, впредь ни с Казимиром, ни с кем из преемников его не заключать мира и союза без ведома и думы князей Московских. Точно так же запрещались какие-либо сношения Твери с Ордой.

Заключив такой договор, Иван III и не думал уважать права побежденного. Московские бояре и слуги всюду, где могли, творили насилия и несправедливости по отношению к тверским боярам. Многие из них вынуждены были ехать служить в Москву. В таких обстоятельствах Михаил опять вступил в переговоры с Литвой. Но гонец его был перехвачен, грамота доставлена в Москву, откуда вскоре пришли в Тверь грозные, укорительные речи. Испуганный Михаил отправил тверского владыку бить челом Ивану, но тот не принял челобитья; приехал князь Михаил Холмский с челобитием — этого Иван не пустил и на глаза и стал собирать войско. В августе 1485 году он выступил на Тверь и 8 сентября осадил ее. 10-го были зажжены посады, 11-го приехали к великому князю в стан князья и бояре тверские и били челом в службу. Михаил ночью бежал в Литву, а Тверь присягнула Ивану III, который посадил здесь своего сына.

О дальнейшей судьбе Михаила известно немного. Сначала он оставался в Литве не более года и куда-то уезжал, а затем вернулся в Краков. От Казимира ему были пожалованы богатые имения.

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ (кол.14)

Из рода Кашинских кн. Сын Василия Михайловича и кн. Брянской Елены Ивановны. Род. в

1331 г. Кн. Кашинский в 1362—1373 гг. Ж.: с 1349 г. дочь вел. кн. Московского Семена Ивановича Гордого, вел. кн. Василиса. † 1373 г.

СВ. МИХАИЛ ВСЕВОЛОДОВИЧ (кол.11)

Из рода Черниговских кн. Сын Всеволода Святославича Черного и польской королевны Анастасии Каземировны. Род. ок. 1179 г. Кн. Переяславский в 1206 г. Кн. Новгородский в 1224 и 1229 гг. Кн. Черниговский в 1224—1236, 1243—1246 гг. Кн. Галицкий в 1235—1238 гг. Вел. кн. Киевский в 1238—1246 гг. Ж.: дочь кн. Галицкого Романа Мстиславича. † 20 сент. 1246 г.

В 1224 году Юрий Всеволодович, посорившись с новгородцами, не решился с ними воевать, а послал сказать: "Возьмите у меня в князья шурина моего Михаила Черниговского". Новгородцы согласились и послали за Михаилом. Князь из южной Руси был по нраву новгородцам; при нем они чувствовали себя вольготно. Но Михаил пробыл в Новгороде недолго. Он поспешил в Чернигов, чтобы занять черниговский престол, освободившийся после смерти в битве на Калке его дяди Мстислава Святославича. Прежде чем занять Чернигов, Михаилу пришлось выдержать борьбу с Олегом Святославичем Курским. Неизвестно, чем бы кончилась эта борьба, если бы на помощь к Михаилу не явился его зять Юрий Всеволодович с двумя своими племянниками, Константиновичами. Олег не мог противостоять соединенным силам суздальского и черниговского князей и должен был уступить Михаилу. Юрий помирил их с помощью митрополита Кирилла.

В 1229 году, в отсутствие Ярослава Всеволодовича, новгородцы во второй раз призвали на княжение Михаила. Михаил, услышав об их неладах с Ярославом, приехал, к величайшей радости, новгородцев и целовал им крест на всей их воле. Но сам Михаил не мог долго быть на севере. Оставив здесь сына Ростислава, он вернулся в Чернигов.

В 1231 году Михаил выступил против Владимира Романовича, хотел выгнать его из Киева, но не преуспел в этом. В 1232 году он вместе с Владимиром ходил на Даниила Галицкого. Михаил с дороги вынужден был вернуться, так как с севера на его волость напали Ярослав Всеволодович и его племянники Константиновичи. Тем временем Владимир помирился с Даниилом. В 1233 году Михаил опять подступил к Киеву, но Владимир позвал Даниила на помощь. Тот заставил Михаила отступить от Киева. Не останавливаясь на этом, князья перешли Днепр, опустошили Черниговскую волость, захватили все города по Десне и, наконец, осадили Чернигов, поставили таран и били по стене камнями. Но Михаилу удалось обмануть осаждавших, выйти из города и разбить галицкие полки. Вскоре после этого Владимир и Даниил были разбиты половцами. В 1235 году Даниила изгнали из Галича тамошние бояре и пригласили на его место Михаила. В 1238 году, прослышав, что киевский князь Ярослав Всеволодович ушел на север, бросив Киев, Михаил поспешил занять великокняжеский стол. В Галиче он оставил сына Ростислава. Тот не смог удержать города, и в том же году здесь опять сел Даниил. В 1239 году татары вторглись в южную Русь, сожгли Переяславль и Чернигов. По взятии Чернигова племянник Батыя, сын Угедея, Менгухан, приехал к Песчаному городку на левом берегу Днепра, против Киева, чтоб посмотреть на этот город. По словам летописца, татарин удивился красоте и величии Киева и отправил послов к Михаилу и горожанам, предлагая им сдаться. Но те не послушались, и послы были убиты. Кажется, это случилось против воли самого Михаила, потому что вскоре после убийства он, не дожидаясь осады, бежал в Венгрию. Дела его здесь шли неудачно. Король не захотел выдать свою дочь за его сына Ростислава и прогнал обоих от себя. Михаил с сыном отправились в Польшу к польскому князю Кондрату, дяде

Михаила. Но и здесь он не смог получить никакой помощи, и поэтому должен был мириться с Даниилом. Из Польши послали они к Даниилу, предлагая мир, и тот, забыв всю злобу, привел их к себе. Ростиславу дал Луцк, а Михаилу обещал Киев. Но Михаил, боясь татар, не смел идти в Киев и пребывал в волости Даниила, который дал ему много пшеницы, меду, быков и овец.

Боязнь Михаила была основательной. В декабре 1240 года Батый взял Киев и подверг его страшному разорению, после которого эта древняя столица уже не могла оправиться. Весть о гибели Киева послужила знаком к отъезду князей. Михаил отправился опять в Польшу к Кондрату, а Даниил — в Венгрию. Таким образом они переждали грозу и вернулись на Русь, когда Батый отправился на завоевание Европы. Михаил поехал прямо в Киев, не заезжая к Даниилу во Владимир, и поселился под городом на острове. Сын его Ростислав сел в Чернигове. Приднепровье было в страшном запустении. Все население находилось в беспрестанном страхе перед литовцами, которые в своих набегах доходили до самого Киева. Противиться им не было никакой возможности: большая часть Руси или была побита, или взята в плен татарами. Киев после Батыева опустошения сделался ничтожным городком, в котором едва насчитывалось двести домов. По окрестностям путешественники находили бесчисленное множество черепов и костей человеческих, разбросанных по полям. В 1245 году, узнав, что Ростислав наконец женился на дочери венгерского короля, Михаил поехал в Венгрию, но не получил почетного приема ни от свата, ни от сына и, рассердившись на Ростислава, поехал в Чернигов. Здесь он застал ханских баскаков, которые переписывали остаток населения и налагали на всех людей поголовную дань. Баскаки велели Михаилу ехать в Орду, говоря: "Не подобает вам жить на земле Батыя, не поклонившись ему". Михаил пус-

тился в путь, но, приехав в Орду, не захотел исполнить обязательный обряд: обратившись на юг, поклониться изображению умершего Чингисхана, говоря, что охотно поклонится хану и даже рабам его, но христианин не должен поклоняться изображению мертвого человека. Напрасно князь Борис Ростовский уговаривал его со слезами исполнить обряд, а бояре ростовские обещали принять на себя епитимью — Михаил оставался непреклонен, тем более что боярин его Федор напомнил ему увещания духовника не губить души идолопоклонством. Татары бросились избивать Михаила на глазах у ростовских князей, а один из них — русский отступник Доман — отсек ему голову. Трупы князя и боярина его Федора (он тоже был убит) были брошены на съедение собакам. Впрочем, в Житии св. Михаила сообщает, что тела были спасены и вывезены черниговцами.

МИХАИЛ ВСЕВОЛОДОВИЧ (кол.11)

Из рода Рязанских кн. Сын Всеволода Глебовича. Кн. Пронский в 1207, 1208—1217 гг. Ж.: дочь кн. Черниговского Всеволода Святославича Черного, кн. Вера. † 20 июля 1217 г.

В 1207 году Всеволод Юрьевич Большое Гнездо велел схватить приехавших к нему в Москву на съезд рязанских князей, после чего пошел с войском к Пронску. Михаил, слыша, что дядья его схвачены, испугался и убежал к тестю своему в Чернигов. Всеволод взял Пронск и пленил жену Михаила. В 1208 году Михаил с двоюродным братом Изяславом Владимировичем приходил воевать волости Всеволодова около Москвы, но был побежден сыном великого князя Юрием и спасся только бегством, потеряв всех своих людей. В том же году вместе с Олегом, Глебом и Изяславом Владимировичами Михаил приходил к Пронску против Давыда Юрьевича Муромского. Давыд пошел из

Пронска в Муром, а в Пронске сел Михаил. В 1217 году Михаил был убит на княжеском съезде вместе с Романом Игоревичем Рязанским и четырьмя другими младшими князьями по приказу Глеба Владимировича.

МИХАИЛ ГЛЕБОВИЧ (кол.13)

Из рода Белозерских кн. Сын Глеба Васильковича и татарской кн. Феодоры Сартаковны. Род. в ноябре 1263 г. Кн. Белозерский в 1278—1293 гг. Ж.: с 1278 г. дочь кн. Ярославского Федора Ростиславича Черного. Погребен в Ростовском Успенском соборе.

МИХАИЛ ДАВЫДОВИЧ (кол.15)

Из рода Ярославских кн. Родоначальник *Моложских князей*. Сын Давыда Федоровича. Кн. Моложский в 1321—1362 гг. † 1362 г.

МИХАИЛ ДМИТРИЕВИЧ (кол.12)

Из рода Черниговских кн. Сын Дмитрия Мстиславича и внук Мстислава Святославича. Кн. Черниговский.

Отец и дед Михаила были убиты в битве на Калке в 1224 году. Нигде в летописях Михаил не упомянут. Р.В. Зотов считает, что Михаил княжил в Чернигове в самом конце XIII и начале XIV века после Олега Романовича.

МИХАИЛ ДМИТРИЕВИЧ (кол.17)

Из рода Холмских кн. Сын Дмитрия Юрьевича. Кн. Холмский до 1486 г.

В 1485 году Михаил ездил в Москву челобитчиком от последнего тверского князя Михаила Борисовича, но Иван III не принял его. В том же году Иван подступил к Твери и взял ее с помощью боярской

измены. Главным крамольником летописец называет Михаила, которого после Иван III сослал в заточение в Вологду за то, что, поцеловав крест своему князю, он отступил от него. "Нехорошо верить тому, кто Богу лжет", — сказал Иван при этом случае. Холмское княжество было присоединено к Москве. Позже Михаил упомянут среди московских воевод.

МИХАИЛ ИВАНОВИЧ (кол.11)

Из рода Стародубских кн. Сын Ивана Всеволодовича. Кн. Стародубский в 1247—1281 гг.

МИХАИЛ РОСТИСЛАВИЧ (кол.13)

Из рода Смоленских кн. Сын Ростислава Мстиславича. Кн. Смоленский в 1278—1279 гг. † 1279 г.

МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ (кол.18)

Из рода Воротыньских кн. Сын Федора Юрьевича и новгород-северской кн. Марии Корибуговны. Кн. Воротыньский. Ж.: кн. Евфросиния. † до 1493 г.

✠

В 1484 году Михаил отложился от Литвы и перешел со своим уделом в московское подданство.

МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ Романов

Царь всея Руси. Род. 12 июля 1596 г. Избран царем великим Земским собором 21 февр. 1613 г. Венчался на царство 11 июля 1613 г. Ж.: 1) с 19 сент. 1624 г. дочь кн. Владимира Тимофеевича Долгорукого, кн. Мария Владимировна († 6 янв. 1625 г.); 2) с 5 февр. 1626 г. дочь Лукьяна Степановича Стрешнева, Евдокия Лукьяновна, от которой имел всех детей († 18 авг. 1645 г.). † 13 июля 1645 г.

✠

Романовы традиционно относились к числу самых знатных и древних москов-

ских родов. Родоначальник их, Андрей Иванович Кобыла, был боярином еще при Семёне Гордом. От пятого сына Кобылы, Федора Андреевича, произошли Захарьины-Юрьевы, а от них — Романовы. Первым Романовым считается Роман Юрьевич Захарьин, умерший в сане окольничего в 1543 году. Дети его были Никита Романович, боярин Грозного, и Анастасия Романовна — первая и любимая жена Грозного. Благодаря близости с царствующей династией Романовы пользовались большим влиянием среди знати и любовью в народе. Отличительной родовой чертой их были мягкость и обаяние, а также врожденное чувство справедливости (что отразилось и в народных песнях о Никите Романовиче).

По пресечении династии московских великих князей, Романовы в известном смысле могли претендовать на трон, по крайней мере, имели на него права не меньше Годуновых. Царь Борис хорошо чувствовал исходившую от Романовых

Михаил Романов.
Портрет из книги А. Олвария

опасность. Сам он, несмотря на все старания, никогда не мог похвастаться народной любовью. В 1601 году пять братьев Никитичей подверглись суровой опале. Федора Никитича, человека видного, ловкого, красивого, чрезвычайно любимого всеми, постригли в монахи и под именем Филарета послали в Антониев Сийский монастырь. Жену его Аксиныю Ивановну также постригли и под именем Марфы послали в один из заонежских погостов. Остальные Никитичи — Александр, Михаил, Иван и Василий — были разосланы в отдаленные места. Из тяжелой ссылки вернулся только один из них — Иван. Остальные не дожили до освобождения.

Маленький Михаил рано познал невзгоды. Пяти лет от роду он тоже оказался в ссылке на Белоозере вместе со своей сестрой, теткой Настасьей Никитичной и ее мужем князем Борисом Черкасским. Вскоре, правда, положение их облегчилось. Княгиню Черкасскую перевели в уезд Юрьева-Польского в отчину Федора Никитича. Годунов наказал приставу: "Чтоб дворовой никакой нужды не было; корму им давать вдоволь, покоить всем, чего не спросят, а не так бы делал, как писал прежде, что яиц с молоком даешь не помногу; это ты делал своим воровством и хитростью; по нашему указу

велено тебе давать им еды и питья вдоволь, чего захотят".

Со смертью Годунова и воцарением в 1605 году Дмитрия положение Романовых еще более исправилось. Дмитрий возвел Филарета в сан митрополита Ростовского, а его бывшей супруге Марфе и Михаилу разрешил жить в обители св. Ипатия близ Костромы. В Смутное время Марфа с сыном перебрались в Москву. В 1610 году, по смещении Шуйского, имя Михаила впервые назвали среди претендентов на русский трон. Но время для Романовых еще не пришло — к Москве приближалась польская армия Жолкевского, и предпочтение было отдано польскому королевичу Владиславу. В продолжение всего пребывания поляков в Москве, Михаил жил здесь со своей матерью. Вместе они пережили осаду Москвы первым и вторым русским ополчениями и страшный голод 1612 года, во время которого людоедство сделалось в столице обычным делом. В октябре 1612 года, сразу после взятия Кремля ополчением Минина и Пожарского, Марфа с сыном вернулись в Ипатьевский монастырь и находились там около полугода.

Между тем собравшийся в Москве Земский собор 21 февраля 1613 года после долгих споров провозгласил Михаила ца-

Михаил Романов и его отец патриарх Филарет.
Миниатюра из летописи
"Описание бракосочетания
царя Михаила Федоровича
и Евдокии Стрешневой"
XVIII в.

рем. 25 февраля разосланы были по городам грамоты с известием об этом событии, а 2 марта отправили в Ярославль послов с тем, чтобы они разыскали Михаила и привезли его в столицу. Многие области уже успели присягнуть новому государю, в то время как послы только 13 марта разыскали Михаила в Ипатьевском монастыре под Костромой. 14-го Романовы встретили бояр и рязанского архиепископа Феодорита за воротами монастыря. Когда послы объявили им, зачем присланы, Михаил отвечал им "с великим гневом и плачем", что он государем быть не хочет, а Марфа прибавила, что она не благословляет сына на царство, и оба долго не хотели войти в соборную церковь; насилу послы могли упросить их. В церкви послы подали Михаилу и его матери грамоты от собора и говорили речи по наказу, на что получили прежний ответ. Марфа говорила, что "у сына ее и в мыслях нет на таких великих православных государствах быть государем, он не в совершенных летах, а московского государства всяких чинов люди по грехам измалодушествовались, дав свои души прежним государям, не прямо служили". Послы молили и били челом Михаилу и матери его с третьего часа дня до девятого, говорили, чтоб он воли Божьей не снимал, был на Московском государстве государем. Михаил все не соглашался. Послы стали грозить ему, что Бог взыщет на нем конечное разорение государства. Тогда Михаил и Марфа сказали, что они во всем положились на праведные и непостижимые судьбы Божии. Марфа благословила сына, Михаил принял посох от архиепископа, допустил всех к руке и сказал, что скоро поедет в Москву.

21 марта новый государь выехал из Ипатьевского монастыря, но продвигался медленно. Только 2 мая он с матерью въехал в столицу, а 11 июля венчался на царствие.

***

Первые шесть лет своего правления Михаил находился под сильным влияни-

ем матери, "великой старицы" Марфы. Эта суровая и властная женщина совершенно не способна была к государственному правлению, но зато хорошо чувствовала выгоды своего сына. Именно она нашла верный тон, который взяла со своими подданными новая власть. Во всех сложных обстоятельствах обращались к поддержке Земского собора, который в эти годы фактически превратился в постоянно действующий орган и покрывал своим авторитетом все указы молодой династии. Михаилу надлежало не столько быть реальным правителем, сколько сделаться идеей, вокруг которой сплотилось бы истерзанное смутой государство. Не только в начале своего правления, когда он был еще почти ребенком, но и гораздо позже в Михаиле не видно ни малейшего желания совершать деятельные поступки. На всей его натуре лежала печать мягкой пассивности и меланхоличности, и едва ли не с первого взгляда видно в нем всякое отсутствие честолюбия и тщеславия. Набожный, уступчивый, тихий, он не столько осуществлял порядок, сколько олицетворял его. Однако, как ни удивительно, этого оказалось достаточно для того, чтобы страна, дошедшая, кажется, до полного самоубийства, не только сумела возродиться в короткий срок, но и нашла в себе силы для нового развития и роста.

В 1614 году, с казнью Заруцкого и смертью Марины Мнишек, покончено было с внутренней смутой. В 1617 году заключен был мир со Швецией, а в 1619-м — перемирие с Польшей. Первой уступили устье Невы и Карелию с Иван-городом, Ямбургом, Орешком и Карелой, второй — Смоленск, Белую и Дорогобуж. Но мир был совершенно необходим, и с этим пришлось смириться. К тому же шведы возвратили назад Новгород, а поляки выпустили из плена митрополита Филарета, отца Михаила. Последнего ожидали с великим нетерпением, и навстречу ему вышла вся столица. 14 июня 1619 года, близ речки Пресни, митрополита встретил сам

Михаил и поклонился отцу в ноги. Филарет сделал то же самое перед сыном и царем, и оба долго оставались в этом положении, не могли ни тронуться, ни говорить от радостных слез. Поздоровавшись с сыном, Филарет сел в сани, а государь со всем народом шел пешком впереди. 24 июня Филарет был посвящен в сан патриарха Московского иерусалимским патриархом Феофаном.

С возвращением Филарета Никитича в Москву начинается двоевластие: на Руси было два великих государя, Михаил Федорович и его отец святейший патриарх Филарет Никитич, и это была не одна форма; все дела докладывались обоим государям, решались обоими, послы иностранные представлялись обоим вместе, подавали двойные грамоты и подносили двойные дары. Хотя имя Михаила и стояло везде прежде имени его отца, но понятно, что при малоопытном, молодом и мягком Михаиле вся власть находилась в руках опытного и твердого Филарета.

Первой из главных забот Филарета была женитьба сына. С этим связывалось упрочение престола и спокойствие государства. В сентябре 1624 года Михаил женился на княжне Марии Долгорукой, но молодая царица в тот же год умерла. На следующий год царь женился на Евдокии Лукьяновне Лопухиной, дочери незначительного дворянина. Та вскоре родила ему сына Алексея.

Другое важное дело было связано с налаживанием финансовой системы. Заняв престол, Михаил убедился, что казна пуста, а податей никто не платит. Поначалу помогли Строгановы, давшие деньги в долг. С 1614 года стали взиматься некоторые налоги. Но еще долгие годы новый царь ощущал острую нужду в деньгах, ведь масса прежнего тяглого населения снялась с места и скиталась по всей стране, а пахотные земли лежали в запустении.

Возрождая земледелие, укрепляли (а по сути, создавали заново) класс служилых людей. Причем по необходимости

пришлось отступить от прежней разборчивости в этом вопросе. Верстали в службу дворянскую, не считаясь "с отечеством", годных людей даже из казаков, "которые от воровства отстали". Всех наделяли поместьями из дворовых и черных земель. С восстановлением поместного землевладения земледелие стало постепенно возрождаться. Но дело сильно замедлялось тем, что не хватало рабочих рук. Много сил потратили на закрепощение массы гулящего люда и обращение его в тяглое население. На это ушел почти целый век, но при Михаиле заложено было тому важное основание. Не случайно, многие историки считают, что крепостное право сложилось как государственное право именно в это время, и виной тому был не какой-то злой умысел помещиков, а податная политика государства.

Прошло много лет, прежде чем подати худо-бедно стали поступать в казну, а вместе с тем возродилось и дворянское войско. Царская власть таким образом получила реальные рычаги для управления государством. К середине 30-х годов Михаил мог уже обойтись без постоянно действующего Земского собора.

1 октября 1633 года Филарет Никитич скончался. К тому времени Московское государство окрепло настолько, что ни внешние опасности, ни внутренние язвы не могли расшатать воздвигнутого из развалин политического здания. Под конец своей жизни Филарет решился даже на войну с Польшей. Однако блестяще начавшаяся кампания завершилась тяжелым поражением русской армии. Мир, заключенный в мае 1634 года, закрепил за Польшей все земли, отобранные у России в 1619 году.

В 1639 году Михаил претерпел большое личное несчастье: в течение двух месяцев умерли два его сына. Государь занедужил. Впрочем, здоровье и раньше ему изменяло: ходьба и езда всегда утомляли царя, а "от много сиденья" ослабевал весь организм. В последние годы жизни Михаила удручала меланхолия, "сиречь

кручина". Все старания иноземных медиков помочь государю были тщетны. 12 июля 1645 года, в день своих именин, Михаил пошел к заутрене, но в церкви сделался с ним припадок, и его принесли в царские хоромы. К вечеру болезнь усилилась, он начал стонать, жалуясь, что внутренности его терзаются, велел призвать царицу и 16-летнего Алексея, простился с женой, благословил сына на царствование и ночью скончался.

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ (кол.9)

Из рода Владимиро-Суздальских вел. кн. Сын Юрия Владимировича Долгорукого и греческой царевны Ольги. Кн. Суздальский в 1154—1155 гг. Кн. Торчешский в 1161—1171 гг. Вел. кн. Владимирский в 1175, 1176—1177 гг. Ж.: кн. Феофания († 5 авг. 1202 г.). † 20 июня 1177 г.

#

В 1169 году, после изгнания Мстислава Изяславича, в Киеве сел на княжение брат Михаила Глеб. В том же году половцы стали опустошать Киевскую волость. Глеб, находившийся в Переяславле, послал против них Михаила с сотнею переяславцев и 1500 берендеев. Михаил отрезал половцам путь к отступлению и напал на них. Битва была злая, Михаил получил три раны, наконец половцы побежали, причем полторы тысячи их попало в плен.

В 1171 году, по смерти Глеба, Андрей Боголюбский предлагал Киев Михаилу, но тот не захотел туда ехать, боясь смоленских князей Ростиславичей, и отдал великий стол младшему брату Всеволоду. Ростиславичи выгнали Всеволода из Киева и пошли к Торческу, где находился Михаил. Михаил держался шесть дней, а на седьмой помирился с Ростиславичами, обещал быть с ними заодно против Андрея и Святослава Черниговского, за что Ростиславичи посулили добыть ему к Торческу Переяславль. Но когда к Киеву подошло войско Боголюбского, возглавляемое Святославом Всеволодовичем Черниговским, Михаил присоединился к нему и бился с Мстиславом Ростиславичем под

Князь Михаил Юрьевич. Роспись
Архангельского собора Московского Кремля
XVII в.

Вышгородом. После неудачного завершения этого похода Михаил не решился уже оставаться в Торческе и уехал со Святославом в Чернигов.

В 1175 году Андрей Боголюбский был убит своими боярами. Ростовцы, суздальцы и переяславцы съехались во Владимир и решили звать к себе на княжение племянников Боголюбского, Мстислава и Ярополка Ростиславичей, которые жили тогда в Чернигове вместе с младшими Юрьевичами — Михаилом и Всеволодом. Ро-

стиславичи обрадовались, но, несмотря на то, что звали их одних, не захотели ехать без дядьев Юрьевичей, сказав: "Либо добро, либо лихо всем пополам; пойдем все четверо: двое Юрьевичей, да двое Ростиславичей". Вперед поехали Михаил и Ярополк. Михаилу дали старшинство, причем все целовали крест из рук черниговского епископа. Когда князья приехали в Москву, то ростовцы, узнав, что вместе с Ростиславичем приехал Юрьевич, рассердились; они послали сказать Ярополку: "Ступай сюда", а Михаилу: "Подожди немного на Москве". Ярополк тайком от дяди поехал к Переяславлю, а Михаил, узнав, что Ростиславич отправился по ростовской дороге, поехал во Владимир и затворился здесь с одними горожанами, потому что дружина владимирская отправилась также в Переяславль по приказанию ростовцев. Здесь вся дружина целовала крест Ярополку и отправилась с ним ко Владимиру выгонять оттуда Михаила. Ко всем силам земли Ростовской присоединились полки муромский и рязанский. Окрестности были пожжены, город обложен. Однако, против ожидания, владимирцы стали крепко биться за Михаила. К этому вынуждала их явно высказавшаяся вражда старого города Ростова, который с ненавистью смотрел на свой пригород, населенный большей частью людьми простыми, ремесленниками, жившими преимущественно от строительной деятельности князя Андрея, и, несмотря на то, похитивший у старого города честь иметь у себя княжеский стол. Ростовцы и суздальцы говорили: "Пожжем Владимир или пошлем туда посадника: то наши холопы каменщики". Заодно с Владимиром были и другие новые города: переяславцы хотели также Юрьевичей и поневоле признали Ростиславичей. Семь недель владимирцы отбивались от осаждавших. Наконец голод принудил их сказать Михаилу: "Мирись либо помышляй о себе". Михаил отвечал: "Вы правы: не погибать же вам для меня", — и поехал из города назад в Чернигов; владимирцы про-

водили его с плачем великим, говорит летописец. Вместо Михаила сел Ярополк Ростиславич, который вскоре возбудил всеобщую ненависть грабежами и беззаконием.

В 1176 году владимирцы соединились с переяславцами и послали в Чернигов сказать Михаилу: "Ты старший между братьями: приходи к нам во Владимир; если ростовцы и суздальцы задумают что-нибудь на нас за тебя, то будем управляться с ними как Бог даст и святая Богородица". Михаил с братом Всеволодом и Владимиром Святославичем, сыном Черниговского князя, отправился на север, но едва успел отъехать 11 верст от Чернигова, как сильно занемог и больной приехал в Москву, где дожидался его отряд владимирцев с молодым князем Юрием Андреевичем, сыном Боголюбского. Михаил сел обедать, когда пришла весть, что племянник Ярополк идет на него. Юрьевичи собрались и пошли по владимирской дороге навстречу неприятелю, но разошлись с Ярополком в лесах.

У села Загорья Михаил встретил суздальскую дружину во главе с Мстиславом Ростиславичем. Михаил начал поскорее выстраивать свое войско, а враги шли на него со страшным криком, точно хотели пожрать его дружину, по выражению летописца. Но эта отвага была непродолжительна: когда дошло до дела и стрельцы начали перестреливаться с обеих сторон, то Мстиславова дружина, не схватившись ни разу с неприятелем, бросила стя и побежала; Михаил взял много пленных, причем мог взять и больше, но многих спасло то, что победители не могли различить, кто свои, кто чужие. Мстислав убежал в Новгород; Ярополк, узнав о его поражении, побежал в Рязань, но мать их и жены попались в руки владимирцам. С честью и славою вступил Михаил во Владимир; дружина и горожане, бывшие в сражении, вели пленников.

Скоро явились во Владимир к Михаилу послы от суздальцев. "Мы, князь, — го-

ворили они, — не воевали против тебя с Мстиславом, а были с ним одни наши бояре; так не сердись на нас и приезжай к нам". Михаил поехал в Суздаль, оттуда — в Ростов, устроил наряд людям, утвердился с ними крестным целованием, взял много даров у ростовцев и, посадив в Переяславле своего брата Всеволода, сам возвратился во Владимир. Из Владимира пошел он против Глеба Рязанского, который при власти Мстислава вывез из города много сокровищ и саму икону Божьей Матери, но Глеб, не дожидаясь войны, возвратил ему все сам. Михаил вернулся во Владимир, казнил Андреевых убийц. Потом отправился зачем-то в Городец Волжский, занемог в нем и умер. Погребли его во Владимирской соборной церкви.

МИХАИЛ ЯРОСЛАВИЧ **Хоробрит (кол.11)**

Из рода Владимиро-Суздальских вел. кн. Сын Ярослава II Всеволодовича и кн. Смоленской Ростиславы Мстиславовны. Кн. Московский в 1246—1248 гг. Вел. кн. Владимирский в 1248 г. † 1248 г.

В 1248 году, в отсутствие старших братьев, Михаил выгнал из Владимира своего дядю Святослава Всеволодовича и сам занял великокняжеский стол. Но в том же году, воюя с литвой, Михаил погиб. Тело его осталось на берегу Протвы. Епископ суздальский Кирилл велел привезти его во Владимир и похоронить в Успенском соборе.

Св. МИХАИЛ ЯРОСЛАВИЧ **(кол.12)**

Из рода Тверских вел. кн. Сын Ярослава III Ярославича и кн. Торусской Ксении Юрьевны. Род. в 1272 г. Вел. кн. Тверской в 1282—1319 гг. Вел. кн. Владимирский в 1304—1319 гг. Кн. Новгородский в 1308—1314, 1315—1316 гг. Ж.: с 1294 г. дочь кн. Ростовского Дмитрия Борисовича, кн. Анна. † 22 ноября 1319 г.

Михаил унаследовал Тверскую волость, будучи всего десяти лет. Наверно, по этой причине Тверское княжество мало участвовало в усобицах 80—90-х годов между сыновьями Александра Невского. В 1304 году умер последний сын Невского, Андрей. По старинному обычаю старшинство должно было теперь перейти к Михаилу, потому что он был внуком Ярослава Всеволодовича, а другой претендент на великое княжение — Юрий Данилович Московский — только правнуком. Узнав, что Михаил отправился в Орду за ярлыком, Юрий поехал туда же. Князья татарские сказали ему: "Если ты дашь выходу (дани) больше князя Михаила Тверского, то мы дадим тебе великое княжение". Юрий обещал дань больше Михаила, но тот надбавил еще; Юрий отказался продолжать торг, и Михаил получил ярлык.

Сейчас же по возвращении на Русь в 1305 году Михаил пошел войной на Юрия. Чем кончилась война — неизвестно. В 1308 году Михаил опять пошел к Москве, бился под ее стенами, разорял окрестности, но ушел, не взяв города. В 1313 году умер хан Тохта, и его престол занял молодой хан Узбек. Михаил поехал в Орду получать ярлык от нового хана. Воспользовавшись его отсутствием, новгородцы, которые с 1308 году принимали от Михаила наместников как от великого князя, позвали к себе Юрия. Но Михаил, как видно, жаловался хану на московского князя. Узбек вызвал того к себе, а Михаилу дал войска для усмирения новгородцев. В 1314 году Михаил подступил к Торжку и напал на новгородцев. Битва была злая, новгородцы потерпели в ней полное поражение. После этого они выплатили Твери большой выкуп, дали заложников и приняли посадника из рук тверского князя. Но в 1316 году, собравшись всей волостью, новгородцы вновь восстали против Михаила. Михаил пошел было на них, но поход сорвался из-за болезни князя и мора лошадей. На обратном пути тверское войс-

ко заблудилось в лесах и болотах, многие от голода ели конину, а оружие свое сожгли или побросали.

Тем временем Юрий Данилович жил безвыездно в Орде. За эти годы он успел не только совершенно оправдаться перед ханом, но и женился на его сестре Кончаке. На Русь он возвратился с татарскими послами, из которых главным был Кавгадый, и в сопровождении сильного военного отряда. В 1317 году Юрий и Михаил встретились на берегах Волги вблизи Костромы и заключили мир неизвестно на каких условиях. Но дело этим не кончилось. Михаил, возвратившись в Тверь, стал укреплять город, а Юрий, оставшись в Костроме, собирал отовсюду войска. Соединившись с новгородцами, он вступил в Тверскую волость, и здесь при селе Бортенево произошло кровопролитное сражение. Михаил опять остался победителем. Юрий с небольшой дружиной бежал в Новгород, но жена его, брат Борис, многие князья и бояре остались пленниками в руках победителя.

До окончательного торжества было, однако, далеко. Князья заключили договор, по которому оба соперника обязались идти в Орду и там решать свои споры; Михаил обещал также освободить жену и брата Юрия. Но Кончака не возвратилась в Москву, она умерла в Твери, и пронесся слух, что ее отравили. Узнав об этом, Юрий убил тверского посла Александра Марковича и поехал в Орду вместе с Кавгадыем. Вдвоем они стали клеветать на Михаила. Узбек рассердился и велел звать того к себе. Сыновья отговаривали Михаила от поездки и просили: "Батюшка! Не езди в Орду сам, но пошли кого-нибудь из нас, хану тебя оклеветали, подожди, пока гнев его пройдет". Михаил отвечал им: "Хан зовет не вас и ни кого другого, но моей головы хочет; не поеду, так вотчина моя вся опустошена будет и множество христиан избито; после когда-нибудь надобно же умирать, так лучше теперь положу душу мою за многие души". Разделив между сыновьями свою отчину и написав завещание,

Михаил отправился в Орду и настиг хана на устье Дона. По обычаю он отнес подарки всем ордынским князьям, ханским женам, самому хану и полтора месяца жил спокойно. Хан дал ему пристава, чтоб никто не смел обижать его. Наконец Узбек вспомнил о деле и сказал своим князьям: "Вы мне говорили на князя Михаила; так рассудите его с московским князем и скажите мне, кто прав, кто виноват". Начался суд; два раза приводили Михаила в собрание ордынских вельмож и читали обвинительные грамоты. Михаил защищался, но судьи стояли явно за Юрия и Кавгадыя; причем последний был одновременно и обвинителем, и судьей. В другой раз Михаила привели на суд уже связанного; потом отобрали у него платье, отогнали бояр, слуг и духовника, наложили на шею тяжелую колоду и повелели ехать за ханом, который отправился на охоту. По ночам руки Михаила забивали в колодки, и так как он постоянно читал Псалтырь, то отрок сидел перед ним и перевертывал листы. Орда остановилась за Тереком, на реке Севенце под городом Дедаковым, недалеко от Дербента. На дороге отроки говорили Михаилу: "Князь! Проводник и лошади готовы, беги в горы, спасай жизнь свою". Михаил отказался. "Если я один спасусь, — говорил он, — а людей своих оставляю в беде, то какая мне будет слава?"

Такую нужду Михаил терпел 24 дня. На двадцать пятый день он велел отпеть заутреню, прочел со слезами правило к причащению, исповедовался, призвал сына своего Константина, чтоб объявить ему свою последнюю волю, потом сказал: "Дайте мне Псалтырь, очень тяжело у меня на душе". Но едва начал он читать, в вежу вбежал отрок, весь бледный, и едва мог выговорить: "Господин князь! Идут от хана Кавгадый и князь Юрий Данилович со множеством народа прямо к твоей веже!" Михаил тотчас встал со вздохом и сказал: "Знаю, зачем идут — убить меня", — и послал

сына своего Константина к ханше. Юрий и Кавгадый сами не пошли к Михаилу, а отрядили убийц. Те вскочили в вежу, разогнали всех людей, схватили Михаила за колоду и ударили его об стену, так что вежа проломилась; несмотря на то Михаил поднялся на ноги, но тогда бросилось на него множество убийц, повалили на землю и били ногами нещадно; наконец один из них, именем Романец, выхватил большой нож, ударил им Михаила в ребро и вырезал сердце. Вежу разграбили, а тело мученика кинули нагим. Юрий велел своим прибрать тело и отправить его в Москву, где оно и было погребено в Спасском монастыре. Из бояр и слуг Михайловых спаслись только те, которым удалось убежать к ханше; других ограбили донага, били как злодеев и заковали в железа. Позже сыновья Михаила выпросили у Юрия тело отца и погребли его в Твери в Спасо-Преображенском соборе.

МИХАИЛ ЯРОСЛАВИЧ (кол.15)

Из рода Рязанских кн. Сын Ярослава Романовича. Кн. Пронский после 1308 г.

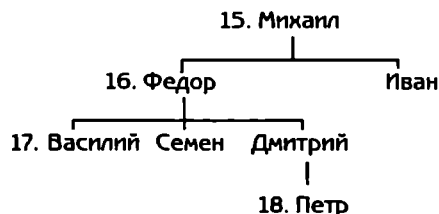
МОЖАЙСКИЕ КНЯЗЬЯ

Род русских князей, ветвь *Московских великих князей*. Основан Андреем Дмитриевичем.

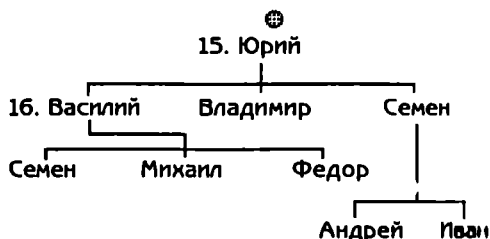
МОЛОЖСКИЕ КНЯЗЬЯ

Княжеский род, ветвь *Ярославских князей*, владевший Моложской волостью. Основан Михаилом Давыдовичем.

МОСАЛЬСКИЕ КНЯЗЬЯ

Ветвь *Карачевских князей*. Родоначальником фамилии был князь Юрий Святославич, который стал править в построенном им городе Мосальске.

Внуки Юрия — Васильевичи и Семеновичи — перешли в 1493 году в Московское подданство. Второй сын Юрия кн Владимир, в 1450 году отъехал в Польшу, и род его угас в XVII веке.

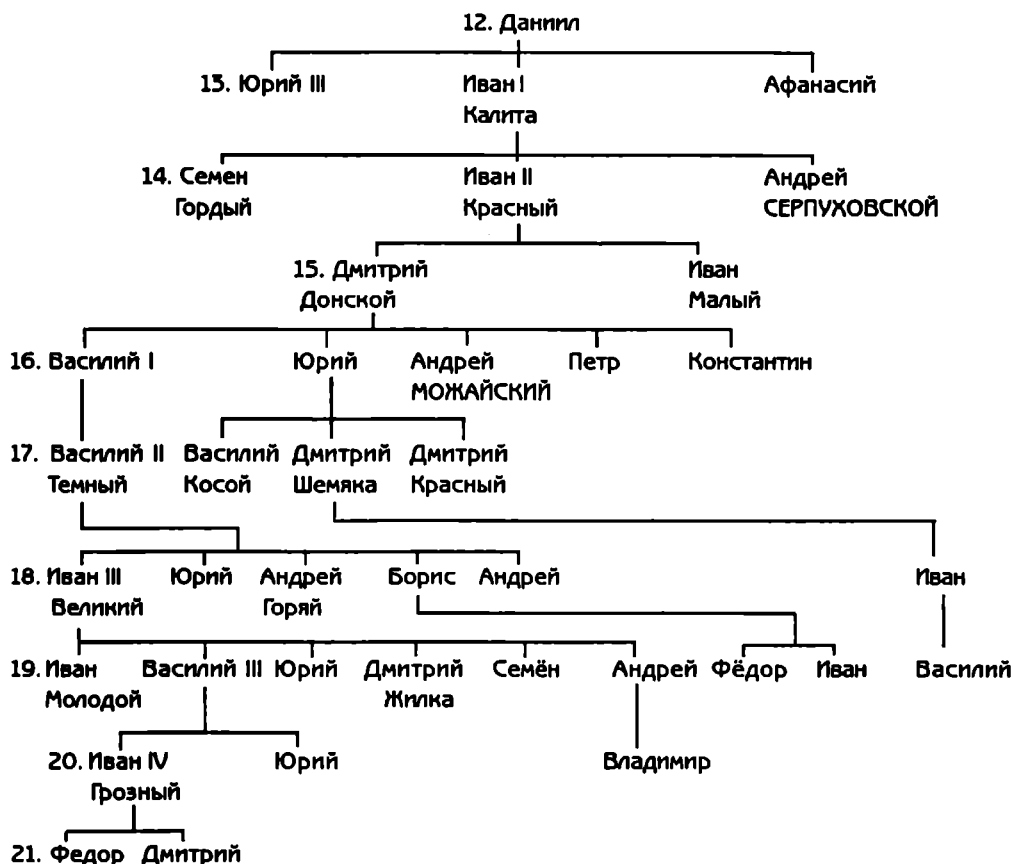
МОСКОВСКИЕ ВЕЛИКИЕ КНЯЗЬЯ

Род русских князей, ветвь *Владимиро-Суздальских великих князей*.
Основан Даниилом Александровичем.

От Московских князей произошли:

- 1) Можайские князья;
- 2) Серпуховские князья.

МСТИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ (кол.5)

Из рода Рюриковичей. Сын св. Владимира Святославича. Кн. Тмутараканский в 987—1036 гг. Кн. Черниговский в 1024—1036 гг. † 1036 г.

Матерью Мстислава летописец называет "чехиню". При распределении областей в 987 году Владимир посадил

Мстислава в Тмутаракани. В 1022 году Мстислав ходил на касогов. Касожский князь Редедя вышел ему навстречу и, когда оба полка встали друг против друга, сказал так: "Чего ради мы будем губить наши дружины? Давай сойдемся сами и поборемся. Если ты одолеешь, то возьмешь имущество мое, и жену мою, и детей моих, и землю мою. Если же я одолею, то я возьму все твое". Мстислав со-

гласился: "Да будет так". Решили бороться без помощи оружия, одними руками. И схватились оба князя, и стали бороться крепко. Долго боролись, и начал изнемогать Мстислав, так как Редедя был очень велик и силен. Тогда стал Мстислав молиться и дал обет в случае победы поставить церковь Пресвятой Богородицы. Наконец, изловчившись, он ударил Редедю о землю, а потом, выхватив нож, зарезал его. И пошел Мстислав в землю касогов, взял все имущество Редеди, жену его и детей, а на касогов возложил дань.

В 1024 году, когда Ярослав был в Новгороде, Мстислав собрал хазар и касогов и пошел с ними к Киеву. Но киевляне не приняли его. Тогда Мстислав пошел в Чернигов и сел там на княжение. Ярослав же послал за море, к варягам, и нанял там большую дружину во главе с Якуном. Мстислав ожидал Ярослава у Листвена. Перед битвой с вечера Мстислав выстроил свою дружину, так что северяне (черниговцы) оказались против варягов, а его дружина стояла на обоих крыльях. Когда настала темная ночь и началась гроза с молнией и громом, Мстислав двинулся на Ярослава, а Ярослав выступил навстречу ему. Первыми схватились варяги с северянами, и побили варяги северян. Потом пошел в наступление Мстислав со своей дружиной и начал рубить варягов, и была в темноте сеча страшная и грозная. Только при вспышках молний противники могли различать друг друга. Ярослав и Якун, видя, что терпят поражение, побежали. Ярослав укрылся в Новгороде, а Мстислав отправил

к нему послов с мирными предложениями, говоря: "Садись в своем Киеве, а мне пусть будет эта сторона Днепра". Русская земля была поделена по Днепру: Ярославу досталась западная часть, а Мстиславу — восточная. И с тех пор жили они в мире, заключает летописец. В 1036 году Мстислав вышел на охоту, разболелся и умер. После этого Ярослав завладел всей его волостью.

МСТИСЛАВ I ВЛАДИМИРОВИЧ (кол.8)

Из рода Рюриковичей. Сын Владимира Всеволодовича Мономаха и английской королевны Гиды Гарольдовны. Род. в 1076 г. Кн. Новгородский в 1088—1095, 1095—1117. Кн. Ростовский в 1095 г.,

Князь Мстислав

Белгородский в 1117—1125 гг. Вел. кн. Киевский в 1125—1132 гг. Ж.: 1) дочь шведского короля Инга Стенкальсона, королевна Христина; 2) с 1122 г. дочь новгородского посадника Дмитрия Завидовича, Любовь († 1167 г.). † 15 апр. 1132 г.

В 1088 году Всеволод Ярославич переехал своего племянника Святополка Изяславича в Туров, а на его место прислал в Новгород внука, малолетнего Мстислава. В 1096 году Мстислав ходил на Олега Святославича к Суздалью, победил его и изгнал из всех его городов.

В 1111 году Мстислав вместе со Святополком Изяславичем и отцом ходил на половцев, а чуть позже, с новгородцами, — на чудь. В 1116 году он снова пошел на чудь, взял город Оденпе, или Медвежью Голову, бесчисленное множество погостов и возвратился домой с большим полоном.

В 1125 году, по смерти отца, Мстислав сел в Киеве на великокняжеский престол. В 1127 году в союзе с другими князьями победил полоцких князей, Всеславичей, прогнал Давыда и утвердил у полочан князя Рогволода. В 1129 году все оставшиеся в живых Всеславичи вместе с детьми сосланы были в Грецию, а в Полоцк Мстислав посадил на княжение сына Изяслава. В 1132 году сам Мстислав с сыновьями и Всеволодом Ольговичем ходил на литву, а вскоре после этого похода скончался и был погребен в церкви св. Федора.

МСТИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ (кол.10)

Из рода Рюриковичей. Сын Владимира Мстиславича и венгерской королевны. Кн. Дорогобужский в 1171 г. Кн. Трепольский в 1177—1180 гг. Ж.: дочь кн. Черниговского Святослава Всеволодовича.

МСТИСЛАВ ВСЕВОЛОДОВИЧ (кол.9)

Из рода Городненских кн. Сын Всеволода Давыдовича и киевской кн. Агафии Владимировны. Кн. Городненский в 1172—1183 гг.

МСТИСЛАВ ГЛЕБОВИЧ (кол.11)

Из рода Черниговских кн. Сын Глеба Святославича и киевской кн. Анастасии Рюриковны. Кн. Черниговский в 1236—1239 гг.

В 1239 году Мстислав не сдал Чернигов Батыю без боя: черниговцы отчаянно бились с татарами в поле и на стенах. Когда же татары наконец ворвались в город, Мстислав бежал в Венгрию.

МСТИСЛАВ ДАВИДОВИЧ (кол.11)

Из рода Смоленских кн. Сын Давыда Ростиславича. Кн. Новгородский в 1184—1187 гг. † 1187 г. Погребен в церкви св. Федора.

МСТИСЛАВ ДАВИДОВИЧ (кол.11)

Из рода Смоленских кн. Сын Давыда Ростиславича. Род. в 1193 г. Кн. Смоленский в 1219—1230 гг. † 1230 г.

МСТИСЛАВ ДАНИЛОВИЧ (кол.13)

Из рода Галицких князей и королей. Сын Даниила Романовича и торопецкой кн. Анны Мстиславны. Кн. Луцкий. Кн. Владимиро-Волынский с 1289 г.

В 1288 году Владимир Василькович Волынский, умирая, передал свою волость Мстиславу. Вскоре после этого путем переговоров Мстислав приобрел у литовцев Волковыиск.

МСТИСЛАВ ИЗЯСЛАВИЧ (кол.7)

Из рода Рюриковичей. Сын Изяслава I Ярославича и польской королевны Гертруды. Кн. Новгородский до 1067 г. Кн. Полоцкий в 1069 г. † 1069 г.

В 1067 году Мстислав княжил в Новгороде и воевал с Всеславом Брячиславичем Полоцким. Новгородцы, возглавляемые Мстиславом, бились с полочанами на берегу Черехи и потерпели поражение. Мстислав бежал в Киев к отцу, а Всеслав взял и ограбил Новгород. В 1068 году после киевского восстания, когда великим князем в Киеве стал освобожденный из темницы Всеслав, Мстислав бежал вместе с отцом в Польшу и вернулся вместе с польскими полками через семь месяцев. Киевляне, смирив свою вражду, просили Изяслава забыть все обиды. Изяслав как будто внял этим просьбам, оставил поляков и пошел к Киеву только с малой дружиной, но вперед послал Мстислава. Войдя в город, Мстислав перебил 70 человек киевлян, освободивших Всеслава из темницы, а иных ослепил, других безвинно умертвил, не расследовав дела. Едва утвердившись у власти, Изяслав выгнал Всеслава из его княжества, а Полоцк отдал Мстиславу. Здесь он вскоре и умер.

МСТИСЛАВ II ИЗЯСЛАВИЧ (кол.10)

Из рода Владимиро-Волынских кн. Сын Изяслава Мстиславича. Кн. Переяславский в 1146—1149, 1151—1155 гг. Кн. Луцкий в 1155—1157 гг. Кн. Владимиро-Волынский в 1157—1170 гг. Вел. кн. Киевский в 1168—1169, 1169—1170 гг. Ж.: дочь короля Польского Болеслава III Кривоустого, королевна Святохна. † 19 авг. 1170 г.

В 1154 году, после смерти отца, Мстислав остался при своем деде Вячеславе Владимировиче до приезда дяди Ростислава Мстиславича, а потом отправился в Переяславль. Между тем, узнав о смерти своего врага, в поход выступил Юрий Долгорукий. Еще прежде него под Переяславлем появились половцы. Ростислав послал на помощь Мстиславу сына Святослава. На другой день половцы начали крепче приступать к городу, но ког-

да узнали, что к Мстиславу пришла подмога, то испугались и ушли за Сулу. Мстислав же поспешил на подмогу к дяде Ростиславу, который уже выступил в поход против Изяслава Давыдовича. Когда полки сблизились, Ростислав, увидев у Изяслава множество половцев, испугался и стал пересылаться с ним о мире. Такое недостойное поведение сильно воздосадовало Мстислава. "Так не будет же ни мне Переяславля, ни тебе Киева", — сказал он и повернул коня в Переяславль. Ростислав, оставленный племянником, был окружен половцами, разбит и едва успел бежать. Мстислав ускакал в Переяславль, взял здесь жену и уехал в Луцк.

В 1156 году Юрий Долгорукий, прогнав из Киева Изяслава Третьего, сам сел на великокняжеский престол. Первым делом он отправил Юрия Ярославича с дружиной против Мстислава. Тот прогнал Мстислава из Пересопницы в Луцк. Но и здесь Мстислав не мог долго оставаться спокойным. Юрий Долгорукий велел идти на Луцк своему зятю Ярославу Владимировичу Галицкому. Тогда Мстислав, оставив брата Ярослава в Луцке, сам ушел в Польшу за помощью. Юрий видел, что война будет долгой и что черниговские князья в любой момент готовы идти к Киеву. Поэтому через посредничество Ростислава он помирился с Мстиславом и его братом. Ярослав Изяславич лично встретился с Юрием, а Мстислав не поехал из страха, что киевский князь схватит его. Мир и в самом деле был недолгим.

В 1157 году Мстислав внезапно напал на Владимир Волынский, где княжил его дядя Владимир Мстиславич, захватил его жену, мать, все имущество, а самого прогнал в Венгрию. Юрий Долгорукий вступился за Владимира и пошел на Мстислава. Взять Владимир внезапно Юрию не удалось, он начал осаду, десять дней стоял под стенами, но без малейшего успеха. Есть даже известие, что Мстислав сделал вылазку и разбил галицкие полки. Тогда Юрий, посоветовавшись с сыновьями

и дружиной, вернулся в Киев. Мстислав шел за ним вплоть до самого Дорогобужа, поджигая села, и, говорит летописец, наделал много зла.

Воюя с Юрием, Мстислав, естественно, должен был войти в союз с его врагом Изяславом Давыдовичем Черниговским. И вот в том же году он соединился с черниговцами и со своим дядей Ростиславом готовился уже ударить на Юрия, когда пришла весть о его смерти. Изяслав Давыдович сел в Киеве, а Мстислав вскоре отошел от союза с ним и сблизился со своим прежним врагом Ярославом Галицким. Вдвоем они заняли Белгород. Желая предупредить нападение на Киев, Изяслав в 1158 году сам пошел к Белгороду и осадил его. Имея 20 000 половцев, он не сомневался в победе, но измена берендеев нарушила все планы. Берендеи вступили в переговоры с осажденными и послали сказать Мстиславу: "От нас теперь зависит, князь, и добро твое и зло; если хочешь нас любить, как любил нас отец твой, и дашь нам по городу лучшему, то мы отступим от Изяслава". Мстислав обрадовался предложению и в ту же ночь поцеловал крест, что исполнит все их желания, после чего берендеи не стали медлить и в полночь поскакали с криком к Белгороду. Изяслав понял, что произошла измена, и бросился бежать в степь к половцам. Мстислав же с союзниками вошел в Киев, захватил имущество дружины Изяславовой, отправил его к себе во Владимир Волынский и послал в Смоленск звать дядю Ростислава на Киевский престол, согласно обещанию, данному союзниками еще прежде похода.

Ростислав долго вел переговоры с племянниками и сел в Киеве лишь в 1159 году. Мстислав получил из киевских волостей Белгород, Торческ и Триполь, но жил по-прежнему во Владимире на Волыни. Война с Изяславом Давыдовичем тем временем продолжалась. В 1161 году тот вновь овладел Киевом и пошел осаждать Белгород. Мстислав по-

спешил на помощь дяде с галицкою дружиной. По дороге черные клобуки стали проситься у Мстислава ехать вперед. Мстислав отпустил их. Изяслав Давыдович, предупрежденный половцами, не видя еще Мстислава, бросился бежать, но берендеи нагнали его и убили.

Снова Ростислав получил Киев благодаря племяннику. Это обстоятельство могло привести к ссоре между князьями: Мстислав считал себя вправе предъявлять большие требования за свои услуги, тем более что он вовсе не отличался сыновней покорностью перед дядьями. Вот почему неудивительно, что вскоре после второго вступления Ростислава в Киев Мстислав выехал из этого города в сердцах на дядю. Сразу после того Давыд, сын Ростиславов, захватил Торческ, а другой Ростиславич, Мстислав, овладел Белгородом. Мстиславу Изяславичу трудно было одному бороться с дядей. В 1163 году он вынужден был помириться с ним, поскольку видел, что все остальные князья уже целовали ему крест. Ростислав возвратил племяннику Торческ и Белгород, а вместо Триполя дал Канев.

В 1168 году Ростислав умер. После его смерти оставался еще один сын Мстислава Владимировича — Владимир. Но этот князь был сыном мачехи Изяслава и, вероятно, моложе своего племянника летами. Мстислав изгнал его даже из Волыни: мог ли тот надеяться теперь на Киев? Взоры всех обратились на Мстислава, который два раза уже овладевал Киевом, два раза уступал его родному и старшему дяде, но, кроме последнего, не мог уступить никому другому. Несмотря, однако, на это, спорность прав Мстислава давали родичам его надежду, что Изяславич щедро наградит их за уступку ему старшинства, даст им все, чего они сами захотят. Князья Владимир Мстиславич и Владимир Андреевич, а также Ярослав Изяславич Луцкий и Ростиславичи целовали крест, что будут стоять заодно и возьмут у Мстислава волос-

ти по его воле. Но они сильно просчитались в своих надеждах: Мстислав не склонен был потакать никому. Получив приглашение ехать в Киев от братии Владимира Мстиславича, Рюрика и Давыда Ростиславичей, а также особое приглашение от киевлян и особое от черных клобуков, Мстислав выступил со своими полками и с галицкой помощью к Киеву, готовый вступить в бой с каждым, кто покусится на его права. Услыхав о приближении племянника, Владимир Мстиславич бросился бежать в Вышгород, где затворился вместе с Ростиславичами. Мстислав между тем вошел в Киев, урядился с братьями, дружиною и киевлянами и в тот же день отправился осаждать Вышгород; после крепких схваток между осаждающими и осажденными князья начали переговоры и уладились наконец насчет волостей, после чего Мстислав вторично вошел в Киев и сел на престоле отца своего и своих предков.

Но положение Мстислава в Киеве не могло быть прочным, несмотря на горячую любовь к нему киевлян, — слишком сильная горечь осталась в сердцах всех князей, обманувшихся в своих ожиданиях. В 1168 году Мстислав собрал в Киеве двенадцать князей с их полками и отправился в поход на половцев. Половцы бежали, бросив своих жен и детей; князья русские погнались за ними налегке по рекам Углу и Снопороду, захватили вежи, у Черного леса настигли самих половцев, прижали к лесу, многих перебили, еще больше взяли в плен; все русские воины обогатились добычею, колодниками, женами и детьми, рабами, скотом, лошадьми. Всех христиан, захваченных половцами в плен, отпустили на свободу, причем из русских полков было только двое убито и один взят в плен. В 1169 году Мстислав снова собрал всю братию в Киев и предложил новый поход в степь. Но в пути между князьями начались распри, и поход не удался. Всеобщим нерасположением южных князей к

Мстиславу воспользовался Андрей Боголюбский, предъявивший свои права на старшинство и на Киев. Едва на юге узнали о приготовлениях Андрея, князья стали сговариваться друг с другом и утвердились крестным целованием против Мстислава, объявив старшим в своем роду Андрея Юрьевича. Боголюбский выслал сына своего Мстислава и воеводу Бориса Жидиславича с ростовцами, владимирцами и суздальскими полками. К этому ополчению присоединились еще десять князей.

Все князья — противники Мстислава — соединились в Вышгороде и отсюда пошли и обступили Киев. Мстислав затворился в городе и крепко бился за него. После трехдневной осады дружины осаждавших князей ворвались в город; тогда дружина Мстислава сказала своему князю: "Что стоишь? Поезжай из города; нам их не перемочь". Мстислав послушался и побежал к Василеву; отряд черных клобуков гнался за ним, стрелял взад, побрал в плен много дружины, но самому Мстиславу удалось соединиться с братом Ярославом и пробраться вместе с ним во Владимир Волынский.

В Киеве Андрей посадил своего брата Глеба. Мстислав, однако, вскоре оправился от неудачи и прежде всего выступил против Владимира Андреевича, который был союзником Боголюбского во время его похода на Киев. С братом Ярославом и галичанами Мстислав подступил к Дорогобужу, стал биться около города, но, несмотря на болезнь Владимира Андреевича, который не мог лично распоряжаться своим войском, не смог взять Дорогобуж. Мстислав должен был удовлетвориться опустошением других, менее крепких городов Владимировых и возвратился к себе домой. Глеб Киевский, несмотря на свои обещания, не пришел на помощь Владимиру и вскоре должен был сам отбиваться от Мстислава, который вместе со своим братом Ярославом, полками галицкими, туровскими и городненскими, а также

с черными клобуками отправился к Триполю, оттуда к Киеву и беспрепятственно вошел в Киев, потому что Глеб был в это время в Переяславле. Урядившись с киевлянами, Мстислав пошел на Вышгород против Давыда Ростиславича и стал крепко биться с осажденными. Те не уступали, потому что у Давыда было много своей дружины, да и братья прислали ему помощь. Князь Глеб отправил также своего тысяцкого с отрядом; кроме того, на его стороне воевали "дикие" (то есть наемные) половцы и "свои" (то есть находившиеся на службе) берендеи, тогда как союзники Мстислава начали расходиться; первым ушел галицкий воевода Константин со своими полками. После ухода галичан Мстислав отступил к Киеву и стал перед Золотыми воротами, в огородах, а из Вышгорода выезжали половцы с берендеями и наносили большой урон его полкам. Видя, что союзники его расходятся, изнемогая от упорного боя и слыша, с другой стороны, что Глеб с половцами переправляется через Днепр, а к Давыду пришли еще вспомогательные отряды, Мстислав ушел на Волынь, выдержав по дороге перестрелку с половцами, которых Давыд послал за ним в погоню.

Вернуться еще раз в Киев Мстиславу было не суждено: в августе 1170 года он сильно разболелся и послал за братом Ярославом, чтоб урядиться с ним насчет детей своих; Ярослав поклялся, что не отнимет у них волости. После этого 19 августа 1170 года Мстислав умер. Тело его с великой честью погребли в храме Пресвятой Богородицы, который сам он построил во Владимире. Татищев пишет, что Мстислав был среднего роста, но широк плечами, лицом красен и очень крепок, что почти никто не мог натянуть его лука; что он имел кудрявые короткие волосы, любил правду, веселье и женщин, но в то же время мало спал, много читал, занимался судом с боярами и твердил детям, что честь князя состоит в правосудии и храбрости.

МСТИСЛАВ МСТИСЛАВИЧ Удалой (кол.11)

Из рода Смоленских кн. Сын Мстислава Ростиславича Храброго и рязанской кн. Кн. Торопецкий в 1181—1213 гг. Кн. Новгородский в 1210—1215, 1216—1218 гг. Кн. Галицкий в 1215—1216, 1219—1226 гг. Кн. Торческий в 1226—1228 гг. Ж.: дочь хана половецкого Котяна. † 1228 г.

Широкую славу Мстиславу принесли новгородские события. Много лет новгородцы принимали князей Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, и те правили здесь, ущемляя новгородские вольности. В 1211 году новгородцы послали в Торопец к Мстиславу с просьбой избавить Новгород от суздальских притеснений. Мстислав приехал в Новгород, был принят с большой радостью и тотчас же двинулся к Торжку, потому что Всеволод захватил новгородских купцов по своим волостям и отправил сыновей с войском к новгородским границам. Но битвы не произошло и был заключен мир. В 1212 году Мстислав с братом Владимиром вторглись в область, населенную чудским племенем торма, и по обычаю много людей захватили в плен и привели домой бесчисленное множество скота. Потом зимой Мстислав с новгородцами пошел на чудский город Медвежья Голову; чудь поклонилась, дала дань, и новгородцы невредимыми возвратились домой. Две трети дани Мстислав отдал новгородцам, одну треть — своей дружине.

В 1214 году Мстиславу стало известно, что черниговские князья притесняют его родичей Мономаховичей. Рюрик Ростиславич как раз умер, и Всеволод Святославич Чермный выгнал его сыновей и племянников из южной Руси. Мстислав созвал вече на Ярославовом дворе и стал звать новгородцев в Киев против Всеволода Чермного. Новгородцы отвечали ему: "Куда, князь, ты посмотришь, туда мы бросимся головами своими". Мстислав пошел

с ними на юг. Под Вышгородом встретил их Чермный и дал битву, в которой Мстислав с братьями одержал победу: вышгородцы отворили ворота, а Всеволод побежал за Днепр. Посадив в Киеве Мстислава Романовича, Удалой осадил Чернигов, простоял под ним 12 дней и заключил мир уже с Глебом Святославичем, так как Чермный умер.

За время отсутствия Мстислава в Новгороде значительно усилилась партия его противников — сторонников владимирской ориентации. Мстислав не стал дожидаться, пока его прогонят, но сам созвал вече на Ярославовом дворе и сказал новгородцам: “У меня есть дела в Руси, а вы вольны в князьях”. С этими словами он поехал вон, а новгородцы взяли в князья Ярослава Всеволодовича.

Дело, на которое намекал Удалой, было завоевание Галича. Польский король Лешко звал его на юг, говоря: “Ты мне брат: приходи и садись в Галиче”. Галич был тогда занят венграми, но при известии о Мстиславе те бежали. Удалой сел на галицком столе. Остальные западные князья признали его за старшего. За Даниила Романовича Мстислав выдал свою дочь Анну, верно предугадав, что, возмужав, тот затмит славой даже своего отца. Но как раз из-за Даниила Мстислав поссорился с Лешком Польским, и Лешко соединился с венгерским королем, пригласив его снова занять Галич для своего сына, зятя Лешка. Королевич Коломан пришел с сильным войском, против которого Мстислав, по нерасположению к себе бояр, с одной дружиною не мог биться. Мстислав ушел из Галича. Он хотел идти к половцам, чтобы с ними мстить венграм. Но тут до Удалого дошла весть, что севший после него в Новгороде Ярослав Всеволодович своими тягостями и жестокостью довел новгородцев до страшного голода.

Мстислав поспешил на север и приехал в Новгород 11 февраля 1216 года. Он повелел схватить Ярославова наместника Хота Григорьевича, а также всех его

дворян, въехал на двор Ярославов и целовал крест новгородцам защищать их до самой своей смерти. Новгородцы, в свою очередь, целовали крест Милославу. Множество новгородцев было, однако, заточено во Владимирской земле. Узнав об этом, Мстислав сказал: “Либо отыщу мужей новгородских и волости, либо голову положу за Новгород”. Успокоенные своим князем, новгородцы 1 марта 1216 года выступили в поход против Ярослава Всеволодовича. На реке Вазузе Мстислав догнал его двоюродный брат Владимир Рюрикович Смоленский со своими полками. Однако Мстислав не спешил начинать битву и послал к Ярославу с мирными предложениями, но тот не пожелал мириться, надеясь на свою силу. Смоленяне пошли тогда к Твери, пожгли и повоевали все встречные села. Отсюда послали они боярина к Константину Всеволодовичу в Ростов, приглашая его идти против братьев Ярослава и Юрия (Юрий Владимирский был заодно с Ярославом). Константин немедленно откликнулся на их зов, выступил им навстречу и присоединился к Мстиславу уже на реке Саре. Ярослав и Юрий поджидали врагов на Кзе. Мстислав опять послал к ним с миром. Сначала просил только возвращения пленных новгородцев и захваченных новгородских волостей. Потом потребовал, чтобы Юрий отдал Владимир Константинову. Младшие Всеволодовичи оба раза отвечали надменным отказом. 21 апреля 1216 года на реке Липица произошла решительная битва. Новгородцы, сойдя с лошадей, скинули с себя порты и сапоги и босыми бросились на врагов; смоляне побежали за ними, также пешие, а старшие князья поехали сзади на лошадях. Суздальцы не выдержали и побежали. Увидев успех своих пешцев, Мстислав сказал Владимиру Рюриковичу: “Не дай нам Бог выдать добрых людей!” И все князья разом ударили на врагов. Мстислав трижды проехал по вражьим полкам, посекая людей: был у него на руке топор

с нарезкою, которым он и рубил; князь Владимир не отставал от него, и после лютой битвы добрались наконец до обоза Юрия и Ярослава. Последние, видя, что Ростиславичи жнут их полки, как колосья, по выражению летописца, побежали вместе с муромскими князьями. Впрочем, Мстислав не велел своим преследовать беглецов, не желая пролития русской крови. На другой день союзники подступили к Владимиру и стали думать, как его брать. Тогда Юрий послал к осаждавшему князьям с челобитьем и на другой день выехал из города. Удалой отдал Владимир Константину. После этого и Ярослав стал просить о мире, и Константин помирил его с тестем Мстиславом. Мстислав забрал у Ярослава жену, свою дочь, взял пленных новгородцев и пошел назад в Новгород с великой славою.

В 1217 году Мстислав уходил в Киев, но вернулся. Дела, однако, требовали его присутствия на юге. В 1218 году Удалой созвал вече на Ярославовом дворе и сказал новгородцам: "Кланяюсь св. Софии, гробу отца моего и вам, хочу поискать Галича, а вас не забуду; дай мне Бог лечь подле отца у св. Софии". Новгородцы сильно упрашивали его остаться в Новгороде, но не смогли удержать.

Мстислав приехал на юг, нанял половцев и в 1219 году пошел на Галич, где сидел королевич Коломан. Войсками Коломана командовал воевода Филя. В тяжелой битве с Мстиславом он был разбит и попал в плен. После победы Удалой осадил Галич, венгры заперлись в мощной башне, которую Филя построил над Богородичною церковью, и там защищались, стреляя и метая камни на горожан, но в конце концов изнемогли от жажды и сдались. Одни из венгров и ляхов были перебиты, другие пленены, иные перетонули в реках, некоторых перебили сельские жители, ни один не ушел. Но известного предателя, боярина Судислава, Мстислав не только спас от казни, но и дал ему в управление Звенигород.

В 1224 году тесть Мстислава половецкий хан Котян уговорил его выступить против татар, которые тогда впервые появились в южнорусских степях. Мстислав отправился в поход вместе с Мстиславом Романовичем Киевским и Мстиславом Всеволодовичем Черниговским. На берегах Калки Удалой рассорился с союзниками и один, со своими полками, ничего не сказав двум другим Мстиславам, переправился на противоположный берег реки. Когда начался бой, половцы, не выдержав натиска татар, побежали перед врагами и потоптали станы русских князей, которые по вине Мстислава Удалого не успели еще изготавиться к бою. Это решило исход битвы в пользу татар. Сам Удалой успел бежать в свою волость, но оба его тезки были разбиты и нашли конец на берегах Калки вместе со множеством простых воинов.

В следующие годы Мстислава занимали войны с зятьями: сначала он рассорился и воевал с Даниилом Романовичем (в 1225 году). Потом поднялся на него венгерский королевич Андрей, посаженный Мстиславом в Перемышле (в 1226 году). С венграми соединились поляки. Король с сильным войском стал захватывать галицкие города, но под Звенигородом потерпел сильное поражение от Мстислава и поспешил уйти назад в свою землю. Андрею помог боярин Судислав. Он не только помирил Мстислава с зятем, но и уговорил отдать ему Галич. Бояре говорили: "Князь! Сам ты не можешь держать Галич: бояре не хотят тебя; если отдашь его королевичу, то можешь взять его у него, когда захочешь; если же отдашь Даниилу, то уже никогда Галич не будет твоим, потому что народ крепко любит Даниила". Мстислав исполнил желание бояр, отдал королевичу Андрею Галич, а сам взял Понизовье и уехал в Торческ, потом раскаялся, хотел помириться с Даниилом, но бояре так и не дали им договориться. В 1228 году старый князь поехал из Торческа в Киев, забо-

лел в пути и умер, успев постричься в схиму. По известию польского историка, тело его было погребено в Киеве, в церкви св. Креста, им построенной.

МСТИСЛАВ РОМАНОВИЧ Старый (кол.11)

Из рода Смоленских кн. Сын Романа Ростиславича и новгород-северской кн. Кн. Псковский в 1178—1195 гг. Кн. Смоленский в 1197—1213 гг. Кн. Белгородский в 1206 г. Вел. кн. Киевский в 1214—1224 гг. † 1224 г.

В 1195 году Давыд Ростиславич Смоленский, услышав, что Олег Святославич Черниговский опустошает Смоленскую волость, выслал против него племянника Мстислава. Мстислав напал на Олега, потоптал его стяги, но в то время как Мстислав получил успех на одном фланге, смоленский тысяцкий Михайло потерпел поражение от полочан — союзников киевского князя. Мстислав, возвращаясь после преследования побежденного Олега, встретил победителей полочан; думая, что это свои, спокойно въехал в их ряды и был взят в плен. В 1197 году Всеволод Юрьевич, помирившись с Ярославом Всеволодовичем Черниговским, выговорил в качестве одного из условий освобождение Мстислава. Мстислав поехал в Смоленск и в том же году наследовал эту волость после смерти дяди Давыда.

В 1206 году с дядей Рюриком Ростиславичем и другими князьями Мстислав ходил на Галич. Но своих родичей посадили в Галич не смоленские князья, а Всеволод Святославич Чермный. Возвратившись из этого похода, Всеволод прогнал Рюрика из Киева. Рюрик уехал в Овруч, а Мстислав укрылся в Белгороде. В 1207 году Всеволод окончательно утвердился в южной Руси, прогнав смоленских князей из Треполя, Белгорода и Торческа. Только спустя семь лет, уже после смерти Рюрика, Мстислав, объединившись с Мстиславом Мстиславичем Удалым, сумел взять ре-

ванш у черниговских князей. В 1214 году оба Мстислава со смолянами и новгородцами повоевали всю черниговскую волость, взяли на щит Речницу и многие другие города, под Вышгородом встретились с Чермным и дали битву. Черниговцы были разбиты. Всеволод бежал за Днепр и вскоре умер. В Киеве сел княжить Мстислав Старый.

В 1224 году двое полководцев Чингисхана, Джебе и Субэдэй, прошли между Каспийским морем и Уральскими горами, захватили земли ясов, обзоров и вошли в Половецкую землю. Это было первое появление татар в южнорусских степях. Хан Котян, тесть Мстислава Удалого, стал умолять своего зятя и других русских князей о помощи. Он говорил князьям: "Нашу землю нынче отняли татары, а вашу — завтра возьмут. Защитите нас; если же не можете нам, то мы будем перебиты ныне, а вы — завтра". Князья съехались в Киев на совет и после долгих совещаний наконец согласились идти на татар, говоря так: "Лучше нам принять их на чужой земле, чем на своей".

Когда русские полки собрались, князья переправились за Днепр. Отсюда восемь дней войско шло до реки Калки, где встретились с татарскими сторожами; после короткой схватки татары отъехали прочь, а Мстислав Удалой велел своим полкам перейти реку, за ним перешло остальное войско и расположилось станом. Удалой выехал из стана, посмотрел на татар, а возвратившись, велел поскорее вооружаться своим людям, тогда как другие два Мстислава — Мстислав Романович Киевский и Мстислав Святославович Черниговский — сидели спокойно в стане, ничего не зная: Удалой не сказал им ни слова из зависти, потому что, говорит летописец, между ними была большая распря. Галичане и волынцы вместе с половцами ударили на татар. Русские стали было теснить врага, но тут половцы побежали и потоптали станы русских князей, которые по вине Мстислава Удалого не успели еще

изготовиться к бою. Это решило дело в пользу татар: русские потерпели поражение, какого, по словам летописца, не бывало от начала Русской земли.

Мстислав Старый, видя беду, не двинулся с места, он стоял на горе над рекой Калкой; место было каменистое, русские огородили его кольем и три дня отбивались из этого укрепления от татар, которых оставалось тут два отряда с воеводами Чигирканом и Ташуканом, потому что другие татары бросились в погоню к Днепру за остальными русскими князьями. С татарами были бродники с воеводою своим Плоскиней; последний поцеловал крест Мстиславу и другим князьям, что если они сдадутся, то татары не убьют их, но отпустят за выкуп. Князья поверили, сдались и были задушены насмерть — татары положили их под доски, на которые сели обедать. Шестеро других князей погибло во время бегства к Днепру.

МСТИСЛАВ РОСТИСЛАВИЧ Храбрый (кол.10)

Из рода Смоленских кн. Сын Ростислава Мстиславича. Кн. Белгородский в 1161, 1171—1173 гг. Кн. Смоленский в 1175—1177 гг. Кн. Новгородский в 1179—1180 гг. Ж.: 1) дочь кн. Рязанского Глеба Ростиславича; 2) неизвестная. † 11 июля 1180 г.

В 1171 году, после того как в Киеве сел на княжение его старший брат Роман, Мстислав получил Белгород. В 1173 году Андрей Боголюбский рассорился с Ростиславичами и велел им ехать прочь из Русской земли. Роман послушался и поехал княжить в Смоленск, но трое остальных Ростиславичей въехали тайно ночью в Киев, схватили княжившего там Всеволода Юрьевича, всех его бояр и посадили княжить в Киеве своего брата Рюрика. Узнав об этом, Андрей распалился гневом, призвал своего мечника Михна и наказал ему: “Поезжай к Ростиславичам и скажи им: не ходите по моей воле, так

ступай же ты, Роман, в Смоленск к брату, в свою отчину; Давыду скажи: ты ступай в Берлад; а Мстиславу молви: ты всему зачинщик, не велю тебе быть в Русской земле”. Мстислав, по словам летописца, смолodu не привык бояться никого, кроме одного Бога: он велел Андрееву послу остричь перед собою голову и бороду и отослать его назад к Андрею с такими словами: “Ступай к своему князю и скажи ему от нас: мы до сих пор почитали тебя, как отца, по любви, но если ты прислал к нам с такими речами, не как к князю, но как к подручнику и простому человеку, то делай, что замыслил, а Бог нас рассудит”. Андрей изменился в лице, когда услышал от Михна ответ Мстиславов, и велел тотчас же собирать войско. Всего под его рукой собралось до 50 тысяч человек, Андрей послал с ними своего сына Юрия и воеводу Бориса Жидославича с таким приказом: “Рюрика и Давыда выгоните из моей отчины, а Мстислава схватите и, не делая ему ничего, приведите ко мне”. К огромной суздальской рати, по мере ее продвижения на юг, стали присоединяться другие князья, всех князей собралось больше двадцати. Они перешли Днепр и въехали в Киев беспрепятственно, потому что Ростиславичи не затворились в этом городе, но разъехались каждый в свои прежние волости. Рюрик затворился в Белгороде, Мстислав с Давыдовым полком затворился в Вышгороде. Командовавший союзной ратью Святослав Всеволодович отрядил к Вышгороду Всеволода Юрьевича с Игорем Святославичем Северским и другими младшими князьями. Каждый день делались приступы; Мстислав много терял своих воинов убитыми и ранеными, но не думал о сдаче. Таким образом, девять недель стояли князья под Вышгородом, когда явился Ярослав Изяславич Луцкий со всею Волынской землею. Он пришел искать себе старшинства, но Ольговичи не хотели уступить ему Киева. Тогда Ярослав завел переговоры с Ростиславичами: те усту-

Патриарх Никон у ложа
больного царя Алексея
Михайловича. Миниатюра.
XVIII в.

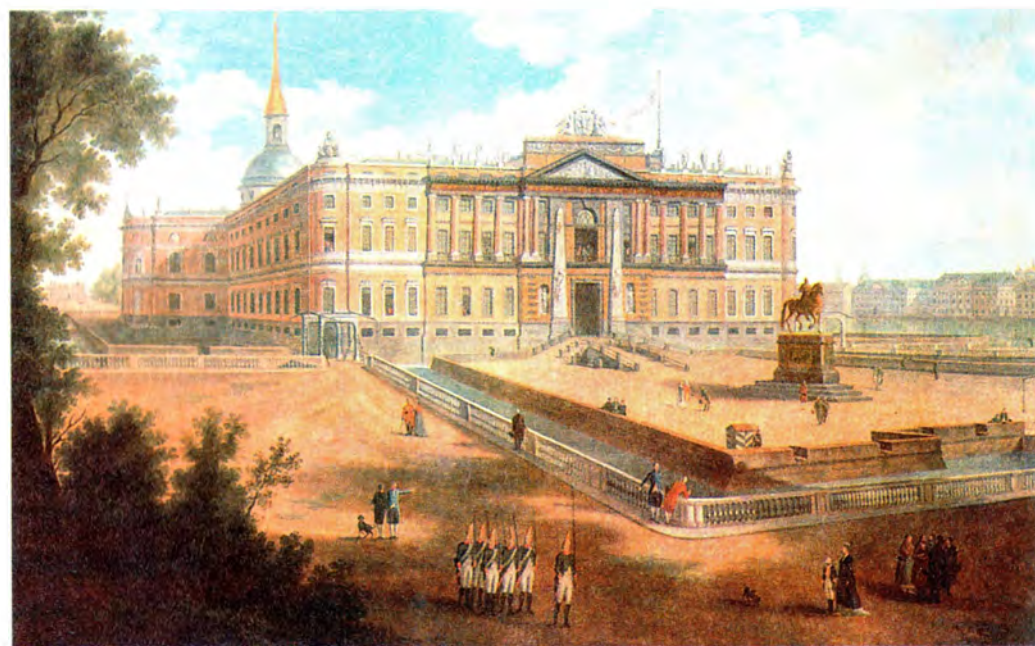

Петр I в битве при Лесной.
С картины Ж.М.Натье. 1717

Лансере Г.Е. Императрица Елизавета Петровна в Царском селе. 1905

Михайловский замок в Петербурге, где был убит Павел I

Левицкий Д.Г. Екатерина II – законодательница в храме богини Правосудия. 1783

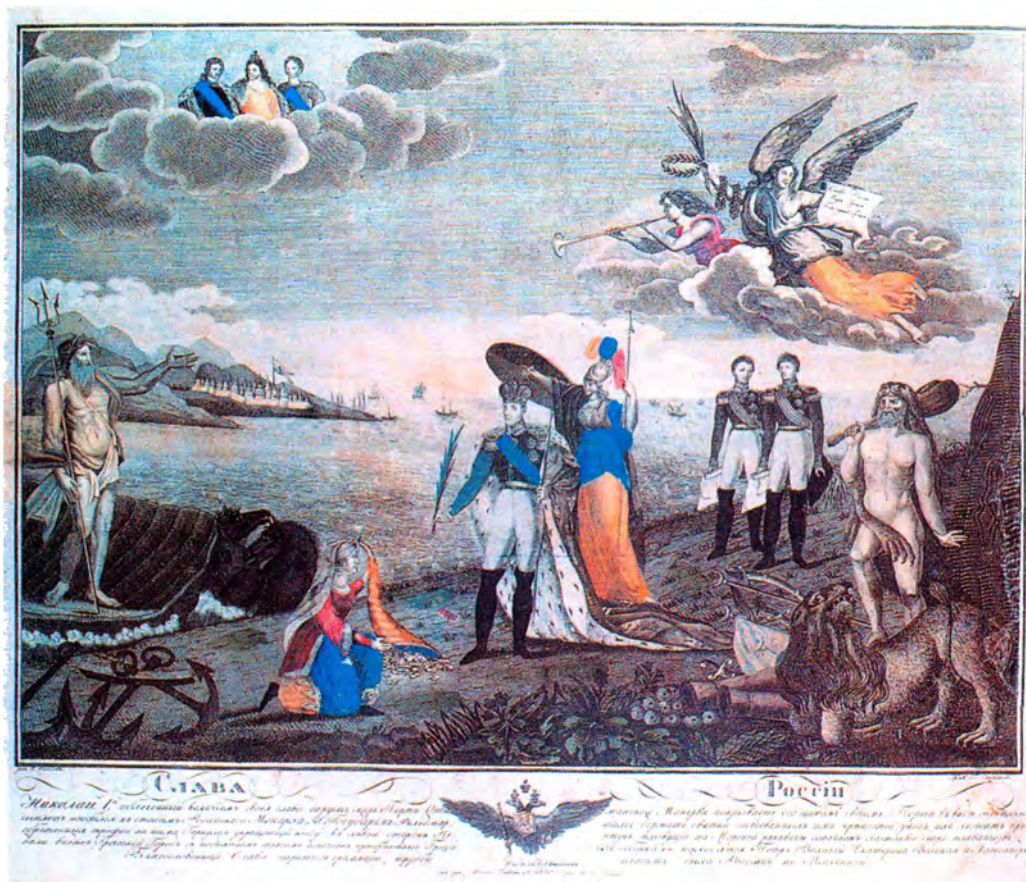

Дворцовая площадь и Александровская колонна в Санкт-Петербурге

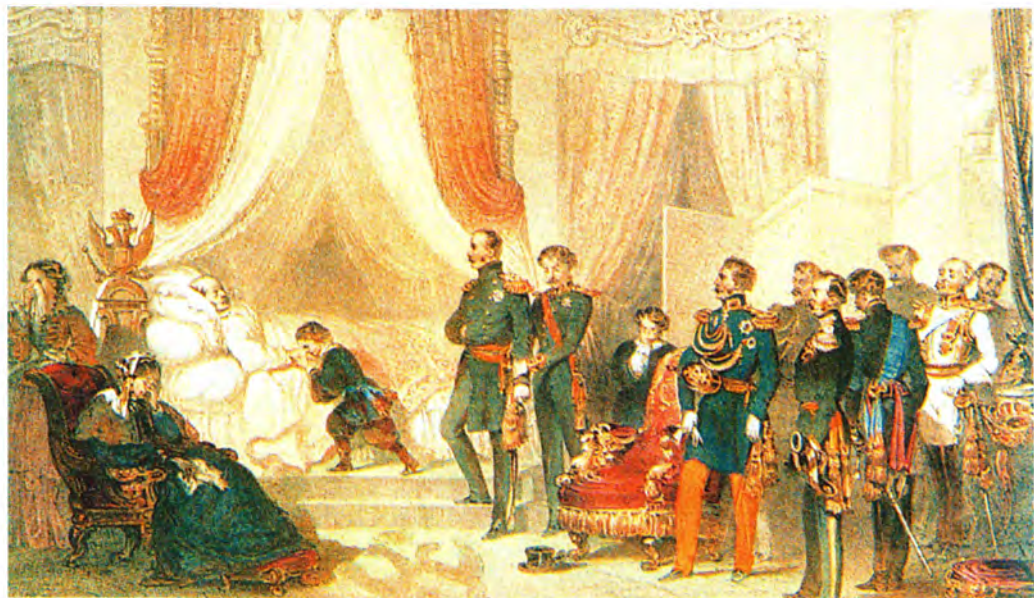

Вступление русских
войск в Париж.
1810-е гг.

Слава России. Аллегорическое изображение Николая I. 1830

Кончина императора Николая I 12 марта 1855 г.

Сверчков Н.Е. Александр II на верховой прогулке. 1876

Коронация Александра III и Марии Федоровны в Успенском соборе Московского Кремля 8 сентября 1882 г.

СВЯТЫЙ ЦАРСТВЕННИН

СВЯТЫЙ НИКОЛАЙ

СТРАСТОУТЕРПНИЦЫ

СВЯТЫЕ БАЛЛА
СВЯТЫЕ МАРИА
СВЯТЫЕ АННА

СВЯТАЯ АННА

СВЯТАЯ ТАРИНА
СВЯТАЯ АННА

Икона Царственных Мучеников. 2002

пили ему Киев, и он отправился к Рюрику в Белгород. Страх напал на Андреевых союзников, они говорили, что Ростиславичи непременно соединятся с галичанами и черными клобуками и нападут на них. В войске наступило страшное смятение, и, не дождавшись света, все бросились переправляться через Днепр, причем много людей утонуло. Мстислав, увидев всеобщее бегство, выехал с дружиной из Вышгорода и ударил на неприятельский стан, где взял много пленников.

Через два года смоляне прогнали Романова сына Ярополка из Смоленска, и Мстислав поехал княжить на его место. В 1177 году он ходил на помощь Роману, которого выгнал из Киева Святослав Всеволодович. Тогда же Роман отказался от великого княжения и вернулся княжить в Смоленск, а Мстислав поехал княжить в Новгород. Впрочем, решился он на это не сразу и не вдруг. Когда новгородцы позвали его в первый раз, он отказался, сказав: "Не могу выйти из моей отчины и разойтись с братьями". Мстислав всеми силами старался, говорит летописец, трудиться для отчины своей, всегда стремился к великим делам, думая думу с друзьями своими, желая быть верен своему происхождению, своему значению княжескому. Но братья и дружина уговаривали его идти в Новгород, они говорили ему: "Если зовут тебя с честью, то ступай, разве там не наша же отчина?" Мстислав пошел, но положил на уме: "Если Бог даст мне здоровья, то вернусь в Русскую землю". Сразу по прибытии в Новгород он отправился на чужд; собрал новгородское войско и, считая его, нашел 20 000 человек; с такими-то сильными полками вошел он в Чудскую землю, пожег ее всю, набрал в плен челяди и скота и возвратился домой с победою, славою и честью великою, по словам летописца. По возвращении в Новгород Мстислав крепко занемог, потерял все силы, едва мог говорить; чувствуя, что должен скоро умереть, он взглянул на дружину свою, потом на княгиню, вздохнул глу-

боко, заплакал, поручил детей своих братьям Рюрику и Давыду и умер. Новгородцы похоронили его в той же гробнице, где лежал первый князь, умерший у них, Владимир Ярославич, основатель Софийского собора. Плакала по Мстиславе вся земля Новгородская, говорит летописец. По свидетельству того же летописца, Мстислав был среднего роста, хорош лицом, украшен всякою добродетелью и благонравен. За отчину свою он бился от всего сердца, дружину любил и не щадил для нее имения. Не было уголка на Руси, где бы его и не любили и не хотели видеть своим князем; сильно горевали братья, услышав о его смерти, плакала по нем вся Русская земля и даже черные клобуки, которые не могли забыть его заботы о них.

МСТИСЛАВ РОСТИСЛАВИЧ Безокий (кол.10)

Из рода Владимиро-Суздальских кн. Сын Ростислава Юрьевича. Кн. Новгородский в 1160—1161, 1177, 1177—1178 гг. Кн. Ростовский в 1175—1176 гг. Ж.: с 1175 г. дочь новгородского посадника Якуна Мирославича. † 1178 г.

В 1169 году вместе с войском Андрея Боголюбского Мстислав ходил выгонять из Киева Мстислава Изяславича, а в 1173 году — Рюрика Ростиславича. Когда Андреева огромная рать бежала из-под Киева, Мстислав, его брат Ярополк, а также их дядя — Михаил и Всеволод Юрьевичи — пришли в Чернигов к Святославу Всеволодовичу. Здесь в 1175 году их застала весть об убийстве Андрея Боголюбского. Послы из Ростовской земли сказали Ростиславичам: "Ваш отец добр был, когда жил у нас; поезжайте к нам княжить, а других не хотим". Ростиславичи отвечали: "Помоги Бог дружине, что не забывает любви отца нашего", но, несмотря на то, что звали их одних, не захотели ехать без дядьев Юрьевичей и сказали: "Либо добро, либо лихо всем нам: пойдем все четверо: Юрьевичей двое, да Ростиславичей двое". Впе-

ред поехали Михаил и Ярополк. Ростовцы и суздальцы взяли на княжение одного Ярополка, а Михаил заперся во Владимире, семь недель отбивался от племянников, но потом поневоле поехал обратно в Чернигов. После этого Мстислав сел в Ростове, а Ярополк — во Владимире.

В 1176 году владимирцы, возмущенные своеволием Ярополка, вызвали к себе опять Михаила. Ярополк вышел ему навстречу, но разминулся в лесах. Мстислав поспешил на помощь брату и у села Загорье столкнулся с Михайловой ратью. Ростовцы и суздальцы в бронях и с развернутыми стягами бросились в битву, но после первого же столкновения позорно бежали. Мстислав убежал в Новгород и сел княжить здесь. Едва успел он жениться на дочери старого Якуна Мирославича, как пришла весть о смерти Михаила, и ростовцы опять позвали его к себе: "Ступай, князь наш: Михаила Бог взял, а мы хотим тебя, другого не хотим". Мстислав приехал на их зов, собрал ростовцев, всю дружину, и отправился с ними ко Владимиру против другого дяди Всеволода Юрьевича. На Юрьевском поле за рекою Кзюю произошла битва: владимирцы опять победили с ничтожною для себя потерей. Мстислав бежал сперва в Ростов, а оттуда — в Новгород. Новгородцы, однако, не приняли его назад, а послали сказать: "Как тебя позвали ростовцы, так ты ударил Новгород пятою, пошел на дядю своего Михаила; Михаил умер, а с братом его, Всеволодом, Бог рассудил тебя; зачем же к нам идешь?" Не принятый новгородцами, Мстислав поехал к зятю своему Глебу Рязанскому и стал подстрекать его к войне со Всеволодом. Глеб выступил в поход, пожег окрестности Владимира и на реке Колакше встретился с Всеволодовой ратью. Когда начался бой, Мстислав первый обратился в бегство, но владимирцы догнали его. Захватили в плен также Глеба, а немного погодя сами рязанцы выдали Ярополка Ростиславича. Владимирцы несколько дней ждали суда над ненавистными им князьями, а потом стали подступать к Все-

володу, говоря: "Князь! Мы тебе добра хотим и головы за тебя складываем, а ты держишь врагов своих на свободе. Либо казни их, либо ослепи, либо отдай нам". Всеволоду не хотелось исполнять этого требования, и для утешения мятежа он велел только посадить пленников в тюрьму. Здесь они протомились более года. Тем временем Святослав Всеволодович и Мстислав Ростиславич Храбрый стали хлопотать за пленников. Владимирцы, видя, что идут переговоры об их освобождении, собрались опять большой толпою, пришли на княжий двор и стали говорить Всеволоду: "До чего их еще держать? Хотим ослепить их". Всеволоду очень не нравилось это требование, но делать было нечего. Ростиславичей ослепили или, по крайней мере, сделали вид, что ослепили, и отослали в Смоленск. В Смоленске, в церкви св. Бориса и Глеба они вдруг прозрели. Татищев пишет, что Всеволод для утешения мятежа велел только разрезать пленникам кожу на веках, а народу объявил, что выколол глаза. Ростиславичей тотчас посадили на телегу и провозили до Смоленска. В следующем, 1177 году Мстислав благодаря своему тестю Якуну все же был принят новгородцами. В 1178 году он умер и был положен в притворе Софийского собора.

МСТИСЛАВ СВЯТОПОЛКОВИЧ (кол.8)

Из рода Рюриковичей. Сын Святополка II Изяславича, прижитый от наложницы. Кн. Владимир-Волынский в 1099 г. † 12 июля 1099 г.

В Киево-Печерском патерике в Житии преп. Феодора и Василия рассказывает, что инок Феодор нашел в своей пещере множество серебра и драгоценных сосудов; он хотел сперва уйти с ними, но затем раскаялся и зарыл их. Мстислав, узнав об этом, велел мучить Феодора и требовать, чтобы тот отдал сокровища ему. Когда же его пытались унять, он пустил стрелу в блаженного Василия и ра-

нил его. Василий вынул стрелу из своего тела, бросил ее к ногам князя и предрек, что Мстислав скоро сам будет уязвлен стрелой.

Весной 1099 году, потерпев поражение на Рожне от Володаря и Василька Ростиславичей, Святополк Изяславич бежал в Киев, а во Владимире посадил Мстислава. Прежний владимирский князь Давыд Игоревич внезапно появился под городом. Мстислав затворился во Владимире, а Давыд, окружив город, беспрестанно приступал к нему. Однажды его воины под прикрытием вежей начали перестрелку с осажденными, так что стрелы летели как дождь. Мстислав как раз стоял на стене. Одна из стрел пролетела между досками и поразила его в грудь. Воины свели князя со стены, и в ту же ночь он умер.

МСТИСЛАВ СВЯТОСЛАВИЧ (кол.10)

Из рода Черниговских кн. Сын Святослава II Всеволодовича и кн. Полоцкой Марии Васильковны. Кн. Черниговский в 1219—1224 гг. Ж.: с 1182 г. ясыня Марфа. † 16 июня 1224 г.

В 1224 году Мстислав приехал в Киев, где держал совет со своими тезками, Мстиславом Романовичем Киевским и Мстиславом Мстиславичем Галицким. На съезде решено было идти против татар, как на этом настаивал Мстислав Галицкий. Но в пути между старшими князьями началась распря, в битве на Калке все они действовали порознь и были наголову разбиты. Мстислав погиб во время бегства к Днепру. С ним пал и его сын.

МСТИСЛАВ СВЯТОСЛАВИЧ (кол.11)

Из рода Рыльских кн. Сын Святослава Ольговича и кн. Анастасии. Кн. Рыльский. † 1241 г. Убит татарами.

МСТИСЛАВ ЮРЬЕВИЧ (кол.9)

Из рода Владимиро-Суздальских вел. кн. Сын Юрия Владимировича Долгорукого и византийской царевны Ольги. Кн. Новгородский в 1154—1157 гг.

В 1154 году Юрий Долгорукий посадил сына в Новгороде. Но едва пришло известие о смерти Юрия в 1157 году, между новгородцами началась злая распря: они вооружились против Мстислава и стали выгонять его. Но князь успел уже приобрести приверженцев: торговая сторона вооружилась за него, и едва дело не дошло до кровопролития. Но тут приехали Святослав и Давыд Ростиславичи, и Мстиславу пришлось бежать. В 1162 году Андрей Боголюбский прогнал Мстислава вместе с его братьями и матерью из Владимиро-Суздальской земли, и они отправились в Грецию. Дальнейшая судьба Мстислава неизвестна. По одним известиям он получил от императора Мануила волость на Дунае, по другим — вернулся на Русь в 1166 году и уехал в Заволочье.

МСТИСЛАВ ЯРОСЛАВИЧ Немой (кол.11)

Из рода Луцких кн. Сын Ярослава Изяславича. Кн. Пересопницкий в 1180—1226 гг. Кн. Галицкий в 1212 г. Кн. Луцкий после 1214 г. † 1226 г.

В 1212 году двое из бояр, Яволд и Ярополк, бежали в Пересопницу от своего князя Даниила Романовича и убедили Мстислава пойти с ними на Галич. Бояре, узнав о вступлении Мстислава в их землю, перешли на его сторону, и Даниил с матерью принужден был бежать в Венгрию. Но и Мстислав не смог долго усидеть в Галиче. Брат Яволда и Ярополка, боярин Владислав, был в это время в Венгрии и убедил короля Андрея не давать больше Галича никому из русских

князей, а присоединить его к Венгрии. Во главе королевского войска он выступил против Мстислава и прогнал его из Галича. Мстислав отправился в Польшу и поднял князя Лешка к походу на Галич. Владислав с войском из венгров и чехов вышел на реку Боброк и здесь потерпел поражение. Союзникам, однако, не удалось взять Галича.

После смерти Ингваря Ярославича Мстислав сел в Луцке, которым и управлял до самой смерти. Незадолго до кончины он принял участие в битве на Калке и выручил в сражении Даниила. Умирая, Мстислав поручил вотчину свою и сына Ивана Даниилу Романовичу. Иван скоро умер, и Луцк перешел Ярославу Ингваревичу.

МУРОМСКИЕ КНЯЗЬЯ

Род русских кн., ветвь *Черниговских князей*. Основан Ярославом Святославичем. От Муромских князей произошли *Рязанские князья*.

НИКОЛАЙ I Павлович Романов

Государь император и самодержец Всероссийский в 1825—1855 гг. Сын императора Павла I и императрицы Марии Федоровны. Род. 25 июня 1796 г. Вступил на престол 14 дек. 1825 г. Ж.: с 1 июля 1817 г. дочь короля прусского Фридриха-Вильгельма III, принцесса Фредерика-Луиза-Шарлотта-Вильгельмина, императрица Александра Федоровна (род. 1 июля 1798 г. † 1860 г.). † 18 февр. 1855 г.

Екатерина II писала Гримму сразу после появления на свет третьего внука: "Сегодня в три часа утра мамаша родила большущего мальчика, которого назвали Николаем. Голос у него бас, а кричит он удивительно долго; длинной он аршин без двух вершков, а руки немного меньше моих. В жизнь мою в первый раз вижу такого рыцаря. Ежели он будет продолжать, как начал, то братья окажутся карликами перед этим колоссом".

Павел был очень привязан к младшим сыновьям и отдавал особое предпочтение Николаю. Он часто играл с ним, уделяя ему и его брату Михаилу немалую долю своего времени. Но в марте 1801 года, когда Павла убили, Николаю шел только пятый год, и он сохранил об отце лишь смутные воспоминания. Дальнейшим воспитанием мальчика занималась мать, вдовствующая императрица Мария Федоровна.

Нравственный облик Николая Павловича стал вырисовываться довольно рано, и черты, подмеченные современниками, не привлекали больших симпатий к юному великому князю. Обыкновенно всегда серьезный, необщительный и задумчивый, Николай точно перерождался во время игр. Дремавшие в нем дурные задатки проявлялись тогда с неудержимой силой. В журналах состоявших при младших великих князьях кавалеров с 1802 по 1809 год постоянно встречаются жалобы

Император Николай I.
Гравюра И. Г. Робинсона

на то, что во все свои движения он вносит слишком много несдержанности, что в своих играх он почти постоянно кончает тем, что причиняет боль себе и другим. Вспыльчивость, упрямство и непослушание великого князя доставляли много хлопот его наставникам и буквально выводили их из себя. Положение усугублялось еще и тем, что Мария Федоровна, подчиняясь каким-то своим расчетам, главный надзор за младшими сыновьями поручила генералу Ламздорфу, директору сухопутного кадетского корпуса. Он же старался только о том, чтобы переломить воспитанника на свой лад и "идти прямо наперекор всем наклонностям, желаниям и способностям" Николая. Его и воспитывавшегося вместе с ним Михаила "на каждом шагу останавливали, исправляли, делали замечания, преследовали морально или угрозами". Очень часто воспитатель пускал в ход линейку и даже ружейный шомпол, а бывало и так, что в припадках яро-

сти Ламздорф хватал мальчика за воротник и ударял его лицом о стену. Подобные истязания, например, наказания шомполом, заносились в педагогический журнал, и Мария Федоровна была осведомлена о методах воспитания ее сыновей. Однако она чрезвычайно ценила графа Ламздорфа.

Все сыновья Павла I унаследовали от отца страсть к внешней стороне военного дела, военным разводам, парадам, смотрам. Но особенно отличался в этом отношении Николай. Едва он вставал с постели, как уже принимался с братом Михаилом за военные игры. У них были оловянные и фарфоровые солдатики, ружья, алебарды, гренадерские шапочки, деревянные лошади, барабаны, труба, зарядные ящики. Из одежды великий князь признавал только военные мундиры лейб-гвардии Измайловского полка, шефом которого считался с мая 1800 года.

В отрочестве Николай остается столь же необузданным, как и в детстве. В своих записках педагоги не скупятся на нелестные отзывы о нем. Они уверяют, что он груб, коварен и жаден. Но в 1812 году, когда Николаю исполнилось 16 лет, стали замечать в нем некоторую перемену. Он сделался более сдержанным, суровым и озабоченным. Исторические события заставили, вероятно, и его задуматься над их страшным смыслом. Он просил, чтобы ему разрешили ехать в действующую армию. Эта просьба осталась тщетной. "Все мысли наши были в армии, — вспоминал Николай в своих мемуарах. — Учение шло как могло среди беспрестанных тревог и известий из армии. Одни военные науки занимали меня страстно, в них одних я находил утешение и приятное занятие, сходное с расположением моего духа".

Наконец, в 1814 году Николай получил от Марии Федоровны разрешение выехать к театру военных действий. 7 февраля вместе с братом Михаилом, в сопровождении графа Ламздорфа, он отправился в Берлин. Здесь он впервые увидел свою бу-

дущую жену, 17-летнюю дочь прусского короля Фридриха-Вильгельма, Шарлотту. По словам Николая, "она с первого раза возбудила во мне желание принадлежать ей на всю жизнь". Что же касается военной кампании, в которой жаждал принять участие Николай, то мечты его не исполнились. Едва юный великий князь вступил в пределы Франции, пришло повеление от императора Александра вернуться в Базель.

В завершение образования великий князь предпринял несколько путешествий. С мая по август 1816 года он объехал несколько городов европейской части России, а в конце года отправился за границу. Три недели Николай провел в Берлине в обществе своей невесты. В январе 1817 года он был уже в Англии, где произвел на всех очень благоприятное впечатление. Один англичанин, наблюдавший Николая в Лондоне, писал: "Его манера держать себя полна оживления, без натянутости, без смущения и тем не менее очень прилична. Он много и прекрасно говорит по-французски, сопровождая слова недурными жестами. Если даже не все, что он говорит, было очень остроумно, то, по крайней мере, все было не лишено приятности; по-видимому, он обладает решительным талантом ухаживать. Когда в разговоре он хочет оттенить что-нибудь особенное, то поднимает плечи кверху и несколько аффектированно возводит глаза к небу". В то же время одна англичанка писала о нем: "Он дьявольски красив! Это самый красивый мужчина в Европе". В апреле Николай возвратился в Петербург, а уже в начале июня выехал к прусской границе встречать невесту, ехавшую на свадьбу.

18 июня 1817 года Александр и вдовствующая императрица Мария Федоровна приветствовали свою новую родственницу. А 1 июля, в день рождения Шарлотты, была отпразднована и свадьба. За неделю перед тем произошло миропомазание новой великой княгини, которая ста-

ла носить имя Александры Федоровны. Великокняжеская чета поселилась в Аничковом дворце. Сейчас же после женитьбы Николай был назначен генерал-инспектором по инженерной части и шефом лейб-гвардии саперного батальона. Этим как бы окончательно была определена сфера деятельности великого князя, хотя и скромная, но вполне соответствовавшая его наклонностям. В 1818 году он был сделан командиром бригады 1-й гвардейской дивизии, куда входили лейб-гвардии Измайловский и Егерский полки. При этом Николай остался в прежней должности генерал-инспектора по инженерной части.

По свидетельству служивших под его командованием офицеров, молодой генерал был до крайности строг и неизменно взыскивал даже за малейшие недостатки. "Он был несообщителен и холоден, — вспоминает Вигель, — весь предан чувству долга своего; в исполнении его он был слишком строг к себе и другим. В правильных чертах его бледного белого лица видна была какая-то неподвижность, какая-то безотчетная суровость. Скажем всю правду: он совсем не был любим".

Однажды летом 1819 года, после маневров под Красным селом, Александр остался обедать у Николая. По окончании обеда, сидя подле брата и его жены, он вдруг многозначительно заговорил о том, что чувствует себя худо, что скоро лишится потребных сил, чтобы по совести исполнять свой долг, как он это понимает. Поэтому он, Александр, думает в недалеком будущем отречься от престола. Он уже неоднократно говорил с братом Константином. Но брат Константин бездетен и питает "природное отвращение" к наследованию престола. Из этого следует, что Николаю Павловичу надлежит принять со временем достоинство монарха. По свидетельству самого Николая, он был поражен этой вестью "как громом". "В слезах, — пишет он, — в рыданиях от сей неожиданной вести мы молчали. Наконец го-

сударь, видя, какое глубокое, терзающее впечатление слова его произвели, сжался над нами и с ангельской, ему одному свойственной лаской, начал нас успокаивать и утешать... Тут я осмелился ему сказать, что я себя никогда на это не готовил и не чувствую в себе ни сил, ни духу на столь великое дело... Дружески отвечал мне он, что, когда вступил на престол, он в том же был положении; что ему было там еще труднее, что нашел дела в совершенном запущении от совершенного отсутствия всякого основного правила и порядка в ходе правительственных дел... Что с восшествия на престол государя по сей части много сделано к улучшению и всему дано законное течение и что поэтому я найду все в порядке, который мне останется только удержать".

Но эти заверения нисколько не успокоили Николая. Хоть он и мало вникал до сих пор в государственные дела, все же создавал, что порядок их совсем не образцовый. "Кончился сей разговор, — вспоминал он, — государь уехал, но мы с женой остались в положении, которое уподобить могу только тому ощущению, которое, полагаю, поразит человека, идущего спокойно по приятной дороге, усеянной цветами и с которой открываются приятнейшие виды, когда вдруг разверзается под ногами пропасть, в которую непреодолимая сила ввергает его, не давая отступить или воротиться. Вот совершенное изображение нашего положения".

Как выяснилось в дальнейшем, Николай беспокоился не зря. После примечательного разговора в 1819 году Александр так ничего и не сделал, чтобы подготовить брата к престолу. Даже в общественном положении его ничего не изменилось. В феврале 1825 года Николай был назначен командиром 1-й Гвардейской дивизии. Но вплоть до самой смерти Александра он так и не был введен в Государственный совет.

"Все мое знакомство со светом, — писал Николай, — ограничивалось ежеднев-

ным ожиданием в передних или секретарской комнате, где, подобно бирже, собирались ежедневно в десять часов все генерал-адъютанты, флигель-адъютанты, гвардейские и приезжие генералы и другие знатные лица, имевшие доступ к государю... От нечего делать вошло в привычку, что в сем собрании делались дела по гвардии, но большею частью время проходило в шутках и насмешках насчет ближнего. Бывали и интриги. В то же время вся молодежь, адъютанты, а часто и офицеры ждали в коридорах, теряя время или употребляя оное для развлечения почти так же и не щадя ни начальников, ни правительства... Время сие было потерей времени, но и драгоценной практикой для познания людей и лиц, и я им воспользовался".

***

Наверно, и Николаю, и самому Александру момент передачи власти казался далекой перспективой. Ничего не было готово к тому, чтобы престол, минуя второго брата, перешел к третьему. Правда, еще

в 1822 году составлен был акт об отречении Константина и приготовлен манифест о правах на престол Николая, но эти документы хранились в секрете. Лишь очень ограниченный круг лиц, близких к трону, знал об этой семейной тайне. Между тем осенью 1825 года Александр с большой императрицей уехал в Таганрог.

Вскоре в Петербург пришло известие о том, что император смертельно занемог. "25 ноября вечером, — вспоминал Николай, — я играл с детьми, у которых были гости. Как вдруг пришли мне сказать, что военный генерал-губернатор граф Милорадович ко мне приехал. Я сейчас пошел к нему и застал его в приемной комнате, живо ходящего с платком в руке и в слезах; взглянув на него, я ужаснулся и спросил: "Что это, Михаил Андреевич, что случилось?" Он мне отвечал: "Ужасное известие". Я ввел его в кабинет, и тут он, зарывав, отдал мне письмо от князя Волконского и Дибича, говоря: "Император умирает, остается лишь слабая надежда". У меня ноги подкосились; я сел и прочел

Великий князь Николай Павлович с супругой Александрой Федоровной. Гравюра

письмо, где говорилось, что хотя не потеряна всякая надежда, но что государь очень плох".

В тот же вечер в Зимнем дворце Николай пригласил Милорадовича и Воинова, командовавшего тогда гвардией, на совещание. По свидетельству Трубецкого, он сообщил о своем праве на престол в случае смерти Александра. Но ни тот ни другой из его собеседников не проявили желания признавать это право. "Граф Милорадович, — писал Трубецкой в своих мемуарах, — ответил наотрез, что великий князь Николай Павлович не может и не должен никак надеяться наследовать брату своему Александру в случае его смерти; что законы империи не позволяют государю располагать престолом по завещанию, что при том завещание Александра известно только некоторым лицам и неизвестно в народе; что отречение Константина также не явное и осталось не обнародованным, что император Александр, если хотел, чтобы Николай наследовал после него престол, должен был обнародовать при жизни своей волю свою и согласие на нее Константина; что ни народ, ни войско не поймет отречения и припишет все измене, тем более что ни государя самого, ни наследника по первородству нет в столице, но оба были в отсутствии; что, наконец, гвардия решительно откажется принести Николаю присягу в таких обстоятельствах, и неминуемо затем последует возмущение". Все эти суждения были очень здравы, и Николай больше не настаивал на своих правах.

Утром 27 ноября фельдъегерь привез известие о кончине Александра I. В этот момент Николай, его мать и жена находились в большой церкви Зимнего дворца. Во время службы Николая вызвали к Милорадовичу. "Я тихо вошел, — вспоминал Николай, — и в бывшей библиотеке, комнате короля прусского, нашел графа Милорадовича. По лицу его я уже догадался, что роковая весть пришла. Он мне сказал: "Все кончено, мужайтесь, давайте при-

мер", — и повел меня под руку. Так мы дошли до перехода, что был за кавалергардской комнатой; тут я упал на стул, все силы меня оставили". Милорадович повел великого князя в опустевшую уже церковь. По свидетельству Жуковского, Николай призвал к себе священника с крестом и присяжным листом и первый начал присягать Константину. Слова присяги он повторял, "задыхаясь от рыдания, дрожащим голосом".

За ним это сделали Милорадович и присутствовавшие генералы. Вслед за тем Николай привел к присяге внутренний и главный дворцовый караулы. Вскоре полки повсеместно стали присягать Константину. Генералитет присягал в Александр-Невской лавре. Тут же оказался князь Голицын, один из гарантов посмертной воли Александра. Услыхав о смерти императора, он бросился во дворец к Николаю. "Он начал мне выговаривать, — вспоминал Николай, — зачем я брату присягнул и других тем завлек... и требовал, чтобы я повиновался мне известной воле покойного государя. Я отверг сие неуместное требование положительно, и мы расстались с князем, я, очень недовольный его вмешательством, он — столь же моей неуступчивостью".

Но в тот же день на собрании Государственного совета Голицын сообщил о завещании Александра. Принесен был запечатанный пакет, хранившийся в Совете с 1823 года. Многие члены Совета возражали против того, чтобы вскрывать его. Князь Лобанов-Ростовский высказал мнение, что у "мертвых нет воли". На том же настаивал Шишков. Граф Милорадович кричал, что нет надобности вскрывать загадочный пакет, что великий князь Николай Павлович уже принес присягу и дело сделано. Однако председатель Совета князь Лопухин решился все-таки распечатать пакет и предсмертная воля Александра была зачитана высшим сановникам. Они оказались в очень сложном положении. Выполняя завещание Александр-

ра, члены Совета противопоставили бы себя генералитету, гвардии и, наконец, законному наследнику, который мог бы отказать от своего прежнего решения. Решили пригласить для разрешения сомнений Николая. Милорадович отправился за великим князем, но вскоре вернулся и сообщил, что Николай, не будучи членом Совета, не считает себя вправе явиться в него. Тогда Совет в полном составе прибыл к Николаю. Великий князь вышел к сановникам и сказал: "Господа, я вас прошу, я вас убеждаю для спокойствия государства немедленно, по примеру моему и войска, принять присягу на верное подданничество государю императору Константину Павловичу. Я никакого другого предложения не приму и ничего другого слушать не стану". Поскольку это желание соглашалось вполне с волей большинства членов Совета, то решили не вскрывать другой пакет с завещанием, хранящийся в Сенате, и не знакомить с ним сенаторов. Государственный Совет присягнул Константину. Вслед за ним вскоре присягнул и Сенат.

3 декабря в Петербург приехал младший брат Николая, Михаил Павлович. Весть о смерти Александра застигла его в Варшаве у Константина. Главной новостью Михаила было то, что Константин остался тверд в своем мнении никогда не царствовать. Едва стало известно о кончине Александра, он и сам присягнул Николаю как императору, и привел к присяге всю Польшу. Михаил поехал прежде к Марии Федоровне. "Матушка заперлась с Михаилом Павловичем, — вспоминал Николай, — я ожидал в другом покое — и точно ожидал решения своей участи. Минута неизъяснимая. Наконец дверь отперлась, и матушка мне сказала: "Ну, Николай, преклонитесь перед вашим братом: он заслуживает почтения и высок в своем неумолимом решении предоставить вам трон". Я отвечал: "Прежде, чем преклоняться, позвольте мне, матушка, узнать, почему я это должен делать, ибо я не знаю,

чья из двух жертв больше: того, кто отказывается от трона, или того, кто принимает его при подобных обстоятельствах".

Николай чувствовал, что положение его смутно и непрочно. Вторичная переписка могла вызвать разные толкования, и трудно было поручиться за то, что все отнесутся к ней спокойно. Гораздо удобнее было бы провозгласить Константина императором и только после его формального публичного отречения в Петербурге принять власть. Еще до приезда Михаила Николай отправил в Варшаву своего адъютанта Лазаревича с этими предложениями.

5 декабря Лазаревич вернулся. Константин решительно отказал во всех просьбах младшему брату. Он не хотел ехать в Петербург, не хотел принимать власть, наконец, не хотел подписывать нового отречения, считая, что всего подписанного им прежде достаточно. Последний курьер от Константина приехал в Петербург 12 декабря, но он лишь подтвердил все то, что уже было сказано и подписано. За два дня до этого Аракчеев сообщил Николаю о существующей в гвардии обширной организации, которая уже несколько лет подготавливает государственный переворот в России. Никаких подробностей Аракчеев не знал, но поведал, что секретное расследование по приказу императора Александра велось еще с августа месяца. 12 декабря из Таганрога прискакал полковник Фредерикс с пакетом от начальника главного штаба Дибича. Дибич извещал наследника о результатах, которых успело достичь расследование. Размеры заговора и разветвленность тайной организации превосходили всякие ожидания: не только гвардейские части в столице оказались заражены революционными идеями, но и среди офицеров Южной армии также обнаружено было много приверженцев переворота. "Пусть вообразят, что должно было произойти во мне, — писал Николай в своих записках, — когда, бросив глаза на включен-

ное письмо от генерала Дибича, увидел я, что дело шло о существующем и только что открытом пространном заговоре, которого отрасли распространялись через всю империю, от Петербурга на Москву и до второй армии в Бессарабии. Тогда только почувствовал я в полной мере всю тягость своей участи и с ужасом вспомнил, в каком находился положении. Должно было действовать, не теряя ни минуты, с полною властью, с опытностью, с решительностью — я не имел ни власти, ни права на оную". По мере приближения решительной минуты поступали все новые вести о заговоре. В тот же день, 12 декабря, Николаю передали письмо поручика Ростовцева. Ростовцев состоял в тайной организации и теперь заклинал великого князя не принимать престола. "Противу Вас должно таиться возмущение, — писал Ростовцев, — оно вспыхнет при новой присяге".

Итак, и характер опасности и источник ее Николаю были известны. Предстояло решить — идти ей навстречу или уступить. Он не колебался ни мгновения. Вызвав Милорадовича, император назначил присягу на 14 декабря. Сперанскому поручено было доработать начатый уже Карамзиным текст манифеста о восшествии на престол нового государя. 13 декабря Государственный совет утвердил все решения императора, а Николай написал письмо Волконскому, в котором между прочим говорилось: "Четырнадцатого числа я или буду мертв, или буду государем".

В шесть часов утра 14 декабря Николай уже был на ногах. Около семи часов во дворце собрались почти все генералы и полковые командиры гвардейского корпуса. Николай вышел к ним в измайловском мундире, прочитал манифест о своем восшествии, завещание Александра и отречение Константина. Закончив чтение, он спросил у собравшихся, нет ли у кого каких-нибудь сомнений в законности его притязаний на трон. И когда никто сомне-

ний не выразил, он торжественно провозгласил: "После этого вы отвечаете мне головою за спокойствие столицы, а что до меня касается, если я хоть час буду императором, то покажу, что этого достоин". Слова его, а главное внутренняя сила, с какой они были произнесены, оказали на слушателей глубокое впечатление. В заключение император приказал полковым командирам ехать на присягу в Генеральный штаб, а затем в свои полки для приведения их к присяге.

Около восьми часов Николаю сообщили, что церемония присяги Сената и Синода, начавшаяся в семь часов двадцать минут, уже совершилась. Затем начали поступать сведения о присяге конногвардейцев и первого батальона Преображенского полка. Но видимое благополучие продолжалось не более часа. Первую тревожную весть принес командир гвардейской артиллерии Сухожанет. Там в некоторых частях роптали офицеры, сомневавшиеся в законности новой присяги. Пришлось отправить к ним Михаила Павловича, который только что приехал во дворец. Еще страшнее была новость, которую привез взволнованный и смущенный командир гвардейского корпуса генерал Нейдгарт. Он только что опередил Московский полк, который шел на Сенатскую площадь, не слушая командиров. Николай понял, что мятеж начался. "Ибо с первой минуты я не видел в сем первом слушании действие одного сомнения, которого всегда опасался, — писал он позже, — но, зная существование заговора, узнал в сем первое его доказательство".

Мятежный полк уже приближался к дворцу, а у императора пока не было ничего, что можно было бы ему противопоставить. Но в эту минуту он испытал один из тех приливов мужества, которые затем неоднократно отмечали его современники. Николай спустился по Салтыковской лестнице дворца, прошел на главную дворцовую гауптвахту, где располагалась на дежурство егерская рота Финляндского полка, и крикнул

зично: "Ребята! Московские шалят! Не перенимать у них и свое дело делать молодцами!" Как признавался позже Николай, внутри у него все дрожало, но голос прозвучал хорошо, бодро, и солдаты послушно пошли следом. Когда император вышел за дворцовые ворота, площадь была усеяна народом. День был пасмурный, и хотя мороз стоял некрепкий, было холодно, потому что дул северный ветер. Синеватый туман клоками плыл над землей, и от этого все казалось немного нереальным. Подбежал граф Милорадович и сказал: "Дело плохо. Они идут к Сенату, но я поговорю с ними". Николай кивнул, и генерал ускорил.

"Надо было мне выиграть время, — сообщает в своих записках Николай, — дабы

дать войскам собраться. Нужно было отвлечь внимание народа чем-нибудь необыкновенным — все эти мысли пришли мне как бы по вдохновению, и я начал говорить народу, спрашивая, читали ли мой манифест. Все говорили, что нет. Пришло мне на мысль самому его читать. У кого-то в толпе нашелся экземпляр. Я начал его читать тихо и протяжно, толкуя каждое слово..." В это время подошел первый батальон преображенцев, и Николай сам поставил его на углу Адмиралтейского бульвара, приказав зарядить ружья и медленно повел к Сенатской площади. Адьютанту Кавелину он велел ехать в Аничков дворец и перевезти из него семью в Зимний, а другому адъютанту, Перовскому, — в конную гвардию с приказанием выезжать к дворцу. На другом конце площади уже почти час стояло каре Москов-

ского полка. Император ждал, чем закончатся переговоры. Вскоре прискакал флигель-адъютант Голицын с известием, что граф Милорадович пытался обратиться с речью к солдатам, но какой-то штатский выстрелил в него из пистолета и смертельно ранил.

Таким образом, надо было готовиться к сражению и собирать силы. Только около половины первого Алексей Орлов привел на площадь конную гвардию. Подошли еще один батальон Преображенского полка, Кавалергардский полк, два эскадрона Конногвардейского полка и два батальона Измайловского. К восставшим также присоединились новые силы: рота лейб-гренадер и Гвардейский Морской экипаж. Мятежники стояли вокруг памятника Петру. Генерал Воинов пытался подъехать к ним, его встретили выстрелами. Затем сам Николай выехал на площадь,

Константин Павлович.
По редкой лубочной картине

желая осмотреться. "В это время, — вспоминал он, — сделали по мне залп, пули просвистели мне через голову, и, к счастью, никого из нас не ранило. Рабочие Исаакиевского собора из-за заборов начали кидаться в нас поленьями. Надо было решиться положить сему скорый конец, иначе бунт мог сообщить черни, и тогда окруженные ею войска были бы в самом трудном положении".

Николай попробовал послать конницу. Сначала в атаку пошла конная гвардия, но лошади скользили от гололедицы, да и палаши оказались не отпущенными, и пришлось вернуться обратно, унося раненых. Та же участь постигла кавалергардов. К двум часам от новых атак пришлось отказаться. С помощью подоспевших к этому времени Измайловского и Семеновского полков император завершил окружение восставших войск.

Но он продолжал испытывать тревогу за безопасность семьи. Взяв с собой конвой из кавалергардов, Николай поехал во дворец и распорядился приготовить каре-

ты, на которых в экстренном случае можно было бы ускользнуть в Царское Село. На Дворцовой площади император неожиданно встретил идущий в беспорядке лейб-гренадерский полк. Он хотел остановить их и выстроить, но на его "Стой!" солдаты отвечали: "Мы за Константином!" Николай указал им на Сенатскую площадь и сказал: "Когда так, то вот вам дорога". "И вся сия толпа, — пишет он, — прошла мимо меня сквозь все войска и присоединилась без прелятствия к своим..."

В три часа пополудни стало смеркаться, а решительные действия ни с той, ни с другой стороны не предпринимались. Шум и крик становились все громче. Звучали частые выстрелы. В конной гвардии было много раненых. Николай послал генерала Сухозанета за артиллерией. Тот привел четыре пушки, но у артиллеристов не было снарядов, и пришлось доставлять их из лаборатории. Но и после того, когда все было готово, Николай никак не мог решиться на расстрел стоявших против него

Восстание на Сенатской площади

гвардейских частей. Одного за другим он отправлял к восставшим парламентариев. Петербургского митрополита Серафима сменил князь Михаил. Успеха не достиг ни тот ни другой. Митрополита прогнали с бранью, а в Михаила пытался стрелять тот же Каховский, который убил Милорадовича. Последнюю попытку сделал генерал Сухозанет. Он вернулся к царю, потеряв на шляпе султан: его сняла пуля. Наконец, генерал-адъютант Васильчиков сказал Николаю: "Ваше Величество! Больше нельзя терять ни минуты. Ничего не подлаешь: нужна картечь!" — "Вы хотите, чтобы я пролил кровь моих подданных в первый день моего царствования?" — спросил Николай. "Да, — отвечал Васильчиков, — чтобы спасти вашу империю!"

Николай подъехал к батарее и командовал: "Пальба орудиями по порядку! Правый фланг начинай! Первая!" Но выстрела не последовало — пальник не исполнил приказа. Поручик Бакунин соскочил с лошади и, вырвав у солдата запал, сам выстрелил. Первая картечь ударила через площадь в карниз Сената, уложив несколько человек из народа. Но второй выстрел был прямо в середину мятежного каре. Начались паника и бегство. Пушки били по отступавшим, внося страшные опустошения в их ряды. В короткий срок площадь была очищена — Николай одержал победу, но какой ценой! Он сам поначалу ужасался содеянному и, по возвращении во дворец, написал брату: "Дорогой, дорогой Константин! Ваша воля исполнена: я — император, но какой ценой, Боже мой! Ценой крови моих подданных..."

В ночь с 14 на 15 декабря Николай вовсе не ложился спать. "Когда я пришел домой, — писал он в своих мемуарах, — комнаты мои были похожи на главную квартиру в походное время. Донесения от князя Васильчикова и от Бенкендорфа одно за другим ко мне приходили". Николай лично отдавал приказания об аресте и распоряжения об условиях содержания

декабристов в крепости и на гауптвахте. Он сам допрашивал и руководил ходом дознания. Военный министр Татищев каждый день подавал императору докладные записки с описанием хода следствия. Эти записки были буквально испещрены резолюциями и указаниями Николая — настолько глубоко и тщательно вникал он во все детали. Очень немногие декабристы сумели ускользнуть из крепких сетей, составленных талантливым следователем. 23 июня Верховный суд приговорил пятерых руководителей восстания к повешению. В день казни императорская чета находилась в Царском Селе, а затем отправилась в Москву на коронацию.

***

Несмотря на такое трагическое начало, воцарение тридцатилетнего Николая, после унылых и мрачных последних лет царствования Александра I, внесло явное оживление в жизнь страны. Довольно скоро новый император сумел завоевать симпатии светского общества. Открытая, красивая внешность много говорила в его пользу. По свидетельству современников, император был высокого роста, сухощав, имел широкую грудь и длинные руки, чистое лицо, высокий лоб, римский нос, был очень строен и ловок. В движениях его не было заметно ни надменной важности, ни ветреной торопливости, но видна была какая-то неподдельная строгость. Свежесть лица и все в нем выдавало железное здоровье и служило доказательством, что юность его не была изнежена, а жизнь сопровождалась трезвостью и умеренностью. На престоле Николай сохранил ту же простоту обращения и быта, которая свойственна была ему еще в молодости. Он спал на простой походной кровати, укрываясь шинелью, был умерен в еде и, в отличие от своего пращура, почти не употреблял спиртного. В последние годы жизни он занимал в Зимнем дворце всего одну комнату на первом этаже, с окнами на Адмиралтейство. "Комната эта была не-

большая, — вспоминала баронесса Фридерикс, — стены оклеены простыми бумажными обоями, на стенах несколько картин... Тут стояли: ...походная кровать государя... вольтеровское кресло, небольшой диван, письменный рабочий стол... несколько простых стульев... большое трюмо, около коего — его сабли, шпаги и ружье, на приделанных к рамке трюмо полочках стояли склянка духов... щетка и гребенка. Тут он одевался и работал”.

Как государь Николай тоже умел импонировать своим подданным. Он не принес с собой широких политических идей, но это не означает, что у него не было своих планов царствования. Надо даже признать, что единство его государственного замысла было удивительно в своей последовательности. И этим он выгодно отличался от романтического Александра, часто разрываемого противоречивыми стремлениями. Истины, которыми руководствовался новый император, были очень просты и ясны. Николай понимал власть царя, как власть хозяина, Россия была отныне его собственностью, и долг его состоял в том, чтобы заботиться о сохранении своего добра, не расточать его, копить, выбирая хороших и верных слуг, и в целости передать наследникам. В интересах порядка все должно было подчиняться строгой дисциплине. Во всем должна была быть система и точные правила. “Строгая безусловная законность; никакого всезнайства и противоречия, все вытекает одно из другого, — сказал однажды Николай. — Я смотрю на человеческую жизнь только как на службу, так как каждый должен служить”. С юных лет он готовился точно и честно исполнять свои обязанности, безусловно подчиняясь старшим. Он никогда не стремился к большему, чем исполнять чужую волю. Но коль скоро судьба сделала его властителем 50-миллионной империи, он бестрепетно и твердо взял управление над ней в свои руки и отныне требовал такого же безусловного подчинения себе,

какое оказывал раньше сам. “Никто лучше, как он, не был создан для роли самодержца, — писала о Николае Тютчева. — Он обладал для этого и наружностью, и необходимыми нравственными свойствами. Его внушительная и величественная красота, величаявая осанка, строгая правильность олимпийского профиля, властный взгляд... — все отражало его незыблемое убеждение в своем призвании”. Наряду с простотой многих подкупали в Николае благородство и прямота его поступков, и хотя его едва ли можно было считать милосердным, он компенсировал это тем, что имел славу человека справедливого и рассудительного.

Вместе с тем обнаружилось, что император не чужд простым радостям и развлечениям. Несмотря на личную неприязнательность, Николай создал один из самых блистательных и роскошных дворов в Европе. Наряду с официальными церемониями устраивалось множество менее торжественных балов, в которых с удовольствием участвовал сам император. Особенно веселились в менее чопорном, чем Зимний, Аничковом дворце. В первые 20 лет царствования Николай, хотя и был всегда очень занят делами, не пропустил там почти ни одного рождественского маскарада, с удовольствием танцевал и ухаживал за дамами.

“Всякому известно, — писал Добролюбов, — что Николай пользовался репутацией неистового рушителя девических невинностей. Можно сказать положительно, что нет и не было при дворе ни одной фрейлины, которая была бы взята ко двору без покушения на ее любовь самого государя или кого-нибудь из его августейшего семейства. Едва ли осталась хоть одна из них, которая бы сохранила свою чистоту до замужества. Обыкновенно порядок был такой: брали девушку знатной фамилии в фрейлины, употребляли ее для услуг благочестивейшего самодержавного государя нашего, а затем императрица Александра начинала сватать обес-

чещенную девушку за кого-нибудь из придворных женихов". Современник Николая, француз Галле де Кюльтюр, писал: "Царь — самодержавец в своих любовных историях, как и в остальных поступках; если он отличает женщину на прогулке, в театре, в свете, он говорит одно слово дежурному адъютанту. Особа, привлекавшая внимания божества, попадает под надзор. Предупреждают супруга, если она замужем; родителей, если она девушка, о чести, которая им выпала. Нет примеров, чтобы это отличие было принято иначе, как с изъявлением почтительнейшей признательности. Равным образом нет еще примеров, чтобы обесчещенные мужья или отцы не извлекали прибыли из своего счастья. Современники указывали на графа Клейнмихеля, который сделал себе блестящую карьеру благодаря тому, что взял на себя деликатнейшую миссию воспитания внебрачных детей Николая. Когда очередная любовница императора оказывалась в положении, то жена Клейнмихеля — графиня Клеопатра Петровна, — имитировала беременность, увеличивая объем талии подкладными подушками и поясами, и все более наращивала живот, пока не происходили роды у пассии Николая Павловича. Тогда и Клеопатра Петровна оповещала о том, что родила, и предъявляла обществу очередного сына или очередную дочь, давая им фамилию своего мужа. Таким образом Клейнмихель числился отцом пяти сыновей и трех дочерей.

По свидетельству барона Корфа, "император Николай был вообще очень веселого и живого нрава, а в тесном кругу даже шаловлив". Этот тесный кружок собирался в Аничковом дворце, и здесь царила самая непринужденная обстановка. Племянница графа Гурьева, за которой Николай ухаживал на одном маскараде, призналась, что невозможно себе представить всей вольности его намеков. Рассказывали даже анекдот, что во время одного из маскарадов Николай сильно увлекся мо-

лоденькой маской, посадил ее к себе в карету и лишь здесь обнаружил, что весь вечер флиртовал со своей дочерью, великой княжной Марией Николаевной, которая таким образом подшутила над своим отцом.

Императрица Александра Федоровна относилась к увлечениям своего мужа очень спокойно. Существовало мнение, что после седьмых родов в октябре 1832 года врачи запретили ей дальнейшие роды и брачные отношения, так что Александра Федоровна будто бы разрешила супругу заводить связи на стороне. Николай воспользовался данным правом, но при этом на протяжении всей своей жизни продолжал нежно, с подчеркнутым вниманием, относиться к жене. Эти отношения служили как бы одним из элементов взятого им на себя образа императора-рыцаря, человека благородного и чистого во всех помыслах и поступках. Любопытно, что, несмотря на огромное количество увлечений, Николай почти не имел фавориток. В течение десяти лет у него не было длительных привязанностей. Только с 1842 года большое значение приобрела фрейлина императрицы Варвара Аркадьевна Нелидова, связь с которой продолжалась до самой смерти императора. Но вообще, любовные отношения не играли определяющей роли в жизни Николая. Они служили для него скорее отдыхом от государственных забот, которым он ежедневно отдавал по многу часов.

Николай вступил на престол, преисполненный самыми лучшими стремлениями. В июльском манифесте 1826 года говорилось: "Мы не имеем, не можем иметь другого желания, как видеть Отечество наше на самой высшей степени счастья и славы, Провидением ему предназначенной". А в речи 13 декабря того же года Николай заявил: "Я желаю положить в основание государственного строя и управления всю силу и строгость законов". И это не были пустые слова. Насколько было в его силах, император собирался не-

укоснительно следовать указанной цели. Вся его жизнь была подчинена делу. По словам Тютчевой, Николай "проводил за работой восемнадцать часов в сутки из двадцати четырех, трудился до поздней ночи, вставал на заре, спал на твердом ложе, ел с величайшим воздержанием, ничем не жертвовал ради удовольствия и всем ради долга и принимал на себя больше трудов и забот, чем последний поденщик из его подданных. Он чистосердечно и искренне верил, что в состоянии все видеть своими глазами, все слышать своими ушами, все регламентировать по своему разумению, все преобразовать своею волею..."

В первое время, может быть, под свежим впечатлением недавно пережитых событий, Николай был близок к мысли о реформах, но он поставил себе ближайшей задачей предварительно войти в положение дел и принялся усердно изучать самые неприглядные подробности. Он лично ревизировал ближайшие столичные учреждения: внезапно являлся в какую-нибудь казенную палату, приводя в трепет чиновников, и уезжал, дав всем почувствовать, что знает не только их дела, но и их проделки. Даже поверхностное знакомство с государственным аппаратом должно было убедить Николая, что тот далеко не в том порядке, каком бы ему хотелось. Поскольку он не допускал мысли об участии общества в контроле за бюрократической машиной, то преобразовательские стремления императора должны были встать на путь усложнения механизма центрального управления. Вот почему в его царствование создалось громадное количество либо новых департаментов в старых учреждениях, либо новых канцелярий и комиссий.

Лично руководя важнейшими делами, входя во все детали их рассмотрения, император должен был иметь собственную канцелярию; такая канцелярия и была создана в количестве нескольких отделений (в иные годы их было до пяти). Первое от-

Император Николай I

деление представляло собой собственно ту канцелярию, какая существовала еще во времена Александра. Оно подготовляло бумаги для доклада императору и следило за исполнением высочайших повелений. Второе отделение, образовавшееся в 1826 году из бывшей комиссии составления законов, занималось кодификацией. Третье отделение, под управлением Бенкендорфа, должно было вести высочайшей полицией в государстве и следить за законностью и порядком в управлении и общественной жизни. С течением времени надзор за законностью вообще перешел в надзор за политическими настроениями общества, и "третье отделение" заменило собой тайные канцелярии по политическим делам, которые существовали в XVIII веке. Четвертое отделение было основано после кончины императрицы Марии Федоровны в 1828 году. Оно заменило собой канцелярию госуда-

рыни по управлению теми образовательными и благотворительными учреждениями, которые император Павел, по вступлении своем на престол, передал в ведение своей супруги. В 1836 году возникло пятое отделение, во главе с графом Киселевым, занимавшееся подготовкой нового порядка управления государственным имуществом. Наконец, с 1843 года существовало еще и шестое отделение по делам Закавказского края. Разросшаяся до таких невероятных размеров Канцелярия сделалась вскоре центральным органом управления, оттеснив на второй план старые государственные учреждения — Сенат, Государственный совет и Кабинет министров.

В первой половине царствования, пока Николай был окружен выдающимися сотрудниками, ему удалось разрешить несколько капитальных задач, которые никак не давались его предшественникам: было кодифицировано русское законодательство, проведена чрезвычайно важная денежная реформа, способствовавшая укреплению бумажного рубля, реорганизовано управление государственными крестьянами, в результате чего их положение заметно улучшилось. Но эти меры, носившие ярко выраженный охранительный характер, не могли остановить назревающего кризиса. Россия нуждалась в кардинальных реформах, а Николай так и не решился их провести. Революция 1848 года в Европе задела императора за живое. Он переживал крушение старого порядка как тяжелую личную трагедию. В 1849 году русские войска разгромили восстание в Венгрии. Цензурный гнет достиг в эти годы своего апогея. Россия решительно отгораживается от всего цивилизованного мира. Пронесются слухи о возможном закрытии университетов. Министр просвещения Уваров, известный, между прочим, своей реакционностью, был отправлен в отставку за то, что осмелился защищать в печати идею университетского образования. И в России, и в Европе привыкли ви-

деть в императоре Николае сторонника старых начал политической реакции и врага демократических движений.

Такова была общая почва, на которой особую важность и остроту получил "восточный вопрос". Турецкий султан, под контролем которого находились христианские святыни в Святой земле, дал некоторые преимущества католическому духовенству в ущерб духовенству греческому. Император Николай вступился за православных и потребовал восстановления их привилегий. Султан, под влиянием французской дипломатии, ответил отказом. Тогда Николай ввел русские войска в находившиеся под властью султана автономные княжества — Молдавию и Валахию — "в залог, доколе Турция не удовлетворит справедливым требованиям России". Осенью 1853 года султан объявил России войну. Началась Крымская война, в которую на стороне Турции вскоре вступили Англия и Франция. К осени 1854 года обнаружилось, что главным театром войны становится Крым. В сентябре близ Евпатории высадился 60-тысячный десант английских, французских и турецких войск. Двигаясь к Севастополю, союзники в сражении на реке Альме одолели русскую армию и приступили к осаде главной базы Черноморского флота. Несмотря на все старания, Николай не мог оказать севастопольцам серьезной поддержки. Сказывалось отсутствие шоссейных и железных дорог, недостаток толковых генералов, русское оружие во всем уступало европейскому. Хотя Николай не дожил до позора поражения, он сполна испытал всю его горечь. С каждым днем он становился все мрачнее. Именно во время войны Николай должен был убедиться, что огромный, много лет создаваемый и лелеемый им государственный аппарат никуда не годится. Дело со снабжением армии и медицинским обслуживанием было поставлено настолько скверно, что солдаты постоянно голодали, а смертность была невероятно высокой. Интендантство, медицин-

ский департамент и даже благотворительные организации, призванные опекать больных, стариков, сирот, вдов, ветеранов, превратились в прибежище воров и мошенников всех мастей и оттенков. Зимой 1854 года Николай вместе с Александрой Федоровной на время переехал в Гатчину, не желая никого видеть, и долгие часы проводил наедине с нею. Фрейлина Тютчева записала в дневнике 24 ноября: "За последнее время он с каждым днем становится все более и более удручен, лицо озабочено, взгляд тусклый. Его красивая и величественная фигура сгорбилась, как бы под бременем забот, тяготеющих над ним. Это дуб, сраженный вихрем, дуб, который никогда не умел гнуть-ся и сумеет только погибнуть среди бури".

4 февраля 1855 года Николай заболел гриппом. По совету врачей, он не выходил из Зимнего дворца и проводил большую часть времени, лежа в своей походной кровати и укрываясь, по обыкновению, шинелью. А между тем из-под Севастополя шли известия одно хуже другого. Николай нервничал и пребывал в постоянном унынии. 9 и 10 февраля он ездил на смотр маршевых батальонов, несмотря на то, что мороз стоял больше 20 градусов. Целые дни он проводил, стоя в открытых санях, и 10 февраля вернулся во дворец с высокой температурой. 12 февраля пришло известие о неудаче, постигшей русскую армию под Евпаторией. В этот день император отказался принимать министров и не притронулся к пище. В ночь на 13-е он бродил по залам дворца, ни на минуту не сомкнув глаз. Безысходность положения страшно угнетала его. 15 февраля он сделал последнее распоряжение — сместил главнокомандующего Меншикова и назначил на его место Горчакова.

В ночь на 18 февраля император скончался. Незадолго до смерти Николай вызвал к себе цесаревича и долго говорил с ним, давая последние наставления. Между прочим, как это известно со слов са-

мого Александра, он сказал ему: "Сдаю тебе мою команду, но, к сожалению, не в таком порядке, как желал, оставляю тебе много трудов и забот". Затем он велел одеть себя в генеральский мундир и привести всех близких. Простившись с внуками, он причастился при всех. Вечером началась мучительная агония. Прежде чем речь окончательно покинула Николая, он сказал Александру: "Держи все, держи все". Это было его последнее напутствие.

Погребен в Петербурге, в Петропавловском соборе.

НИКОЛАЙ II Александрович Романов

Государь император и самодержец Всероссийский в 1894—1917 гг. Сын императора Александра III и императрицы Марии Федоровны. Род. 6 мая 1868 г. Вступил на престол 20 окт. 1894 г. Короновался 14 мая 1896 г. Ж.: с 14 ноября 1894 г. дочь Людовика IV, великого герцога Гессенского, герцогиня Алисса-Виктория-Елена-Луиза-Беатриса, императрица Александра Федоровна (род. 25 мая 1872 г. † 17 июля 1918 г.). † 17 июля 1918 г.

Николай вырос в атмосфере роскошного императорского двора, но в строгой и, можно сказать, почти спартанской обстановке. Отец и мать принципиально не допускали никаких слабостей и сантиментов в деле воспитания детей. Для них всегда устанавливался жесткий распорядок дня, с обязательными ежедневными уроками, посещениями церковных служб, непременными визитами к родственникам, обязательным участием в многочисленных официальных церемониях. Дети спали на простых солдатских койках с жесткими подушками, по утрам принимали холодные ванны и завтракали овсяной кашей. За вторым завтраком, за которым они встречались с родителями, было больше еды, но так как они садились за стол после всех приглашенных и покидали его, когда отец вставал из-за стола, они часто оставались голодными.

До девяти лет воспитанием цесаревича занимались няни и бонны, затем учителя-наставники, обучавшие мальчика чтению, письму, арифметике, началам истории и географии. Особое место занимал законоучитель протоиерей Янышев, прививший наследнику престола глубокую и искреннюю религиозность. В 1877 году, когда Николаю было девять лет и он перешел из женских рук в мужские, его главным воспитателем стал генерал Григорий Данилович. Он составил программу обучения цесаревича, рассчитанную на 12 лет. Но любимым наставником и воспитателем Николая был учитель английского языка Хетс, одаренный и обаятельный человек.

Список предметов, подлежащих изучению, был очень широк. Первые 8 лет цесаревич проходил усложненный курс гимназии. Все преподаватели отмечали его усердие и неплохие знания по всем предметам. С особым удовольствием Николай занимался языками. Он свободно владел кроме русского немецким, французским

и английским. Датский знал хуже. Кроме того, в молодости он недурно играл на фортепиано и рисовал. Большое внимание уделялось спорту. Параллельно Николай проходил военную службу.

В 1885 году Николай закончил среднее образование и перешел к изучению дисциплин, предусмотренных программой Академии Генерального штаба и двух факультетов университета — юридического и экономического. Высшее образование заняло у цесаревича еще пять лет. Руководителем всего процесса обучения был Победоносцев, читавший курсы законовведения, государственного, гражданского и уголовного права.

В 1887 году Николая произвели в штабс-капитаны и определили в лейб-гвардии Преображенский полк, о чем он писал своему другу великому князю Алексею Михайловичу: "Это лето буду служить в Преображенском полку под командою дяди Сергея, который теперь получил его. Ты себе не можешь представить мою радость; я уже давно мечтал об этом и однажды зимой объявил Папа, и он мне позволил служить. Разумеется, я буду все время жить в лагере и иногда приезжать в Петергоф; я буду командовать полуротой и справлять все обязанности субалтерн-офицера. Ура!!!"

Благодаря своей скромности и простоте Николай был весьма популярен среди товарищей-офицеров. "Я счастлив и могу сказать, что живу одной жизнью с армией и с каждым днем все больше и больше привыкаю к лагерной жизни, — писал он летом матери из Красного Села. — Каждый день нас муштруют дважды — это либо стрельба по мишеням утром и батальонные учения вечером... Мы завтракаем в 12 дня и обедаем в 8 вечера, мертвый час и чай между ними... Обедаем мы весело, кормят нас хорошо. После еды... офицеры играют в бильярд, кегли, карты или домино".

В Преображенском полку цесаревич числился два года, сначала исполняя обя-

Император Николай II

занности взводного, а потом ротного командира. Для приобщения к кавалерийской службе отец перевел его в лейб-гвардии Гусарский полк, где он командовал эскадроном.

В 1890 году обучение наследника завершилось. В мае месяце Николай, который, кажется, начал уже тяготиться упорными занятиями, с видимым облегчением записал в своем дневнике: "Сегодня окончательно и навсегда прекратил свои занятия". Наступил новый, гораздо более приятный этап в его жизни.

В это время Николай был стройный юноша, с отцовским квадратным открытым лицом и с материнскими живыми глазами, обладавший при том магнетическим личным обаянием. Его собственными достоинствами были доброта, мягкость и дружелюбие. "Ники улыбался своей обычной, нежной, застенчивой, слегка печальной улыбкой", — писал его кузен и близкий приятель великий князь Александр Михайлович.

Отец не обременял цесаревича государственными делами. Он появлялся иногда на заседаниях Государственного совета, но взгляд его при этом постоянно устремлялся на часы. При первой же представившейся возможности он удирал. Рассеянная жизнь гвардейского офицера привлекала его гораздо больше. Как и все Романовы, Николай питал любовь к внешней стороне военного дела. Смотры, парады, учения никогда его не утомляли, и он безропотно переносил неудобства армейских будней на лагерных сборах или маневрах. Подобно всем офицерам гвардии, Николай много времени отдавал светской жизни. Два или три раза в неделю он присутствовал на балах. В его дневнике нередко записи типа: "Мы танцевали до упаду... потом ужинали... легли спать в 3 часа 30 минут утра". Порой встречаются и такие: "Мы напились... перепробовали 6 сортов портвейна и напились... Мы валялись в траве и пили... осоловели... офицеры принесли меня..." Много време-

ни наследник проводил в театре: он обожал оперу и балет.

Очевидно, женщины тоже занимали его. Но любопытно, что первое серьезное чувство Николай испытал к принцессе Алисе Гессенской, которая через несколько лет стала его женой. Впервые они встретились в 1884 году в Петербурге на свадьбе Эллы Гессенской (старшей сестры Алисы) с великим князем Сергеем Александровичем. Ей было 12 лет, ему — 16. В 1889 году Аликс провела в Петербурге 6 недель. Позже Николай писал: "Я мечтаю когда-нибудь жениться на Аликс Г. Я люблю ее давно, но особенно глубоко и сильно с 1889 года... Все это долгое время я не верил своему чувству, не верил, что моя заветная мечта может сбыться". Действительно, цесаревичу пришлось преодолеть много препятствий. Прежде всего, высшее общество и родители совсем не разделяли его пылкости. Аликс оставила о себе в Петербурге неблагоприятное впечатление. Говорили, что она дурно одевается, неуклюжа, неловко танцует, ужасно говорит по-французски, стыдлива, как школьница, чересчур нервна, чересчур робка и самонадеянна.

Родители предлагали Николаю другие партии, но он решительно отказывался связывать себя с какой-либо другой принцессой. Тем временем весной 1890 года он впервые встретил 17-летнюю балерину императорского балета Матильду Кшесинскую, которая была в том году лучшей балериной выпускного класса. Николай стал ухаживать за ней, и увлечение его не осталось без ответа. Осенью Николай отправился в заграничное путешествие.

Вернувшись в Санкт-Петербург в августе 1891 года, Николай вскоре был произведен в капитаны. Осенью вместе с семьей он уехал в Данию и возвратился только в конце года. В январе 1892 года его роман с Кшесинской возобновился с новой силой. Он стал дарить ей дорогие подарки, просиживал подолгу в ее уборной, наконец, стал навещать ее дома. В август-

те Николай получил звание полковника. Тогда же Кшесинская сняла двухэтажный особняк в Петербурге, чтобы без помех принимать своего возлюбленного.

Но даже в этот период наивысшей близости между ними Николай не забывал об Аликс. Кшесинская вспоминала позже: "Он от меня не скрыл, что из всех тех, кого ему пророчили в невесты, он ее считал наиболее подходящей, что к ней его влекло все больше и больше, что она будет его избранницей, если на то последует родительское разрешение..."

Весной 1894 года Александр Третий и Мария Федоровна уступили желаниям сына. Но оставалось еще одно препятствие к браку — невеста должна была перейти в православие. Зная, сколь серьезно Аликс относится к религии, Николай понимал, что этого будет нелегко добиться. В апреле цесаревич со своими дядями, великими князьями Сергеем и Владимиром, а также их женами выехал из Петербурга в Кобург на свадьбу герцога Гес-

сенского, старшего брата Аликс. После полутора суток пути он прибыл на вокзал в Кобург, где его встречала Аликс. Вечером они поехали обедать, а затем вместе с семьей — в оперетту. На следующее утро, не выдержав долгого ожидания, Николай отправился прямо к Аликс и сделал предложение. В дневнике и письме к матери он описал, как это произошло.

"Что сегодня за день! — писал он в дневнике. — После кофе в 10 часов я пошел с тетей Эллой к Аликс. Она замечательно похорошела, но выглядела чрезвычайно грустно. Нас оставили вдвоем, и тогда между нами начался тот разговор, которого я давно и сильно желал и, вместе, очень боялся. Говорили до 12—14 часов, но безуспешно, она все противится перемене религии. Она, бедная, много плакала. Расстались более спокойно". В своем письме в Гатчину Николай писал: "Я пытался объяснить, что нет другого пути для нее, чем дать согласие, и что она просто не может отказаться от этого. Она плакала и только снова и снова шептала: "Нет, не могу". Я приходил опять и настаивал... думаю, часа два, но ничего не добился".

Но уже на следующий день Аликс капитулировала. Николай ликующе записал в дневнике: "Чудный, незабвенный день в моей жизни, день моей помолвки с дорогой и ненаглядной моей Аликс. После 19-ти она пришла к тете Михен (великой княгине Марии Павловне, жене великого князя Владимира. — К. Р.)... и после разговора с ней мы объяснились между собой. О Боже, какая гора свалилась с моих плеч. Целый день я ходил как в дурмане, не вполне сознавая, что, собственно, со мной произошло. Вильгельм сидел в соседней комнате и ждал с дядями и тетями конца нашего разговора. Я пошел с Аликс прямо к королеве (Виктории. — К. Р.)... где все семейство долго на радостях лизалось. После завтрака мы пошли в церковь тети Марии и отслужили благодарственный молебен. Даже не верится, что у меня невеста".

Великий князь Николай Александрович и его невеста Алиса, принцесса Гессен-Дармштадская. Фото 1894 г.

Матери Николай написал: "Мы остались одни, и ее первыми словами было, что она согласна... Я заплакал, как ребенок, и она тоже, но затем ее выражение изменилось; ее лицо засветилось спокойным удовлетворением. Весь мир изменился для меня; природа, человечество и все прочее, все казалось мне добрым и милым... Она полностью изменилась: стала веселой и занимательной, разговорчивой и нежной". Даже много времени спустя каждый из присутствующих ясно помнил момент, в который эта роковая помолвка была совершена. "Я помню, что сидела в своей комнате, — писала принцесса Мария-Луиза Английская, — и уже совсем приготовилась к завтраку, как в комнату стремительно вбежала Аликс, обвила руки вокруг моей шеи и сказала: «Я выхожу замуж за Ники!»"

В июне Николай еще раз плавал в Англию на свидание со своей возлюбленной. Возвратившись в Гатчину, цесаревич застал семью в большой тревоге за здоровье отца. Но, несмотря на недомогание, император поехал на охоту в Спалу. Здесь Александру стало еще хуже. По настоянию врачей он переехал в Ливадию, в Крым. Николай сопровождал его.

Император умирал. В октябре в Крым приехала Аликс. Какое счастье доставила бы эта встреча при других обстоятельствах! Десять дней сердце цесаревича разрывалось между скорбью и радостью. Но в конце концов верх над всеми чувствами взяло безмерное отчаянье. Он понимал, что со смертью отца уходит навсегда самая счастливая пора его жизни, что наступают время тревог и бесконечных забот. 20 октября Александр III умер. Ни для кого смерть императора не была более значимой, чем для 26-летнего молодого человека, унаследовавшего его трон.

"Я увидел слезы в его глазах, — вспоминал великий князь Александр. — Он взял меня под руку и повел вниз, в свою комнату. Мы обнялись и заплакали оба. Он не мог собраться с мыслями. Он знал,

что сейчас стал императором, и тяжесть этого ужасного события сразила его".

"Сандро, что я должен делать? — восклицал он патетически. — Что же должно произойти со мной, с тобой, ...с Аликс, с матерью, со всей Россией? Я не готов быть царем. Я никогда не хотел быть им. Я ничего не понимаю в делах правления. У меня даже нет понятия, как разговаривать с министрами".

На другой день, когда дворец задропировали в черное, Аликс приняла православие и с этого дня стала именоваться великой княгиней Александрой Федоровной.

7 ноября произошло торжественное погребение покойного императора в Петропавловском соборе в Петербурге, а через неделю состоялось бракосочетание Николая и Александры. Эта свадьба, сыгранная среди поминальных панихид, произвела на всех современников тягостное впечатление. "Кто это почувствует, кто это может выразить? — писала новая императрица сестре. — В один день в глубоком трауре оплакивать любимого человека, а на следующий — в модных туалетах выходить замуж. Не может быть большего контраста, но это возможно, это произошло с нами обоими... Таково было мое вступление в Россию. Наша свадьба казалась мне просто продолжением панихиды, с тем отличием, что я надела белое платье вместо черного".

По случаю траура не было торжественного приема и свадебного путешествия. После церемонии императорская чета переехала в Аничков дворец. Здесь, в апартаментах, состоящих из шести комнат, они провели первую зиму. Николай занимался государственными делами в небольшом кабинете, а в соседней комнате его жена изучала русский язык; они могли видеться, когда хотели, и были безмерно счастливы этим. Вскоре после свадьбы Александра записала в дневнике своего мужа: "Никогда не предполагала, что могу быть такой абсолютно счастливой в целом

мире, так чувствовать единство двух смертных".

Весной 1895 года Николай перевез свою жену в Царское Село. Они поселились в Александровском дворце, который оставался главным домом императорской четы в течение 22 лет. Все здесь было устроено согласно их вкусам и желаниям, и поэтому Царское всегда оставалось их любимым местом.

Николай обычно вставал в семь, завтракал и исчезал в своем рабочем кабинете, чтобы начать работу. Сидя за письменным столом, он одевался в простую холщовую рубаху, мешковатые штаны и мягкие кожаные сапоги. По стилю работы он был одиночкой и не имел личного секретаря. Он предпочитал делать все сам. На столе Николай держал календарь ежедневных встреч и скрупулезно вел его сам. Когда приходили официальные бумаги, он открывал их, читал, делал пометки, подписывал и сам заклеивал в конверт. В 11 часов император прерывал занятия и шел гулять по парку. Когда появились дети, они неизменно сопровождали его в

этих прогулках. Иногда Николай брал ружье и стрелял в ворон. Свора из 11 превосходных шотландских колли всегда сопровождала его. Зимой Николай вместе с детьми увлеченно строил ледяные горки. Обед в середине дня был официальной церемониальной процедурой. Хотя императрица обычно отсутствовала, Николай обедал с дочерьми и членами своей свиты. Еда начиналась по русскому обычаю с молитвы. Ни Николай, ни Александра не любили дорогих сложных блюд. Большое удовольствие он получал от борща, каши, отварной рыбы с овощами. Но любимым блюдом императора был жареный молодой поросенок с хреном, которого он запивал портвейном. После обеда Николай совершал прогулку верхом по окрестным сельским дорогам в направлении Красного Села. В 4 часа семья собиралась за чаем. Согласно этикету, введенному еще Екатериной II, к чаю подавались только сухари, масло и английские бисквиты. Пирожные и конфеты не допускались. Прихлебывая чай, Николай бегло просматривал газеты и телеграммы. Затем он возвращался к

Смотр войск в Усть-Ижорском лагере. 1900 г.

своей работе, принимая между 17 и 20 часами поток посетителей. Он делал это обычно неформальным, дружеским образом. Стоя за столом, он жестом приглашал гостя садиться в кресло, спрашивал, хочет ли он курить, и сам закуривал папиросу. Он был превосходный слушатель и, хотя часто схватывал суть раньше, чем его посетитель доходил до нее, никогда не прерывал собеседника. Ровно в 20 часов все официальные встречи заканчивались, и император мог идти ужинать. Николай всегда заканчивал аудиенцию, поднимаясь и подходя к окну. Это был безошибочный сигнал, и вновь прибывшие были строго инструктированы на этот счет и должны были удалиться, независимо от того, имел ли Его Величество довольный или сожалеющий вид. "Я боюсь, что утомил Вас", — говорил Николай, учтиво прерывая свою речь. Семейные ужины отличались непринужденностью. Вечером Николай часто сидел в семейной гостиной, читая вслух, в то время как жена и дочери рукодельничали. По его выбору это мог быть Толстой, Тургенев или его самый любимый писатель Гоголь. Но мог быть и какой-нибудь модный роман. Личный библиотекарь государя отбирал для него по 20 самых лучших книг в месяц со всех стран мира. Иногда вместо чтения семья проводила вечера, наклеивая фотографии, сделанные придворным фотографом или ими самими, в зеленые кожаные альбомы с тесненной золотой царской монограммой. Конец дня наступал в 23 часа с сервировкой вечернего чая. Прежде чем удалиться, Николай делал записи в своем дневнике, а затем принимал ванну, ложился в постель и обычно сразу засыпал. Отмечают, что, в отличие от многих семей европейских монархов, русская императорская чета имела общую кровать.

12 августа 1904 года в императорской семье родился пятый ребенок. К великой радости родителей, это оказался маль-

чик. Николай записал в своем дневнике: "Великий незабвенный для нас день, в который так явно посетила нас милость Божья. В 1 час дня у Аликс родился сын, которого при молитве нарекли Алексеем". По случаю появления наследника по всей России палили пушки, звонили колокола и развевались флаги.

Шесть недель спустя, совсем в другом настроении, Николай записал в дневнике: "Аликс и я были очень обеспокоены кровотечением у маленького Алексея, которое продолжалось с несколькими перерывами до вечера из пуповины. Пришлось выписать... хирурга Федорова, который в 7 часов наложил повязку. Маленький был удивительно спокоен и весел, как тяжело переживать такие минуты беспокойства". На следующий день: "Утром снова появилась кровь на повязке, но кровотечение скоро остановилось. Маленький спокойно провел день, и его здоровый вид несколько успокоил нашу

Князь Алексей Николаевич

тревогу". На третий день кровотечение прекратилось, но страх, родившийся в эти дни у царя и его жены, продолжал расти. Прошли месяцы, и Алексей уже вставал в своей кроватке, начал ползать и пытался ходить. Когда он спотыкался и падал, маленькие шишки и синяки появлялись у него на руках и ногах. Через несколько часов они превращались в темно-синие опухоли. Под кожей его кровь не могла свернуться. Ужасное подозрение родителей подтвердилось: Алексей был болен гемофилией.

Следующие годы прошли в тяжелой борьбе за жизнь и здоровье наследника. Любое кровотечение, любой укол мог закончиться смертью. Самые тяжелые страдания и постоянное болезненное состояние вызывали кровотечения в суставах. Кровь, застаиваясь в ограниченном пространстве лодыжки, колена или локтя, вызывала давление на нервы и причиняла ужасные боли.

Мучения горячо любимого сына разрывали сердце родителей. Особенно тягостно сказалась болезнь Алексея на импе-

ратрице, которая с годами стала страдать истерией, сделалась мнительной и крайне религиозной. Потеряв веру в врачей, она все свои надежды возложила на милость Божию. Всякого рода странники и Божьи люди стали желанными гостями в императорской семье. Постепенно среди них выделился и набрал огромную силу Григорий Распутин.

Впервые Распутин появился в Петербурге в 1905 году, когда ему было 30 лет. Все в этом сибирском крестьянине должно было отталкивать: он был грязен, нечистоплотен, груб, развязен и распутен. Но вместе с тем Распутин обладал несомненным и притом феноменальным даром внушения. О его фосфорических глазах, о взгляде, проникающем в самую душу, ходили легенды. Распутин пророчествовал — и многие из его предсказаний сбывались, он брался лечить людей — и действительно, после общения с ним многие испытывали облегчение. В короткое время он стал модным и известным, входил в самые великосветские гостиные. Такой замечатель-

Императрица
Александра Федоровна
с детьми

ный человек не мог долго оставаться вне поля зрения Александры. 1 ноября 1905 года великая княжна Мелица Черногогорская привезла Распутина в Царское Село. В этот день Николай записал в своем дневнике: "Мы познакомились с Божьим человеком Григорием из Тобольской губернии". Через год Николай отметил: "Григорий приехал в 6 часов 45 минут. Он видел детей и беседовал с ними до 7 часов 45 минут".

Поначалу появление Распутина во дворце не получало широкого общественного резонанса. Но вскоре общество шокировали слухи о невероятной степени интимности, с которой Распутина стали принимать во дворце. Мало кто знал о способности Распутина останавливать кровотечение и о том, что он часто оставался единственной и последней надеждой родителей. Только он способен был помочь больному цесаревичу в тех случаях, когда врачи отчаивались доставить ему облегчение. Обычно Распутин приходил за час до обеда, когда Алексей играл на полу в

своей голубой пижамке, прежде чем лечь в постель. Распутин садился возле мальчика и рассказывал ему истории о путешествиях, приключениях и старые русские сказки. Общение Распутина с Николаем и Александрой точно соответствовало его роли. Он был почитителен, но никогда не раболепствовал; он мог громко смеяться и вообще свободно высказывать критические замечания. Он обращался к царствующим особам, называя их не "Ваше Величество", а "батюшка" и "матушка". В 1912 году в Спале цесаревич Алексей после сильнейшего кровоизлияния едва не умер. Врачи признали свое бессилие, и только таинственное вмешательство Распутина в очередной раз спасло наследника. С этого времени авторитет Распутина в глазах императорской четы стал безграничным.

Тем временем Россия переживала один из самых бурных этапов своей истории. Вслед за японской войной началась первая революция, подавленная с огромным трудом. Императору пришлось

Дети Николая II

согласиться на учреждение Государственной Думы. Следующие семь лет были прожиты в покое и даже при относительно процветании. Выдвинутый Николаем Столыпин начал проводить свои реформы. Одно время казалось, что России удастся избежать новых социальных потрясений, но вспыхнувшая в 1914 году первая мировая война сделала революцию неизбежной.

Сокрушительные поражения русской армии весной и летом 1915 года вынудили Николая лично возглавить армию. С тех пор он много времени проводил в Могилеве и не мог глубоко вникать в государственные дела. Александра с большим рвением взялась помогать мужу. Но, кажется, больше навредила ему, чем помогла. По всем вопросам императрица советовалась с Распутиным. Влияние последнего на все стороны государственной жизни как раз в это время страшно возросло и сделалось совершенно нестерпимым. Дело дошло до того, что по его капризу назначали и меняли министров. Общество, особенно высшее, громко негодовало на Александру. Все, кто заботился о престиже ди-

настии: министры, великие князья, генералы и депутаты Думы, — сходились на том, что Распутин должен быть устранен. В декабре 1916 года против ненавистного "старца" составил заговор. Главными вдохновителями и исполнителями покушения были князь Юсупов, депутат Думы Пуришкевич и великий князь Дмитрий Павлович. Им удалось заманить Распутина во дворец Юсуповых и там умертвить. После его смерти положение не улучшилось. И высшие чиновники, и великие князья, и иностранные дипломаты чувствовали приближение революции. Они, как могли, старались предупредить Николая. Неоднократно в эти месяцы Николаю предлагали отстранить от дел Александру и создать правительство, к которому народ и Дума будут иметь доверие. Но все эти попытки не достигли цели. Николай дал слово вопреки всему сохранить в России самодержавие и передать его целым и непоколебимым своему сыну; теперь, когда на него со всех сторон оказывали давление и требовали обратного, он остался верен клятве.

***

22 февраля 1917 года, так и не приняв решения о новом правительстве, Николай поехал в Ставку. Сразу после его отъезда в Петрограде началась революция. Вечером 26 февраля председатель Думы Родзянко телеграфировал императору: "Положение серьезное. В столице анархия. Правительство парализовано. Доставка продовольствия и топлива полностью дезорганизована... На улицах беспорядочная стрельба. Необходимо... лицу, пользующемуся доверием страны, со-

Император Николай II с семьей на перроне вокзала во время прибытия в Ставку. 1916 г.

ставить новое правительство". Прочитав это послание, Николай в сердцах заметил начальнику штаба генералу Алексееву: "Этот толстяк Родзянко мне написал какой-то вздор, на который я ему даже отвечать не буду". Николай решил возвратиться в столицу через несколько дней. "Я уеду послезавтра, — телеграфировал он жене. — Закончил здесь со всеми военными вопросами. Спи спокойно". Вплоть до позднего вечера 27 февраля Николай оставался в Могилеве. Из Петрограда приходили самые неутешительные известия. В том числе императрица прислала взволнованную телеграмму: "Уступки неизбежны. Уличные сражения продолжаются. Многие части перешли на сторону врага". Николай решил немедленно ехать в столицу. Он перебрался в свой поезд, который двинулся в путь в пять часов утра 28 февраля. Позднее многие считали, что Николай совершил двойную ошибку. Первой был его отъезд из Петрограда в критический момент накануне революции, которую многие предсказывали. Второй — его поспешный отъезд из Ставки, в результате которого он оказался оторванным от средств управления войсками, то есть в самом незавидном и беспомощном положении. Главная причина обоих просчетов состояла в том, что император до самого конца так и не осознал масштабов происходящего. Понимание того, что монархии в России пришел конец, явилось слишком поздно.

В пути Николай получал о происходящем лишь отрывочные сведения. На одной из станций государь случайно узнал, что в Петрограде уже действует временный комитет Государственной Думы, руководимый Родзянко. Перехвачены были и некоторые распоряжения новой власти. Так, сообщили о приказе коменданта станции Петроград: задержать царский поезд и не допускать его в Царское Село. В 2 часа ночи 1 марта поезд остановился у станции Малая Вишера в 200 верстах от Петрограда. Здесь какой-то офицер рас-

сказал генералам свиты, что революционные войска заняли Николаевский вокзал. Разбудили Николая и стали советовать, куда ехать дальше. Решили пробираться в Псков, в ставку Северного фронта. На псковский вокзал поезд прибыл около 8 вечера 1 марта. Командующий Северным фронтом генерал Рузский уже поджидал государя. От него Николай узнал последние новости: весь гарнизон Петрограда и Царского Села перешел на сторону революции, то же гвардия, казачий конвой и Гвардейский экипаж с великим князем Кириллом во главе. Сообщение, что его личная гвардия дезертировала, было тяжелым ударом для Николая.

Рузский настоятельно просил Николая согласиться на создание независимого думского министерства по формуле: "государь царствует, а правительство управляет". Николай возражал на это спокойно, но с большим внутренним убеждением. Он говорил, что лично для себя ничего не желает, но считает себя не в праве передать все дело управления Россией в руки людей, которые сегодня, будучи у власти, могут нанести величайший вред родине, а завтра умоют руки, "подав с кабинетом в отставку". Рузский старался доказать государю, что его мысль ошибочна, и после полутора часов пререканий получил наконец от императора соизволение: объявить Родзянке, что он согласен на ответственное министерство и предлагает председателю Думы сформировать первый кабинет. Родзянко был вызван к аппарату для переговоров с Рузским в тот момент, когда в Петрограде уже формировалось Временное правительство. Он отвечал, что в столице разразилась ужасная революция, что ненависть к императрице достигла последней степени, и, чтобы предотвратить кровопролитие, он вынужден арестовать всех царских министров. Родзянко признавался даже, что сам он висит на волоске, что власть ускользает из его рук и что меры, которые предлагал

Рузский, опоздали. "Время потеряно. Возврата нет", — повторил он.

Действительно, уже 1 марта члены Временного правительства согласились, что Николай должен отречься от престола. Это, по их мнению, была единственная возможность спасти монархию в России. К тому же выводу пришел и Алексей, после того как Рузский сообщил ему о результатах своих переговоров с Родзянкой. Алексеев разослал телеграммы всем командующим фронтам, спрашивая их мнения: как они относятся к отречению государя. Вскоре получены были ответы от великого князя Николая, генералов Брусилова, Эверта и Сахарова. Все они были беспощадны и единодушны: Николай должен отречься.

2 марта после утреннего завтрака Рузский принес телеграммы командующих в царский поезд и выложил их перед императором. Николай был потрясен. Такого единодушия он никак не ожидал. Его лицо стало белым. Но, несмотря на сильное волнение, он выглядел совершенно спокойным. Рузский стал убеждать Николая согласиться на отречение. Император возразил: "Но я не знаю, хочет ли этого вся Россия". Рузский заметил, что сейчас не время заниматься анкетой и что государь может спросить мнения хотя бы его помощников. При разговоре присутствовали генералы Данилов и Саввич. Николай согласился, и оба генерала сказали, что, несмотря на всю их любовь к государю, долг перед Отечеством заставляет их признать отречение единственным возможным выходом из ситуации. После этого Николай молчал минуту или две, глядя в окно, затем порывисто повернулся к присутствующим и сказал: "Я решил. Я отказываюсь от престола", — и перекрестился. Обратясь к Рузскому, он сказал: "Благодарю вас за доблестную и верную службу" — и, поцеловав его, ушел к себе.

Николай вызвал к себе профессора Федорова и стал расспрашивать его о здоровье цесаревича Алексея. Федоров от-

вечал откровенно, что, хотя Алексей Николаевич и может прожить долго, вылечить его нельзя. "К тому же, — добавил Федоров, — Вашему Величеству никогда не разрешат жить в России". Последнее замечание смутило Николая. Он предполагал, что сможет удалиться в Ливадию и жить там с семьей до совершеннолетия сына, предоставив исполнение обязанностей регента брату Михаилу. Слова Федорова заставили его по-новому взглянуть на свое отречение, и он сказал: "Я не могу при таких обстоятельствах оставить одного больного сына и расстаться с ним".

Поздно вечером 2 марта в Псков приехали Шульгин и Гучков, которые по решению правительственного комитета должны были присутствовать при отречении императора. Гучков сильно волновался и произнес целую речь, доказывая, что отречение в создавшихся обстоятельствах неизбежно. Николай спокойно выслушал его и сказал: "Я вчера и сегодня целый день обдумывал решение отречься от престола. До трех часов дня я готов был на отречение в пользу моего сына, но затем я понял, что расстаться со своим сыном я не способен". Тут он сделал короткую остановку и прибавил: "Вы это, надеюсь, поймете". Затем он продолжал: "Поэтому я решил отречься в пользу моего брата".

Эмиссары новой власти были застигнуты врасплох таким неожиданным поворотом, но в конце концов признали, что он имеет свои выгоды. Они согласились. Около полуночи манифест об отречении был подписан. По свидетельству Шульгина, все произошло как-то даже слишком буднично. Царствование Николая II окончилось. Но никто из участников этих событий не предполагал, что в этот час кончилось и трехсотлетнее правление Романовых и более чем тысячелетняя история монархической России.

В час ночи 3 марта царский поезд отошел от платформы в Пскове и двинулся в Ставку. Напоследок Николай хотел попро-

щаться с армией. В Могилеве он узнал последнюю удручающую новость: оказалось, что брат Михаил, едва сделавшись царем, немедленно отрекся от престола.

Положение императорской семьи между тем постепенно ухудшалось. Под давлением Совета Временное правительство отдало приказ о ее аресте. 8 марта в Царском Селе арестовали Александру. В тот же день в Могилеве был взят под стражу Николай. С этого дня началось для него время постоянных унижений. 9 марта государя привезли в Царское. Тут почти вся свита немедленно покинула его. Когда же машина с низложенным императором подъехала к воротам дворца, они оказались заперты. Караул позвонил офицеру. Тот вышел на ступени и громко спросил: "Кто там?" Ему отвечали: "Николай Романов". "Открыть ворота бывшему императору", — распорядился офицер. Николай вошел в вестибюль дворца, никто из солдат не поднялся, не отдал честь и не снял шапок. Многие продолжали курить. Он миновал их, не говоря ни слова. Только лакей на верхнем этаже громко объявил: "Его Величество Император!" Александра с рыданиями бросилась к нему на шею и крепко обняла. Тут силы покинули Николая: уронив голову на грудь жене, он заплакал как дитя.

На другой день он хотел прогуляться по парку, но едва вышел на улицу, как его окружило шестеро солдат. "Они все время толкали государя, — вспоминала Анна Вырубова, — как будто он был какой-то преступник, приговаривая: "Туда нельзя ходить, господин полковник", "Мы не позволим вам гулять в этом направлении, господин полковник", "Вернитесь, когда вам говорят, господин полковник". Не изменившись в лице, Николай вернулся во дворец.

Потянулись дни затворничества. Караул вел себя вызывающе грубо. Еще обиднее было видеть предательство тех людей, которых привыкли считать самыми близкими. Почти вся прислуга и большин-

ство фрейлин бросили дворец и императрицу. Доктор Остроградский отказался ездить к больному Алексею, заявив, что "находит дорогу слишком грязной" для дальнейших посещений. Тем больше благодарности вызывала верность немногих оставшихся при опальной семье слуг и друзей.

В долгом заключении Романовы коротали время за просмотром фильмов, подаренных еще до революции компанией Пате. Кроме того, Николай и Александра возобновили занятия с детьми. Сам Николай взял на себя преподавание истории и географии. По газетам и журналам он с острым интересом следил за политическими и военными событиями. Много и подолгу возился с детьми, сам чистил снег на дорожках и много читал. В мае Николай с помощью детей начал вскапывать огород. Постепенно в работу включились многие слуги и даже некоторые солдаты. Летом, когда посадки были закончены, Николай стал пилить на дрова сухие деревья в парке. Вскоре штабеля аккуратно сложенных дров стали появляться в разных уголках парка.

Тем временем ситуация в стране снова начала обостряться. Керенский, который стал к этому времени главой Временного правительства, решил, что в целях безопасности царскую семью надо отправить подальше от столицы. После долгих колебаний он приказал перевести Романовых в Тобольск.

Переезд состоялся в начале августа в глубоком секрете. Узников сопровождали 30 слуг и три роты солдат. Поезд шел под японским флагом с транспарантом на боку: "Миссия японского Красного креста". 4 августа состав достиг Тюмени. Отсюда до Тобольска плыли на пароходе "Русь". Николай провел путешествие, расхаживая по верхней палубе и рассматривая берега.

Дом тобольского губернатора, назначенный для жизни низложенному государю и его семье, оказался полуразрушенным. В течение восьми дней, пока шел ре-

монт, Романовы жили на пароходе. 13 августа состоялся переезд. В этом доме царская семья прожила восемь месяцев. Он был намного меньше Царскосельского дворца и даже тесен. Так, например, четыре великих княжны поселились в одной комнате. Прогулки были ограничены границами двора и сада, обнесенных высоким забором. Но зато обращение с узниками стало немного мягче. Местное население, очень далекое от революции, относилось к Романовым с большим уважением. Солдаты, которые поначалу всячески выражали свою ненависть, теперь, наблюдая изо дня в день жизнь царской семьи, почувствовали к ней расположение.

Но большим лишением для Николая стало отсутствие свежих газет. Ему приходилось следить за политическими событиями по местной прессе, которая питалась скорее слухами, чем фактами. Тем не менее Николай вскоре понял, что власть ускользает из рук Временного правительства. Будущее стало внушать ему все большую тревогу. Октябрьский переворот произвел на него тягостное впечатление. "Тогда я впервые услышал, — вспоминал Жильяр, — что царь сожалеет о своем отречении. Ему было больно видеть сейчас, что его отречение было напрасным и что своим уходом в интересах родины он в действительности оказал ей медвежью услугу. Эта мысль все чаще и чаще посещала его".

Материальное положение семьи стало более стесненным. Александра писала Анне Вырубовой: "Я вяжу носки для маленького (Алексея). Он требует еще пару, так как все его в дыках... Я сейчас делаю все. Папины (царя) штаны порвались и нуждаются в штопке, и нижнее белье девочек в лохмотьях... Я стала совсем седой..." Зимой температура в доме едва достигала 7 градусов. Все очень страдали от стужи. Чтобы развлечь великих княжон, Жильяр предложил им ставить сцены из пьес. Родители тоже приняли участие в спектаклях. Николай исполнял роль Смир-

нова в чеховском "Медведе". По вечерам семья собиралась у огня. Николай читал, великие княжны рукодельничали.

В феврале 1918 года многие солдаты охраны были призваны в армию. Прибыли новые, находившиеся под сильным влиянием революционных идей. Вновь начались мелкие придирки и оскорбления. Деньги, назначенные Временным правительством, перестали поступать. Вскоре узники оказались в еще более стесненных обстоятельствах. 1 марта пришло распоряжение перевести "Николая Романова и его семью... на солдатский рацион". В пересчете на семь человек это означало 4200 рублей в месяц. Романовы вынуждены были уволить почти всех слуг. Масло и кофе были исключены как излишняя роскошь.

22 апреля в Тобольск приехал комиссар Яковлев с 150 всадниками. У него был приказ перевезти Романовых в Москву. Поскольку Алексей был очень болен, его оставили в Тобольске, поручив присматривать за ним Жильяру. Подле брата остались и три великих княжны. Николай, Александра и Мария утром 26 апреля сели в тарантасы и в сопровождении эскадрона всадников тронулись в путь. Поездка до Тюмени была изматывающе трудной. Здесь узников посадили в специальный поезд. Яковлев предполагал ехать через Омск, Челябинск, Уфу и Самару. Этот окружной маршрут выбрали для того, чтобы миновать Екатеринбург. Но едва тамошний Совет узнал, что царскую семью отправляли на юго-восток, он забил тревогу. Под Омском поезд был остановлен, и Яковлев получил приказ из Москвы от Свердлова передать узников в руки Уральского Совета в Екатеринбурге. С вокзала Романовых доставили на автомобиле в дом купца Ипатьева. Этому дому суждено было стать последней тюрьмой Николая.

В середине мая в Екатеринбург перевезли Алексея и трех его сестер. С Романовыми оставили только нескольких слуг. Фрейлин больше не допустили к импе-

ратрице, предоставив им, впрочем, полную свободу. Ипатьевский дом и не мог вместить большого количества людей. В пяти верхних комнатах второго этажа поселилось двенадцать человек. В первой жили Николай, Александра и Алексей, во второй — великие княжны. Оставшиеся были поделены между прислугой.

На новом месте Николай и его семья почувствовали себя настоящими пленниками. За забором и на улице располагалась внешняя охрана из красногвардейцев. В доме всегда находилось несколько человек с револьверами. Эта внутренняя охрана отбиралась из самых надежных большевиков и была настроена очень враждебно. Ею командовал Александр Авдеев, именовавший императора не иначе, как "Николай Кровавый". Никто из членов семьи не мог уединиться, и даже до туалета великие княжны шли в сопровождении кого-нибудь из конвоиров. Также под конвоем Романовых один раз в день выводили на прогулку. В основном жизнь семьи протекала внутри дома. На завтрак подавали только черный хлеб и чай. Обед состоял из супа и котлет. Караульные часто на глазах обедавших брали руками куски из кастрюли. Одежда заключенных совсем обветшала. Последние недели Николай носил гимнастерку и брюки защитного цвета, обувался в старые поношенные сапоги.

4 июля Уральский Совет сместил Авдеева и его людей. Их место заняли десять чекистов во главе с Юровским. Несмотря на то, что Юровский был гораздо вежливее Авдеева, Николай с первых дней почувствовал исходившую от него угрозу. Действительно, тучи сгущались над семьей последнего русского императора. В конце мая в Сибири, на Урале и в Поволжье вспыхнул чехословацкий мятеж. Чехи развернули успешное наступление на Екатеринбург. 12 июля Уральский Совет получил разрешение из Москвы самостоятельно решить судьбу низложенной династии. Совет постановил расстрелять всех

Дети Николая II

Романовых и поручил исполнение казни Юровскому.

16 июля тот раздал чекистам 12 револьверов и объявил, что расстрел будет произведен сегодня. В полночь Юровский разбудил всех узников, велел им быстро одеться и спуститься вниз. Он объяснил, что чехи и белые приближаются к Екатеринбургу, и местный Совет решил, что они должны уехать. Николай спустился по лестнице первым, неся на руках Алексея. Анастасия держала на руках спаниеля Джимми. По цокольному этажу Юровский привел всех в полуподвальную комнату. Здесь он попросил подождать, пока не придут автомобили. Николай попросил стулья для сына и жены. Юровский велел принести три стула. Кроме семьи Романовых здесь же находились доктор Боткин, лакей Трупп, повар Харитонов и комнатная девушка императрицы Демидова.

Когда все собрались, Юровский снова вошел в комнату, сопровождаемый всем отрядом ЧК с револьверами в руках. Он вышел вперед и быстро сказал: "Ввиду того, что ваши родственники продолжа-

ют наступление на Советскую Россию, Уралисполком постановил расстрелять вас". Николай, продолжая поддерживать рукой Алексея, стал подниматься со стула. Он только успел сказать: "Что?", и тут Юровский выстрелил ему в голову. По этому сигналу чекисты начали стрельбу. Александра Федоровна, Ольга, Татьяна и Мария были убиты на месте. Боткин, Харитонов и Трупп были смертельно ранены. Демидова осталась стоять на ногах. Чекисты схватили винтовки и стали преследовать ее, чтобы добить штыками. С криками она металась от одной стены к другой и наконец упала, получив более 30 ран. Собаке размоzzжили голову прикладом. Когда в комнате воцарилась тишина, послышалось тяжелое дыхание цесаревича, — он все еще был жив. Юровский перезарядил револьвер и дважды выстрелил мальчику в ухо. Как раз в этот момент Анастасия, которая была только без сознания, очнулась и закричала. Ее также пришлось добивать штыками и прикладами.

По сей день остается загадкой, как палачи распорядились с телами своих жертв. По одной версии все 11 трупов завернули в простыни и на рассвете вывезли на автомобиле к заброшенной шахте неподалеку от деревни Коптяки. Здесь все тела были тщательно расчленены с помощью пил и топоров, облиты керосином и сожжены. Пепел и не перегоревшие остатки были сброшены в шахту. Однако много лет спустя открыта была другая тайная могила неподалеку от Екатеринбурга. Сейчас, после многолетней экспертизы, с большой долей вероятности можно утверждать, что император и его близкие нашли свой последний покой именно в ней.

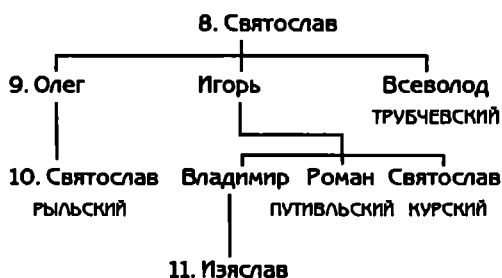
НОВГОРОД-СЕВЕРСКИЕ КНЯЗЬЯ

Род русских князей, ветвь *Черниговских князей*. Основан Святославом Ольговичем.

⦿

От Северских князей произошли:

- 1) Рыльские князья;
- 2) Путивльские князья;
- 3) Курские князья;
- 4) Трубчевские князья.

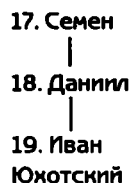

НОВЛЕНСКИЕ КНЯЗЬЯ

Княжеский род, ветвь *Ярославских князей*, получивший название по обладанию Новленской волостью. Основан Семеном Васильевичем.

⦿

Даниил Семенович, как можно предположить, оставался удельным князем Новленским, а внук Иван по уделу Юхоть был прозван Юхотским.

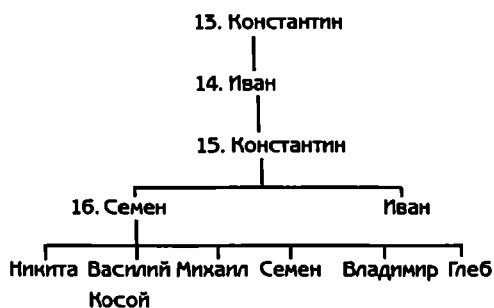

ОБОЛЕНСКИЕ КНЯЗЬЯ

Род русских князей, ветвь *Торусских князей*.

Родоначальником князей Оболенских считается князь Константин Юрьевич, получивший от отца Оболенскую волость по реке Протве, где позже возник и одноименный город. Его внука Константина Ивановича в 1368 году убили литовцы по дороге на Москву (в летописи говорится, что Ольгерд убил Константина Юрьевича, внука Михаила Святого, но это едва ли возможно, исходя из счета лет). Два сына Константина, Семен и Иван, упомянуты под 1375 годом среди участников похода великого князя Дмитрия Ивановича на Тверь. Внуки Константина приняли московское подданство до 1449 года.

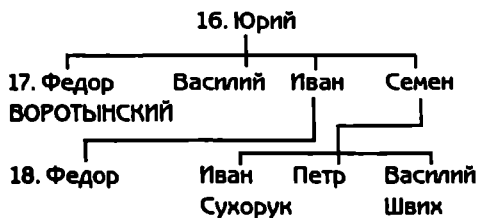
ОДОЕВСКИЕ КНЯЗЬЯ

Род русских князей, ветвь *Глуховских и Новосильских князей*. Основан Юрием Романовичем.

Родоначальник Одоевских князей Юрий Романович в 1407 году вынужден был перейти в Литовское подданство. В 1422 году хан Барок приступил к Одоеву и пленил множество людей. Юрий нагнал его в степи и отнял весь полон. Позже, в 1423 году, соединившись с друцкими князьями, он

разбил другого хана, Куйдадату. Старший сын Юрия, князь Федор, поселился в построенном им селении Воротынец и сделался родоначальником удельных *Воротынских князей*. Другой сын Юрия — Семен — неизвестно когда снова присягнул Москве. В 1474 году, после нападения московской рати на литовскую Украину, жители Любутска разорили вотчину князя Семена и убили его в бою. Событие это привело к войне между двумя ветвями князей Одоевских. Князь Федор Иванович жаловался королю Казимиру, что во время отсутствия его в Одоеве другие Одоевские князья — Иван и Василий Семеновичи, служившие Москве, схватили его мать и захватили отчину его — половину Одоева. Как видно, Казимир ничем не мог ему помочь, и по договору 1493 года вся Одоевская волость отошла к Москве. В дальнейшем князья Семеновичи — Иван, Петр и Василий — упомянуты в качестве воевод в различных походах.

ОЛЕГ

Легендарный варяг, княживший в 879—882 гг. в Новгороде, а в 882—912 гг. в Киеве. Основатель Древнерусского государства.

“Повесть временных лет” сообщает, что, умирая в 879 году, новгородский князь Рюрик передал княжение своему родичу Олегу и отдал ему на руки сына Игоря, ибо тот был еще очень мал. Три года спустя, в 882 году, Олег выступил в поход, взяв с собою много воинов: варягов, чудь, словен, мерю, весь, кривичей — и пришел к Смоленску, и принял власть в городе, и посадил в нем своих мужей.

Оттуда отправился вниз и взял Любеч, и также посадил своих мужей, и пришел к горам Киевским, и узнал, что княжат тут Аскольд и Дир, бывшие прежде боярами Рюрика. Олег спрятал своих воинов в ладьях, других оставил позади, а сам подошел к горам, неся ребенка Игоря. И послал к Аскольду и Диру, говоря им, что-де мы купцы, идем к грекам от Олега и княжича Игоря; придите к нам, родичам своим. Аскольд и Дир пришли, все спрятанные воины выскочили из ладей и схватили их. И сказал Олег Аскольду и Диру: "Не князья вы и не княжеского рода, но я княжеского рода". А когда вынесли Игоря, добавил: "Вот он, сын Рюрика". И убили Аскольда и Дира, и отнесли на гору, и погребли. И сел Олег княжить в Киеве, сказав: "Да будет Киев матерью городам русским".

Вслед за тем Олег начал строить города, и установил дани славянам и кривичам и мери. В 883 году Олег воевал против древлян и, покорив их, установил дань

с них по черной кунице. В 884 году Олег отправился на северян, и победил их, и возложил на них легкую дань, и не позволил им платить дань хазарам, говоря так: "Я враг их, и вам платить не зачем". В 885 году Олег послал к радимичам, спрашивая: "Кому даете дань?" Те ответили: хазарам. Олег воспретил им платить дань хазарам и сам стал взимать с радимичей по щелягу, как раньше взимали хазары. И властвовал Олег над полянами, и древлянами, и северянами, и радимичами, а с уличами и тиверцами воевал.

В 907 году, продолжает свой рассказ летописец, Олег пошел на греков, оставив Игоря в Киеве, взял же с собою множество варягов, и славян, и чуди, и кривичей, и мерю, и древлян, и радимичей, и полян, и северян, и вятичей, и хорватов, и дулебов, и тивирцев, известных как толмачи. И с этими всеми пошел Олег на конях и в кораблях; и было кораблей числом 2000. И пришел к Царьграду, греки же замкнули Суд (залив Золотой Рог), а го-

Греки платят дань Олегу. Миниатюра Радзивилловской летописи

род затворили. И вышел Олег на берег, и начал воевать, и много убийств совершили русские в окрестностях города, сожгли множество церквей и домов. А тех, кого захватили в плен, одних посекли, других мучили, иных же застрелили, а некоторых побросали в море, и много другого зла причинили грекам.

И повелел Олег своим воинам сделать колеса и поставить на них корабли. И с попутным ветром подняли они паруса, и пошли со стороны поля к городу. Греки же, увидав это, испугались и сказали через послов Олегу: "Не губи города, дадим тебе дани, какой захочешь". И приказал Олег дать дани на 2000 кораблей по 12 гривен на человека, а было в каждом корабле по 40 мужей. Вслед за тем велел он дать особую дань для городов русских: Киева, Чернигова, Переяславля, Полоцка, Ростова, Любеча и прочих, где сидели князья, подвластные Олегу. И вернулся Олег в Киев, неся золото, и паволоки, и плоды, и вино, и всякое узорочье. В 911 году Олег заключил с греками выгодный торговый договор.

О смерти Олега летописец сообщает следующую легенду. Как-то Олег спросил волхвов и кудесников: "От чего я умру?" И сказал ему один кудесник: "Князь! От коня твоего любимого, на котором ты едешь, от него тебе умереть!" Запали слова эти в душу Олегу, и сказал он: "Никогда не сяду на него, и не увижу его больше". И повелел кормить коня своего и не водить к нему, и прожил несколько лет, не видя его. На пятый год после возвращения из Греции вспомнил Олег о коне и спросил у старейшин и конюхов: "Где конь мой, которого я приказал кормить и беречь?" Те же отвечали: "Умер". Олег посмеялся и укорил того кудесника, сказав: "Не право говорят волхвы, но все то ложь. Конь умер, а я жив". И захотел Олег увидеть останки своего бывшего товарища, и приехал на то место, где лежали его голые кости и череп. И когда слез с коня, то опять посмеялся и сказал: "От этого ли черепа дол-

жен я принять смерть?" — и ступил ногою на череп. И выползла из черепа змея и ужалила его в ногу. И от того разболелся и умер Олег, и принял после него власть Игорь.

ОЛЕГ ВЛАДИМИРОВИЧ (кол.11)

Из рода Рязанских князей. Сын Владимира Глебовича. Кн. Пронский в 1207—1208 гг. † 1208 г.

В 1207 году Всеволод Юрьевич Большое Гнездо собрался идти на черниговских князей и послал звать с собою рязанцев. Тут вдруг пришла к нему весть, что последние обманывают его, сговорились с черниговцами и идут к нему для того лишь, чтобы удобнее было впоследствии предать его. Все рязанские князья вскоре явились с дружинами: Роман и Святослав Глебовичи, два сына Святославовых, да племянники их, сыновья умершего Игоря. Приехали также Олег с братом Глебом, которые, как можно предположить, и оклеветали всю братию. Всеволод принял всех радушно и позвал к себе на обед; стол был накрыт в двух шатрах: в одном сидели шестеро рязанских князей, а в другом — Всеволод с Олегом и Глебом. Братья стали говорить Всеволоду: "Не верь, князь, братьям нашим: они сговорились против тебя с черниговскими". Всеволод послал уличать рязанских князей муромского князя Давыда Юрьевича. Обвиненные стали клясться, что и не думали ничего подобного. Тогда в шатер к рязанским явились Глеб и Олег и стали уличать их. Всеволод велел схватить уличенных князей вместе с их думцами и отвезти во Владимир, а сам на другой же день переправился через Оку и пошел к Пронску. Олег также был среди осаждавших. Когда у владимирцев вышли запасы хлеба, Всеволод отрядил его на Оку, где стояли лодки с хлебом. На дороге Олег узнал, что двоюродный брат его Роман Игоревич вышел

из Рязани с войском и напал на владимирских лодочников. Получив эту весть, Олег бросился на помощь к лодочникам и побил рязанцев. С Оки он возвратился с победой и хлебом. Проняне вскоре сдались, и Всеволод дал им в князя Олега. Но в 1208 году, когда обнаружилось непокорство рязанцев, Всеволод отнял у Олега Пронск и дал его Давыду Юрьевичу Муромскому. В том же году Олег с братьями и Михаилом Всеволодовичем выгнал Давыда из Пронска и отдал его Михаилу. Сам Олег умер вскоре в Белгороде.

ОЛЕГ ИВАНОВИЧ (кол.17)

Из рода Рязанских кн. Вел. кн. Рязанский в 1350—1371, 1372—1402 гг. Ж.: дочь вел. кн. Литовского Ольгерда Гедиминовича, вел. кн. Евфросиния. († 5 дек. 1405 г.). † 5 июля 1402 г.

В 1365 году мордовский хан Тогай внезапно напал на Переяславль-Рязанский, сжег его, захватил окрестные волости и села и уже с большою добычею возвращался в степь, как был настигнут Олегом, Владимиром Дмитриевичем Пронским и Титом Козельским: был между ними бой лютый, пало много мертвых с обеих сторон, но русские князя наконец одолели, и Тогай едва убежал.

В 1371 году, в декабре, Дмитрий Иванович Московский отправил против Олега своего воеводу Дмитрия Ивановича Волынского с большим войском. Олег собрал также большое войско и вышел навстречу московским полкам к Скорнищеву, причем, по словам летописца, рязанцы говорили друг другу: "Не берите с собой ни доспехов, ни щитов, ни коней, ни сабель, ни стрел, берите только ремни и веревки, чем вязать боязливых и слабых москвичей". Но в жестокой битве рязанцы были разбиты, и сам Олег едва спасся с небольшою дружиной. Как только князь Пронский Владимир Дмитриевич узнал о поражении Олега, то явился к Рязани и сел здесь на кня-

жение, но Олег вскоре вернулся и взял его в плен.

В 1378 году пришел внезапно к Рязани татарский царевич Арапша и взял ее. Сам Олег, весь израненный, едва вырвался из рук татар. В следующем году явился под Рязань сам Мамай. Олег, никак не ожидавший этого нападения (татары недавно разбиты были на Воже), бросил город и побежал на левую сторону Оки, а татары взяли города Дубок и Переяславль-Рязанский, сожгли их, опустошили всю землю, но дальше за Оку не пошли.

В 1380 году Мамай стал кочевать у границ Рязанской земли с огромным войском. Олег послал в Москву сообщить о движении Мамаея, а сам, стремясь обезопасить свою землю от вторжения, поспешил войти в переговоры с Мамаем. Вместе с тем Олег стал пересылаться и с другим врагом Дмитрия Ивановича — литовским князем Ягайлом. Летописцы сообщают, будто Олег и Ягайло рассуждали так: "Как скоро князь Дмитрий услышит о нашествии Мамаея и о нашем союзе с ним, то убежит из Москвы, а мы сядем в Москве и во Владимире; когда хан придет, то мы его встретим с богатыми дарами и упросим, чтобы возвратился домой, а сами с его согласия разделим Московское княжество на две части — одну к Вильне, а другую — к Рязани и возьмем на них ярлыки для себя и для потомства нашего". Но битва кончилась победой Дмитрия. Опасаясь мести со стороны Москвы, Олег бежал в Литву. Дмитрий Донской послал было в Рязань своих наместников, но увидел, что еще трудно будет удержать ее против Олега, и потому помирился с ним.

В 1382 году преемник Мамаея хан Тохтамыш решил наказать Москву за неповиновение. Олег встретил его у границы своей земли, упросил не воевать Рязанской области, обвел вокруг нее и указал броды на Оке. Это угодничество, однако, не спасло его от разорения. На обратном пути татары опустошили рязанскую землю. А едва Тохтамыш выступил из рязанс-

ких пределов, как в волости Олега появились московские полки и разорили то, что не было тронуто татарами; злее ему стало и татарской рати, говорит летописец. Олег, собравшись с силами, отомстил за себя в 1385 году: он внезапно напал на Коломну, взял и разграбил ее. Дмитрий отправил против него войско под начальством Владимира Андреевича. Но москвичи потерпели поражение, потеряли многих бояр и воевод. Дмитрий стал хлопотать о мире, отправлял к Олегу послов, но не добился успеха. Наконец, по просьбе великого князя, отправился в Рязань троцкий игумен св. Сергий. Летописец говорит, что этот чудный старец тихими и кроткими речами много беседовал с Олегом о душевной пользе, о мире и любви. Олег переменял свирепость свою на кротость, утих и умилился душой, устыдясь такого святого мужа, и заключил с московским князем вечный мир. Сын Олега женился на дочери Дмитрия.

В конце XIV века в Рязани нашел убежище зять Олега, Юрий Святославич Смоленский. В 1396 году Олег вместе с Юрием опустошил литовские владения, но еще не успел Олег возвратиться домой, как услышал, что Витовт пустошит его волости. Тогда, оставив свою добычу в надежном месте, Олег ударил врасплох на литовцев, рассеявшихся для грабежа, и разбил их. Витовт испугался и ушел домой.

В 1401 году Олег вместе с Юрием, а также с князьями пронским, муромским и козельским отправился к Смоленску. Смоленяне сдались и приняли к себе на княжение Юрия.

ОЛЕГ ИНГВАРЕВИЧ Красный (кол.12)

Из рода Рязанских кн. Сын Ингваря Игоревича. Кн. Рязанский в 1252—1258 гг. † март 1258 г.

В 1237 году, когда татары взяли и разрушили Рязань, Олег был единственным из рязанских князей, кто попал живым в

плен татарам. Долгие годы он провел в неволе и был отпущен на Русь только в 1252 году после смерти своего брата Ингваря. Незадолго до смерти Олег принял монашество и схиму. Погребен в Переяславле-Рязанском в храме св. Спаса.

ОЛЕГ МСТИСЛАВИЧ (кол.12)

Из рода Рыльских кн. Сын (?) Мстислава Святославича. Кн. Вергольский и Рыльский. † 1285 г.

Об этом Олеге в летописях сообщает следующее. В его волости ханский баскак Ахмат построил свои слободы, население которых постоянно увеличивалось за счет беглецов из других мест. Окрестным жителям вскоре стало очень тяжело. Тогда Олег и его сосед князь Липецкий Святослав Андреевич решили ехать в Орду жаловаться на Ахмата хану Телебуге. Олег отправился к хану, и хан решил дело в пользу князей, велел им разорить слободы и жителей их вывезти в свои волости. Князья исполнили ханское повеление. Тогда Ахмат обратился с жалобой на Олега к сопернику Телебуге, хану Ногаю. Ногай позвал к себе на суд Олега, но тот не явился. Ногай рассердился и послал вместе с Ахматом войско для опустошения волостей Олега и Святослава. В январе татары осадили Ворголу, откуда Олег бежал в Орду, а потом в Липецк. Двадцать дней татары грабили окрестные села и всю добычу сложили в волостях Ахмата, которые наполнились скотом и людьми. Всех бояр Олеговых Ахмат велел перевешать.

В следующем году Святослав напал на Ахматовы слободы и разорил их. В это время возвратился из Орды Олег и послал сказать Святославу: "Что это ты, брат, сделал? Правду нашу погубил, положил и на себя и на меня имя разбойничье. Ступай теперь в Орду, отвечай!" Святослав отказался. Тогда Олег послал сказать ему: "Мы целовали с тобой крест, что ходить нам по одной думе обоим; когда рать была, то ты со мною к царю не бежал, остался в

Руси, прятался в Воронежских лесах, чтоб после разбойничать, а теперь погубил и мою и свою правду, не идешь ни к своему царю, ни к Ногаю на исправу, так пусть нас с тобой Бог рассудит". Объявив войну Святославу, Олег отправился в Орду, пришел оттуда с татарами и убил Святослава. Место последнего занял его брат Александр; он не мог не отомстить за брата, а потому пошел в Орду с богатыми дарами и, взяв от хана войско, убил Олега вместе с двумя сыновьями. Летописец говорит в своем рассказе, что в нем опущено много подробностей, потому что и малая эта повесть может исторгнуть слезы у разумного человека.

Св. ОЛЕГ РОМАНОВИЧ (кол.13)

Из рода Черниговских кн. Сын Романа Михайловича Старого. Кн. Брянский и Черниговский. † 1290 или 1307 г.

В 1274 году Олег участвовал в войне против Литвы. После смерти отца он короткое время был князем Черниговским и Брянским, затем построил Петровский монастырь и принял там иноческий сан. По смерти Олег был причислен к лику святых.

ОЛЕГ СВЯТОСЛАВИЧ (кол.4)

Из рода Рюриковичей. Сын Святослава I Игоревича. Кн. Древлянский в 969—977 гг. † 977 г.

После смерти Святослава в 972 году сыновья его стали править на Руси, сидя каждый в своем городе: Олег — в Овруче, в Древлянской земле, Ярополк — в Киеве, Владимир — в Новгороде. Ярополк был старшим среди князей, главным же советником при нем состоял воевода Свенельд.

В 975 году сын Свенельда, Лют, вышел из Киева на охоту и, преследуя зверя, оказался в древлянских лесах. И увидел его

Олег, рассказывает летописец, и спросил своих: "Кто это?" Ему ответили: "Свенельдич". И, напав, убил его Олег, так как сам охотился там же. Оттого поднялась ненависть между Ярополком и Олегом, и Свенельд постоянно подговаривал Ярополка, стремясь отомстить за сына своего: "Пойди на своего брата и захвати власть его".

В 977 году Ярополк пошел войной на Олега. Олег вышел против него, и в битве Ярополк победил Олега. Олег же со своими воинами побежал в Овруч; через ров к городским воротам был перекинут мост, и люди, теснясь на нем, сталкивали друг друга вниз. И столкнули Олега с моста в ров. Много всадников с конями свалились на него сверху, причем кони давили людей. Ярополк, войдя в город, послал искать своего брата. Искали его, но не нашли. Один древлянин сказал князю: "Ви-дел я, как вчера спихнули его с моста". Ярополк послал найти брата. С утра до полудня вытаскивали изо рва трупы и наконец нашли Олега под трупами; вынесли его и положили на ковре. Ярополк же плакал над ним и говорил Свенельду: "Смотри, этого ты хотел!" И похоронили Олега в поле у Овруча, а Ярополк наследовал его власть.

ОЛЕГ СВЯТОСЛАВИЧ (кол.7)

Из рода Черниговских кн. Сын Святослава Ярославича. Род. ок. 1055 г. Кн. Владимиро-Волынский в 1073—1076 гг. Кн. Черниговский в 1078, 1094—1097 гг. Кн. Тмутараканский в 1083—1094 гг. Кн. Новгород-Северский в 1097—1115 гг. Ж.: 1) гречанка Феофания Музалон; 2) половецкая княжна. † 1 авг. 1115 г.

По смерти киевского князя Святослава Ярославича его брат Изяслав не хотел давать волости его детям. Олег выведен был из Владимира Волынского и ушел сначала в Чернигов, но Всеволод Ярославич или не мог, или не хотел наделить его властью, и Олег отправился с братом в Тмутаракань.

В 1078 году Олег и Борис Вячеславич привели половцев на Русскую землю и пошли на Всеволода; Всеволод вышел против них на реку Сожицу, но потерпел полное поражение. Олег и Борис вошли в Чернигов, думая, что одержали победу, а Русской земле они много зла наделали, говорит летописец. Из Чернигова Олег и Борис опять подались в Тмутаракань собирать новое войско. Тем временем Изяслав и Всеволод с сыновьями подступили к Чернигову и взяли весь город, кроме кремля. Олег и Борис подоспели к городу, но, увидев силы дядьев, Олег засомневался в успехе и говорил Борису: "Не пойдем дальше. Не сможем мы справиться с четырьмя князьями. Разумнее: будет нам помириться с дядьями нашими". Но Борис решительно отказался от мира. И пошли они навстречу и, встретившись у села Нежатины Нивы, стали биться. Сеча была злая. Первым убили Бориса Вячеславича, а под конец и великого князя Изяслава. Олег же бежал и едва смог уйти в Тмутаракань (3 окт. 1078 г.).

Всеволод Ярославич сел в Киеве и взял себе все русские волости. Рассадив своих сыновей и сыновей Изяслава по городам, он ничего не дал Святославичам и тем положил начало новым усобицам. В августе 1079 года Роман и Олег с половцами появились у Воиня. Всеволод вышел навстречу, стал у Переяславля и успел заключить мир с половцами. Те повернули назад в степь и по дороге убили Романа, затеявшего с ними ссору, а Олега отослали в Константинополь, видимо, не без ведома Всеволода. Инициаторами этих обоих преступлений летописец называет тмутараканских хазар. Два года Олег прожил в Константинополе и еще два на острове Родос. Здесь он успел жениться на гречанке.

В 1084 году Олег вернулся в Тмутаракань, перебил всех хазар, причастных к убийству Романа, а посадника Всеволода Ратибора прогнал. Утвердившись таким образом на юге Руси, он стал ожидать благоприятных обстоятельств для

войны с Всеволодом и его сыном Владимиром Мономахом. Его время наступило только через десять лет.

В 1094 году Олег с половцами подошел из Тмутаракани к Чернигову, где сидел после смерти отца Владимир Мономах. Владимир затворился в городе, и Олег, подступив к Чернигову, пожег его окрестности и монастыри. Так бились они восемь дней. Наконец Владимир, видя множество убитых христиан, горящие монастыри и разоренные села, ужаснулся того, что распря их с Олегом так губительна для Русской земли, и уступил тому Чернигов. Сам он уехал в Переяславль, а Олег вошел наконец в город отца своего. Половцев он распустил воевать и грабить черниговскую землю, так как ему нечем было заплатить им. И было перебито множество христиан, а другие взяты в плен и уведены в чужие земли.

В 1095 году сын Владимира, Изяслав, изгнанный братом Олеговым Давыдом из Смоленска, пришел в Муром и захватил его, а посадников Олега прогнал. В 1096 году Святополк Изяславич и Владимир Мономах послали к Олегу с такими словами: "Приходи в Киев заключить с нами договор о Русской земле перед епископами, и перед игуменами, и перед мужами отцов наших, и перед горожанами, чтобы оборонять Русскую землю от поганых". Олег же, как говорит летописец, исполнившись дерзкого разума и высокомерных слов, отвечал: "Не подобает судить меня епископу, или игумену, или смердам". И не захотел идти к братьям своим, послушавшись злых советчиков.

Святополк и Владимир тогда сказали ему: "Раз не идешь к нам на совет, значит, злоумышляешь против нас и хочешь помогать поганым. Пусть же нас теперь Бог рассудит". И пошли Святополк и Владимир на Олега к Чернигову. Олег, не дожидаясь их, 3 мая бежал из своего города в Стародуб. Святополк и Владимир осадили его в Стародубе, и была между ними лютая брань в течение 33 дней.

Наконец осажденные стали изнемогать. Тогда Олег вышел из города, прося мира. Святополк и Владимир дали ему мир, сказав так: "Иди к брату своему, Давыду, в Смоленск, а после приходите оба в Киев. Там соберемся все вместе и заключим договор об устройстве Русской земли". Олег обещал это сделать и на том поцеловал крест. Но вместо того, чтобы идти к Киеву, как обещал, Олег набрал в Смоленске воинов и пошел к Мурому, где сидел тогда Изяслав Владимирович. Олег отправил к нему послов, говоря: "Идти в волость отца своего в Ростов. Муром — волость отца моего. Хочу я, сев в Муроме, заключить с твоим отцом договор. Или ты мне здесь не хочешь дать моего же хлеба?" Но Изяслав, не слушая этих слов и надеясь на множество своих воинов, стал готовиться к битве и вышел в поле перед городом.

6 сентября обе стороны сошлись, и произошла жестокая сеча. Вскоре Изяслав Владимирович был убит, а воины его побежали, одни через лес, а другие в город. Олег вошел в Муром, и горожане приняли его. Он перехватывал ростовцев и суздальцев, бывших в войске Изяслава, заключил их в оковы и пошел походом на Суздаль. Суздальцы сдались ему без боя. Некоторых из них Олег заточил, а других изгнал, лишив имущества. Вслед за тем Олег захватил и Ростов. И покорилась ему вся земля Муромская и Ростовская. Всюду посадил он своих посадников и начал собирать дань. Слыша про его своеволие, старший сын Мономаха, Мстислав, княживший в Новгороде, послал сказать Олегу: "Уходи из Суздаля в Муром, а в чужой волости не садись. Коли уйдешь по доброй воле, помирю тебя с отцом моим". Но Олег не пожелал его слушать, но вознамерился захватить Новгород. Тогда Мстислав, собрав большую рать, пошел на Олега и прежде всего перехватывал его данщиков. Узнав, что Мстислав идет на него с большим войском, Олег отступил

к Суздалию, а потом, сжегши город дотла, — к Мурому.

Мстислав пришел в Суздаль и, оставшись там, стал пересылаться с Олегом, предлагая ему мир. Олег сделал вид, что дал уговорить себя, и заключил мир с Мстиславом. Мстислав поверил обману, распустил дружину по селам, но, когда уселся обедать, пришло вдруг к нему известие, что Олег подошел уже почти к его городу и воюет земли по Клязьме. Нимало не медля, Мстислав собрал опять свою дружину и приготовился к битве. В тот же день пришел ему на помощь брат Вячеслав, посланный на север Мономахом со множеством половцев. С Олегом же был брат его Ярослав. Построив полки, князья начали бой, причем Ярослав бился против Вячеслава, а Мстислав сошелся с Олегом на реке Калакче. Бой был упорный, но вскоре Мстислав начал одолевать. Олег увидел, что стяги Мономаховы стали заходить ему в тыл, испугался и убежал. Так победил Мстислав. Олег же, посадив Ярослава в Муроме, сам бежал в Рязань. Мстислав, идя следом, пришел в Муром, заключил мир с муромцами и пришел к Рязани. Олег, не дожидаясь его, бежал и отсюда. Мстислав занял Рязань и послал сказать Олегу: "Не убегай никуда, но пошли к братии своей с мольбою, чтобы не лишили они тебя Русской земли. Я и сам пошлю к отцу просить за тебя".

Олег так и обещал сделать и в 1097 году приехал в Любеч, куда съехались Святополк Изяславич, Владимир Мономах и другие князья. На съезде решено было оставить за сыновьями Святослава Ярославича Черниговскую волость со всеми городами. Таким образом, Олег завершил дело, которому отдал двадцать лет жизни, отводав в жестокой войне черниговский стол и утвердив его за своим потомством более чем на полтора столетия. В Чернигове, впрочем, сел его старший брат Давыд, а Олег уехал в Новгород Северский, где и

княжил до самой смерти, мало участвуя в общерусских делах.

Погребен в церкви св. Спаса в Чернигове у гроба отца своего.

ОЛЕГ СВЯТОСЛАВИЧ (кол.9)

Из рода Новгород-Северских кн. Сын Святослава Ольговича и половецкой княжны Екатерины Аеповны. Кн. Новгород-Северский в 1164—1180 гг. Ж.: 1) с 1150 г. дочь Юрия Владимировича Долгорукого, кн. Елена († 1165 г.); 2) с 1165 г. дочь киевского кн. Ростислава Мстиславича, кн. Агафия. † 16 янв. 1180 г.

В 1164 году умер Святослав Ольгович. Чернигов должен был перейти его племяннику Святославу Всеволодовичу, но вдова Ольговича, по соглашению с епископом Антонием и лучшими боярами, послала за Олегом и передала ему Чернигов. Святослав Всеволодович стал готовиться к войне. Тогда Олег отдал ему Чернигов, а сам поехал княжить в Новгород Северский. В 1167 году умер князь Вщижский Святослав Владимирович. Вымороченную волость Святослав Всеволодович забрал себе, ничего не дав северским князьям. В ответ на это Олег захватил в плен множество сельских жителей около Стародуба. Но продолжать войну Олег не мог, потому что сильно занемог, и легко согласился на предложение Ростислава помириться с черниговским князем, взявши у последнего четыре города. В 1175 году, когда Святослав Всеволодович захватил Киев, Олег хотел отнять у него Чернигов, но Святослав разбил его под Новгородом Северским.

Погребен в церкви св. Михаила.

ОЛЕГ СВЯТОСЛАВИЧ (кол.10)

Из рода Черниговских кн. Сын Святослава II Всеволодовича и кн. Полоцкой Марии Васильковны. Кн. Черниговский в 1202—1204 гг. Ж.: дочь кн. Владимиро-Вольнского Андрея Владимировича († 1167 г.). † 1204 г.

В 1196 году во время войны черниговских князей со Смоленскими Ростиславичами дядя Олег, Ярослав Всеволодович Черниговский, послал его с дружиной к Витебску. Витебский князь Давыд Ростиславич отправил навстречу Олегу племянника Мстислава Романовича. Хотя Олег потерпел сначала поражение от Мстислава, но потом благодаря помощи союзных полоцких князей захватил его в плен.

ОЛЕГ СВЯТОСЛАВИЧ (кол.11)

Из рода Курских кн. Сын Святослава Игоревича и киевской княжны Ярославы Рюриковны. Кн. Курский с 1207 г. Кн. Черниговский в 1224 г.

В 1224 году Олег участвовал в битве на Калке. Куряне опрокинули стоявших против них татар. Но на общий ход битвы этот успех не оказал никакого влияния. После Калкской битвы Олег захватил Чернигов, но был изгнан оттуда Михаилом Всеволодовичем, которому помогал Юрий Всеволодович Суздальский.

ОЛЕГ ЯРОСЛАВИЧ (кол.11)

Из рода Перемышльских и Галицких кн. Побочный сын Ярослава Владимировича Осмомысла и его любовницы Настасьи. Кн. Галицкий в 1187—1188 гг. † 1188 г.

Умирая в 1187 году, Ярослав Осмомысл завещал Галич Олегу. Но едва Ярослав умер, в Галицкой земле начался сильный мятеж. Законный сын Ярослава Владимир и бояре нарушили клятву и выгнали Олега из Галича: тот принужден был бежать в Овруч к Рюрику Ростиславичу, а Владимир сел на Галицком столе. Более об Олеге русская летопись не упоминает. По польским же источникам известно, что Олег, не найдя помощи у Рюрика, пошел к польскому королю Казимиру и вместе с ним отправился против Владимира. Вла-

димир был разбит и бежал в Венгрию (по русским известиям Владимир бежал вследствие мятежа собственных бояр). Олег сел в Галиче, но скоро был отравлен, и тогда бояре призвали на княжение Романа Мстиславича.

ОЛЬГА

Святая Ольга. Роспись Архангельского собора Московского Кремля XVII в.

Великая русская княгиня. Жена Игоря Рюриковича. Мать Святослава I Игоревича. Управляла Русью в 945—969 гг. † 969 г.

О женитьбе Игоря сообщается под 903 годом: Олег, говорит летописец, привел ему жену из Пскова по имени Ольга. Вслед за тем о ней ничего не говорится до самого убийства Игоря древлянами в 945 году. В 946 году, собрав многих воинов, Ольга пошла на древлян. С ней был и сын ее Святослав. Древляне выступили навстречу, и, когда сошлись оба войска для схватки и началась битва, киевляне одолели. Древляне побежали и затворились в своих городах. Ольга, оставив прочих в покое, устремилась к Искоростеню, так как жители его убили ее мужа. Горожане затворились в нем и крепко оборонялись, ибо знали, что, убив князя, не на что им надеяться после сдачи. Минуло лето, а Ольга все не могла взять города. Тогда отправила она в город послов со словами: "До чего хотите досидеться? Все ваши города уже сдались мне и обязались выплачивать дань. Они уже возделывают свои нивы и землю, а вы, отказываясь платить дань, видно, собрались умереть с голода". Древляне ответили: "Мы бы рады платить дань, но ведь ты хочешь еще и мстить за мужа своего". Но Ольга возразила им: "Я уже мстила за обиду своего мужа. Больше уже не хочу мстить — хочу только взять с вас небольшую дань и, заключив с вами мир, уйду прочь". Древляне спросили: "Чего хочешь от нас? Мы бы рады тебе дать мед и меха". Она же сказала: "Нет у вас теперь ни меду, ни мехов, поэтому прошу у вас немного: дайте мне от каждого двора по три голубя да по три воробья — этого мне будет довольно". Древляне обрадовались и собрали от каждого двора по три голубя и по три воробья и послали к Ольге с поклоном. Ольга сказала им: "Вот вы уже и покорились мне и моему дитяти. Идите в город, а я завтра отступлю от него и отойду в свой город". Древляне с радостью вернулись в Искоростень и шумно радовались избав-

послѣмъ ащема хошѣ шь крѣтити крѣтити самъ ащема
 помѣрѣюса крѣтити сѣ патрѣа рѣомъ

Крещение Ольги.
 Миниатюра
 Радзивилловской
 летописи

роушѣна бѣвши раба шѣ шѣ юнѣмъ нѣмъ оу члѣтѣ

лению от нашествия. Ольга же, раздав воинам — кому по голубю, кому по воробью, приказала привязывать каждой птице трут, завертывая его в небольшие платочки и укрепляя ниткой. Когда стало смеркаться, Ольга велела своим воинам поджечь трут и пустить голубей и воробьев. Те полетели в свои гнезда: голуби в голубятни, а воробьи — под стрехи. И так загорелись, где голубятни, где клетки, где сараи и сеновалы. И не было двора, где бы не горело. Люди побежали из города, но киевляне хватали их всех. Так Ольга взяла го-

род. Она приказала казнить старейшин, прочих поубивать или продать в рабство. На всех древлян положила она опять тяжелую дань. Две части дани шли в Киев, а третья — в Вышгород.

Спустя несколько лет в 957 году Ольга отправилась в Греческую землю и приплыла в Константинополь, где царствовал тогда император Константин Багрянородный. Приняв Ольгу и поговорив с нею о делах государственных, Константин, если верить летописи, сказал ей так: "Достойна ты царствовать с нами в сто-

бѣ сапо бѣдѣ лѣла. нѣмъ ари нѣмъ спѣмъ ари
 конюшѣи прѣстѣнѣ ари нѣмъ ари нѣмъ ари

Успение Ольги. Князь
 Святослав и княжичи
 Ярополк и Владимир
 оплакивают княгиню.
 Миниатюра
 Радзивилловской летописи

лице нашей". Ольга же возразила: "Я язычница, но хочу креститься". И крестили ее царь с патриархом, и дал ей патриарх заповеди о церковном уставе, и о молитве, и о посте, и о милостыни, и о блюдении тела в чистоте. В крещении наречено было Ольге имя Елена, как и древней царице — матери Константина Великого. И благословил ее патриарх, и отпустил. Ольга же благополучно возвратилась в Киев.

Когда Святослав вырос и возмужал, рассказывает летописец, он стал собирать много храбрых воинов и ходить в походы. Всю свою жизнь он провел вдали от Киева, а Ольга продолжала править Русью. В 968 году, когда Святослав вместе со своей дружиной был на Дунае в Болгарии, пришли на русскую землю печенеги. Ольга заперлась тогда в Киеве со своими внуками — Ярополком, Олегом и Владимиром. Святослав вернулся в Киев; приветствовал мать свою и детей и сокрушался о том, что случилось с ними от печенегов. После этого собрал он воинов, прогнал печенегов в поле, и настал покой в Русской земле.

Святослав же собрал бояр и сказал матери своей: "Не люблю мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае — там середина земли моей". Ольга отвечала ему на это: "Видишь — я больна; куда хочешь уйти от меня? Когда похоронишь меня, отправляйся, куда захочешь". Через три дня Ольга умерла, и плакали по ней плачем великим сын ее и внуки ее, и все люди. И понесли, и похоронили ее на открытом месте. Ольга завещала не совершать по ней тризны, так как имела при себе священника — он и похоронил блаженную Ольгу.

ОСИП АНДРЕЕВИЧ (кол.17)

Из рода Дорогобужских кн. Сын Андрея Дмитриевича. Кн. Дорогобужский в 1437—1485 гг. Ж.: дочь кн. Верейского Михаила Андреевича, кн. Анастасия.

В 1485 году Осип перешел со своим уделом к Москве и получил от Ивана III Ярославль. В 1495 году он был пожалован в бояре. Потомки его были служилыми князьями.

ПАВЕЛ I Петрович Романов

Государь император и самодержец Всероссийский в 1796—1801 гг. Сын императора Петра III и императрицы Екатерины II. Род. 20 сент. 1754 г. С 6 июня 1762 г. наследовал после отца герцогство Гольштейн-Готторпское, которое уступил 20 мая 1773 г. датскому королю Христиану VIII. Вступил на престол 6 ноября 1796 г. Короновался 5 апреля 1797 г. Ж.: 1) с 29 сент. 1773 г. дочь Людовика Девятого, ландграфа Гессен-Дармштадтского, графиня Августа-Вельгельмина, вел. кн. Наталья Алексеевна (род. 14 июня 1755 г. † 15 апр. 1776 г.); 2) с 26 сент. 1776 г. дочь Фридриха-Евгения, герцога Вюртембергского, герцогиня Софья-Доротея-Августа-Луиза, императрица Мария Федоровна (род. 14 окт. 1759 г. † 24 окт. 1828 г.). † 12 марта 1801 г.

Павел родился 20 сентября 1754 года. Императрица Елизавета, страстно ожидавшая его появления на свет, поднесла матери новорожденного на золотом блюде 100 тысяч рублей, а мальчика немедленно отобрала на свою половину. Императрица сама взялась за воспитание будущего наследника престола. Нельзя сказать, чтобы это попечение было разумным. Мальчика буквально душили излишними заботами. По рассказу Екатерины, украдкой навещавшей сына, ребенок лежал в очень жаркой комнате, во фланелевых пеленках, в кровати, обитой мехом черных лисиц; его покрывали одеялом из атласного пике на вате, а сверх того еще одеялом из розового бархата, также обитого мехом черных лисиц. Пот так и тек с лица и по всему телу ребенка. Он вырос изнеженным и в дальнейшем замерзал от малейшего ветерка. "Кроме того, — говорит Екатерина, — к нему приставили множество болтливых старух и матушек, которые своим излишним и неуместным усердием причиняли ему несравненно больше зла, физического и нравственного, чем добра". Между прочим, сообщает Порошин, своими рассказами о домовых

Император Павел I

и привидениях они настолько расстроили воображение и нервы впечатлительного ребенка, что он прятался под стол при сколько-нибудь сильном хлопании дверями. Дошло до того, что Павел трясся даже тогда, когда его приходила навещать императрица Елизавета; несомненно, что нянюшки передали ему свой страх перед государыней, и этот страх был так силен, что Елизавета вынуждена была навещать внука лишь изредка.

В 1760 году, когда Павлу не было и шести лет, Елизавета назначила камергера Никиту Панина обер-гофмейстером при Павле. Панину было тогда 42 года. Он казался маленькому цесаревичу угрюмым и страшным стариком. Наставником Павла стал Семен Порошин, человек честный и образованный. Кроме того, цесаревича учили Эпинус и Остервальд. Православие преподавал архимандрит Платон. Грамоте Павла стали учить уже в 1758 году. Он был способным учеником. Однажды, уже после смерти Елизаветы, Петр III случайно оказался на уроке своего сына. Про-

слушав ответы Павла, император сказал громко: "Я вижу, этот плутишка знает предметы лучше вас" — и, уходя, пожаловал цесаревича в капралы гвардии.

Своеобразный характер Павла складывался постепенно, но многие черты проявились уже в раннем детстве. Порошин, внимательный и серьезный воспитатель, первый подметил в Павле непостоянство его симпатий и то, что он "вдруг влюбляется почти в человека, который ему понравится", но затем легко и быстро разочаровывается в своем увлечении. Также очень рано проявилось у Павла характерное нетерпение. Ему все время казалось, что надо куда-то спешить, что он постоянно не успевает сделать что-то важное. Две эти черты сохранились у него до конца жизни. Однако в целом его нравственная физиономия претерпела существенные изменения. Павел был по природе добрый, веселый, резвый ребенок, полный великодушных порывов, с открытым сердцем и душой. Но он рано узнал, как умер его отец, и образы, связанные с этой кончиной, вызвали в нем преждевременное беспокойство, подозрительность и созна-

ние своего унижительного, зависимого положения. Таким образом, с самых ранних лет Павел жил среди мрачных и тревожных влечений. В 1764 году Беранже доносил из Петербурга: "Этот молодой принц (Павел) обнаруживает мрачные и опасные наклонности. Известно, что мать не любит его вовсе и что с тех пор, как она царствует, она отказывает ему до полного неприличия в нежности и внимании, которыми окружала раньше... Он спрашивал несколько дней назад (Беранже узнал эту подробность от камердинера великого князя. — К. Р.), почему убили его отца и отдали матери престол, который принадлежит ему по праву. Он прибавил, что когда вырастет, то сумеет потребовать отчет во всем этом. Говорят, что этот ребенок слишком часто позволяет себе подобные речи, чтобы они не дошли до императрицы. И никто не сомневается в том, что государыня не остановится ни перед какими мерами, чтобы предотвратить взрыв..."

Что касается образования, то из рук своих учителей Павел вышел человеком неглупым и не развращенным. Всех, кто знакомился с ним, он поражал обширностью своих знаний и очаровывал своим умом. Он достаточно хорошо знал историю, географию, математику, свободно говорил кроме русского на немецком и французском. В дальнейшем даже в Париже его образованность и чувство вкуса бросились всем в глаза. Гримм вспоминал: "В Версале казалось, что он так же хорошо знает французский двор, как и свой собственный. В мастерских наших художников... он обнаружил все стороны знания... и его лестные отзывы делали художникам честь. В наших музеях и академиях он показывал своими похвалами и вопросами, что не существует дарований и работ, которые бы его не интересовали". При всем этом религиозный скептицизм, несмотря на все усилия Екатерины, так и не привился наследнику. По свидетельству архимандрита Платона, рели-

Великий князь Павел Петрович

гиозное чувство глубоко было внедрено в Павла императрицей Елизаветой Петровной и "приставленными от нее весьма набожными женскими особами".

***

Павлу еще не было пятнадцати лет, когда Екатерина начала думать об его женитьбе. В 1772 году ее выбор остановился на Вельгельмине, дочери ландграфини гессен-дармштадтской. Этому сватовству предшествовали весьма сложные придворные интриги и дипломатическая игра. В конце концов ландграфиня с Вельгельминой и ее сестрами согласилась приехать в Петербург. Павла вовсе не посвящали в предварительные переговоры по делу о его браке. В Любек была отправлена особая эскадра, которая должна была привезти в Петербург гессен-дармштадтское семейство. Одним из фрегатов командовал граф Разумовский. Он был красив, статен, вкрадчив и самоуверен. Всем этим он внушил наследнику чрезвычайное расположение к себе, но отплатил за эту дружбу черной неблагодарностью. Именно на его корабле старая ландграфиня совершила путешествие от Любека до Ревеля. Разумовский постарался произвести сильное впечатление на невесту своего государя и легко преуспел в этом. Сообщают, что именно тогда, еще до встречи со своим будущим супругом, она стала его любовницей.

Женитьба оказала на Павла благоприятное влияние. Он сразу влюбился в девушку, которая ему предназначалась. Бракосочетание состоялось в сентябре 1773 года. В обществе веселой Натальи Алексеевны (это имя Вильгельмина получила после принятия православия) и жизнерадостного Разумовского наследник, казалось, утратил угрюмость и преждевременную желчность. Он писал Разумовскому: "Дружба ваша произвела во мне чудо: я начинаю отрекаться от моей прежней подозрительности... Теперь я поставил себе за правило жить как можно согласнее со всеми. Прочь химеры, прочь тре-

вожные заботы. Отсутствие иллюзий, отсутствие беспокойства... Я обуздываю свою горячность насколько могу". Некоторое время Павел отдыхал и развлекался с молодой женой. Но эта беспечная жизнь вскоре ему надела. Он не был по природе жуиром; во-первых, он был для этого слишком серьезен: во-вторых, его постоянно мучила мысль о выпавшей ему на долю великой роли. И не прошло нескольких месяцев, как он вернулся к прежним занятиям и заботам. Но Наталья Алексеевна и тогда продолжала иметь на него влияние, и сумела пристрастить мужа к французской литературе.

Было еще одно обстоятельство, приводившее Павла в постоянное раздражение, — его отношения с матерью. Говоря о чувствах Екатерины к сыну, надо различать две эпохи. В то время, когда Павлу было 10—11 лет, он жил с матерью, сопровождал ее на большие и малые приемы при дворе, на маневры и на охоту. Она присутствовала на его экзаменах, радовалась его успехам, купила для него у Корфа прекрасную библиотеку в 36 000 томов. Она выражала желание посвятить его впоследствии в дела управ-

Великий князь Павел Петрович

ления государством и сдержала свое слово. В 1773 году, при вступлении сына в первый брак, Екатерина письмом, составленным в самых нежных выражениях, приглашала его приходиться к ней раз в неделю, чтобы слушать чтение докладов.

Однако из этого опыта ничего не вышло. Вместо того, чтобы учиться управлять, Павел захотел учить сам. В первый же год он представил Екатерине длинное "Рассуждение о государстве вообще, относительно числа войск, потребного для защиты оного, и касательно обороны всех пределов". Смысл записки был в том, что России надо вести не наступательную, а оборонительную политику. Расширять пределы России нет надобности. Армию надо сократить, но зато подчинить ее строгой регламентации. Надо стремиться к экономии прежде всего. Екатерина увидела в записке сына суровое порицание принципов, приемов и направлений своей собственной политики, как внутренней, так и внешней. В то же время статс-секретарь императрицы Безбородко пришел к заключению, что участие великого князя в трудах ее величества не приносит хороших плодов: Павел ничего не понимает в делах, и каждый доклад дает ему лишь повод к неуместной критике. Эти неприятности омрачили отношения между матерью и сыном и послужили причиной их постепенного отдаления друг от друга. Обстоятельства другого рода еще более охлаждали их взаимные чувства, и без того далеко не пылкие. У двора великого князя бывали большие денежные затруднения. Павлу то и дело приходилось залезать в долги. Между тем Екатерина все чаще давала чувствовать материальную зависимость от себя. В 1774 году она была страшно раздражена запискою, которую подал ей Павел, и в день своего рождения подарила сыну недорогие часы, в то время как Потемкин получил 50 000 рублей. Именно такую сумму незадолго до этого просил у матери Павел, чтобы расплатиться с долгами. Увидев теперь, как над ним посмеялись, он сделался мрачен и затаил нешуточную обиду.

Вскоре Павлу пришлось испытать еще одно разочарование: он узнал о неверности жены и о коварстве Разумовского. Связь между ними уже давно не была секретом для света. Знали даже о темных подробностях их свиданий. Виллуазон писал позже: "Граф, а впоследствии князь Разумовский, близкий приятель Павла, но связанный еще более интимной дружбой с великой княгиней, ужинал каждый день один с августейшими супругами и не имел иного способа, кроме как подсыпать Павлу опия, чтобы превращать трио в уединение вдвоем". Павел был влюблен в жену и слепо ей верил. Когда однажды Екатерина, раздраженная честолюбивыми мечтаниями великой княгини, постаралась внушить сыну недоверие к жене и к его другу Разумовскому, из этих внушений ничего не вышло. Наталья Алексеевна казалась Павлу существом прекрасным и безупречным. Ее дружба с Разумовским, как он думал, была исполнена чувств совершенно невинных и целомудренных. Только в апреле 1776 года, когда после неблагоприятных родов она умерла, несчастный Павел убедился, что жена его была любовницей того самого Разумовского, с которым он так доверчиво делился сокровенными мыслями и чувствами: Екатерина нашла в шкатулке покойной письма ее возлюбленного и не утаила их от молодого вдовца.

Екатерина позаботилась и о том, чтобы залечить нанесенную ему рану, — она решила поскорее женить сына во второй раз. Вскоре была сосватана новая невеста — герцогиня Вюртембергская. В том же 1776 году Павел поехал в Берлин, чтобы встретиться с ней. Невеста ему понравилась. "Мой выбор сделан, — писал он матери. — Препоручаю невесту свою в милость вашу и прошу о сохранении ее ко мне. Что касается до наружности, то могу сказать, что я выбором своим не остыжу вас; мне о сем дурно теперь говорить, ибо, может быть, я пристрастен, но сие глас общий. Что же касается до сердца ее, то

имеет она его весьма чувствительное и нежное, что я видел из разных сцен между роднею и ею. Ум солидный ее приметил и король сам в ней, ибо имел с ней о должностях ее разговор...”

Семейная жизнь со второй женой долгое время протекала благополучно. Мария Федоровна (как стали звать Софью-Доротею после принятия православия) имела на мужа довольно сильное влияние, бывшее долгое время благотворным. Уже в 1777 году она обрадовала мужа рождением наследника, которого он ждал долго и нетерпеливо, готовясь отдать себя безраздельно воспитанию сына. Однако Екатерина забрала мальчика к себе под тем предлогом, что сумеет лучше воспитать его. Это создало новый предлог для враждебности между ней и Павлом. Вся система образования, равно как и учителя, избранные Екатериной, крайне не нравились родителям. Павел иногда месяцами не видел своих старших сыновей, которые жили при императрице. Для свидания с ними ему необходимо было испрашивать разрешение у графа Салтыкова, их воспитателя. Впрочем, воспитание младших детей и дочерей Екатерина предоставила родителям.

Павел очень любил своих детей. “Мой отец, — писала впоследствии великая княгиня Анна Павловна, — любил, чтобы мы его окружали, и звал нас к себе, Николая, Михаила и меня, играть у него в спальне, пока его причесывали... Он был нежен и так добр с нами, что мы любили к нему ходить”. По отношению к старшему сыну Павел испытывал гораздо более сложные чувства. По мере того как Александр рос, отец и сын становились друг от друга все более далеки. Павел считал кротость Александра слабыхарактерностью, а его сдержанность — лицемерием, в чем он, правда, не слишком удалялся от истины.

В 1783 году Павел получил в подарок от матери Гатчинский дворец. Место это пришлось ему по вкусу. С переселением сюда наступил 13-летний “гатчинский”

период жизни Павла. Именно в Гатчине окончательно созрели политические идеи будущего императора; здесь определился его характер; здесь он создал своеобразный и мрачный быт; здесь душа его, уже отравленная ревнивыми мечтами о власти, ничем не ограниченной, заболела страшным недугом.

Даже внешний облик Павла окончательно сложился именно в эти годы. Павел был очень некрасив: курносый, с большим ртом, длинными зубами, толстыми губами, сильно выдающимися вперед челюстями. Он рано облысел, и его лишенное всякой растительности лицо напоминало мертвую голову. У него был большой круглый череп и короткое неуклюжее туловище, которому он напрасно старался придать достоинство и изящество в движениях. “Курносый чухонец с движениями автомата”, — будто бы сказал про него Чичагов. Но Павел не всегда был так дурен. Наружность его сильно изменилась с

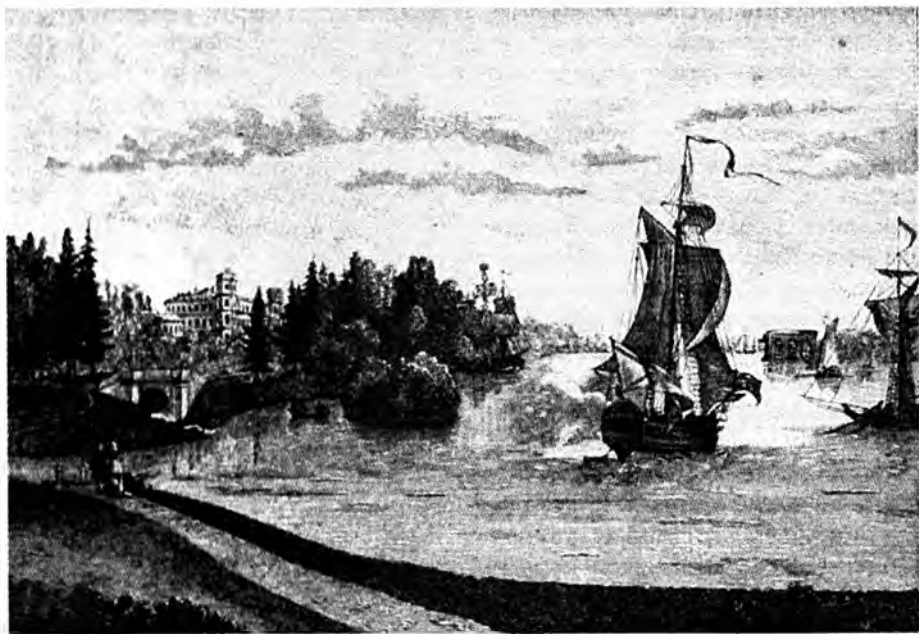
Императрица Мария Федоровна

годами. Будучи ребенком, он считался настоящим красавцем, но какой-то недуг и чрезвычайная нервность повлияли так несчастливо на его внешность. Будучи еще сравнительно молодым человеком, он обзавелся многими признаками преждевременного старения. Так, указывали на нездоровый желтый цвет лица Павла, многочисленные морщины, а также на постоянное дрожание его рук. При всем этом во всей внешности Павла, в его походке, манере одеваться и держать себя было что-то претенциозное и театральное, напоминающее карикатуру.

Благодаря крайней впечатлительности настроение Павла постоянно менялось. Впоследствии приближенные обратили внимание на то, что расположение духа меняется у него вместе с погодой. Чрезвычайная нервность вообще была его отличительной чертой. Еще более донимало Павла расстроенное воображение. "Участь всех сверженных и убитых государей была его навязчивой идеей и никогда не выходила у него из головы", —

заметил Сегюр. Павел всегда был настроен, всюду видел врагов, замышлявших его гибель, и шпионов, подсматривающих за каждым его движением. Со временем эта подозрительность приняла у него характер почти настоящей мании преследования. Чувством, которое он испытывал чаще всего и сильнее всего, был страх. Он боялся всего и всегда. Природная недоверчивость Павла усиливалась еще его дурным мнением о людях вообще и в особенности о тех, которые его окружали. Но, как у всех слабых натур, у него была потребность изливаться перед другими, и он легко доверялся людям, но также легко и уходил от них. Он быстро увлекался и быстро разочаровывался, и был самым капризным из государей, самым непостоянным из друзей.

Человеконенавистничество Павла было, впрочем, следствием его непомерной гордости. Несмотря на прирожденную любезность, он был до крайности надменен и не терпел противоречий вопреки своей слабой воле. Иллюзию силы он нахо-

Вид Гатчинского дворца. Гравюра

дил в неудержимом гневе, которому с годами предавался все более и более легко. Как замечает Семен Воронцов, “вспышки ярости делались у него все сильнее и сильнее, пока не довели его до безумия”. Резкость этих вспышек была так велика, что уродовала совершенно лицо Павла. “Он бледнел, черты его лица искажались до полной неузнаваемости; он задыхался, выпрямлялся, откидывал назад голову и начинал громко дышать”. “Волосы на его голове становились дыбом”, — прибавляет второй свидетель. А третий пишет: “Черты его лица принимали отталкивающие выражение”.

Что касается ума, то он был у Павла довольно живым. Все современники отмечают, что он обладал замечательной памятью, часто проявлял наблюдательность и проницательность.

Отношения с Екатериной у Павла с каждым годом складывались все более и более трудно. Императрица постаралась не допустить сына к рычагам власти. При жизни матери наследнику так и не пришлось покомандовать настоящими войсками. Тогда Павел решил создать свою собственную армию, которая, подобно “потешным” полкам Петра I, должна была со временем стать основой для будущей военной мощи России. В окрестностях обеих резиденций великого князя встречалось много разбойников, он воспользовался этим предлогом, чтобы вызвать к себе батальон пехоты и эскадрон кирасир; впоследствии к этой маленькой регулярной армии добавились еще наемные отряды пехоты, кавалерии и артиллерии, достигавшие в общем 2000 человек. Обучением этих солдат Павел преследовал две цели — прямая заключалась в подготовке к военной реформе, а косвенная — в критике армии Екатерины. Здесь Павел все осуждал — начиная от мундиров и кончая самими приемами и методами ведения боя. Одеты гатчинские солдаты были на прусский манер, все в париках с косами, усыпанными мукой. На улицах

Гатчины стояли прусские полосатые будки, а на гауптвахтах наказывали солдат совершенно так же, как в Берлине, — немилосердно и педантично. Сам Павел подавал пример суровой спартанской жизни: вставал в 4 утра и спешил на учения или маневры войск.

Между тем семейная жизнь великокняжеской четы тоже постепенно расстроилась. В годы второго брака Павел имел несколько побочных связей. Так, в 1777—1787 годах он был близок с Глафирой Ивановной Алымовой. Но все же и тогда великая княгиня Мария Федоровна оставалась любимой женой и имела большое влияние на Павла. Но затем положение изменилось — супруги все дольше жили порознь: Мария Федоровна — в Павловске, а Павел — в Гатчине. В эти годы он постепенно сближается с Екатериной Ивановной Нелидовой. Впрочем, многое говорит за то, что они не были любовниками — долгие годы цесаревича связывала с Нелидовой искренняя и нежная дружба.

После женитьбы Александра Екатерина стала думать над тем, как передать императорскую власть внуку, минуя нелюбимого сына. В сентябре 1796 года Александр дал письменное согласие на то, чтобы занять престол вместо отца. Он горячо благодарил бабушку, но в то же время известил об этом опасном проекте отца. По всеобщему мнению, незадолго до своей смерти Екатерина подготовила манифест, объявлявший приговор великому князю. Она получила согласие главных государственных деятелей: Румянцева, Суворова, Зубова, митрополита Гавриила и Безбородко. В том же духе составлено и завещание. Однако Екатерина не успела закончить это дело. Официальный проект манифеста так и не был обнародован, а без него завещание оставалось простым пожеланием, которое не могло иметь никакой силы по смерти государыни.

Несмотря на то, что всю жизнь Павел ждал великой перемены в своей судьбе, весть о ней застала его врасплох. В три

часа пополудни 5 ноября 1796 года он находился в Гатчине на мельнице и пил кофе. Внезапно прибежавший во всю прыть слуга возвестил ему о приезде Николая Зубова. Великий князь страшно побледнел. Этот мрачный гигант, брат последнего фаворита Екатерины, мог приехать только с враждебными намерениями. "Мы погибли, дорогая!" — прошептал Павел на ухо жене. Однако Зубов, едва войдя в комнату, бросился на колени перед Павлом, и таким образом великий князь понял, что его долгое ожидание подошло к концу. Павел отправился в Петербург и явился в Зимний дворец, когда государыня была еще жива. Он устроился в кабинете, прилегающем к той комнате, где лежала его мать, и занялся разбором ее бумаг. По наиболее распространенной версии, Безбородко и Зубов молча обратили внимание наследника на какой-то конверт, перевязанный черной ленточкой. Павел, не читая, бросил его в камин. Это было завещание Екатерины.

Успокоившись таким образом насчет прочности своего положения, Павел стал дожидаться кончины матери (она умерла лишь на другой день около десяти утра). Едва роковая весть была объявлена, он призвал к себе Аракчеева, подвел его к Александру, уже переодевшемуся в гатчинский мундир прусского образца, соединил их руки и сказал: "Помогайте мне!" Те уже знали, что надо делать. Никогда еще в России начало нового царствования так разительно не отличалось от предыдущего. "Все переменялось меньше чем через день, — вспоминал князь Чарторижский, — костюмы, лица, наружность, походка, занятия". Утром 7 ноября, до полудня, двор казался совершенно новым. "Весь блеск, вся величавость и важность двора исчезли, — вспоминал другой современник. — Везде появились солдаты с ружьями. Знаменитейшие особы, первостепенные чиновники стояли с поникшею головою неприметные в толпе народной. Вместо них незнакомые люди при-

ходили, уходили, бегали, повелевали... Дворец был обращен в кардергардию. Везде стук офицерских сапог, бряцание шпор". Александр был объявлен наследником престола и военным губернатором Петербурга. Утром того же дня Павел принял первый вахтпарад Измайловского полка. Во время церемониального марша было видно, как он ворочал глазами, надувал щеки, пожимал плечами, топал ногой, чтобы показать свое неудовольствие.

В то же время, по свидетельству Саблукова, столица внезапно приняла "вид немецкого города, существовавшего два или три века назад". Александр вместе с Аракчеевым уже распорядились расставить по улицам караульные будки, выкрашенные в прусские цвета, белый и черный, и ставили в них часовых. Как это недавно было в Гатчине, полицейские сновали по улицам, срывали с прохожих круглые шляпы и разрывали их на куски, срезали полы фраков, сюртуков и шинелей. Приехав на Царицын луг, Павел трижды объехал вокруг Оперного театра и, встав перед главным входом, прокричал своим обычным хрипло-сипловатым голосом генералу Архарову: "Николай Петрович! Что бы театра, сударь, не было". К вечеру театр уже был разобран.

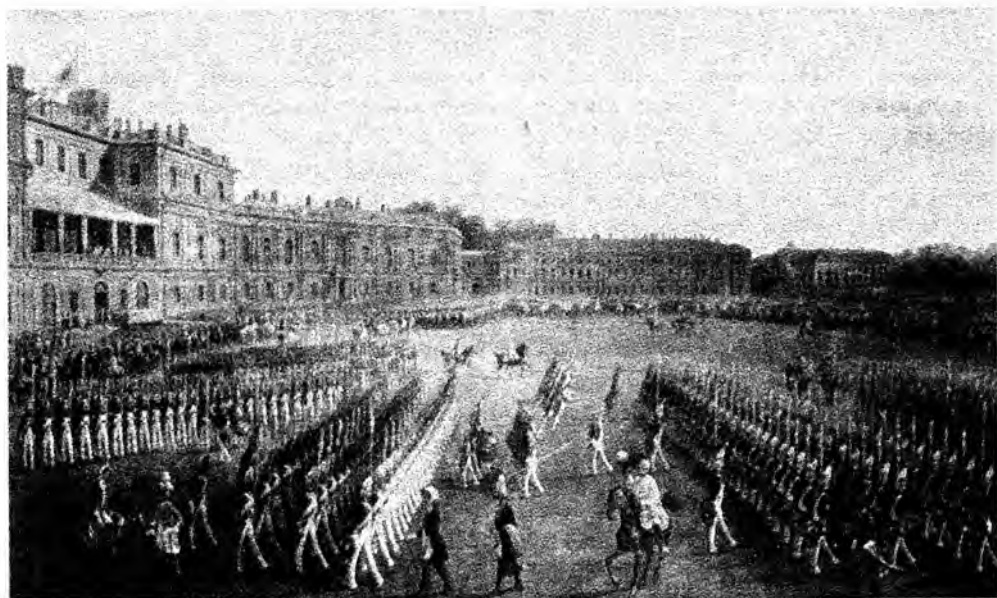
10 ноября в город церемониальным маршем под визг флейт и грохот барабанов гусиным (прусским) шагом вошли гатчинские войска. Это походило на вход оккупационного корпуса в завоеванный город. Все гатчинцы были распределены по гвардейским полкам, для которых отныне должны были служить образцом. Солдаты в срочном порядке переодевались в гатчинские мундиры с буклями и косами, повсюду была введена строжайшая дисциплина.

Известно, что недолгое правление Павла оставило по себе очень тягостное впечатление. Любое отступление от правил строго каралось. Привыкшее к сравнительно мягкому политическому режиму русское общество было шокировано ог-

ромным количеством ссылок и арестов. Княгиня Дашкова, сама пережившая годы тяжелой ссылки, вспоминала: "Ссылки и аресты пощадили едва ли несколько семей, которые не плакали хотя бы над одним из своих членов... Горе, беспокойство стали скоро единственным чувством, охватившим всех... Муж, отец, дядя видел в жене, в сыне, в наследнике доносчика, из-за которого он мог погибнуть в тюрьме. Ужас испытывался всеми". "Тот страх, в котором мы здесь пребываем, — писал князь Кочубей в 1799 году, — нельзя описать. Все дрожат... Доносы, верные или ложные, всегда выслушиваются. Крепости переполнены жертвами. Черная меланхолия охватила всех людей. Никто не знает, что такое развлечение. Оплакивать родственника — преступление. Посетить несчастного друга — значит сделаться ненавистным человеком. Все мучаются невероятным образом". Виже-Лебрен, посетившая в это время Петербург, вспоминала: "Не имея возможности предвидеть, куда поведет безумие, связанное с произволом, все жили в постоянном страхе.

Дошло до того, что перестали принимать у себя гостей. Если принимали нескольких друзей, то заботились закрыть ставни, и в дни балов было условлено отсылать кареты домой".

Оказавшись у власти, Павел, как и прежде в Гатчине, хотел подражать Фридриху II. Так же как и его кумир, Павел работал в одиночестве. Сенат и Совет при Высочайшем дворе утратили почти всякое значение. Ростопчин писал: "Государь ни с кем не разговаривает ни о себе, ни о своих делах. Он не выносит, чтоб ему о них говорили. Он приказывает и требует беспрекословного исполнения". Павел вставал между четырьмя и пятью часами и до девяти работали в своем кабинете, принимая служебные рапорты и давая аудиенции. Затем он выезжал верхом в сопровождении одного из своих сыновей, обыкновенно великого князя Александра, чтобы посетить какое-нибудь учреждение или осмотреть работы. От одиннадцати до двенадцати шел развод, потом занятия до обеда на плацу. Император лично отдавал приказы, принимал служебные рапор-

Строевые обучения русской армии по прусскому образцу

ты и делал осмотр полкам. Он исследовал отдельно прическу каждого солдата, измерял длину кос, проверял качество и количество пудры в волосах. Массон писал: "Он следит за учением, окруженный своими сыновьями и адъютантами, стуча ногами, чтобы согреться, с непокрытой и лысой головой, с вздернутым носом, одну руку заложив за спину, — как тот великий человек, — а другой поднимая и опуская в такт палку, он отбивает шаг — раз, два! раз, два! — и создает себе славу тем, что все это делает без шубы, невзирая на пятнадцать или двадцать градусов мороза". Шубы не разрешалось одевать даже старым, страдающим ревматизмом генералам. Не было пощады ни солдатам, ни офицерам. Павел находил недостатки даже в интонации, с какой произносились команды.

Обедал Павел ровно в час. Стол накрывался только на восемь приборов. После короткого отдыха следовал новый объезд и опять занятия от четырех до семи часов, потом собирался придворный кружок. Государь часто заставлял себя подолгу ждать, но сам не допускал, чтобы были опоздавшие. При его появлении ему подавали список присутствующих, и он карандашом отмечал имена тех, кого желал оставить ужинать. Иногда, обходя собравшихся, он обращался к некоторым лицам, но разговоры между присутствующими были запрещены. В тот момент, когда часы били девять, открывалась дверь в столовую. Государь входил первый, подав иногда, но не всегда, руку государыне. Бросая вокруг себя неизменно суровые, а часто гневные взгляды, он резким движением передавал перчатки и шляпу дежурному пажу, который должен был их принять. Он садился в середине стола, имея по правую руку государыню, а по левую своего старшего сына. В этот момент приказ о молчании отменялся, но никто не смел этим воспользоваться, кроме как для того, чтобы ответить императору, который обыкновенно обращался только к

сыну или графу Строганову и разговаривал с ними в присутствии безмолвных гостей. Чаще всего между едой он ограничивался тем, что обводил сидящих вокруг стола взором, исследуя лица и замечая позы. После ужина, если Павел бывал в хорошем расположении духа, он забавлялся тем, что разбрасывал по углам комнаты десерт со стола, пирожные и сладости, которые старались поймать пажи, перебивая друг у друга лучшие куски. В десять часов вечера день кончался, и император удалялся к себе.

Крайне многочисленный при Екатерине придворный персонал был теперь резко сокращен и ограничен. Даже на большие приемы допускались лишь чины пяти первых классов. В этом тесном кругу Павел, однако, не допускал никакой интимности. Он ничего не оставил от изящных вечеров Эрмитажа, где, изгоняя всякий этикет, Екатерина отдыхала от утомления властью и церемониалом. Он сохранил эти собрания, но теперь, как писала графиня Головина, "это было блестящее собрание военных и штатских, соблюдавших в присутствии государя строгий батальонный устав". Даже на даче Павел не терпел никаких послаблений. В Павловске или Гатчине устав предписывал частые прогулки верхом, в которых должны были принимать участие императрица и дамы ее свиты. Но эти развлечения устраивались как похоронные шествия или эскадронные учения: друг за дружкой, попарно, при полном молчании. Нечего и говорить, что поставленная на такую ногу придворная жизнь была ужасно скучной. Она несколько оживилась лишь после того, как при дворе явилась новая фаворитка — красавица Анна Лопухина, выданная императором за князя Гагарина.

В покоях Зимнего дворца император никогда не чувствовал себя надежно укрытым от возможных заговоров и покушений. Поэтому, взойдя на трон, он приступил к сооружению своего собственного замка, получившего название Ми-

хайловского. Новый дворец строился с лихорадочной быстротой. Заложенный в феврале 1797 года, он был освящен уже в ноябре 1800 года. План здания сочинил масон Баженов, а воздвиг дворец архитектор Бренна. Сам император влиял на труды зодчих. Это здание было проникнуто его меланхолией. Исполненный в стиле барокко, замок был полон неожиданной силы и суровой красоты. От города его отделяли луг и рвы. Вокруг замка расставлены были многочисленные гарнизоны. Вооруженные посты занимали все выходы и наблюдали за всеми окрестностями. Только два раза в день через ров опускались подъемные мосты для принятия почты. Множество темных переходов, потайных лестниц, замаскированных дверей было устроено для того, чтобы ускользнуть от заговорщиков и убийц, если они неожиданно появятся во внутренних покоях. В конце находились кабинет и спальня императора. Здесь стояла статуя Фридриха II, а над узкой походной кроватью висел "Ангел" Гвидо Рени. Все прочее напоминало келью. Роскошен был только письменный стол, который покоился на конических колоннах из слоновой кости с бронзовыми наконечниками. В спальне было несколько дверей. Одна, вскоре запертая Павлом наглухо, вела в покои императрицы. Была и потайная дверь, за которой скрывалась винтовая лестница: она вела в покои княгини Гагариной.

Павел надеялся за стенами и рвами укрыться от неведомой опасности, между тем как опасность эта уже давно была внутри его дома и его семьи. Самые близкие ему люди, включая старших сыновей, были вовлечены в заговор с целью его свержения. А во главе всего предприятия стоял один из наиболее доверенных и близких к императору людей — граф Пален.

С февраля до марта 1801 года число заговорщиков быстро возрастало. Как обычно, среди них было много гвардейцев, в том числе командир Семеновско-

го полка Депрерадович, командир Преображенского полка Талызин, командир Кавалергардского полка Уваров. Слухи о грядущем перевороте ползли по Петербургу задолго до его осуществления. Павел чувствовал что-то неладное, но не мог уже отличить реальной опасности от смутных страхов, преследовавших его всю жизнь. 9 марта император завел с Паленом разговор о готовящемся на него покушении и говорил так уверенно, что Пален смутился. Он отвечал, что заговор, к которому причастны императрица и великие князья, действительно зреет, но ему, Палену, известно обо всем, так что скоро все преступники будут схвачены. Павел одобрил все действия губернатора.

В воскресенье 10-го марта в Михайловском замке был концерт и ужин. Павел находился в самом худшем своем настроении. Между концертом и ужином он удалился по своему обыкновению, а вернувшись, остановился против государыни и уставился на нее, насмешливо улыбаясь, скрестив руки и тяжело дыша. Это служило у него обыкновенно признаком гнева. То же самое он проделал потом перед обоими старшими сыновьями. Наконец Павел подошел к Палену, сказал ему на ухо несколько слов и вышел в столовую. После ужина императрица и великие князья хотели поблагодарить государя по русскому обычаю. Он оттолкнул их и быстро прошел к себе. Все разошлись глубоко взволнованные.

11 марта настроение императора заметно улучшилось. За весь день Павел ни разу не вышел из себя, не сделал ни одного взыскания. Он был весел, любезен и даже ласков со своим маленьким сыном Николаем. Но это было, как кажется, затишье перед бурей. Именно 11 марта Павел подверг домашнему аресту обоих старших сыновей. Однако за ужином Александр и Константин находились в числе приглашенных. Павел был весел и разговорчив. В этот вечер в первый раз упот-

Памятник Павлу от А. Аракчеева

реблялся фарфоровый сервиз, украшенный видами Михайловского замка, и Павел выражал по этому поводу чисто детскую радость. Он целовал тарелки и говорил, что никогда еще не переживал таких счастливых минут. Подойдя к одному из зеркал (оно было отечественное, плохого качества и искажало изображение), император нашел очень забавным, что видит в нем себя со свернутой шеей. Перед уходом в спальню он перестал смеяться и неожиданно сказал: "Чему быть, тому не миновать". Это были будто бы его последние слова.

В десять с четвертью Павел внезапно для всех сменил караул замка: он отправил в казармы конногвардейцев, а на их место поставил семеновцев и преображенцев. До 11 вечера Павел находился в покоях княгини Гагариной и написал последнее письмо — он сместил с поста военного министра Ливена, назначив на его место князя Гагарина, мужа своей фаворитки.

Отправившись в свою спальню, Павел заснул и был разбужен уже глубокой ночью шумом, который произвели заговорщики, ворвавшиеся в его кабинет, находившийся за дверью. Павел вскочил с постели и спрятался за экраном, служившим днем ширмой для его кровати. Увидав, что постель императора пуста, заговорщики испугались: они подумали, что тот каким-то образом успел бежать. Но в этот момент кто-то заметил ноги государя, видневшиеся из-за его убежища. Обнажив шпаги, Платон Зубов и Бенигсен подошли прямо к Павлу и объявили, что он арестован.

По свидетельству Бенигсена, Павел будто бы спросил: "Что я сделал?" Платон Зубов стал подсовывать императору заранее подготовленный манифест об отречении в пользу Александра. Но Павел отказался его подписывать. Толкая друг друга, офицеры окружили императора. По одной версии, Павел, оступившись, упал сам и ударился лбом об острый угол стола, по другой — его ударил в висок золотой табакеркой гигант Николай Зубов. Так или иначе, государь оказался на полу и стал громко кричать. Толпа заговорщиков накинулась на него и осыпала градом ударов — в ход были пущены кулаки и сапоги со шпорами. В тесноте и давке никто не мог нанести сильного удара, и Павел продолжал отчаянно звать на помощь. Наконец князь Яшвиль на пару с Мансуровым накинул ему на шею чей-то шарф. Павел продолжал отчаянно защищаться, он засунул руку между шеей и шарфом и держал ее так крепко, что никто не мог ее вытащить. "Тогда какой-то изверг, — пишет Коцебу, — взял его за самые чувствительные части тела и стиснул их. Боль заставила его отвести руку, и шарф был затянут..." Только после того, как несчастный перестал дышать, в комнату вошел граф Пален. Убедившись, что Павел мертв, он отправился к Александру с извещением, что наступила пора его царствования.

ПЕРЕМЫШЛЬСКИЕ И ГАЛИЦКИЕ КНЯЗЬЯ

Род русских князей, ветвь *Рюриковичей*. Основан Ростиславом Владимировичем.

ПЕТР I Алексеевич Романов

Царь всея Руси в 1682—1721 гг. Государь император и самодержец Всероссийский в 1721—1725 гг. Сын царя Алексея Михайловича и Натальи Кирилловны Нарышкиной. Род. 30 мая 1672 г. Вступил на престол 27 апр. 1682 г. Короновался вместе с братом Иваном Алексеевичем 25 июня того же года. Единодержавствовал как царь всея Руси с 27 апр. по 26 мая 1682 г. и с 29 янв. 1696 г. 22 окт. 1721 г. провозглашен Сенатом императором. Ж.: 1) с 27 янв. 1689 г. Евдокия Федоровна Лопухина (род. 30 июня 1669 г. † 27 авг. 1731 г.); 2) с 19 февр. 1712 г. Марта Савронская, императрица Екатерина I Алексеевна (род. 5 апр. 1684 г. † 6 мая 1727 г.). † 28 янв. 1725 г.

#

Бойкость, восприимчивость, живость и склонность к забавам, носившим военный характер, проявились в Петре с раннего детства. Любимыми игрушками его были потешные знамена, топоры, пистолеты и барабаны. Ту же живость проявил он в учении. По старорусскому обычаю обучать царевича стали с пяти лет. Старший брат и крестный отец его царь Федор не раз говорил мачехе, царице Наталье: "Пора, государыня, учить крестника". Царица просила кума найти учителя кроткого, смиренного, ведающего божественное писание. Вскоре Федор указал на подьячего Большого Приказа Никиту Моисеевича

Зотова, как говорили, "мужа кроткого и смиренного, всяких добродетелей исполненного". 12 марта 1677 года тот приступил к учению. Начал со "словесного учения", то есть пропел с Петром азбуку, часослов, Псалтырь, даже Евангелие и Апостол. Все пройденное по древнерусскому педагогическому правилу взято было на зубок.

Едва минуло Петру десять лет, как начальное обучение его кончилось, точнее, прервалось. Царь Федор умер 27 апреля 1682 года. За смертью его последовали известные бурные события: провозглашение Петра царем мимо старшего брата Ивана, интриги царевны Софьи, вызвавшие страшный стрелецкий мятеж в мае того года, избиение бояр, потом установление двоевластия и провозглашение Софьи правительницей государства, наконец, шумное раскольниковое движение с буйными выходками старообрядцев. 5 июля в Грановитой палате Петр, бывший очевидцем кровавых сцен стрелецкого мятежа, вызвал удивление твердостью, какую сохранил при этом: стоя на Красном крыльце подле матери, он, говорят, не изменился в лице, когда стрельцы подхватили на копья Матвеева и дру-

Петр I

Софья Алексеевна

гих его сторонников. Но майские ужасы 1682 года неизгладимо врезались в его память. С тех пор московский Кремль ему опротивел.

Царица-вдова выехала из Москвы со своим сыном и уединилась в Преображенском, любимом подмосковном селе царя Алексея Михайловича. Здесь царица с сыном, удаленная от всякого участия в управлении, жила тем, что "дано было от рук царевны Софьи", при этом нуждалась и принуждена была тайком принимать денежную помощь от ростовского митрополита. Петр, опальный царь, выгнанный сестрою из родного дворца, рос в Преображенском на просторе. Силой обстоятельств он слишком рано был предоставлен самому себе, с десяти лет перешел из учебной комнаты прямо на задворки. С 1683 года, никем не руководимый, он начал здесь продолжительную игру, которую

сам себе устроил и которая стала для него школой самообразования. Из спальников, дворовых конюхов, а потом сокольников и кречетников Петр образовал две потешные роты, которые вскоре пополнились охотниками из дворян и других чинов и преобразовались в два батальона. С этими потешными Петр поднял в Преображенском неугомонную возню, построил потешный двор, потешную съезжую избу для управления командой, потешную конюшню, забрал из Конюшенного приказа упряжь под свою артиллерию. Словом, игра обратилась в целое учреждение с особым штатом, бюджетом, с "потешной казной". По соседству с Преображенским находилась Немецкая слобода, населенная иноземным, в основном военным, людом. В начале 1690-х годов, когда потешные батальоны развернулись уже в два регулярных полка, поселенных в селах Преображенском и Семеновском, полковники, майоры, капитаны были почти все иноземцы и только сержанты — из русских.

Страсть к иноземным диковинкам привела Петра к необходимости получать новое образование, незнакомое прежним царевичам. По рассказу самого Петра, в 1687 году князь Долгорукий, отправляясь послом во Францию, в разговоре с царем сказал, что у него был инструмент, которым можно "брать дистанции", то есть измерять расстояния, не доходя до того места, да жаль, украли. Петр попросил князя купить ему такой инструмент во Франции, и в следующем году Долгорукий привез ему астрольябию. Не зная, что с ней делать, Петр прежде всего обратился к немцу-доктору; тот сказал, что и сам не знает, но сыщет знающего человека. Скоро он привел к царю голландца Тиммермана. Под его руководством Петр "гораздо с охотою" принялся учиться арифметике, геометрии, артиллерии и фортификации, овладел астрольябией, изучил строение крепостей и научился вычислять траекторию полета пушечного ядра.

Осматривая с тем же Тиммерманом в селе Измайлове амбары деда Никиты Ивановича Романова, Петр нашел завалявшийся английский бот. По его настоянию другой голландец, Христиан Брант, починил бот, приделал мачту и паруса и в присутствии Петра лавировал на реке Яузе. Петр дивился такому искусству и сам несколько раз вместе с Брантом повторял опыт. Из-за тесноты берегов упражнения перенесли в Просяной пруд в селе Измайлове, но и там плавание оказалось затруднительно. Тогда Петр узнал, что озеро под Переяславлем будет для его цели подходящим. Петр выпросился у матери на богомолье к Троице, съездил в Переяславль, осмотрел озеро, и оно ему очень понравилось. По возвращении в Москву он упросил мать отпустить его снова к Переяславлю, чтобы там заводить суда. Царица не могла отказать горячо любимому сыну, хотя была против подобных затей из-за боязни за его жизнь. Петр, вместе с Брантом, заложил верфь при устье реки Трубеж, впадающей в Переяславское озеро, и так положил начало своему кораблестроению.

Софья и ее сторонники считали эти потехи молодого царя сумасбродным дурачеством. Сама мать Наталья Кирилловна не видела в них ничего, кроме забавы пылкого юноши, и думала остепенить сына женитьбою: она нашла ему невесту, молодую и красивую девушку Евдокию Лопухину. Свадьба совершилась 27 января 1689 года. Петр не имел никакого сердечного влечения к своей супруге и женился лишь из угождения матери. Вскоре после свадьбы, как только начали вскрываться реки, он ускакал в Переяславль и там занялся постройкой судов. Летом, после настоятельных просьб матери, Петр с неудовольствием вернулся в Преображенское, а вскоре развернулись события, которые надолго отвлекли его от любимых затей.

В ночь с 7 на 8 августа Петра разбудили перебежчики из Кремля, которые предупредили его, что царевна Софья

Наталья Кирилловна

собрала войска, чтобы напасть и убить его в Преображенском. Не думая даже проверять опасность, которая ему угрожает, Петр соскочил с постели, бросился в конюшню, не одетый вскочил на лошадь и ускакал в соседний лес. Конюхи догнали его, принесли одежду. Затем подоспели несколько начальников и солдат. Как только Петр увидел себя окруженным достаточным эскортом, то, не дав знать матери, жене и друзьям, помчался во весь опор к Троице. Около шести утра, разбитый телом и истомленный душой, он добрался до монастыря. Рассказывают, что, войдя в комнату, царь бросился на постель и, заливаясь слезами, рассказал о своей беде архимандриту, умоляя его о защите.

Архимандриту удалось успокоить Петра. В тот же день в Троицу подоспели Борис Голицын, Бутурлин и другие начальники Преображенского лагеря. Подошли Семеновский, Преображенский и стре-

лецкий Сухаревский полки. Между Москвой и Троицей завязались переговоры, продолжавшиеся более месяца. Тем временем стрелецкие слободы в Москве пустели, а число солдат и оружия всех видов в Троице постоянно увеличивалось. Даже у самых преданных к царевне стали замечаться признаки упадка духа. Не сумев поднять стрельцов в августе, Софья должна была теперь уступать шаг за шагом настояниям своего брата. В конце концов ей пришлось отречься от власти и удалиться в Новодевичий монастырь.

После победы Петр возвратился к кораблестроению и "марсовым потехам". Не позже, чем в 1692 году, он познакомился с Анной Монс, которая стала потом на долгие годы главной фавориткой царя. Летом 1693 года он отправился в Архангельск, чтобы видеть море и устройство купеческих кораблей, приходявших в этот единственный русский порт. Совершив небольшое плавание по Белому морю — пер-

вое морское плавание Петра, — он возвратился в Москву осенью. В январе 1694 года скончалась царица Наталья Кирилловна. Петр жалел ее и плакал о ней, но смерть матери совершенно развязала ему руки. Он с жаром отдался своему увлечению и в мае с четырьмястами людей отправился в Архангельск во второй раз.

Все эти потехи были, так сказать, детским увлечением, удовлетворявшим сильную жажду деятельности и великих подвигов, охватившую душу молодого царя. Но недолго он довольствовался игрою: в 1695 году усилия его обратились к действительно важному предприятию: был объявлен поход на Азов. Всего русских было собрано 31 тысяча человек, и командовали ими три генерала — Лефорт, Головин и Гордон. Азов было взять нелегко, хотя в нем тогда кроме жителей находилось не более 8 000 неприятельского гарнизона. Однако город был обведен крепким валом и рвом, а также двумя каменными стенами. Петр, в звании бомбардира, сам заряжал пушки и стрелял из них бомбами. 5 августа предприняли генеральный штурм крепости, но турки отбили его. В сентябре русские приготовились к новому штурму, а между тем начали вести подкопы, но делали это так неискусно, что, когда последовал взрыв, побито было много своих. Опять возобновили попытки штурма, но и они окончились неудачно. Наконец, 27 сентября решено было оставить осаду.

Первая неудача не повергла Петра в уныние, напротив, только усилила в нем желание во что бы то ни стало овладеть Азовом и проложить себе путь к Черному морю. Прежде всего он видел, что необходимо построить на Дону гребной флот, во-первых, для удобного перевоза войска, во-вторых, для действий против турок с моря. Для устройства верфи Петр выбрал Воронеж: зимою отправился туда сам и в течение нескольких месяцев занимался постройкой судов. К весне было окончено 23 галеры, 2 корабля, 4 брандера и

Лефорт

1300 струг. И это несмотря на большие затруднения: работники пускались в бега, жестокая зимняя стужа замедляла работы, происходили пожары. Распоряжаясь всей постройкой, царь то и дело сам брался за топор.

С первых чисел апреля 1696 года начали спускать суда на воду, а тем временем подходили собиравшиеся в Воронеж войска. 3 мая караван судов двинулся с войском по Дону. Общая численность войска достигала до 40 000. По совету Гордона, около города был насыпан высокий земляной вал. Азов был осажден со всех сторон, а между тем русская флотилия не допускала к городу турецкий флот. 17 июля малороссийские и донские казаки пошли на штурм и не смогли взять города, но турки, опасаясь возобновления штурма, на другой же день сдались — с условием выхода из города с ручным оружием и со своими семействами.

В марте 1697 года Петр инкогнито присоединился к посольству, отправляемому в Европу для поиска союзников в войне с Турцией. Великими послами были назначены Лефорт, Головин и Возницын. При послах состояло около сотни волонтеров и дворян, назначенных для изучения корабельного искусства. Сам царь был записан в свиту посольства под именем Петра Михайлова.

В Либаве Петр сел на купеческий корабль и отправился дальше морем, в то время как посольство следовало сухим путем. 2 мая царь пристал в Пиллау, а оттуда приехал в Кенигсберг. Здесь Петр пробыл до 10 июня, ожидая окончания королевских выборов в Польше. Тем временем он усердно занимался артиллерийским делом у инженерного подполковника Штернфельда и привел его в изумление своими способностями. Впрочем, в не меньшее изумление был приведен утонченный бранденбургский двор варварскими манерами молодого государя.

Петру не терпелось отправиться в Голландию, страну кораблей и военного мас-

Гордон

терства. Вместе с несколькими волонтерами и немногочисленной прислугой он поплыл по Рейну и каналам. Не останавливаясь в Амстердаме, Петр 7 августа приехал в Саардам, вырядившись в одежду голландского плотника — красную фризскую куртку, белые парусиновые штаны и лакированную шляпу. Здесь он нашел знакомого кузнеца, работавшего полгода в Москве, и поселился в его доме, упрощив хозяина никому не говорить, кто он такой. Вскоре Петр нанялся на верфь и работал там с неделю плотником. Вместе с другими работниками он ходил в трактир пить пиво, а в свободное время посещал разные заводы и мельницы, которых было много в окрестностях. Вскоре инкогнито царя оказалось раскрыто, толпы любопытных стали ходить за ним по пятам, и Петр должен был уехать.

15 августа он приехал в Амстердам и прожил здесь около четырех месяцев. При посредничестве бургомистра Витсена, который был некогда в России, Петр определился простым рабочим на ост-индийскую верфь и с чрезвычайным увлечением трудился над постройкой специально для него заложенного фрегата, заставляя и своих русских волонтеров работать вместе с собою. Проработав до конца года,

Петр узнал, "что надобно доброму плотнику знать", но недовольный слабостью голландских мастеров в теории кораблестроения, в январе 1698 года отправился в Англию для изучения корабельной архитектуры.

Принятый в Лондоне очень радушно королем, Петр осмотрел наскоро столичные достопримечательности и поспешил к своему любимому делу. Он поселился в городке Дептфорде на королевской верфи и принялся за работу под руководством мастера Эвелина. Петр прилежно изучал теорию кораблестроения, занимался математикой, ездил в Вулич осматривать литейный завод и арсенал, обзирал госпитали, монетный двор, посещал парламент, побывал в Оксфордском университете, в разных мастерских, но возвратился опять к своему любимому кораблестроению.

18 апреля Петр простился с королем и отплыл на подаренной Вильгельмом яхте в Голландию, а оттуда, не задерживаясь, поехал прямо в Австрию. 16 июня посольство торжественно въехало в Вену. Царь, по обыкновению, опередил его, приехал просто на почтовых. Он хотел, чтобы император принял его без формальностей, частным образом, на что последний пошел очень неохотно. Но склонить Леопольда к войне с Турцией Петру не удалось. Та же неудача постигла посольство еще раньше в Голландии и Англии. Европейские державы стремились развязать себе руки для назревавшей войны с Францией за испанское наследство.

Оставался последний потенциальный союзник — Венецианская республика, куда Петр собирался ехать из Вены. Но тут пришло к нему известие о бунте стрельцов. 19 июля царь отправился в Россию. Он был сильно встревожен. По дороге пришла весть, что бунт усмирен Шеином. Петр поехал медленнее, осмотрел величковские соляные копи и в местечке Раве встретил нового польского короля Августа II. Встреча продолжалась три дня, и Петр был полностью очарован Ав-

густом. По возвращении в Россию он щеголял в кафтане и со шпагой Августа, не находя слов для восхваления своего несравненного друга. За пирами и веселыми забавами венценосцы договорились о дружбе и взаимной помощи. Петр обещал королю вспоможение против внутренних врагов, а взамен просил помощи против шведов.

25 августа 1698 года Петр возвратился в Москву. Сразу же разнесся слух, что царь в гневе — во дворец не поехал, с женой не видался, вечер провел у Лефортова, а заночевал в Преображенском. Утром 26 августа толпа всякого звания людей наполнила Преображенский дворец. Тут, разговаривая с вельможами, царь собственноручно обрезал всем им бороды, начиная с Шеина и Ромодановского. Когда слух об этом пошел по Москве, служилые люди, бояре и дворяне сами стали бриться. Пришедшие с бородами на празднование Нового года 1 сентября попали уже в руки шута. Всем близким ко двору людям велено было одеться в европейские кафтаны.

С половины сентября начали привозить в Москву стрельцов, оставшихся в живых после первого шеиновского розыска. С 17 сентября начались пытки стрельцов, отличавшиеся неслыханной жестокостью. Петр не только присутствовал на допросах, но, кажется, и сам пытал несчастных. В разгар следствия 23 сентября царь отправил свою жену Евдокию в суздальский Покровский монастырь и велел ее там постричь. 30 сентября были казнены первые 200 стрельцов. Пятерым из них Петр собственноручно отрубил головы. Казни продолжались и дальше. 17 октября царь велел своим приближенным лично рубить головы стрельцам, а сам смотрел на это зрелище, сидя на лошади, и сердился, что некоторые бояре принимались за дело с дрожью в руках. Около 200 стрельцов повесили вокруг Новодевичьего монастыря, и трупы их не убрали в течение пяти месяцев.

23 октября Петр отправился в Воронеж и осмотрел там построенные "кумпанствами" корабли. Он надеялся на продолжение войны, но вскоре мирный конгресс, открывшийся в Карловице, окончательно изменил его планы. С Турцией пришлось мириться. Одновременно начались внутренние преобразования в управлении, ломка старого и введение новых порядков на европейский лад: Петр вырос, возмужал и взял в свои руки управление государством.

К этому времени вполне определились его характер, а также привычки, которым он следовал до конца жизни. Петр был великан двух с лишним метров роста, на целую голову он возвышался в любой толпе, среди которой ему приходилось когда-либо стоять. От природы он был наделен необыкновенной силой. Постоянное обращение с топором и молотком еще более развило его мускулатуру и сноровку. Он мог не только свернуть в трубку серебряную тарелку, но и перерезать ножом кусок сукна на лету. В детстве Петр был живым и красивым мальчиком. Впоследствии это впечатление портилось следами сильного нервного расстройства, причиной которого считали детский испуг во время событий 1682 года, а также слишком часто повторяющиеся кутежи, надломившие здоровье еще неокрепшего организма. Очень рано, уже на двадцатом году, у него стала трястись голова, а по лицу то и дело проходили безобразные судороги. Он не привык следить за собой и сдерживать себя, и это сообщало его большим блуждающим глазам резкое, иногда даже дикое выражение, вызывавшее невольную дрожь в слабонервном человеке.

Многолетние беспокойные путешествия развили в Петре подвижность, потребность в постоянной перемене мест, в быстрой смене впечатлений. Торопливость стала его привычкой. Он вечно и во всем спешил. Его обычная походка была такова, что спутники с трудом поспевали за ним вприпрыжку. Ему трудно было дол-

го усидеть на месте: на продолжительных пирах он часто вскакивал со стула и выбегал в другую комнату, чтобы размяться. Эта подвижность делала его в молодых годах большим охотником до танцев. Он был обычным и веселым гостем на домашних праздниках вельмож, купцов, мастеров, много и недурно танцевал. Если Петр не спал, не ехал, не пировал или не осматривал чего-нибудь, он непременно что-нибудь строил. Руки его были вечно в работе, и с них не сходили мозоли. За ручной труд он брался при всяком представившемся к тому случае. Охота к ремеслу развила в нем быструю сметливость и сноровку: зорко вглядевшись в незнакомую работу, он мигом усваивал ее. С летами Петр приобрел невероятную массу технических познаний. После его смерти чуть не везде, где он бывал, рассеяны были вещицы его собственного изготовления: шлюпки, стулья, посуда, табакерки и тому подобное. Успехи в ремесле поселили в нем большую уверенность в ловкости своей руки: он считал себя и опытным хирургом и хорошим зубным врачом. Бывало, близкие люди, заболевшие каким-нибудь недугом, требовавшим хирургической помощи, приходили в ужас при мысли, что царь проводит об их болезни и явится с инструментами предложить свои услуги. Говорят, после него остался целый мешок с выдернутыми им зубами — памятник его зубоврачебной практики. Но выше всего ставил он мастерство корабельное. Никакое государственное дело не могло удержать его, когда представлялся случай поработать топором на верфи. И он достиг большого искусства в этом деле; современники считали его лучшим корабельным мастером в России. Он был не только зорким наблюдателем и опытным руководителем при постройке корабля: он сам мог сработать корабль с основания до всех технических мелочей его отделки. Морской воздух нужен был ему как вода рыбе. Этому воздуху вместе с постоянной физической деятельностью

он сам приписывал целебное действие на свое здоровье. Отсюда же, вероятно, происходил и его несокрушимый, истинно матросский аппетит. Современники говорят, что он мог есть всегда и везде; когда бы не приехал он в гости, до или после обеда, он сейчас готов был сесть за стол. Вставая рано, часу в пятом, он обедал в 11—12 часов и по окончании последнего

Петр I

блюда уходил вздремнуть. Даже на пиру в гостях он не отказывал себе в этом сне и, освеженный им, возвращался к собутыльникам, снова готовый есть и пить.

Любитель живого и невзыскательного времяпрепровождения, Петр был заклятым врагом всякого церемониала. Он всегда конфузился и терялся среди торжественной обстановки, тяжело дышал, краснел и обливался потом. Будничную жизнь свою он старался устроить возможно проще и дешевле. Монарха, которого в Европе считали одним из самых могущественных и

богатых людей, часто видели в стоптанных башмаках и чулках, заштопанных собственной женой или дочерьми. Дома, встав с постели, он принимал в простом стареньком халате из китайской нанки, выезжал или выходил в незатейливом кафтане из толстого сукна, который не любил менять часто. Ездил он обыкновенно на одноколке или на плохой паре и в таком кабриолете, в каком, по замечанию иноземца-очевидца, не всякий московский купец решился бы выехать. В домашнем быту Петр до конца жизни оставался верен привычкам древнерусского человека, не любил просторных и высоких зал и за границей избегал пышных королевских дворцов. Он не мог также жить в комнате с высокими потолками и, когда попадал в такую, приказывал делать искусственный низкий потолок из полотна.

Петр отказался от натянутой пышности прежней придворной жизни московских царей. Во всей Европе разве только двор прусского короля-скряги Фридриха-Вильгельма I мог поспорить в простоте с русским. При Петре не видно во дворце ни камергеров, ни камер-юнкеров, ни дорогой посуды. Обычная прислуга царя состояла из 10—12 молодых дворян, называвшихся денщиками. Возвратившись из заграничного путешествия, он перевел в разряд государственных почти все пахотные земли, числившиеся за его отцом, и сохранил за собой только скромное наследие Романовых: восемьсот душ в Новгородской губернии. К доходам своего имения он прибавлял лишь обычное жалование, соответствовавшее чинам, которое он постепенно проходил в армии или флоте.

В сентябре 1699 года в Москву приехал польский посол Карловиц и предложил Петру от имени Польши и Дании военный союз против Швеции. В ноябре договор был заключен. Однако, в ожидании мира с Турцией, Петр не вступал в уже начавшуюся войну. 18 августа 1700 года получено было известие о зак-

лючении 30-летнего перемирия с Турцией. На другой же день Петр объявил войну Швеции. 22 августа русские войска выступили походом на Нарву, а уже 23 сентября приступили к ее осаде. Всего войска было до 35 000, сам Петр под именем капитана бомбардирской роты Петра Михайлова шел с Преображенским полком. Командование сначала было поручено фельдмаршалу Головину, а затем герцогу фон-Круи, приехавшему к Петру на службу по рекомендации короля Августа. 20 октября начали обстрел города из всех русских батарей. Надеялись, что Нарва долго не продержится. Вдруг пришло известие, что Карл XII высадился в Пернау с большим войском. После военного совета русские укрепили лагерь. Стрельба по городу продолжалась, пока наконец недостаток в ядрах, бомбах и порохе не заставил прекратить огонь. 17 ноября боярин Борис Петрович Шереметев, посланный к Веденбергу, отступил к Нарве с известием о приближении неприятеля. В ту же ночь Петр оставил лагерь и вместе с Головиным уехал в Новгород. Здесь к нему пришло известие о полном поражении русской армии под Нарвой. Ожидая скорого вторжения шведов в Россию, Петр велел наскоро делать укрепления вокруг Новгорода, Пскова и Печерского монастыря, высылать на работу не только солдат и жителей мужского пола, но даже женщин, священников и причетников, так что некоторое время в церквях, за исключением соборных, не было богослужения. Князю Борису Голицыну поручено было к весне набрать новые полки, а дьяку Винусу — создать новую артиллерию. У церквей и монастырей отбирали колокола и переливали их в пушки. К ноябрю следующего года Винус докладывал уже об изготовлении 300 новых орудий.

Карл XII, однако, не пошел в Россию, а повернул свои войска против Польши. Сохранение союза с польским королем было большой удачей для Петра. Карл XII увяз в Польше на многие годы. Тем вре-

Карл XII

менем Россия благодаря энергичным мерам Петра быстро восстановила свои силы после нарвского поражения.

В начале марта Петр возвратился в Москву и выслал в Лифляндию 19 полков для соединения с саксонским войском. В Ливонию двинулся Шереметев, в Ингрию — Апраксин. Они стали одерживать победы над небольшими шведскими отрядами и понемногу завоевывать страну. Сам Петр 26 сентября подступил к стоявшему у истоков Невы древнерусскому Орешку, который шведы переименовали в Нотебург. То была маленькая крепость, обнесенная высокими каменными стенами. Шведский гарнизон насчитывал не более 450 человек, но зато здесь имелось около полутора десятков орудий. У осаждавших было 10 000 человек. 1 октября Петр с 1000 гвардии на судах переправился на остров. Шведы, дав залп, оставили шанец, который без потерь заняли русские. Крепость была осаждена со всех сторон. Петр предложил коменданту сдаться. Тот просил четыре дня срока и дозволения дать знать о том нарвскому обер-коменданту. Вместо ответа загремела русская

артиллерия и в город полетели бомбы. Из крепости стреляли по батарее Петра. Наконец, 11 октября, после отчаянного сопротивления шведы сдали крепость. Петр позволил всему гарнизону выйти с воинскими почестями и со всем имуществом. Крепость переименована была в Шлиссельбург (то есть ключ-город ко всей Лифляндии). Петр писал Виниусу: "Правда, что зело жесток сей орех был, однако ж, слава Богу, счастливо разгрызен".

В эти дни случилось и еще одно знаменательное событие. Во время осады Нотебурга утонул саксонский посланник Кенигсен. Из кармана утопленника вынуты были любовные письма к нему Анны Монс. За это царская любовница угодила в крепость и три года содержалась в заключении.

В апреле 1703 года русское войско под командованием Шереметева выступило из Шлиссельбурга вниз по правому берегу Невы. Войско шло лесами и 25 апреля вышло к небольшому городку Ниеншанцу, сторожившему устье Невы. Против крепости за Охтою находился посад, состоявший из 400 деревянных домиков. Петр на лодке ездил осматривать невовское устье. Вечером 30 апреля началось бомбардирование, а утром 1 мая Ниеншанц сдался. Но на другой же день вечером карательные донесли, что на взморье показались неприятельские корабли. 5 мая два шведских судна, шнява и большой бот, подошли к устью Невы. Петр с Меншиковым и обоими гвардейскими полками на тридцати лодках подкрались к неприятельским судам, окружили их и, несмотря на то, что у шведов были пушки, а у русских не было, ворвавшись на корабли, перебили почти всю команду. За этот бой Петр и Меншиков пожалованы были от адмирала Головина орденами Андрея Первозванного.

16 мая на острове, который назывался Янни-Саари и был переименован Петром в Люст-Эйланд (Веселый остров), положили город Санкт-Петербург. Первой его постройкой стала деревянная крепость

с шестью бастиянами. В крепости поставили деревянную церковь во имя Петра и Павла, а близ нее, на месте, где стояла рыбацкая хижина, — деревянный домик для Петра о двух покоях с сенями и кухнею, с холстинными выбеленными обоями, с простой мебелью и кроватью. Определено было место для гостиного двора, пристани, государева дворца, сада и домов знатных вельмож.

В июне Петр ездил осматривать недавно занятые Шереметевым Ямбург и Копорье. Там он узнал, что генерал Кронинг из Лифляндии идет с 12 000 войска и намеревается напасть на Петербург. Петр его предупредил. С полками своей гвардии и четырьмя драгунскими он встретил шведов у реки Сестры, а затем прогнал их до Выборга, уничтожив до 2000 вражеских солдат. В октябре, когда шел уже лед, он ездил осматривать остров Котлин, лежащий в Финском заливе в 30 верстах от Петербурга. Петр вымерил фарватер между островом и мелью, против него находившейся, на той мели в море велел построить крепость, а на острове сделать гавани и укрепления. Это было начало Кронштадта. В ноябре в устье Невы явился первый купеческий корабль с солью и вином. Обрадованный Петр велел отвести шкиперу и матросам постой в доме Меншикова; они обедали за его столом, и Петр сидел с ними. Он подарил шкиперу 500 червонцев, а каждому матросу 300 ефимок. Товары, по приказанию царя, тотчас были раскуплены.

В марте 1704 года Петр прибыл в Петербург, а в мае привез в Кронштадт артиллерию и сам ее расставил. Тогда же он велел Шереметеву осадить Дерпт, а Огильви приступить к Нарве. Некоторое время Петр наблюдал за осадными работами под Нарвой, а 2 июля, потеряв терпение из-за медлительности Шереметева, сам приехал под Дерпт и нашел, что осада велась из рук вон плохо. Учинив всем строгий разнос, Петр велел переместить батареи на новое место. 12 июля, в

присутствии государя, солдаты прорубили палисад, взяли рavelин и пять пушек и, обратя их к городу, разбили ворота. После десяти часов упорного боя они ворвались в город. 13 июля комендант затрубил к сдаче и был отпущен без знамен и пушек (офицерам Петр велел возвратить шпаги). Царь торжественно въехал в город и подтвердил его привилегии.

Отпраздновав победу, Петр возвратился к Нарве. К этому времени из Петербурга подвезена уже была осадная артиллерия, и на воинском совете Петр предложил сделать пролом с Ивангородской стороны в бастионе, именуемом Викторией. В тот же час были построены батареи, и 30 июля началась канонада. В девять дней в бастионе был сделан широкий пролом. Из 70 пушек у шведов осталась всего одна. Петр предложил коменданту Горну сдаться, но тот прислал гордый и обидный отказ, который Петр велел прочесть перед войском. Озлобленные солдаты требовали, чтобы их вели на приступ.

9 августа начался штурм. Шведы открыли огонь, бросали на русских бревна, бочки и камни. Но русские, не смущаясь этим, в три четверти часа со всех сторон взойшли на стены и погнали шведов до самого Старого города, куда Горн скрылся вместе с остатками гарнизона. Он запер ворота и в знак сдачи повелел ударить в барабаны. Однако солдаты резали на улицах всех, кто им попадался, не слушая начальников, пытавшихся их остановить. Петр кинулся между ними с обнаженной шпагой и заколол двух ослушников. Потом, сев на коня, обскакал нарвские улицы, грозно повелевая прекратить убийства и грабежи, расставил повсюду караулы и прибыл к ратуше, наполненной трепещущими гражданами. Между ними Петр увидел и Горна, в жару своем он дал ему пощечину и сказал гневно: "Не ты ли всему виной?" Потом, показывая шпагу, обогренную кровью, добавил: "Смотри — эта кровь не шведская, а русская. Я своих заколол, чтобы удержать бешенство, до ко-

торого ты довел моих солдат своим упрямством".

В последующие годы война продолжалась не столь интенсивно. Карл сумел наконец победить Августа и заставил его отречься от престола. Из Польши военные действия переместились в Белоруссию, а потом на Украину. В июле 1708 года Карл занял Могилев и засел здесь надолго: он дожидался прихода генерала Левенгаупта из Лифляндии с 16 000 войска, артиллерией и провиантом; дожидался еще вестей об обещанном ему гетманом Мазепой восстании в Малороссии против царя. Вследствие скудости продовольствия шведы очень страдали от голода. Положение мог бы исправить Левенгаупт с его транспортом, но тот продвигался чрезвычайно медленно. В начале августа, так и неждавшись его, Карл выступил из Могилева и направился на юго-восток. Поход по опустошенной стране был очень тяжел для голодного войска. Солдаты сами должны были снимать с поля колосья и молотить их между камнями. Из-за непрерывных дождей всюду была распутица и грязь.

Петр не преследовал Карла и обратил все силы на Левенгаупта. Левенгаупт был у Шклова, когда получил от Карла известие, что тот идет на Украину, и приказание спешить к Стародубу. Это известие стало громовым ударом для него и его подчиненных: две реки, Днепр и Сожь, отделяли их от главной шведской армии, а между этими двумя реками стояло русское войско. 22 сентября Левенгаупт перешел Днепр у Шклова и начал пробираться тайком на юг. Петр гнался за ним и 27 сентября настиг шведов недалеко от Пропойска у деревни Лесной. Левенгаупт велел отступить за болото в укрепленное место. Позиция его была очень сильной и казалась неприступной. Петр оставил против него три полка, а сам пошел в обход с гвардией, драгунами и двумя пехотными полками. Левенгаупт в то же время вышел из леса и атаковал стоявшие против него полки. Но подросла гвардия и ударила во

фланг шведского войска. Шведы стали отступать через лес. Русские преследовали их. Упорный бой продолжался пять часов. Шведы отступили к своему обозу, и на некоторое время битва прекратилась. В пятом часу пополудни русские вновь пошли в атаку, ударили в штыки и овладели всею артиллерией и почти всем обозом. Ночь и вьюга спасли остатки шведского войска. Солдаты ночевали, где кого застала непогода. Сам Петр провел ночь далеко от лагеря среди льда и снега. Бегущие шведы вплавь переправились через Сожь, бросив те телеги, которые еще оставались у них. Левенгаупту, впрочем, удалось собрать еще около 6 000 человек, и с ними он прибыл в лагерь Карла. Всего под Лесной полегло до 8000 шведов, более 2000 было взято в плен, но самое главное, Карл лишился провианта, на который так рассчитывал.

Весной 1709 года Петр ездил в Азов. Здесь к нему пришло известие, что Полтава осаждена, что Карл несколько раз приступал к городу и держит его в сильной блокаде. 27 мая Петр выехал из Азова через степь на Харьков. 4 июня он был уже при армии. С этого момента здесь говорили о генеральном сражении. 20 июня русская армия переправилась через Ворсклу, расположилась лагерем и стала укреплять его шанцами. Петр оттягивал начало сражения, дожидаясь прибытия 20 000 калмыков, но Карл, узнав об этом, приказал двинуть войско в битву.

Рано утром 27 июня, еще до восхода солнца, шведы пошли в атаку с намерением опрокинуть русскую конницу, стоявшую перед лагерем. Для этого им пришлось пройти сквозь редуты под сильным огнем русской артиллерии. Русская конница отошла, и шведы угодили под еще более убийственный огонь из лагеря. Господство русской артиллерии было подавляющим. Левенгаупт должен был прекратить преследование и отступил в лес.

Воспользовавшись затишьем, Шереметев вывел пехоту из лагеря и построил ее

в две линии против шведов. На флангах поставлена была кавалерия. Петр объехал с генералами всю армию, ободряя солдат и офицеров. "Вы сражаетесь не за Петра, а за государство, Петру порученное, — говорил он, — а о Петре ведайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россия, слава, честь и благосостояние ее!"

В 9 часов битва возобновилась. Армии сошлись вплотную, и начался рукопашный бой. Петр распоряжался в самой гуще, не избегая опасности: одна пуля прострелила ему шляпу, другая попала в седло, а третья повредила крест, висевший у него на груди. Через два часа шведы дрогнули по всему фронту. Карла с большой ногой возили между солдатскими рядами, как вдруг пушечное ядро ударило в коляску и король очутился на земле. Солдаты, находившиеся вблизи, подумали, что Карл убит, и ужас овладел полками. Карл велел поднять себя и посадить на перекрещенные пики; тут увидел он всеобщее замешательство своих и закричал в отчаянии: "Шведы! Шведы!" Но шведы бежали и не слышали голоса своего короля. На поле боя осталось до 9000 убитых.

Но половина шведской армии (до 16 000) отступила сначала в лагерь, а потом поспешно стала отходить к Днепру. Радость победителей была так велика, что их никто не преследовал. В палатке у Петра начался пир. Пленных шведских генералов усадили тут же за стол, вернув им шпаги. Под гром пушек Петр провозгласил тост за учителей своих в военном искусстве. "Кто эти учителя?" — спросил фельдмаршал Реншильд. "Вы, господа шведы", — отвечал царь. "Хорошо же отблагодарили ученики своих учителей!" — проворчал фельдмаршал.

Вечером вспомнили о бежавших и послали в погоню Меншикова. Тем временем разбитая армия подошла к Днепру. Переправляться через него было не на чем. Запорожцы едва успели перевести на лодках Карла и Мазепу, как 30 июня явился Меншиков. Левенгаупт и с ним

16 000 солдат сложили оружие. Победа была полной — одна из лучших армий того времени, девять лет наводившая ужас на всю Восточную Европу, перестала существовать. В погоню за Карлом Петр отправил два драгунских полка, но Карл успел бежать в турецкие владения.

13 июля армия двинулась из-под Полтавы, где нельзя было далее оставаться по причине смрада от мертвых тел. Остановились в Решетилровке. На совете было положено, что фельдмаршал Шереметев со всею пехотой и частью конницы пойдет осаждать Ригу, а князь Меншиков, также пожалованный в фельдмаршалы, с большей частью кавалерии отправится в Польшу и будет действовать против Лещинского, которого шведы провозгласили королем вместо Августа, и шведского генерала Крассова. Сам Петр отправился в Польшу и Германию, возобновил союз с Августом и заключил оборонительный союз против Швеции с прусским королем.

12 июня 1710 года Апраксин взял Выборг, 4 июля Шереметев захватил Ригу, а 14 августа капитулировал Пернов. Вслед за тем русские переправились на остров Эзель и овладели Аренсбургом. 8 сентября Брюс вынудил к сдаче Кексгольм (древнерусскую Карелу), и таким образом завоевание Карелии было завершено. Наконец, 29 сентября пал Ревель. Лифляндия и Эстляндия очищены были от шведов и перешли под власть России. Однако Карл XII еще не был побежден окончательно. Находясь теперь в Турции, он прилагал все усилия к тому, чтобы поссорить ее с Петром и навязать России войну на юге. 20 октября турки разорвали мир.

17 января 1711 года, сделав распоряжения на время своего отсутствия, Петр выехал из Петербурга в Москву и здесь занялся приготовлениями к войне. 22 февраля издан был указ об учреждении правительствующего Сената из 9 членов, который должен был заниматься делами управления в отсутствии царя. 25 февраля в Успенском соборе отслужи-

А. Меншиков

ли торжественный молебен. 6 марта Петр объявил о своем браке с Екатериной и в тот же день вместе с ней отправился к армии, которой было дано приказание двигаться к Дунаю.

24 июня русские войска вышли к Пруту. 30-го главная армия перешла Прут и шла в назначенном направлении до 7 июля. В этот день стало известно, что крымский хан с 70 000 войска переправился через Прут позади русской армии, а турецкий визирь со 100 000 стоит впереди, на левом берегу, но янычары уже начали переправу. Петр собрал ночью генеральный совет, на котором положено было отступать. Рано утром двинулись назад вверх по Пруту. Турецкая конница преследовала отступавших. Нестерпимой зной и непрестанные нападения утомили войско, особенно Преображенский полк, отступавший в арьергарде. 9 июля поневоле должны были остановиться у места, носившее название Новое Станелище. Обоз расположился у реки, а войско ста-

ло около него в линию. К вечеру подошел визирь с основными силами. Неприятель занял также и другой берег реки. Положение русских сделалось отчаянным. Понятовский, бывший в это время в турецкой армии, предлагал визирю даже не атаковать попавшую в ловушку армию, а только тревожить ее непрестанно и пресекать подвозы. Таким образом, голодная и утомленная армия без боя попала бы ему в руки. Но визирь не послушался и часа за три до захода солнца велел атаковать русские полки. Начался жестокий бой. Турки, имевшие многократное преимущество в живой силе, смело кидались в атаку. Их встречали плотный ружейный огонь и картечь. Превосходство русских в артиллерии позволило им продержаться до ночи. Турки отступили, потеряв до 7000 человек и так и не добившись успеха.

Утром 10-го визирь хотел возобновить атаки, но янычары не послушались и кричали, чтоб визирь исполнял приказание султана — поскорее заключал мир. Визирь велел подвинуть 300 пушек и вести из них обстрел русского лагеря. Шереметев послал к туркам унтер-офицера с предложением о мире. На военном совете было решено, что, если визирь не согласится на мир и будет требовать капитуляции, армия будет пробиваться к русским границам.

Визирь долго медлил с ответом, и Петр уже велел готовиться к прорыву, но тут от турок пришло известие, что визирь не против доброго мира. Турки просили присылать к ним для переговоров знатного человека. Немедленно в турецкий лагерь отправился подканцлер Шафиров. Ему было приказано соглашаться на возвращение туркам всей завоеванной Петром территории по Днэу и Днепру. Если же турки не захотят мириться, не уважив Карла XII, то предписано было и шведам отдать все завоеванное, кроме одной Ингрии, за которую, в случае крайности, уступить хотя бы Псков.

Таким образом, все успехи десятилетней тяжелой войны были поставлены на карту, и уступчивость Петра лучше всего говорит о том, в каком отчаянном положении он оказался. Шафирову удалось заключить мир на менее обременительных для России условиях. Договорились, что Россия возвращает Турции Азов и уничтожает Таганрогскую гавань. Земли к югу от Самары отходили хану (Запорожская Сечь). Договор заключили 12 июля, и русской армии разрешено было беспрепятственно покинуть лагерь. К счастью для Шафирова, Карла не было тогда в турецком войске, и он прискакал уже после размена трактатов. 14 июля русская армия вышла из своего укрепления с барабанным боем и распущенными знаменами и пошла по берегу Прута к Днестру.

Война со Швецией продолжалась в Померании. Зимой 1713 года Петр передал командование здесь датскому королю, а сам решил возвратиться в Петербург, чтобы начать кампанию в Финляндии. Как ему казалось, с этой стороны можно более успешно склонить Швецию к миру. Из Финляндии в Швецию ввозили скот и дрова, и потеря ее оказалась бы весьма чувствительна для Карла. 26 апреля Петр вывел в море галерный флот: 93 галеры, 60 карбасов, 50 больших лодок с 16 000 войска (кроме уже бывших на судах) и отправился в Финляндию. Сам он, как контр-адмирал, шел в авангарде, а руководство экспедицией официально осуществлял генерал-адмирал граф Апраксин. 8 мая русские высадились у Гельсингфорса. 10-го началась бомбардировка города, а 11-го шведы, зажегши Гельсингфорс, отступили. 17 августа русская армия выступила к Або и заняла его без сопротивления 8 сентября. Осмотрев город, Петр 10 сентября отправился в Петербург. Уже в его отсутствие, 6 октября, Апраксин при реке Пелкени разбил шведского генерала Армфельда. Почти вся Финляндия после этого оказалась в руках русских.

2 февраля 1714 года Петр заложил гавань в Ревеле. 9 мая Петр вывел из Петербурга весь свой флот, включавший в себя кроме 16 линейных кораблей до 180 других судов. 22-го Петр с корабельным флотом направился к Ревелю, а галерный флот с Апраксиным был отправлен в Або. 16 июля Петр получил известие от Апраксина, что шведская эскадра стоит у мыса Гангут. Царь спешно отплыл к нему и 20-го был уже в Твереминде. 21-го он осмотрел неприятельскую эскадру, насчитал 16 кораблей и еще 20 других судов. Твереминдская гавань имела узкий выход. Выводить из нее флот на глазах у неприятеля было опасно, к тому же шведы могли его запереть. Петр велел перетаскивать легкие галеры волоком через перешеек. Заметив это, шведский адмирал Эреншельд на своем флагмане "Элефанте" в сопровождении 10 галер отделился от основных сил и подошел к перешейку, чтобы помешать переволоке. В это время ветер совершенно утих, надо было пользоваться случаем. Петр велел выйти из гавани 35 галерам и провел их вдоль берега под самым боком шведской эскадры. Шведы палили из всех своих орудий, но из-за штиля не могли гнаться за русскими гребными судами. Потеряв одну галеру, русские блокировали шведский флагман.

Утром 27 июля Эреншильду предложено было сдаться, но тот отказался. Тогда в третьем часу дня Петр с генералом Вейдом напал на "Элефант". Два часа шведы успешно оборонялись, но противиться напору оказались не в состоянии. В пятом часу все 11 отделившихся судов были взяты на абордаж. Эреншильд пытался спастись на шлюпке, но попал в плен. Вслед за тем захвачен был остров Аланд, находившийся всего в 15 милях от Стокгольма. Известие об этом привело в ужас всю Швецию. Начали укреплять столицу, двор готовился к выезду. Однако Петр не стал злоупотреблять своим счастьем и вернулся с флотом в Або. 9 сентября царь тор-

жественно въехал в Петербург. В Сенате Петр рапортовал князю Ромодановскому о Гангутской баталии и был пожалован в вице-адмиралы.

***

Между тем в собственном семействе Петра разыгралась трагедия. Известно, что царь перенес свою нелюбовь к Евдокии на ее сына царевича Алексея. Царевич, как видно, платил ему тем же; за внешней его покорностью скрывалось упорное осуждение всех поступков и деяний отца. Петр это чувствовал и гневался еще сильнее. В конце концов взаимная ненависть привела к тягостному концу. В феврале 1717 года пришло известие о побеге царевича Алексея, и Петр дал указания о его розыске. В начале марта он получил известие, что Алексей находится в Тироле. Потребовали его выдачи, но австрийский император тайно переслал Алексея в Неаполь. Переговоры продолжались целый год. Наконец 31 января 1718 года царевич приехал в Москву.

3 февраля Петр велел собраться в Кремлевском дворце духовенству и светским вельможам. Сюда же привезли Алексея без шпаги. Отец обратился к нему с суровыми выговорами; тот бросился перед ним на колени, признал себя во всем виноватым и со слезами просил помилования. Петр обещал ему милость при двух условиях: если откажется от наследства и откроет всех людей, которые присоветовали ему бегство. Царевич на все согласился и тут же написал повинную. Потом царь вышел с сыном в другую комнату, где царевич открыл ему своих сообщников. После этого все пошли в Успенский собор и царевич перед Евангелием отрекся от престола. В тот же день обнародован был царский манифест, объявивший наследником Петра его сына от Екатерины — малолетнего Петра Петровича.

На следующий день 4 февраля царевичу были предложены письменные пункты о сообщниках. Алексей выдал всех своих друзей. Они были схвачены, при-

Алексей Петрович Романов

везены в Москву и подверглись в Преображенском приказе жестоким пыткам. Розыск, как и следовало, завершился казнями. Главного советчика Алексея — Александра Кикина — колесовали. 18 марта Петр вместе с Алексеем оставил Москву и 24-го прибыл в Петербург. Дело царевича казалось конченным, но 20 апреля из-за границы прибыла его любовница Евфросиния. Ее, беременную, засадили в Петропавловскую крепость и подвергли строгому допросу. Испуганная Евфросиния показала, что царевич часто радовался болезням своего отца и недвусмысленно желал его смерти, что, став царем, он надеялся все вернуть к старым порядкам. "Буду жить зиму в Москве, а летом в Ярославле, — говорил он. — Петербург будет постылым городом; я кораблей держать не стану и войны ни с кем вести не буду; буду довольствоваться старыми владениями".

Когда царевичу предъявлены были показания Евфросинии, он начал отпираться. Петр приехал к нему на мызу, велел отвести его в сарай и там стегать кнутом. После этого царевич дал показания против себя. Но подозрительный Петр искал большего — он подозревал заговор. Царевича вновь подвергли пыткам, он признался, что готов был пристать к бунтовщикам, и оговорил еще множество государственных людей. 13 июня Петр приказал нарядить суд из духовных и светских лиц и объявил печатно, чтобы судьи вершили это дело, "не похлебуя государю". "Не рассуждайте того, — писал Петр, — что тот суд надлежит вам учинить на сына вашего государя, но, несмотря на лицо, сделайте правду и не погубите душ своих и моей души, чтоб совести наши остались чисты в день страшного испытания и отечество наше безбедно".

14 июня царевич посажен был в Петропавловскую крепость, а 17-го потребован к допросу. Допросы, по обыкновению, сопровождались пытками. Алексей, как видно, оговорил себя по всем пунктам. 24-го был над ним суд, и все 120 членов суда подписали смертный приговор. 26-го июня, уже после оглашения приговора, Петр приезжал в крепость и присутствовал на новых пытках сына. Неизвестно, каких еще показаний хотели от него добиться. Через семь часов после отъезда отца царевич скончался. Царь отнесся к его кончине с подчеркнутым равнодушием. В тот же день Петр спускал 90-пушечный корабль и пировал с матросами. 27-го июня были торжества по поводу очередной годовщины полтавской баталии. 29-го пышно отмечались именины царя. Петр веселился и танцевал. В это время тело Алексея выставлено было в церкви св. Троицы. 30 июня Алексея погребли в Петропавловском соборе рядом с гробом его покойной жены.

В том же году Петр приступил к учреждению коллегий. Дело это задумывалось царем задолго до этого, но сильно замед-

лилось из-за недостатка в сведущих образованных людях, которые могли бы поставить дело государственного правления по-новому, на европейский манер. Поначалу насчитывалось 9 коллегий. Каждая из них должна была иметь строго определенный круг обязанностей. Три были "главными", или "государственными" (военная, морская, иностранных дел). Три коллегии ведали финансами (камер-коллегия ведала доходами, штатс-коллегия занималась расходами, ревизион-коллегия — контролем). Кроме того, юстиц-коллегия должна была вести надзор за судами, коммерц-коллегия стала ведомством торговли, а берг- и мануфактур-коллегия занимались горнозаводской и фабричной промышленностью.

Внешние дела, впрочем, не давали Петру полностью сосредоточиться на реформах. В декабре пришло известие о смерти Карла XII. Он был убит картечью в траншее при осаде Фридрихсгаль в Норвегии. Мирные переговоры, начавшиеся незадолго до этого, сразу застопорились. Тогда, летом 1719 года, Петр отправил к шведским берегам русский флот под командой адмирала Апраксина. Сухопутное войско генерала Ласси высадилось у местечка Грина. Было сожжено два города, 135 деревень и 9 железоделательных заводов. Огромное количество железа, провианта и конских кормов было брошено в море. Сам Апраксин пристал к Ваксгольму всего в семи милях от Стокгольма и также опустошил окрестности. В августе 1720 года Петр вновь послал к шведским берегам свою эскадру во главе с Голицыным. Разорив множество шведских сел, Голицын привез в Петербург четыре шведских фрегата, взятых в плен со значительным числом людей после сражения при Гренгаме. В мае на шведский престол взошел муж Ульрики-Элеоноры, Фридрих. Он предложил возобновить переговоры. 28 апреля 1721 года в Ништадте начался мирный конгресс. Но чтобы понудить шведов к уступкам, Петр в третий раз отпра-

Царица Евдокия Лопухина

вил свой флот разорять их страну. Генерал Ласси сжег три городка и 506 деревень, захватив много добычи.

Шведы постепенно становились все сговорчивее. Они соглашались отдать Эстляндию и Лифляндию, но крепко стояли за возвращение Выборга. Наконец, уступили и его. 3 сентября курьер доставил Петру в Выборг заключенный 30 августа мирный трактат. Согласно трактату, к России отходили Лифляндия, Эстляндия, Ингрия, часть Карелии с Выборгом, а Швеции возвращалась Финляндия.

Нетрудно представить, каким волнующим был для Петра этот день! Ему стоило большого труда сохранить тайну и не поделиться новостью с окружающими. Но все же царь выдержал искушение: лег спать, так никому ничего и не сказав. Утром Петр отправился в Петербург и здесь под гром пушек с борта своей бригантины сообщил радостную весть: "Мир зак-

лючен!" Торжества начались немедленно и продолжались до конца года. 10 октября устроен был большой маскарад, не прекращавшийся затем целую неделю, причем Петр веселился как ребенок: плясал на столах и пел песни. 20 октября Сенат решил поднести Петру титулы Отца Отечества, императора и Великого. Даже сильное наводнение в ноябре месяце не прервало праздников, а в конце декабря император отправился праздновать победу в Москву.

***

Наряду с делами внешними продолжались и внутренние преобразования. Важнейшим из них в 1721 году было учреждение святейшего Синода. 24 января 1722 года была напечатана табель о рангах. Все новоучрежденные должности были изданы по табели в три параллельных ряда: военный, штатский и придворный, с разделением каждого на 14 рангов или классов. Этот очень важный в русской истории учредительный акт ставил бюрократическую иерархию заслуги и выслуги на место аристократической иерархии породы и родословной книги. В одной из статей, присоединенных к табе-

ли, было специально пояснено, что знатность рода сама по себе без службы ничего не значит и не создает человеку никакого положения: людям знатной породы никакого ранга не дается, пока они государю и отечеству заслуг не покажут "и за оные характера ("честь и чина", по тогдашнему словоистолкованию) не получат". Потомки русских и иностранцев, зачисленных по этой табели в первые восемь рангов, причислялись к "лучшему старшему дворянству... хотя б они и низкой породы были". Таким образом, служба теперь открывала доступ к дворянству всем. 5 февраля издан был манифест о праве наследования, согласно которому правящий государь мог завещать престол по своему желанию кому хотел.

Наряду с этим много внимания уделялось ведущейся подушной переписи населения и подготовке к Персидскому походу. Уже давно астраханский губернатор Волынцев доносил, что в Иране сильная смута и необходимо воспользоваться моментом, иначе ослабленная страна вся достанется туркам. Петр, мечтавший через Иран завязать связи с Индией, дал себя уговорить и 13 мая отправился из Москвы в Астрахань. 18 июня корабли, на которых было 22 000 пехоты, вышли в море. Конница и казаки шли берегом. 27 июня войско высадилось на берегу Аграханского залива и здесь началось строительство укрепленного лагеря. Вскоре подошла кавалерия. 5 августа Петр выступил походом к Таркам. Таркский шевкал прислал послов с мирными заверениями. Император принял их милостиво и подтвердил все наследственные права. 12 августа войско подошло к Таркам. Шевкал встретил Петра за пять верст от города. На другой день император был у него в гостях, а 16 августа войско отправилось дальше — к Дербенту.

Утемишский султан Махмуд настроен был менее миролюбиво. 18 августа он вышел со своим войском против русских, но потерпел в сражении полное поражение.

Петр I

В тот же день Петр взял Утемиш и сжег его дотла. 21-го поход продолжился и был очень утомительным из-за сильной жары и ветра, поднимавшего тучи пыли. 23-го подошли к Дербенту. Наиб встретил императора за версту от города, пал перед Петром на колени и поднес ему два серебряных ключа от города. Разместив войско в Дербенте, Петр стал совещаться с генералами о дальнейших действиях. Продо-вольствия оказалось мало, а подвозить его из Астрахани из-за штормов было не-просто. Решено было оставить в Дербен-те гарнизон, а войску возвратиться на зи-мовку в Астрахань. В начале сентября от-правились в обратный путь. 13 декабря Петр выехал из Астрахани и 18 вернулся в Москву. Война продолжалась без него и окончилась присоединением к России южных берегов Каспийского моря.

7 мая 1724 года Петр торжественно короновал свою жену и собственноручно возложил на Екатерину корону. После это-го в течение нескольких дней поили и уго-щали народ, а при дворе продолжались праздники, маскарады и попойки. Собы-тие это было новым для России (до этого короновали только Марину Мнишек) и как бы подчеркивало новое положение жен-щины при российском дворе. Вместе с тем коронация породила разные предположе-ния о престолонаследии. Все сыновья, рожденные Екатериной, умерли еще в младенчестве. Единственным отпрыском мужского пола из Романовых оставался внук Петра — Петр Алексеевич, которого император не любил. Ожидали, что Петр завещает трон одной из своих дочерей. Ему, очевидно, все чаще приходили мыс-ли о наследнике созданного им государ-ства, и мысли эти были безрадостны. За-мечали, что характер Петра изменился. Он сделался молчаливым, угрюмым, час-то искал уединения. Порой он как бы ма-шинально, по старой памяти, предавался разгулу, но пьянство уже не разгоняло его задумчивости, а только разрушало здоро-вье. Тяжелые недуги постепенно брали над

ним верх. В конце октября Петр осматри-вал учрежденный недавно Сестрорецкий литейный завод. Недалеко от устья Невы император увидел судно с солдатами и матросами, плывущее из Кронштадта и носимое во все стороны ветром и непого-дой. На глазах Петра это судно село на мель. Петр не удержался, велел плыть на помощь потерпевшим, сам бросился по пояс в воду и помогал вытаскивать корабль с мели, чтобы спасти находившихся на нем людей. Несколько человек, работавших рядом с ним, были унесены водой. Сам Петр проработал целую ночь и успел спа-сти жизнь двадцати человек. Утром он по-чувствовал лихорадку и возвратился в Пе-тербург.

По возвращении в столицу Петр узнал, что между Екатериной и одним из его ка-мергеров Вильямом Монсом (братом его прежней любовницы Анны) установилась с некоторого времени подозрительная друж-ба. Странно, что его не известили об этом раньше, так как, по словам свидетелей,

Петр I в гробу. С картины Тоннауэра

заслуживающих доверия, связь императрицы с молодым и красивым Монсом была давно известна всей столице. Его сестра Модеста Балк была одной из ближайших наперсниц государыни. Именно она устраивала все свидания любовников.

10 октября Петр сам допросил доносчика, но по окончании расследования не стал действовать с обычной ему быстротой, а в течение почти двух недель умело скрывал гнев и ревность. Еще 25 октября он ужинал во дворце с императрицей и беседовал долго и запросто с Монсом. По возвращении же домой Монс был арестован. Во время следствия имя императрицы не было ни разу упомянуто. Монса обвинили в злоупотреблении своим влиянием и преступных кознях. 14 ноября суд приговорил его к смертной казни. Рассказывают, что император сам приехал к Монсу проститься. "Жаль тебя мне, очень жаль, да делать нечего, надобно тебя казнить", — сказал ему Петр.

Екатерина осмелилась было ходатайствовать перед мужем за своего бывшего любовника, но Петр пришел в такую ярость, что на глазах государыни разбил дорогое зеркало. "Видишь ли, — сказал он многозначительно, — вот прекрасное украшение моего дворца: хочу — и уничтожу его!" Екатерина поняла, что эти слова заключают намек на нее саму, но с принужденною сдержанностью сказала Петру: "Разве от этого твой дворец стал лучше?"

16 ноября Монса обезглавили, а его сестру высекли кнутом и сослали в Тобольск. На другой день, катаясь с Екатериной в коляске, Петр приказал проехать мимо столба, на котором воткнута была голова ее любовника. Екатерина не показала никакого смущения и, как говорят, посмотревши прямо в глаза императору, произнесла: "Как грустно, что у придворных может быть столько испорченности!" Такого рода твердостью Екатерина, возможно, спасла себе жизнь, но о примерении не было и речи. В декабре Лефорт писал в своей депеше об императорской

чете: "Они почти не говорят друг с другом, не обедают и не спят больше вместе". Некоторые считают, что Петр только откладывал свою месть, предполагая прежде устроить судьбу своих дочерей (в противном случае они едва ли могли выйти замуж). 24 ноября он обручил дочь Анну с герцогом голштинским Фридрихом и думал о замужестве Елизаветы.

Здоровье государя между тем не поправлялось, но становилось со дня на день все хуже: у него открылись признаки каменной болезни. Государственными делами он занимался вплоть до 16 января 1725 года. Но с этого дня болезнь его усилилась до такой степени, что император слег в постель и кричал от мучительных болей. 22-го он исповедовался и причастился. Петр уже не имел силы кричать и только стонал при мочеиспускании. Екатерина не отходила от постели умирающего. Кажется, только тут она сумела примириться с ним. Но оставался вопрос о наследнике, которого, по собственному указу, Петр должен был назначить сам.

27 января он потребовал перо, бумагу и начертал несколько неясных слов, из которых сумели разобрать только два: "отдайте все..." Перо выпало из его рук. Петр велел позвать к себе цесаревну Анну, чтобы ей продиктовать. Она вошла, но он не мог уже ничего говорить. Присутствующие начали с ним прощаться. Он приветствовал всех тихим взором, а затем отослал от себя, оставшись только со священниками.

28 января в 6 часов утра Петр умер на руках Екатерины. 2 февраля труп его забальзамировали, а 8 марта погребли в Петропавловском соборе в Петербурге.

ПЕТР II Алексеевич Романов

Государь император и самодержец Всероссийский в 1727—1730 гг. Сын цесаревича Алексея Петровича и кронпринцессы Шарлотты Вольфенбюттельской. Род. 12 окт. 1715 г. Вступил на престол 7 мая 1727 г. Короновался 25 февр. 1728 г. † 19 янв. 1730 г.

После трагической кончины Алексея Петровича осталось двое сирот: дочь Наталья и сын Петр. По устоявшемуся в Русской земле порядку престолонаследования великий князь Петр Алексеевич с детства должен был считаться законным наследником престола. Петр I, однако, не желал, чтобы внук занял после него престол. Отвращение к сыну, рожденному от нелюбимой Евдокии Лопухиной, перешло и на потомство этого несчастного. Петру хотелось доставить престол детям своей любимой жены Екатерины. Но все сыновья, рожденные ею, умирали еще в детстве. Петр чрезвычайно скорбел о них, но не перенес своей привязанности к внуку, который продолжал расти в полном пренебрежении.

Маленький Петр лишился матери тогда, когда еще не в силах был знать ее. Надзирательницами за ним были женщины "неважной кондиции", одна — вдова портного, другая — вдова какого-то трактирщика, а танцмейстер Норман учил его чтению и письму. В 1719 году к Петру был назначен воспитателем некто Маврин, бывший при дворе пажом, а в 1723 году был у него учителем венгерец Зейкин. Все знавшие Петра в детстве в один голос говорили, что он отличался кротким нравом, имел доброе сердце и очень походил на свою мать. Это был красивый грациозный мальчик с большими широко раскрытыми глазами и очень приятным лицом.

Сделавшись самодержавной государыней, Екатерина постоянно оказывала пасынку знаки любви и внимания, и это помогло тому, что ее короткое царствование прошло без особых потрясений. Между тем восшествие ее на престол не отменило, а только отсрочило вопрос о престолонаследии. Шансы Петра и здесь были далеко не бесспорны. По крайней мере, до тех пор, пока врагом его оставался князь Меншиков. Но австрийский посланник Рабутин подал Меншикову мысль, каким образом можно совместить

Петр II Алексеевич

свои интересы с интересами великого князя. У фаворита были две дочери, с которыми он связывал свои самые честолюбивые помыслы. Старшую из них — Марию Александровну — светлейший, с подачи Рабутина, решил выдать замуж за Петра. После того как Екатерина I изъявила на это свое согласие, Меншиков превратился в горячего сторонника великого князя. Умирающей Екатерине он подsunул составленное им завещание, по которому наследником объявлен был царевич Петр. Далее императрица поручала пасынку жениться на Меншиковой. Управлением государства до совершеннолетия государя должна была заниматься администрация, состоящая из двух царевен, голштинского герцога и прочих членов Верховного совета.

На другой день после кончины императрицы — 7 мая 1727 года — завещание было вскрыто и прочитано перед генералитетом и знатнейшим духовенством. Все единогласно приветствовали последнюю волю умершей. Меншиков мог торжествовать, но из предосторожности, под предлогом того, что впечатлительному мальчику незачем видеть похороны императрицы, он сразу после ее смерти перевел Петра в свой дом и постарался оградить от всяких посторонних влияний. Вместо прежних

Княжна Мария Меншикова

учителей в воспитатели был назначен Остерман. 24 мая совершилось обручение молодого императора с княжной Марией Александровной. Дочь Меншикова тогда же получила титул высочества. Ей назначен был особый штат и содержание в 34 000 рублей в год.

Казалось, Меншиков достиг пределов своих желаний, но в первых числах июня его постигла случайная неудача, которая стала для него роковой. Могущественный временщик заболел лихорадкой и почти две недели находился между жизнью и смертью. Этого времени оказалось достаточно, чтобы влияние его на молодого императора оказалось основательно подорванным. Избавившись на несколько недель от строгой опеки, которой его окружил будущий тесть, Петр поначалу большую часть времени стал проводить в обществе своей сестры Натальи. Подругой Натальи была ее тетка Елизавета Петровна, бойкая и пылкая 17-летняя девушка со стройной талией и пышной грудью, неустрашимая наездница и неутомимая охотница. Петр быстро поддался ее обаянию и стал часто ездить верхом на прогулки и на охоту. Вскоре он совершенно увлекся Елизаветой. Уčenje было заброшено, невеста забыта. В сравнении с Елизаветой она казалась ему мраморной статуей. Во

власти новых чувств император крепко сдружился с князем Иваном Долгоруким, который был старше его семью годами и вскоре пристрастил Петра ко многим не-детским забавам.

Когда Меншиков оправился после болезни, он заметил, что император сильно переменился, но не понял, насколько глубока эта перемена. Он хотел исправить его строгостью и тем окончательно погубил себя. Ссора не замедлила последовать. Цех петербургских каменщиков поднес императору 9 000 червонцев. Петр отослал их сестре или, по другим сведениям, Елизавете, которая была большая мотылька. Узнав об этом, Меншиков отобрал деньги в казну. Император пришел в ярость и велел позвать светлейшего к себе. "Как вы смели, князь, не допустить моего придворного исполнить мое приказание?" — с гневом спросил Петр. Меншиков, поначалу оторопевший от такого тона, хотел оправдаться, но Петр топнул ногой и сказал: "Я покажу вам, кто из нас двоих император!" С этими словами он хотел уйти, но Меншиков догнал его в дверях и уговорил не гневаться.

Короткое время спустя последовала новая ссора, и опять из-за денег. Император потребовал у Меншикова 500 червонцев и отдал их сестре. Меншиков (как видно узнав, что эти деньги опять предназначались для Елизаветы) отобрал их обратно. Петр стерпел эту дерзость. Гроза разразилась в сентябре. Окончив постройку часовни в своем ораниенбаумском поместье, Меншиков предполагал отметить ее освящение великолепным праздником, на котором должен был присутствовать и император. Петр и на самом деле обещался быть, но, узнав, что Елизавета не приглашена, в самый последний момент дал знать, что не приедет. На другой день Петру донесли, что Меншиков во время богослужения занял императорское место.

Через день сам Меншиков отправился в Петербург, чтобы поговорить с Петром, но тот уехал на охоту и не принял его, а

когда вернулся — послал майора гвардии забрать все свои вещи из дома Меншикова и перевезти их в Летний дворец. 7 сентября Петр предупредил Верховный совет и гвардию, что отныне они будут получать предписания только от него одного. Когда Меншиков узнал об этом, его хватил удар. 9 сентября Петр подписал указ, составленный Остерманом, о ссылке Меншикова в его поместье в Рязанской губернии. Помолвка с его дочерью была разорвана. Над временщиком назначено следствие, которое и привело его к окончательной гибели.

Таким образом, при всеобщем попустительстве 12-летний ребенок свалил могущественного регента, пред которым трепетали все и вся. Но те, кто подталкивал императора к этому разрыву, вскоре почувствовали, какую ошибку они совершили. Ребенок, который еще четыре года должен был находиться под опекой, взял власть в свои руки, и не существовало больше силы, которая могла бы вернуть его в прежнее положение. Остерман, более других виновный в этом перевороте, явно переоценил свое влияние на императора: тот не собирался подчиняться больше никому.

Освободившись от Меншикова, Петр все более отдалялся от пути знаний и добродетели, на котором старались удержать его сестра и воспитатель. Отговариваясь заботами правления, поглотившими теперь его, он отказался от всякого учения; но Верховный совет, в котором он теперь решил председательствовать лично, не стал видеть его на своих заседаниях чаще. В декабре 1727 года Лефорт, рисуя портрет императора, дал следующие указания о его времяпрепровождении: "У государя нет другого занятия, как бегать днем и ночью по улицам в компании царевны Елизаветы и сестры и посещать камергера (Ивана Долгорукого), пажей, поваров и Бог еще знает кого... Кто бы мог подумать, что эти безумцы (Долгорукие) будут стараться всеми возможными путями внушить

царю привычки последнего из русских. Я знаю одну комнату, прилегающую к бильярду, где помощник воспитателя устраивает для него запретные игры. В настоящее время он ухаживает за женщиной, которая была у Меншикова... которой он подарил 50 000 рублей... Ложатся спать только в семь часов утра".

Характер Петра II в это время все более ухудшался: он стал вспыльчивым, не терпел никакого противоречия. Он сердился на сестру, как только та отваживалась на малейшее замечание. К тому же он начал пить.

9 января 1728 года император вместе с двором отправился в Москву. Разнесся слух, что Петр навсегда покидает северную столицу и намерен жить отныне в Москве. Следом отправились все те, чья жизнь была связана со двором. Петербург опустел. 4 февраля царский поезд прибыл в Москву (две недели Петр пролежал в Твери больной корью). Здесь его уже поджидала освобожденная из тюрьмы бабка Евдокия Лопухина. Как и ожидалось, особой сердечности к ней Петр не проявил, но назначил годовое содержание в

Княжна Екатерина Долгорукая

Петр II

60 000 рублей. 24 февраля состоялась коронация. Затем следовала, как обычно, целая череда праздников.

С апреля император стал ездить на охоту, которая к этому времени обратилась у него в настоящую страсть. Все лето он колесил по окрестностям столицы, ночевал в палатках, охотился то на волков, то на лисиц, то на медведей и думать не хотел ни о каких делах. Только в ноябре Петр с трудом оторвался от своего увлечения и приехал в Москву, чтобы присутствовать при смерти сестры Натальи (она умерла от чахотки). Сразу после похорон он отправился в имение Долгоруких Горенки и провел там всю зиму.

Старый князь Алексей Григорьевич старательно сводил гостя со своей дочерью Екатериной. В душе он лелеял надежду сделать то, что не удалось Меншикову, — породниться с царствующим домом и тем навсегда упрочить свое положение. В марте 1729 года охотничьи походы возобновились и продолжались опять до поздней осени. Между тем иностранцы рисуют жалкую картину разложения всякого порядка

в управлении государством, над которым считался властителем четырнадцатилетний отрок, бесхарактерный, избалованный собственным ранним величием, руководимый честолюбцами, игравшими им для собственных выгод. Никто не заботился о России, каждый помышлял только о самом себе. Царь, отдавшись ребяческим забавам, ко всему остальному питал отвращение. Остерман истощил все способы, чтобы вернуть его к желанию заняться чем-нибудь серьезным, хотя бы несколько часов в сутки. Все было напрасно. Император оставался совершенным неучем, а князь Алексей Григорьевич умышленно поддерживал его невежество.

Весь год Екатерина Долгорукая находилась рядом с Петром. Она была умна, красива и, кажется, достаточно честолюбива. Тем не менее роман ее с императором не складывался. Он поначалу заинтересовался ей, но потом как-то сразу охладел. Вместе с тем Петр пресытился наконец охотой, раздарил многих своих собак, говорил, что больше охотиться не хочет, и бранил тех, кто его увлек на это занятие. Долгорукие увидели в этом симптомы опасные для себя, и тогда Алексей Григорьевич прибегнул к последнему средству. Достоверно неизвестно, каким образом удалось ему вырвать заветное согласие. В Москве ходили слухи о какой-то грязной и совершенно непристойной сцене. Говорили, что старый князь напоил императора и подложил дочь ему в постель, а затем вынудил его просить руки.

Как бы то ни было, 17 ноября Петр официально объявил, что намерен жениться на Екатерине Долгорукой. 30 ноября было отпраздновано обручение. Все отметили при этом, что молодые держались угрюмо и как-то отчужденно. Никаких теплых чувств не выказывали они друг к другу и позже. Все ясно видели, что Долгорукие, взяв власть над молодым государем, ведут его к венцу чуть ли не

силой. Свадьба была назначена на 19 января 1730 года.

Но 6 января на водосвятие Петр продрог, стоя на морозе во время праздничной церемонии, а на следующий день появилась оспа. 12 января Петр почувствовал себя лучше. Стали говорить о выздоровлении, но император открыл окно в своей комнате и простудился во второй раз. Болезнь вернулась в более тяжелой форме, и на этот раз положение Петра было безнадежно. Уже на другой день он впал в беспамятство и 18 января скончался, не приходя в сознание. Через несколько месяцев после смерти Петра II Екатерина Долгорукая родила дочь. Возможно, эта беременность и была той причиной, из-за которой Петр согласился на брак.

ПЕТР III Федорович Романов

Карл-Петр-Ульрих, герцог Гольштейн-Готторпский. Государь император и самодержец Всероссийский в 1761—1762 гг. Сын герцога Гольштейн-Готторпского Карла-Фридриха и цесаревны Анны Петровны, дочери императора Петра I. Род. 10 февр. 1728 г. Вступил на престол 25 дек. 1761 г. Отрекся от престола 28 июня 1762 г. Ж.: с 21 августа 1745 г. принцесса Ангелът-Цербская Софья-Августа-Фредерика, императрица Екатерина II Алексеевна (род. 21 апр. 1729 г. † 6 ноя. 1796 г.). † 6 июля 1762 г.

Мать Петра, Анна Петровна, скончалась от чахотки через два месяца после рождения сына в небольшом голштинском городе Киле. Ее супружество оказалось несчастным. Отец Петра, голштинский герцог Карл-Фридрих, племянник шведского короля Карла XII, государь слабый, бедный, был дурен собой, небольшого роста и слабого сложения. Он умер в 1739 году, а опеку над его сыном, которому было тогда около 11 лет, принял его двоюродный брат герцог Голштинский и епископ Любекский Адольф-Фридрих, вступивший потом на шведский престол. Петр был от природы слабым, хилым и невзрачным на вид ребенком.

Император Петр III

Главными воспитателями его стали гофмаршал его двора Брюмер и обер-коммергер Берхгольц. Ни тот, ни другой не подходили на эту роль. По свидетельству француза Милле, Брюмер годен был только на то, "чтобы воспитывать лошадей, а не принцев". Он обращался со своим воспитанником чрезвычайно грубо, подвергал его унижительным и тягостным наказаниям, заставляя стоять на коленях на рассыпанном по полу горохе, оставлял без обеда и даже подвергал побоям. Унижаемый и стесняемый во всем Петр усвоил себе дурные вкусы и привычки, стал раздражителен, вздорен, упрям и фальшив, приобрел печальную склонность лгать, с простодушным увлечением веруя в свой собственный вымысел. Вместе с тем принц оставался тщедушным и непривлекательным как в физическом, так и в нравственном отношении. Еще в детстве он обнаружил склонность к пьянству, из-за чего воспитатели вынуждены были пристально следить за ним на всех приемах.

Сначала Петра готовили к восшествию на шведский престол и заставляли учить лютеранский катехизис, шведский язык и латинскую грамматику. Но Елизавета, вступив на русский престол и желая обеспечить его за потомством своего отца, командировала майора Корфа с поручением во что бы то ни стало доставить ее племянника из Киля в Петербург. Петр приехал в Петербург 5 февраля 1742 года и был вскоре объявлен великим князем и наследником русского престола. Пообщавшись с племянником, Елизавета была поражена его невежеством и велела немедленно заняться обучением. Из этого благого намерения вышло мало путного. Преподаватель русского языка Веселовский с самого начала являлся редко, а потом, убедившись в полной неспособности своего подопечного, и вовсе перестал ходить на занятия. Профессор Штелин, которому поручено было обучать наследника математике и истории, проявил больше настой-

чивости. Очень скоро он понял, что наследник "не любит глубокого размышления". Поэтому Штелин держался, где только можно и когда только возможно, наглядного метода обучения. Он приносил на уроки книги с картинками, древние русские монеты и по ним рассказывал древнюю историю России. По медалям Петра I Штелин рассказывал историю его царствования. Читая газеты, он проходил всеобщую историю. Однако, несмотря на все усилия, Штелин преуспел не больше Веселовского. Не то чтобы Петр вовсе был лишен памяти, просто его внимание всегда было направлено на мелочи. Он совершенно не способен был к обобщениям и начисто лишен воображения, поэтому так и не смог ничему научиться.

Впрочем, гораздо важнее для Елизаветы было приобщить племянника к православию. С этой стороны тоже столкнулись с немалыми трудностями, поскольку Петр с детства усвоил правила самого строгого и наименее веротерпимого лютеранства. Наконец, после многих для себя неприятностей, он подчинился воле императрицы, но при этом несколько раз говорил, что ему приятнее было бы уехать в Швецию, нежели оставаться в России.

Единственное занятие, которому Петр предавался с самозабвенным упорством, была игра в солдатики. Он велел изготовить для себя множество самых разных солдатиков: восковых, свинцовых и деревянных и расставлял их в своем кабинете на столах с такими приспособлениями, что если дернуть за протянутые по столам шнурки, то раздавались звуки, похожие на беглый ружейный огонь. В табельные дни Петр собирал свою дворню, надевал генеральский мундир и производил парадный смотр своим игрушечным войскам, дергая за шнурки и с наслаждением вслушиваясь в батальные звуки. Любовь к этим ребяческим играм великий князь сохранял долгое время даже после женитьбы.

Великая княгиня Екатерина Алексеевна

Из записок Екатерины известно, какого рода забавам он любил предаваться вскоре после свадьбы. В деревне он устроил себе псарню и начал сам дрессировать собак. "Он с удивительным терпением, — пишет Екатерина, — обучал несколько собак, наказывая их палочными ударами, выкрикивая охотничьи термины и прохаживаясь с одного конца двух своих комнат до другого. Как скоро какая-нибудь собака уставала или убегала, он подвергал ее жестокому истязанию, от чего она выла еще громче. Когда эти упражнения, невыносимые для ушей и спокойствия его соседей, наконец надоедали ему, он принимался за скрипку. Он не знал ни одной ноты, но имел сильное ухо и полагал главное достоинство игры в том, чтобы сильнее водить смычком и чтобы звуки были как можно громче. Игра его раздирала слух, и нередко слушателям приходилось сожалеть, что они не смеют заткнуть себе уши. Затем снова происходила дрессировка собак и истязание их, которое поистине казалось мне чрезвычайно жестоким. Раз я услышала страшный, непрекращающийся визг. Спальня моя, где я сидела, находилась возле комнаты, где происходила собачья выучка. Я отворила дверь и увидела, как великий князь поднял за ошейник одну из собак, велел мальчику калмычонку держать ее за хвост и толстою палкою кнута своего из всей силы бил бедное животное. Я стала просить его, чтобы он пощадил несчастную собачку, но вместо того он стал бить ее еще сильнее. Я ушла к себе в комнату со слезами на глазах, будучи не в состоянии выносить такое жестокое зрелище. Вообще, слезы и крики, вместо того чтобы возбуждать жалость в великом князе, только сердили его; жалость была для его души тягостным и, можно сказать, нестерпимым чувством. Однажды я вошла в комнату его высочества и была поражена представившемся зрелищем. На середине кабинета, который он устроил

Петр III

себе, прорубивши стену, была повешена огромная крыса. Я спросила, что это значит, и получила в ответ, что крыса эта совершила уголовное преступление и по военным законам подверглась жесточайшему наказанию, что она забралась на бастионы картонной крепости, стоявшей у него на столе в этом кабинете, и на одном из бастионов она съела двух поставленных на стражу часовых из крахмала". Через мадам Крузе Петр доставал себе кукол и детские безделушки, до которых он был страстный охотник. "Днем он прятал их от всех под моей постелью, — вспоминала Екатерина. — Великий князь тотчас после ужина уходил в спальню, и как скоро мы были в постели, мадам Крузе запирала дверь на замок, и великий князь принимался играть до часу и до двух утра. Я наравне с мадам Крузе, рада, не рада, должна была участвовать в этом приятном занятии. Иногда я забавлялась им, но гораздо

чаще оно меня утомляло и даже беспокоило, потому что куклы и игрушки, иные очень тяжелые, наполняли и заваливали собой всю кровать".

Можно ли удивляться, что Екатерина родила ребенка лишь через девять лет после свадьбы? Впрочем, находились и другие объяснения этой задержке. Шампо в донесении, составленном для Версальского двора в 1758 году, писал: "Великий князь, сам того не подозревая, был неспособен производить детей, вследствие препятствия, устраняемого у восточных народов посредством обрезания, но почитаемого им неизлечимым. Великая княгиня, не любившая его и не проникнутая сознанием иметь наследников, не была этим опечалена".

Со своей стороны Кастера писал: "Он (великий князь) так стыдился несчастья, поразившего его, что у него не хватало даже решимости признаться в нем, и великая княгиня, принимавшая его ласки с отвращением и бывшая в то время такой же неопытной, как и он, не подумала ни утешить его, ни побудить искать средства, чтобы вернуть его в свои объятия".

Если верить тому же Шампо, Петр избавился от своего недостатка лишь с помощью любовника Екатерины Сергея Салтыкова. Произошло это при следующих обстоятельствах. Однажды весь двор присутствовал на большом балу. Императрица Елизавета Петровна, проходя мимо беременной Нарышкиной, свояченицы Салтыкова, разговаривавшей с Салтыковым, сказала ей, что ей следовало бы передать немного своей добродетели великой княгине. Нарышкина отвечала, что это, может быть, и не так трудно сделать, как кажется. Елизавета стала ее расспрашивать и так узнала о физическом недостатке великого князя. Салтыков тут же сказал, что пользуется доверием Петра и попытается уговорить его согласиться на операцию. Императрица не только согласилась на это, но дала понять, что этим он оказал бы большую услугу. В тот же

день Салтыков устроил ужин, пригласил на него всех хороших друзей Петра, и в веселую минуту все они обступили великого князя и просили его согласиться на их просьбы. Тут же вошел Бургав с хирургом, — и в одну минуту операция была сделана и отлично удалась. Петр наконец смог вступить в нормальное общение с женой, и вскоре после этого она забеременела.

Но если Петр и Екатерина и соединились для зачатия ребенка, то после его рождения они чувствовали себя совершенно свободными от супружеских обязательств. Каждый из них знал о любовных увлечениях другого и относился к ним с полным равнодушием. Екатерина влюбилась в Августа Понятовского, а Петр стал ухаживать за графиней Елизаветой Воронцовой. Последняя вскоре взяла над великим князем полную власть. Современники дружно выражали недоумение по этому поводу, поскольку совершенно не могли объяснить, чем она сумела приворожить Петра. Воронцова была совершенно не красива и даже более того. "Уродливая, грубая и глупая", — говорит про нее Массон. Другой свидетель выражается еще жестче: "Она божилась как солдат, косила, воняла и плевалась при разговоре". Ходили слухи, что Воронцова поощряла все пороки Петра, напивалась вместе с ним, бранила и даже поколачивала своего любовника. По всеобщему мнению, она была злой и невежественной женщиной. Тем не менее ничего Петр не желал так сильно, как жениться на ней, предварительно разведясь с Екатериной. Но пока жива была Елизавета, об этом можно было только мечтать.

Все, кто более или менее знал Петра, не сомневались, что с приходом его к власти политика России изменится кардинальным образом. Прусские привязанности наследника были общеизвестны, поскольку он не считал нужным скрывать их (да и вообще, по самой природе своей он не мог хранить тайн и тут же вы-

балтывал их первому встречному; порок этот более всех других в дальнейшем повредил ему). Во время Семилетней войны, в которой Пруссия противостояла России, прусские привязанности нисколько не уменьшились, поскольку большую часть времени Петр проводил в кругу голштинских офицеров, которые все по северогерманскому патриотизму благоговели перед своим национальным героем Фридрихом II.

25 декабря 1761 года Елизавета скончалась. В первую же ночь своего восшествия на престол Петр разослал гонцов в различные корпуса русской армии с приказом прекратить военные действия. В тот же самый день любимец нового императора бригадир и камергер Андрей Гудович отправлен был к принцу Ангельт-Цербскому с извещением о восшествии на престол Петра и вместе с тем повез грамоту императора к Фридриху. В ней Петр III предлагал Фридриху возобновить союз и дружбу. И то и другое было принято с величайшей благодарностью. Фридрих немедленно отправил в Петербург своего адъютанта полковника Гольца. Кроме инструкций по поводу заключения мирного договора Гольц привез подарок Петру — прусский орден.

24 февраля Гольц представился императору. Петр осыпал его самыми горячими уверениями в дружбе и бесконечном уважении своем к Фридриху II. После аудиенции Петр пошел к обедне, и Гольц последовал за ним в церковь. Во время службы, по свидетельству Гольца, император все говорил с ним то о Фридрихе II, то о прусской армии, подробными сведениями о которой изумлял Гольца; не было полка, в котором Петр не знал бы трех или четырех поколений шефов и главных офицеров. В тот же день вечером во время карточной игры Петр показал Гольцу на своем пальце перстень с портретом Фридриха II и велел также принести большой портрет прусского короля. По окончании ужина

Петр долго разговаривал с Гольцем о том, сколько он потерпел в продолжение царствования его тетки за преданность Фридриху. После этих откровений Гольц мог уже не беспокоиться о ходе мирных переговоров, и, действительно, 24 апреля мир был заключен на самых выгодных для Фридриха условиях: прусскому королю возвращались все его земли, занятые русскими войсками; отдельным параграфом провозглашалось желание обоих государей о заключении военного союза, который, очевидно, был направ-

Графиня Е. Р. Воронцова

лен против бывшей союзницы России, Австрии. При этом Петр открыто оповестил всех о своем намерении стать вместе с частью русской армии под начальство Фридриха. Это было его заветной мечтой.

Столь же решительно повел себя Петр во внутренней политике. 18 февраля был обнародован манифест о вольности дворянства. Отныне все дворяне, на какой бы службе они ни находились, военной или гражданской, могли беспрепятственно выйти в отставку. Князь Петр Долгоруков сообщает анекдот о том, как был написан этот манифест. Однажды вечером, когда

Петру хотелось изменить своей любовнице, он позвал к себе статс-секретаря Дмитрия Волкова и обратился к нему с такими словами: "Я сказал Воронцовой, что проработаю с тобой часть ночи над законом чрезвычайной важности. Мне нужен поэтому назавтра указ, о котором бы говорили при дворе и в городе". После этого Волкова заперли в пустой комнате с датской собакой. Несчастный секретарь не знал, о чем писать; наконец вспомнил, о чем всего чаще твердил государю граф Роман Ларионович Воронцов — именно о вольности дворянской. Волков написал манифест, который и был на другой день утвержден государем.

21 февраля издан был очень важный манифест, упразднивший Тайную канцелярию, ведомство, известное своими многочисленными злоупотреблениями и явными злодеяниями. 21 марта появился указ о секуляризации церковных владений. Согласно ему монастыри лишались своих многочисленных земельных владений, а монахам и священникам были положены фиксированные государственные оклады.

Между тем Гольц, который и после подписания мира продолжал оставаться в Петербурге и имел во всех делах большое влияние на Петра, с тревогой доносил Фридриху о растущем недовольстве против императора. О том же самом пишет в своих записках Болотов. Упомянув о некоторых постановлениях нового царствования, встреченных в России с явным одобрением, он далее пишет: "Но последовавшие затем другие распоряжения императора возбудили сильный ропот и негодование в подданных, и более всего то, что он вознамерился было совершенно переменить религию нашу, к которой оказывал особенное презрение. Он призвал первенствующего архиерея (новгородского) Дмитрия Сеченова и приказал ему, чтоб в церквах оставлены были только иконы Спасителя и Богородицы, а других бы не было, также чтоб

священники обрили бороды и носили платье, как иностранные пасторы. Нельзя изобразить, как изумился этому приказанию архиепископ Дмитрий. Этот благоразумный старец не знал, как и приступить к исполнению этого неожиданного повеления, и усматривал ясно, что государь имел намерение переменить православие на лютеранство. Он принужден был объявить волю государеву знатнейшему духовенству, и хотя дело на этом до времени остановилось, однако произвело во всем духовенстве сильное неудовольствие, содействовавшее потом очень много перевороту".

К недовольству духовенства прибавилось и недовольство войск. Одним из первых дел нового царствования был роспуск елизаветинской лейб-компании, на место которой тотчас явилась новая, голштинская, гвардия, пользовавшаяся явным предпочтением императора. Это возбуждало сильнейшее неудовольствие в русской гвардии. Опять, как во времена Бирона, стали говорить, что гвардии придет скоро конец, что ее распределят по армейским полкам; Петр, будучи еще великим князем, часто говаривал, что гвардейцы, живя в своих казармах с семействами, держат резиденцию точно в осаде и называл гвардейцев янычарами. Но вызывало ропот и многое другое: роптали на перемену формы, на частое и долгое учение по новому, прусскому образцу. Петр знал о растущем раздражении, но не придавал ему значения. Все помыслы его были заняты подготовкой к войне с Данией из-за голштинских владений.

***

Как признавалась позже сама Екатерина, ей предлагали план свержения Петра III уже вскоре после смерти Елизаветы. Однако она отказывалась участвовать в заговоре вплоть до 9 июня. В этот день, во время празднования мира с прусским королем, Петр публично оскорбил ее за обедом, а вечером приказал арестовать. Дядя принц Георгий за-

ставил императора отменить этот приказ. Екатерина осталась на свободе, но более уже не отказывалась от участия в заговоре и согласилась принять помощь своих добровольных помощников. Главными среди них были гвардейские офицеры братья Орловы. Это были люди решительные и очень любимые солдатами. В короткий срок они вовлекли в заговор от 30 до 40 офицеров и около 10 000 рядовых. В их числе не нашлось ни одного изменника. В продолжение трех недель император оставался в совершенном неведении.

22 июня он давал большой ужин на пятьсот персон, после которого был устроен великолепный фейерверк в честь того же мира, заключенного с Пруссией. 23-го были новые празднества. 24-го Петр выехал из Петербурга в Ораниенбаум, где банкеты продолжались в более интимном кругу. Своей жене Петр велел отправиться в Петергоф. 28 июня он приехал туда сам, чтобы присутствовать на следующий день на праздничном обеде, который императрица должна была дать в его честь. Император ехал медленно, в сопровождении многочисленной свиты, среди которой находились 17 дам. До Петергофа добрались только к двум часам дня. Гудович поехал вперед и вдруг вернулся встревоженный и тихонько сообщил Петру, что императрицы с раннего утра в Петергофе нет и никто не знает, куда она девалась. Император вышел из себя при этой вести, выскочил из экипажа и пешком вместе с Гудовичем поспешил через сад к павильону Монплеизр, вошел туда — Екатерины нигде не было, здесь лежало лишь ее бальное платье, приготовленное к завтрашнему празднику. Когда Петр после напрасных розысков вышел из Монплезира, подошли остальные. "Не говорил ли я вам, что она на все способна!" — крикнул Петр. Его проклятья потонули в бессвязном говоре и вопле женщин. Потом в отчаянии Петр бросился искать Екатерину по всему саду. Во время этих поисков к нему

подошел крестьянин с запискою от Брессона, которого Петр из своих камердинеров сделал директором гобеленовой мануфактуры. Брессон писал, что императрица с утра отбыла в Петербург, где провозгласила себя единой и самодержавной государыней. Самые дальновидные из приспешников Петра: канцлер Воронцов, Трубецкой и Шувалов — сообразили, что дело его проиграно, и один за другим отпросились в Петербург за подробными известиями. Здесь они немедленно и безропотно присягнули Екатерине. Петр так и не дождался от них вестей, но в три часа приехал из Петербурга голштинiec-фейерверкер и рассказал, что с утра начались волнения в Преображенском полку.

Петр растерялся. Генерал Миних советовал ему действовать решительно и прежде всего обеспечить за собой Кронштадт. Туда отправили императорского адъютанта графа Девьера. Отправили и за голштинскую гвардию, оставшейся в Ораниенбауме. К восьми часам вечера это войско прибыло в Петергоф. Но к этому времени

Граф Эрнст Миних

Миних успел уже убедить императора, что защищаться здесь против Екатерины едва ли возможно. Старик настоял на том, что Петр должен укрепиться в Кронштадте. Тот, наконец, согласился, но, как выяснилось, время уже было упущено. В 10 часов вечера Петр со всей своей свитой погрузился на галеру и яхту и отправился в Кронштадт. Между тем в Кронштадте именем Екатерины II уже начальствовал Талызин, а Девьер, присланный Петром, сидел под арестом. В первом часу ночи галера и яхта приблизились к кронштадтскому рейду; но из крепости велено было им удалиться; на извещение, что приехал сам император, отвечали, что в России нет больше императора, а есть императрица Екатерина II, и если суда сейчас же не уйдут, то начнется против них пушечная стрельба. Гудович, подговариваемый Минихом, убеждал Петра, что не должно обращать внимания на угрозы: стоит только ему вместе с ними спрыгнуть на берег, как крепость и флот тут же признают его власть. Но испуганный Петр скрылся в нижней части корабля; между женщинами, находившимися на судне, раздавались рыдания и вопли, и корабли поплыли назад. Тут Миних приступил с новым планом: с помощью гребцов доплыть до Ревеля, там сесть на военный корабль и отправиться в Померанию. Но другие нашли этот план слишком смелым и советовали, возвратясь в Ораниенбаум, вести переговоры с императрицею; этот совет был принят.

Из Ораниенбаума Петр послал к жене вице-канцлера Голицына с предложением разделить с ним власть. Голицын встретил Екатерину на подходе к Петергофу в Сергиевской пустыни, но та не удостоила посланца никаким ответом. Это был конец, и Петр осознал, что дело его проиграно. Теперь оставалось думать только о спасении жизни. Петр отправил к Екатерине своего гофмаршала Измайлова, который должен был сообщить о его отречении.

Измайлов вскоре вернулся назад. С ним был Григорий Орлов. Они привезли

наскоро составленный текст отречения. Петр принужден был подписать его собственной рукой. Вслед за тем он уже в качестве пленника был отвезен в Петергоф. Панин, которому было поручено передать ему последнюю волю императрицы относительно его личной участи, нашел его в самом жалком состоянии. Петр порывался целовать ему руки, умолял, чтобы его не разлучали с любовницей. Он плакал, как провинившийся и наказанный ребенок. Фаворитка бросилась к ногам посланца Екатерины и также просила, чтобы ей позволили не оставлять ее любовника. Но их все-таки разлучили. Воронцова была отправлена в Москву, а Петру назначили в качестве временного пребывания дом в Ропше, "местности очень уединенной, но очень приятной", по уверению Екатерины, и расположенной в 30 верстах от Петербурга. Здесь Петр должен был прожить до тех пор, пока не будет подготовлено для него подходящее помещение в Шлиссельбургской крепости.

Но, как выяснилось немного погодя, эти апартаменты ему так и не понадобились. В Ропше Петра поместили в одной комнате, запретив выпускать его не только в сад, но и на террасу. Дом был окружен гвардейским караулом. Приставленные обращались с узником грубо, но главный надзиратель, Алексей Орлов, был с ним ласков, занимал его, играл с ним в карты, ссужал деньгами. С самого приезда в Ропшу Петру нездоровилось.

За время заключения он послал Екатерине три записки, на которые так и не получил ответа. В первой он писал: "Сударыня, я прошу Ваше Величество быть уверенным во мне и не отказать опять караулы от второй комнаты, так как комната, в которой я нахожусь, так мала, что я едва могу в ней двигаться. И так как вам известно, что я всегда хожу по комнате, то от этого у меня распухнут ноги. Еще я вас прошу не приказывать, чтобы офицеры находились в той же комнате,

когда я имею естественные надобности, — это для меня невозможно..." Насколько известно, никакого послабления низложенный император не получил.

А вечером 6 июля Екатерине передали записку от Орлова, написанную едва ли трезвой рукой. Из этой записки можно было понять лишь одно: в тот день Петр за столом заспорил с одним из собеседников; Орлов и другие бросились их разнимать, но сделали это так неловко, что хилый узник оказался мертвым. "Не успели мы разнять, а его уже не стало; сами не помним, что делали", — писал Орлов. Екатерина, по ее словам, была тронута и даже поражена этой смертью. Однако никто из виновных в убийстве не был наказан. Изданный 7 июля манифест сообщал: "В седьмой день после принятия нашего престола всероссийского получили Мы известие, что бывший император Петр III обыкновенным, прежде часто случавшимся ему припадком геморроидическим впал в пружестокую колику, чего ради... Мы... тотчас повелели отправить ему все, что было потребно к предупреждению следствий из того приключения. Но, к нашему крайнему прискорбию и смущению сердца, вчерашнего вечера получили мы другое известие, что он волею всевышнего Бога скончался..."

Тело Петра привезли прямо в Александрово-Невскую лавру и там скромно похоронили рядом с бывшей правительницей Анной Леопольдовной. Весь Сенат просил Екатерину не присутствовать при погребении.

ПЕТР ДМИТРИЕВИЧ (кол.16)

Из рода Московских вел. кн. Сын Дмитрия Ивановича Донского и кн. Суздальской Евдокии Дмитриевны. Род. 29 июля 1385 г. Кн. Дмитровский в 1389—1428 гг. Кн. Углицкий в 1389—1405 гг. Ж.: с 16 янв. 1406 г. Евфросиния Вельяминова. † 1428 г.

ПИНСКИЕ КНЯЗЬЯ

См. Туровские и Пинские князья.

ПОЗВИЗД ВЛАДИМИРОВИЧ (кол.5)

Из рода Рюриковичей. Сын Св. Владимира Святославича.

Воспоминания об этом сыне Владимира очень смутны. Неизвестно, кто была его мать и где он княжил. В некоторых летописях его волостью назван Луцк, в некоторых Владимир Волынский. В последнем случае он мог править там уже после смерти Всеволода Владимировича.

ПОЛОЦКИЕ КНЯЗЬЯ

Род русских князей, ветвь Рюриковичей. Основан Изяславом Владимировичем.

От Полоцких князей произошли:

- 1) Друцкие князья;
- 2) Минские князья;

Князь Петр Дмитриевич. Роспись
Архангельского собора Московского Кремля
XVII в.

3) *Витебские князья.*

В летописях упомянут также Всеслав Микулич Лагожский, а у Татищева назван последний князь Полоцкий, Борис Давыдович.

ПРОНСКИЕ КНЯЗЬЯ

Род русских князей, ветвь *Рязанских князей*. Основан Ярославом Александровичем.

ПУТИВАЛЬСКИЕ КНЯЗЬЯ

Княжеский род, ветвь *Новгород-Северских князей*. Основан Романом Игоревичем.

О ближайших потомках Романа не сохранилось никаких летописных известий, только упоминания в Любецком синодике. О князе Иване Ивановиче сообщается, что он претерпел мученическую смерть от татар. Князь Владимир Иванович предположительно между 1300 и 1303 годами сделался киевским князем, после того как оттуда бежал митрополит Максим. (Предполагается, что в 1264—1299 годах в Киеве не было своего князя и он управлялся киевским митрополитом.) Под 1331 годом в летописях упомянут киевский князь Федор, учинивший нападение на архиепископа Василия, ехавшего из Волыни в Новгород. В Густинской летописи сообщается, что в 1362 году литовский князь Ольгерд Гедиминович, поразив трех темников татарских, освободил от татар Подолие и, отобрав Киев у Федора, отдал его своему сыну Владимиру.

Князья Андрей и Василий помянуты в Любецком синодике как князья Вруцкие (Овручские).

РОГВОЛОД

Варяжский князь, правивший в 70-е гг. X в. в Полоцке.

По свидетельству летописи, Рогволод был варяг, пришедший из-за моря и утвердивший свою власть среди полочан. Добрыня, дядя новгородского князя Владимира Святославича, стал сватать за своего племянника Рогнеду, дочку Рогволода. Рогволод спросил у дочери: "Хочешь ли за Владимира?" Но та отвечала: "Не хочу разуть робичича", поскольку всем было известно, что Владимир был прижит его отцом Святославом Игоревичем не в законном браке, но от рабыни. Прослышав об этом ответе, Владимир сильно разгневался и пожаловался своему дяде. Добрыня, распавшись яростью, собрал воинов и пошел на Полоцк. Рогволод был побежден в битве и затворился в городе. Новгородцы же, приступив к Полоцку, взяли его и захватили Рогволода с женой и дочерью. Добрыня, насмехаясь над Рогнедой, нарек ее рабыней и велел Владимиру обесчестить ее на глазах отца и матери. После Рогволода убили, а Рогнеда сделалась женой Владимира.

РОГВОЛОД БОРИСОВИЧ (кол.9)

Из рода Друцких кн. Сын Бориса Всеславича. Кн. Друцкий в 1140—1146 гг. и с 1158 г. Кн. Полоцкий в 1144—1151, 1159—1162 гг. Ж.: с 1144 г. дочь Изяслава II Мстиславича.

В 1151 году полочане схватили Рогволода, отослали в Минск и заточили в этом городе, а к себе приняли Ростислава Глебовича. В 1158 году Святослав Ольгович Черниговский дал Рогволоду полки и помог возвратить волость. Приехав в Слуцк,

Рогволод начал пересылаться с жителями Друцка; те обрадовались ему, стали звать к себе: "Приезжай, князь, не мешкай, рады мы тебе; если придется, станем биться за тебя и с детьми". И в самом деле, больше трехсот лодок выехало к нему навстречу, с честью взяли его дручане в свой город, а Глеба Ростиславича выгнали, разграбив его двор и дружину. Когда в Полоцке узнали, что Рогволод сел в Друцке, то многие захотели взять его к себе обратно в князья. Ростислав ходил против дручан, но Рогволод отбил. В том же году полочане сговорились выгнать Ростислава и послали тайком в Друцк сказать Рогволоду: "Князь наш! Согрешили мы перед Богом и пред тобою, что встали на тебя без вины, имяне твое и дружины твоей все разграбили, а самого схватили, выдали Глебовичам на великую муку; если ты позабудешь все то, что мы тебе сделали своим безумием, и поцелуешь к нам крест, то мы твои люди, а ты наш князь; Ростислава отдадим тебе в руки, делай с ним, что хочешь". Рогволод поклялся, что забудет все прошлое. Ростислав же, узнав, что полочане умышляют против него, ушел из города. Рогволод, по зову полочан, приехал княжить на его место и, собравши большие силы, выгнал из Изяславля Всеволода Глебовича, а потом десять дней осаждал Минск. Глебовичи отбились и в том же году вернули себе Изяславль. Это заставило Рогволода опять идти на Минск. На этот раз он осаждал город шесть недель и заключил мир по своей воле.

В 1161 году Рогволод в третий раз осаждал Минск, а в 1162 году пошел к Городцу против Володаря Глебовича. Володарь не стал биться днем, но сделал вылазку ночью и нанес полочанам сильное поражение. Рогволод убежал в Слуцк и, пробыв там три дня, пошел в старую свою волость Друцк, а в Полоцке не посмел явиться, погубив столько тамошней рати под Городцом; полочане посадили на его место Всеслава Васильковича.

РОГВОЛОД ВСЕСЛАВИЧ (кол.8)

Из рода Полоцких кн. Сын Всеслава Брячиславича. Кн. Полоцкий в 1127—1128 гг. † ок. 1128 г.

В 1127 году полочане прогнали Давыда Всеславича и, по воле Мстислава I Владимировича, взяли в князья Рогволода.

РОМАН ВАСИЛЬЕВИЧ (кол.16)

Из рода Ярославских кн. Родоначальник *Романовских князей*. Сын Василия Давыдовича Грозные Очи и кн. Московской Евдокии Ивановны. Кн. Романовский.

Согласно родословным книгам, Роман построил городок Романов, где и княжил.

РОМАН ВЛАДИМИРОВИЧ (кол.8)

Из рода *Рюриковичей*. Сын Владимира Всеволодовича Мономаха и английской королевны Гиды Гарольдовны. Кн. Владимиро-Волинский в 1118—1119 гг. Ж.: с 1113 г. дочь кн. Перемышльского Володаря Ростиславича. † 1119 г.

Св. РОМАН ВЛАДИМИРОВИЧ (кол.12)

Из рода Углицких кн. (младшей ветви). Сын Владимира Константиновича и кн. Рязанской Надежды Ингваревны. Кн. Углицкий в 1261—1285 гг. † 3 февр. 1285 г. Погребен в Угличе в церкви Преображения.

По смерти Романа Углицкая волость опять была присоединена к Ростовскому княжеству.

РОМАН ВСЕСЛАВИЧ (кол.8)

Из рода Полоцких кн. Сын Всеслава Брячиславича. Кн. Полоцкий в 1101—1116 гг. † 1116 г.

РОМАН ВЯЧЕСЛАВИЧ (кол.10)

Из рода Полоцких кн. Кн. Витебский до 1165 г.

Под 1165 годом сообщается, что Давыд Ростиславич Смоленский взял у Романа Витебск, а тому дал Васильев и Красный. Кто этот Роман — неизвестно. У Татищева он назван Романом Вячеславичем, внуком Ростислава. В таком случае он может быть внуком Ростислава Всеславича, брата Давыда Всеславича, высланного вместе с ним в Царьград в 1129 году.

РОМАН ГЛЕБОВИЧ (кол.10)

Из рода Рязанских кн. Сын Глеба Ростиславича и кн. Владимирской. Кн. Рязанский в 1178—1207 гг. Ж.: дочь кн. Черниговского Святослава II Всеволодовича. † ок. 1210 г.

В 1178 году, после Колакинской битвы, Роман попал в плен вместе с отцом и был отвезен во Владимир. По смерти Глеба в тюрьме Роман целовал крест Всеволоду III Юрьевичу Большое Гнездо и получил из рук его Рязанское княжество.

В 1180 году младшие братья Романа Всеволод и Владимир пожаловались Всеволоду III, что Роман следует воле киевского князя и своего тестя Святослава Всеволодовича и отнимает у них волости. Всеволод немедленно выступил в поход. Передовой отряд Романа, переправившись через Оку, потерпел поражение от передового отряда Всеволода, часть его попала в плен, часть потонула в реке. Роман, услышав об этом несчастье, побегал мимо Рязани в степь. Всеволод занял Рязань без боя и после этого помирил братьев и раздал им волости по своей воле.

Но в 1186 году между рязанскими князьями опять начались распри. Роман, Игорь и Владимир вооружились против младших — Всеволода и Святослава, сидевших в Пронске, явились с большим

войском, стали опустошать предградие и вынудили открыть ворота. Всеволод Большое Гнездо, стоявший на стороне младших братьев, был сильно раздосадован таким поворотом дела. В 1187 году он сам пошел на Рязанскую волость и страшно опустошил ее. Этим походом он достиг своей цели — рязанские князья опять признали Всеволода своим отцом, а Пронск был отдан Всеволоду Глебовичу.

В 1207 году племянники Романа, Глеб и Олег Владимировичи, стали говорить Всеволоду: “Не верь, князь, братьям нашим: они сговорились на тебя с черниговцами”. Всеволод послал уличать рязанских князей. Обвиненные клялись, что и не думали ничего такого, но Владимирский князь все же велел схватить Романа, Святослава и их племянников Ингваря и Юрия Игоревичей и отослал их во Владимир, а потом в Петров.

РОМАН ДАНИЛОВИЧ (кол.13)

Из рода Галицких князей и королей. Сын Даниила Романовича и торопецкой кн. Анны Мстиславовны. Кн. Новогрудненский в 1255—1260 гг. Ж.: с 1254 г. сестра герцога Австрийского Фридриха Воинственного, Гертруда, бывшая в первом браке за маркграфом Баденским Германом. † ок. 1260 г.

В 1254 году Даниил женил Романа на Гертруде Австрийской. В качестве приданого Роман должен был получить Австрию. Но венгерский король, который обязал помогать Роману, не исполнил своих обещаний и оставил его в городе Нейбурге, возле Вены. Чешский король Оттоакр осадил Нейбург. Осажденные терпели сильный голод: одна женщина тайком пробиралась в Вену и покупала там съестные припасы для князя. Тогда жена Романова стала уговаривать мужа ехать к отцу, и Роман, воспользовавшись доброхотством какого-то Варенгера Просвела, выбрался из города и уехал в Галицию. В 1255 году, когда заключен был мир с литовцами, Роман получил от Миндовга Новогрудок, а

от его сына Войшелка Слоним и Волковыск с обязанностью, впрочем, признавать над собою власть Миндовга. В 1260 году Даниил опять соединил свои полки с войском Бельи против Оттоакра Богемского, но союзники были разбиты последним при реке Мораве, и Даниил должен был отказаться от надежды видеть сына на австрийском престоле. Роман вскоре умер и был погребен в Холме, в храме Пресвятой Богородицы.

РОМАН ИГОРЕВИЧ (кол.10)

Из рода Новгород-Северских кн. Родоначальник *Путивльских князей*. Сын Игоря Святославича. Род. в 1175 г. Кн. Путивльский в 1198—1206 гг. Кн. Звенигородский в 1206—1207, 1208—1211 гг. Кн. Галицкий в 1207 г. † 1211 г.

В 1206 году галичане пригласили Романа на княжение вместе с его старшим братом Владимиром. Владимир сел в самом Галиче, а Роман — в Звенигороде. В следующем году братья перессорились между собой. Роман, приехав в Венгрию, уговорил короля Андрея дать ему войско в помощь и с этим войском выгнал из Галича брата Владимира. Положив начало смуте, он и сам не мог спокойно княжить в вотчине брата. Юрий Ростиславич Киевский послал в Галич своего сына Ростислава. Галичане выгнали Романа и приняли Ростислава, потом прогнали Ростислава и снова взяли Романа. Тогда король Андрей решил покончить с независимостью Галича и присоединить его к своим владениям. Он послал на Романа палатина Бенедикта Бора, который схватил Романа в бане и стал именем короля сам управлять в Галиче.

Роман бежал из венгерского плена на Русь и здесь помирился с Владимиром. В 1208 году галичане вновь призвали к себе Игоревичей, так как сильно страдали под властью венгров. Игоревичи явились на зов с сильной ратью, заставили Бенедикта бежать в Венгрию и уехали опять в

Галицком княжестве. Роман пошел в Звенигород. В 1211 году галицкие бояре Судислав и Филипп привели из Венгрии малолетнего князя Даниила Романовича с венгерскими полками. К войску пристали и волынские князья. Перемышльцы перешли на их сторону, схватив своего князя Святослава Игоревича, но звенигородцы решили твердо стоять за своего князя. На помощь к осажденному Роману пришел племянник Изяслав Владимирович с половцами. Но несмотря на успех половцев и звенигородцев, Роман видел, что не может долго держаться в городе, и бежал, но по дороге был схвачен и приведен в стан к Даниилу и воеводам венгерским, которые тотчас же послали сказать звенигородцам: "Сдавайтесь, князь ваш схвачен". Те сначала было не поверили, но потом, узнавши, что Роман действительно в плену, сдали город. Затем венгры заняли и Галич. Воеводы хотели везти пленных Игоревичей к королю, но галицкие бояре, подкупив воевод, выпросили себе Романа и Святослава и повесили их.

РОМАН ИГОРЕВИЧ (кол.11)

Из рода Рязанских кн. Сын Игоря Глебовича и Аграфены Ростиславны. Кн. Рязанский в 1213—1217 гг. † 20 июня 1217 г.

В 1207 году дядя Романа, Роман и Святослав Глебовичи, поехали в Москву на съезд с Всеволодом Юрьевичем Большое Гнездо, оставив в Рязани Романа. В Москве того и другого схватили по доносу племянников Олега и Глеба Владимировичей. Пленив князей, Всеволод Юрьевич пошел осаждать Пронск. Роман пытался помочь пронянам, ходил с дружиной к Оке, чтоб захватить лодки владимирцев с хлебом, но Олег Владимирович пришел на помощь лодочникам и побил рязанцев. После этого поражения и после падения Пронска рязанцы сдались Всеволоду Юрьевичу, выдали Романа и принjali к себе Ярослава Всеволодовича.

В 1213 году, после смерти Всеволода Юрьевича, его сын Юрий Всеволодович отпустил из неволи всех рязанских князей, а Роману дал Рязань. В 1217 году тот самый Глеб Владимирович, который прежде с братом Владимиром оклеветал остальную братию перед Всеволодом Юрьевичем, теперь с другим братом, Константином, вздумал истребить всех родичей и княжить вдвоем во всей земле Рязанской. В 1217 году во время съезда рязанских князей Владимировичи позвали остальную братию, шестерых князей (среди которых был Роман), на пир к себе в шатер; те, ничего не подозревая, отправились к ним со своими боярами и слугами, но когда начали пить и веселиться, то Глеб с братом, вынув мечи, бросились на них со своими слугами и половцами, скрывавшимися подле шатра: все гости были перебиты.

РОМАН МИХАЙЛОВИЧ Старый (кол.12)

Из рода Черниговских кн. Сын Михаила Всеволодовича и владимиристо-вольнской кн. Кн. Брянский в 1246—1288 гг. Кн. Черниговский в 1263—1288 гг. Ж.: кн. Анна. † вскоре после 1288 г.

В 1263 году Роман начал войну с литовцами и отвоевал у них Чернигов. В 1264 году он поразил новое литовское войско, вторгшееся в его волость. В 1286 году Роман приходил под Смоленск, сжег окрестный посад, приступал к крепости, однако, не взяв ее, ушел прочь. Вскоре после этого Роман был убит в Орде. При Романи княжеская резиденция была перенесена из опустошенного Чернигова в быстро развивающийся Брянск.

РОМАН МИХАЙЛОВИЧ (кол.14)

Из рода Черниговских кн. Сын (?) Михаила Александровича. Кн. Брянский и Черниговский во втор. пол. XIII в. † 1401 г.

Происхождение Романа Михайловича очень темно. Вероятно, что до 1370 года Брянск и Чернигов завоеваны были Ольгердом. Поэтому в 1375 году, когда Роман упомянут среди союзников Дмитрия Донского в его походе на Тверь, он уже не имел своего удела (здесь сидел Дмитрий Ольгердович). Вероятно также, что после 1380 года Роман получил Брянский удел из рук Ольгерда, а в 1393 году и Черниговский — из рук Витовта, и владел им до 1401 года.

В 1401 году, покорив Смоленск, Витовт сделал Романа наместником в нем. В том же году прежний смоленский князь Юрий Святославич взял Смоленск и убил Романа.

РОМАН МИХАЙЛОВИЧ (кол.14)

Из рода Белозерских кн. Сын Михаила Глебовича и кн. Ярославской. Кн. Белозерский в 1314—1339 гг. † 1339 г.

РОМАН МСТИСЛАВИЧ (кол.11)

Из рода Владимиро-Волынских кн. Сын Мстислава II Изяславича и польской королевны Святохны Болеславны. Кн. Новгородский в 1168—1170 гг. Кн. Владимиро-Волынский в 1173—1188, 1188—1205 гг. Кн. Галицкий в 1188, 1199—1205 гг. Ж.: 1) дочь кн. Смоленского Рюрика Ростиславича, кн. Предислава; 2) неизвестная. † 19 июня 1205 г.

В 1168 году Мстислав Изяславич отправил Романа, вопреки воле Андрея Юрьевича Боголюбского, княжить в Новгород. Роман пришел, и рады были новгородцы своему хотению, говорит летописец. В 1169 году, выгнав Мстислава из Киева, Андрей послал сильную рать выгонять Романа из Новгорода. Войско повели сын Андрея Мстислав и воевода Борис Жирославич. Была тут вся дружина и все полки ростовские и суздальские. К ним присое-

динились князья смоленские, рязанские и муромские. Войску, по словам летописца, и числа не было. После страшного опустошения новгородской волости оно подошло к городу, но жители затворились вместе с Романом и посадником Якуном и бились крепко. Четыре приступа не удались; во время последнего из них, продолжавшегося целый день, князь Мстислав Андреевич въехал уже было в ворота городские и убил несколько человек, но был принужден возвратиться к своим. Новгородцы и Роман торжествовали победу, а между тем в полках у осаждавших начался мор на людей и конский падеж. Рать Андреева должна была отступить, ничего не добившись, и отступление это было губельно: одни из отступавших померли в дороге, другие кое-как дошли пешком домой, многие попались в плен к новгородцам. Но опустошение, причиненное Андреевой ратью, имело тяжкие последствия и для Новгорода: в нем начался сильный голод, между тем как хлеб можно было достать только в Андреевой области; притом же Мстислав Изяславич умер, не было больше оснований держать его сына, и вот новгородцы показали путь Роману, а сами послали к Андрею за миром и князем.

Роман по возвращении стал княжить в своей отчине Владимире-Волынском. По соседству с его волостью находился богатый Галич, в котором после смерти Ярослава Владимировича Осмомысла начались смуты и беспорядки. Бояре недовольны были своим князем Владимиром Ярославичем, который любил только пить, но не любил заниматься государственными делами. Роман находился в близком свойстве с Владимиром: его дочь была за старшим сыном последнего. Несмотря на то, узнавши, что бояре галицкие нехорошо живут со своим князем, Роман стал пересылаться с ними, побуждая их выгнать Владимира, на место которого предлагал им в князья себя. Бояре охотно согласились на его предложение: сначала выгнали Владимира, потом отравили брата его Олега и приняли к себе Романа. Но Роман на этот раз недолго си-

дел в Галиче, так как Владимир вернулся с венгерскими войсками. Роман не видел возможности противиться венграм и, захватив остаток княжеской казны, убежал назад на Волынь, но уже не был впущен во Владимир своим братом Всеволодом. Отъезжая в Галич, он отдал тому Владимиру, сказав так: "Больше мне не нужно этого города". Таким образом Роман оказался без волости и поехал в Польшу искать там помощи, но не получив ее от тамошних князей, отправился в Овруч к тестю Рюрику Ростиславичу вместе с преданными ему галицкими боярами. Приехав к тестю, он стал проситься у него опять на Галич. "Галичане зовут меня к себе на княжение, — говорил он ему, — отпусти со мной сына своего Ростислава". Рюрик согласился, и Роман отправил передовой отряд свой, чтоб занять один из приграничных городов, Плеснеск, но отряд этот был разбит наголову венграми и галичанами. Роман, услышав об этом несчастье, отпустил шурина Ростислава домой, а сам поехал в Польшу. На этот раз ему повезло больше, он получил помощь и пошел с нею на брата Всеволода ко Владимиру, но Всеволод снова не пустил его, и Роман опять отправился к тестю. Тот дал ему пока волость — Торческ, а между тем послал ко Всеволоду с угрозами, которые подействовали, и Роман получил опять Владимир, а Всеволод отправился в свою прежнюю волость — Бельз.

В 1194 году умер киевский князь Святослав II Всеволодович. Рюрик сел на его место и дал Роману в Киевской волости пять городов: Торческ, Треполь, Корсунь, Богуслав и Канев. Вскоре, однако, выяснилось, что на те же города претендовал владими́ро-суздальский князь Всеволод Юрьевич Большое Гнездо. В этих затруднительных обстоятельствах Рюрик послал сказать Роману: "Всеволод просит под тобою волости и жалуется на меня из-за тебя". Роман отвечал: "Батюшка! Нечего тебе из-за меня начинать ссору со сватом: ты мне можешь или другую волость дать вместо прежней, или заплатить за нее деньгами". Сговорившись на этом, Рюрик отдал тре-

буемые города Всеволоду, а тот немедленно передал лучший город — Торческ — сыну Рюрикову и своему зятю Ростиславу. Это событие положило начало многим смутам. Когда Роман узнал, что Торческ взят у него и через руки Всеволода передан Рюрикову же сыну, то начал посылать к тестю с жалобами, будучи уверен, что тот сговорился нарочно со Всеволодом и отнял у него волость для того только, чтоб передать ее своему сыну. В 1196 году Роман велел своим опустошать Киевскую волость набегами. Рюрик в ответ послал за помощью к Владимиру Галицкому. Владимир поехал на Романа, повоевал и пожег его волость. А с другой стороны повоевал и пожег ее Ростислав Рюрикович с черными клобуками; много людей было захвачено в плен, много скота угнано.

***

В 1198 году Владимир Галицкий умер, не оставив наследников. Роман, соединившись с Лешком Польским, захватил Галич и на этот раз утвердился здесь окончательно. Объединив под своей властью две богатые западные волости, Роман сразу необычайно усилился и стал всерьез беспокоить киевского князя. В 1202 году, соединившись с Всеволодом Святославичем Чермным, Рюрик собрался идти на Романа. Но Роман предупредил врагов, собрал галицкие и владимирские полки и въехал в Киевскую землю. Вся Русь, по словам летописца, поднялась против Рюрика, все бросились к Роману. Прежде всех переехали к нему черные клобуки, за ними явились отряды из жителей всех киевских городов. Роман, видя это необычайное движение в свою пользу, поспешил со всеми полками к Киеву. Киевляне отворили ему Подольские ворота, и он занял Подол. Рюрик вынужден был вступить в переговоры с Романом: он отказался от Киева и поехал в Овруч. Роман отдал Киев своему двоюродному брату Ингварю Ярославичу. В том же году Роман ходил на половцев, захватил их вежи, привел много пленных, отполонил множество христиан.

В 1203 году Рюрик вновь захватил Киев и подверг его сильнейшему опустошению. После этого он уехал назад в Овруч. Роман осадил его здесь и принудил отказаться от старшинства в пользу Всеволода Юрьевича Большое Гнездо. Всеволод после этого помирился с Рюриком и дал ему из своих рук Киев обратно. Но в том же году, возвратившись из похода против половцев, Рюрик и Роман остановились в Треполе и начали спорить о распределении волостей; дело кончилось тем, что Роман схватил Рюрика, отослал его в Киев и там велел постричь в монахи вместе с женою и дочерью (с которой сам развелся), а сыновей Рюриковых, Ростислава и Владимира, взял в Галич.

В 1205 году Роман поссорился со своим бывшим союзником Лешком Польским, который в это время был провозглашен наследственным князем Кракова. Роман стал требовать у него волостей в награду за прежние услуги. Лешко не согласился. Тогда Роман вторгся в Польшу и осадил Люблин. Потом, услышав, что Лешко с братом Кондратом идут против него, оставил осаду и двинулся к ним навстречу; перейдя Вислу, он расположился станом под городом Завихвостом, куда прибыли к нему послы от Лешка, и завязали переговоры. Решено было прекратить военные действия до окончания переговоров. Роман, надеясь на это, с малою дружиною отъехал от стана на охоту, но тут в засаде ждал его польский отряд, и Роман после мужественного сопротивления погиб на месте с дружиною.

Если верить польским летописям, Роман правил в Галиче как жестокий деспот и самовластец. В самом деле, галицкие бояре были по всей Руси известны своим буйным нравом и крамолою. Роман, сев в Галиче, скоро должен был столкнуться с этой враждебною силою. Лучших галицких бояр он умертвил, выдумывая для них самые мучительные казни. Многие спасались бегством в другие земли. Роман старался их возвратить, обещая им всякие милости, и не обманывал, но через некоторое время вымышлял на них клевету и тоже каз-

нил. "Не передавши пчел, меду не есть", — любил он говорить в свое оправдание. Оставляя по себе такую кровавую память в Галиче, в остальной Руси Роман слыл грозным бичом окрестных варваров — половцев, литвы, ятвягов — и добрым подвижником за Русскую землю, достойным наследником прадеда своего Мономаха. По свидетельству Татищева, Роман был невысок ростом, но широк в плечах, силен и красив лицом, глаза и волосы имел черные, нос длинный с горбинкою и нрав горячий. Во гневе начинал заикаться. Любил веселиться с боярами, но никогда не пил чрезмерно, любил жен, но не слушался их.

Св. РОМАН ОЛЬГОВИЧ (кол.13)

Из рода Рязанских кн. Сын Олега Ингваревича Красного. Кн. Рязанский в 1258—1270 гг. Ж.: кн. Анастасия. † 19 июня 1270 г.

#

В 1270 году хану Менгу-Тимуру донесли на Романа, будто он хулит хана и татарскую веру; хан напустил на Романа та-

Роман Рязанский. Икона нач. XX в.

тар, которые стали принуждать его к своей вере. Роман не соглашался, и когда стали его бить, то он продолжал восхвалять христианство и бранить веру татарскую. Тогда разъяренные татары отрезали ему язык, заткнули рот платком и затем, изрезав его всего по суставам, отрубили голову и воткнули ее на копье.

РОМАН РОСТИСЛАВИЧ (кол.10)

Из рода Смоленских кн. Сын Ростислава Мстиславича. Кн. Смоленский в 1160—1172, 1177—1180 гг. Вел. кн. Киевский в 1171—1173, 1175—1177 гг. Кн. Новгородский в 1178—1179 гг. Ж.: с 9 янв. 1148 г. дочь кн. Новгород-Северского Святослава Ольговича. † 1180 г.

В 1171 году, после смерти Глеба Юрьевича Киевского, Ростиславичи призвали на великое княжение своего дядю Владимира Мстиславича. Но Андрей Боголюбский послал сказать им: "Вы назвали меня отцом, так я хочу вам добра и даю брату вашему Роману Киев". Роман по приказу Андрея приехал в Киев и был принят всеми людьми с радостью. Но мир с северным соседом был непродолжительным. В 1173 году Андрею донесли, что брат его Глеб умер в Киеве насильственной смертью, и указали убийц — неких Григория Хотовича, Степанца и Олексу Святославича. Андрей потребовал от Романа их выдачи. Но Роман не послушался Андрея. Тогда Андрей послал сказать Роману: "Не ходишь в моей воле с братьями своими, так ступай вон из Киева". Роман не стал противиться и уехал в Смоленск.

В 1175 году, по смерти Андрея, Роман вновь вернулся в Киев. Прежний князь Ярослав Изяславич уступил город без боя. Но не так сговорчив был другой старый князь — Святослав Всеволодович Черниговский, имевший гораздо более прав на Киев по родовым счетам. Он только ждал повода вмешаться. В 1177 году половцы напали на Русь, взяли шесть городов бе-

рендеевских и нанесли поражение русским у Ростова по вине Давыда Ростиславича, который затеял ссору с братьями и помешал успеху дела. Святослав поспешил воспользоваться бедою Ростиславичей и послал сказать Роману: "Брат! Я не ищу под тобою ничего, но у нас такой ряд: если князь провинится, то платит волостью. Давыд виноват, отними у него волость". Роман не послушался. Тогда черниговские князья перешли Днепр и захватили Треполь. Роман оставил Киев и ушел в Белгород. Святослав сел в Киеве, но ненадолго. На помощь к братьям явился Мстислав Ростиславич из Смоленска. Святослав испугался и побегал за Днепр. Несмотря на это, Ростиславичи почли за лучшее уступить Киев Святославу: Роман, князь, как видно, вовсе не воинственный, не желая губить Русской земли и проливать христианской крови, по словам летописца, подумал и отдал Киев Святославу, а сам пошел назад в Смоленск. Погребен в построенной им церкви св. Иоанна.

РОМАН СВЯТОСЛАВИЧ (кол.7)

Из рода Черниговских кн. Сын Святослава Ярославича. Кн. Тмутараканский в 1077—1079 гг. † 1 авг. 1079 г.

В 1078 году после поражения у Нежатиной Нивы князь Олег Святославич бежал в Тмутаракань, к княжившему там Роману. В следующем году летом братья, собрав много половцев и хазар, пошли второй раз на Русь и встали у Воиня вблизи Переяславля. Всеволод Ярославич послал половецким ханам дары и заключил с ними мир в обход Святославичей. Роман и Олег, узнав об этом, стали злобиться на ханов половецких за то, что те не выполнили своих обещаний и не вернули им Чернигова. Вскоре между ними началась вражда. Половцы напали на русских, пришедших с мятежными князьями из Тмутаракани, рассеяли их, а Романа убили.

РОМАНОВСКИЕ КНЯЗЬЯ

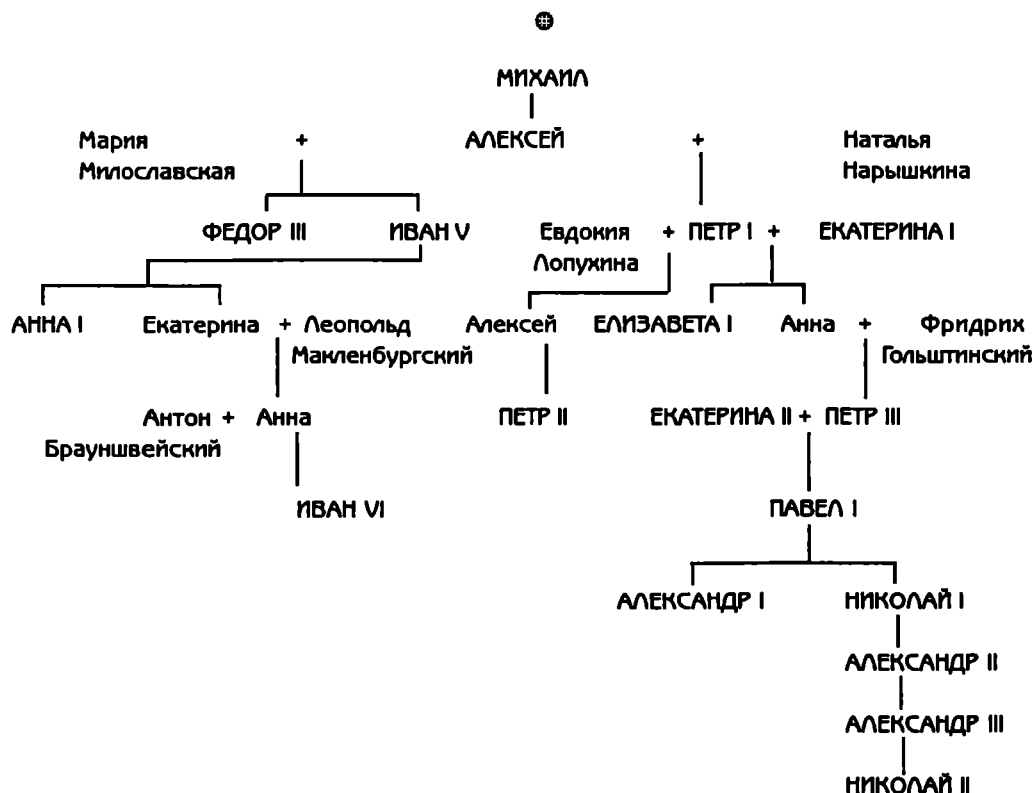
Княжеский род, ветвь *Ярославских князей*. Основан Романом Васильевичем, который построил себе городок Романов и стал здесь княжить.

Возможно, что сыновья Романа, Иван Неблагодаренный Свистун, Дмитрий († 12 окт. 1414 г.) и Даниил сохранили за собой этот удел. Сын Ивана, Федор Иванович Мортка, владел небольшим уделом и перешел в подданство Твери.

РОМАНОВЫ

Царский и императорский род, правивший Россией в 1613—1917 гг. Основан царем Михаилом Федоровичем.

РОСТИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ (кол.7)

Из рода Рюриковичей. Родоначальник *Перемышльских и Галицких князей*. Сын Владимира Ярославича. Род. в 1038 г. Кн. Тмутараканский в 1064—1066 гг. Ж.: королева венгерская. † 3 февр. 1066 г.

В 1064 году Ростислав бежал из Новгорода вместе с воеводами Переем и Вышатой, выгнал из Тмутаракани Глеба Святославича и сам сел на его место. Отец Глеба Святослав Ярославич Черниговский выступил против него. Ростислав ушел из города, не из боязни, но не желая воевать против дяди. Но когда Святослав удалился, Ростислав снова выгнал Глеба. Правя на берегу моря, Ростислав брал дань с касогов и других соседних народов. Уязвленные его могуществом херсонесские греки подослали к Ростиславу своего котопана (военачальника). Котопан вошел к князю в доверие и однажды на пиру предложил Ростиславу выпить за его здоровье. Когда Ростислав согласился, котопан выпил половину, а половину дал князю, притронувшись пальцем к вину. Под ногтем котопан имел смертельный яд. Ростислав выпил отравленное вино и вскоре умер. Тело его погребли в церкви св. Богородицы в Тмутаракани.

РОСТИСЛАВ ВОЛОДАРЕВИЧ (кол.9)

Из рода Перемышльских и Галицких кн. Сын Володаря Ростиславича. Кн. Перемышльский в 1124—1129 гг. † 1129 г.

В 1127 году Владимирко Володаревич попытался выгнать Ростислава из Перемышля. Тогда Ростислав осадил принадлежавший брату Звенигород, где 3000 венгров и русских оборонялись столь мужественно, что он должен был отступить. По повелению Мстислава I Владимировича братья помирились.

РОСТИСЛАВ ВСЕВОЛОДОВИЧ (кол.7)

Из рода Рюриковичей. Сын Всеволода Ярославича и половецкой кн. Анны. Род. в 1070 г. Кн. Переяславский в 1078—1094 гг. † 1094 г.

В Киево-Печерском патерике рассказывается, что накануне несчастной для русских битвы на Стугне в 1093 году братья Владимир и Ростислав ездили в Печерский монастырь для благословения. Чудотворец Григорий предсказал Ростиславу смерть от воды. Молодой князь с гневом отвечал: "Мне ли, умеющему плавать, пророчишь смерть от воды? Вкуси же того сам!" — и велел утопить святого. Вместе с киевским князем Святополком Изяславичем и братом Владимиром Мономахом Ростислав отправился в поход и переправил свою дружину через разлившуюся в половодье Стугну. Когда началась битва и русские побежали, Владимир и Ростислав бросились в воду. Тут Ростислав стал тонуть на глазах у брата. Владимир хотел подхватить его, но едва не утонул сам. Так захлебнулся Ростислав и пошел ко дну. Владимир вернулся к Чернигову, а слуги Святополка нашли тело Ростислава и привезли в Киев. Здесь Ростислава оплакала мать и все люди, очень печалившиеся о его молодости, и был он погребен в св. Софии рядом со своим отцом.

РОСТИСЛАВ ГЛЕБОВИЧ (кол.9)

Из рода Минских кн. Сын Глеба Всеславича и кн. Анастасии Ярополковны. Кн. Минский в 1146—1151, 1159—1165 гг. Кн. Полоцкий в 1151—1159 гг. Ж.: кн. София Ярославна († 1158 г.). † 1165 г.

В 1146 году Ростислав получил от Изяслава Мстиславича Минск. В 1151 году полочане схватили своего князя Рогволода Борисовича и выслали его в Минск, а на его место приняли Ростис-

лава. В 1158 году Рогволод захватил Друцк. Когда в Полоцке узнали об этом, то в городе начался сильный мятеж, потому что многие из полочан захотели Рогволода обратно. Тогда Ростислав пошел с полком в Минск, к брату Володарю, опустошая Полоцкую волость, забирая скот и челядь. Рогволод по зову полочан приехал княжить в Полоцк, собрал войско и пошел на Ростислава к Минску. Простояв под городом 10 дней, князья помирились. В том же году Ростислав с братьями захватил Изяславль и пленил Брячислава и Володаря Васильковичей. Это заставило Рогволода снова идти на Минск. Простояв шесть недель под городом, он заключил мир по всей воле, то есть освободил Васильковичей. Но в 1160 году летопись упоминает о новом походе Рогволода на Минск и о новом мире.

РОСТИСЛАВ ГЛЕБОВИЧ (кол.11)

Из рода Туровских и Пинских кн. Родона-чальник *Степанских князей*. Сын Глеба Юрьевича и кн. Смоленской. Кн. Степанский и Пинский.

В 1228 году, по смерти князя Луцкого Ивана Мстиславича, Ростислав захватил Чарторыйск, но был изгнан оттуда Даниилом Романовичем Галицким. Ростислав долго злобился за это на Даниила и без устали собирал против него врагов.

РОСТИСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ (кол.12)

Из рода Черниговских кн. Сын св. Михаила Всеволодовича и кн. Владимиро-Волынской. Кн. Новгородский в 1229—1230 гг. Кн. Галицкий в 1238 г. Кн. Луцкий в 1239 г. Кн. Черниговский в 1240—1243 гг. Бан Мачевский на Дунае с 1243 г. Ж.: с 1243 г. дочь короля Венгерского Белы IV, королева Анна. † ок. 1262 г.

В 1238 году Михаил сел в Киеве, а Ростиславу отдал Галич. Даниил Романович,

прежний князь Галицкий, получив весть, что Ростислав с дружиною отправился на литву, появился под стенами города. Горожане, увидев своего князя, пустили его в город. На другой день Ростислав возвратился к Галичу, но, узнав, что город уже взят, бежал в Венгрию. В следующем году сюда приехал сам Михаил. Он стал сватать за Ростислава дочь короля Белы IV, но король не захотел выдать дочери и прогнал Михаила от себя. Отец и сын поехали в Польшу искать помощи против Даниила, но и здесь ничего не добились и вынуждены были помириться с Даниилом. Романовичи забыли зло, приняли Михаила к себе, а Ростиславу дали Луцк. Но известие о нашествии Батыя заставило князей бежать за границу. Михаил с Ростиславом укрылись в Польше.

После ухода татар Михаил поехал княжить в Киев, а Ростислав сел в Чернигове. Оба они вскоре возобновили старую вражду с Даниилом Романовичем. В 1241 году Ростислав, собрав болховских князей и преданных себе галичан, осадил Бакоту. Здесь сидел Даниилов печатник Кирилл. Он вышел против Ростислава с пехотой. Тот не решился вступить в битву и ушел за Днепр. Тем временем Даниил пошел на Болховскую волость. Узнав об этом, Ростислав соединился с галицким изменником боярином Владиславом, овладел Галичем, но вскоре Даниил опять изгнал его.

Ростислав поехал в Венгрию и в 1243 году женился наконец на Анне, дочери короля, который дал ему Мачев на Дунае. В 1245 году Ростислав с полками тестя пришел в волость Даниила, одержал сначала победу над его боярами, но был изгнан самим Даниилом. Через некоторое время Ростислав с полками венгерскими и польскими в последний раз двинулся на Галич. На реке Сан произошла последняя кровопролитная битва между князьями Ольговичами и Мономаховичами. Сам Ростислав с отборными полками ударил на брата Даниила, Василька. Да-

нии бросился на помощь брату и после жестокого боя смял венгерские полки. Увидев это, Ростислав побежал, а за ним побежали все венгры. Поражение Ольговичей было полным, и после этого Даниил утвердился на галицком столе уже окончательно.

Последующая жизнь Ростислава была связана с Венгрией. Незадолго до своей кончины Михаил приезжал к сыну, но не встретил почетного приема ни от него, ни от свата-короля. Рассорившись с ними, он вернулся в Чернигов. В 1258 году Ростислав выдал свою дочь за болгарского царя Михаила Асеня и был посредником при заключении мира между ним и византийским императором Лоскаром. В следующем году Михаил был убит своим братом Коломаном, который стал понуждать вдову Михаила выйти за себя замуж. Ростислав вторгся в Болгарию и разгромил узурпатора. Царем он провозгласил своего сына Михаила, женатого на сестре Михаила Асеня. В 1261 году Ростислав ездил в Вену и способствовал заключению мира между Белой IV и чешским королем Оттоном II.

РОСТИСЛАВ МСТИСЛАВИЧ (кол.9)

Из рода Рюриковичей. Родоначальник *Смоленских князей*. Сын Мстислава I Изяславича и шведской королевны Христины Инговны. Род. ок. 1110 г. Кн. Смоленский в 1125—1160 гг. Кн. Новгородский в 1153 г. Вел. кн. Киевский в 1154, 1159—1168 гг. † 17 марта 1168 г.

В 1154 году, после смерти старшего брата киевского князя Изяслава Мстиславича, Ростислав приехал в Киев. Он урядился с дядей Вячеславом, который, отдавая ему всю реальную власть, требовал только, чтобы тот почитал его как отца и уважал. После этого Ростислав с племянником Мстиславом Изяславичем и Святославом Всеволодовичем стал собирать силы против Юрия Долгорукого, ко-

торый уже шел на Киев, против Изяслава Давыдовича Черниговского, также желавшего сесть в Киеве. Едва полки вышли в поход, как пришла весть о смерти Вячеслава. Ростислав похоронил его и опять вернулся к войску. На другой день подошли полки Изяслава Давыдовича, который соединился уже с Глебом Юрьевичем и половцами. Ростислав, увидев множество врагов и располагая лишь небольшой дружиной, испугался и стал пересылаться с Изяславом насчет мира. Такое недостойное поведение, трусость, неумение побороться за выгоды рода сильно раздосадовали его племянника Мстислава Изяславича. "Так не будет же ни мне Переяславля, ни тебе Киева", — сказал он Ростиславу и поворотил коня в Переяславль. Ростислав, оставленный племянником, был окружен половцами и после двухдневной битвы обратился в бегство. Преследуемый врагами, он потерял коня; сын Святослав отдал ему своего и таким образом дал отцу возможность уйти. Ростислав переправился через Днепр ниже Любеча и поехал в Смоленск. Изяслав Давыдович сел в Киеве.

***

Прибыв в Смоленск, Ростислав собрал войско и выступил против Юрия Владимировича, который шел на Киев. Однако характером Ростислав ничуть не походил на брата Изяслава; он не был охотником до споров с дядями и потому послал к Юрию просить мира. "Батюшка! — велел он сказать ему. — Кланяюсь тебе: ты и прежде до меня был добр, и я до тебя; и теперь кланяюсь тебе, дядя мне вместо отца". Юрий отвечал: "Правду говоришь, сын, с Изяславом я не мог быть, но ты мне свой брат и сын". После этого дядя с племянником поцеловали крест по всей любви, по выражению летописца, и Юрий отправился к Киеву, а Ростислав — в Смоленск.

В 1158 году Юрий умер в Киеве. На великое княжение сел Изяслав Давыдович. Мстислав Изяславич выгнал его, захватил

Киев и послал звать дядю Ростислава на старший стол, потому что еще прежде похода целовал крест: искать Киев для Ростислава. Но последний понимал затруднительность своего положения в Киеве, где его после бегства перед Давыдовичем не могли любить и уважать; здесь более всего ценили деятельного и храброго племянника, который теперь, подобно отцу своему, добыл своей храбростью Киев и только по необходимости уступал его дяде. Ростислав мог опасаться того, что племянник относится к нему, как прежде относился его отец Изяслав к старому Вячеславу — будет проявлять внешнее уважение, называть отцом, а между тем на деле не принимать в расчет и по своей воле править Киевом. Вот почему Ростислав послал сказать Мстиславу и союзным с ним князьям: "Если зовете меня вправду с любовью, то я пойду в Киев на княжение, чтобы вы имели меня отцом себе вправду и в моем послушании ходили".

Договорившись с племянником, Ростислав в 1159 году въехал в Киев и сел на столе отцовском и дедовском, а Мстислав получил из волостей Белгород, Торческ и Треполь. В том же году Ростислав договорился со Святославом Ольговичем Черниговским о совместных действиях против Изяслава Давыдовича, который бежал в степь и теперь то и дело совершал набеги на Русь, пытаясь овладеть Киевом. В 1160 году ему удалось подкупить киевских и черниговских бояр, и они поссорили своих князей друг с другом. Северские князья стали помогать Изяславу. В том же году Ростислав ходил против Изяслава к Треполю, но тот ушел, не приняв боя. Но едва Ростислав возвратился в Киев и распустил войско, как в феврале 1161 года Изяслав опять собрал союзных себе князей и половцев, перешел замерзший Днепр за Вышгородом и подошел к Киеву. Вместе с Ростиславом был только один двоюродный брат его Владимир Андреевич; после кровопролитной схватки, которая показалась летописцу вторым прише-

ствием, Изяслав начал одолевать, и половцы пробились уже сквозь частокол в город. Дружина Ростиславова сказала своему князю: "Князь! Братьев твоих еще нет, нет ни берендеев, ни торков, а у неприятеля сила большая; ступай лучше в Белгород и там поджидай помощи". Ростислав поехал в Белгород с дружиной и княгиней. Изяслав занял Киев и немедленно пошел осаждать Ростислава в Белгороде. Четыре недели он стоял возле белгородского кремля, а между тем Мстислав Изяславич из Владимира шел на выручку дяде с галицкой помощью, а Рюрик Ростиславич привел черных клобуков. Узнав об этом, Изяслав Давыдович испугался, бросился бежать, но в пути был настигнут и убит.

Во второй раз Ростислав получил Киев благодаря своему племяннику Мстиславу, но от этого не сделался сговорчивее. Летописец сообщает, что вскоре после победы Мстислав выехал из Киева, обиженный на дядю. Ростислав после этого занял все города своего племянника в Южной Руси. В ожидании войны с Мстиславом в том же году он помирился с черниговскими князьями и Юрием Ярославичем Туровским. Наконец, в 1163 году был заключен мир и с Мстиславом Изяславичем. Ростислав возвратил ему Торческ и Белгород, а вместо Триполя дал Канев.

В 1168 году Ростислав отправился в Новгород улаживать конфликт между своим сыном Святославом и горожанами. Однако в пути он разболелся и остановился в Великих Луках. Сюда приехали к нему Святослав и представители новгородцев. Помирив их, Ростислав возвратился в Смоленск совсем больной. Перед смертью он советовал своему духовнику, священнику Семену, на то, что тот не допустил его до пострижения. Ростислав постоянно имел эту мысль и часто твердил игумену Поликарпу: "Поставь мне келью добрую, боюсь напрасной смерти". Но Поликарп отговаривал его. Теперь Ростислав

спешил в Киев, чтобы постричься, однако в селе Зарубе почувствовал приближение смерти и послал за духовником; сам прочел отходную и умер в полной памяти, оттирая платком слезы. Согласно завещанию тело Ростислава погребено было в монастыре св. Феодора.

РОСТИСЛАВ МСТИСЛАВИЧ **(кол.12)**

Из рода Смоленских кн. Сын Мстислава Давыдовича. Вел. кн. Киевский в 1240 г.

В 1239 году, после бегства из Киева Михаила Всеволодовича, Ростислав явился сюда из Смоленска и сел на великокняжеском столе. Даниил Романович Галицкий, однако, не позволил ему здесь долго оставаться: он схватил в 1240 году Ростислава, а Киев взял себе.

РОСТИСЛАВ РЮРИКОВИЧ **(кол.11)**

Из рода Смоленских кн. Сын Рюрика Ростиславича и Туровской кн. Анны Юрьевны. Род. в 1173 г. Кн. Торчешский в 1195—1205 гг. Вел. кн. Киевский в 1205 г. Кн. Вышгородский в 1205—1210 гг. Кн. Галицкий в 1207 г. Ж.: с 26 сент. 1189 г. дочь вел. кн. Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, кн. Верхуслава. † до 1214 г.

В 1190 году Святослав Всеволодович и Рюрик оставили Ростислава в Торческе стеречь границы Руси от половцев. Ростислав соединился с черными клобуками и внезапно напал на половецкие вежи, захватил жен, детей и множество скота. Половцы погнались за Ростиславом и настигли его. Молодой князь не испугался множества половцев и велел своим стрельцам вступить в битву. Половцы начали было с ними перестреливаться, но, увидев княжеские знамена, бросились бежать. Ростислав взял 600 пленных и со славой вернулся в Торческ.

К моменту смерти Святослава Всеволодовича в 1194 году Ростислав сидел в Белгороде. В 1195 году Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, тесть Ростислава, вытребовал у Рюрика поросские (то есть находящиеся по реке Рось) города и дал своему зятю лучший из них — Торческ. Событие это привело к ссоре между Рюриком и Романом Мстиславичем, а в конечном итоге — к многолетней войне. В 1197 году Ростислав повоевал и разорил Романову волость. Затем был заключен мир, но в 1203 году, возвратившись из похода против половцев, Роман и Рюрик поссорились. Роман велел постричь Рюрика в монахи, а Ростислава увез в Галич. Всеволод Юрьевич вступился за своего зятя, и Роман вынужден был отпустить Ростислава в Киев, где он и княжил до смерти Романа и освобождения Рюрика.

В 1206 году Ростислав с отцом и черниговскими князьями ходил на Галич против малолетних детей Романа. Но посадить в Галиче своих родичей — северских князей — удалось черниговскому князю Всеволоду Святославичу Чермному. Усилившись за счет Галича, он в том же году выгнал Рюрика из Киева, и с этого года между ними началась столь же упорная война, как прежде с Романом. В 1207 году Рюрику удалось, по соглашению с венгерским королем, добыть для Ростислава Галич. Правда, в том же году он был изгнан. Вслед за тем смоленские князья потеряли уже много лет удерживаемые ими в Киевской волости города: Триполь, Белгород и Торческ.

РОСТИСЛАВ ЮРЬЕВИЧ **(кол.9)**

Из рода Владимиро-Суздальских кн. Сын Юрия Владимировича Долгорукого и половецкой кн., дочери хана Аепы Осеневича. Кн. Новгородский в 1138—1139, 1141 гг. Кн. Переяславский в 1149—1150 гг. † 1150 г.

В 1148 году Ростислав явился в Киев к Изяславу Мстиславичу и объявил, что он рассорился с отцом, который не хотел дать ему волости в Суздальской земле. Изяслав дал ему Городец Остерский, Бужск, Межибожье, Котельницу и еще два города. Но по возвращении из суздальского похода бояре донесли Изяславу на Ростислава, будто тот много зла замыслил, подговаривал против него берендеев и киевлян, и если бы Бог помог его отцу, то он приехал бы в Киев, взял бы Изяславов дом и семью. Изяслав велел посадить Ростислава в лодку с четырьмя сторожами и отправить вверх по Днепру; дружину его захватили, а имущество отобрали.

Ростислав, придя к отцу в Суздаль, ударил перед ним челом и сказал: "Я слышал, что хочет тебя вся Русская земля и черные клобуки; жалуются, что Изяслав и их обесчестил, ступай на него". Эти слова показывают, что донос на Ростислава был основателен, что Ростислав сносился с недовольными, или, по крайней мере, те сносились с ним. Юрия сильно огорчило бесчестное отношение к его сыну. "Так ни мне, ни детям моим нет места в Русской земле!" — сказал он и, собрав свою силу и наняв половцев, выступил в поход на племянника.

Изгнав в 1149 году Изяслава из Киева, Юрий посадил Ростислава в Переяславле. В 1150 году тот вместе с отцом ходил к Луцку против Владимира Мстиславича и в том же году скончался. Братья Андрей, Глеб и Мстислав погребли его в церкви св. Михаила близ гробниц его дядьев Андрея и Святослава Владимировичей.

РОСТИСЛАВ ЯРОСЛАВИЧ (кол.8)

Из рода Муромских князей. Родоначальник Рязанских князей. Сын Ярослава Святославича. Кн. Рязанский в 1143—1145 гг. Кн. Муромский в 1145—1155 гг. † ок. 1155 г.

В 1154 году Юрий Долгорукий выгнал Ростислава из его волости и отдал ее своему сыну Андрею. Но Ростислав скоро явился опять с половцами, напал на Андрея ночью, перебил его дружину и овладел волостью.

РОСТИСЛАВ ЯРОСЛАВИЧ (кол.10)

Из рода Черниговских князей. Сын Ярослава Всеволодовича. Род. 24 июня 1174 года. Кн. Сновский. Ж.: с июня 1187 г. дочь вел. кн. Владимирского Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, кн. Всеслава.

РОСТОВСКИЕ КНЯЗЬЯ

Княжеский род, ветвь *Владимиро-Суздальских великих князей*. Основан Константином Всеволодовичем.

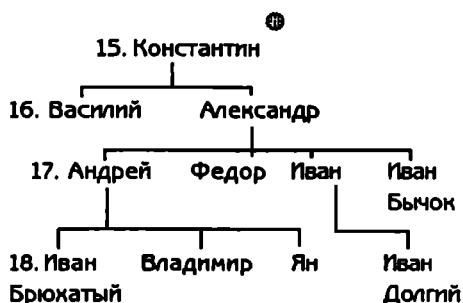
От Ростовских князей произошли:

- 1) Ростовские-Усретинские князья;
- 2) Ростовские-Борисоглебские князья;
- 3) Белозерские князья;
- 4) Ярославские князья (младшая ветвь);
- 5) Углицкие князья (младшая ветвь).

РОСТОВСКИЕ- БОРИСОГЛЕБСКИЕ КНЯЗЬЯ

Княжеский род, ветвь *Ростовских князей*.
Основан Константином Васильевичем.

РОСТОВСКИЕ- УСРЕТИНСКИЕ КНЯЗЬЯ

Княжеский род, ветвь *Ростовских князей*.
Основан Федором Васильевичем.

Об основателе рода Федоре Васильевиче сообщается, что в 1320 году он разделил с братом Константином Ростовское княжество и остался обладателем Усретинской стороны Ростова. Его сын, Андрей Федорович, был князем Ростовским-Усретинским в 1331—1409 годах. В 1375 году он участвовал в походе на Тверь, а в 1380 году был на Куликовом поле на правом крыле московского войска. Умер он в 1409 году. Его старший сын Иван Андреевич после 1409 года продал свою часть Ростовского княжества князю Московскому Василию I Дмитриевичу. Три его племянника также продали свои уделы Москве.

РЫЛЬСКИЕ КНЯЗЬЯ

Княжеский род, ветвь *Новгород-Северских князей*. Основан Святославом Ольговичем.

РЮРИК (кол.1)

Легендарный варяг, призванный на княжение словенами, кривичами, чудью и весью. Родоначальник *Рюриковичей*. Кн. Новгородский в 862—879 гг. † 879 г.

"Повесть временных лет" рассказывает так о Рюрике:

В 859 году варяги из заморья брали дань с чуди, и со словен, и с кривичей, и с веси, а хазары брали дань с полян, северян и с вятичей.

В 862 году изгнали варяг за море и не дали им дани, но начали сами собой владеть. И не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать сами с собой, и сказали они себе: "Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву". И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, подобно тому, как другие назывались свеи (шведы), а иные — норманны и англы, а еще иные готландцы, — вот так и эти назывались. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: "Земля наша велика и обильна, а порядку в ней нет. Приходите княжить и владеть нами". И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли к славянам. И сел старший Рюрик в Ладоге, а другой — Синеус — на Белоозере, а третий Трувор — в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля.

В 864 году, когда умерли Трувор и Синеус, повелел Рюрик срубить на Ильмени

город — Новгород, и поселился там. И стал Рюрик один властвовать всей землей той, и стал раздавать мужам своим города — тому Полоцк, этому — Ростов, другому — Белоозеро.

В 879 году Рюрик умер, передав княженье родичу своему Олегу, и отдал ему на руки сына Игоря, ибо был тот еще очень мал.

РЮРИК ОЛЬГОВИЧ (кол.11)

Из рода Черниговских кн. Сын Олега Святославича и владимиристо-волинской кн. Кн. Черниговский в 1214 г. Упомянут только у Татищева.

РЮРИК РОСТИСЛАВИЧ (кол.8)

Из рода Перемышльских и Галицких кн. Сын Ростислава Владимировича и венгерской королевны. Кн. Перемышльский в 1085—1092 гг. † 1092 г.

В 1084 году Рюрик вместе с братьями бежал из Владимира от Ярополка Изяславича. Вскоре Ростиславичи вернулись, изгнали Ярополка и сами сели на Воыни. В следующем году Владимир Мономах отобрал у них Владимир. Киевский князь Всеволод Ярославич дал Рюрику Перемышль. В 1087 году враг Ростиславичей, Ярополк Изяславич, был убит. Убийца Ярополка Нерадец бежал к Рюрику в Перемышль и нашел там убежище, из чего можно заключить, что именно Рюрик подослал его.

РЮРИК РОСТИСЛАВИЧ (кол.10)

Из рода Смоленских кн. Сын Ростислава Мстиславича. Кн. Новгородский в 1170—1171 гг. Кн. Белгородский в 1173—1194 гг. Вел. кн. Киевский в 1173, 1180—1182, 1194—1202, 1203—1205, 1206, 1207—1210 гг. Кн. Черниговский в 1210—1214 гг. Ж.: 1) с 1163 г. дочь хана половецкого Белуга; 2) дочь кн. Туровского Юрия Ярославича, кн. Анна. † 1214 г.

По смерти отца в 1168 году Рюрик остался княжить в Овруче. В 1170 году брат его Роман, заняв Киев, дал ему Белгород. В 1180 году в Киеве сел Святослав II Всеволодович. Рюрик после недолгой борьбы уступил ему старшинство, себе же взял "всю Русскую землю", то есть остальные города Киевской волости. В 1194 году Святослав Всеволодович умер. Преемником его в Киеве стал Рюрик, которого все на Руси приняли с большой радостью, и киевляне, и христиане, и поганые, потому что, говорит летописец, он сам всех принимал с любовью, и христиан, и поганых, и не отгонял от себя никого. Впрочем, Рюрик сел в Киеве не прежде, чем получил на то согласие от Всеволода Юрьевича Большое Гнездо. Всеволод, говорит северный летописец, послал мужей своих в Киев, и те посадили там Рюрика. Но вскоре в Киев прибыли другие послы из Владимира-на-Клязьме. По их словам выходило, что Всеволод сердится на Рюрика за то, что тот отдал лучшую волость зятю своему Роману Мстиславичу Воынскому, именно пять городов: Торческ, Треполь, Корсунь, Богуслав и Канев, лежащих на реке Роси, по границе со степью, в стране, населенной черными клобуками, игравшими важную роль в княжеских усобицах. Рюрик послал сказать Роману: "Всеволод просит твои волости и жалуется на меня из-за тебя". Роман согласился уступить спорные волости, предложив или дать ему другую волость вместо прежней, или заплатить за нее деньгами". Рюрик послал сказать Всеволоду: "Ты жаловался на меня, брат, за волость; так вот тебе та самая, которую просил".

Получив от Рюрика требуемую волость, Всеволод немедленно отдал лучший город — Торческ — сыну Рюрикову и своему зятю Ростиславу. Когда Роман узнал, что Торческ взят у него и через

руки Всеволода передан Рюрикову же сыну, то начал посылать к тестю с жалобами, будучи уверен, что тот сговорился нарочно со Всеволодом и отнял у него волость для того только, чтоб передать своему сыну. Затем он начал советовать-ся со своими боярами, как бы отмстить за обиду, и надумал послать в Чернигов к Ярославу Всеволодовичу, предлагая ему идти в Киев против Рюрика; Ярослав с радостью принял это предложение. Началась многолетняя уособица между Волыню, Киевом и Черниговом, в которой князья то ссорились, то опять мирились. В 1202 году Рюрик сговорился со Всеволодом Святославичем Черниговским идти против Романа, который к этому времени успел захватить Галицкую волость. Но Роман предупредил врагов, собрал полки галицкие и волынские и въехал в Киевскую волость. Вся Русь при этом поднялась против Рюрика, все бросились к Роману; первыми отъехали от Рюрика сыновья Владимира Мстиславича, за ними приехали к Роману все черные клобуки, наконец, явились отряды из жителей всех киевских городов; Роман, видя это всеобщее движение в свою пользу, со всеми полками поспешил к Киеву; киевляне отворили ему Подольские ворота, и он занял Подол, тогда как Рюрик со Всеволодом Чермным стоял в верхней части города (на Горе); они, разумеется, не могли более держаться в Киеве и вступили в переговоры с Романом: Рюрик отказался от Киева и поехал в Овруч, Ольговичи отправились за Днепр в Чернигов, а Киев отдан был Всеволодом Юрьевичем и Романом двоюродному брату последнего Ингварю Ярославичу Луцкому.

Но Рюрик не желал спокойно переносить свое изгнание и терпеть в Киеве племянника: в следующем, 1203 году он опять соединился со Всеволодом Чермным, нанял множество половцев и ов-

ладел Киевом. Как видно, союзники, не зная чем заплатить половцам, обещали отдать им Киев на разграбление, тем более что Рюрику нечего было жалеть киевлян, которые отворили ворота Роману. И вот половцы рассыпались по городу, сожгли не только Подол, но и Гору, ограбили Софийский собор, Десятинную церковь и все монастыри, монахов и монахинь, священников и жен их, старых и увечных перебили, а молодых и здоровых повели в плен, также и остальных киевлян; пощадили только иностранных купцов, спрятавшихся по церквам, — у них взяли половину имущества и выпустили на свободу. После этого страшного опустошения Рюрик не захотел сесть в Киеве: он или не хотел княжить в сожженном, ограбленном и пустом городе, или боялся опять прихода Романа; как бы то ни было, он уехал назад в Овруч, где скоро был осажден Романом, пришедшим, по выражению летописца, отвести его от Ольговичей и от половцев. Рюрик принужден был целовать крест великому князю Всеволоду Юрьевичу и детям его, то есть отказаться от старшинства в роде и после смерти Всеволода. После этого Роман сказал ему: "Ты уже целовал крест, так отправь посла к свату моему, а я pošлю своего боярина к отцу и господину великому князю Всеволоду: и ты проси, и я буду просить, чтоб дал тебе опять Киев".

Всеволод согласился, и Рюрик опять стал княжить в Киеве. В том же году, возвратившись из похода против половцев, князья Роман и Рюрик с сыновьями остановились в Треполе и начали спорить о распределении волостей. Дело кончилось тем, что Роман схватил Рюрика, отослал в Киев и там велел постричь в монахи вместе с женою и дочерью, своею женою, с которой перед тем развелся, а сыновей Рюриковых Ростислава и Владимира взял с собой в Галич.

Всеволод Юрьевич, однако, потребовал выпустить Рюриковичей на свободу и одному из них — Ростиславу — отдал Киев. Впрочем, и сам Рюрик недолго оставался в монастыре. В 1205 году Роман погиб в битве с поляками. Рюрик как только узнал о смерти Романа, так сейчас же скинул монашескую рясу и объявил себя князем Киевским вместо сына; он хотел было расстричь и жену, но та не согласилась и постриглась в схиму.

Ольговичи также поднялись и явились с полками к Днепру. Рюрик вышел к ним навстречу. Уговорились вместе идти на Галич, отнимать наследство у сыновей Романовых. На реке Серете союзники встретили галицкое и волынское войско, бились с ним целый день и принудили отступить к Галичу. Однако самому городу они ничего не могли сделать и потому возвратились домой без успеха.

В следующем, 1206 году все Ольговичи опять ходили на Галич и на этот раз преуспели в своем начинании. Владимир Игоревич сел в Галиче, а брат его Роман — в Звенигороде. Всеволод Чермный, обрадовавшись тому, что Галич занят его родичами, решил изгнать Мономаховичей и из Киева. Сам он сел в Киеве, надеясь на свою силу, как говорит летописец, и послал посадников по киевским городам, а Рюрик, видя свое бессилие, или, как выражается летописец, непогодье, уехал в свою прежнюю волюсть Овруч, сын его Ростислав — в Вышгород, а племянник Мстислав Романович — в Белгород. Но в том же году Рюрик, соединясь с сыновьями и племянниками, выгнал Ольговичей из Киева и Переяславля, сам сел в Киеве, а сына своего Владимира посадил в Переяславле. Чермный явился зимою с братьями и половцами добывать Киева, стоял под ним три недели, но не мог взять и ушел назад ни с чем.

Счастливее он был в следующем, 1207 году. Соединившись со Святополком Туровским и Владимиром Игоревичем Галицким, он приступил к Киеву с трех сторон. Рюрик, слыша, что идет на него отовсюду бесчисленная рать, а помощи нет ни от кого, бежал из Киева в Овруч; Треполь, Белгород, Торческ были отняты у Мономаховичей, которые по причине голода не могли выдерживать продолжительных осад. Всеволод Чермный сел опять в Киеве, наделав много зла Русской земле через своих союзников половцев, говорит летописец.

В 1208 году Рюрик внезапно явился к Киеву и выгнал из него Чермного. Только в 1210 году Всеволоду удалось получить обратно этот город путем переговоров с Всеволодом Юрьевичем Большое Гнездо. Всеволод Юрьевич отдал Киев Всеволоду Чермному, а Рюрика посадил в Чернигове. Здесь он и умер четыре года спустя.

Татищев называет Рюрика пьяницей, ленивцем и т. д., а летописец характеризует его совсем иначе: христоробивым, мудролюбивым, воздержанным, целомудренным и кротким.

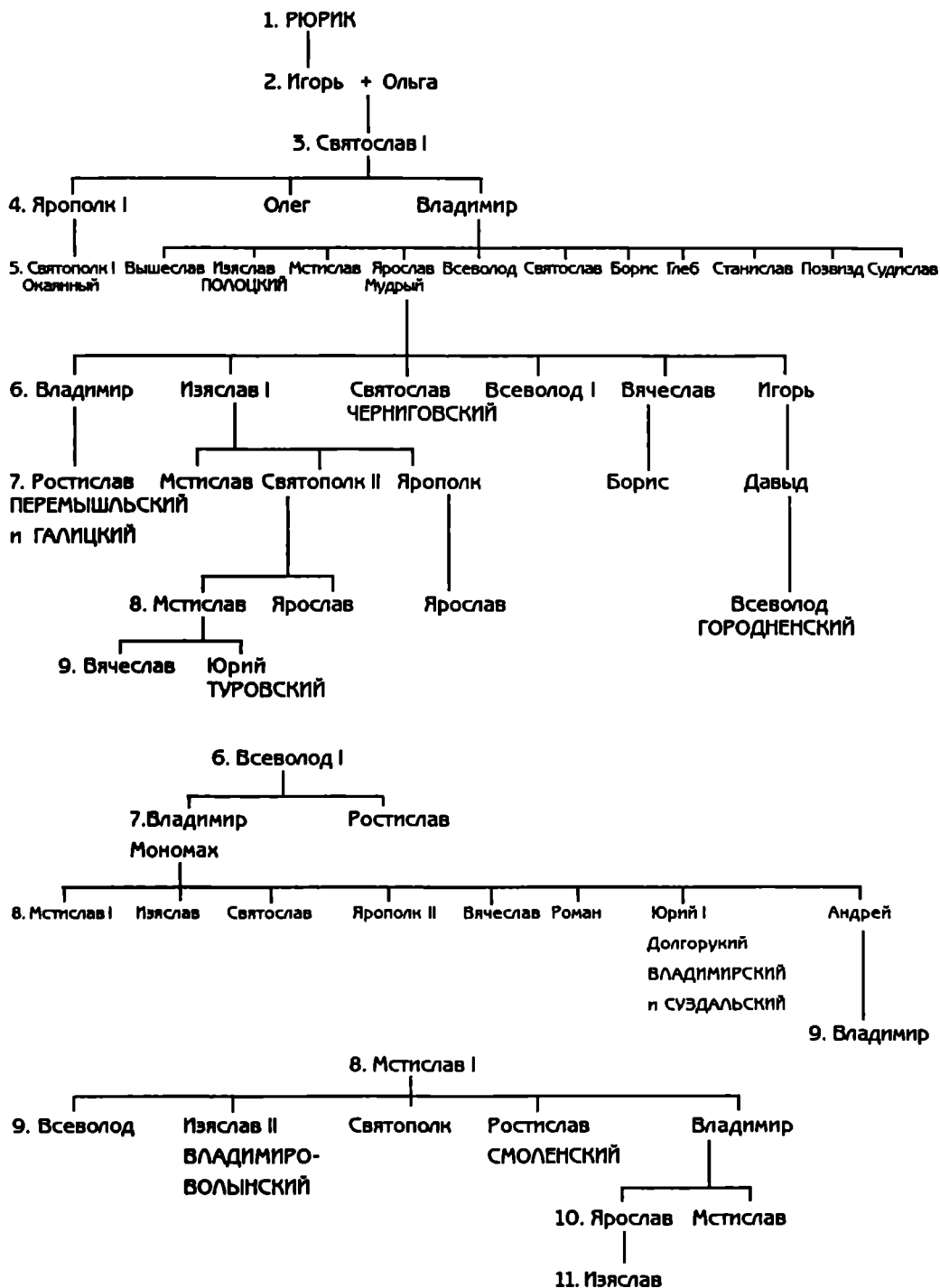
РЮРИКОВИЧИ

Русский княжеский и великокняжеский род, основанный легендарным варягом Рюриком. В ходе удельного деления прежде единой Руси род Рюриковичей распался на несколько самостоятельных ветвей.

От Рюриковичей произошли:

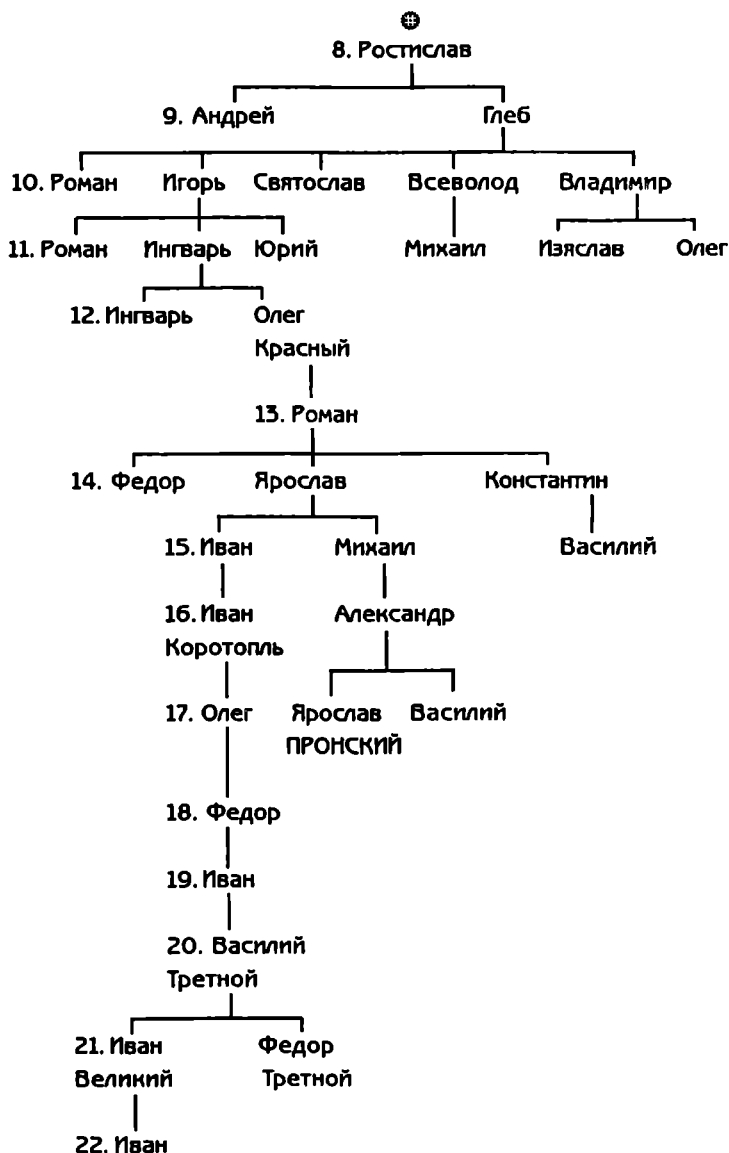
- 1) Полоцкие князья;
- 2) Перемышльские и Галицкие князья;
- 3) Туровские и Пинские князья;
- 4) Черниговские князья;
- 5) Владимиро-Волынские князья;
- 6) Смоленские князья;
- 7) Владимиро-Суздальские великие князья;
- 8) *Городненские князья.*

РЯЗАНСКИЕ КНЯЗЬЯ

Княжеский и великокняжеский род, ветвь *Муромских князей*. Основан Ростиславом Ярославичем. Ветвью Рязанских князей считаются князья Пронские.

СВЯТОПОЛК II ИЗЯСЛАВИЧ (кол.7)

Из рода Рюриковичей. Сын Изяслава I Ярославича и польской королевны. Род. 1050 г. Кн. Полоцкий в 1069—1071 гг. Кн. Новгородский в 1078—1088 гг. Кн. Туровский в 1088—1093 гг. Вел. кн. Киевский в 1093—1113 гг. Ж.: 1) дочь императора Византийского Алексея I Комнина, царица Варвара; 2) с 1094 г. кн. половецкая Елена Тугоркановна. † 16 апр. 1113 г.

В 1069 году отец посадил Святополка в Полоцк на место умершего Мстислава. В 1071 году Всеслав Брючиславич, прежний князь Полоцкий, вернул себе власть. Можно предположить, что следующие два года Святополк провел с Изяславом Ярославичем в Киеве, а потом разделил его изгнание. Уже после возвращения Изяслава в Киев Святополк получил в 1078 году Новгород и зимой того же года ходил вместе с Владимиром Мономахом к Полоцку и сжег его посады.

По смерти великого князя Всеволода Ярославича в 1093 году его сын Владимир Мономах пригласил в Киев Святополка, как самого старшего из всех внуков Ярослава Мудрого. Святополк сидел тогда в Турове и приехал в Киев 24 апреля. Как сообщает летописец, киевляне вышли навстречу новому князю и приняли его с радостью. Едва Святополк успел сесть в Киеве, как пришли половцы на Русскую землю и отправили послов своих к нему, предлагая мир. Святополк же, не собрав старшую дружину отца и дяди своего, стал совещаться лишь с туровскими боярами, которых привел с собой. Те присоветовали ему не мириться с половцами. Святополк велел перехватать послов и посадить их под замок. Проведав об этом, половцы пошли войной на Русь и осадили Торческ. Святополк одумался, отпустил послов, но половцы не захотели уже мира, а стали

наступать, воюя повсюду. Святополк послал к Владимиру Мономаху и стал звать его в поход вместе с собою. Владимир собрал своих воинов и еще послал за братом Ростиславом в Переяславль, веля и ему помочь Святополку. Князья пошли к Треполю, и все воинство переправилось через Стугну, которая была в это время переполнена водой. Изготовившись к бою, они поставили посередине дружину Ростислава, справа от нее — Святополка, а слева — Владимира. 26 мая половцы, в свою очередь построившиеся для решительной битвы, напали на Святополка и врезались в его полк. Сам Святополк держался твердо, но люди его, не выдержав натиска половцев, побежали. После побежал и Святополк, а за ним и все остальные русские полки.

Той же ночью Святополк добрался до Киева. А половцы девять недель осаждали Торческ, потом разделились надвое: одни остались у города, а другие пошли на Киев. Святополк вышел навстречу врагам и 23 июля сразился с ними на Желане. И опять русские побежали под натиском поганых, так что погибших было больше, чем в прежней битве. Святополк прискакал в Киев сам-третий, а половцы вернулись к Торческу. На другой день обесиленные защитники сдались. Половцы взяли город, сожгли его, а людей поделили и увели в степь. Святополк же, не имея больше сил вести войну, в 1094 году заключил мир с половцами и взял в жены дочь Тугоркана, хана половецкого.

В 1096 году Святополк вместе с Владимиром Мономахом ходили на Олега Святославича и изгнали его из Черниговской земли. Не успев окончить этого дела, князья узнали, что хан Боняк со множеством половцев воевал земли вокруг Киева и сжег княжеский двор в Берестове. Тогда же пришел Тугоркан, тесть Святополков, к Переяславлю и стал около города. Святополк и Владимир пошли от Стародуба к Днепру и втайне от половцев переправились через Днепр. Половцы, заметив кня-

жеские полки, едва успели построиться к бою. Владимир с ходу ударил на врага, и половцы побежали, не выдержав натиска. Были в тот день убиты Тугоркан, его сын и многие другие ханы. Наутро нашли труп Тугоркана. Святополк взял его, привез к Киеву и похоронил в Берестове.

26 июня хан Боняк во второй раз пришел к Киеву и сжег всю низину и предгорье. После половцы бросились на киевские монастыри — Стефанов, Германов и Печорский — и, разграбив их, ушли обратно в степь.

В 1097 году Святополк и Владимир Мономах собрали всех русских князей в Любече для установления мира. Князья говорили друг другу: "Зачем губим Русскую землю, навлекая сами на себя ссоры? А половцы землю нашу расхищают и радуются, что нас раздражают усобицы. Объединимся же и с этих пор будем чистосердечно охранять Русскую землю. И пусть каждый владеет отчиной своей". На том все князья целовали друг другу крест, поклявшись: "Если теперь кто покусится на чужую волость, да будет против него крест честной и вся земля русская". Так порешив, все разошлись восвояси.

После съезда Святополк и Давыд Игоревич отправились вместе в Киев, и тут некоторые мужи стали наговаривать Давыду на князя Василька Ростиславича, будто тот сговорился с Владимиром Мономахом против него и Святополка. Давыд, поверив лживым наветам, начал наговаривать Святополку на Василька: "Кто убил брата твоего Ярополка? А теперь Ростиславичи злоумышляют против тебя и меня и сговорились уже с Владимиром. Позаботься же о своей голове". Святополк поверил всем наветам Давыда, и начали оба думать о Васильке. Порешили на том, чтобы схватить его. Святополк послал к Васильку, который был еще в Руднице под Киевом, с приглашением на именины. Василько приехал с небольшой дружиной на княжеский двор. Святополк проводил его в избу, где сидел Давыд. После они оба вышли, а Ва-

силька схватили и заперли, приставив к нему стражу. В ту же ночь Святополк отдал Василька Давыду. Пленника отвезли в Белгород и там ослепили, после чего Давыд увез его к себе на Волынь.

Узнав о случившемся, Владимир Мономах, Давыд и Олег Святославичи послали своих мужей к Святополку с обвинениями в его адрес: "Зачем ты учинил это зло в Русской земле и всадил в нас нож? — говорили они. — Почему ослепил брата своего? Если бы было у тебя какое обвинение против него, то обличил бы его перед нами и, доказав его вину, тогда бы и поступил с ним так. А теперь объяви нам вину его". Святополк отвечал: "Поведал мне Давыд Игоревич, что Василько убил брата моего Ярополка, а теперь хочет и меня убить, а потом занять мою волость: Туров, Пинск и Берестье, и еще говорил он, что Василько целовал крест с Владимиром, что сесть Владимиру по моей смерти в Киеве, а Васильку — во Владимире. Мне же надо свою голову блюсти. И не я его ослепил, а Давыд, который и повез его к себе". Но мужи Владимировы, Олеговы и Давыдовы сказали: "Не ссылайся на то, будто Давыд ослепил его. Не в Давыдовом городе был он схвачен и ослеплен, а в твоём". И, сказав так, уехали из Киева.

На другое утро князья начали переправляться через Днепр, чтобы идти войной на Святополка. Святополк уже хотел бежать из Киева, но киевляне задержали его и послали к Владимиру его мачеху, вдову Всеволода, а с ней и митрополита Николу, чтобы они умоляли Владимира не начинать вновь усобицы и не разорять Русской земли. Владимир внял мольбам княгини. После этого начали князья пересылаться между собой и договорились на том, что Святополк должен пойти войной на Давыда и либо захватить, либо прогнать его.

В 1099 году Святополк со всем своим войском подступил к Владимиру-Волынскому (Василька к этому времени уже освободил его брат Володарь) и стоял у города семь недель. Наконец Давыд начал

просить: "Выпусти меня из города". Святополк согласился и выпустил его. Давыд бежал в Польшу, а Святополк занял Владимир. Прогнав Давыда, Святополк пошел войной на Володаря и Василька Ростиславичей, так как хотел отнять у них власть своего брата. Полки сошлись в поле на Рожни, и начался жестокий бой. Увидев, что Ростиславичи одолевают, Святополк бежал во Владимир, а оттуда — в Киев. Конец войне положил витичевский мир, заключенный князьями в 1110 году.

Весной 1103 года Святополк и Владимир собрались на совет в Долобске. Князья сели в одном шатре со своими дружинами и стали рассуждать о походе в степь. И послали они к Олегу и Давыду Святославичам, говоря: "Пойдите на половцев и выйдем живыми либо мертвыми". Давыд послушался княжеского приглашения и пришел к Святополку со своей дружиной, а Олег — нет.

Собравшись, князья на конях и в ладьях спустились по Днепру за пороги и встали в быстрине у Хортичева острова. Отсюда на конях и пешком шли четыре дня до Сутени. Через некоторое время направились на русский стан половецкие полки, и были они как лес, пишет летописец, так что конца им не было видно, а русь пошла им навстречу, и была великая битва 4 апреля на Сутени, в которой одержала русь полную победу над половцами. Кроме многих простых воинов в этот день были убиты 20 половецких князей. Русские захватили богатую добычу: скот, овец, коней, верблюдов и вежи с имуществом и челядью, и вернулись из похода с полною и славою великою.

Спустя несколько лет в конце зимы 1111 года Владимир Мономах опять убедил Святополка и Давыда Святославича устроить большой поход против половцев. 4 марта русские добрались до Хорола и здесь бросили свои сани, так как земля обнажилась, и дальше пошли пешком и на конях... 24 марта половцы собрали свои полки и пошли в бой. Русские князья, возложив надежду свою на Бога, так сказали

друг другу: "Видно, здесь смерть нам! Станем же твердо". И, попрощавшись друг с другом, разъехались каждый к своему полку. Обе стороны сошлись, началась жестокая битва, и половцы были разбиты вновь, как и восемь лет назад. 27 марта собрались половцы в еще большем количестве, чем накануне, и обложили русские полки. Опять между противниками началась лютая битва, и падали люди с обеих сторон. Наконец, Владимир и Давыд со своими полками начали наступать, а половцы обратились в бегство. Святополк, Владимир и Давыд, прославив Бога, захватили большой полон и воротились восвояси.

Этот поход был последним значительным деянием, в котором участвовал Святополк. После Пасхи 1113 года он разболелся и скончался 16 апреля. Дружина и бояре оплакали его и погребли в церкви св. Михаила в Киеве. Татищев так характеризует Святополка: "Сей князь был ростом высок, сух, волосы черноватые и прямые, борода долгая, зрение острое. Читатель был книг и вельми памятлив... К войне не был охотник и хоть на кого скоро сердился, скоро и запомнил. При том был весьма сребролюбив и скуп".

СВЯТОПОЛК МСТИСЛАВИЧ (кол.9)

Из рода Рюриковичей. Сын Мстислава Владимировича и дочери новгородского посадника Любавы Дмитриевны. Кн. Полоцкий в 1132 г. Кн. Псковский в 1138—1140 гг. Кн. Новгородский в 1142—1148 гг. Кн. Владимиро-Волынский в 1149, 1151—1154 гг. Ж.: с 1143 г. моравская княжна. † 1154 г.

СВЯТОПОЛК I ЯРОПОЛКОВИЧ Окаянный (кол.5)

Из рода Рюриковичей. Сын Ярополка Святославича, пасынок Владимира Святославича. Род. 980 г. Кн. Туровский в 988—1015 гг. Вел. кн. Киевский в 1015—1016, 1018—1019 гг. Ж.: дочь князя Польского Болеслава I. † 1019 г.

Летописец сообщает, что после убийства своего брата Ярополка князь Владимир взял в жены его вдову, некую гречанку, которую в свое время привел на Русь как пленницу Святослав и выдал за Ярополка ради красоты ее лица. Прежде же была она монахиней. Когда Владимир женился на ней, она была уже беременна от Ярополка, а после родила сына — Святополка. Владимир всю жизнь свою не любил его и не почитал за сына, ибо Святополк был вечным напоминанием его греха.

В 988 году Владимир выделил Святополку в удел Туров. После заключения мира между Русью и Польшей князь польский Болеслав Храбрый выдал за Святополка свою дочь. Но этот первый родственный союз князей польских с русскими привел к еще большему раздору между ними. Болеслав, как видно, лучшим средством для собственного усиления считал внутренние смуты у соседей. Вместе с дочерью Болеслава прибыл ко двору туровского князя Рейнберн, епископ колобрежский, который сблизился со Святополком и начал с ведома Болеслава подучать его к восстанию против Владимира. Но Владимир узнал о враждебных замыслах и заключил Святополка в темницу вместе с женой и Рейнберном.

В 1013 году Болеслав добился освобождения своего зятя, который с тех пор жил в ссылке в Вышгороде. Помещая племянника у себя под боком, Владимир, по видимому, хотел обезопасить себя от его интриг. Находясь под постоянным наблюдением, Святополк не мог быть ему опасен. Обстоятельства, однако, резко переменились в июне 1015 года, после внезапной кончины Владимира.

Святополк, оказавшийся в Киеве раньше всех своих братьев, сейчас же захватил власть. Вслед за тем он созвал киевлян и стал задабривать их подарками. Киевляне брали подарки, говорит летописец, но сердца их не лежали к новому князю. Все ждали, что предпримет Борис, любимый сын Владимира, под началом кото-

Миниатюра "Сказания о св. Борисе и Глебе" в Сильвестровском сборнике. (Внизу: "Святополк потаи смерть отца своего")

рого была вся дружина отца. Незадолго до смерти Владимир послал Бориса с войском против печенегов, и поэтому Борис находился вдали от Киева.

Святополк знал, как неустойчиво его положение. Поэтому, помимо подкупа, он избрал другое средство для удержания власти — убийство братьев. Прежде всего, посланные им люди убили на реке Альте Бориса, потом Глеба, ехавшего в Киев. Не успокоившись на этом, Святополк подослал убийц к Святославу.

Ближе к осени он услышал, что другой брат его, Ярослав Мудрый, идет на него войной из Новгорода. Тогда Святополк собрал множество воинов, русских и печенегов, и вышел против него к Любечу. Сам он встал на одном берегу Днепра, а Ярослав с дружиной своей на противоположном. Лагерь Святополков был устроен между двумя озерами. Не ожидая нападения, он всю ночь пил вместе со своей

дружиной. Ярослав же на рассвете, приготовив дружину свою к бою, переправился через Днепр. Высадившись на берег, новгородцы оттолкнули ладьи и пошли в наступление. И сошлись обе стороны, и была битва жестокая. Печенеги же из-за озера не могли прийти на помощь Святополку. Новгородцы прижали Святополкову дружину к озеру и стали избивать ее. Увидев это, Святополк обратился в бегство и бежал в Польшу к тестю Болеславу Храброму. А Ярослав сел в Киеве.

В 1018 году вместе со Святополком против Ярослава выступил сам Болеслав Храбрый. Ярослав, собрав русь и варягов, пошел навстречу Болеславу и Святополку и встретил их на Волини на берегу Буга. Поляки внезапно бросились в реку, и натиск их был таким неожиданным, что Ярослав даже не успел собрать своих воинов. Победа осталась за Болеславом и Святополком, а Ярослав бежал в Новгород все-го с четырьмя мужами.

Вступив в Киев, Болеслав сам стал править русской землей, а дружину свою разослал по окрестным городам на покорм. Святополк же, досадуя на тестя за то, что не дал ему никакой власти, велел своим сторонникам избивать поляков. И начали убивать поляков. Встревоженный восставшим, Болеслав бежал из Киева, захватив с собой всю княжескую казну и всех сестер Ярослава. Увел он с собой и множество простых людей. Святополк же начал княжить в Киеве. Но Ярослав, набрав варягов, пошел во второй раз против него. Без поляков Святополк не мог уже противостать брату и бежал в степь к печенегам. Там, собрав большое войско, он в 1019 году выступил на Ярослава, и оба войска встретились на Альте.

На восходе солнца противники сошлись, и был жестокий бой, какого не бывало прежде на Руси. Воины рубились, не помышляя о жизни, так что кровь текла по низинам ручьями. К вечеру Ярослав одолел, а Святополк бежал. Во время бегства напало на него безумие, и не мог он сидеть на коне из-за расслабления членов. Слуги несли его

на носилках. Он же твердил беспрестанно: "Бегите! Бегите! Гонятся за нами", хотя никто и не гнался за ним. Ему невыносимо было оставаться на одном месте. Так пробежал он через всю Польшу и умер, всеми покинутый, в некоем пустынном месте между Польшей и Чехией.

СВЯТОСЛАВ АНДРЕЕВИЧ (кол.12)

Из рода Трубчевских (?) кн. Сын (?) Андрея Святославича. Кн. Липецкий. † 1285 г.

✱

Святослав вместе с Олегом Мстиславичем Рыльским начал в 1283 году войну против курского баскака Ахмата. В следующем году Ахмат поехал с жалобой к хану Ногаю, и тот отпустил с ним свои войска. Олег укрылся в Орде, а Святослав уехал в воронежские леса. Когда татары ушли, он напал на Ахматову слободу и разорил ее. Ахмат посылал к Святославу с миром, но тот убил посла. Все это очень не понравилось Олегу, который стал укорять Святослава в разбое и в том, что тот навел беду на свою и на его голову, поскольку во всех предыдущих переговорах они действовали сообща, а значит, и отвечать им придется вместе. На это Святослав велел отвечать: "Из чего ты хлопочешь? Какое тебе до меня дело? Я сам знаю про себя, что хочу, то и делаю; а что баскаков слободы ограбил, в том я прав, не человека я обидел, а зверя; врагам своим отомстил, не буду отвечать ни перед Богом, ни перед людьми, что поганных кровопийцев избил". Олег объявил войну бывшему союзнику, дабы обелить себя в глазах татар, напал на его волость вместе с татарами и убил.

СВЯТОСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ (кол.5)

Из рода Рюриковичей. Сын Владимира Святославича и некоей "чехини". Кн. Древлянский в 988—1015 гг. † 1015 г.

Летописец сообщает, что после смерти Владимира Святославича в 1015 году и вокняжения в Киеве Святополка Первого Ярополковича Святослав хотел бежать в Венгрию. Но слуги Святополковы догнали его близ Карпатских гор и лишили жизни.

СВЯТОСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ (кол.8)

Из рода Рюриковичей. Сын Владимира Всеволодовича Мономаха и английской королевны Гиды Гарольдовны. Род. ок. 1080 г. Кн. Смоленский до 1113 г. Кн. Переяславский в 1113—1114 гг. † 1114 г. Погребен в церкви св. Михаила.

СВЯТОСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ (кол.9)

Из рода Черниговских кн. Сын Владимира Давыдовича и городненской кн. Кн. Вщижский. Ж.: с 1159 г. дочь вел. кн. Владимиро-Суздальского Андрея Юрьевича Боголюбского, кн. Ростислава. † 1167 г.

В 1157 году Святослав, недовольный волостью, полученной от дяди Изяслава Давыдовича, выбежал из Березова (в окрестностях Чернигова) во Вщиж, захватил все города по Десне и, отступив от родного дяди, отдался под покровительство Ростислава Мстиславича Смоленского. Изяслав пошел было против племянника, но потом заключил с ним мир. В том же году, сев в Киеве, Изяслав Давыдович оставил Святослава охранять Чернигов, так как боялся, что его захватит Святослав Ольгович Северский.

В 1159 году Святослав был осажден во Вщиже Святославом Ольговичем и его племянником Святославом Всеволодовичем, которые вынудили Святослава отказаться от союза с Изяславом Давыдовичем, признать старшинство Святослава Ольговича, почитать его как отца и исполнять его волю.

СВЯТОСЛАВ II ВСЕВОЛОДОВИЧ (кол.9)

Из рода Черниговских кн. Сын Всеволода II Ольговича и киевской кн. Агафии Мстиславовны. Кн. Туровский в 1142 и 1154 гг. Кн. Владимиро-Волынский в 1141—1146 гг. Кн. Пинский в 1154 г. Кн. Новгород-Северский в 1157—1164 гг. Кн. Черниговский в 1164—1177 гг. Вел. кн. Киевский в 1174, 1177—1180, 1182—1194 гг. Ж.: с 1143 г. дочь кн. Полоцкого Василья Святославича, кн. Мария. † 7 июля 1194 г.

Юность Святослава Всеволодовича была бурной. Рано оставшись без отца, он в течение двенадцати лет, служа разным князьям, участвовал во всех усобных войнах, сменил несколько волостей, но нигде не мог удержаться надолго. В 1157 году он получил Новгород Северский, а в 1164 году, по смерти дяди Святослава Ольговича — Чернигов. В 1173 году, после ссоры Андрея Боголюбского с Ростиславичами Смоленскими, Святослав послал к Андрею сказать от имени всех черниговских князей: "Кто тебе враг, тот и нам; мы готовы идти с тобою". Андрей принял его помощь и отправил на Ростиславичей огромную рать. Всех князей, принявших участие в походе, было больше двадцати. Святослав был старшим между всеми союзными князьями, почему и получил начальство над всей ратью. Прежде всего он обратился против Мстислава Ростиславича, который заперся в Вышгороде, осаждал его девять недель, но так и не смог выбить из города. К довершению неудачи под Киев явился Ярослав Изяславич Луцкий (брат умершего в 1170 году Мстислава Изяславича) и стал искать великого княжения. Святослав отказался дать ему Киев, собираясь, очевидно, оставить его за собой. Тогда Ярослав завел переговоры с Ростиславичами: те уступили ему Киев, и он отправился к Рюрику в Белгород. При известии об этом на Андреевых союзников напал великий страх. Они говорили, что Ростиславичи непременно соединятся с галичанами и

черными клобуками и нападут на них. В войске наступило страшное смятение, и, не дождавшись рассвета, все бросились переправляться через Днепр, причем много людей утонуло. Мстислав, увидев всеобщее бегство, выехал с дружиною из Вышгорода и ударил на неприятельский стан, где взял много пленников.

Ростиславичи после победы исполнили свое обещание, признали старшинство Ярослава Изяславича и дали ему Киев. Но едва тот успел утвердиться здесь, Святослав в 1174 году прислал сказать: "Вспомни прежний наш уговор, на чем ты мне целовал крест; ты мне говорил: если я сяду в Киеве, то я тебя наделю, если же ты сядешь, то ты меня надели; теперь ты сел — право ли, криво ли — надели меня". Ярослав велел отвечать ему: "Зачем тебе наша отчина? Тебе эта сторона не надобна". Святослав прислал опять сказать ему на это: "Я не венгерец и не лях, мы все одного деда внуки, и сколько тебе до него, столько же и мне: если не хочешь исполнять старого договора, то твоя воля".

За словами последовали дела. Святослав, соединясь с братьею, внезапно явился к Киеву; Ярослав, боясь затворяться в городе один, побежал в Луцк, а Святослав въехал в Киев, захватил все имущество Ярослава, жену его, сына, всю дружину и отослал в Чернигов. Но он сам не мог долго оставаться в Киеве, потому что двоюродный брат его Олег Святославич напал на Черниговскую волость, желая, как видно, быть здесь преемником Святослава. Но и Святослав, заняв Киев, не надеялся окончательно утвердиться здесь и потому не хотел уступать прежней волости двоюродному брату. Бросив Киев, он пошел на Олега и, по обычаю, пожег его волость. Тем временем Ярослав вернулся в Киев. Чтобы разъединить врагов, Святослав отказался пока от великого княжения и заключил мир с Ярославом. Затем, собравшись со всеми силами, он осадил Олега в Новгороде Северском. Олег вышел было ему навстречу, но не успела

дружина его пустить по стреле, как обратилась в бегство; сам князь успел вбежать в город, но половина войска его была схвачена, другая — перебита, острог пожжен; Олег на другой день запросил мира и получил его.

Пока Святослав улаживал дела в своей волости, в Киеве сел Роман Ростиславич. Но он также не мог долго княжить спокойно. В 1176 году половцы напали на Русь, взяли шесть городов берендеевских и разгромили Ростиславичей у Ростова. Случилось это по вине Давыда Ростиславича, который затеял ссору с братьями и помешал успеху дела. Святослав поспешил воспользоваться бедою Ростиславичей. В том же году он послал сказать Роману: "Брат! Я не ищу под тобой ничего, но у нас такой ряд: если князь провинился, то платит волостью, а боярин — головою; Давыд виноват, отними у него волость".

Роман не послушался, тогда Святослав послал братьев взять Треполь, а сам встал с полками у Витичева, куда приехали к нему черные клобуки с киевлянами и объявили, что Роман ушел в Белгород. Святослав поехал в Киев и сел там, но опять ненадолго: на помощь к братьям явился Мстислав из Смоленска, и Ростиславичи объявили, что на другой же день дадут битву Святославу. Святослав испугался и побежал за Днепр, потому что половцы, за которыми он послал, еще не пришли, а с одною дружиною выступить против Мстислава он не решился.

Несмотря на это, Ростиславичи сочли за лучшее уступить Киев Святославу. Роман знал, что он будет сидеть в Киеве в непрерывном страхе от Святослава, который уже раз выжил его, и, конечно, не откажется от новых попыток овладеть столицей, вследствие чего будут непрерывные усобицы; союзники Святослава — половцы — уже явились к Торческу и захватили много людей. И вот Ростиславичи, не желая губить Русскую землю и проливать христианскую кровь, по словам ле-

тописца, подумали и отдали в 1177 году Киев Святославу, а Роман пошел назад в Смоленск.

Святослав чувствовал себя очень стесненно в Киеве, окруженный со всех сторон волостями Ростиславичей. В 1180 году он внезапно напал на вышгородского князя Давида Ростиславича, надеясь захватить его врасплох, но замысел его не удался, и после нескольких схваток князья помирились на прежних условиях: Киев достался Святославу, а вся Русская земля осталась в руках Рюрика Ростиславича. Таким образом, через 35 лет после смерти отца Всеволодович сумел утвердиться в Киеве, но власть великого князя за эти годы так ослабла, что не только на Руси, но и в самой Киевской волости он уже не мог распоряжаться по своей воле. Без согласия Рюрика Ростиславича и Всеволода Юрьевича Большое Гнездо Святослав не смел начать ни одного похода и прекрасно понимал это. Он правил тихо и спокойно, заслужив славу князя мудрого, пекущегося о благе Русской земли. Именно таким рисует его летописец и таким предстает он в "Слове о полку Игореве". При Святославе Втором утихли усобицы, но зато возобновилась, прерванная смертью Мономаха, наступательная война с половцами.

СВЯТОСЛАВ ВСЕВОЛОДОВИЧ (кол.10)

Из рода Трубчевских кн. Сын Всеволода Святославича и киевской кн. Ольги Глебовны. Кн. Трубчевский ок. 1232 г.

СВЯТОСЛАВ III ВСЕВОЛОДОВИЧ (кол.10)

Из рода Владимиро-Суздальских вел. кн. Родоначальник *Юрьев-Польских князей*. Сын Всеволода III Юрьевича Большое Гнездо и чешской королевны Марии Шварновны. Род. 27 марта 1196 г. Кн. Новгородский в 1200—1205, 1207—1210 гг. Кн. Юрьев-Польский в 1213—1228,

1248—1252 гг. Кн. Переяславский в 1228—1238 гг. Кн. Суздальский в 1238—1246 гг. Вел. кн. Владимирский в 1246—1248 гг. Ж.: дочь кн. Муромского Давида Юрьевича, кн. Евдокия († 1228 г.). † 3 февр. 1252 г.

В 1220 году великий князь Владимиро-Суздальский Юрий Всеволодович собрал большое войско против болгар и отправил во главе него Святослава. Святослав осадил сначала Ошел. Около города был сделан острог, огороженный крепким дубовым тыном, за острогом были еще два укрепления и между ними вал: по этому валу осажденные и бились с русскими. Святослав отрядил людей с огнем и топорами, а за ними — стрельцов и копейщиков; русские подсекли тын, разорили и два других укрепления и зажгли их, потом зажгли и самый город, но тут поднялся противный ветер, и Святослав велел обойти город и атаковать его с другой стороны. Сам князь поскакал впереди остальных к городу. Русские подсекли тын и оплоты и зажгли их, потом зажгли город со всех сторон, причем встала сильная буря, так что страшно было смотреть, а в городе раздавался громкий вопль. Князь болгарский успел бежать на лошадах с малою дружиной, а тех болгар, которые выходили из города, русские всех перебили, жен и детей забрали в плен, прочие болгары сгорели в городе, а иные сами себя лишили жизни, перебив сперва своих жен и детей. Сжегши город, Святослав вернулся к лодкам и поплыл вверх по Волге. Между тем болгары из Велико-го и других городов, услышав об истреблении Ошела, собрались с князьями своими и пришли к берегу. Святослав знал о приближении врагов и велел своим приготовиться к битве: пошли полк за полком, били в бубны, играли в трубы, а князь шел сзади всех. Болгары подошли к берегу, но напасть не решились. Святослав благополучно достиг устья Камы и отсюда отправился к Владимиру.

В 1228 году Юрий дал Святославу Переяславль Южный, где князь провел де-

сять лет. В 1238 году он вернулся во Владимирскую землю и участвовал в битве с татарами на Сити 4 марта. Ярослав Всеволодович, ставший великим князем по смерти Юрия, отдал Святославу Суздаль. По смерти же Ярослава в 1246 году Святослав наследовал Владимирский стол. Но в 1248 году сын Ярослава Михаил Храбрый отнял у Святослава великое княжение и сам сел во Владимире. Изгнанный Святослав вскоре умер. Погребен в Юрьевском соборе.

СВЯТОСЛАВ ВСЕСЛАВИЧ (кол.8)

Из рода Полоцких кн. Родоначальник *Витебских князей*. Сын Всеслава Брячиславича. Кн. Витебский в 1101—1129 гг.

В 1129 году Святослав вместе с другими полоцкими князьями был сослан в Царьград, откуда больше не вернулся.

СВЯТОСЛАВ ГЛЕБОВИЧ (кол.10)

Из рода Рязанских кн. Сын Глеба Ростиславича и владимирской кн. Кн. Пронский в 1186—1188 гг. † ок. 1213 г.

В 1186 году старшие братья вооружились против Святослава и Всеволода, сидевших в Пронске. Тогда младшие Глебовичи послали просить Всеволода Юрьевича Большое Гнездо о помощи, и тот отправил к ним сперва триста человек из владимирской дружины, которые сели в Пронске и оставались вместе с осажденными, а потом еще другое войско, к которому присоединились муромские князья. Узнав о приближении владимирцев и муромцев, старшие Глебовичи сняли осаду Пронска и побежали к себе в Рязань, а Всеволод Глебович поехал навстречу владимирским полкам. Когда те повернули назад во Владимир, рязанские князья вернулись опять к Пронску и перехватили воду

у жителей. Святослав отворил перед ними город. Братья отдали ему Пронск назад, но взяли жену, детей, дружину Всеволода Глебовича и повели в Рязань; повязали вместе и дружину Всеволода Юрьевича, что сидела в Пронске в осаде. Всеволод Юрьевич, сильно раздосадованный поступком Святослава, в 1188 году вместе с Всеволодом Глебовичем и муромцами пошел на Рязань и страшно опустошил всю волость. Старшие Глебовичи вынуждены были заключить мир по всей воле Владимирского князя, а тот отобрал Пронск у Святослава и отдал его Всеволоду Глебовичу.

В 1207 году племянники Святослава, Глеб и Олег Владимировичи, оговорили перед Всеволодом Юрьевичем своих дядей Романа и Святослава. Тот велел схватить их и заточить во Владимире.

СВЯТОСЛАВ ГЛЕБОВИЧ (кол.14)

Из рода Смоленских кн. Сын Глеба Ростиславича. Кн. Можайский в 1297—1303 гг. Кн. Брянский в 1309—1310 гг. † 1310 г.

В 1303 году Можайск был взят московским князем Юрием Даниловичем, а Святослав приведен пленником в Москву.

В 1309 году Святослав выгнал из Брянска своего племянника Василия Александровича и сам сел на его место. В следующем году Василий вернулся под Брянск с татарами. В городе начался сильный мятеж. В это время здесь находился митрополит Петр, который стал уговаривать Святослава поделиться волостью с племянником или, оставив ему все, бежать из города, а не биться. Но Святослав надеялся на свою силу и на мужество: был он крепок телом, очень храбр, а посему не послушался митрополита и отвечал ему: "Господин! Брянцы меня не пустят, они хотят за меня головы свои сложить". Святослав не хотел даже защищаться в сте-

нах города, но вышел из Брянска и сражался с татарами. Когда дело дошло до боя, то брянцы-крамольники, как их называет летописец, выдали князя Святослава, бросили стяг и побежали. Святослав остался с одной только дружиной своей, бился долго, наконец был убит, а Василий снова овладел Брянском.

СВЯТОСЛАВ ИВАНОВИЧ (кол.16)

Из рода Смоленских кн. Сын Ивана Александровича. Кн. Смоленский в 1359—1386 гг. † 1386 г.

В 1386 году вместе с сыновьями Глебом и Юрием, собрав большое войско, Святослав пошел к Мстиславлю, который прежде принадлежал смоленским князьям, а потом был отнят у них литовцами. Проходя через литовскую землю, смоляне воевали ее, захватывая жителей, мучили их нещадно разными казнями, мужчин, женщин и детей: иных, заперши в избах, сжигали, младенцев сажали на кол. Жители Мстиславля затворились в городе. Святослав стоял под ним десять дней, но ничего не смог сделать. В одиннадцатый день подошли литовцы: сыновья Ольгерда и Витовт со своими полками. Смоляне смутились, увидав их, выступили в бой и сошлись с литовцами на реке Вехре под Мстиславлем. Битва была продолжительная, наконец Ольгердовичи одолели. Сам Святослав был убит каким-то поляком. Двое сыновей его попали в плен. Литовские князья, преследуя бегущих, подошли к Смоленску, взяли с него выкуп и посадили на княжение Юрия Святославича.

СВЯТОСЛАВ I ИГОРЕВИЧ (кол.3)

Из рода Рюриковичей. Сын Игоря Рюриковича и кн. Ольги. Род. ок. 940 г. Вел. кн. Киевский в 945—972 гг. † 972 г.

Святослав Игоревич. Фрагмент памятника тысячелетия России

В то время, когда отец Святослава, князь Игорь, был убит в Древлянской земле, Святослав был еще ребенком и всеми делами распоряжались мать его княгиня Ольга, кормилец Святослава Асмуд и воевода Свенельд. В 946 году, собрав многих воинов, Ольга пошла на древлян. С ней был и Святослав. Древляне выступили навстречу, и когда оба войска сошлись для схватки, Святослав бросил свое копьё во врага. Копьё пролетело только между ушей коня и упало у его ног, ибо Святослав был еще очень мал. Но Свенельд и Асмуд ска-

зали: "Князь уже начал бой: последуем, дружина, за князем!" И началась битва, в которой одолели киевляне.

В 957 году после своего крещения Ольга стала уговаривать сына своего также принять христианство. Но Святослав ответил: "Как мне одному принять иную веру? А дружина моя станет насмехаться". И не послушал матери, продолжая жить по языческим обычаям. Но другим креститься не запрещал, а только насмехался над ними. Ольга же молилась за своего сына и продолжала руководить им до тех пор, пока он не возмужал.

Когда Святослав вырос, стал он собирать много воинов храбрых и много воевал, а в походы ходил легко, как гепард, рассказывает летописец. И не возил он с собой ни воев, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину или зверину или говядину, жарил на углях и так ел. Не имел он и шатров, но спал, подостлав потник с

седлом в головах. Такими же были и все его воины. Прежде чем нападать на врага, посылал он вперед гонца со словами: "Хочу на вас идти".

И внешность у Святослава, по словам византийского историка Льва Диакона, была под стать его характеру: дикая и суровая. Брови у него были густые, глаза голубые. Волосы и бороду князь имел обыкновенные, но зато имел длинные висающие усы и пучок волос на одной стороне головы. Будучи невысоким ростом и строен телом, он отличался могучей мускулистой шеей и широкими плечами. Роскоши Святослав не любил. Одежду носил самую простую и только в ухе у него висела золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами и рубином.

В 965 году, будучи примерно 25 лет от роду, Святослав пошел на хазар. Услышав о том, хазары вышли навстречу во главе с каганом, и началась битва. Святослав одо-

Ольга и Святослав. Миниатюра Радзивилловской летописи

лел хазар и взял города их, Саркел и Белую Вежу. После победил он ясов и касогов. На другой год Святослав победил вятичей и возложил на них дань.

В 967 году Святослав пошел на Дунай в Болгарию. Святослав одолел болгар в битве и, взяв 80 их городов по Дунаю, сел княжить в Переяславце, беря дань с греков.

В 968 году, в отсутствие Святослава, на Русскую землю пришли печенеги. Ольга заперлась в Киеве со своими внуками — Ярополком, Олегом и Владимиром. Печенеги же осадили город великою силой: было их вокруг бесчисленное множество, и нельзя было ни выйти из города, ни набрать воды, и изнемогали люди от голода и жажды. Тогда киевляне послали к Святославу гонца со словами: "Ты, князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою

покинул. Нас же чуть было не взяли печенеги вместе с матерью твоей и детьми. Если не придешь и не защитишь нас, то не миновать нам полону. Неужели не жаль тебе своей отчины, старой матери и детей?" Услышав эти слова, Святослав с дружиною немедленно оседлал коней и вернулся в Киев; приветствовал мать свою и детей и сокрушался о том, что случилось с ними от печенегов. После собрал он воинов, прогнал печенегов в поле, и настал покой в Русской земле.

Далее летописец рассказывает так. Святослав созвал бояр и сказал матери своей: "Не люблю мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае — там середина земли моей, туда стекаются все блага: из Греческой земли — золото, паволоки и вина, различные плоды; из Чехии и из Венгрии — серебро и кони; из

Встреча Иоанна Цимиския и князя Святослава на Дунае. Миниатюра Мадридского списка хроники Иоанна Скилицы

Руси же — меха и воск, мед и рабы". Ольга отвечала ему на это: "Видишь — я больна; куда хочешь уйти от меня? Когда похоронишь меня, отправляйся куда захочешь". Через три дня Ольга умерла, и оплакал ее Святослав вместе с сыновьями своими и похоронил.

В 969 году Святослав посадил Ярополка в Киеве, Олега — у древлян, Владимира послал княжить в Новгород, а сам отплыл в Болгарию в Переяславец. Болгары же, отбившие к этому времени Переяславец, затворились против него в городе и вышли биться с русскими. И была великая сеча, в которой болгары стали одолевать. Тогда сказал Святослав своим воинам: "Здесь нам и умереть! Постоим же мужественно, братья и дружина!" К вечеру одолел Святослав и взял город приступом. И послал он к грекам со словами: "Хочу идти на вас и взять столицу вашу, как и этот город". Греки же сказали: "Чем воевать, возьми дань на всю дружину свою, только скажи, сколько вас, чтобы мы разочлись по числу дружинников твоих". Так говорили греки, обманывая русских. Святослав же послал сказать: "Нас двадцать тысяч". Но прибавил десять тысяч: ибо русских было всего десять тысяч. Получив это известие, Иоанн Цимисхий, император греков, выступил против руси с 30 тысячами, а дани не дал никакой. В 970 году война переместилась во Фракию. В первом сражении Святослав одолел и пошел к Константинополю, захватывая города. В Филиппополе (Пловдиве), по свидетельству Льва Диакона, он велел посадить на кол 20 000 пленных, привел этим болгар в ужас и заставил повиноваться себе. Однако под Андрианополем русские встретились с войском Варды Склира и потерпели от него поражение. Несмотря на победу, Цимисхий из-за начавшегося в Азии мятежа Варды Фоки должен был заключить мир. Он послал сказать Святославу: "Не ходи к столице, возьми дань, сколько хочешь". Святослав, по словам летописца, взял огромную дань, а также

много даров и возвратился в Переяславец со славой великой.

Впрочем, мир продолжался совсем недолго. В пасхальные дни 971 года, подавив восстание в Азии, Цимисхий неожиданно для русских перешел Балканы и вторгся в Болгарию. После двухдневной осады греки взяли Преславу и выбили оттуда русский гарнизон, которым командовал Свенельд. После этого Плиска и многие другие болгарские города отпали от Святослава и перешли на сторону Цимисхия. Сам Святослав находился в это время на Дунае в Доростоле. Узнав о поражении у Преславы, он испытал огорчение и досаду, но еще надеялся на победу.

Когда император подступил к Доростолу, он увидел русских, стоящих перед стенами в ожидании битвы. После того как противники сошлись врукопашную, завязалось яростное сражение, и долго обе стороны бились с одинаковым успехом. К вечеру, когда бойцы стали уже изнемогать, Цимисхий бросил в бой свою конницу. Не выдержав этого натиска, русские обратились в бегство и скрылись за стенами крепости.

После этого в течение нескольких дней происходили упорные сражения перед стенами, из которых греки обычно выходили победителями. Тогда Святослав собрал свою дружину и стал советоваться, как им дальше быть. Многие были за то, чтобы отступить, но Святослав сказал: "Нам некуда уже деться, хотим мы или не хотим — должны сражаться. Так не посраммим земли Русской, но ляжем здесь костями, ибо мертвые сраму не имут. Если же побегим — позор нам будет. Так не побегим же, но станем крепко, а я пойду впереди вас: если моя голова ляжет, то о своих сами позаботитесь". Воины, вдохновленные этой речью, воскликнули: "Где твоя голова ляжет, там и свои головы положим".

На другой день русские, построившись в фалангу, выступили против греков и бились с невиданным доселе ожесточени-

ем. Император, увидев, что греки отступают, сам бросился в бой, чтобы воодушевить воинов. К довершению несчастья разразился ураган. Ветер дул навстречу русским и забивал им глаза. В то же время, обойдя строй Святослава, Варда Склир ударил ему в тыл. Русские не выдержали и побежали под защиту стен. Сам Святослав, израненный стрелами и потерявший много крови, едва не попал в плен.

Всю ночь он провел в гнев и печали, сожалея о гибели своего войска. Но, видя, что ничего уже нельзя предпринять, он почел долгом не падать духом под тяжестью неблагоприятных обстоятельств и приложил все усилия для спасения оставшихся в живых воинов. Поэтому он отрядил на рассвете послов к императору Иоанну и стал просить мира на следующих условиях: русские уступят грекам Доростол, освободят пленных, уйдут из Болгарии и возвратятся на родину, а греки дадут им возможность отплыть, не нападут на них по дороге с огненосными кораблями, а кроме того, снабдят их продовольствием и будут принимать русских купцов на тех условиях, которые были установлены прежде.

Император с радостью принял эти условия. Из 60-тысячной армии, которую Святослав привел с собой в Болгарию, в живых в это время осталось 22 000.

По заключении мира Святослав благополучно достиг устья Днепра и на ладьях отправился к порогам. Воевода Свенельд говорил ему: "Обойди, князь, пороги на конях, ибо стоят у порогов печенеги". Но Святослав не послушал его и пошел в ладьях. Между тем Свенельд беспокоился не зря: болгары послали сказать печенегам: "Вот, идет мимо вас на Русь Святослав с небольшой дружиной, забрав у греков много богатства и пленных без числа". Услышав об этом, печенеги заступили пороги. Святослав узнал, что нельзя пройти через пороги, и остановился с дружиной в Белобережье на зимовку. Вскоре у русских кончилась вся еда, воины стали есть

коней и начался великий голод. Весной 972 года Святослав решил продолжить путь. Едва добрался он до порогов, напал на него Куря, князь печенежский, и перебили печенеги всю русскую дружину. Пал в бою и Святослав. А из черепа его печенеги сделали чашу, оковав его, и с тех пор пили из нее печенежские ханы.

СВЯТОСЛАВ ИГОРЕВИЧ (кол.10)

Из рода Новгород-Северских кн. Родона-чальник *Курских князей*. Сын Игоря Святославича. Род. в 1176 г. Кн. Курский до 1206 г. Кн. Владимиро-Волынский в 1206—1207 гг. Кн. Перемышльский в 1210—1211 гг. Ж.: с 1187 г. дочь вел. кн. киевского Рюрика Ростиславича кн. Ярослава. † 1211 г.

В 1206 году Владимир Игоревич выгнал из Владимира-Волынского малолетних Даниила и Василька Романовичей, а владимирцы призвали к себе на княжение Святослава. Вдова Романа Мстиславича уехала в Польшу. Польские князья Лешко и Кондрат собрались против Святослава и пошли выгонять его из Владимира. С собою они взяли племянника Романа Мстиславича и Александра Всеволодовича Бельзского. Жители открыли перед ними ворота, а Святослава выдали полякам.

В 1208 году Святослав вернулся с братьями в Галицкую волость и сел княжить в Перемышле. Когда Даниил Романович в 1211 году привел венгров под Галич, перемышльцы схватили Святослава и выдали его венграм. Галицкие бояре вытребовали его себе и повесили вместе с братом Романом.

СВЯТОСЛАВ МСТИСЛАВИЧ (кол.11)

Из рода Владимиро-Волынских кн. Сын Мстислава Изяславича и польской королевны Святохны Болеславовны. Кн. Владимиро-Волынский ок. 1170—1173 гг. † ок. 1173 г.

СВЯТОСЛАВ МСТИСЛАВИЧ (кол.11)

Из рода Владимиро-Суздальских кн. Сын Мстислава Ростиславича Безокого и дочери новгородского посадника Якуна Мирославича. Кн. Новгородский в 1175—1176 гг.

СВЯТОСЛАВ МСТИСЛАВИЧ (кол.12)

Из рода Смоленских кн. Сын Мстислава Романовича Старого. Кн. Новгородский в 1218—1219 гг. Кн. Полоцкий в 1222—1232 гг. Кн. Смоленский в 1232—1239 гг.

Возможно, что после 1222 года, когда смоляне взяли Полоцк, Святослав сел в Полоцке. В 1230 году, по смерти Мстислава Давыдовича, смоленский стол должен был перейти к Святославу, но смоляне почему-то не хотели иметь его своим князем. Тогда Святослав в 1232 году с помощью полочан взял Смоленск на щит, перебил своих врагов и сел на столе.

СВЯТОСЛАВ ОЛЬГОВИЧ (кол.8)

Из рода Черниговских кн. Родоначальник *Новгород-Северских князей*. Сын Олега Святославича и полоцкой кн. Кн. Новгородский в 1136—1138, 1139—1141 гг. Кн. Курский в 1138—1139 гг. Кн. Белгородский в 1141 г. Кн. Новгород-Северский в 1141—1157 гг. Кн. Черниговский в 1154—1155, 1157—1164 гг. Ж.: 1) с 1107 г. дочь хана половецкого Аспы Гиргеневича, кн. Екатерина; 2) с 1136 г. дочь новгородского посадника Петрилы, Мария († 1166 г.). † 15 февр. 1164 г.

В 1136 году новгородцы выгнали от себя Всеволода Мстиславича и позвали Святослава. У низложенного князя в городе оставались сторонники, преданные Мономахову племени, отчего Новгород, по словам летописца, разрывался надвое. В том же году милостивцы (приятели) Всеволода стреляли в Святослава, но тот остался жив. Тогда несколько добрых мужей

во главе с посадником Константином бежали к Всеволоду в Вышгород и уговорили его идти к Пскову. Псковичи приняли Всеволода. Но когда в Новгороде узнали, что Всеволод в Пскове и хочет сесть у них, то начался сильный мятеж; большинство не захотело Мстиславича. Святослав собрал всю землю новгородскую, призвал на помощь брата Глеба с курянами и половцами и пошел выгонять Всеволода из Пскова. Псковичи, однако, завалили дороги в лесах, понаделали засеки, так что Святослав и новгородцы возвратились с полдороги, говоря: "Не хотим проливать крови братьев своих, пусть Бог все уладит по своим промыслам".

Вскоре у новгородцев начались большие неприятности: Мономаховичи и союзники их сердились на новгородцев за то, что они держали у себя Ольговича, и потому прекратили с ними торговлю, не было мира ни с Суздаем, ни со Смоленском, ни с Киевом, ни с Полоцком; из-за прекращения подвоза продовольствия началась дороговизна. Новгородцы выгнали Святослава из города, а на его место призвали Ростислава Юрьевича из Суздаля. Святослав к этому времени рассорился с новгородским епископом Нифонтом, который по какой-то причине запрещал князю жениться. Князя венчал его собственный поп. Летописец более ничего не сообщает об этом случае, а Татищев говорит, что Святослава жена была дочерью Петрилы-посадника, которого убили княжеские люди. Стараясь обезоружить Нифонта своей щедростью, Святослав возобновил древний устав Владимиров о церковной дани, определив епископу брать, вместо десятины от вир и продаж, 100 гривен из княжеской казны, кроме уездных сборов и пошлин.

Святослав уехал в Киев, оставив в Новгороде свою жену. Горожане заключили ее в монастыре св. Варвары. Самого же Святослава схватили по пути смоляне и держали в заключении в Смядынском монастыре, ожидая, чем кончится распря Ярополка Владимировича Киевского с братом Святослава Всеволодом Ольговичем. В

том же 1138 году князья помирились и Святослав наконец приехал в Киев.

В 1139 году Всеволод Ольгович сел в Киеве, Святославу дал Курск, а на словах обещал Переяславль, где княжил Андрей Владимирович. Тем же летом Святослав ходил на Переяславль, встретился по дороге с дружиною Андреевой и был разбит. Победители гнали за ним до самой границы Переяславской волости, далее Андрей не велел преследовать своего врага.

Тем временем новгородцы рассорились с Ростиславом Юрьевичем, тот уехал в Смоленск, а Новгород остался без князя. Рассерженный Юрий Долгорукий угрожал новгородцам войной и уже взял Торжок. В этих условиях новгородцы обратились к Всеволоду Ольговичу и согласились принять от него вновь Святослава. Тот сел у них не прежде, чем они принесли присягу верности. Несмотря на эту клятву, старые обиды не забывались ни той, ни другой стороной. Еще прежде приезда Святослава в Новгород летописец упоминает о мятеже, произведенном, без сомнения, врагами Святослава, приверженцами Мономаховичей. Святослав не забыл также врагов своих, бывших причиной своего изгнания, вследствие чего новгородцы начали вставать на него на вече за его злобу, по выражению летописца, начали бить Святославовых приятелей за его насилия; кум его, тысяцкий, дал ему знать, что собираются схватить и его; тогда Святослав бежал ночью с посадником Якуном, но Якуна по дороге схватили, привезли в Новгород и чуть не убили до смерти: раздели донага и сбросили с моста.

Святослав бежал в Стародуб. Оттуда Всеволод вызвал его в Киев, но братья не уладились о волостях. Святослав пошел, как и прежде, в Курск, которым владел вместе с Новгородом Северским. После Всеволод дал ему Белгород. Во все время короткого киевского княжения Игоря Ольговича Святослав был в Киеве и помогал брату договариваться с горожанами. Но киевляне, несмотря на всю их ласку, послали за Изяславом Мстиславичем. Тот подступил к Кие-

ву, разбил Игореву дружину и сел на великокняжеский стол. Святослав бежал на устье Десны за Днепр. С малою дружиной он приехал в Чернигов и послал спросить у двоюродных братьев, Давыдовичей, хотят ли они сдержать клятву верности Игорю, которую дали пять дней назад. Давыдовичи отвечали, что хотят. Тогда Святослав, оставив у них мужа своего Коснятка, поехал в свою волость, сперва в Курск, а потом в Новгород Северский. Но как скоро Святослав уехал, Давыдовичи решили отступить от него. Узнав, что они замышляют схватить Святослава, Коснятка послал сказать ему: "Князь! Хотят схватить тебя; когда они за тобой пошлют, то не езди к ним". В самом деле, Давыдовичи вскоре соединились с Изяславом Мстиславичем, а Святославу послали сказать: "Ступай прочь из Новгорода Северского в Путивль, а от брата Игоря отступись". Святослав отвечал: "Не хочу ни волости, ничего другого, только отпустите мне брата", но Давыдовичи все настаивали: "Целуй крест, что не будешь ни просить, ни искать брата, а волость держи". Святослав затворился в Новгороде Северском и бился с черниговскими полками, которые привели Владимир и Изяслав Давыдовичи. Черниговские князья город взять не смогли, но страшно разграбили округу. Тем временем прибыл из Суздаля на помощь Святославу Иван Юрьевич, сын Долгорукого. Святослав посадил его княжить в Курске. Владимир и Изяслав Давыдовичи между тем соединились с Изяславом Мстиславичем, взяли Путивль и вновь подступили к Новгороду Северскому. Узнав о движении против него трех князей, Святослав позвал на совет союзников своих Ивана Юрьевича и Ивана Ростиславича, дружину, половцев и спрашивал, что делать. Те отвечали ему: "Князь! Ступай отсюда, не мешкая; здесь тебе не к чему оставаться: нет ни хлеба, ничего; ступай в лесную землю". Святослав послушался и побежал из Новгорода в Карачев с женою и детьми и с женою брата своего Игоря; из дружины одни пошли за ним, другие оставили его. Изяслав Давыдович погнался было за ним, но Святослав развернулся,

вышел навстречу Давыдовичу и разбил его. Не задерживаясь далее в Карачеве, Святослав ушел за лес в землю вятичей. Тут дела у него поправились, потому что Юрий Долгорукий прислал ему на помощь белоцерскую дружину.

Весною 1147 года Святослав пошел на Смоленскую волость, взял голядь в верховьях Протвы и обогатил дружину свою полоном, после чего получил зов от Юрия приехать к нему в Москву. Святослав приехал в Москву с сыном Олегом, князем Владимиром Рязанским и с небольшою дружиной. Юрий обещал Святославу прислать сына на помощь. Получивши также наемное войско от половцев, Святослав начал с успехом наступательные действия: послал половцев воевать Смоленскую волость, а сам занял вятические города. Между тем из степей пришли к нему новые отряды половцев, а с севера подступил Глеб, сын Долгорукого.

Изяслав Давыдович ушел из Новгорода Северского. Давыдовичи начали пересылаться со Святославом, помирились с ним и договорились заманить к себе Изяслава Мстиславича. Коварство их вскоре открылось, и киевляне в гневе на переметчиков убили в Киеве Игоря Ольговича. Святослав соединился с черниговскими князьями, повоевал с ними земли по Вырю и уехал в Чернигов.

В 1149 году Юрий сам выступил против Изяслава Мстиславича. Святослав соединился с Юрием и бился против Изяслава под Переяславлем. Сев в Киеве, Юрий поспешил наградить своего союзника и отдал Святославу Курск с Посемьем. Во всех дальнейших войнах Святослав также держал сторону Юрия и был его неизменным союзником. После смерти Юрия Изяслав Давыдович сел в Киеве, а Святославу отдал Чернигов. Двоюродные братья заключили между собой союз. Но когда в 1159 году Изяслав Давыдович стал звать Святослава идти на Галич, тот и сам отказывался и киевского князя отговаривал. Изяслав пошел один, пригрозив, что по возвращении заставит Святослава

“ползти из Чернигова”. Святослав сильно разобиделся на эти слова. Между тем поход Изяслава Третьего кончился разгромом и бегством. В Киеве сел Ростислав Мстиславич. В 1160 году Святослав ездил к нему на съезд. Ростислав одарил Святослава соболями, горностаями, черными куницами, песцами, белыми волками, а Святослав подарил великому князю барса и двух борзых коней в кованых седлах. Ростислав отправил на помощь Святославу своего сына Рюрика. Вместе с ним они стояли на Десне и не пустили через нее Изяслава Давыдовича с половцами. В дальнейших усобицах престарелый Святослав уже не участвовал.

СВЯТОСЛАВ ОЛЬГОВИЧ (кол.10)

Из рода Новгород-Северских кн. Родона-чальник *Рыльских князей*. Сын Олега Святославича и Смоленской кн. Агафии Ростиславны. Род. в 1167 г. Кн. Рыльский. Ж.: кн. Анастасия.

В 1185 году Святослав участвовал в несчастливом походе Игоря Святославича против половцев.

СВЯТОСЛАВ РОСТИСЛАВИЧ (кол.10)

Из рода Смоленских кн. Сын Ростислава Мстиславича. Кн. Новгородский в 1158—1160, 1162—1168 гг. † 1169 г.

В 1158 году Ростислав посадил Святослава в Новгороде. В скором времени Андрей Юрьевич Боголюбский послал сказать новгородцам: “Будет вам ведомо: хочу искать Новгорода и добром и лихом”. Услышав грозные слова, новгородцы не знали, что делать; начались волнения и частые вече, толпа народа схватила князя, заперла в избе, княгиню заперли в монастырь; дружину поковали, имение разграбили, потом отправили Святослава в Ладогу, поставив к нему крепкую стражу. Но Свя-

тославу удалось бежать из Ладоги в Полоцк, откуда Рогволод Борисович проводил его к родным в Смоленск. Это не положило конца новгородским смутам. Скоро Андрей урядился с Ростиславом; князья уговорились, чтоб Новгород опять перешел к сыну киевского князя Святославу.

В 1164 году шведы на 55 шнеках пришли в Ладожское озеро и осадили Ладогу. На пятый день осады прибыл Святослав с новгородцами, ударил на шведов и разбил их на реке Воронай. Лишь небольшая их часть успела бежать на 12 шнеках, остальные погибли. Но, несмотря на военные успехи и покладистый характер, в самый год смерти Ростислава недовольные уже начали собирать тайные вече против его сына. Приятели Святослава приехали к нему на Городище и сказали: "Князь! Народ собирается на вече по ночам, хотят тебя схватить, промышляй о себе". Святослав выехал из города, засел в Великих Луках и послал оттуда сказать новгородцам, что не хочет у них княжить. Те в ответ поцеловали образ Богородицы с клятвой не принимать Святослава на княжение и пошли прогонять его из Лук; Святослав выехал в Торопец, откуда отправился на Волгу и, получив помощь от Андрея Боголюбского, сжег Новый Торг; братья его, Роман и Мстислав, пожгли Луки. Но занять новгородский стол ему было уже не суждено. Святослав умер в 1169 или 1170 году на Волоке. Тело его привезли в Смоленск и положили в церкви св. Богородицы.

СВЯТОСЛАВ ЯРОСЛАВИЧ (кол.6)

Из рода Рюриковичей. Родоначальник *Черниговских князей*. Сын Ярослава I Владимировича Мудрого и шведской королевны Ингигерды. Род. в 1027 г. Кн. Владимиро-Волынский до 1054 г. Кн. Черниговский в 1054—1073 гг. Вел. кн. Киевский в 1073—1076 гг. † 27 дек. 1076 г.

В 1067 году вместе с Изяславом Святослав ходил походом против Всеслава

Брячиславича Полоцкого, а в 1068 году все три Ярославича были разбиты половцами на Альте. В то время как Изяслав и Всеволод бежали в Киев, Святослав укрылся в Чернигове. Половцы, разоряя Русскую землю, вскоре дошли до Чернигова. Святослав, собрав кое-какую дружину, вышел против степняков к Сновску. Тут он увидел множество врагов, но не растерялся и воскликнул, обращаясь к своей дружине: "Вперед! Ударим на них, все равно нам некуда уже укрыться". Черниговцы припустили коней и ударили так дружно, что тут же рассеяли 12 000 половцев и многих утопили в Снове. Русских же всего было 3 000.

На следующий год Святослав помирил киевлян с Изяславом и помог последнему вернуться в охваченный восстанием город. При этом он, видимо, приобрел среди жителей столицы многих сторонников, чем не замедлил воспользоваться. В 1073 году Святослав стал пересылаться со Всеволодом и наговаривать на старшего брата. "Изяслав, — говорил он, — сговорился с Всеславом Брячиславичем и злоумышляет против нас. Если не опередим его, то изгонит он нас из наших вотчин". Так он восстановил Всеволода против Изяслава. Изяслав, не ожидая войны, бежал из Киева в Польшу, прихватив с собой всю казну, а Святослав в марте вошел в Киев и сел на великокняжеский стол.

Вплоть до своей смерти он благополучно управлял Русью, несмотря на все попытки Изяслава через иноземных государей и папу вернуть себе власть. В декабре 1076 года у Святослава появилась опухоль. Была проведена неудачная операция, после которой он умер.

Погребен в Чернигове, в церкви св. Спаса.

СВЯТОСЛАВ ЯРОСЛАВИЧ (кол.8)

Из рода Муромских кн. Сын Ярослава Святославича. Кн. Рязанский в 1129—1143 гг. Кн. Муромский в 1143—1145 гг. † 1145 г.

СВЯТОСЛАВ ЯРОСЛАВИЧ (кол.12)

Из рода Тверских вел. кн. Сын Ярослава III Ярославича. Кн. Псковский в 1264—1266 гг. Вел. кн. Тверской в 1272—1282 гг. † 1282 г.

СВЯТОША ДАВИДОВИЧ (кол.8)

Из рода Черниговских кн. Сын Давыда Святославича. Род. ок. 1080 г. Кн. Луцкий в 1099 г. Ж.: кн. Анна. † 14 окт. 1143 г.

III

В 1106 году Святоша удалился от мира и постригся в монахи в Киево-Печерском монастыре под именем Николая. Сперва он был служителем иноков и вратарем, долгое время смирял плоть свою трудами и воздержанием, беспрестанно работал в пекарне или саду, отдавал бедным все, что имел, и способствовал заведению в монастыре библиотеки. В день его кончины народ толпами стекался в монастырь, ища его благословения.

СЕМЕН ВАСИЛЬЕВИЧ (кол.16)

Из рода Белозерских кн. Сын Василия Романовича. Кн. Сугорский.

III

Семен получил во владенье Сугорье — нагорную часть и всю зашекнинскую половину Белозерского княжества.

СЕМЕН ВАСИЛЬЕВИЧ (кол.17)

Из рода Ярославских кн. Родоначальник Новленских князей. Сын Василия Васильевича. Кн. Новленский до 1440 г. † ок. 1440 г.

СЕМЕН ВЛАДИМИРОВИЧ (кол.16)

Из рода Серпуховских кн. Сын Владимира Андреевича Храброго и литовской кн. Елены Оль-

гердовны. Кн. Боровский в 1410—1426 гг. Кн. Серпуховской в 1422—1426 гг. Ж.: с 1404 г. дочь кн. Новосильского Семена Романовича, кн. Василиса. † осенью 1426 г. Умер от моровой язвы, приняв иноческий образ с именем Саввы. Похоронен в Троице-Сергиевом монастыре.

СЕМЕН ДМИТРИЕВИЧ (кол.15)

Из рода Суздальских и Нижегородских вел. кн. Сын Дмитрия III Константиновича и ростовской кн. Василисы Константиновны. Кн. Суздальский в 1383—1393 гг. Вел. кн. Нижегородский в 1387—1393 гг. † 2 дек. 1402 г.

III

В 1387 году Семен вместе с братом Василием Кирдяпой выгнал из Нижнего Новгорода дядю Бориса. В 1393 году, после того как Василий I Дмитриевич Московский купил Нижегородское княжество, Семен остался в Суздале. В следующем году братья бежали в Орду добиваться ярлыков на свою отчину. В 1399 году Семен вместе с татарским царевичем Ейтяком, у которого было 100 человек войска, подступил к Нижнему Новгороду, где затворились трое московских воевод. Три дня бились татары под городом, и много людей пало от стрел, наконец нижегородцы сдали город, взяв с татар клятву, что те не будут ни грабить христиан, ни брать в плен. Но татары нарушили клятву, ограбили всех русских донага. Семен же говорил: "Не я обманул, а татары; я в них не волен; я с ними ничего не могу сделать". Две недели пробыли татары в Нижнем с Семеном, но потом, услышав, что московский князь собирается на них с войском, убежали в Орду.

После этого Семен укрывался у татар, не отказываясь от надежды возвратить себе родовое владение. Это заставило московского князя в 1401 году послать двоих воевод своих искать Семена, жену, детей и бояр его. В мордовской земле отыскиали они жену Семенову, княгиню Александру. Ее ограбили и привезли вместе с детьми в Москву, где она сидела на дворе Белеутове до тех пор, пока муж ее не прислал к великому князю с челобить-

ем и не покори́лся ему. Он приехал в Москву, заключил мир с великим князем, взял семейство и больной отправился в Вятку, издавна зависящую от Суздальского княжества. Здесь он через несколько месяцев умер. Этот князь, говорит летописец, испытал много напастей в Орде и на Руси, все добиваясь своей отчины; восемь лет не знал он покоя, служил в Орде четырем ханам — Тохтамышу, Темир-Аксаку, Темир-Кутлюю и Шахлибеку, — все поднимал рать на великого князя Московского; не имел он своего пристанища, не знал покоя ногам своим — и все понапрасну.

СЕМЕН ДМИТРИЕВИЧ (кол.18)

Из рода Ярославских кн. Сын Дмитрия Васильевича. Кн. Кубенский. Ж.: дочь кн. Романовского Ивана Дмитриевича Дая, кн. Мария, за которой получил в приданое окрестности Кубенского озера.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ Гордый (кол.14)

Из рода Московских вел. кн. Сын Ивана I Даниловича Калиты. Род. 7 сент. 1316 г. Вел. кн. Московский в 1341—1353 гг. Вел. кн. Владимирский в 1341—1353 гг. Кн. Новгородский в 1346—1353 гг. Ж.: 1) с 1333 г. дочь вел. кн. Литовского Гедими́на, вел. кн. Августа († 11 марта 1345 г.); 2) с 1345 г. дочь кн. Брянского Федора Святославича, кн. Евпраксия (в 1346 г. Семен с ней развелся); 3) с 1347 г. дочь вел. кн. Тверского Александра Михайловича, вел. кн. Мария († 1399 г.). † 27 апр. 1353 г.

По духовному завещанию отца Семен получил 26 городов и селений, среди них такие важные, как Москва, Можайск и Коломна. После смерти Калиты русские князья отправились в Орду; но соперничество их с богатым и сильным московским князем было невозможно, и хан объявил Семена великим князем Владимирским. Благодаря усилению Москвы это уже не был теперь один только титул. "Все князья русские даны были под руку Симеона", — говорят летописи. Татищев пишет, что Семен, созывая кня-

и в княжение его отца. Но беда пришла с другой стороны. В 1352 году началась эпидемия чумы. В 1353 году она со страшной силой свирепствовала в Москве. Сначала умерли два сына Семенова, а потом и он сам. Погребен в Архангельском соборе.

Роспись Архангельского собора при Симеоне Гордом. Миниатора Лицевого летописного свода

зей для известных целей своих, напоминал им, что Русь только тогда была сильна и славна, когда князья беспрекословно повиновались старшему. За свою жизнь Семен пять раз ходил в Орду и всякий раз возвращался оттуда со многою честью и пожалованием, по выражению летописца. О татарских опустошениях, насилиях баскаков и послов не слышно и в княжение Семена, как и в княжение его отца. Но беда пришла с другой стороны. В 1352 году началась эпидемия чумы. В 1353 году она со страшной силой свирепствовала в Москве. Сначала умерли два сына Семенова, а потом и он сам. Погребен в Архангельском соборе.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ (кол.18)

Из рода Ярославских кн. Сын Ивана Васильевича Большого и ростовской кн. Анны Ивановны. Князь Курбский, названный так по своей вотчине — селу Курбе.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ (кол.18)

Из рода Можайских кн. Сын Ивана Андреевича и кн. Воротынской. Кн. Стародубский. † ок. 1505 г.

Семен, подобно отцу, служил великому князю Литовскому. В 1500 году он перешел в подданство Москвы вместе с Черниговом, Стародубом, Гомелем и Любечем.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ (кол.19)

Из рода Московских вел. кн. Сын Ивана III Васильевича и византийской царевны Софьи Фоминишны Палеолог. Род. 21 марта 1487 г. Кн. Калужский. † 26 июня 1518 г.

В 1511 году Василий узнал, что Семен хочет бежать в Литву, и велел ему явиться в Москву. Семен, видя, что умысел его открыт, и предугадывая, что ждет его в Москве, начал при посредствии митрополита, владык и других братьев просить старшего брата о помиловании. Великий князь простил Семена, но переименовал у него всех бояр и детей боярских.

СЕМЕН ФЕДОРОВИЧ (кол.18)

Из рода Воротынских кн. Сын Федора Юрьевича и кн. новгород-северской Марии Корибутовны. Кн. Воротынский.

В 1493 году Семен принял русское подданство (согласно литовскому источнику его принудил к этому брат Дмитрий).

СЕРПУХОВСКИЕ КНЯЗЬЯ

Княжеский род, ветвь *Московских великих князей*. Основан Андреем Ивановичем.

**СИМЕОН (Дугвений)
ОЛЬГЕРДОВИЧ**

Литовский кн. из рода Гедиминовичей. Сын вел. кн. литовского Ольгерда Гедиминовича и вел. кн. Тверской Иулиании Александровны. Кн. Новгородский и Мстиславский. Ж.: с 14 июня 1394 г. дочь вел. кн. Московского Дмитрия Ивановича Донского, вел. кн. Мария; 2) неизвестная. † после 1431 г.

В 1389 году Симеон был приглашен новгородцами и сел княжить в Новгороде. В 1390 году он водил новгородцев на Псков, но поход кончился миром. В 1392 году шведские разбойники ограбили села по обеим берегам Невы, не доходя 5 верст до Орешка. Симеон напал на них и разбил. В 1407 году, когда началась война между Литвой и Москвой, новгородцы, как видно, свели Симеона со стола и дали ему пригороды. В 1411 году шведы взяли один из новгородских пригородов, тогда новгородцы с Симеоном пошли сами в шведскую землю, села повоевали и пожгли, народу много перебили и взяли в плен, а у Выборга захватили наружные укрепления. В том же 1411 году Симеон уехал в Литву и в следующем году прислал складную запись (то есть разорвал прежний договор).

СИНЕУС

Легендарный варяг, призванный словенями, кривичами, чудью и весью на княжение вместе со своим старшим братом Рюриком. Кн. Белозерский в 862—864 гг. † 864 г.

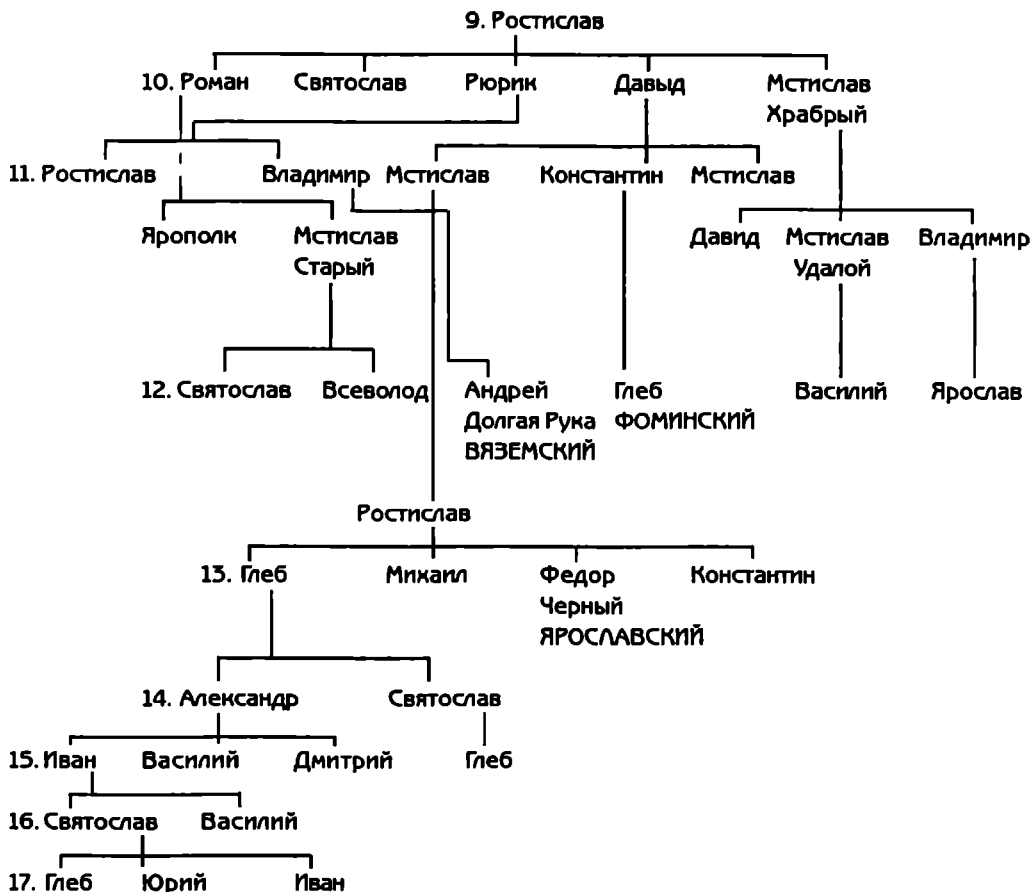
СМОЛЕНСКИЕ КНЯЗЯ

Княжеский род, ветвь *Рюриковичей*. Основан Ростиславом Мстиславичем.

От Смоленских князей произошли:

- 1) Вяземские князья;
- 2) Ярославские князья (старшая ветвь);
- 3) Фоминские князья.

СТАНИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ (кол.5)

Из рода Рюриковичей. Сын Владимира Святославича. Кн. Смоленский с 987 г. † до 1015 г.

Матерью Станислава летописец называет "чехину". Некоторые археологи приписывают Станиславу основание "княжес-

кого" Смоленска на его нынешнем месте. Ранний Смоленск располагался, по их мнению, в Гнездове.

СТАРОДУБСКИЕ КНЯЗЯ

Княжеский род, ветвь *Владимиристо-Суздальских великих князей*. Основан Иваном Всеволодовичем.

СТЕПАНСКИЕ КНЯЗЬЯ

Княжеский род, ветвь Туровских и Пинских князей. Основан Ростиславом Глебовичем.

СУДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
(кол.5)

Из рода Рюриковичей. Сын Владимира Святославича. Кн. Псковский до 1036 г. † 1063 г.

В 1036 году Ярослав Владимирович Мудрый повелел заключить Судислава в

темницу, поверив наветам на него. Только в 1057 году сыновья Ярослава выпустили своего дядю на свободу после 22-х лет заключения. Судислав постригся в монахи и скончался в монастыре св. Георгия в Киеве.

СУЗДАЛЬСКИЕ И
НИЖЕГОРОДСКИЕ ВЕЛИКИЕ
КНЯЗЬЯ

Княжеский род, ветвь Владимиро-Суздальских великих князей. Основан Андреем II Ярославичем.

ТВЕРСКИЕ ВЕЛИКИЕ КНЯЗЯ

Княжеский род, ветвь *Владимири-Суздальских великих князей*. Основан Ярославом III Ярославичем.

От Тверских князей произошли:

- 1) Холмские князья;
- 2) Кашинские князья;
- 3) Микулинские князья;
- 4) Дорогобужские князья.

ТОРУССКИЕ КНЯЗЯ

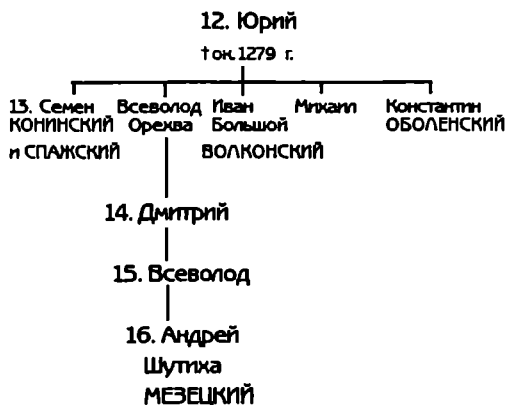
Княжеский род, ветвь *Черниговских князей*. Основан Юрием Михайловичем.

Сыновья Юрия Михайловича были посажены каждый в своем уделе. Семен получил Конинскую волость и сделался родоначальником *Конинских и Спажских князей*. Всеволод Орехва наследовал Торусскую волость. Князь Иван Большой, как

гласит предание, получил удел на реке Волкони и стал родоначальником *Волконских князей*. Князь Михаил по Мышагской волости, возможно, был основателем фамилии князей *Мышагских*, родословная которых неизвестна. Младший Константин по своей волости и городу стал именоваться *Оболенским* и дал начало многочисленной фамилии князей этого имени.

Потомки Всеволода Орехвы известны только по путаным родословным. Его правнук (?) Андрей Всеволодович Шутиха, основатель Межеца, дал начало *Межецким князьям*.

ТРУБЧЕВСКИЕ КНЯЗЯ

Княжеский род, ветвь *Новгород-Северских князей*. Основан Всеволодом Святославичем.

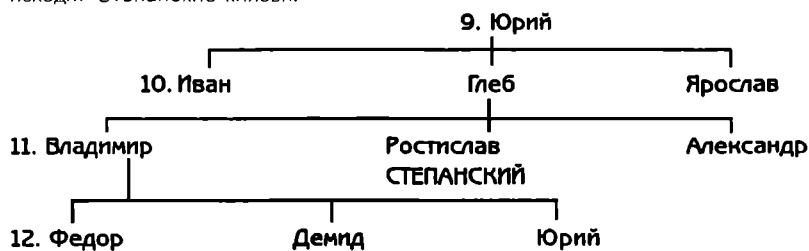

ТРУВОР

Легендарный варяг, призванный на княжение словенами, кривичами, чудью и весью вместе со своим старшим братом Рюриком. Кн. Изборский в 862—864 гг. † 864 г.

ТУРОВСКИЕ И ПИНСКИЕ КНЯЗЬЯ

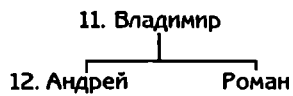
Княжеский род, ветвь *Рюриковичей*. Основан Юрием Ярославичем. От Туровских князей происходят *Степанские князья*.

УГЛИЦКИЕ КНЯЗЯ

Княжеский род, ветвь *Ростовских князей*. Основан Владимиром Константиновичем.

ФЕДОР

Кн. Киевский в XIV в. См. Путивльские князья.

ФЕДОР АЛЕКСАНДРОВИЧ (кол.17)

Из рода Ростовских-Борисоглебских кн. Сын Александра Константиновича. Кн. Ростовский-Борисоглебский в 1415—1417 гг. Кн. Псковский в 1417—1420 гг. † 1420 г.

В 1397 году Федор был отправлен великим князем Василием I Дмитриевичем наместником в новгородское Задвинье. Когда новгородцы увидели, что Заволочье отходит от них, то собрались стар и млад и выступили против Федора. В 1398 году

новгородцы сожгли Белоозеро (старый город), вступили в двинские земли и осадили Орлец, где заперся Федор с теми двинскими воеводами, которые передались Москве. Осажденные отбивались около месяца и наконец принуждены были сдаться. Новгородцы немедленно схватили своих предателей, но наместника отпустили к государю со всеми воинскими людьми, отняли у него только всю казну. В 1420 году Федор, находясь на княжении в Пскове, заболел, принял монашеский постриг и отъехал в Москву.

ФЕДОР АЛЕКСАНДРОВИЧ (кол.17)

Из рода Микулинских кн. Сын Александра Федоровича и ярославской кн. Марии Ивановны. Кн. Телятевский в 1397—1437 гг.

ФЕДОР III АЛЕКСЕЕВИЧ Романов

Царь всея Руси в 1676—1682 гг. Сын Алексея Михайловича и Марии Ильиничны Милославской. Род. 30 мая 1661 г. Вступил на престол 30 янв. 1676 г. Короновался 18 июня 1676 г. Ж.: 1) с 18 июля 1680 г. Агафия Семеновна Грушецкая († 14 июля 1681 г.); 2) с 15 февр. 1682 г. Марфа Матвеевна Апраксина († 31 дек. 1715 г.). † 27 апр. 1682 г.

Все пять сыновей Алексея Михайловича, рожденные ему первой женой Марией Ильиничной Милославской, были люди слабые и болезненные. Трое умерло еще при жизни отца, а младший, Иван, к слабости физической присоединял и умственную недоразвитость. Старший, Федор, страдал сильной цингой, с трудом мог ходить, опираясь на палку, и большую часть времени вынужден был проводить во дворце. Он получил достаточное образование: хорошо говорил по-польски, знал латынь, научился складывать вирши и даже помогал своему наставнику Симеону Полоцкому переводить псалмы. Будучи 14-ти лет от роду, в 1674 году Федор был

Федор Алексеевич Романов

торжественно объявлен наследником престола, а спустя всего два года он уже должен был заступить на место скоропостижно умершего Алексея Михайловича.

Сделавшись царем, Федор возвысил своих любимцев — постельничего Ивана Максимовича Языкова и комнатного стольника Алексея Тимофеевича Лихачева. Это были люди незнатные, но ловкие и обходительные; именно они, как думают, устроили брак царя. Рассказывают, что, идя однажды в крестном ходу, Федор увидел девушку, которая ему очень понравилась. Он поручил Языкову справиться о ней, и тот донес, что это Агафья Семеновна Грушецкая, племянница думного дьяка Заборовского. Дьяку дано было знать, чтоб не выдавал племянницу замуж впредь до указа, и вскоре Федор женился на ней.

Самые замечательные постановления Федора относятся к последним годам его царствования. В 1679 и 1680 годах отменено было членовредительство как вид казни и в целом сделана была попытка смягчить уголовные наказания, которые были тогда поистине варварскими. Было издано несколько указов по упорядочению областного управления, взиманию налогов. Гораздо больше внимания, чем при Алексее, уделялось полкам "нового строя", укомплектованным и обучаемым на западный манер. Очень важным был указ 1682 года об уничтожении местничества. Готовился проект о введении в России чинов (прообраз Петровской табели о рангах) и разделении военной и гражданской властей. Разрабатывался также проект учреждения академии, но осуществить ничего этого не успели. В июле 1681 года при родах умерла царица. Ей приписывалось сильное и благотворное влияние на Федора. По ее же внушению в Москве начали стричь волосы, брить бороды, носить польские сабли и кунтуши, основывать польские и латинские школы. Вместе с царицей умер и царевич. Тогда же стали думать о новом браке царя. Устроил его

тот же Языков. 14 февраля 1682 года Федор женился на Марфе Матвеевне Апраксиной. Однако через два месяца после свадьбы, 27 апреля, он скончался на 21-м году жизни.

ФЕДОР БОРИСОВИЧ (кол.19)

Из рода Московских вел. кн. Сын Бориса Васильевича и кн. Иулиании Михайловны Холмской. Кн. Волоцкий в 1494—1513 гг. Ж.: с 1504 г. кн. Мария. † май 1513 г. По смерти Федора Волоцкий удел отошел Москве.

ФЕДОР II БОРИСОВИЧ Годунов

Царь всея Руси в 1605 г. Сын Бориса Федоровича Годунова и Марии Григорьевны Скуратовой-Бельской. Род. 1589 г. Вступил на престол 14 апр. 1605 г. † 10 июня 1605 г.

Федор был полный телом, очень сильный, румяный и черноглазый юноша, от

Федор Годунов. Миниатюра из рукописи XVII в.

природы одаренный умом и способностями. Борис Годунов, сам не имевший почти никакого образования, постарался дать сыну совсем не то воспитание, которое по обычаю получали дети московских государей. Он выписал для сына иностранных учителей и рано приучал юношу к пониманию правительственных дел. Судя по сохранившимся официальным документам, отец ничем не пренебрегал, чтобы укрепить за ним престол, и еще при жизни именовав Федора "великим государем".

14 апреля 1605 года, на другой день после смерти Бориса, Москва присягнула Федору без ропота и волнений. Федор отстранил от командования войсками, воевавшими против наступавшего с Украины самозванца, князя Мстиславского и отправил вместо него Петра Федоровича Басманова. На Басманова возлагались надежды, которых тот не оправдал. 7 мая вместе со всеми войсками новый воевода присягнул Дмитрию, а 1 июня в Красное Село приехали послы от претендента — дворяне Плещеев и Пушкин. Народ, узнав об этом, подхватил гонцов и повез на Красную площадь. Посланцев поставили на Лобном месте, и они при огромном стечении народа прочитали грамоту царевича. Дмитрий извещал в ней о своем спасении, прощал московским людям, что они по незнанию присягали Годуновым, припоминал всякие утеснения и насилия, причиненные народу Борисом, обещал всем льготы и милости и приглашал прислать к нему посольство с челобитьем.

В толпе поднялось сильное смятение. Одни кричали: "Буди здрав, царь Дмитрий Иванович!" Другие говорили: "Да точно ли это Дмитрий Иванович? Может быть, это не настоящий". Наконец раздались голоса: "Шуйского! Шуйского!" Шуйского возвели на Лобное место.

Сделалась тишина, и Шуйский громко объявил: "Борис послал убить Дмитрия-царевича, но царевича спасли; вместо него погребен попов сын". Тогда толпа неистово заревела: "Долой Годуновых!" — и без удержу бросилась в Кремль. Защищать Федора было некому. Стрельцы, стоявшие

на карауле, отступили без боя. Царь побежал в Грановитую палату и сел на престол. Царица Мария Григорьевна и царевна Ксения встали подле него с образами. Народ ворвался в палату, стащил Федора с престола, но не причинил ему никакого вреда. На водовозных клячах царицу и ее детей отвезли в прежний Борисов дом и приставили к ним стражу. Тогда же перехватили всех родственников и сторонников Годуновых и ограбили их дома.

10 июня от Дмитрия приехали в Москву князь Василий Голицын и князь Рубец-Мосальский. Они свели с престола патриарха Иова и сослали его в Старицкий Богородицкий монастырь. Неизвестно, имели ли они какие-то конкретные распоряжения насчет царского семейства. Но в тот же день в дом Годуновых явились со стрельцами дворяне Молчанов и Шерефединов. Узников развели по разным комнатам и умертвили. Вдову Бориса удавили веревкой. Федор пробовал бороться, но его оглушили дубиной и тоже задушили. В живых осталась одна Ксения. Голицын и Мосальский объявили народу, что Мария и Федор отравили себя ядом. Тела их погребли без всяких почестей в Варсонофьевском монастыре. Туда же из Архангельского собора перевезли гроб с телом Бориса. Впоследствии при царе Василии Шуйском тела Бориса и Федора Годуновых перезахоронили еще раз — в Троице-Сергиевском монастыре.

ФЕДОР ВАСИЛЬЕВИЧ (кол.15)

Из рода Ростовских кн. Родоначальник *Ростовских-Усретинских князей*. Сын Василия Константиновича. Кн. Ростовский-Усретинский в 1320—1331 гг. Ж.: с 1326 г. кн. Мария Федоровна. † 28 марта 1331 г.

В 1320 году Федор с братом Константином поделили между собой Ростовское княжество. Федору досталась Усретинская сторона города.

ФЕДОР ВАСИЛЬЕВИЧ (кол.17)

Из рода Ярославских кн. Сын Василия Васильевича. Кн. Ярославский в 1426—1434 гг. † ок. 1434 г.

ФЕДОР ВАСИЛЬЕВИЧ Третний (кол.21)

Из рода Рязанских кн. Сын вел. кн. Василия Ивановича и вел. кн. Московской Анны Васильевны. Кн. Старорязанский в 1483—1503 гг. † 1503 г.

По отцовской духовной Федор получил во владение Перевитск и Старую Рязань. Умирая, Федор завещал свой удел великому князю Московскому Ивану III.

ФЕДОР ВЛАДИМИРОВИЧ (кол.12)

Из рода Туровских и Пинских кн. Сын Владимира Глебовича. Кн. Пинский ок. 1262 г.

ФЕДОР ДАВЫДОВИЧ (кол.13)

Из рода Галицких кн. Сын Давыда Константиновича. Кн. Галича Мерского до 1335 г.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ Благоверный (кол.13)

Из рода Стародубских кн. Сын Ивана Михайловича Калистрата. Кн. Стародубский в 1315—1330 гг. † 1330 г. Был убит в Орде по приказанию хана.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ (кол.20)

Из рода Пронских кн. Сын Ивана Владимировича. Кн. Пронский с 1430 г.

ФЕДОР I ИВАНОВИЧ (кол.21)

Из рода Московских вел. кн. Сын царя Ивана IV Васильевича Грозного и Анастасии Романов-

ны Юрьевой-Захаровой. Род. 11 мая 1557 г. Царь всея Руси в 1584—1598 гг. Ж.: с 1580 г. Ирина Федоровна Годунова († 26 сент. 1603 г.). † 7 янв. 1598 г.

Из всех преступлений Грозного убийство сына Ивана и последующее пресечение рода великих князей Московских, пожалуй, тяжелее всего сказались на русской истории. Второй сын Федор от рождения отличался ярко выраженным слабоумием, но по несчастному стечению обстоятельств именно он должен был наследовать Грозному после его смерти. Младший брат Федора Дмитрий тоже имел сторонников среди московских бояр. Федор утвердился на престоле не без смут. Князь Богдан Бельский много интриговал в пользу Дмитрия, но враждебные ему бояре с народом осадили Бельского в Кремле, принудили к сдаче и сослали в Нижний Новгород.

Сохранилось также известие, что из всех городов в Москву пришли имени-

Царь Федор Иванович

тые люди и молили со слезами царица Федора, чтобы он был на Московском государстве царем и венчался царским венцом. 31 мая Федор венчался на царство. Ни для кого не было секретом, что он не способен править. После смерти Грозного среди бояр шла упорная борьба за влияние на царя. В конце концов всех пересилил царский шурин боярин Борис Федорович Годунов, который и был истинным вершителем судеб государства во все время Федорова царствования.

Федор был небольшого роста, приземист, одутловат, походку имел нетвердую, по характеру был тяжел и не деятелен. С лица его никогда не сходила блаженная улыбка, и вообще, хотя он и отличался крайней простотой и слабоумием, но был очень ласков, тих, милостив и набожен. Большую часть дня он проводил в церкви, а в качестве развлечения любил смотреть кулачные бои, забавы шутов и потехи с медведями. Если кто бил царю челом, он отсылал его к Годунову. Сын у Федора так и не родился, а дочь умерла в младенчестве. В конце 1597 года он сам занемог смертельной болезнью и 7 января 1598 года в час утра скончался. С его смертью пресеклась княжеская династия Рюриковичей, непрерывно правившая Русью с 862 года.

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ (кол.14)

Из рода Белозерских кн. Сын Михаила Глебовича и кн. Ярославской. Кн. Белозерский в 1293—1314 гг. Ж.: 1) с 1302 г. дочь ордынца Велбас Мыша; 2) с 1314 г. дочь боярина новгородского Дмитрия Жидимировича. † 1314 г.

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ (кол.15)

Из рода Тверских вел. кн. Родоначальник Миклулинских князей. Сын Михаила Александровича и суздальской кн. Евдокии Александровны.

Кн. Миклулинский в 1399—1407 гг. Ж.: с 1390 г. дочь боярина Федора Андреевича, Анна. † ок. 1407 г.

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ Моложский

См. Моложские князья.

ФЕДОР ОЛЬГОВИЧ (кол.18)

Из рода Рязанских кн. Сын вел. кн. Олега Ивановича и вел. кн. литовской Евфросинии Ольгердовны. Вел. кн. Рязанский в 1402—1427 гг. Ж.: с 1387 г. дочь вел. кн. Московского Дмитрия Ивановича Донского, вел. кн. София. † ок. 1427 г.

В 1408 году Федор был изгнан из Рязани пронским князем Иваном Владимировичем. Только вмешательство великого князя Василия I Дмитриевича заставило Ивана вернуть захваченное.

ФЕДОР РОМАНОВИЧ (кол.14)

Из рода Рязанских кн. Сын Романа Ольговича. Кн. Рязанский в 1270—1294 гг. † 1294 г.

ФЕДОР РОМАНОВИЧ (кол.15)

Из рода Белозерских кн. Сын Романа Михайловича. Кн. Белозерский в 1339—1380 гг. † 8 сент. 1380 г.

В 1380 году Федор участвовал в Куликовской битве, где и погиб вместе со своим сыном.

СВ. ФЕДОР РОСТИСЛАВИЧ Черный (кол.13)

Из рода Смоленских кн. Родоначальник Ярославских князей (старшей ветви). Сын Ростислава Мстиславича. Кн. Можайский в 1260—1297 гг. Кн. Ярославский в 1261—1299 гг. Кн. Смоленский в 1280—1297 гг. Ж.: 1) с 1261 г. дочь кн. Ярославского Василия Всеволодовича, кн. Мария; 2) дочь хана Ногай, кн. Анна. † 19 сент. 1299 г.

По словам летописца, после смерти отца братья Глеб и Михаил обидели Федора, дав ему один Можайск. Но Федору удалось поправить дела удачной женитьбой. В 1261 году вдова ярославского князя Василия Всеволодовича княгиня Ксения выбрала Федора в мужа своей дочери Марии. В приданое за женой Федор получил Ярославское княжество. От первой жены Федор имел сына Михаила; во время его отсутствия (Федор уехал по делам в Орду) жена его умерла, теща с боярами провозгласила князем молодого Михаила и не пустила в город Федора, когда он приехал из Орды. Федор отправился назад в Орду, там женился на ханской дочери, прижил с нею сыновей — Давыда и Константина — и, услышав о смерти старшего сына Михаила, возвратился в Ярославль, где утвердился с ханской помощью. В 1279 году, по смерти братьев, Федор объединил под своей властью Смоленское и Ярославское княжества.

В 1292 году Федор вместе с пятью другими князьями ездил в Орду жаловаться на великого князя Дмитрия Александровича. Хан Тохта, выслушав жалобы князей, отправил на Русь большое войско. Дмитрий, узнав об этом, бежал, а Андрей Александрович Городненский вместе с Федором взяли Владимир, разграбили Богородическую церковь, потом взяли 14 других городов и опустошили всю землю. После этого Федор захватил Переяславль-Залесский, отчину Дмитрия. Но вскоре братья Андрей и Дмитрий помирились. Федор вынужден был уступить последнему Переяславль и с досады сжег этот город. На западе Федор также не смог удержать свою власть: племянник его от старшего бра-

Князь Федор. Роспись Архангельского собора Московского Кремля .XVII в.

та, Александр Глебович, овладел Смоленском. В 1298 году Федор с большим войском пошел на Александра, долго стоял под Смоленском и бился крепко, но взять города не смог и возвратился в Ярославль без успеха.

Погребен в Ярославской церкви св. Спаса.

ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ (кол.16)

Из рода Микулинских кн. Сын Федора Михайловича и боярской дочери Анны Федоровны. Кн. Микулинский в 1435—1455 гг. † ок. 1455 г.

когда и по каким причинам он лишился своего удела, который перешел к его троюродному брату Ивану Васильевичу Горбатову. При Иване III Федор уже находился на службе у московского князя.

ФЕДОР ЮРЬЕВИЧ (кол.17)

Из рода Одоевских кн. Родоначальник *Воротынских князей*. Сын Юрия Романовича. Кн. Воротынский. Ж.: дочь кн. Новгород-Северского Корибута Ольгердовича, кн. Мария.

Федор поселился в построенном им селении Воротынец, отчего и получил свое прозвание.

ФЕДОР ЮРЬЕВИЧ Шуйский (кол.17)

Из рода Суздальских и Нижегородских вел. кн. Сын Юрия Васильевича. Кн. Шуйский и Суздальский в пер. пол. XV в. † 1476 г.

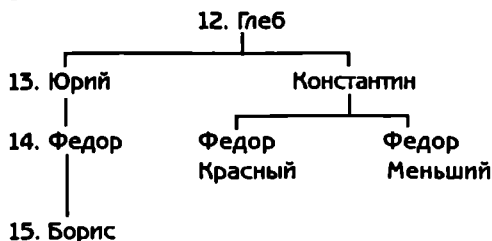
Федор во времена Василия II Васильевича Темного владел Суздалем вместе со своим братом Василием. Неизвестно,

ФОМИНСКИЕ КНЯЗЬЯ

Княжеский род, ветвь *Смоленских князей*. Основан Глебом Константиновичем.

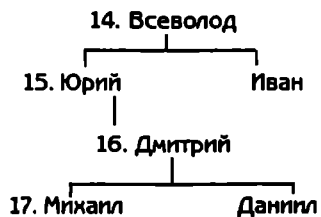
Можно предположить, что потомки Глеба оставались владельческими князьями Фоминскими на протяжении четырех поколений вплоть до князя Бориса Федоровича. Федор Федорович Красный княжил в Козловске, а его брат — Федор Меньший — был первым и единственным князем Ржевским.

Х

ХОЛМСКИЕ КНЯЗЬЯ

Княжеский род, ветвь *Тверских великих князей*. Основан Всеволодом Александровичем.

ЧЕРНИГОВСКИЕ КНЯЗЬЯ

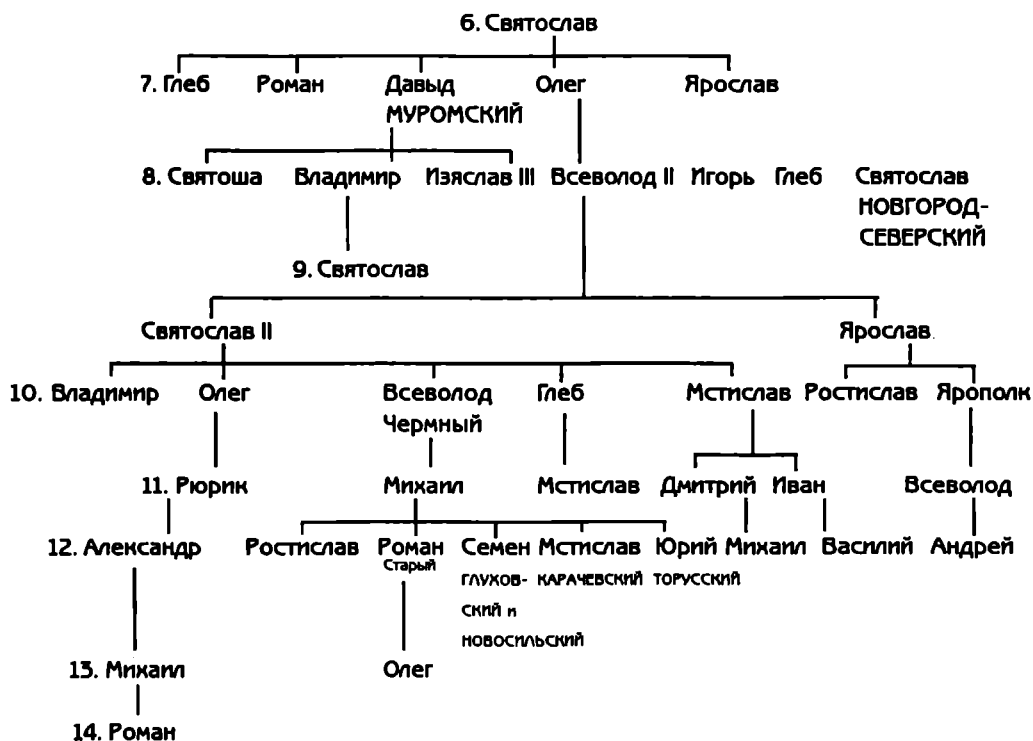
Княжеский род, ветвь Рюриковичей.

Основан Святославом Ярославичем.

От Черниговских князей произошли:

- 1) Глуховские и Новосильские князья;
- 2) Карачевские князья;
- 3) Торусские князья;
- 4) Новгород-Северские князья;
- 5) Муромские князья.

III

ШВАРН ДАНИИЛОВИЧ (кол.13)

Из рода Галицких князей и королей. Сын Даниила Романовича и Торусской кн. Анны Мстиславны. Король Галицкий в 1264—1269 гг. Ж.: с 1255 г. дочь кн. Литовского Миндовга. † 1269 г.

В 1253 году, после упорной борьбы с Даниилом Романовичем Галицким, литовский князь Миндовг прислал к нему с предложением мира и руки своей дочери для Шварна. Даниил сначала не был склонен мириться, но в 1255 году приехал в Холм сын Миндовга Войшелк и предложил такие выгодные условия, что нельзя было не принять их: Шварн женился на литовской княжне, а его старший брат Роман получал Новогрудок, Сло-

ним и Волковыйск под свое управление. Когда в 1263 году Миндовг был убит Довмонтом, Шварн помог Войшелку утвердиться у власти в Литве. Вместе с Шварном, приведшим в Литву сильное войско, Войшелк пошел на своих врагов, захватил их города, а самих перебил.

По смерти Даниила Галицкое королевство, минуя старших сыновей, перешло Шварну, который, как кажется, был у Даниила любимым сыном. Вскоре после этого Шварн потерпел сильное поражение от краковского князя Болеслава. Он не послушал советов дяди Василька, не дождался волынских полков и ударил один на соединенных врагов. Более удачлив был Шварн в Литве. В 1268 году Войшелк ушел в монастырь, отдав литовское княжение зятю. Впрочем, власть Шварна над Литвой продолжалась недолго — в том же году он скончался и был погребен в Холме, в храме св. Богородицы.

ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (кол.15)

Из рода Ростовских кн. Сын Александра Константиновича. Кн. Углицкий в 1302—1320 гг. Кн. Ростовский в 1316—1320 гг. † 1320 г.

ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (кол.17)

Из рода Тверских вел. кн. Сын Александра Ивановича и кн. Моложской. Род. ок. 1399 г. Вел. кн. Тверской в 1425—1426 гг. † 23 апр. 1426 г.

ЮРИЙ АНДРЕЕВИЧ (кол.10)

Из рода Владимиро-Суздальских вел. кн. Сын Андрея Юрьевича Боголюбского и боярыни Улиты Степановны Кучковой. Кн. Новгородский в 1173—1175 гг. Ж.: грузинская царица Тамара.

В 1176 году Юрий с владимирцами встретил в Москве приехавшего из Чернигова Михаила Юрьевича и вместе с ним разбил ростовцев в сражении у Загорья. Михаил сел княжить во Владимире, но некоторое время спустя умер. Его брат Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, едва сев на Владимирском престоле, выгнал из города Юрия, опасаясь, видимо, найти в его лице соперника.

Более в русских летописях о Юрии ничего не сообщается, но в грузинских хрониках есть любопытный рассказ о его дальнейшей судьбе. Когда искали жениха для знаменитой грузинской царицы Тамары, то явился Абулазин, эмир Тифлисский, и сказал: "Я знаю сына государя Русского, великого князя Андрея, которому повинуются 300 царей в тех странах; потерявши отца в молодых летах, этот князь был изгнан дядею своим Всеволодом, убежал и находится теперь у Святослава Черниговского". (Такое толкование дает это-

му месту Соловьев.) Юрий явился в Грузию, духовенство и вельможи упростили Тамару как можно скорее обвенчаться с ним. Юрий храбро воевал с врагами своего нового отечества. Но вскоре Тамара узнала о противоестественных влечениях своего супруга. Она долго терпела, долго увещевала Юрия исправиться и сама, и через монахов, но наконец решилась развестись с ним, и Юрий был отправлен в Константинополь с большим, впрочем, богатством. Некоторое время спустя Юрий опять явился в Грузию, многие начальники городов поддержали его, и сын Боголюбского был возведен на престол грузинских царей. Тамара, однако, не отчаивалась, она собрала верных себе вельмож и с их помощью победила Юрия, который опять должен был оставить Грузию, возвратился еще раз и снова потерпел поражение. Куда он делся после этого — неизвестно.

ЮРИЙ АНДРЕЕВИЧ (кол.12)

Из рода Суздальских и Нижегородских вел. кн. Сын Андрея II Ярославича и галицкой королевны Устинии Даниловны. Вел. кн. Суздальский в 1264—1279 гг. † 8 марта 1279 г.

ЮРИЙ АНДРЕЕВИЧ (кол.16)

Из рода Галицких князей и королей. Сын Андрея Юрьевича. Король Галицкий и кн. Владимир Волынский. † ок. 1336 г.

Со смертью Юрия пресекался род князей и королей Галицких, и власть перешла к двоюродному брату Юрия — Болеславу Мазовецкому. После того как последний был отравлен в 1340 году, Галич был завоеван польским королем Казимиром.

ЮРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (кол.16)

Из рода Белозерских кн. Сын Василия Романовича. Кн. Белозерский с 1380 г. До 1389 г. Юрий продал оставшуюся у него часть Белозерс-

кого княжества с городом Белоозеро Дмитрию Донскому.

ЮРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (кол.16)

Из рода Суздальских и Нижегородских вел. кн. Сын Василия Дмитриевича Кирдяпы. Кн. Шуйский в 1-й пол. XV в.

ЮРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (кол.18)

Из рода Московских вел. кн. Сын Василия II Васильевича Темного и кн. Малопрославской Марии Ярославовны. Род. 22 янв. 1441 г. Кн. Дмитровский в 1462—1473 гг. † 12 сент. 1473 г.

После того как отец Юрия Василий II был в 1446 году низложен с великого княжения, Юрий вместе с братом Иваном некоторое время скрывался в Муроме. Затем Дмитрий Шемяка хитростью выманил их в Москву и заточил в Угличе.

В 1469 году Иван III послал под Казань братьев Юрия и Андрея Большого вместе с молодым князем Василием Михайловичем Верейским и со всей силой московской и устюжской. 1 сентября Юрий пришел к Казани; татары выехали наружу, но, побившись немного, бежали в город и затворились в нем; русские же окружили острог и перекрыли воду. Тогда хан Ибрагим, видя себя в большой беде, начал посылать с просьбою о мире и бил челом на всей воле великого князя. Неизвестно, в чем состояла эта воля, известно только, что хан выдал всех пленников, взятых за 40 лет, а в 1472 году водил рати к Алексею против хана ордынского Ахмата. По смерти Юрия великий князь присоединил Дмитровский удел к Москве. Погребен Юрий в Архангельском соборе в Москве.

ЮРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (кол.20)

Из рода Московских вел. кн. Сын Василия III Ивановича и кн. Елены Васильевны Глинской. Род. 30 окт. 1534 г. Кн. Углицкий. Ж.: с 3 ноября 1547 г. кн. Иулиания Дмитриевна Палецкая († 1569 г.). † 25 ноября 1564 г.

Будучи слабоумным, Юрий не мог самостоятельно управлять своим уделом. За него это делали родственники его жены, князья Палецкие. Погребен Юрий в Архангельском соборе в Москве. Жена его позже казнена Грозным.

ЮРИЙ I ВЛАДИМИРОВИЧ Долгорукий (кол.8)

Из рода Рюриковичей. Родоначальник *Владимира-Суздальских великих князей*. Сын Владимира Всеволодовича Мономаха. Род. ок. 1091 г. Кн. Ростовский и Суздальский в 1096—1149 гг. Кн. Переяславский в 1135 г. Вел. кн. Киевский в 1149—1151, 1155—1157 гг. Ж.: 1) с 1108 г. дочь хана половецкого Аепы Осеневича; 2) дочь или сестра императора Византийского Мануила I Комнина, царевна Ольга († 14 июня 1182 г.). † 15 мая 1157 г.

Князь Юрий Долгорукий. Портрет из "Титулярника"

В 1132 году, сев на киевский стол, Ярополк II Владимирович перевел в обход бра-

тьев в Переяславль своего племянника Всеволода Мстиславича. Тогда Юрий съехался с братом Андреем, и они сказали друг другу: "Брат Ярополк хочет по смерти своей дать Киев Всеволоду" — и поспешили предупредить последнего. Юрий выгнал Всеволода из Переяславля, но сидел здесь не более восьми дней, так как Ярополк послал в Переяславль другого своего племянника, Изяслава Мстиславича. В 1135 году Юрий выпросил-таки у Ярополка Переяславль, незадолго до этого брошенный другим их братом, Вячеславом, отдав взамен великому князю свою Ростовскую область. В том же году Юрий ходил вместе с братом к Чернигову, но дело не дошло до сражения. Помирившись с племянниками и Всеволодом Ольговичем Черниговским, Юрий взял обратно свой Ростов, а Переяславль отдал Андрею Владимировичу.

В 1146 году умер киевский князь Всеволод Ольгович. Затем Изяслав Мстиславич захватил Киев и пленил княжившего там Игоря Ольговича. Брат последнего, Святослав, гонимый со всех сторон, послал к Юрию просить о помощи. Юрий отпустил к Святославу своего сына Ивана. В 1147 году Юрий приехал в Москву на встречу со Святославом Ольговичем. Князья уговорились действовать совместно против Изяслава Мстиславича. Но война началась только летом 1149 года, когда Изяслав повоевал Ростовские земли и в Суздаль прискакал изгнанный с юга Изяславом Ростислав Юрьевич, который сказал отцу: "Я слышал, что хочет тебя вся Русская земля и черные клобуки; жалуются, что Изяслав их обесчестил, ступай на него". Юрий собрал всю свою силу, нанял половцев и выступил в поход на племянника. На юге присоединились к Юрию Святослав Ольгович и множество половцев. С этими силами Юрий подступил к Переяславлю, дожидаясь, когда Изяслав пришлет к нему с поклоном. Но Изяслав перешел через Днепр и решился на бой с дядей. На рассвете 23 августа началась

злая сеча, Изяславовы воины не выдержали и побежали. Юрий вошел в Переяславль, пробыл здесь три дня и отправился к Киеву. Изяслав уехал из Киева, не дожидаясь его. Юрий въехал в город, где множество народа вышло ему навстречу с великой радостью, и сел на столе своего отца.

После победы Юрий начал было улаживать с племянником; но дело остановилось за тем, что Изяслав непременно хотел возвращения всех даней новгородцам, на что Юрий никак не соглашался; особенно уговаривал его не мириться Юрий Ярославич, правнук Изяслава Ярославича. Поддавшись на его уговоры, Юрий сказал: "Прогоню Изяслава, возьму его волость", — и двинулся вместе с братом Вячеславом и сыновьями к Луцку. Здесь князья простояли шесть недель и наконец помирились: Изяслав уступил Юрию Киев, а он возвратил ему все дани новгородские. Переговоры продолжились в Пересопнице, и здесь уговорились возвратить друг другу все захваченное после переяславской битвы, как у князей, так и у бояр их. После этого Юрий возвратился в Киев и хотел было отдать этот город старшему брату Вячеславу, но бояре отговорили его.

В 1150 году Изяслав отправил в Киев своих бояр и тиунов, чтобы те возвратили имущество и стада, захваченные Юрием в ходе недавней войны. Однако Юрий ничего им не отдал. Изяслав послал к дядьям с жалобой, те не ответили, и Изяслав пошел на Киев войной. Юрий ничего не знал о движении Изяслава, а когда услышал, что тот уже у черных клобуков, побежал из Киева, переправился через Днепр и сел в Городке Остерском. Сюда пришли к нему на помощь Давыдовичи и Ольговичи, а с запада явился его сват Владимирко Володарович Галицкий. Узнав об этих приготовлениях, Изяслав Мстиславич поспешил отдать Киев дяде Вячеславу и отныне обещал во всем исполнять его волю. Но и после этого киевляне не хотели биться за него. Юрий со всеми черниговцами

явился к Киеву, и тут же множество киевлян в лодках переплыло к нему, а другие стали перевозить его дружину на эту сторону. Видя это, Вячеслав и Изяслав Мстиславич выехали из города каждый в свою волость, и Юрий снова сел в Киеве.

Хотя военные действия этим летом не продолжались, князья так и не заключили мир. Зимой Изяслав, собравшись с силой, пошел к Киеву. Юрий опять ничего не знал о его движении, как вдруг прибежал из Белгорода его сын Борис с вестью, что идет рать. Юрий был в это время на Красном дворе, в испуге он не знал что делать, сел в лодку, переплыл на другой берег и укрылся в Городке, а киевляне вышли с радостью навстречу Изяславу. Есть очень вероятное известие, что Юрий поведением своим возбудил в них сильное негодование, рассердил и черных клобуков, которые вместе с киевлянами стали звать к себе Мстиславича. Как и в прошлый раз, Изяслав отдал Киев дяде Вячеславу.

Юрий тем временем послал сказать Давыдовичам и Ольговичам Черниговским: "Изяслав уже в Киеве, ступайте ко мне на помощь". Святослав Ольгович и Владимир Давыдович выступили и приплыли в Городок к Юрию. Вместе с этими союзниками Юрий выступил из Городка и стал у Днепра, при устье речки Радуня, куда пришло к нему на помощь много диких половцев. На этот раз Изяслав был осторожен, не дал неприятельскому войску переправиться через Днепр, и поэтому с обеих сторон начали биться в лодках, от Киева до устья Десны. В этой речной битве Юрий не имел успеха и поэтому решил идти к Витичевскому броду. Но Изяслав с союзниками шел рядом по западному берегу Днепра, лодки же его плыли по реке, так что когда войско Юрия достигло Витичевского брода, то уже там стояла киевская рать, и опять началась битва за переправу. Тогда Юрий предложил захватить еще более отдаленный от Киева Зарубский брод. Все согласились и отпустили к броду сыновей Юрия вместе со Святославом Всеволодовичем. Они

неожиданно захватили переправу и послали за Юрием. Юрий немедленно пошел к Зарубу и также переправился.

Узнав об этом, Изяслав отступил к Киеву. Юрий повернул полки и пошел навстречу свату Владимирку Галицкому, а Изяслав следом. У реки Рута Изяслав настиг Юрия; мирные переговоры, начатые было снова, остались тщетны, потому что Ольговичи и половцы не дали Юрию мириться. Началась злая сеча, и тут Юрьевы половцы, не выпустив даже ни одной стрелы из колчанов, ударились в бегство, за ними побежал Святослав Ольгович, а следом Юрий с детьми; много дружины их было побито, взято в плен, потонуло в топком Руте. С остатками войска Юрий переехал Днепр у Треполя и остановился в Переяславле. Изяслав подступил к Переяславлю. Князья бились два дня, на третий день осаждавшие ворвались в город и зажгли предместья. Тогда Вячеслав с Изяславом послали сказать Юрию: "Кланемся тебе; иди в Суздаль, а сына посади здесь, в Переяславле; с тобою не можем быть здесь, приведешь на нас опять половцев". Юрий в это время не мог ждать скоро ниоткуда помощи и потому послал сказать брату и племяннику: "Пойду в Городок и, побыв там, пойду в Суздаль"; те велели отвечать, что Юрий может оставаться в Городке месяц, а потом должен идти в Суздаль; если же не пойдет, то они осадят его в Городке точно так же, как теперь в Переяславле. Юрию нечего было делать, неволею целовал крест с сыновьями, что пойдет через месяц в Суздаль и не будет искать Киева под Вячеславом и Изяславом. Оставив в Переяславле сына Глеба, он пошел в Городок. Надежда, однако, не покидала Юрия, и он никак не мог окончательно уйти из Южной Руси. Спустя месяц Изяслав с союзниками, как и обещал, пришел осаждать Юрия в Городке. Юрий долго отбивался, наконец стало ему тяжело, помощи не было ниоткуда; он должен был целовать крест, что уйдет в Суздаль, и на этот раз действительно ушел.

В 1152 году Изяслав захватил Городок и сжег его дотла вместе с Михайловской церковью. Услыхав об этом, Юрий вздохнул от сердца, по выражению летописца, и начал собирать войско. Союзнику своему Святославу Ольговичу он послал сказать: "Они мой Городец пожгли и церковь, так я им отожду за это" — и двинулся прямо к Чернигову. (Новый Черниговский князь Изяслав Давыдович со времени Рутской битвы был неизменным союзником Изяслава Мстиславича.) Юрьевы половцы бросились к городу, разломали острог, зажгли все предместья и начали биться с черниговцами, которые держались крепко. Через две недели пришло известие, что Изяслав Мстиславич спешит на помощь своему тезке к Чернигову. Половцы испугались и стали отъезжать в степь. Юрий и Святослав Ольгович принуждены были также отступить. Юрий пошел в Новгород Северский, а оттуда — к Суздалью.

В 1154 году Юрий опять собрался в Южную Русь, но по дороге в его войске открылся сильный конский падеж. Юрий отпустил сына Глеба с половцами в степь, а сам возвратился в Суздаль. Вскоре один за другим умерли Изяслав Мстиславич и Вячеслав Владимирович. В Киеве некоторое время сидел Ростислав Мстиславич Смоленский, но его выгнал Изяслав Давыдович Черниговский. Сев в Киеве, он отдал Переяславль Глебу Юрьевичу. Но Юрия Долгорукого нельзя было удовлетворить одним Переяславлем: только услышал он о смерти Изяслава Мстиславича, как сразу выступил в поход, подошел к Смоленску, помирился с Ростиславом и поспешил к Киеву. Изяславу Давыдовичу он послал сказать: "Мне отчина Киев, а не тебе". Изяслав вынужден был уехать обратно в Чернигов, а Юрий во второй раз сел на великокняжеский стол.

В 1157 году Юрий пошел на сына Изяслава Мстиславича, Мстислава, осадил его во Владимире-Волынском, стоял десять дней, но ушел, так ничего и не добившись. Возвратившись в Киев, Юрий 10 мая

1157 года пировал у Осмянника Петрилы, в ночь занемог, а через пять дней умер. В день похорон (16 мая) случилось много зла, говорит летописец: киевляне разграбили двор Юрьев и другой его двор за Днепром, который он сам звал "раем", также двор его сына Василька в городе, перебили суздальцев по городам и селам, а имущество их разграбили. Все это показывает, что Юрий пришелся очень не по нраву южному народонаселению, так как был князем властным и лишенным всякого великодушия (за что очень любили Изяслава Мстиславича). Даже тело Юрьеву киевляне не разрешили похоронить рядом с телом его отца Мономаха, и Юрий был погребен в Берестовской обители Спаса. Гораздо приветливее относились к Юрию на севере, где он заслужил добрую память основанием многих городов и устройством церквей. Обустройству Ростовской земли он посвятил лучшие годы жизни. Им основаны были такие знаменитые в дальнейшем города, как Москва, Юрьев Польский, Переяславль-Залесский, Дмитров, при нем вырос и укреп Владимир-на-Клязьме.

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ (кол.10)

Из рода Муромских кн. Сын Владимира Святославича. † 1176 г.

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ (кол.12)

Из рода Туровских и Пинских кн. Сын Владимира Глебовича. † 1292 г.

По свидетельству Ипатьевской летописи, Юрий был князь кроткий и правдивый. С известия о смерти Юрия Владимировича прекращаются летописные известия о князьях Туровских. В первой половине XIV века Турово-Пинская земля присоединена была к Литовскому княжеству.

ЮРИЙ II ВСЕВОЛОДОВИЧ (кол.10)

Из рода Владимиро-Суздальских вел. кн. Сын Всеволода III Юрьевича Большое Гнездо и чешской королевны Марии Шварновны. Род. в 1189 г. Вел. кн. Владимирский в 1212—1216, 1218—1238 гг. Кн. Суздальский в 1217 г. Ж.: 1) неизвестная; 2) с 10 апр. 1211 г. дочь кн. Черниговского Всеволода Святославича Чермного, кн. Агафия († 7 февр. 1238 г.). † 4 марта 1238 г.

В 1212 году, чувствуя приближение смерти, Всеволод Юрьевич Большое Гнездо хотел посадить старшего сына Константина во Владимире, а Юрию дать Ростов. Но Константину непременно хотелось получить оба эти города. Всеволод рассердился и отдал старшинство после себя Юрию, минуя Константина. Константин не мог спокойно перенести потерю старшинства: в 1213 и 1214 годах братья собирались воевать друг с другом, но дело каждый раз кончалось стоянием на реке Ишне. За Константина выступали братья Владимир и Святослав, а Ярослав был союзником Юрия. Только в 1216 году Константину удалось получить владимирский стол, да и то при помощи смоленских князей. Причиной войны был Ярослав Всеволодович, который поссорился с Мстиславом Мстиславичем Удалым из-за новгородских дел. Мстислав с союзными князьями, со смолянами, новгородцами и псковичами вторгся в Суздальскую землю и соединился с Константином близ Юрьева на Липице. Все младшие Всеволодовичи выступили союзниками Ярослава. За него же была вся Суздальская и Муромская земля. Когда Мстислав увидел полки Ярославовы и Юрьевы, то послал сказать Юрию: "У нас с тобою нет ссоры, ссора у нас с Ярославом". Юрий же отвечал: "Мы с братом Ярославом — все равно что один человек". Мстислав, увидев, что владимирцы заняли Авзову гору, предлагал им отойти на ровное место. Юрий отвечал: "Вы прошли через всю землю, так неужто этой дебри не пройдете?" Всеволодовичи поднялись на свои укреп-

ления: они обвели свой стан плетнем и кольями. Штурмовать эту гору было опасно, и Мстислав, посоветовавшись с союзниками, решил идти прямо на Владимир. Юрий, увидев, что враги уходят, спустил своих воинов с горы, чтобы преследовать их, но те развернулись и напали на них. Новгородцы, злые на Ярослава, ударили на него с такой яростью и криком, что переяславцы и тверичи не выдержали. За ними побежали и суздальцы с владимирцами. Победители гнались за ними и перебили до десяти тысяч человек. Множество людей утонуло в реке.

Сам Юрий прискакал во Владимир на четвертом коне, загнав трех до смерти, в одной сорочке; это случилось около полудня, а схватка была в обеденную пору. Во Владимире оставался один безоружный народ: попы, монахи, жены да дети; видя издали, что кто-то скачет к ним на коне, они обрадовались, думая, что это вестник от князя с победою. "Наши одолевают", — говорили они. И вдруг приезжает один князь, начинает ездить около города, кричит: "Укрепляйте стены!" Все смутились, вместо веселья поднялся плач; к вечеру и в ночь стали прибегать и простые люди: кто раненый, кто нагой. На следующее утро Юрий созвал народ и стал говорить: "Братья владимирцы! Затворимся в городе, авось отобьемся от них". Ему отвечали: "Князь Юрий! С кем нам затвориться? Братья наши избиты, другие взяты в плен, остальные пришли без оружия, с кем нам стать?" Юрий сказал: "Все это я сам знаю, только не выдавайте меня брату Константину и Ростиславичам, чтобы мне можно было выйти по своей воле из города". Это владимирцы ему обещали.

Мстислав с Константином не заставили себя ждать; приступили к Владимиру и стали искать место для штурма. Тогда Юрий обратился к осаждающим князьям с челобитием: "Не приступайте сегодня, а завтра сам выведу из города". И точно, на другой день рано утром он выехал из города, поклонился князьям Мстиславу и

Владимиру Рюриковичу и сказал: "Братья! Вам челом бую, а брат мой Константин в вашей воле". Юрий дал им богатые дары; те помирились с ним, помирили его и с братом Константином, который взял себе Владимир, а Юрий должен был удовлетвориться Радиловым Городцом на Волге; владыка, княгиня и весь двор его сели немедленно в лодки и поплыли вниз по Клязьме, а сам князь Юрий, зайдя перед отъездом в соборную церковь, стал на колени у отцовского гроба и со слезами сказал: "Суди, Бог, брата моего Ярослава, что довел меня до этого".

Уже в 1217 году Константин вызвал к себе Юрия из ссылки, дал ему Суздаль, обещал и Владимир после своей смерти, много дарил и заставил целовать крест на том, чтобы быть отцом для племянников — сыновей Константина. 2 февраля 1218 года Константин умер, и Юрий, согласно его завещанию, вернулся княжить во Владимир.

В 1236 году 300 000 татар под начальством Батыя вошли в землю Болгарскую, сожгли славный город Великий, истребили всех жителей, опустошили всю землю: толпы болгар, избежавших истребления и плена, явились в русские пределы и просили князя Юрия дать им здесь место для поселения. Юрий обрадовался и повелел развести их по городам поволжским и другим. В следующем году татары появились в Рязанских пределах. Рязанские князья послали во Владимир к князю Юрию объявить о беде и просить помощи, но Юрий, к которому тоже явились татарские послы, не исполнил их просьбы и хотел обороняться один. 21 декабря 1237 года татары взяли Рязань, а потом и Коломну, где вместе с рязанским князем Романом Ингваревичем находился сын Юрия, Всеволод. Всеволоду удалось бежать к отцу во Владимир, и из его рассказов Юрий впервые понял, с каким грозным и страшным врагом приходится иметь дело. Тем временем Батый уже взял Москву и перебил всех ее жителей. Юрий, не надеясь уже

на свои силы, оставил во Владимире сыновей Всеволода и Мстислава и поехал с тремя племянниками Константиновичами на Волгу, где встал на реке Сити. Оставив здесь воеводу Жирослава Михайловича, он отправился по окрестным лесам собирать ратных людей и послал звать на помощь братьев — Ярослава и Святослава.

Но Батый действовал столь стремительно, что русские князья не успели объединить свои силы. 2 февраля татары осадили Владимир, а уже 7-го взяли его, истребив всех его жителей, в том числе и всю Юрьеву семью. Из Владимира татары пошли дальше, разделившись на несколько отрядов: одни отправились к Ростову и Ярославлю, другие на Волгу и на Городец, захватив всю Поволжскую страну до самого Галича Мерского; иные пошли к Переяславлю, взяли его, взяли другие города: Юрьев, Дмитров, Волоколамск, Тверь; дошли до самого Торжка. Не осталось ни одного места, где бы не воевали, в один февраль месяц взяли четырнадцать городов кроме слобод и погостов.

Юрий все стоял на Сити, когда пришла к нему весть о сожжении Владимира и гибели семейства; он послал воеводу Дорожа с трехтысячным отрядом разузнать о неприятеле; Дорож прибежал назад и объявил, что татары уже обошли русское войско кругом. Тогда князь сел на коня и вместе с братом Святославом и тремя Константиновичами выступил против врагов 4 марта 1238 года; после злой сечи русские полки побежали перед татарами. Множество русских погибло. Сам Юрий тоже был убит.

ЮРИЙ ВСЕВОЛОДОВИЧ (кол.15)

Из рода Холмских кн. Сын Всеволода Александровича. Кн. Холмский в 1366—1408 гг.
† 1408 г.

В 1403 году Юрий бежал в Москву, а оттуда в 1407 году поехал в Орду искать

великого княжения Тверского под своим двоюродным братом Иваном Михайловичем. Последний, узнав об этом, также отправился в Орду судиться с Юрием. Ордынские князья взяли сторону Ивана и с честью отпустили его в Тверь, а Юрия задержали в Орде.

ЮРИЙ ДАВЫДОВИЧ (кол.12)

Из рода Муромских кн. Сын Давыда Юрьевича и кн. Февронии. Кн. Муромский в 1228—1237 гг. † 1237 г. Погиб в бою с татарами под Рязанью.

ЮРИЙ III ДАНИЛОВИЧ (кол.13)

Из рода вел. Московских кн. Сын Даниила Александровича. Кн. Московский в 1303—1325 гг. Вел. кн. Владимирский в 1319—1322 гг. Кн. Новгородский в 1322—1325 гг. Ж.: 1) с 1297 г. дочь кн. Ростовского Константина Борисовича; 2) с 1318 г. сестра хана Узбека, кн. Кончака († 1318 г.). † 21 ноября 1325 г.

Став московским князем, Юрий сразу показал себя человеком предприимчивым и неразборчивым в средствах. Он не только удержал в своих руках полученный его отцом по завещанию Переяславль, но и немедленно предпринял попытку еще больше расширить пределы своего княжества и придать ему большее значение. В самый год отцовской смерти Юрий с братьями отправился на другое соседнее княжество, Можайское: город взял, а князя Святослава Глебовича привел пленником в Москву.

В 1304 году умер дядя Юрия великий князь Андрей III Александрович. По прежнему обычаю старшинство принадлежало Михаилу Ярославичу Тверскому, потому что он был внуком Ярослава II Всеволодовича, а Юрий — только правнуком, и отец его Даниил не держал старшинства. Однако место родовых споров между князьями заступило теперь соперничество по праву силы: Юрий был так же силен, если

не сильнее Михаила Тверского, и потому считал себя вправе быть ему соперником. Когда Михаил отправился в Орду за ярлыком, то и Юрий поехал туда же. Когда он был во Владимире, митрополит Максим уговаривал его не ходить в Орду, не спорить с Михаилом, ставил себя и тверскую княгиню, мать Михайлову, поручителями в том, что Михаил даст ему волости, какие только он захочет. Юрий отвечал: "Я еду в Орду так, по своим делам, а вовсе не искать великого княжения". Он оставил в Москве брата Ивана, а сам поехал дальше.

Князь Юрий Данилович. Роспись Архангельского собора Московского Кремля XVII в.

Когда Юрий явился в Орду и предъявил свои претензии на владимирский стол, то князья татарские сказали ему: "Если ты дашь выходу (дани. — К. Р.) больше князя Михаила Тверского, то мы дадим тебе великое княжение". Юрий обещал дать больше Михаила, но тот надбавил еще больше; Юрий уступил, и Михаил получил ярлык.

В 1305 году Михаил возвратился из Орды и пошел войной на Москву. Чем кончилась эта война, на каких условиях помирились соперники, неизвестно. Но во всех дальнейших поступках Юрия видно какое-то нервное раздражение. Он велел задержать рязанского князя Константина Романовича, взятого в плен еще его отцом. Как видно, он мечтал удержать за собой и саму Рязань, но это было Москве пока не по силам. Юрию удалось присоединить к Москве только Коломну. В 1306 году встречается известие об отъезде братьев Юрьевых Александра и Бориса. В 1308 году Михаил опять пошел к Москве, бился под ее стенами, наделал много зла, но ушел, не взяв города.

В 1313 году, воспользовавшись тем, что Михаил поехал в Орду поклониться новому князю Узбеку, новгородцы послали звать к себе на княжение Юрия. Юрий согласился, но отправил прежде себя послом к новгородцам князя Федора Ржевского, а в 1314 году приехал сам. И рады были новгородцы своему хотению, говорит их летописец.

Но радость продолжалась недолго. В 1315 году хан прислал звать Юрия в Орду, и тот поехал вместе с послами новгородскими, оставив в Новгороде своего брата Афанасия. Прожил он в Орде два года и провел это время не даром. Он не только оправдался в тех обвинениях, что возводил на него Михаил, но сумел сблизиться с семейством хана и женился на его сестре Кончаке, которую при крещении называли Агафьей. В 1317 году Юрий возвратился на Русь с сильными татарскими послами. Главным из них был Кавгадый. Вой-

ска Юрия вошли в Тверскую волость и сильно опустошили ее. В 40 верстах от Твери при селе Бортеневе произошел жестокий бой, в котором Михаил одержал полную победу. Юрий с небольшой дружиной убежал в Новгород, но жена его, брат Борис, многие князья и бояре остались пленными в руках победителя. Кавгадый, видя торжество тверского князя, велел дружине своей бросить стяги и бежать в стан, а на другой день послал к Михаилу с мирными предложениями и поехал к нему в Тверь. Михаил принял его с честью.

Между тем Юрий явился опять к Волге вместе с новгородцами и тверичами. Тверской князь вышел к неприятелю навстречу, но битвы не было: заключили договор, по которому оба соперника обязались идти в Орду и там решать свои споры. Михаил обязался также освободить жену Юрьеву и брата. Но жена Юрьева так и не возвратилась в Москву: она умерла в Твери, и пронесся слух, что ее отравили. Этот слух был выгоден Юрию и опасен для Михаила в Орде, и когда тверской князь отправил в Москву посла Александра Марковича с мирными предложениями, то Юрий убил посла и поехал в Орду с Кавгадыем, со многими князьями, боярами и новгородцами.

Явившись к Узбеку, Кавгадый и Юрий оклеветали Михаила и представили его поведение в самом невыгодном свете. Хан был в гневе и велел звать Михаила в Орду. В сентябре 1318 года Михаил добрался к устью Дона, где в это время кочевала Орда. Полтора месяца он жил спокойно, потом Узбек велел судить его. Ордынские князья, основываясь главным образом на показаниях Кавгадыя и Юрия, признали Михаила виновным. В конце ноября он был казнен.

В 1320 году Юрий возвратился в Москву как победитель. Он вез ярлык на великое княжение и тело своего врага. Оба сына Михаила и бояре его вернулись на Русь пленниками. Стремясь до конца ис-

пользовать выгоду своего положения, Юрий вернул родным тело Михаила только после заключения выгодного для него мира с Тверью. В том же году Юрий отправил в Новгород брата Афанасия и ходил войной на рязанского князя Ивана, с которым заключил мир. А под 1321 годом встречается известие о готовности Юрия воевать с тверскими князьями. Но войны не было: князь Дмитрий Михайлович отправил к Юрию в Переяславль послов и заключил мир, по которому заплатил московскому князю 2000 рублей серебром и обязался не искать под ним великого княжения. Две тысячи рублей были взяты для хана, но Юрий не отправился с ними на встречу татарскому послу, а поехал в Новгород, куда призвали его для ратных дел.

В 1322 году в Новгороде умер брат Юрия, Афанасий, и Юрий сам переехал в Новгород. Он любил этот город, а новгородцы любили Юрия. В 1322 году Юрий с новгородцами ходил к Выборгу, приготовив 6 пороков, но взять город не смог; перебили только много шведов, а других захватили в плен. Из пленных одних перевешали, других отправили в Суздальскую землю. В ожидании мести от шведов Юрий в истоке Невы поставил город на Ореховом острове (Орешек). Но вместо рати явились послы шведские с мирными предложениями, и заключен был мир по старине. Юрий с новгородцами уступил шведам три карельских округа.

В 1323 году Юрий прогнал литву, которая сделала набег на берега Ловати, а в 1324 году водил новгородцев в Заволочье и взял Устюг. Здесь Юрий навсегда простился с новгородцами; они отправились домой, а Юрий, доехав до Камы, поплыл в Орду. Дело в том, что Дмитрий Тверской, воспользовавшись долгим отсутствием Юрия, поехал в Орду и выхлопотал себе ярлык на великое княжение. Есть известие, что он объяснил Узбеку всю неправду Юрия и особенно Кавгадыя и что хан велел казнить последнего, а Дмитрию дал великое княжение, узнав от него, что

Юрий собирает дань для хана и удерживает ее для себя. В 1324 году ханский посол явился к Юрию звать его для разбирательства. Дмитрий не хотел пускать соперника одного к хану, зная его изворотливость, и сам поспешил следом. Подробности встречи двух врагов неизвестны. Летописец сообщает только, что Дмитрий убил Юрия, а затем сам был казнен по приказу Узбека. Тело Юрия было доставлено в Москву и погребено в церкви св. Архангела Михаила.

ЮРИЙ ДМИТРИЕВИЧ (кол.16)

Из рода Московских вел. кн. Сын Дмитрия Ивановича Донского и суздальской кн. Евдокии Дмитриевны. Род. 26 ноября 1374 г. Кн. Звенигородский и Галицкий в 1389—1433 гг. Вел. кн. Московский в 1433 и 1434 гг. Ж.: с 1400 г. дочь кн. Смоленского Юрия Святославича, кн. Анастасия († 11 июля 1422 г.). † 5 июля 1434 г.

В 1419 году Василий I попробовал заключить договоры с братьями, по которым те отказывались бы от претензий на великое княжение в пользу сына Васильева, но Юрий не стал подписывать такой договор. В последующие годы Василию не удалось поколебать его упорства. Хотя он и завещал по своей смерти великое княжение сыну Василию, права последнего были очень спорны.

В ту ночь, когда Василий I скончался, митрополит Фотий послал своего боярина в Звенигород к Юрию звать того в Москву. Но Юрий не захотел признавать племянника старшим, боялся принуждения в Москве, боялся даже оставаться поблизости в Звенигороде и уехал в отдаленный Галич, откуда прислал к племяннику с угрозами и с требованием перемирия на четыре месяца. В Москве согласились на перемирие, которое было употреблено с обеих сторон на собрание войска. Бояре московские с малолетним князем опередили Юрия и пошли к Костроме с боль-

шим войском, в котором находились и остальные дядья великого князя. Это напугало Юрия. Он побежал в Нижний Новгород и сел там. Против него отправлен был его брат Константин. Юрий из Нижнего побежал за Суру и стал на одном ее

этом. Тогда Фотий рассердился и выехал из Галича, не благословив ни князя, ни города, и после его отъезда открылся мор в Галиче. Юрий испугался, погнался сам за митрополитом, нагнал его за озером и едва сумел со слезами уговорить его воз-

вратиться. Фотий приехал опять в Галич, благословил народ, и мор стал прекращаться, а Юрий обещал митрополиту послать, и действительно послал, двух бояр своих в Москву, которые заключили мир на том условии, что Юрий не будет искать великого княжения сам, но обратится за посредничеством к ордынскому хану: кому хан даст ярлык, тот и будет великим князем. В 1428 году заключен был новый договор, по которому Юрий прямо признавал себя младшим братом Василия II и обязывался не искать под ним великого княжения. Нет сомнений, что Юрий согласился на это, опасаясь деда Василия по матери — литовского князя Витовта. Но в 1430 году Витовт умер, и Юрий поспешил развязать себе руки. В 1431 году он прислал в Москву и договор и согласную грамоту, оба соперника решили ехать в Орду к хану Махмету. Весною 1432 года был суд между дядей и племянником: хан дал ярлык Василию и даже хотел заставить Юрия вести коня под племянником, но последний сам не захотел нанести дяде такого оскорбления.

Князь Юрий Дмитриевич. Роспись Архангельского собора Московского Кремля XVII в.

берегу, а Константин на другом. Постояв некоторое время, Константин возвратился в Москву. Юрий же поехал в Галич и завел переговоры с племянником, предлагая перемирие на год. Митрополит Фотий поехал к нему уговариваться о вечном мире. Юрий не хотел и слышать об

Возвратившись домой, Юрий стал готовиться к нападению на племянника. Война началась внезапно. В Москве только тогда узнали о движении Юрия, когда тот захватил с большим войском Переяславль. Василий, собрав наскоро сколько мог ратных людей и московских жителей, выступил против дяди, но со

своей малочисленной и нестройною толпой был разбит наголову в 20 верстах от Москвы сильными полками Юрьевыми (в апреле 1433 года). Он бежал в Кострому и там был захвачен в плен. Юрий въехал в Москву и стал великим князем. Василию II он отдал Коломну. Тщетно сыновья Юрия восставали против этого решения: Юрий дал прощальный пир племяннику, богато одарил его и отпустил в Коломну со всеми его боярами.

Но едва Василий прибыл в Коломну, как начал отовсюду сзывать себе людей. Юрий вскоре увидел, что оставлен всеми. Тогда он отправил к Василию звать его обратно на великое княжение, а сам поехал в Галич, сопровождаемый только пятью спутниками. Вслед за тем он опять признал племянника старшим в роду.

Однако сыновья Юрия — Василий Косой и Дмитрий Шемяка — не участвовали в этом договоре и продолжали войну. В 1434 году Василий II узнал, что галичане были в войске Юрьевичей, воевавшим против него. Это послужило причиной к разрыву мира также и с их отцом. Василий пошел к Галичу, сжег его и заставил дядю бежать. Сам он вернулся в Москву, а Юрий послал за сыновьями и за вятчанами и весной двинулся на Москву с большим войском. Он встретил Василия и другого племянника — Ивана Андреевича Можайского — в Ростовской области у св. Николы на горе и разбил их. Василий бежал в Новгород. По прошествии некоторого времени сдалась и Москва. Юрий во второй раз сел на великокняжеском столе, но вскоре после этого скоропостижно скончался. Погребен в Архангельском соборе в Москве.

ЮРИЙ ИВАНОВИЧ (кол.19)

Из рода Московских вел. кн. Сын Ивана III Васильевича и византийской царевны Софьи Фоминичны Палеолог. Род. 23 марта 1480 г. Кн. Дмитровский. † 23 марта 1536 г.

Из челобитных, дошедших до нас, известно, что Юрий был окружен в Дмитрове

шпионами, которые докладывали в Москву обо всех его шагах и думах. Известно также, что Юрий хотел отъехать в Литву, но при посредничестве Иосифа Волоцкого братья помирились. Сразу после смерти Василия III в 1534 году Юрий оказался замешанным в крамолу и вместе со своими боярами был посажен под стражу. Через два года Юрий умер в заключении от нужды и голода. Удел его присоединен был к Москве.

ЮРИЙ ИГОРЕВИЧ (кол.11)

Из рода Рязанских кн. Сын Игоря Глебовича и Агафии Ростиславны. Кн. Рязанский в 1235—1237 гг. † 1237 г.

В 1207 году Всеволод Юрьевич Большое Гнездо задержал на съезде в Москве Юрия и его брата Ингваря. В 1213 году Юрий Всеволодович отпустил тезку в отцовскую волость.

В 1237 году в Рязанскую землю вторглись татары во главе с ханом Батыем. Встав на одном из притоков Суры, Батый послал жену-чародейку (как называет ее летописец) и с нею двух мужей к князьям рязанским с требованием десятины от всего — имущества князей, простых людей, десятины от коней и т. д. Юрий с двумя племянниками, Олегом и Романом Ингваревичами, а также князя Муромский и Пронский, не подпуская татар к городам, отправились к ним навстречу к реке Воронеж и объявили так: "Когда никого из нас не останется, тогда все будет ваше". Между тем они послали во Владимир объявить князю Юрию Второму о беде и просить помощи, но Юрий не исполнил их просьбы и хотел один обороняться.

Услыхав ответ рязанских князей, татары двинулись дальше и 16 декабря осадили Рязань, а 21-го взяли приступом и сожгли, истребив жителей; князя Юрия удалось им выманить обманом из города; они повели его к Пронску, где была у него жена, выманили и ее обманом, убили обо-

их, опустошили всю землю Рязанскую и пошли к Коломне.

ЮРИЙ ЛЬВОВИЧ (кол.14)

Из рода Галицких князей и королей. Сын Льва Даниловича и венгерской королевны. Король Галицкий с 1301 г. Ж.: с 1282 г. дочь кн. Тверского Ярослава III Ярославича. † до 1316 г.

В 1288 году, узнав, что Владимир Волынский при смерти и завещал свои владения Мстиславу Даниловичу, Юрий послал сказать ему: "Бью челом Богу и тебе: дай мне, господин батюшка, Брест". Владимир, однако, отказал. В декабре 1289 года он умер. Юрий сейчас же захватил Брест, Каменец-Литовский и Бельск, всюду посадил свои гарнизоны и стал княжить в Бресте. Бояре советовали Мстиславу начать войну, но тот послал епископа к брату Льву с жалобами и угрозами, обещая навести на него татар. Лев испугался и послал сказать Юрию: "Ступай вон из города, не погуби земли: брат послал за татарами; если же не пойдешь, то я сам буду помогать брату против тебя и отрешу тебя от наследства, все отдам брату Мстиславу, если меня, отца своего, не слушаешься". Юрий выехал из Бреста с большим позором, пограбив все дома дядины, и не осталось камня на камне ни в Бресте, ни в Каменце, ни в Бельске.

Но то, чего Юрий не мог получить силой, пришло к нему само собой после смерти его родичей, так как он оказался единственным их наследником. После смерти отца в 1301 году он соединил в своих руках Галицкую, Перемышльскую, Бельзскую и Холмскую волости, все бывшие прежде отдельными княжествами. А после смерти дяди Мстислава к нему перешли также Луцкая и Владимиро-Волынская волости. Сохранилась грамота Юрия к Тевтонскому Ордену, в которой он именует себя королем Русским и князем Владимирским. К концу жизни Юрию пришлось столкнуться с возросшим могуще-

ством Литовского княжества, так как летопись Быховца сообщает о походе Гедимины на Владимир-Волынский. Этот поход закончился взятием Владимира и смертью его князя. Возможно, речь идет как раз о князе Юрии. Литовцы захватили побужские земли и ушли из Владимира, где стал править сын Юрия — Андрей.

ЮРИЙ СВЯТОСЛАВИЧ (кол.17)

Из рода Смоленских кн. Сын Святослава Ивановича. Кн. Смоленский в 1386—1392, 1401—1405 гг. Ж.: дочь вел. кн. Рязанского Олега Ивановича.

В 1386 году, после несчастной для смолян битвы под Мстиславлем, Витовт, князь литовский, посадил в Смоленске Юрия как своего данника и подручника. Вскоре в Смоленске началась сильнейшая усобица между братьями Святославичами, потому что ни один брат не хотел покориться другому. Юрий принужден был в 1392 году уехать из Смоленска к своему тестю Олегу Ивановичу в Рязань. Витовт поспешил воспользоваться этим и сначала посадил в Смоленске Глеба Святославича, а потом и вовсе, захватив в плен всех князей, сделал Смоленск своим наместничеством.

В 1399 году татары нанесли Витовту тяжелое поражение на Ворскле, после чего могущество литовцев несколько поколебалось. Юрий по-прежнему жил в Рязани. Смоленяне, которым тяжело было под литовским господством, вступили в переговоры с ним. Юрий пришел к тестю Олегу и стал говорить ему со слезами: "Пришли ко мне послы из Смоленска от доброхотов моих, говорят, что многие хотят меня видеть на отчине и дедине моей, сотвори, господин, Христову любовь, помоги, посади меня на отчине и дедине моей, на великом княжении Смоленском". В 1401 году Олег вместе с Юрием и подручными князьями отправился к Смолен-

ску. Время он улучил удобное, говорит летописец, потому что Витовт оскудел тогда людьми, а в Смоленске была крамола: одни хотели здесь Витовта, а другие (и таких было большинство) — своего отчича, старинного князя Юрия. Придя под Смоленск, Олег велел объявить жителям: "Если не отворите города и не примете господина вашего, князя Юрия, то буду стоять здесь долго и предам вас мечу и огню; выбирайте между животом и смертью". Смоляне сдались, и многие из них были рады своему князю Юрию, но другие ненавидели его. Войдя в город, Юрий начал с того, что убил Витовтова наместника, князя Романа Михайловича Брянского, и его бояр, а затем перебил и смоленских бояр, преданных Витовту.

Осенью того же года Витовт с полками подошел к Смоленску. Его сторонники в городе выступили с оружием в руках, но противники Литвы осилили, перебили много приверженцев Витовта, и литовский князь, заключив перемирие, вынужден был отступить от Смоленска. В следующие годы литовцы одержали несколько побед. В 1403 году пала Вязьма, а в 1404-м сам Витовт опять осадил Смоленск. Три месяца литовцы стояли под городом, били по городу из пушек, но взять Смоленск не смогли, а только опустошили окрестности. Юрий видел, однако, что один он не в состоянии противостоять Витовту и, взяв охранную грамоту, поехал в Москву к Василию I Дмитриевичу умолять его о помощи. Тем временем в Смоленске и Литве не теряли времени: бояре смоленские, доброжелательствующие Витовту, послали сказать ему, чтоб шел как можно скорее к их городу, прежде чем придет Юрий с московскою помощью. Витовт явился, и бояре отдали ему город вместе с женою Юрьевой. Витовт отослал княгиню в Литву вместе с некоторыми боярами, других бояр, своих главных противников, казнил смертью, посадил в городе своих наместников, а жителям дал большие льготы, надеясь отвлечь их тем от князя Юрия.

Юрий уехал в Новгород, где жители приняли его и дали 13 городов. Юрий и новгородцы целовали друг другу крест — не разлучаться и стоять друг за друга против литовцев. Лишившись своей волости, Юрий жил в Торжке. Здесь же нашел приют изгнанный вместе с ним князь Семён Михайлович Вяземский. Юрий влюбился в жену Вяземского, Ульяну, и, не находя в ней взаимности, убил ее мужа, чтобы воспользоваться беззащитностью жены. Он пытался силой овладеть Ульяной. Но та схватила нож, начала защищаться, не попав в горло насильнику, ранила его в руку и бросилась бежать. Юрий догнал ее на дворе, изрубил мечом и приказал бросить в реку.

Несмотря на грубость тогдашних нравов, преступление Юрия привело современников в ужас. Летописец пишет: "И бысть ему в грех и в студ велик и с того побеже к Орде, не терпя горького своего безвременья, срама и бесчестья". Юрий умер в Рязанской земле, где жил у пустынника Петра, каюсь в своих грехах.

ЮРИЙ ФЕДОРОВИЧ (кол.21)

Из рода Пронских кн. Сын Федора Ивановича. До 1483 г. перешел в подданство Литвы, после чего Пронское княжество было присоединено к Рязани.

ЮРИЙ ЯРОСЛАВИЧ (кол.8)

Из рода Муромских кн. Сын Ярослава Святославича. Кн. Муромский в 1129—1143 гг. † 1143 г.

ЮРИЙ ЯРОСЛАВИЧ (кол.9)

Из рода Рюриковичей. Родоначальник Туровских и Пинских князей. Сын Ярослава Святославича и дочери Мстислава I Владимировича. Кн. Туровский в 1157—1167 гг. Ж.: с 1144 г. дочь кн. Горodenского Всеволода Давыдовича.

В 1157 году Юрий Долгорукий отдал Юрию Ярославичу его старинную отчизну

Туров. Изяслав Давыдович, сев в Киеве по смерти Долгорукого, хотел в том же году выгнать Юрия из Турова и ходил на него со многими князьями. Но Юрий крепко бился из города, а Изяславу послал сказать так: "Брат! Прими меня к себе с любовью!" Изяслав не соглашался, хотел непременно взять Туров и Пинск, но, простояв у этих городов десять недель понапрасну, принужден был отступить, потому что в войске начался конский падеж. В 1161 году Мстислав Изяславич с братом Ярославом и другими князьями ходили вновь на Туров, но ничего не добились. В 1162 году великий князь Ростислав Мстиславич помирился с Юрием, признав за ним и за его потомством Туровскую волость.

ЮРИЙ ЯРОСЛАВИЧ

Из рода Муромских кн. Кн. Муромский в 1345—1354 гг.

О Юрии известно, что он наследовал какому-то князю Василию, умершему в 1345 году. Юрий обновил свою отчину Муром, запустевшую со времени татарского нашествия. Он поставил двор свой в этом городе. Его примеру последовали

бояре, вельможи, купцы и черные люди. В 1354 году какой-то Федор Глебович, собрав большое войско, пошел к Мурому на Юрия, выгнал его и сам сел на его место. Муромцы были рады Федору и пошли вместе с ним в Орду. Но спустя неделю после их отъезда Юрий вернулся, собрал остальных муромских жителей и также пошел в Орду судиться с Федором. По ханскому суду Муромское княжество досталось Федору Глебовичу. Юрий был выдан сопернику, который посадил его в крепкую темницу и истощением довел до смерти.

Дальнейшая родословная Муромских князей неизвестна. К 1390 году Муром уже был в составе Нижегородского княжества.

ЮРЬЕВ-ПОЛЬСКИЕ КНЯЗЬЯ

Княжеский род, ветвь *Владимиристо-Суздальских великих князей*. Основан Святославом III Всеволодовичем.

10. Святослав III

11. Дмитрий

12. Ярослав

13. Иван

ЯН АНДРЕЕВИЧ (кол.18)

Из рода Ростовских-Борисоглебских кн.
Сын Андрея Александровича. † до 1474 г.

ЯРОПОЛК II ВЛАДИМИРОВИЧ (кол.8)

Сын Владимира Всеволодовича Мономаха и английской королевны Гиды Гарольдовны. Род. ок. 1082 г. Кн. Переяславский в 1114—1132 гг. Вел. кн. Киевский в 1132—1139 гг. Ж.: с 1116 г. ясыня Елена. † 18 февр. 1139 г.

Сев в Переяславле, Ярополк должен был оборонять Русскую землю от половцев. И действительно, в летописях сообщается, что в 1116 году Ярополк со Всеволодом Давыдовичем ходил на Дон и взял у половцев три города, пленил множество ясов, обитавших там, и в числе их прекрасную девушку, на которой и женился. В 1120 году поход повторили, но половцев на Дону уже не нашли. После смерти Владимира Мономаха половцы вторглись в Переяславскую волость, чтобы захватить торков и печенегов. Ярополк, не дожидаясь помощи братьев, с одними переяславцами пошел вслед за половцами, настиг их на правом берегу реки Удая и призвал имя Божие и отца своего, ударил на поганных, разбил их и множество потопил в реках.

По смерти своего брата Мстислава Владимировича Ярополк сел в Киеве, так как киевляне сами послали за ним. Впрочем, по всему видно, что и сам Мстислав хотел видеть своим наследником младшего брата. Умирая, он, по словам летописца, ему же передал и детей своих с Богом на руки. Ярополк обещал посадить после себя в Переяславле старшего сына Мстиславова — Всеволода. Исполнение этого обещания привело к большой смуте. Юрий Долгорукий, оскорбленный тем, что Переяславль достался племяннику вперед дядей, выг-

нал Всеволода в тот же день из города. Ярополк отдал Переяславль другому племяннику — Изяславу Мстиславичу. Потом, чтобы примириться с братьями, вывел Изяслава в Туров, а в Переяславле посадил Вячеслава Владимировича. Но Вячеслав не захотел княжить на юге под боком у половцев и вернулся в Туров, выгнав из него Изяслава. Вследствие всех этих перемен Ярополк рассорился с племянниками, которые соединились с Всеволодом Ольговичем Черниговским и начали против него войну, которая закончилась для великого князя неудачно. В 1134 году половцы, приведенные Всеволодом Ольговичем, страшно опустошили окрестности Киева. Чтобы не допустить союза Ольговичей с племянниками, Ярополк отдал Изяславу Владимир-Волынский.

Летом 1135 года Всеволод Ольгович со всеми братьями и множеством половцев появился под Переяславлем, оттуда пошел к верховью Супоя. Ярополк пошел к нему навстречу и, не дожидаясь киевского полка, ударил на черниговцев с одной дружиной и с братьею. Сначала бились крепко с обеих сторон, но вскоре Всеволодовы половцы побежали, и лучшая дружина Мономаховичей с киевским тысяцким погналась за ними, оставя своих князей биться с Ольговичами на месте. После злой сечи Ярополк должен был уступить черниговцам поле битвы, и когда тысяцкий с боярами, одолев половцев, приехали назад, то уже не застали своих князей и попались в руки победителям Ольговичам, обманутые Ярополковым стягом, который держали последние. Так Ярополк потерял множество своих мужей убитыми и пленными. Зимой того же года черниговцы с половцами опять подступили к самому Киеву. Ярополк собрал множество войска из всех земель, но не вышел против врагов, не начал кровопролития; он побоялся суда Божия, смирился, по словам летописца, перед Ольговичами, принял хулу и укор от братии своей, от всех, исполняя заповедь “любите враги ваша”; он заклю-

чил с Всеволодом Ольговичем мир и отдал ему города Посемья вместе с Курском (которые занял еще в 1127 году).

Такое же миролюбие Ярополк проявил в 1138 году, когда Всеволод начал новую уособицу, но запросил мира, узнав, что с Ярополком идут полки всех его братьев и племянников. Ярополк, по выражению летописца, будучи добр, милостив нравом, богобоязнен, подобно отцу своему, поразмыслил со всеми хорошенько и не захотел кровопролития, но заключил мир у Моравска, на правом берегу Десны. Возвратившись после этого в Киев, Ярополк вскоре скончался. Его похоронили в голубце у церкви св. Андрея, но в 1145 году вдовствующая супруга его Елена перенесла Ярополково тело в самую церковь и положила рядом с телом Янки, сестры Мономаховой.

ЯРОПОЛК ИЗЯСЛАВИЧ (кол.7)

Из рода Рюриковичей. Сын Изяслава I Ярославича и польской королевны Гертруды. Кн. Вышгородский в 1077—1078 гг. Кн. Туровский и Владимиро-Волынский в 1078—1087 гг. † 25 ноября 1087 г.

Став великим князем, Всеволод Ярославич отдал Ярополку Туров и Владимир-Волынский. В 1084 году Ростиславичи, Рюрик, Володарь и Василько, жившие до того у Ярополка, бежали от него, а затем возвратились с войском и отняли у дяди Владимира. Всеволод послал против Ростиславичей сына Владимира Мономаха, который прогнал их из Владимира и посадил здесь опять Ярополка. Но вместе с тем Всеволод отдал Дорогобуж на Волыни Давыду Игоревичу. Ярополк увидел в этом обиду, начал злобиться на Всеволода и собирать войско по наущению злых советчиков. Всеволод послал против него Владимира, и Ярополк, оставя мать и жену в Луцке, бежал в Польшу. Луцк сдался Мономаху, который захватил здесь семью Ярополка, его дружину и все имущество, а во Владимире посадил Давыда Игоревича. В 1087 году Ярополк пришел из

Польши, заключил мир с Мономахом и опять сел во Владимире. Просидев здесь несколько дней, Ярополк отправился в Звенигород. По пути он улегся отдохнуть на возу. Тут подъехал к нему его дружинник Нерадец и пронзил его саблею. Ярополк приподнялся, выдернул из себя саблю и закричал громким голосом: "Ох, настиг меня этот враг!" Нерадец бежал в Перемышль и укрылся там у Рюрика Ростиславича. Ярополка же дружина отвезла в Киев, и здесь оплакали его киевляне вместе с князем своим Всеволодом, а потом погребли в церкви св. Петра в Дмитровском монастыре. Был Ярополк при жизни, так же как и отец его, человеком кротким, смиренным и братолюбивым. Этим заслужил он большую любовь простого народа.

ЯРОПОЛК ИЗЯСЛАВИЧ (кол.10)

Из рода Владимиро-Волынских кн. Сын Изяслава II Мстиславича. Кн. Бужский. Ж.: с 1166 г. дочь кн. Новгород-Северского Святослава Ольговича, кн. Мария. † 1169 г. Похоронен в киевской церкви св. Федора.

ЯРОПОЛК РОМАНОВИЧ (кол.11)

Из рода Смоленских кн. Сын Романа Ростиславича и кн. Новгород-Северской. Кн. Смоленский в 1172—1174 гг.

В 1172 году Роман, сев в Киеве, оставил Ярополка княжить в Смоленске. Спустя два года смоляне выгнали Ярополка и призвали на его место Мстислава Ростиславича Храброго.

ЯРОПОЛК РОСТИСЛАВИЧ (кол.10)

Из рода Владимиро-Суздальских вел. кн. Сын Ростислава Юрьевича. Кн. Владимирский в 1175—1176 гг. Кн. Торжский в 1177—1178 гг. Ж.: с 1175 г. дочь кн. Полоцкого Глеба Ростиславича.

В 1173 году Ярополк упомянут среди князей, участвовавших в походе на Киев против Ростиславичей Смоленских. Когда же союзное войско потерпело поражение, Ярополк укрылся вместе с братом и дядьями в Чернигове у Святослава Всеволодовича. В 1174 году, по смерти Андрея Боголюбского, ростовцы, суздальцы и владимирцы прислали в Чернигов звать на княжение Ярополка и его брата Мстислава. Несмотря на то, что звали их одних, Ростиславичи не захотели ехать без дядей Михаила и Всеволода Юрьевичей. Вперед поехали двое — Михаил и Ярополк. Когда князья приехали в Москву, то ростовцы рассердились, узнав, что вместе с Ростиславичем приехал и Юрьевич; они послали за одним Ярополком, а Михаилу предложили подождать в Москве. Ярополк тайком от дяди поехал к Переяславлю, где находилась тогда вся дружина, выехавшая навстречу князьям, а Михаил, узнав, что Ярополк отправился по ростовской дороге, поехал во Владимир. Владимирская дружина тем временем вместе со всеми поцеловала в Переяславле крест Ярополку и поехала вместе с ним выгонять Михаила из Владимира. Семь недель Михаил отбивался во Владимире, наконец, голод принудил горожан сдаться. По отъезде Михаила, владимирцы заключили договор с Ростиславичами; те клялись, что не причинят никакого зла городу, после чего владимирцы отворили ворота и встретили князей с крестами. В Богородской церкви заключен был окончательный договор: во Владимире оставался княжить младший Ростиславич, Ярополк, а в Ростове — старший, Мстислав. Таким образом, борьба утихла, но лишь на время. Ростиславичи приехали в Ростовскую область с дружинниками, набранными на юге, и раздали им посаднические должности; эти "русские" (то есть южные) "детские", как называет их летописец, скоро стали чинить очень большие притеснения народу судебными взыскани-

ями и взятками. Но владимирцы терпели не от одних посадников; князья, говорит летописец, были молоды, слушались бояр, а бояре подучали их, как можно больше брать; так взяли они из церкви Владимирской Богородицы золото и серебро, в первый же день отобрали ключи от ризницы, отняли все дани, которые назначил для этой церкви князь Андрей. Видно, что кроме корыстолюбия здесь действовала ненависть к памяти Андрея, ко всему им сделанному. Грабеж церковей позволяли себе князья и их дружины только в завоеванных городах. Можно после этого понять, как смотрели владимирцы на ограбление своего собора, лучшего украшения, которым так гордился их город. Сначала они стали жаловаться старшим городам. Ростовцы и суздальцы на словах были за них, а на деле нисколько не думали за них вступаться. Тогда владимирцы, видя явное недоброжелательство старших городов и бояр, решились вместе с переяславцами действовать собственными силами и послали в Чернигов звать Михаила. Михаил с братом Всеволодом и черниговской дружиной отправился на север. Ярополк с войском вышел навстречу неприятелю, но в лесах разминувшись с ним, подошел к Москве, тут узнал, что Михаил уже под Владимиром, и пошел следом. Тем временем Михаил в пяти верстах от Владимира, у села Загорье, разбил ростовскую дружину. Узнав о поражении брата, Ярополк побежал в Рязань, но мать его и жена попали в руки к владимирцам.

В следующем году Михаил умер. Мстислав из Новгорода еще раз ходил на Владимир, но, потерпев окончательное поражение от Всеволода, попал в плен. Всеволод послал сказать рязанцам: "Выдайте Ярополка, или я пойду на вас войной". Рязанцы решили исполнить это требование; поехали на Воронеж, схватили там Ярополка и привезли во Владимир, где Всеволод велел посадить его в тюрьму вместе с братом. Позже их ослепили или сделали вид, что ослепили, и отослали в Смоленск, где они "прозрели".

Когда в 1177 году Мстислав сел княжить в Новгороде, новгородцы дали Ярополку Торжок, а после смерти Мстислава приняли его княжить в Новгороде. Все это очень не понравилось Всеволоду. Он велел захватить по всей волости новгородских купцов. Новгородцы испугались и выгнали от себя Ярополка. Ярополк поехал в Чернигов к Святославу Всеволодовичу. После смерти Мстислава Ростиславича Храброго, княжившего в Новгороде, Святослав договорился с новгородцами, чтобы те опять посадили Ярополка в Торжке. Всеволод явился к Торжку и осадил в нем Ярополка; новоторжцы пять недель сидели в осаде, терпя страшный голод, а когда Ярополк был ранен в сражении, сдались. Всеволод отправил Ярополка в оковах во Владимир, всех новоторжцев вывел из города, а город сжег.

ЯРОПОЛК I СВЯТОСЛАВИЧ (кол.4)

Из рода Рюриковичей. Сын Святослава I Игоревича. Вел. кн. Киевский в 972—980 гг. † 980 г.

По смерти Святослава в 972 году сыновья его стали править Русью, сидя каждый в своем городе: Ярополк — в Киеве, Олег — в Овруче, Владимир — в Новгороде. Главным советником при молодом Ярополке был воевода Свенельд.

В 975 году Олег Святославич убил на охоте сына Свенельдова, Люта. Оттого поднялась вражда между Ярополком и Олегом, говорит летописец, и постоянно подговаривал Свенельд Ярополка, стремясь отомстить за сына своего: "Пойди на своего брата и захвати волость его". В 977 году Ярополк пошел на брата своего Олега в Древлянскую землю. Олег вышел против него, и исполнились обе стороны. Но в битве Ярополк победил Олега, который погиб во время бегства. Ярополк горько переживал смерть брата, плакал над

ним и говорил Свенельду: "Смотри! Этого ты хотел!" Когда похоронили Олега, Ярополк наследовал его волость.

Едва Владимир в Новгороде услышал, что Ярополк убил Олега, то испугался и бежал за море. А Ярополк посадил своих посадников в Новгороде и владел один Русскою землею. В 980 году Владимир вернулся на Русь с варягами и пошел на Ярополка войной. Дойдя до Киева с большим войском, Владимир осадил его, а Ярополк заперся в городе вместе с воеводой Блудом. Владимир же вскоре вошел с Блудом в тайные сношения и обрел в его лице верного союзника. Чтобы скорее известить Ярополка, Блуд придумал такую хитрость. Он стал говорить Ярополку: "Узнал я, что киевляне пересылаются с Владимиром и говорят ему: "Приступай к городу, передадим-де тебе Ярополка". Беги же из города!" Ярополк послушался его и, выбежав из Киева, затворился в городе Родне, что расположен был в устье реки Рось. Владимир вошел в Киев, а после осадил Ярополка в Родне. Среди осажденных вскоре начался жестокий голод. И сказал Блуд Ярополку: "Видишь, сколько воинов у брата твоего. Нам ли их победить? Заключай мир с братом своим". Ярополк согласился. Блуд же послал к Владимиру со словами: "Сбылась мысль твоя, приведу к тебе Ярополка — готовься убить его".

Владимир, услышав это, вошел в отчий терем и сел там с воинами своими и дружиной своей. А Блуд наставлял Ярополка: "Как войдешь к брату своему, скажи ему: "Что ты мне дашь, то я и приму". Ярополк пошел, хотя Варяжко, слуга его, предупреждал князя: "Не ходи, убьют тебя, беги к печенегам и приведешь воинов". Но не послушался его Ярополк. Пришел он к Владимиру; когда входил в двери, два варяга подняли его мечами под пазуху. Блуд тем временем затворил двери и не дал войти своим. Так был убит Ярополк, и с того времени Владимир княжил в Киеве один.

ЯРОПОЛК ЯРОСЛАВИЧ (кол.10)

Из рода Черниговских кн. Сын Ярослава Всеволодовича. Кн. Новгородский в 1197 г. Ж.: кн. Василиса.

ЯРОСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ (кол.17)

Из рода Рязанских кн. Родоначальник *Пронских князей*. Сын Александра Михайловича. Кн. Пронский в 1340—1342 гг. Кн. Рязанский в 1342—1344 гг. † 1344 г.

В 1342 году Ярослав выхлопотал себе в Орде ярлык на рязанское княжение и выгнал из Переяславля Рязанского князя Ивана Ивановича Коротополла.

ЯРОСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ (кол.17)

Из рода Тверских вел. кн. Сын Александра Ивановича и кн. Моложской. Кн. Городецкий. † 1435 г.

В 1432 году Ярослав уехал в Литву и погиб в битве под Вилькомиром, где сражался на стороне Свидригайла.

ЯРОСЛАВ I ВЛАДИМИРОВИЧ Мудрый (кол.5)

Из рода Рюриковичей. Сын Владимира Святославича и полоцкой кн. Рогнеды Рогволодовны. Род. 978 г. Кн. Ростовский в 987—1010 гг. Кн. Новгородский в 1010—1036 гг. Вел. кн. Киевский в 1016—1018, 1019—1054 гг. Ж.: дочь короля Шведского Олафа, королевна Ингигерда (Ирина). † 1054 г.

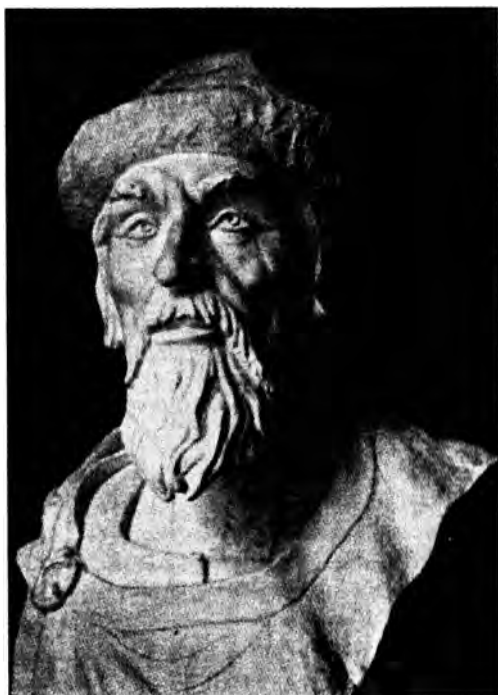

В 1014 году, утвердившись в Новгороде, Ярослав перестал платить дань Киеву, как это делали до него все новгородские посадники. Владимир, видя непокорность сына, хотел уже идти войной на Новгород и повелел дружине: "Расчищайте

пути и мостите мосты". Ярослав, узнав об этих приготовлениях, послал за море и нанял варягов. С их помощью он хотел воевать со своим отцом.

Между тем в 1015 году печенеги пошли войной на Русь. Владимир послал против них своего любимого сына Бориса со всею дружиною, а сам сильно разболелся. От этой болезни он и умер 15 июля. Власть в Киеве сейчас же захватил пасынок Владимира, Святополк Окаянный. Опасаясь соперничества, он стал посылать к братьям убийц. Сначала убили Бориса, потом Глеба и, наконец, Святослава.

Ярослав еще ничего не знал об отцовской смерти и готовился к войне с Киевом. Собранные им варяги бесчинствовали в Новгороде, творя насилия над горожанами и их женами. И вот, когда Ярослав был в селе Ракоме, новгородцы восстали ночью на варягов и перебили их во дворе Парамони. Ярослав, узнав об этом, сильно разгневался, но не показал вида, а

Ярослав Мудрый. Реконструкция

послал сказать горожанам: "Хоть и сделали вы большое зло союзникам моим, но их мне уже не воскресить. Приезжайте ко мне мириться". Новгородцы поверили дружелюбию Ярослава, избрали лучших мужей и отправили их в Ракому. Ярослав же велел их всех перехватать и перебить.

Но в ту же ночь Ярославу пришла весть от его единоутробной сестры Предславы: "Отец твой умер, а Святополк сидит в Киеве. Убил он уже Бориса и к Глебу послал убийцу. Берегись его!"

Сильно встревоженный и опечаленный этим известием Ярослав собрал на другой день новгородцев на вече и сказал им: "Вчера, в безумии, перебил я многих из дружины моей, а сегодня пришла мне весть, что отец мой умер, а Святополк сидит в Киеве и убивает братьев моих. Хочу идти на него! Пусть не будет между нами вражды, ибо за каждого убитого готов я откупиться золотом". Новгородцы же отвечали: "Хотя, князь, и иссечены братья

наши — можем за тебя биться!" И собрал Ярослав тысячу варягов, а новгородцев три тысячи, и пошел на Святополка.

Враги встретились под Любечем. Святополк расположил свой стан между двумя озерами и, не ожидая нападения, всю ночь пил и веселился с дружиной. Новгородцы неожиданно ударили на него, прижали кивляк к озеру и многих перетопили. Разбитый Святополк бежал в Польшу к своему тестю Болеславу, а Ярослав вступил в Киев.

В 1018 году король Болеслав вместе со Святополком выступил на Ярослава. Ярослав ждал их на берегу Буга, на Волыни. Болеслав первый бросился вброд через Буг, поляки ударили за ним. Ярослав не выдержал напора и бежал в Новгород всего с четырьмя мужами, а Болеслав овладел Киевом.

Ярослав хотел из Новгорода бежать дальше за море, к варягам, но посадник Константин, сын Добрыни, вместе с го-

Книжники Ярослава Мудрого. Миниатюра Радзивилловской летописи

рожанами изрубил все лады Ярославовы, говоря: "Хотим еще биться с Болеславом и Святополком!" Ярослав согласился, тогда новгородцы, собрав денег, наняли для князя варягов. С ними вместе Ярослав во второй раз пошел на Святополка.

Тем временем Святополк уже рассорился с тестем, который уехал в Польшу. Поэтому он не мог противостоять Ярославу и бежал к печенегам. С их помощью в 1019 году он в последний раз попытался овладеть Киевом, но был разбит в жестоком сражении на Альте и бежал за границу.

Ярослав же, сев на киевском столе, должен был выдержать борьбу еще и с другими родичами. В 1021 году он победил своего племянника Брячислава Изяславича Полоцкого, а в 1024-м воевал со своим младшим братом Мстиславом Владимировичем, который из Тмутаракани завоевал Чернигов. Несмотря на помощь варяжской дружины Якуна, Ярослав потерпел поражение в битве под Лиственом. После этого братья помирились. Мстислав остался в Чернигове и правил землями по восточному берегу Днепра.

Только в 1036 году, когда Мстислав умер, не оставив наследников, Ярослав завладел его властью и стал самовластно править Русской землей. В том же году он пошел в Новгород и посадил княжить здесь своего старшего сына Владимира. Тут он получил весть, что печенеги осадили Киев. Ярослав спешно собрал воинов — варягов и словен — и пришел к Киеву. Пробившись внутрь города и изготовавшись к битве, русские вышли в поле. Варягов Ярослав поставил посередине, киевлян — на правой стороне, а новгородцев — на левой. Битва была жестокая, так что Ярослав лишь с большим трудом одолел печенегов к вечеру.

С этого года, одолев всех врагов — внешних и внутренних, — Ярослав занялся государственными делами и стяжал себе на этом поприще славу не меньшую,

чем в делах военных. На месте своей победы он заложил храм св. Софии, а неподалеку — монастыри св. Георгия и св. Ирины. Для защиты Киева с юга Ярослав велел рубить по реке Рось новые крепости — Юрьев, Торческ, Корсунь, Треполь и другие.

Ярослав очень любил книги и часто читал их. Собрав многих книгописцев и переводчиков, он умножил число книг на Руси и постепенно ввел их в употребление. С этого времени книжная премудрость прочно утвердилась среди русских. По всей земле собирали при Ярославе детей и обучали их грамоте. В 1054 году, чувствуя приближение смерти, Ярослав поделил землю между сыновьями и заповедал им жить в мире. Скончался он 20 февраля 1054 года и погребен в мраморном гробу в церкви св. Софии.

ЯРОСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ Осмомысл (кол.10)

Из рода Перемышльских и Галицких кн. Сын Владимирка Володаревича и венгерской кн. Род. ок. 1135 г. Кн. Галицкий в 1153—1187 гг. Ж.: с 1150 г. дочь вел. кн. Юрия I Владимировича Долгорукого, кн. Ольга († 1181 г.). † 1 окт. 1187 г.

Владимирко Володаревич внезапно скончался в разгар войны с Изяславом II Мстиславичем Киевским и Гейзой II, королем венгерским, из-за городов по реке Горынь. Галицкие бояре посадили Ярослава на отцовский стол и поспешно воротили с дороги киевского посла боярина Петра Бориславича, которого Владимирко уже отослал от себя с позором. Ярослав велел передать Изяславу: "Бог взял к себе моего, теперь кланяюсь тебе, батюшка! Прими меня, как сына своего Мстислава: пусть Мстислав ездит подле твоего стремени с одной стороны, а я буду ездить по другой стороне со всеми своими полками".

Однако Ярослав или, по некоторым известиям, бояре его хотели только вы-

играть время, а в самом деле и не думали возвращать города, захваченные Владимирком. Это заставило киевского князя снова пойти на Галич. Ярослав встретил Изяслава Мстиславича у Теребовля. Перед битвой галицкие бояре сказали своему князю: "Ты, князь, молод, отъезжай прочь и смотри на нас, отец твой нас кормил и любил, так мы хотим за честь твоего отца и за твою сложить свои головы; а ты у нас один; если с тобой что случится, то что нам тогда делать? Так ступай-ка, князь, к городу, а мы станем биться с Изяславом, и кто из нас останется жив, тот прибежит к тебе и затворится с тобою в городе". Ярослав уехал, а между киевлянами и галичанами началась жестокая битва, продолжавшаяся до поздней ночи. Когда наступила темнота, никто не знал, за кем осталась победа, и обе рати отступили в свои города.

В 1154 году Изяслав Мстиславич умер, и в Киеве стал княжить тесть Ярослава и старый союзник галичан Юрий Долгорукий. Но в 1157 году умер и он, и с его смертью прекратились добрые отношения между Киевом и Галичем. Севший на великое княжение Изяслав III Давыдович покровительствовал злейшему врагу Ярослава, его двоюродному брату Ивану Ростиславичу Берладнику, которого и хотел видеть на галицком столе. В 1158 году Изяслав собрался идти на Галич, а Ярослав соединился в ответ со своим прежним противником Мстиславом Изяславичем, сыном Изяслава II. Изяслав потерпел поражение под Белгородом и лишился киевского стола. В последовавших затем уособицах галицкий князь не принимал личного участия, только несколько раз посылал свои полки на помощь Мстиславу Изяславичу. По мере того как Киевская воля беднела и скудела населением в ходе бесчисленных войн, Галицкая, избежавшая разорения, становилась все сильнее и богаче, а слово ее князя все значимее и весомее в хоре русских князей. В

"Слове о полку Игореве" говорится: "Ярослав Осмомысл Галицкий! Высоко сидишь ты на своем златокованом столе; ты подпер горы Венгерские своими железными полками, заступил путь королю венгерскому, затворил ворота к Дунаю, отворяешь ворота к Киеву".

Однако это могущество было чисто внешним. Нигде на Руси боярство не было так сильно, как на ее западной окраине, и Ярослав вполне испытал на себе его своеволие. По свидетельству летописца, Осмомысл дурно жил со своей женой Ольгою и открыто держал любовницу Настасью, от которой имел сына Олега. Очевидно, ему он и хотел завещать свое княжение. В 1173 году Ольга ушла в Польшу с сыном Владимиром, боярином Константином Серославичем и многими другими боярами. Как видно, Ярослав ничего не имел против их ухода, но и среди оставшихся галичан было много противников Олега. Восемь месяцев они жили без княгини, а потом сговорились и схватили Ярослава, а его сторонников в городе перебили. Настасью же торжественно сожгли на костре. Олег был отправлен в заточение. Ольге и Владимиру отправили приглашение ехать обратно в Галич. Самого Ярослава бояре выпустили из заточения не прежде, чем он дал клятву, что будет жить с княгиней как следует. Однако в 1187 году, чувствуя приближение смерти, князь завещал после себя Галич сыну Настасьи Олегу.

По словам летописца, Ярослав был князь мудрый, красноречивый, богобоязненный, честный во всех делах и славный полками.

ЯРОСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ (кол.10)

Из рода Рюриковичей. Сын Владимира Мстиславича и венгерской королевны. Кн. Новгородский в 1182—1184, 1187—1196, 1197—1199 гг. Кн. Торжский в 1196 г. Кн. Вышгородский в 1199—1201 гг. Ж.: дочь кн. Богемского Шварна.

ЯРОСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ (кол.12)

Из рода Смоленских кн. Сын Владимира Мстиславича и племянницы рижского епископа Альберта. Кн. Торжский в 1245 г.

После смерти своего отца, князя Псковского, Ярослав жил изгнанником в Риге. В 1233 году вместе со своими единомышленниками из Новгорода и немцами он захватил Изборск, но псковичи отняли у них этот город обратно. В 1241 году Ярослав с немцами опять захватил Изборск. Псковичи вышли им навстречу, но были разбиты. По следам бегущих немцы ворвались во Псков. После заключения мира с Новгородом в 1242 году Ярослав вернулся в Новгород и сидел в Торжке. В 1245 году литовцы явились к Торжку. Ярослав погнался было за ними, но потерпел поражение и потерял всех лошадей. На помощь пришли тверичи и дмитровцы. С этими силами Ярослав нагнал литовцев под Торопцом и разбил их.

многолетняя уособица, закончившаяся лишь в 1198 году. Вскоре Ярослав умер и был погребен в Чернигове в церкви св. Спаса.

Князь Ярослав Всеволодович. Роспись Архангельского собора Московского Кремля XVII в.

ЯРОСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ (кол.16)

Из рода Серпуховских кн. Сын Владимира Андреевича Храброго и литовской кн. Елены Ольгердовны. Род. 18 янв. 1388 г. Кн. Малоярославский в 1410—1426 гг. Ж.: 1) с зимы 1408 г. дочь кн. Новленского Семена Васильевича, кн. Анна; 2) Марина Федоровна Кошкина-Голтяева. † осенью 1426 г. от моровой язвы.

ЯРОСЛАВ ВСЕВОЛОДОВИЧ (кол.9)

Из рода Черниговских кн. Сын Всеволода II Ольговича и киевской кн. Агафии Мстиславны. Род. в 1139 г. Кн. Ропенский в 1158 г. Кн. Черниговский в 1177—1198 гг. Ж.: кн. Ирина. † 1198 г.

После смерти Святослава II Всеволодовича в 1194 году Ярослав попытался захватить киевский престол в обход Рюрика Ростиславича, из-за чего началась

ЯРОСЛАВ II ВСЕВОЛОДОВИЧ (кол.10)

Из рода Владимиро-Суздальских вел. кн. Сын Всеволода III Юрьевича Большое Гнездо и чешской королевны Марии Шварновны. Род. 8 февр. 1190 г. Кн. Переяславский в 1201—1206 гг. Кн. Переяславль-Залесский в 1212—1238 гг. Кн. Новгородский в 1215, 1221—1223, 1224—1228, 1230—1236 гг. Кн. Торжский в 1215—1216 гг. Вел. кн. Киевский в 1236—1238 гг. Вел. кн. Владимирский в 1238—1246 гг. Ж.: 1) с 1205 г. дочь хана половецкого Юрия Кончаковича; 2) с 1214 г. дочь кн. Смоленского Мстислава Мстиславича Удалого, кн. Ростислава († 4 мая 1244 г.). † 30 сент. 1246 г.

В 1212 году Всеволод Юрьевич умер, оставив Ярославу Переяславль-Залесский. Сразу же между сыновьями Всеволодовыми Константином и Юрием начались уособицы. Ярослав был на стороне

Юрия и дважды в 1213 и 1214 годах ходил к нему на помощь со своими переяславцами, но до битвы дело так и не дошло.

В 1215 году новгородцы послали к Ярославу звать его к себе на княжение. Только что ушедший из Новгорода князь Мстислав Мстиславич Удалой оставил здесь много своих сторонников. Ярослав, едва появившись в городе, повелел схватить двух бояр и заточить их в Твери. Потом собрал вече против тысяцкого Якуна Намнежича. С вечера народ бросился грабить Якунов двор, а жители Прусской улицы убили боярина Овстрата с сыном. Такое своеволие не понравилось Ярославу, он не захотел оставаться далее в Новгороде, выехал в Торжок, сел здесь княжить, а в Новгород посадил наместника, последовав в этом случае примеру деда, дядей и отца, которые покинули старый Ростов и утвердили свое пребывание в новых городах.

Скоро представился ему благоприятный случай стеснить Новгород и привести его окончательно в свою волю: мороз побил осенью весь хлеб в Новгородской волости, только в Торжке все было цело. Ярослав велел не пропускать в Новгород ни одного воза хлеба из Низовой земли; в такой нужде новгородцы послали к нему троих бояр с просьбой переехать к ним опять. Ярослав задержал посланных. А между тем голод усиливался, бедные люди ели сосновую кору, липовый лист, мох, отдавали детей своих в вечное холопство; трупы умерших валялись повсюду — по торгу, по улицам и по полю, собаки не успевали съедать их; большая часть вожан померла с голоду, остальные разбежались по чужим странам. Новгородцы послали к Ярославу посадника Юрия Ивановича и других знатных людей звать опять его к себе, он велел задержать и этих, а вместо ответа послал в Новгород двух своих бояр вывести оттуда свою жену. Тогда новгородцы послали к нему с последнею речью: "Ступай в свою отчину, к св. Софии, а нейдешь, так скажи прямо". Ярослав задержал послов, задержал всех гостей

новгородских, и были в Новгороде печаль и вопль, говорит летописец. Расчет Ярослава был верен: старине новгородской трудно было устоять при таких обстоятельствах, но старая Русь была еще сильна своим Мстиславом. Узнав, какое зло делается в Новгороде, Мстислав Удалой 11 февраля 1216 года приехал туда, схватил Ярославова посадника Хоту Григорьевича, перековал всех его дворян, въехал на двор Ярославов и целовал крест новгородцам, а новгородцы к нему — не расставаться ни в животе ни в смерти.

Ярослав, узнав о новгородских новостях, стал готовиться к войне, велел наделать засеки по новгородской дороге к реке Тверце, а в Новгород отправил 100 человек из его жителей, казавшихся ему преданными, с поручением поднять мятеж против Мстислава и выпроводить его из города. Однако эти 100 человек, как только пришли в Новгород, так единодушно перешли на сторону Мстислава, который отправил в Торжок священника сказать Ярославу: "Сын! Клянюсь тебе: мужей и гостей отпусти, из Торжка выйди и со мною любовь возьми!" Ярославу не понравилось это предложение; он отпустил священника без ответа, а всех новгородцев, задержанных в Торжке, числом более 2000, созвал на поле за город, велел схватить их, заключить в оковы и разослать по своим городам, имущество же их и лошадей раздал дружине.

Выходка эта имела обратное следствие. Все оставшиеся новгородцы 1 марта 1216 года вместе с Мстиславом выступили против Ярослава. На реке Вазузе Мстислав соединился с двоюродным братом Владимиром Рюриковичем Смоленским. Несмотря на это, он опять послал к Ярославу с мирными предложениями, но тот велел отвечать: "Мира не хочу; пошли — так ступайте; на одного вашего придется по сто у наших". Тогда Мстислав с Владимиром двинулись к Твери и стали захватывать и жечь села. Узнав об этом, Ярослав выехал из Торжка в Тверь. Мстислав пошел дальше и принялся ра-

зорять Переяславскую волость, а к Константину Ростовскому послал с предложением союза. Константин немедленно соединился с ним, Ярославу пришли на помощь братья Юрий, Святослав и Владимир. Вместе с ними была вся сила Суздальской земли; прогнали всех — горожан и селян, — укого не было лошади, тот шел пешком. Страшное было чудо и дивное, говорит летописец: пошли сыновья на отцов, отцы на детей, брат на брата, рабы на господина, а господа на рабов.

Всеволодовичи встали на реке Кзе, и Мстислав послал сказать Ярославу: "Отпусти новгородцев и новоторжцев, возврати волости новгородские, которые ты захватил; с нами примиришь и крест целуй, и крови не проливай". Ярослав отвечал отказом: "Мира не хочу, новгородцев и новоторжцев не отпускаю; далеко вы шли, а вышли, как рыба на сухо".

Всеволодовичи, уверенные в своей силе, вели дело к битве. Мстислав отступил к реке Липице, и здесь 21 апреля произошло большое сражение. Новгородцы с такой силой ударили на полки Ярославовы, что переяславцы не выдержали и побежали, а после лютой битвы обратилось в бегство и все войско. Ярослав прибежал в Переяславль на пятом коне, загнав четырех, и затворился в городе. "Не довольно было ему первого зла, — говорит летописец, — не насытился кровью чело-веческой, избивши в Новгороде много людей, и в Торжке, и на Волоке, этого было ему все мало; прибежав в Переяславль, он велел и тут перехватать всех новгородцев и смолян, зашедших в землю его для торговли, и велел их бросить одних в погреб, других в тесную избу, где они и перемерли все числом полтораста".

Тем временем Юрий сдал Мстиславичам Владимир (здесь сел брат его Константин), а сам поехал в Радилов на Волге. Но Ярослав не хотел покориться, заперся в Переяславле и думал, что отсидится здесь, но когда Мстислав с Константином двинулись к Переяславлю, то он испугался и стал слать к ним с просьбой о мире, а затем и

сам приехал к брату Константину, ударил ему челом и сказал: "Господин! Я в твоей воле: не выдавай меня тестю моему Мстиславу и Владимиру Рюриковичу, а сам накорми меня хлебом". Константин помирил его с Мстиславом еще на дороге, и когда князья пришли к Переяславлю, то Ярослав одарил их и воевод богатыми дарами; Мстислав, взяв дары, послал в город за дочь свою, женой Ярославовой. Ярослав не раз после этого посылал к нему с просьбой возвратить ему жену, но Мстислав не соглашался.

В 1218 году Мстислав покинул Новгород и поехал в Галич. Среди новгородцев опять начались смуты, и, чтобы прекратить их, они вынуждены были опять просить князя у Юрия Всеволодовича. В 1221 году он вновь отправил к ним Ярослав. Новгородцы были рады Ярославу, говорит летописец, и когда в 1223 году он ушел от них в свою волость — Переяславль-Залесский, то они кланялись ему и уговаривали остаться, но он не послушал их просьбы. В 1224 году новгородцам удалось в третий раз пригласить его к себе. Ярослав пришел к ним и на этот раз пробыл в Новгороде почти три года, обороняя волость от разных врагов.

В 1225 году литовцы в числе 7000 страшно опустошили села около Торжка, не дойдя до города только трех верст, перебили многих купцов и захватили всю Торопецкую волость. Ярослав нагнал их близ Усвята, разбил, перебил 2000 человек и отнял добычу. В 1227 году Ярослав ходил вместе с новгородцами на ямь, землю всю повоевал и привел без числа полоня. В следующем году он ушел в Переяславль, оставив в Новгороде своих сыновей. В 1230 году новгородцы послали вновь за Ярославом; Ярослав приехал немедленно, поклялся исполнять все грамоты Ярославовы, но по-прежнему не постоянно жил в Новгороде, где занимали его место сыновья Федор и Александр.

В 1234 году Ярослав со своими полками и новгородцами выступил против немцев под Юрьев и остановился недалеко от

города, отпустив людей своих воевать окрестные области для сбора съестных припасов. Немцы сделали вылазку из Юрьева, другие из Оденпе, но русские побили их; некоторые из немцев пали в битве, но больше погибло их в реке, когда под ними обломился лед; русские, воспользовавшись победой, опустошили их землю, истребили хлеб; тогда немцы поклонились князю, и Ярослав заключил с ними мир на выгодных для себя условиях.

В 1236 году, узнав, что Михаил Всеволодович Черниговский занят тяжелой войной с галицкими князьями Даниилом и Васильком Романовичами, Ярослав оставил в Новгороде сына Александра, взял с собою несколько знатных новгородцев, 100 человек новоторжан, полки переяславские и ростовские, двинулся на юг, опустошил Черниговскую волость и сел на великое княжение в Киеве.

Более года он спокойно княжил здесь, как вдруг пришло известие о татарском нашествии и о страшном опустошении Владимиро-Суздальской земли. Бросив Киев, Ярослав поспешил на север, но не успел прийти вовремя. Юрий Всеволодович был разбит на Сити и погиб в битве. Узнав о гибели брата, Ярослав приехал княжить во Владимир. Он очистил церкви от трупов, собрал оставшихся от истребления людей, утешил их и, как старший, начал распоряжаться волостями. В 1239 году он должен был выступить против литовцев, которые воевали уже в окрестностях Смоленска; великий князь победил литовцев, взял в плен их князя, потом урядил смолян, посадив у них князем Всеволода, сына Мстислава Романовича, и возвратился домой с большой добычей и честью.

Однако важнейшим делом Ярослава было улаживание отношений с татарами. Вскоре после нашествия Батый прислал на Русь баскаком одного сарацина, который у каждого отца семейства, имевшего трех сыновей, брал одного, захватил всех неженатых мужчин и женщин, не имев-

ших законных мужей, также всех нищих, остальных же перечислил по обычаю татарскому и обложил данью: каждый человек мужского пола, какого бы возраста и состояния не был, обязан был платить мехом; кто не мог заплатить, того отводили в рабство.

Ярослав отправился в Орду к Батыю, который раскинул свой стан на берегу Волги. Батый, по словам летописца, принял Ярослава с честью и, отпуская его, сказал: "Будь ты старший между всеми князьями в русском народе". Таким образом, вместе с Владимиром Ярослав получил из рук Батыя и Киев, но после жестокого разорения татарами русской столицы это имело лишь символическое значение.

Своего сына Константина Ярослав отправил в Монголию к великому хану. В 1245 году Константин возвратился и передал, что Угедей требует к себе самого Ярослава. Ярослав двинулся в далекий путь и в августе 1246 года приехал в Монголию, где был свидетелем воцарения Каюка, сына Угедеева. Монах Плано Карпини встретился с Ярославом в Орде. Невелика была, по его словам, честь, которой пользовался здесь старший князь русский, но все же ему давалось высшее место перед всеми другими владетелями. Тот же путешественник оставил нам некоторые подробности смерти великого князя, последовавшей в 1246 году. Ярослава позвали к матери великого хана, которая, как бы желая оказать честь русскому князю, дала ему есть и пить из собственных рук. Возвратившись от ханши, Ярослав заболел и через семь дней умер, причем тело его удивительным образом посинело, почему все и думали, что ханша отравила его. Причина, по которой монголы поступили таким образом, неизвестна. Едва ли здесь имели место какие-то русские дела — слишком далека была Монголия от Руси, чтобы вникать в них. Возможно, этим убийством хотели досадить Батыю. Тело Ярослава было привезено на Русь и погребено во Владимире в Успенском соборе.

ЯРОСЛАВ ДМИТРИЕВИЧ (кол.12)

Из рода Юрьев-Польских кн. Сын Дмитрия Святославича. Кн. Юрьев-Польский с 1269 г.

ЯРОСЛАВ ИЗЯСЛАВИЧ (кол.10)

Из рода Владимиро-Волыньских кн. Родона-чальник *Луцких князей*. Сын Изяслава II Мстиславича. Кн. Туровский в 1146 г. Кн. Новгородский в 1148—1153 гг. Кн. Луцкий в 1157—1180 гг. Вел. кн. Киевский в 1174, 1175 гг. † 1180 г.

В 1173 году в разгар осады Вышгорода ополчением русских князей, отправленным сюда Андреем Юрьевичем Боголюбским, Ярослав явился под Киев с огромным войском, желая получить старшинство среди южнорусских князей. Но Святослав II Всеволодович не хотел уступать ему Киева. Тогда Ярослав вступил в переговоры с осажденными Ростиславичами: те уступили ему Киев, и Ярослав отправился к Рюрику Ростиславичу в Белгород. Когда известие об этом дошло до осаждавших, они в панике бежали от Вышгорода.

Ростиславичи после победы исполнили свое обещание, признали старшинство Ярослава и дали ему Киев, но Ярослав не долго сидел здесь спокойно: Святослав Всеволодович стал требовать у него волостей в Южной Руси. Ярослав отказал. Тогда Святослав, соединясь с братьями, неожиданно подступил к Киеву. Ярослав бежал в Луцк, а черниговский князь въехал в Киев, захватил все имение Ярославово, жену его, сына, всю дружину и отослал в Чернигов. Но он сам не мог долго оставаться в Киеве, потому что двоюродный брат его Олег Святославич напал на Черниговскую волость.

Ярослав, узнав, что Киев остался без князя, приехал опять и в сердцах вздумал взять с киевлян то, что отнято было у него Святославом. “Вы навели на меня Святос-

лава, — сказал он им, — так промышляйте, чем выкупить княгиню и сына”. Киевляне не знали, что ему на это отвечать, а он велел грабить весь Киев, игуменов, попов, монахов, монахинь, иностранцев, гостей, даже кельи затворников. Затем, соединившись с Ростиславичами, сжег Лутаву и Моравск в Черниговской волости, после чего Святослав Всеволодович заключил с ним мир.

На помощь братьям из Смоленска пришел Роман Ростиславич. Ярослав увидел в этом намерение Ростиславичей выгнать его из Киева; он послал сказать им: “Вы привели брата своего Романа, даете ему Киев ” — и выехал добровольно из этого города в прежнюю свою волость — Луцк. Очевидно, Ярослав никак не надеялся на победу после того, как столь безжалостно поступил с киевлянами. Ростиславичи послали за ним, вернуть его в Киев, но он не послушался, и Роман сел на его место; действительно ли Ростиславичи не хотели выгонять Ярослава или показывали только вид, — решить трудно.

ЯРОСЛАВ ИНГВАРЕВИЧ (кол.12)

Из рода Луцких кн. Сын Ингваря Ярославича. Кн. Луцкий в 1226 г. Кн. Перемышльский и Межибожский с 1227 г.

Ярослав сел в Луцке после смерти своего дяди Мстислава Ярославича Немого и его сына Ивана, но Даниил Романович отобрал у него Луцк и отдал своему брату Васильку, а Ярославу дал Перемышль и Межибожье.

ЯРОСЛАВ МСТИСЛАВИЧ Красный (кол.10)

Из рода Владимиро-Суздальских вел. кн. Сын Мстислава Юрьевича. Кн. Новгородский в 1177 г. Кн. Волоколамский в 1177—1178 гг. Кн. Переяславский в 1187—1199 гг. † 1199 г.

ЯРОСЛАВ РОМАНОВИЧ (кол.14)

Из рода Рязанских кн. Сын Романа Ольговича. Кн. Пронский в 1270—1294 гг. Кн. Рязанский в 1294—1299 гг. † 1299 г.

ЯРОСЛАВ СВЯТОПОЛКОВИЧ (кол.8)

Из рода Рюриковичей. Сын Святополка II Изяславича и византийской царевны Варвары Алексеевны. Кн. Владимиро-Волинский в 1100—1118 гг. Ж.: с 1112 г. дочь Мстислава I Владимировича. † 1123 г.

В 1100 году князя на своем съезде в Витичеве отобрали Владимир Волинский у Давыда, и Святополк отдал его Ярославу. В 1111 году Ярослав вместе с отцом ходил на половцев. Далее летопись сообщает, что после смерти отца Ярослав стал злоумышлять против своих соседей, прежде всего Ростиславичей, мечтая забрать их волость, а потом против Владимира Мономаха, у которого хотел взять земли по Горыни. Владимир, видя его неповиновение, в 1117 году стал вызывать Ярослава на суд, но тот не явился. Владимир призвал Давыда Святославича, Володаря и Василька Ростиславичей и осадил с ними Ярослава во Владимире. И стояли князья под городом два месяца, не начиная приступа, чтобы не губить без вины русских людей. Владимирцы стали изнемогать от голода, и Ярополк, видя свое бессилие против всей русской земли, бил челом Владимиру и просил его о прощении. Владимир попенял ему за неповиновение, заключил с ним мир и вернулся в Киев.

Но на другой год Ярослав отослал от себя жену, дочь Мстислава, Владимирову внучку, и опять, подучаемый поляками, стал во всем перечить Владимиру. Когда же Владимир выступил против него, Ярослав бежал в Польшу. Никто из владимирцев на этот раз не захотел защищать его.

В 1121 году Ярослав с поляками ходил на Червень, но тамошний посадник Фома

Ратиборович отбил их приступы и вынудил Ярослава возвратиться ни с чем. В 1123 году Ярослав во второй раз пришел на Волынь со множеством войска. Кроме поляков с ним были венгры, чехи, а также Володарь и Василько Ростиславичи. Осадив во Владимире сына Мономахова, Андрея, Ярослав подъехал к стенам и стал кричать горожанам: "Это мой город; если не отворитесь, не выйдите с поклоном, то увидите: завтра приступлю к городу и возьму его". Но в то время, когда он ездил под городом, из него незаметно вышли два поляка и спрятались при дороге; когда Ярослав возвращался от города мимо них, они вдруг выскочили на дорогу и ударили его копьем; чуть живого его привезли в стан, а в ночь он умер.

ЯРОСЛАВ СВЯТОСЛАВИЧ (кол.7)

Из рода Черниговских кн. Родоначальник Муромских князей. Сын Святослава Ярославича. Кн. Муромский в 1096—1129 гг. Кн. Черниговский в 1123—1127 гг. † 1129 г.

В 1096 году Ярослав вместе с братом Олегом бился под Ростовом против сыновей Мономаха, Мстислава и Вячеслава, а после поражения ушел в Муром. В 1123 году, по смерти брата Давыда, Ярослав сел в Чернигове. В 1127 году племянник его Всеволод Ольгович выгнал Ярослава из Чернигова, а дружину его всю посек и разграбил. Князь киевский Мстислав Владимирович, объединившись с братом Ярополком Переяславским, пошел на Всеволода, требуя, чтобы тот вернул Чернигов Ярославу. Всеволод же действовал более не оружием, а подарками, задаривая киевских бояр, чтобы они были ему заступниками перед великим князем, и так тянулось дело до самой зимы. Зимой Ярослав пришел из Мурома в Киев и стал торопить Мстислава, моля его о помощи. Мстислав, еще прежде обещавший защищать Ярославову вотчину и целовавший на том крест, совсем уже было собрался в поход, но

тут игумен Андреева монастыря Григорий, всем известный как человек праведный и честный, отговорил его. Мстислав помирился со Всеволодом, а Ярослава отослал в Муром, не вернув ему вотчины. Погребен Ярослав в Муроме.

ЯРОСЛАВ ЮРЬЕВИЧ (кол.10)

Из рода Туровских и Пинских кн. Сын Юрия Ярославича и кн. Городненской. Кн. Пинский ок. 1182 г.

ЯРОСЛАВ ЮРЬЕВИЧ (кол.13)

Из рода Муромских кн. Сын Юрия Давыдовича. Кн. Муромский в 1237—1248 гг.

Дальнейшая родословная князей Муромских неизвестна. Через сто лет упомянут князь Юрий Ярославич, но не ясно, кем он приходится Ярославу.

ЯРОСЛАВ ЯРОПОЛКОВИЧ (кол.8)

Из рода Рюриковичей. Сын Ярополка Изяславича. Кн. Брестский. † 1103 г.

В 1101 году Святополк Изяславич разгневался на племянника, кажется, за то, что тот хотел завладеть другими городами. Ярослав затворился в Бресте. Святополк пошел на него, заставил сдаться и в оковах привел в Киев. Митрополит и игумены умоляли Святополка оставить племянника на свободе, взяв с него клятвы при гробе Бориса и Глеба, вероятно, в том, что не будет больше посягать на дядины волости и станет жить спокойно в Киеве. Но в следующем году Ярослав бежал от дяди; за ним погнался двоюродный брат его Ярослав Святополкович, обманом схватил его за Брестом, на польской границе, и в оковах привел к отцу; на этот раз Ярополк уже не выпустили на свободу, и он умер в заточении в том же году.

ЯРОСЛАВ III ЯРОСЛАВИЧ (кол.11)

Из рода Владимиро-Суздальских вел. кн. Родоначальник *Тверских великих князей*. Сын Ярослава II Всеволодовича и кн. Смоленской Ростиславы Мстиславны. Кн. Тверской в 1247—1272 гг. Кн. Псковский в 1254 г. Кн. Новгородский в 1255, 1264—1272 гг. Вел. кн. Владимирский в 1264—1272 гг. Ж.: 1) неизвестная († 1252 г.); 2) с 1266 г. дочь кн. Торусского Юрия Михайловича, кн. Ксения († 1313 г.). † 16 сент. 1272 г.

Уже в событиях 1252 года, когда хан Неврюй воевал с Андреем Ярославичем, Ярослав, как можно предположить, был противником Александра Невского. В 1254 году он отправился княжить во Псков (а по другим известиям в Ладогу), где приняли его с большой честью. Псков находился в тесной связи с Новгородом, а в Новгороде не все были довольны великим князем Александром, вместо которого теперь княжил здесь его сын Василий, и вот в 1255 году новгородцы выгнали Василия и перевели к себе из Пскова Ярослава. Василий засел по обычаю в Торжке. Вскоре явился с войском Александр Невский. Ярослав, не дожидаясь брата, бежал из города.

В 1262 году Ярослав с племянником Дмитрием Александровичем ходил на Юрьев против ливонцев. Немцы сильно укрепили город. "Был Юрьев тверд, — говорит летописец, — в три стены, и множество людей в нем всяких, и оборону себе построили на горе крепкую". Посад был взят приступом и сожжен; русские взяли большой полон и много всякого товара, но крепость взять не могли и ушли назад. Немецкий летописец прибавляет, что русские оставили Юрьев, услышав о приближении магистра Вернера фон Брейтгаузена, и что магистр по их следам вторгся в русские владения, опустошил их, но болезнь принудила его возвратиться.

В 1264 году, после смерти Александра Невского, Андрей Ярославич снова хотел занять владимирский стол, но Ярослав

лав перенес дело на решение хана, и тот утвердил великим князем его. Это известие подтверждается тем, что в летописи вступление Ярослава на великокняжеский стол означено не тотчас по смерти Александра, в 1263 году, но уже по смерти Андрея, в 1264-м.

Вскоре после этого Ярослава пригласили княжить также в Новгороде. По этому случаю между князем и новгородцами был заключен договор, дошедший до нас во всей полноте. Несмотря на то, что Ярослав, как видно, согласился на все условия новгородцев, мир между ними продолжался недолго. В 1270 году в Новгороде начался мятеж. Горожане собрали вече на Ярославовом дворе и начали выгонять князя, убили его сторонника Иванка, а других ограбили. Новгородцы жаловались, что Волхов отнят у них "гогольными ловцами", а поле отнято "заячьими ловцами". Ярослав, несмотря на все свои старания, вынужден был уехать. Но тут же принялся собирать полки и послал к хану с жалобой на прежнего новгородского тысяцкого Ратибора. Хан поверил наговорам и дал Ярославу в помощь свои войска. Новгородцев спас младший брат Ярослава Василий Мизинный. Он поехал в Орду и доказал хану, что новгородцы правы. Хан вернул с дороги свою рать. Узнав об этом, Ярослав засел в Русе, а в Новгород послал с мирными предложениями. Новгородцы мира не приняли и ополчились против князя со всей своей волостью. Неделю противники стояли на Шексне друг против друга, но до битвы дело не дошло, так как митрополит прислал грамоту и заступился за Ярослава. Грамота подействовала, и когда князь прислал опять с поклоном, новгородцы помирились с ним по всей своей воле.

Зимой Ярослав отправился в Орду и на обратном пути, в 1272 году, умер. Тело его было отвезено в Тверь и положено в церкви св. Козьмы и Дамиана.

ЯРОСЛАВСКИЕ КНЯЗЬЯ

Ветвь *Смоленских князей*. Основан св. Федором Ростиславичем Черным.

От Ярославских кн. произошли:

- 1) Новленские князья;
- 2) Романовские князья;
- 3) Моложские князья.

ЯРОСЛАВСКИЕ КНЯЗЬЯ (младшая ветвь)

Княжеский род, ветвь *Ростовских князей*. Основан Всеволодом Константиновичем.

РОСПИСЬ КНЯЖЕНИЙ ПО ВОЛОСТЯМ

БЕЛГОРОДСКАЯ ВОЛОСТЬ

1117—1125 Мстислав I Владимирович.
1141 Святослав Ольгович.
1149—1150 Борис Юрьевич.
1161 Мстислав Ростиславич Храбрый.
1171—1173 Мстислав Ростиславич Храбрый.
1173—1194 Рюрик Ростиславич.
1205 Глеб Святославич.
1206 Мстислав Романович Старый.

БЕЛОЗЕРСКАЯ ВОЛОСТЬ

862—864 Синеус.
1238—1278 Глеб Василькович.
1278—1293 Михаил Глебович.
1293—1314 Федор Михайлович.
1314—1339 Роман Михайлович.
1339—1380 Федор Романович.
1432—1486 Михаил Андреевич.
Ок.1480 Юрий Васильевич.

БЕЛЪЗСКАЯ ВОЛОСТЬ

1170—1196 Всеволод Мстиславич.
1204 Александр Всеволодович.
1207—1210 Василько Романович.
1210—1230 Александр Всеволодович.
1231—1234 Александр Всеволодович.

БОРОВСКАЯ ВОЛОСТЬ

1410—1426 Семен Владимирович.
БРЕСТСКАЯ ВОЛОСТЬ
До 1103 Ярослав Ярополкович.
1153—1157 Владимир Андреевич.
В 1170—1180-х Василько Ярополчич.

БРЯНСКАЯ ВОЛОСТЬ

1246—1288 Роман Михайлович Старый.
До 1309 Василий Александрович.
1309—1310 Святослав Глебович.
1310—1314 Василий Александрович.
С 1314 Дмитрий Александрович.
До 1340 Глеб Святославич.
До 1370 Роман Михайлович.
1370-е Дмитрий Ольгердович.
До 1401 Роман Михайлович.

БУЖСКАЯ ВОЛОСТЬ

До 1169 Ярополк Изяславич.

ВЕЛИКОЛУЦКАЯ ВОЛОСТЬ

1197—1198 Изяслав Ярославич.

ВЕРЕЙСКАЯ ВОЛОСТЬ

1432—1486 Михаил Андреевич.

ВИТБЕЖСКАЯ ВОЛОСТЬ

1101—1129 Святослав Всеславич.

До 1165 Роман Вячеславич.
1165—1167 Давыд Ростиславич.
С 1175 Брячислав Василькович.
В 1180-х Василько Брячиславич.

ВЛАДИМИРО-ВОЛЫНСКАЯ ВОЛОСТЬ

С 987 Всеволод Владимирович.
До 1054 Святослав Ярославич.
1054—1057 Игорь Ярославич.
1073—1076 Олег Святославич.
1078—1087 Ярополк Изяславич.
1087—1099 Давыд Игоревич.
1099 Мстислав Святополкович.
1100—1118 Ярополк Святополкович.
1118—1119 Роман Владимирович.
1119—1135 Андрей Владимирович Добрый.
1135—1141 Изяслав II Мстиславич.
1141—1146 Святослав II Всеволодович.
1146—1149 Владимир Андреевич.
1149 Святополк Мстиславич.
1149—1151 Изяслав II Мстиславич.
1151—1154 Святополк Мстиславич.
1154—1157 Владимир Мстиславич.
1157—1170 Мстислав II Изяславич.
1170—1173 Святослав Мстиславич.
1173—1188 Роман Мстиславич.
1188 Всеволод Мстиславич.
1188—1205 Роман Мстиславич.
1205—1206 Даниил Романович.
1206—1207 Святослав Игоревич.
1207—1211 Александр Всеволодович.
1211 Василько Романович.
1212—1231 Даниил Романович.
1231—1269 Василько Романович.
1269—1289 Владимир Василькович.
С 1289 Мстислав Данилович.
В 1300-х Юрий Львович.
До 1324 Андрей Юрьевич.
До 1336 Юрий Андреевич.

ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКАЯ ВОЛОСТЬ (РОСТОВО-СУЗДАЛЬСКАЯ ЗЕМЛЯ)

987—1010 Ярослав I Владимирович Мудрый
1010—1015 Борис Владимирович
1066—1073 Владимир Всеволодович Мономах
1095 Мстислав I Владимирович.
1096—1149 Юрий I Владимирович Долгорукий.
1149—1155 Василько Юрьевич.
1155—1175 Андрей I Юрьевич Боголюбский.
1175 Михаил Юрьевич.
1175—1176 Мстислав Ростиславич Безокий.
1176—1177 Михаил Юрьевич.
1177—1212 Всеволод III Юрьевич Большое Гнездо.
1212—1216 Юрий II Всеволодович.
1216—1218 Константин Всеволодович.
1218—1238 Юрий II Всеволодович.
1238—1246 Ярослав II Всеволодович.

1246—1248 Святослав III Всеволодович.
 1248 Михаил Ярославич Храбрый.
 1248—1252 Андрей Второй Ярославич.
 1252—1263 Александр Ярославич Невский.
 1264—1272 Ярослав III Ярославич.
 1272—1276 Василий Ярославич Мизинный.
 1276—1281 Дмитрий I Александрович.
 1281—1284 Андрей III Александрович.
 1284—1292 Дмитрий I Александрович.
 1292—1304 Андрей III Александрович.
 1304—1319 Михаил Ярославич.
 1319—1322 Юрий III Данилович.
 1322—1325 Дмитрий II Михайлович.
 1325—1327 Александр Михайлович.
 1328—1341 Иван I Данилович Калита.
 1341—1353 Семен Иванович Гордый.
 1353—1359 Иван II Иванович Красный.
 1359—1363 Дмитрий III Константинович.
 1363—1389 Дмитрий Иванович Донской.

ВОЛОГОДСКАЯ ВОЛОСТЬ

1462—1481 Андрей Васильевич.

ВОЛОКОЛАМСКАЯ ВОЛОСТЬ

1177—1178 Ярослав Мстиславич Красный.

ВОЛОЦКАЯ ВОЛОСТЬ

1462—1494 Борис Васильевич.
 1494—1513 Федор Борисович.

ВЩИЖСКАЯ ВОЛОСТЬ

1157—1167 Святослав Владимирович.

ВЫШГОРОДСКАЯ ВОЛОСТЬ

1077—1078 Ярополк Изяславич.
 1136 Всеволод Мстиславич.
 1149 Андрей I Юрьевич Боголюбский.
 1149—1151 Вячеслав Владимирович.
 1156 Андрей I Юрьевич Боголюбский.
 1167—1188 Давыд Ростиславич.
 1199—1201 Ярослав Владимирович.
 1205—1210 Ростислав Рюрикович.

ГАЛИЦКАЯ ВОЛОСТЬ

1124—1141 Иван Василькович.
 1141—1145 Владимирко Володарович.
 1145 Иван Ростиславич Берладник.
 1145—1153 Владимирко Володарович.
 1153—1187 Ярослав Владимирович Осмо-
 мысл.

1187—1188 Олег Ярославич.
 1188 Владимир Ярославич.
 1188 Роман Мстиславич.
 1189—1190 Королевич Андрей, сын венгер-
 ского короля Белы III.

1190—1199 Владимир Ярославич.
 1199—1205 Роман Мстиславич.
 1205—1206 Даниил Романович.
 1206—1207 Владимир Игоревич.
 1207 Роман Игоревич.
 1207 Ростислав Рюрикович.
 1207 Роман Игоревич.

1208—1211 Владимир Игоревич.
 1211—1212 Даниил Романович.
 1212 Мстислав Ярославич Немой.
 1213—1215 Королевич Коломан, сын венгер-
 ского короля Андрея II.
 1215—1216 Мстислав Мстиславич Удалой.
 1216—1219 Королевич Коломан, сын венгер-
 ского короля Андрея II.
 1219—1226 Мстислав Мстиславич Удалой.
 1226—1229 Королевич Андрей, сын венгер-
 ского короля Андрея II.
 1229—1231 Даниил Романович.
 1231—1233 Королевич Андрей, сын венгер-
 ского короля Андрея II.
 1233—1235 Даниил Романович.
 1235—1238 Михаил Всеволодович.
 1238 Ростислав Михайлович.
 1238—1264 Даниил Романович.
 1264—1269 Шварн Данилович.
 1269—1301 Лев Данилович.
 1301—1316 Юрий Львович.
 До 1324 Андрей Юрьевич.
 До 1324 Лев Юрьевич.
 До 1336 Юрий Андреевич.
 ок. 1340 Болеслав Мазовецкий.

ГАЛИЧА МЕРСКОГО ВОЛОСТЬ

1247—1255 Константин Ярославич.
 1255—1280 Давыд Константинович.
 1280—1310 Василий Константинович.
 До 1335 Федор Давыдович.
 1335—1354 Иван Федорович.
 1354—1363 Дмитрий Иванович.
 1389—1433 Юрий Дмитриевич.
 1433—1450 Дмитрий Юрьевич Шемяка.

ГЕРСИКСКАЯ ВОЛОСТЬ

До 1215 Всеволод Владимирович.

ГОРОДЕЦКАЯ ВОЛОСТЬ

1264—1304 Андрей III Александрович.
 До 1432 Ярослав Александрович.

ГОРОДНЕНСКАЯ (ЗАП.) ВОЛОСТЬ

1113—1142 Всеволод Давыдович.
 1142—1169 Борис Всеволодович.
 1169—1172 Глеб Всеволодович.
 1172—1183 Мстислав Всеволодович.

ГОРОДНЕНСКАЯ ВОЛОСТЬ

1355—1393 Борис Константинович.

ГОРОДЦОВСКАЯ ВОЛОСТЬ

1159—1165 Володарь Глебович.

ДМИТРОВСКАЯ ВОЛОСТЬ

До 1334 Борис Давыдович.
 1389—1428 Петр Дмитриевич.
 1462—1473 Юрий Васильевич.
 1506—1536 Юрий Иванович.

ДОРОГОбУЖСКАЯ (ЮЖ.) ВОЛОСТЬ

1085 Давыд Игоревич.
 1099—1113 Давыд Игоревич.
 1150 Андрей Первый Юрьевич Боголюбский.
 1150—1154 Владимир Мстиславич.
 1157—1170 Владимир Андреевич.
 1170—1171 Владимир Мстиславич.
 1171 Мстислав Владимирович.

ДОРОГОбУЖСКАЯ ВОЛОСТЬ

1345—1372 Еремей Константинович.
 1372—1407 Дмитрий Еремеевич.
 1407—1437 Андрей Дмитриевич.
 1437—1485 Осип Андреевич.

ДРУЦКАЯ ВОЛОСТЬ

1101—1119 Борис Всеславич.
 1140—1146 Рогволод Борисович.
 1146—1151 Глеб Рогволодович.
 1151—1158 Глеб Ростиславич.
 С 1158 Рогволод Борисович.
 С 1163 Глеб Рогволодович.
 1190-е Борис Глебович.

ДУБРОВИЦКАЯ ВОЛОСТЬ

1182—1190 Глеб Юрьевич.
 До 1224 Александр Глебович.

ЕЛЕЦКАЯ ВОЛОСТЬ

1140-е Андрей Ростиславич.

ЗВЕНИГОРОДСКАЯ (ЗАП.) ВОЛОСТЬ

1124—1129 Владимирко Володаревич.
 1129—1145 Иван Ростиславич Берладник.
 1206—1207 Роман Игоревич.
 1208—1211 Роман Игоревич.

ЗВЕНИГОРОДСКАЯ ВОЛОСТЬ

До 1354 Иван II Иванович Красный.
 1359—1364 Иван Иванович Малый.
 1389—1433 Юрий Дмитриевич.
 1434 Василий Юрьевич Косой.
 1462—1492 Андрей Васильевич Горяй.

ЗУБЦОВСКАЯ ВОЛОСТЬ

С 1425 Иван Юрьевич.

ИЗБОРСКАЯ ВОЛОСТЬ

862—864 Трувор.
 До 1360 Евстафий.

ИЗЯСЛАВСКАЯ ВОЛОСТЬ

До 1129 Брячислав Давыдович.
 1158—1159 Брячислав Василькович.
 1159 Всеволод Глебович.

КАЛУЖСКАЯ ВОЛОСТЬ

1506—1518 Семен Иванович.

КАНЕВСКАЯ ВОЛОСТЬ

1149 Глеб Юрьевич.

КАШИНСКАЯ ВОЛОСТЬ

1319—1348 Василий Михайлович.
 1348—1362 Василий Васильевич.
 1362—1373 Михаил Васильевич.
 1373—1382 Василий Михайлович.
 1382—1389 Александр Михайлович Ордынец.
 1389—1395 Борис Михайлович.
 1395—1426 Василий Михайлович.

КИЕВСКАЯ ВОЛОСТЬ (РУССКАЯ ЗЕМЛЯ)

850-е Кий.
 864—882 Аскольд и Дир.
 882—912 Олег.
 912—945 Игорь Рюрикович.
 945—972 Святослав I Игоревич.
 972—980 Ярополк I Святославич.
 980—1015 Владимир Святославич.
 1015—1016 Святополк I Окаянный.
 1016—1018 Ярослав I Владимирович Мудрый.
 1018—1019 Святополк I Окаянный.
 1019—1054 Ярослав I Владимирович Мудрый.
 1054—1067 Изяслав I Ярославич.
 1068—1069 Всеслав Брячиславич.
 1069—1073 Изяслав I Ярославич.
 1073—1076 Святослав Ярославич.
 1077 Всеволод I Ярославич.
 1077—1078 Изяслав I Ярославич.
 1078—1093 Всеволод I Ярославич.
 1093—1113 Святополк II Изяславич.
 1113—1125 Владимир Всеволодович Мономах.
 1125—1132 Мстислав I Владимирович.
 1132—1139 Ярополк II Владимирович.
 1139 Вячеслав Владимирович.
 1139—1146 Всеволод II Ольгович.
 1146 Игорь Ольгович.
 1146—1149 Изяслав II Мстиславич.
 1149—1151 Юрий I Владимирович Долгорукий.
 1151—1154 Вячеслав Владимирович.
 1154 Ростислав Мстиславич.
 1154—1155 Изяслав III Давыдович.
 1155—1157 Юрий I Владимирович Долгорукий.
 1157—1158 Изяслав III Давыдович.
 1159—1162 Ростислав Мстиславич.
 1162 Изяслав III Давыдович.
 1162—1168 Ростислав Мстиславич.
 1168—1169 Мстислав II Изяславич.
 1169 Глеб Юрьевич.
 1169—1170 Мстислав II Изяславич.
 1170—1171 Глеб Юрьевич.
 1171 Владимир Мстиславич.
 1171—1173 Роман Ростиславич.
 1173 Всеволод III Юрьевич Большое Гнездо.
 1173 Рюрик Ростиславович.
 1174 Ярослав Изяславич.
 1174 Святослав II Всеволодович.
 1175 Ярослав Изяславич.
 1175—1177 Роман Ростиславич.
 1177—1180 Святослав II Всеволодович.

1180—1182 Рюрик Ростиславович.
 1182—1194 Святослав II Всеволодович.
 1194—1202 Рюрик Ростиславович.
 1202 Ингварь Ярославич.
 1203—1205 Рюрик Ростиславович.
 1205 Ростислав Рюрикович.
 1206 Рюрик Ростиславович.
 1206—1207 Всеволод Святославович Чер-
 мный.
 1207—1210 Рюрик Ростиславович.
 1210—1214 Всеволод Святославович Чер-
 мный.

1214 Ингварь Ярославич.
 1214—1224 Мстислав Романович Старый.
 1224—1235 Владимир Рюрикович.
 1235—1236 Изяслав Владимирович.
 1236—1238 Ярослав II Всеволодович.
 1238—1240 Михаил Всеволодович.
 1240 Ростислав Ростиславич.
 1240—1246 Михаил Всеволодович.
 1246—1263 Александр Ярославич Невский.
 До 1303 Киевский митрополит Максим.
 1300—1330-е Владимир Иванович.
 До 1362 Федор Иванович.

КЛЧСКАЯ ВОЛОСТЬ

В 1120—х Вячеслав Ярославич.

КОЗЬЛЬСКАЯ ВОЛОСТЬ.

До 1238 Иван Мстиславич.
 ок. 1238 Василий Иванович.

КОСТРОМСКАЯ ВОЛОСТЬ

1247—1276 Василий Ярославич Мизинный.
 1276—1293 Андрей III Александрович.
 1293—1296 Иван Дмитриевич.
 1296—1304 Андрей III Александрович.

КУКЕЙНОССКАЯ ВОЛОСТЬ

В 1200-х Вячеслав Владимирович.

КУРСКАЯ ВОЛОСТЬ

До 1085 Изяслав Владимирович.
 1125—1129 Изяслав II Мстиславич.
 1135—1138 Глеб Ольгович.
 1138—1139 Святослав Ольгович.
 1146 Иван Юрьевич.
 1147 Глеб Юрьевич.
 До 1206 Святослав Игоревич.
 С 1207 Олег Святославич.
 В 1230-х Юрий Олегович.
 Сер. XIII в. Дмитрий Святославич.
 До 1278 Василий Дмитриевич.

ЛАГОЖСКАЯ ВОЛОСТЬ

1180-е Андрей Владимирович.
 1180-е Всеслав Микулич.
 1180—1190-х Василько Володаревич.

ЛИПЕЦКАЯ ВОЛОСТЬ

До 1285 Святослав Андреевич.
 После 1285 Александр Андреевич.

ЛУЦКАЯ ВОЛОСТЬ

1099 Святоша Давыдович.
 1155—1157 Мстислав II Изяславич.
 1157—1180 Ярослав Изяславич.
 С 1180 Ингварь Ярославич.
 После 1214 Мстислав Ярославич Немой.
 1226 Ярослав Ингваревич.
 1230 Василько Романович.
 1239 Ростислав Михайлович.
 До 1320 Лев Юрьевич.

МАЛОЯРОСЛАВСКАЯ ВОЛОСТЬ

1410—1426 Ярослав Владимирович.

МИКУЛИНСКАЯ ВОЛОСТЬ

1339—1399 Михаил Александрович.
 1399—1407 Федор Михайлович.
 1407—1435 Александр Федорович.
 1435—1455 Федор Федорович.
 1455—1461 Борис Александрович.
 1461—1485 Андрей Борисович.

МИНСКАЯ ВОЛОСТЬ

1101—1119 Глеб Всеславич.
 1146—1151 Ростислав Глебович.
 1151—1159 Володарь Глебович.
 1159—1165 Ростислав Глебович.
 1165—1167 Володарь Глебович.
 1180-е Владимир Володарович.

МОЛОЖЕЖСКАЯ ВОЛОСТЬ

1321—1362 Михаил Давыдович.
 1362—1408 Федор Михайлович.

МОЖАЙСКАЯ ВОЛОСТЬ

1260—1297 Федор Ростиславич Черный.
 1297—1303 Святослав Глебович.
 1389—1432 Андрей Дмитриевич.
 1432—1454 Иван Андреевич

МОСКОВСКАЯ ВОЛОСТЬ

До 1238 Владимир Юрьевич.
 1246—1248 Михаил Ярославич Храбрый.
 1248—1263 Борис Михайлович.
 1263—1303 Даниил Александрович.
 1303—1325 Юрий III Данилович.
 1325—1341 Иван I Данилович Калита.
 1341—1353 Семен Иванович Гордый.
 1354—1359 Иван II Иванович Красный.
 1359—1389 Дмитрий Иванович Донской.
 1389—1425 Василий I Дмитриевич.
 1425—1434 Василий II Васильевич Темный.
 1434 Юрий Дмитриевич.
 1434—1462 Василий II Васильевич Темный.
 1462—1506 Иван III Васильевич Великий.
 1506—1534 Василий III Иванович.
 1534—1547 Иван IV Грозный.

МУРОМСКАЯ ВОЛОСТЬ

До 1015 Глеб Владимирович.
 1095—1096 Изяслав Владимирович.

1096—1129 Ярослав Святославич.
 1129—1143 Юрий Ярославич.
 1143—1145 Святослав Ярославич.
 1145—1155 Ростислав Ярославич.
 1155—1162 Владимир Святославич.
 До 1176 Юрий Владимирович.
 1176—1205 Владимир Юрьевич.
 1205—1228 Давыд Юрьевич.
 1228—1237 Юрий Давыдович.
 1237—1248 Ярослав Юрьевич.
 1345—1354 Юрий Ярославич.

НИЖЕГОРОДСКАЯ ВОЛОСТЬ

1359—1365 Андрей Константинович.
 1365—1383 Дмитрий III Константинович.
 1383—1387 Борис Константинович.
 1387—1393 Василий Дмитриевич Кирдяпа.
 1387—1393 Семен Дмитриевич.
 1393 Борис Константинович.

НОВГОРОД-СЕВЕРСКАЯ ВОЛОСТЬ

1097—1115 Олег Святославич.
 1141—1157 Святослав Ольгович.
 1157—1164 Святослав II Всеволодович.
 1164—1180 Олег Святославич.
 1180—1198 Игорь Святославич.
 1198—1206 Владимир Игоревич.
 До 1235 Изяслав Владимирович.
 1500—1523 Василий Иванович Шемякин.

НОВГОРОДСКАЯ ВОЛОСТЬ

862—879 Рюрик.
 879—882 Олег.
 До 912 Игорь Рюрикович.
 969—977 Владимир Святославич.
 987—1010 Вышеслав Владимирович.
 1010—1036 Ярослав I Владимирович Мудрый.
 1036—1052 Владимир Ярославич.
 1052—1054 Изяслав I Ярославич.
 До 1067 Мстислав Изяславич.
 1069—1078 Глеб Святославич.
 1078—1088 Святополк II Изяславич.
 1088—1095 Мстислав I Владимирович.
 1095 Давыд Святославич.
 1095—1117 Мстислав I Владимирович.
 1117—1136 Всеволод Мстиславич.
 1136—1138 Святослав Ольгович.
 1138—1139 Ростислав Юрьевич.
 1139—1141 Святослав Ольгович.
 1141 Ростислав Юрьевич.
 1142—1148 Святополк Мстиславич.
 1148—1153 Ярослав Изяславич.
 1153 Ростислав Мстиславич.
 1154 Давыд Ростиславич.
 1154—1157 Мстислав Юрьевич.
 1158—1160 Святослав Ростиславич.
 1160—1161 Мстислав Ростиславич Безокий.
 1162—1168 Святослав Ростиславич.
 1168—1170 Роман Мстиславич.
 1170—1171 Рюрик Ростиславич.
 1172—1175 Юрий Андреевич.
 1175—1176 Святослав Мстиславич.
 1177 Мстислав Ростиславич Безокий.
 1177 Ярослав Мстиславич Красный.

1177—1178 Мстислав Ростиславич Безокий..
 1178 Ярополк Ростиславич
 1178—1179 Роман Ростиславич.
 1179—1180 Мстислав Ростиславич Храбрый.
 1180—1181 Владимир Святославич.
 1182—1184 Ярослав Владимирович.
 1184—1187 Мстислав Давыдович.
 1187—1196 Ярослав Владимирович.
 1197 Ярополк Ярославич.
 1197—1199 Ярослав Владимирович.
 1200—1205 Святослав III Всеволодович.
 1205—1207 Константин Всеволодович.
 1207—1210 Святослав III Всеволодович.
 1210—1215 Мстислав Мстиславич Удалой.
 1215 Ярослав II Всеволодович.
 1216—1218 Мстислав Мстиславич Удалой.
 1218—1219 Святослав Мстиславич.
 1219—1221 Всеволод Мстиславич.
 1221 Всеволод Юрьевич.
 1221—1223 Ярослав II Всеволодович.
 1223 Всеволод Юрьевич.
 1224 Михаил Всеволодович.
 1224—1228 Ярослав II Всеволодович.
 1229 Михаил Всеволодович.
 1229—1230 Ростислав Михайлович.
 1230—1236 Ярослав II Всеволодович.
 1236—1240 Александр Ярославич Невский.
 1241—1252 Александр Ярославич Невский.
 1252—1255 Василий Александрович.
 1255 Ярослав III Ярославич.
 1255—1257 Василий Александрович.
 1257—1259 Александр Ярославич Невский.
 1259—1264 Дмитрий I Александрович.
 1264—1272 Ярослав III Ярославич.
 1272—1273 Дмитрий I Александрович.
 1273—1276 Василий Ярославич Мизинный.
 1276—1281 Дмитрий I Александрович.
 1281—1285 Андрей III Александрович.
 1285—1292 Дмитрий I Александрович.
 1292—1304 Андрей III Александрович.
 1308—1314 Михаил Ярославич.
 1314—1315 Афанасий Данилович.
 1315—1316 Михаил Ярославич.
 1319—1322 Афанасий Данилович.
 1322—1325 Юрий III Данилович.
 1325—1327 Александр Михайлович.
 1328—1337 Иван I Данилович Калита.
 1346—1353 Семен Иванович Гордый.
 1355—1359 Иван II Иванович Красный.
 1359—1363 Дмитрий III Константинович.
 1363—1389 Дмитрий Иванович Донской.
 1389—1407 Симеон Ольгердович.
 1408—1425 Василий I Дмитриевич.
 1425—1462 Василий II Васильевич.
 1462—1480 Иван III Васильевич.

**ОВРУЧЕВСКАЯ ВОЛОСТЬ (ДРЕВЛЯНСКАЯ
ЗЕМЛЯ)**

До 945 Мал.
 969—977 Олег Святославич.
 988—1015 Святослав Владимирович.
 Нач. XV в. Андрей Иванович.
 Сер. XV в. Василий Андреевич.

ПЕРЕМЫШЛЬСКАЯ (ЗАП.) ВОЛОСТЬ

1085—1092 Рюрик Ростиславич.

1092—1124 Володарь Ростиславович.
 1124—1129 Ростислав Володаревич.
 1129—1153 Владимирко Володаревич.
 1210—1211 Святослав Игоревич.
 1211 Даниил Романович.
 С 1227 Ярослав Ингваревич.

ПЕРЕМЫШЛЬСКАЯ ВОЛОСТЬ

1414—1427 Василий Владимирович.

ПЕРЕСОПНИЦКАЯ ВОЛОСТЬ

1146—1149 Вячеслав Владимирович.
 1180—1226 Мстислав Ярославич Немой.
 1227—1238 Василько Романович.

ПЕРЕСЛАВЛЬ-ЗАЛЕССКАЯ ВОЛОСТЬ

1176—1177 Всеволод III Юрьевич Большое Гнездо.

1212—1238 Ярослав II Всеволодович.
 1238—1263 Александр Ярославич Невский.
 1263—1294 Дмитрий I Александрович.
 1294—1302 Иван Дмитриевич.
 1302—1303 Даниил Александрович.

ПЕРЕСЛАВСКАЯ ВОЛОСТЬ

1054—1073 Всеволод I Ярославич.
 1078—1094 Ростислав Всеволодович.
 1094—1113 Владимир Всеволодович Мономах.

1113—1114 Святослав Владимирович.
 1114—1132 Ярополк II Владимирович.
 1132 Изяслав II Мстиславич.
 1132—1134 Вячеслав Владимирович.
 1135 Юрий I Владимирович Долгорукий.
 1135—1141 Андрей Владимирович Добрый.
 1142 Вячеслав Владимирович.
 1142—1146 Изяслав II Мстиславич.
 1146—1149 Мстислав II Изяславич.
 1149—1150 Ростислав Юрьевич.
 1151—1155 Мстислав II Изяславич.
 1155—1169 Глеб Юрьевич.
 1169—1187 Владимир Глебович.
 1187—1199 Ярослав Мстиславич Красный.
 1201—1206 Ярослав II Всеволодович.
 1206 Михаил Всеволодович.
 1206—1213 Владимир Юрикович.
 1213—1215 Владимир Всеволодович.
 1227 Всеволод Константинович.
 1228—1238 Святослав III Всеволодович.

ПИНСКАЯ ВОЛОСТЬ

Ок. 1182 Ярослав Юрьевич.
 До 1229 Владимир Глебович.
 До 1292 Юрий Владимирович.

ПОЛОЦКАЯ ВОЛОСТЬ

До 70-х X в. Рогволод.
 987—1001 Изяслав Владимирович.
 1001—1003 Всеслав Изяславич.
 1003—1044 Брячислав Изяславич.
 1044—1068 Всеслав Брячиславич.
 1069 Мстислав Изяславич.

1069—1071 Святополк II Изяславич.
 1071—1101 Всеслав Брячиславич.
 1101—1116 Роман Всеславич.
 1116—1119 Глеб Всеславич.
 1119—1127 Борис Всеславич.
 1127 Давыд Всеславич.
 1127—1128 Рогволод Всеславич.
 1128—1129 Давыд Всеславич.
 1129—1132 Изяслав II Мстиславич.
 1132—1144 Василько Святославич.
 1144—1151 Рогволод Борисович.
 1151—1159 Ростислав Глебович.
 1159—1162 Рогволод Борисович.
 С 1162 Всеслав Василькович.
 1186—1215 Владимир Василькович.
 После 1215 Борис Давыдович.
 1222—1232 Святослав Мстиславич.

ПРОНСКАЯ ВОЛОСТЬ

До 1186 Всеволод Глебович.
 1186—1188 Святослав Глебович.
 С 1188 Всеволод Глебович.
 До 1207 Михаил Всеволодович.
 1207 Изяслав Владимирович.
 1207—1208 Олег Владимирович.
 1208 Давыд Юрьевич.
 1208—1217 Михаил Всеволодович.
 1270—1294 Ярослав Романович.
 1294—1308 Иван Ярославич.
 После 1308 Михаил Ярославич.
 До 1340 Александр Михайлович.
 1340—1342 Ярослав Александрович.
 1343—1371 Владимир Ярославич.
 1372—1430 Иван Владимирович.
 С 1430 Федор Иванович.
 До 1483 Юрий Федорович.

ПСКОВСКАЯ ВОЛОСТЬ

До 1036 Судислав Владимирович.
 1136—1138 Всеволод Мстиславич.
 1138—1140 Святополк Мстиславич.
 1178—1195 Мстислав Романович Старый.
 1211—1213 Владимир Мстиславич.
 1214 Всеволод Мстиславич.
 С 1214 Владимир Мстиславич.
 1254 Ярослав III Ярославич.
 1264—1266 Святослав Ярославич.
 1266—1299 Довмонт.
 1328—1337 Александр Михайлович.
 Ок. 1340 Иван.
 1341—1348 Андрей Ольгердович.
 После 1377 Андрей Ольгердович.
 1399 Иван Всеволодович.
 1410—1412 Александр Федорович.
 1415—1417 Андрей Александрович.
 1417—1420 Федор Александрович.
 1421—1423 Александр Федорович.
 1429—1434 Александр Федорович.
 1461—1462 Владимир Андреевич.

ПУТИВЛЬСКАЯ ВОЛОСТЬ

1185—1198 Владимир Игоревич.
 1198—1206 Роман Игоревич.
 1207—1208 Владимир Игоревич.

Сер. XIV в. Иван Романович.
 Кон. XIV в. Иван Иванович.
 До 1330-х Владимир Иванович.
 До 1360-х Федор Иванович.

РАДОНЕЖСКАЯ ВОЛОСТЬ

1410—1426 Андрей Владимирович.

РОПЕНСКАЯ ВОЛОСТЬ

1158 Ярослав Всеволодович.

РОСТОВСКАЯ ВОЛОСТЬ

1207—1218 Константин Всеволодович.
 1218—1238 Василько Константинович.
 1238—1277 Борис Василькович.
 1277—1278 Глеб Василькович.
 1278—1286 Дмитрий Борисович.
 1286—1288 Константин Борисович.
 1289—1294 Дмитрий Борисович.
 1294—1307 Константин Борисович.
 1307—1316 Василий Константинович.
 1316—1320 Юрий Александрович.

РОСТОВСКО-БОРИСГЛЕБСКАЯ ВОЛОСТЬ

1320—1365 Константин Васильевич.
 1365—1375 Василий Константинович.
 1375—1404 Александр Константинович.
 1404—1415 Андрей Александрович.
 1415—1417 Федор Александрович.
 С 1417 Иван Александрович.
 До 1474 Владимир Андреевич.

РОСТОВСКО-УСРЕТИНСКАЯ ВОЛОСТЬ

1320—1331 Федор Васильевич.
 1331—1409 Андрей Федорович.

РУЗСКАЯ ВОЛОСТЬ

1494—1504 Иван Борисович.

РЫЛЬСКАЯ ВОЛОСТЬ

В конце XIII в. Святослав Ольгович.
 До 1241 Мстислав Святославич.
 1240-е Андрей Мстиславич.
 До 1285 Олег Мстиславич.

РЯЗАНСКАЯ ВОЛОСТЬ

1129—1143 Святослав Ярославич.
 1143—1145 Ростислав Ярославич.
 1145—1178 Глеб Ростиславич.
 1178—1207 Роман Глебович.
 1213—1217 Роман Игоревич.
 1217—1235 Ингварь Игоревич.
 1235—1237 Юрий Игоревич.
 1238—1252 Ингварь Ингваревич.
 1252—1258 Олег Ингваревич Красный.
 1258—1270 Роман Ольгович.
 1270—1294 Федор Романович.
 1294—1299 Ярослав Романович.
 1299—1301 Константин Романович.
 1301—1308 Василий Константинович.

1308—1327 Иван Ярославич.
 1327—1342 Иван Иванович Коротопол.
 1342—1344 Ярослав Александрович.
 1344—1350 Василий Александрович.
 1350—1371 Олег Иванович.
 1371—1372 Владимир Ярославич.
 1372—1402 Олег Иванович.
 1402—1427 Федор Ольгович.
 1427—1456 Иван Федорович.
 1456—1483 Василий Иванович Третной.
 1483—1500 Иван Васильевич.
 1500—1516 Иван Иванович.

СЕРПУХОВСКАЯ ВОЛОСТЬ

1341—1353 Андрей Иванович.
 1358—1410 Владимир Андреевич Храбрый.
 1410—1422 Иван Владимирович.
 1422—1426 Семен Владимирович.
 1427—1456 Василий Ярославич.

СЛУЦКАЯ ВОЛОСТЬ

1162 Владимир Мстиславич.

СМОЛЕНСКАЯ ВОЛОСТЬ

До 987 Станислав Владимирович.
 1054—1057 Вячеслав Ярославич.
 1057—1060 Игорь Ярославич.
 1073—1078 Владимир Всеволодович Мономах.

1087—1097 Давыд Святославич.
 До 1113 Святослав Владимирович.
 1113—1125 Вячеслав Владимирович.
 1125—1160 Ростислав Мстиславич.
 1160—1172 Роман Мстиславич.
 1172—1174 Ярополк Романович.
 1175—1177 Мстислав Ростиславич Храбрый.
 1177—1180 Роман Мстиславич.
 1180—1197 Давыд Ростиславич.
 1197—1213 Мстислав Романович Старый.
 1213—1219 Владимир Юрикович.
 1219—1230 Мстислав Давыдович.
 1232—1239 Святослав Мстиславич.
 1239—1249 Всеволод Мстиславич.
 1249—1278 Глеб Ростиславич.
 1278—1279 Михаил Ростиславич.
 1280—1297 Федор Ростиславич Черный.
 1297—1313 Александр Глебович.
 1313—1359 Иван Александрович.
 1359—1386 Святослав Иванович.
 1386—1392 Юрий Святославич.
 1392—1395 Глеб Святославич.
 1401—1405 Юрий Святославич.

СНОВСКАЯ ВОЛОСТЬ

До 1215 Ростислав Ярославич.

СТАРИЦКАЯ ВОЛОСТЬ

1505—1536 Андрей Иванович.
 1541—1569 Владимир Андреевич.

СТАРОДУБСКАЯ (ЮЖ.) ВОЛОСТЬ

До 1505 Семен Иванович.

До 1517 Василий Семенович Тулуп.

СТАРОДУБСКАЯ ВОЛОСТЬ

1217—1227 Владимир Всеволодович.
1237—1247 Иван Всеволодович.
1247—1281 Михаил Иванович.
1281—1315 Иван Михайлович Калистрат.
1315—1330 Федор Иванович Благоверный.
1330—1355 Дмитрий Федорович.
1355—1363 Иван Федорович.
1370—1380-е Андрей Федорович.

СТАРОРЯЗАНСКАЯ ВОЛОСТЬ

1483—1503 Федор Васильевич Третной.

СТЕПАНСКАЯ ВОЛОСТЬ

В 1220-х Ростислав Глебович.
До 1292 Глеб Ростиславич.
С 1290 Владимир Иванович.

СТРЕЖЕВСКАЯ ВОЛОСТЬ

С 1159 Всеволод Глебович.

СУТОРСКАЯ ВОЛОСТЬ

До 1380 Василий Романович.

СУЗДАЛЬСКАЯ ВОЛОСТЬ

1154—1155 Михаил Юрьевич.
1217 Юрий II Всеволодович.
1238—1246 Святослав III Всеволодович.
1246—1264 Андрей II Ярославич.
1264—1279 Юрий Андреевич.
1279—1305 Михаил Андреевич.
1305—1309 Василий Андреевич.
1309—1332 Александр Васильевич.
1332—1355 Константин Васильевич.
1355—1359 Андрей Константинович.
1359—1383 Дмитрий III Константинович.
1383—1393 Василий Дмитриевич Кирдяпа.
1387—1393 Семен Дмитриевич.
До 1446 Василий Юрьевич Шуйский.
пер. пол. XVI в. Василий Семенович.
В 1440-х Федор Юрьевич Шуйский.
До 1458 Иван Васильевич Горбатый.

ТВЕРСКАЯ ВОЛОСТЬ

1247—1272 Ярослав III Ярославич.
1272—1282 Святослав Ярославич.
1282—1319 Михаил Ярославич.
1319—1325 Дмитрий II Михайлович Грозные
Очи.

1325—1327 Александр Михайлович.
1329—1337 Константин Михайлович.
1337—1339 Александр Михайлович.
1339—1345 Константин Михайлович.
1346—1349 Всеволод Александрович.
1349—1368 Василий Михайлович.
1368—1399 Михаил Александрович.
1399—1425 Иван Михайлович.
1425 Александр Иванович.
1425—1426 Юрий Александрович.

1426—1461 Борис Александрович.
1461—1485 Михаил Борисович.
1486—1490 Иван Иванович Молодой.

ТЕРЕБОВЛЬСКАЯ ВОЛОСТЬ

1085—1124 Василько Ростиславич.
1124—1141 Григорий Василькович.
1141—1153 Владимирко Володаревич.
1210 Изяслав Владимирович.

ТМУТАРАКАНСКАЯ ВОЛОСТЬ

987—1036 Мстислав Владимирович.
1064 Глеб Святославич.
1064—1066 Ростислав Владимирович.
1066—1068 Глеб Святославич.
1077—1079 Роман Святославич.
1081—1083 Давыд Игоревич.
1083—1094 Олег Святославич.

ТОРОПЕЦКАЯ ВОЛОСТЬ

1181—1213 Мстислав Мстиславич Удалой.
До 1225 Давыд Мстиславич.

ТОРЧЕСКАЯ (ПОРОСЬСКАЯ) ВОЛОСТЬ

1155—1161 Василько Юрьевич.
1161—1171 Михаил Юрьевич.
1195—1205 Ростислав Рюрикович.
1226—1228 Мстислав Мстиславич Удалой.

ТРИПОЛЬСКАЯ ВОЛОСТЬ

1162—1168 Владимир Мстиславич.
1177—1180 Мстислав Владимирович.

ТРУБЧЕВСКАЯ ВОЛОСТЬ

До 1196 Всеволод Святославич.
До 1232 Святослав Всеволодович.
После 1232 Андрей Святославич.

ТУРОВСКАЯ ВОЛОСТЬ

988—1015 Святополк I Окаянный.
До 1052 Изяслав I Ярославич.
1078—1087 Ярополк Изяславич.
1088—1093 Святополк II Изяславич.
1125—1132 Вячеслав Владимирович.
1132—1134 Изяслав II Мстиславич.
1134—1142 Вячеслав Владимирович.
1142 Святослав II Всеволодович.
1142—1146 Вячеслав Владимирович.
1146 Ярослав Изяславич.
1150—1151 Андрей I Юрьевич Боголюбский.
1154 Святослав II Всеволодович.
1156—1157 Борис Юрьевич.
1157—1167 Юрий Ярославич.
1167—1190 Иван Юрьевич.
1190—1195 Глеб Юрьевич.
1195—1207 Иван Юрьевич.
До 1292 Юрий Владимирович
Нач. XIV в. Дмитрий Юрьевич.
Сер. XIV в. Данила Дмитриевич.
Сер. XIV в. Федор Данилович.

УГЛИЦКАЯ ВОЛОСТЬ

1238—1249 Владимир Константинович.
 1249—1261 Андрей Владимирович.
 1261—1285 Роман Владимирович.
 1286—1288 Дмитрий Борисович.
 1289—1294 Константин Борисович.
 1294—1302 Александр Константинович.
 1302—1320 Юрий Александрович.
 1389—1405 Петр Дмитриевич.
 1405—1410 Владимир Андреевич Храбрый.
 До 1433 Константин Дмитриевич.
 1433—1441 Дмитрий Юрьевич Красный.
 1441—1448 Дмитрий Юрьевич Шемяка.
 1462—1492 Андрей Васильевич Горай.
 1506—1521 Дмитрий Иванович Жилка.
 1534—1564 Юрий Васильевич.

ХОЛМСКАЯ ВОЛОСТЬ

1339—1364 Всеволод Александрович.
 1366—1408 Юрий Всеволодович.
 С 1408 Дмитрий Юрьевич.
 До 1468 Даниил Дмитриевич.
 До 1486 Михаил Дмитриевич.

ЧЕРВЕНСКАЯ ВОЛОСТЬ

1210-е Всеволод Всеволодович.

ЧЕРНИГОВСКАЯ ВОЛОСТЬ

1024—1036 Мстислав Владимирович.
 1054—1073 Святослав Ярославич.
 1073—1078 Всеволод I Ярославич.
 1078 Борис Вячеславич.
 1078—1093 Владимир Всеволодович Моно-

мах.

1094—1097 Олег Святославич.
 1097—1123 Давыд Святославич.
 1123—1127 Ярослав Святославич.
 1127—1139 Всеволод II Ольгович.
 1139—1151 Владимир Давыдович.
 1152—1154 Изяслав III Давыдович.
 1154—1155 Святослав Ольгович.
 1155—1157 Изяслав III Давыдович.
 1157—1164 Святослав Ольгович.
 1164—1177 Святослав II Всеволодович.
 1177—1198 Ярослав Всеволодович.

1198—1202 Игорь Святославич
 1202—1204 Олег Святославич.
 1204—1210 Всеволод Святославович Черм-
 ный.

1210—1214 Рюрик Ростиславич.
 1214 Всеволод Святославович Чермный.
 1214 Рюрик Ольгович.
 1214—1219 Глеб Святославич.
 1219—1224 Мстислав Святославич.
 1224 Олег Святославич.
 1224—1236 Михаил Всеволодович.
 1236—1239 Мстислав Глебович.
 1240—1243 Ростислав Михайлович.
 1243—1246 Михаил Всеволодович.
 1246 Андрей Мстиславич.
 1246—1261 Всеволод Ярополкович.
 1261—1263 Андрей Всеволодович.
 1263—1288 Роман Михайлович Старый.
 Кон. XIII в. Олег Романович.
 Нач. XIV в. Михаил Дмитриевич.
 Пер. пол. XIV в. Михаил Александрович.
 До 1370 Роман Михайлович.
 1393—1401 Роман Михайлович

ШУЙСКАЯ ВОЛОСТЬ

1393—1403 Василий Дмитриевич Кирдяпа.
 До 1446 Василий и Федор Юрьевичи.

ЮРЬЕВ-ПОЛЬСКАЯ ВОЛОСТЬ

1213—1228 Святослав III Всеволодович.
 1248—1252 Святослав III Всеволодович.
 1252—1269 Дмитрий Святославич.
 С 1269 Ярослав Дмитриевич.
 Ок. 1340 Иван Ярославич.

ЯРОСЛАВСКАЯ ВОЛОСТЬ

1218—1238 Всеволод Константинович.
 1238—1249 Василий Всеволодович.
 1249—1255 Константин Всеволодович.
 1261—1299 Федор Ростиславич Черный.
 1299—1321 Давыд Федорович.
 1321—1345 Василий Давыдович Грозные
 Оч.
 С 1345 Василий Васильевич.
 До 1426 Иван Васильевич Большой.
 1434—1463 Александр Федорович Брюхатый

Использованная литература

- Александров Д. Н. Южнорусские земли во второй половине XIII — начале XIV вв. — В кн.: Проблемы политической истории и историографии. М., 1994;
- Алексеев Л. В. Полоцкая земля. М.; Л., 1966;
- Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX—XIII вв. М., 1980;
- Балязин В. Н. Романовы. Семейная хроника. М., 1996;
- Биркин К. Временщики и фаворитки. М., 1992;
- Богданович А. В. Дневник. — В кн.: Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995;
- Богданович М. История царствования императора Александра Первого и России в его время. СПб., 1869—1871;
- Богословский М. М. Императрица Елизавета Петровна. — В кн.: Три века. Т. 4. М., 1992;
- Боханов А. Н. Николай Второй. — В кн.: Российские самодержцы. М., 1994;
- Валишевский К. Иван Грозный. М., 1993;
- Валишевский К. Смутное время. М., 1993;
- Валишевский К. Первые Романовы. М., 1993;
- Валишевский К. Петр Великий. М., 1990;
- Валишевский К. Преемники Петра. М., 1990;
- Валишевский К. Дочь Петра Великого. М., 1989;
- Валишевский К. Роман императрицы. Екатерина Вторая. М., 1990;
- Валишевский К. Сын великой Екатерины. М., 1993;
- Василевский И. М. Романовы. Ростов-на-Дону, 1993;
- Валлотон. Александр Первый. М., 1991;
- Вильчковский С. Н. Беседа с генералом Н. В. Рузским о пребывании Николая Второго в Пскове 1 и 2 марта 1917 г. — В кн.: Отречение Николая Второго. М., 1990;
- Газенкамф М. А. Мой дневник 1877—1878 гг. — В кн.: Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995;
- Гальберштадт Л. И. Внешняя политика России в царствование Александра Первого. — В кн.: Три века. Т. 5. М., 1994;
- Гальберштадт Л. И. Внешняя политика России в царствование Александра Второго. — В кн.: Три века. Т. 6. М., 1995;
- Готье Ю. В. Император Николай Первый (Опыт характеристики). — В кн.: Три века. Т. 5. М., 1994;
- Грушевский А. Пинское Полесье. Исторические очерки. Ч. 1. XI—XIII вв. Киев, 1901;
- Давыдов Н. В. Судебные реформы 1866 г. — В кн.: Три века. Т. 6. М., 1995;
- Дворжицкий А. И. Первое марта 1881 года. — В кн.: Александр Второй. Воспоминания. Дневники. СПб., 1995;
- Дубенский Д. Н. Как произошел переворот в России. — В кн.: Отречение Николая Второго. М., 1990;
- Дурасов В. Родословная книга Всероссийского дворянства. Ч. 1. СПб., 1906;
- Екатерина Вторая. Записки. М., 1990;
- Захарова Л. Г. Александр Второй. — В кн.: Российские самодержцы. М., 1994;
- Зотов Р. В. О Черниговских князьях по любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892;
- Иванов П. А. Исторические судьбы Волынской земли с древнейших времен до конца XIV в. Одесса, 1895;
- Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1988;
- Ключевский В. О. Курс русской истории. М., 1989;
- Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1992;
- Костомаров Н. И. Самодержавный отрок. — В кн.: Исторические монографии и исследования. М., 1989;
- Лев Диакон. История. М., 1988;
- Любавский М. К. Царствование Павла Первого. — В кн.: Три века. Т. 5. М., 1994;
- Милютин Д. А. Дневник. — В кн.: Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995;
- Мироненко С. В. Николай Первый. — В кн.: Российские самодержцы. М., 1994;
- Мордвинов А. А. Последние дни императора. — В кн.: Отречение Николая Второго. М., 1990;
- Мэсси Р. Николай и Александра. М., 1990;
- Павленко Н. И. Петр Первый и его время. М., 1989;
- Палаузов С. В. Ростислав Михайлович, князь Мачевы. // Журнал министерства народного просвещения. 1851. № 8;
- Петров П. Н. История родов русского дворянства. М., 1991;
- Пичета В. И. Внешняя политика Павла Первого. — В кн.: Три века. Т. 5. М., 1994;
- Пичета В. И. Земские учреждения 1864 года. — В кн.: Три века. Т. 6. М., 1995;
- Пичета В. И. Городская реформа 1870 г. — В кн.: Три века. Т. 6. М., 1995;
- Платонов С. О. Царь Алексей Михайлович. Опыт характеристики. — В кн.: Три века. Т. 1. М., 1991;
- Платонов С. Ф. Учебник русской истории. М., 1992;
- Пресняков А. Е. Московское государство первой половины XVII века. — В кн.: Три века. Т. 1. М., 1991. Повести временных лет. М.; Л., 1950;
- Пушкин А. С. Из дневника 1831 года. — Собр. соч. в 10 томах. Т. 7. М., 1962;
- Пушкин А. С. История Пугачева. — Собр. соч. в 10 томах. Т. 7. М., 1962;

- Пушкин А. С. История Петра. — Собр. соч. в 10 томах. Т. 8. М., 1962;
- Пыляев М. И. Старый Петербург. М., 1990;
- Рапов О. М. Русская церковь в IX — первой трети XII в. Принятие христианства. М., 1988. Россия и Романовы: Россия под скипетром Романовых. М., 1992;
- Саввич В. В. Отречение от престола императора Николая Второго. — В кн.: Отречение Николая Второго. М., 1990;
- Сахаров А. Н. Александр Первый. (К истории жизни и смерти). — В кн.: Российские самодержцы (1801—1917). М., 1994;
- Сахаров А. Н. Дипломатия Святослава. М., 1982;
- Семевский М. И. Царица Екатерина Алексеевна. М., 1994;
- Сивков К. В. Император Александр Второй. — В кн.: Три века. Т. 6. М., 1995;
- Соловьев С. М. История России с древнейших времен. — Соч. в 18 кн. Кн. 1—15. М., 1988—1995;
- Соловьев С. М. История падения Польши. — Соч. в 18 кн. Кн. 16. М., 1995;
- Соловьев С. М. Император Александр Первый. Политика, дипломатия. — Соч. в 18 кн. Кн. 17. М., 1996;
- Сторожев В. Н. Император Александр Первый и русский правительственный либерализм начала XIX века. — В кн.: Три века. Т. 5. М., 1994;
- Сыромятников Б. И. Законодательство императора Николая Первого. — В кн.: Три века. Т. 6. М., 1995;
- Тарле Е. В. Наполеон. — В кн.: 1812 год. М., 1961;
- Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. М., 1992;
- Твардовская В. А. Александр Третий. — В кн.: Российские самодержцы. М., 1994;
- Толстая А. А. Записки фрейлины. — В кн.: Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995;
- Троицкий Н. А. Александр Первый и Наполеон. М., 1994;
- Тютчева А. Ф. Воспоминания. — В кн.: Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995;
- Уланов В. Я. Эпоха дворцовых переворотов. — В кн.: Три века. Т. 4. М., 1992;
- Уланов В. Я. Крестьянская реформа. — В кн.: Три века. Т. 6. М., 1995;
- Чичерин Б. Н. Воспоминания. — В кн.: Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995;
- Чернуха В. Т. Великий реформатор и великомученик. — В кн.: Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995;
- Чулков Г. Императоры. М., 1993;
- Шульгин В. В. Подробности отречения. — В кн.: Отречение Николая Второго. М., 1990;
- Экземпларский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период. СПб., 1889—1891.

Рыжов К.

Р 93 Все монархи России (600 кратких жизнеописаний). — М.: Вече, 2003. — 576 с., илл.

ISBN 5-9533-0100-6

В книге, посвященной России, помещены 600 кратких жизнеописаний великих и удельных князей, царей и императоров от полупоупендарного Кия до Николая II. Яркие исторические факты и живые подробности частной жизни могущественных людей российской истории заинтригуют всех, кому небезразлична история Отечества.

**КОНСТАНТИН ВЛАДИСЛАВОВИЧ РЫЖОВ
ВСЕ МОНАРХИ РОССИИ**

Генеральный директор *Л. Палько*

Ответственный за выпуск *В. Еленский*

Главный редактор *С. Дмитриев*

Редактор *А. Карпов*

Корректоры *Н. Киселева, Б. Тумян*

Художественное оформление *О. Фирсов, О. Овчаренко*

Верстка *О. Гурина*

Гигиенический сертификат № 77.99.2.953.П.16227.11.00 от 29.11.2000 г.

129348, Москва, ул. Красной сосны, 24.

ЗАО «ВЕЧЕ» ЛР № 040410 от 16.12.1997 г.

ООО «Издательство «ВЕЧЕ 2000»

ИД № 01802 (код 221) от 17.05.2000 г.

ЗАО «Издательство «ВЕЧЕ»

ИД NN № 05134 (код 221) от 22.06.2001 г.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 27.02.2003. Формат 70x100 1/16. Гарнитура «Прагматика»
Печать офсетная. Бумага офсетная. Печ. л. 36. Тираж 10 000 экз. Заказ 713 0

Константин Рыжов

ВСЕ МОНАРХИ РОССИИ

В ваших руках впервые изданная полная энциклопедия всех властителей России: от первых легендарных князей до последнего императора династии Романовых. В этом уникальном издании собраны жизнеописания монархов, подробности их государственно-политической деятельности, яркие вехи истории государства Российского. Могущественные правители, потрясавшие весь мир, оставили неизгладимый след в мировой истории, а слабые и лукавые властители преподали горький урок будущим поколениям. Историческая память должна постоянно присутствовать в народной душе, и наше издание призвано поддержать и укрепить ее.

ISBN 5-9533-0100-6

9 785953 301008

OSE
WWW.OSEBOOK.RU